Свт. Димитрий Ростовский

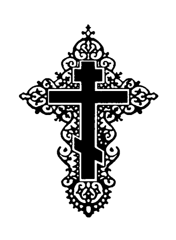
ЖИТИЯ СВЯТЫХ

I

СЕНТЯБРЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ПЕРВАЯ

СЕНТЯБРЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. — М.: «Ковчег», 2010. — 672 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-162-3

Минеи-Четьи святого Димитрия Ростовского издавна и неизменно служат излюбленным чтением для русского православного народа. Изложенные славянским языком, Минеи-Четьи в течение XVII и XIX столетий разошлись во множестве экземпляров. Печатание их продолжается доселе, и требования на них не прекращаются. Но в последние годы наряду с этими требованиями в Московскую Синодальную типографию стали поступать заявления о желании иметь Минеи-Четьи на русском языке. Число таковых заявлений с каждым годом все более и более возрастает, что служит ясным свидетельством о настоятельной потребности в таковом издании. Чтобы удовлетворить этой потребности, Управляющий Московской Синодальной типографией С. Д. Войт принял на себя заботы об издании Миней-Четьих в переложении на русский язык. Его ходатайство об этом, встретив просвещенное сочувствие и энергичную поддержку со стороны господина обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, его товарища П. И. Остроумова, увенчалось успехом, и в мае 1900 года Святейшим Синодом было разрешено Московской Синодальной Типографии приступить к первому изданию Миней-Четьих на русском языке.

Для изготовления этого обширного издания при Московской типографии учреждена Комиссия, в состав которой вошли многие духовные и светские лица, преимущественно с высшим богословским образованием[1]. Председателем Комиссии состоит преосвященный

---

[1] В Комиссии состоят следующие лица: протоиерей Смирнов П. А., священники: Арсеньев И. В., Арсеньев Н. В., Белячев М. И., Миловский Н. М., Муретов С. Д., Полозов А. А., Пятикрестовский А. М., Пятницкий П. И., Соловьев И. Р., Страхов С. В., Фудель И. И. — Господа: Богоявленский С. К., Вержболович М. О., Дорофеев В. П., Зверев А. В., Италинский А. Д., Кедров Н. И., Погожев Е. Н., Погорелов В. А., Розанов Н. П., Струженцов М. И., Труш К. А., Ушаков Д. Н. — Господа: Касаткин С. В., Молчанов С. И., Покровский А. А., Сахаров С. Н., Сергиевский Н. Ф., Соболев А. М., Ставровский С. И., Троицкий Н. И. (последние восемь принимают участие в редакционных работах).

Парфений, епископ Можайский, которому, по определению Святейшего Синода, поручена и цензура нового издания Миней-Четьих.

Согласно выработанному плану, в основу издания положен текст Миней-Четьих святителя Димитрия. Кроме того, в тех случаях, когда в Минеях только указана память святого, сведения о нем заимствуются из Пролога. Текст житий святых сопровождается разнообразными объяснительными примечаниями. В издание будут введены также жития местночтимых русских, юго-славянских и грузинских святых. Что касается русских святых, то Комиссии предстоит составить многие жития вновь, пользуясь для этого рукописями, находящимися в различных библиотеках и монастырях нашего отечества. Так как составление новых житий требует продолжительных исследований и сношений с различными учреждениями, то, чтобы не задерживать выхода в свет давно ожидаемого издания, решено печатать жития русских святых по мере их изготовления отдельными выпусками, которые потом будут соединены в особые дополнительные к четырем месяцам третные книги, а пока в очередные месячные книги войдут полные и проложные жития, находящиеся в Минеях-Четьих Димитрия Ростовского.

В выборе и обработке агиографического материала при составлении житий русских святых Комиссия пользуется указаниями профессора Московской Духовной академии и Московского университета В. О. Ключевского. В издании принимает также участие профессор того же Университета М. И. Соколов, взявший на себя труд составления житий святых русских — ростовско-ярославских и некоторых славянских святых. Редакционные же работы по изданию Миней-Четьих возложены на помощника Управляющего типографией А. С. Орлова и справщика типографии А. Н. Соловьева.

Жития и похвалы святых подобятся светлостию звезда́м: якоже бо звезды, положением на небеси утвержденны суть, всю же поднебесную просвещают, ты́яжде и от инди́ан зрятся, ни сокрываются от скифов, землю озаряют, и морю светят, и плавающих корабли управляют; ихже имен аще и не вемы множества ради, обаче светлой добро́те их чудимся. Сице и светлость святых, аще и затворе́ны суть мощи их во гробе́х, но силы их в поднебесной земными пределы не суть определенны: чудимся тех житию и удивляемся славе, еюже Бог угодившия Ему прославляет.

Симеон Метафраст

ВВЕДЕНИЕ

I

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

(Евр. 13, 7)

Повествования и записи о жизни и деяниях святых подвижников и исповедников, различными подвигами угодивших Богу, существуют в Церкви христианской с первых времен ее бытия. Начало этим повествованиям было положено святым евангелистом Лукой, описавшим в книге Деяний святых апостолов подвиги и страдания первоверховных учеников Спасителя нашего и других Его последователей. Несколько ранее этого святой апостол Павел в одном из своих Посланий дал христианам заповедь поминать своих наставников, запечатлевших веру во Христа своею жизнью и мученическою смертью. Следуя примеру боговдохновенного повествователя и соблюдая заповедь первоверховного апостола, христиане всегда тщательно сохраняли сведения о жизни и деяниях святых.

Первыми по времени были записи и сказания о святых мучениках. В деле распространения и утверждения христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, кои мужественно шли на смерть за свою веру, так сильно действовали на сердца язычников, что нередко сами мучители, видя безропотность своих жертв, обращались к христианству. Таким образом, кровь христианских мучеников была, по выражению Тертуллиана, семенем новых христиан. Точно записывая дни кончины святых мучеников, христиане собирались в эти дни для празд-

нования их памяти. «Замечайте дни, — писал своему клиру святой Киприан Карфагенский, — в кои умирают исповедники Христовы, чтобы мы имели возможность праздновать памяти их вместе с памятями мучеников». С этой целью в Церкви христианской были особые писцы, которые записывали все, что происходило с христианами в темницах и судилищах. Таковых писцов, как известно, во время первых же гонений на христиан поставил в различных округах Рима святой Климеин. Несмотря на то, что языческое правительство угрожало этим писцам смертной казнью, записи продолжались беспрерывно во все время гонений на христиан[1]. Эти записи, в которых, можно находить иногда подробные сведения о вопросах судей-мучителей и ответах на них страдальцев, известны под названием мученических актов. Среди таких актов встречаются целые судебные дела, составленные во время самого суда над мучениками. Это копии с официальных судебных протоколов, которые христиане за дорогую цену приобретали у язычников. Дни кончины мучеников праздновались не только в тех церквах, к коим принадлежали сии мученики, но и во всех других, так как христиане каждой церкви о

[1] С давних времен принято считать, что всех гонений на христиан было десять, именно со стороны следующих императоров: Нерона (54–68), Домициана (81–96), Траяна (98–117), Марка Аврелия (161–180), Септимия Севера (193–211), Максимина (235–238), Декия (249–261), Валериана (253–259), Аврелиана (270–276) и Диоклетиана (284–305). На самом деле общих, повсеместных гонений было меньше десяти, а частных и случайных гораздо больше. Причину гонений все древние христиане видели в злобе диавола, который боролся с христианскою Церковью и старался гонениями на христиан, как одним из наиболее действенных средств, остановить ее распространение. Этот взгляд высказал в своей «Истории» Евсевий Кесарийский. Что касается Римского государства, то, с его точки зрения, причин для гонения на христиан было множество. Христиане были оскорбителями цезарского величества, отказываясь чтить императорские изображения возлияниями и курениями; они были отступниками от государственных божеств и исповедниками недозволенной законом религии. Чудесные исцеления язычники считали делом запрещенной законом магии. Христианство являлось полным отрицанием языческого строя: религии, государства, быта, нравов, общественной и семейной жизни. Императоры и правители считали христиан заговорщиками и мятежниками, колеблющими основы государства и общества; жрецы возбуждали вражду против них, так как христиане подрывали доверие к ним: люди образованные, почитавшие науку и искусство, видели в христианстве дикое и опасное суеверие; необразованная чернь, слепо привязанная к идолам и языческим праздникам, почитала христиан за безбожников и с усердием помогала выполнению кары и языческого закона над ними.

мучениках, среди них пострадавших, извещали другие церкви. Так церковь Смирнская, в коей принял мученическую кончину святой Поликарп, отправила послание об этом церкви Филадельфийской и просила передать это послание другим церквам. Описания страданий святых мучеников пользовались большим уважением. Они были читаемы в церковных собраниях вслед за Священным Писанием. Как можно заключить из мученических актов святого Игнатия Богоносца, обычай этот уже существовал во II веке. В древнем житии мученика Евстратия указано и время чтения страданий святых — именно на утрени после пения псалмов. А в 418 году Карфагенский собор постановил правило — в дни памяти мучеников читать в церкви об их страданиях.

Когда гонения на христиан прекратились и Церковь Христова заняла в государстве господствующее положение, в ней явились заботливые и благоразумные люди, поставившие себе целью собрать воедино все записи и повествования о мучениках. Первым из таковых собирателей был *Евсевий Памфил*, епископ Кесарийский[1]. Он сначала собрал жития мучеников Палестинских, пострадавших при императоре Диоклетиане. Затем, по преданию, он обратился к Константину Великому с просьбой выписать из всех судебных учреждений Греко-Римской империи мученические акты. По императорскому указу все подобные дела были высланы Евсевию, и он, на основании этих актов, составил «Собрание древних мученичеств». Сборник содержал в себе сказания о мучениках, епископах, исповедниках, святых женах и девах по всем епархиям. Он состоял, по мнению одних, — из двадцати, а по свидетельству других — из шестнадцати книг. Но уже в начале VII века сборник Евсевия был такой редкостью, что списков с него не могли найти ни в Александрийской, ни в Римской Церквах. Неудивительно после этого, что труд Евсевия в целом своем составе до нас не дошел, и только некоторые

[1] *Евсевий* (268–340), долгое время занимавший епископскую кафедру в Кесарии Палестинской и близко стоявший ко многим великим событиям своего времени, известен как отец церковной истории и вообще богослов, сочинения которого высоко ценились в христианской Церкви. Он отличался обширной ученостью, на что имел большое влияние друг Евсевия, пресвитер Кесарийской Церкви Памфил. Дружба их была такая тесная и искренняя, что в память о своем друге Евсевий присоединил его имя к своему и стал известен под наименованием Евсевия Памфила.

его части можно находить у других писателей. По всей вероятности, книга Евсевия вскоре после своего появления была распространяема и дополняема следующими собирателями и составителями житий, так что скоро потеряла свой первоначальный вид и имя первого своего составителя. Кроме того, ввиду трудности и дороговизны переписки всей книги Евсевия, ее разделяли на части, каковые и встречаются в более поздние времена в письменности разных стран. Кроме Евсевия, в деле собирания воедино житий святых известен святой Маруфа, епископ Месопотамский. Он описал страдания мучеников, пострадавших в Персии, с историческою точностью. «Что касается, — говорит святой *Маруфа*, — мучеников, коих все муки, приговоры и смерть я описал, то при некоторых из них сам я был очевидцем, так как они пострадали в мое время. Историю же более ранних мучеников я писал по повествованию престарелых епископов и правдолюбивых, стоящих доверия пресвитеров, которые сами были очевидцами деяний мучеников, совершившихся в их время».

Распространив и утвердив Свою Церковь кровью мучеников, засвидетельствовавших мужественным терпением и бесчисленными страданиями истину своей веры[1], Господь наш Иисус Христос указал и другие способы ко спасению и прославлению Его последователей. После жестоких гонений, колебавших, но не погубивших Церковь Христову, Господь даровал ей мир и спокойствие и в это время явил в ней новых Своих угодников. Среди христиан воссияли великие подвижники, прославившиеся кто учением и проповедованием слова Божия, кто святостью своей жизни и наставлением других в добродетелях, кто постом и добровольным умерщвлением тела и страстей, кто другими различными трудами и деяниями. Как страдания мучеников христианских были тщательно и подробно описываемы, так и труды новых подвижников не оставлены были в забвении. Появился новый ряд церковных повествований об угодниках Божиих. Эти повествования мы находим, кроме некоторых церковно-исторических сочинений, в различных более или менее кратких сборниках, каковы патерики, синаксари и тому подобное[2]. Ряд греческих патериков, ко-

---

[1] По-гречески мученик называется μάρτυς, что значит *свидетель* (за истину), отчего записи о мучениках носят названия *мартирологов*.

[2] *Патерик* (πατερικόν — подразумевается βιβλίον) по-русски значит *отечник*, то есть книга отцов или об отцах. Так называются сборники, состоящие из крат-

торые ходили под общим названием πατερικα, γεροντικα, μοναχικα βιβλια, составился в продолжение XV—XI веков. Наиболее известные из них: 1) *Великий Лимонарь*[1] Египетский, до нас не сохранившийся, из которого произошли патерики Скитский и Азбучный (изречения святых старцев); 2) *Лавсаик*, повествующий о Египетских подвижниках, жития коих описал в V веке очевидец епископ Палладий для правителя Каппадокии Лавса; 3) *История боголюбцев*, то есть сирийских подвижников, составленная Феодоритом Кирским († 457 г.); 4) *Собеседование* (или *Диалог*), содержащее повествования о жизни и чудесах Италийских подвижников, написано около 593 года святым Григорием Великим, который был назван по этому труду Двоесловом, и через сто шестьдесят пять лет после того переведено с латинского на греческий язык; 5) *Луг Духовный*, заключающий в себе изречения, чудеса и подвиги преподобных отцов Палестины, Египта и Сирии, собранные монахом Иоанном Мосхом († 622 г.).

Все перечисленные памятники — акты мученические, сборники сведений о подвижниках и другие — и послужили основанием для месяцесловов, синаксарей и *Миней-Четьих*, то есть расположенных по месяцам чтений о жизни и подвигах святых. Из греческих месяцесловов и синаксарей известны следующие: 1) *Месяцеслов*, составленный по воле императора Василия (в X–XI вв.); 2) *Петров Синаксарь*, по составу древнее Месяцеслова Василия (старшая рукопись 1249 г.); 3) *Кларомонтанский Синаксарь* XI–XII века, близкий по составу к Петрову Синаксарю. Кроме того, было два вида стишных синаксарей, названных так потому, что в них перед каждым сказанием находились два или три стиха в честь святых. Стишные синаксари составлены в XII–XIII веке на основании упомянутых нестишных. По свидетельству Феодора Студита, в конце VIII века в Церкви христианской уже существовало двенадцать книг Миней-Четьих. Содержание их было разнообразное. Кроме житий, в них стали вносить слова знаменитейших отцов Церкви на великие праздники. Не-

---

ких повестей о подвижниках или из нравоучительных слов их. — *Синаксарь* (от греческого συνάγω — собираю, свожу) — сборник для чтения на церковных собраниях христиан, содержащий в себе краткие рассказы о подвигах святых и о страданиях мучеников, а также целые жизнеописания, позже получившие название *пролога*.

[1] *Лимонарь* — от греческого слова λειμών — луг, пажить.

которые мученические акты или древние сказания о подвижниках начали переделывать в похвальные слова. Кроме того, некоторые древние жития стали излагать новым, более изящным и красивым слогом.

В этом последнем роде произведений всех превзошел своими трудами известный *Симеон Метафраст*. По поручению императора Константина VII[1], он должен был, насколько это было возможно, собрать все древние жития и расположить их по месяцам и числам. Движимый великой ревностью к славе святых подвижников, Симеон не только собрал повествования о них, но многие из них переработал, отчасти сократил и, что важнее всего, старинную, тяжелую и во многом неудобопонятную речь заменил современным ему чистым и лучшим слогом[2]. Переработанных Симеоном житий некоторые насчитывают около пятисот. Кроме того, сто двадцать два жизнеописания составлены им вновь. К житиям святых Метафраст присоединил похвальные и поучительные слова на праздники Господни, Богородичные и некоторых святых, избранные из творений великих отцов и учителей Церкви.

II

Как в древней христианской, так и в Русской Церкви строго соблюдался обычай чтения житий святых во время церковного Богослужения. Более употребительным было чтение на утрени, по шестой песни канона, вслед за кондаком и икосом, с коими краткое житие проложное имело весьма близкое родство[3]. Вследствие этого,

[1] Император Константин VII царствовал с 912 по 959 год и отличался любовью к ученым трудам. При нем в 957 году в Константинополе приняла святое крещение великая княгиня Ольга.

[2] За это Симеон и получил наименование Метафраста, что значит: пересказчик, перелагатель. Симеон родился в Константинополе, получил высшее светское и богословское образование, состоял секретарем при императоре, исполнял важнейшие дипломатические поручения, был великим логофетом Константинопольской церкви, патрицием и магистром империи. В Греческой Церкви Симеон Метафраст причтен к лику святых.

[3] *Кондак* — кратко передает в повествовательной форме основные черты деятельности святого; *икос* на основании этих черт излагает похвалу святому, начиная каждую черту возгласом: «радуйся». Древнейшие жития русских святых по своему построению суть распространенные кондаки и икосы.

в Русской Церкви весьма рано уже существовал Пролог в славянском переводе. Первоначально он носил название синаксаря, затем по первой своей статье — πρόλογος, то есть предисловие — был назван *прологом*. Прологов славянских было три вида. В основании первого лежит греческий месяцеслов императора Василия, дополненный во второй половине XI века Студийским иноком Илиею (памяти из Петрова синаксаря) и Константином, митрополитом Мокисийским (шестьдесят пять пространных сказаний). Второй вид пролога был составлен у славян на основании первого и древних Миней-Четьих. Третий — *стишный*, переведен в XIV веке с древнейшего вида греческого стишного Пролога[1].

Славянский перевод Миней-Четьих надо относить также к первым векам славянской письменности. Правда, от этого времени не сохранилось всех двенадцати книг Миней-Четьих: именно — от XI века дошла одна мартовская книга в юго-славянском списке, от XII же века — отрывок майской[2]. Но на основании списков XV века (XIII и XIV веков нет), кои повторяют очень древние, следует думать, что в X–XI веках славяне имели полный перевод Миней-Четьих за все двенадцать месяцев. Славянский перевод сделан был с Миней греческих, подвергнувшихся незначительному влиянию переработок Метафраста.

---

[1] Самые древние списки первого вида следующие: 1) *Лобковский* (в библиотеке Московского Единоверческого монастыря), содержащий в себе сентябрьское полугодие; его относят к 1262 году; 2) *Софийский* (в библиотеке Петербургской Духовной академии) написан до 1250 года, содержит также сентябрьскую половину; 3) *Типографский* (в библиотеке Московской Синодальной Типографии) XIII–XIV века, содержит в себе сказания и памяти с 24 марта по 25 августа. Наибольшее собрание (более 30 №№) славянских пергаменных прологов находится в той же библиотеке Московской Синодальной Типографии. Древнейший список второго вида — *типографский* XIV века; древнейший список стишного Пролога — *сербский* 1370 года (в библиотеке Московского Единоверческого монастыря). Печатный Пролог был составлен по всем трем вышеупомянутым видам. Первое его издание вышло в 1641 году — одно сентябрьское полугодие; полностью Пролог издан впервые в 1642–1643 годах. В печати он был подвергнут несколько раз исправлениям и дополнениям.

[2] Минея XI века — месяц март — найдена в Супрасльском монастыре близ города Белостока Гродненской губернии и потому называется обыкновенно «Супрасльской рукописью»; Минея XII века — месяц май — находится в библиотеке Московского Успенского собора.

Очень рано появились в славянских переводах патерики. В славянских рукописях большей частью употребляется название патерика Скитского безразлично для патериков различного состава, хотя Лимонарь в большинстве случаев называется патериком Синайским, или Цветником. Русские рукописи патериков Синайского и Скитского относятся уже к XII–XIII векам и были известны многим писателям XIII века. С XVI века патерики сохранились во множестве списков и имели большое употребление. Впервые на Руси патерик — Луг Духовный был издан в 1628 году. Собеседование святого Григория Двоеслова было переведено в 1671 году Симеоном Полоцким.

В глубокой древности были переведены с греческого языка на славянский *торжественники* (βιβλία πανηγυρικά). Они делятся на два вида. Первый — *Минейный* — в порядке своих статей примыкает к Месячным Минеям, именно статьи его расположены в порядке праздников по месяцам и числам всего года, начиная с сентября. Этот вид содержит похвальные слова на Господские и Богородичные праздники, жития святых и сказания о происхождении праздников и церковных торжеств. Второй вид торжественников — *Триодный* — имеет статьи, расположенные по порядку Триодей Постной и Цветной, то есть по неделям, с Недели мытаря и фарисея до Недели всех святых. Большую часть статей этого вида составляют поучения, применительно к значению недели, и несколько похвальных слов. Переведенный в Болгарии Минейный торжественник перешел на Русь весьма рано, ибо имеется русский список его уже XII века. История изменений Минейного торжественника на Руси сводится главным образом: 1) к уменьшению греческих житий, 2) к пополнению русскими статьями, 3) к слиянию с Триодным торжественником. В XVIII веке, по образцу древних Минейных торжественников, был составлен новый, отчасти на основании печатных прологов и Евангелий. Торжественник Триодный также был переведен в Болгарии. Изменение торжественника этого рода на Руси сводится: 1) к дополнению словами Кирилла, епископа Туровского (XII в.), и 2) к внесению в XV веке слов Григория Цамблака (старшая рукопись в библиотеке гр. Уварова 1473–1477 гг.[1]).

---

[1] Триодный торжественник был издан в 1647 году («Книга, глаголемая Соборник»). В 1700 году это издание было исправлено с греческих и славянских книг.

В то же время с постепенным возрастанием Церкви Русской постепенно умножались и жизнеописания русских святых. Первыми составителями таковых были: Иаков Черноризец (Мних) (1074–1088), коему принадлежит житие святых Бориса и Глеба, и преподобный Нестор, написавший два сказания — одно о святых Борисе и Глебе, а другое — о преподобном Феодосии Печерском.

В письменности XV века появляется *Печерский патерик*, составленный в подражание патерикам греческим[1]. Он представлял собой собрание кратких, исполненных чудес, повестей о подвижниках Печерского монастыря и о самом монастыре. В основу патерика положены повести епископа Владимирского Симона[2] и монаха Печерского монастыря Поликарпа. Четырнадцать сказаний Симона написаны в форме послания к Поликарпу. Девять из них повествуют о чудотворцах Печерских и пять — о чудесах, сопровождавших построение главной Печерской церкви. Собрание сказаний Симона по его же рассказам дополнил Поликарп, написавший одиннадцать повестей также в форме послания к архимандриту Печерскому Акиндину. К этим основным частям патерика присоединены впоследствии вместе с некоторыми позднейшими статьями и произведения более раннего времени: поставленное во главе патерика житие преподобного Феодосия, написанное Нестором, и сказания, «что ради прозвася Печерский монастырь» и о первых черноризцах Печерских, взятые из Начальной летописи и приписанные в патерике тому же Нестору, но составленные каким-то постриженником и учеником преподобного Феодосия, вероятно, Сильвестром, который был потом игуменом Михайловского монастыря в Киеве. Многочисленность дошедших до нас списков Печерского патерика свидетельствует, что он был любимой книгой наших предков[3].

---

[1] Лугу Духовному, Лавсаику, Азбучному патерику и др. Древнейшая рукопись Печерского патерика — 1406 года; она была списана для Арсения, епископа Тверского, и ныне хранится в Императорской Публичной Библиотеке.

[2] *Святой Симон*, монах Печерского монастыря, игумен Рождественского монастыря во Владимире, с 1215 года — епископ Владимирский и Суздальский, скончался в 1226 году. Мощи его почивают в Киевских пещерах; память его — 10 мая.

[3] Во время своего многовекового существования Киево-Печерский патерик подвергался многочисленным переработкам, исполненным деятелями Печерской лавры. Наиболее важные из них: 1) в 1460 году статьи его были дополнены и приведены в порядок повелением клирошанина, а затем уставника Печерского монастыря, Кас-

Жития русских святых сначала имели преимущественно характер записи, или «памяти», о святом. Это был сухой сжатый рассказ, лишь изредка оживляемый речью действующего лица или заимствованием из Библии. Но с умножением переводных греческих житий и особенно под влиянием церковно-ораторских произведений, каковы похвальные слова и поучения на праздники святых, с XV века жития русских святых получают новый вид. Первым из таковых произведений было житие святого Петра митрополита, составленное святителем Киприаном. «Праведнику подобает похвала, — говорит составитель в предисловии к житию, — и я, привлекаемый любовью к пастырю, хочу малое некое восхваление принести святителю». При таком взгляде на жизнеописание святого, как на похвальное ему слово, Киприан прежнее житие святителя Петра нашел слишком простым и сухим, не отвечающим такой задаче. Поэтому он написал вновь более подробное и витиеватое житие, закончив его торжественным похвальным словом святителю. Это новое направление в области житий русских святых еще более утвердил и развил инок Епифаний[1]. В составленных им житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского в обилии употреблены ораторские приемы и дан простор «добрословию», или красноречию. Наиболее же видным деятелем в составлении житий русских святых был Пахомий Логофет[2].

сиана; 2) в 1847–1866 годах патерик был переработан и дополнен летописными статьями повелением архимандрита Киево-Печерской лавры Иосифа Тризны; 3) в 1661 году, по благословению Иннокентия Гизеля, архимандрита той же Лавры, он был напечатан; этот вид патерика представляет собой ряд вполне законченных житий Печерских подвижников, почему послания и повествования древнего патерика были разделены на части, заключающие сведения о том или другом подвижнике, и взаимно восполнены; 4) но ранее русского издания 1661 года Киевский патерик был издан в сокращенном виде по-польски Сильвестром Коссовым, епископом Мстиславским, Ошанским и Могилевским, в 1635 году, согласно желанию митрополита Петра Могилы, с целью противодействовать латинопольским писателям, которые возражали против святости печерских подвижников и утверждали, что Киев просветился христианской верой от папы, а не от восточных патриархов.

[1] *Епифаний Премудрый*, ученик преподобного Сергия, жил в конце XIV — начале XV века; был в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме; скончался в 1420 году в сане иеромонаха и духовника Троице-Сергиевой лавры.

[2] *Пахомий* был родом серб, инок Афонской горы, появился в Москве около 1440 года. Двадцать лет провел в Троицкой лавре, где работал над составлением житий и списыванием книг. Архиепископ Новгородский Иона вызывал его к себе для составления житий новгородских святых.

В церковном мире современной ему Руси он считался представителем книжной учености, всех превзошедшим разумом и мудростью. Поэтому и великий князь, и митрополит, и Новгородский владыка, и игумен Троице-Сергиева монастыря — все обращались к Пахомию с просьбой написать о том или другом святом. В своих произведениях Пахомий установил ту однообразную литературную форму жития, которой потом много подражали русские «списатели» житий.

Новую эпоху в истории русской агиографии составляет деятельность митрополита Макария[1]. Его время было вообще обильно новыми житиями русских святых. Это обилие объясняется канонизацией многих святых на Соборах 1547 и 1549 годов. После первого из этих Соборов епархиальные архиереи собрали жития, каноны и чудеса новых великих чудотворцев и, освидетельствовав их на Соборе 1549 года, установили по этим житиям и канонам праздновать многим новоявленным русским святым. Но главным делом Макария были его Великие Минеи-Четьи. Будучи еще Новгородским архиепископом, Макарий принял на себя труд собрать всю духовную письменность своего времени или, говоря его собственными словами, «все книги чтомые, которые в Русской земле обретаются». Об этом своем труде так говорит сам Макарий: «Писал есми сия святые великие книги в Великом Новгороде, как есми там был архиепископом, а писал есми и собирал и во едино место их совокуплял дванадесят лет[2], многим имением и многими различными писари, не щадя

---

[1] *Макарий* (1482–1564) — митрополит Всероссийский, ученик преподобного Пафнутия Боровского, в 1526 году из архимандритов Можайского Лужецкого монастыря поставлен был архиепископом Новгородским, а в 1542 году возведен на престол митрополита Московского. Он пользовался любовью Иоанна Грозного и уважением всех своих современников, к какой бы партии они ни принадлежали. Макарий занимает видное место в истории Русской Церкви и литературы. Важнейшие события в его управление Московской митрополией: 1) церковные Соборы 1547 и 1549 годов, 2) Стоглавый собор 1551 года и 3) открытие в 1563 году первой типографии в Москве. Для собирания древних и составления новых житий русских святых Макарий собрал вокруг себя многих деятелей, среди которых и сам был не только руководителем и редактором, но и ревностным сотрудником.

[2] То есть 1529–1541 годы. Приводимые здесь слова Макария находятся в так называемом Летописце, приложенном к Минеям. Из того же Летописца видно, что один из епископов Миней внесен в Успенский собор в 1552 году и, вероятно, около этого времени был окончен. Полагают поэтому, что составление Миней продолжалось по крайней мере двадцать лет.

сребра и всяких почестей, но и паче же многи труды подъях от исправления иностранских и древних пословиц, переводя на русскую речь, и сколько нам Бог дарова уразумети, толико и возмогохом исправити, иная же и доднесь в них неисправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божиею помощью исправити». В Москве Макарий пополнил свой сборник значительным количеством произведений, не входивших в первоначальный новгородский его состав.

Содержание Макарьевских Миней-Четьих весьма разнообразно. В них под каждым числом помещаются два пролога[1], содержащие в себе краткие сведения о житии или мучении святого, о дневном празднике и разные мелкие статьи назидательного чтения, к дневному празднику не относящиеся; затем помещены подробные жития святых, повествования об открытии мощей, ранее существовавшие в многочисленных сборниках или отдельно, слова похвальные и торжественные, помещавшиеся в особых сборниках, именуемых торжественниками. Кроме этого, в Макарьевских Минеях помещены и другие известные тогда произведения духовной литературы, большая часть книг Священного Писания, многие творения святых отцов, а также славянских и русских иерархов и духовных писателей, патерики (между ними и Киево-Печерский) и тому подобных[2]. Вообще это была полная энциклопедия тогдашней русской духовной образованности.

В 1600 году в Московском Чудовом монастыре окончены составлением Четьи-Минеи, в тринадцати книгах, «занеже ноябрь месяц росплетен надвое». В настоящее время сохранилось лишь одиннадцать книг. Содержание их так определено во введении к каждому

---

[1] Второй вид пролога, составленный у славян, и стишный.

[2] Из числа известных списков Макарьевских Миней главнейшие следующие: 1) *Царский*, поднесенный Макарием царю Иоанну Грозному и хранившийся, вероятно, первоначально в царских палатах, находится в Московской Синодальной библиотеке. 2) *Успенский*, данный Макарием в Успенский собор, находится там же; 3) *Софийский*, данный Макарием в Новгородский Софийский собор в 1541 году, находится в библиотеке Петербургской Духовной академии. Из этих списков совершенно полный только один — именно Успенский. В царском недостает марта и апреля, а в Софийском только семь месяцев (сентябрь — ноябрь, февраль, май — июль). Макарьевские Минеи издаются ныне Археографической Комиссией при Министерстве Народного Просвещения.

месяцу: «А в них писаны праздничные слова и пророческие проповеди, и апостольские мучения и похвалы, и всех святых жития, и мучения святых мученик и святых мучениц, и жития и подвиги преподобных и богоносных отец, и святых преподобных жен страдания и подвиги, и с новыми чудотворцы, в них же и патерик Киевские печеры, да иных книг...» Среди последних, между прочим, помещены Патерик Синайский и Римский Беседовник папы Григория Великого. От Четьих-Миней митрополита Макария Чудовские отличаются отсутствием прологов и меньшими заимствованиями из торжественников; есть и новые статьи, не внесенные в сборник Макария.

Столетием, позже Макарьевских Миней, в 1627–1632 годах, составлены Минеи-Четьи монаха Троице-Сергиева монастыря Германа Тулупова. В состав их вошли почти исключительно жития и сказания о русских святых. Почти в то же время над Минеями трудился священник Христорождественской церкви в Сергиевом Посаде Иоанн Милютин. С тремя своими детьми он в продолжение восьми лет (1646–1654 гг.) переписывал жития святых. «Писах же, — говорит он в предисловии, — с монастырских Миней-Четий», то есть с Миней Троицкой лавры, составленных Германом Тулуповым. Некоторые дополнения сделаны по печатному Прологу 1642–1643 годов. Иоанн Милютин не просто собирал статьи, но и перерабатывал их. В его Минеях есть немало статей и житий русских святых, кои не находятся в Минеях Макарьевских. В послесловии к каждому месяцу помещено следующее четверостишие: «Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота неосяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема»[1].

III

Тогда как в северной Руси памятники древней письменности и между ними жизнеописания святых сохранялись невредимо, церковь Южно-Русская вследствие нашествий татарских, а также польских и литовских разорений лишена была многих драгоценных духовных книг, а вместе о ними и житий святых. Поэтому любителям

[1] Чудовские и Милютинские Минеи хранятся в Московской Синодальной Библиотеке, а Тулуповские — в библиотеке Троице-Сергиевой лавры.

душеспасительного чтения приходилось здесь довольствоваться западными мартирологами, переведенными на польский язык и во многом несогласными с духом Православия. Желая устранить такие горестные неудобства, Киевский митрополит Петр Могила[1] был весьма озабочен изданием житий святых на славянском языке. Для этой цели он задумал сделать новый перевод греческих жизнеописаний и уже выписал с Афонской горы жития Симеона Метафраста. Но преждевременная кончина знаменитого киевского первосвятителя не дала ему совершить задуманный труд. После него с большим усердием заботился об издании житий святых архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель[2]. В дополнение к материалам для этого труда, приготовленным уже Петром Могилой, Иннокентий попросил у Московского патриарха Иоакима великие Минеи-Четьи Макария, первые три месяца коих и были ему высланы. Но по причине военных смут того времени, не позволявших спокойно заниматься учеными делами, и Иннокентию не суждено было совершить это великое дело. Его преемник архимандрит Варлаам[3], вполне сочувствуя предположенному изданию житий святых, приложил все старания к его осуществлению. Он не решился, однако, принять этот труд на себя, а стал искать человека, более к этому способного и менее отвлекаемого другими делами. Выбор его пал на инока Батуринского Крупицкого монастыря Димитрия (в миру Даниила Туптало) и составил эпоху в истории русской агиографии.

Даровитый и необыкновенно трудолюбивый и скромный студент Киевского училища, военными обстоятельствами времени вынужденный покинуть его до окончания курса, Димитрий в ранней молодости принял монашество. Рано выйдя из школы, он сохранил живую связь с религиозным настроением народа, чутко по-

---

[1] *Петр Могила* (1596–1647), сын господаря Молдавии и Валахии, в 1627 году был избран Киево-Печерским архимандритом, а в 1633 году посвящен в сан митрополита.

[2] *Иннокентий Гизель*, родом из Пруссии, в молодости переселился в Киев, принял Православие, был потом ректором Киевского училища, а с 1656 года до своей смерти архимандритом Киево-Печерской лавры.

[3] *Варлаам Ясинский*, воспитанник Киевского училища и затем его ректор и настоятель Киевской лавры, был человек ученый. В 1690 году он был посвящен в сан митрополита Киевского.

нимал его духовные нужды. При наклонности к уединению и созерцательном направлении духа, при горячей любви к научным занятиям, Димитрий нашел в монастыре достаточно досуга для самостоятельного довершения начатого в школе образования и для обработки своих прекрасных дарований. Когда архимандрит Варлаам обратился к нему с своим предложением, Димитрий был уже знаменитым в Западной Руси проповедником, которого наперерыв звали к себе епископы и монастыри, чтобы послушать его задушевного слова.

Димитрий приступил к возложенному на него труду, как начинал он всякое важное дело, с самоотверженным воодушевлением и с недоверием к своим силам. «Нача трудолюбец, — писал о нем архимандрит Варлаам, — аще и по долгом смиренномудром отрицании, возложив надежду на помощь Божию и на молитвы Пречистыя Живота Матери и всех святых, врученное ему дело совершати». Из повествования самого Димитрия видно, что он иногда до заутрени просиживал за работой, продолжавшейся и во сне, в знаменательных видениях[1].

Святой Димитрий приступил к своему великому труду в 1684 году. В 1685 году совершилось окончательное подчинение Киевской митрополии, до этого времени находившейся в зависимости от патриарха Константинопольского, Московскому патриарху. Последний тотчас же потребовал, чтобы все важнейшие действия иерархические и ученые предприятия в Киевской митрополии происходили не иначе, как с его благословения. Ввиду этого, когда для святого Димитрия потребовалась следующая четверть Макарьевских Миней (месяцы: декабрь, январь и февраль), архимандрит Варлаам, прося патриарха выслать эти книги, дал обещание представлять ему на благословение и пересмотр новые жизнеописания святых. Вскоре, однако, патриарх потребовал выслать Минеи назад. Отправляя требуемые книги в Москву с нарочным, святой Димитрий послал патриарху следующее письмо (1688 г.):

«Пред святительство ваше, отца и архипастыря нашего, и аз овча пажити твоея, аще и последнейший, и нималоже знаемый, этим худым писанием моим (понеже сам собою не возмогох) прихожду и к стопам святых твоих ног припадаю, да сподоблюся у святейшаго ми

[1] См. в этой книге житие святого Димитрия 21 сентября.

Архипастыря знаемый и глашаемый быти по имени... Святительство ваше... изволил писати о книгах.... Тыи книги в монастыре Батуринском в моих недостойных руках доселе бяху держимы и со вниманием чтомы. От них же многую приемши пользу и согласившися со святых житиями, в них написанными, отдаю оныя святыне вашей с благодарением и извествую, яко в послушании святом, от Малороссийския Церкви мне врученном, с Божиею помощию потрудившися, по силе моей в немощи совершающейся преписующи от великих блаженного Макария, митрополита Московскаго и всея России, книг и от иных християн историков, *написал житий святых месяцев шесть*, начав от септемвриа перваго числа до февраля последняго числа, согласующися со святыми теми великими книгами во всех историях и повестях и деяниях, святыми содеянных, в подвизех их и страданиях. И уже написанныи тыи святых жития чтомы бяху по большей части и рассуждаемы от некоторых благородных людей, а наипаче во святей лавре Печерстей. Ныне же, належащу многих благоволению и желанию, хотех бы, к душевной христианом пользе, *типом издати*, к чесому наипаче возбуждаем есмь частыми писании от преподобнейшаго архимандрита Печерскаго. *На таковое убо дело*, Церкви Божией (якоже мню) не непотребное, *вашего* верховнейшаго архипастырского *ищу благословения*. Да тем вашим архипастырским благословением управляемый, наставляемый и пособствуемый, возмогу предлежащее ми дело добре совершити, рассуждению церковному вдая и типом издая оные шесть написанные месяцы, яже егда Божиею помощию и благословением вашим архипастырским совершатся и издадутся, то (аще Господь восхощет и живы будем) и на прочие простремся и вашему святейшеству челом бити станем и о других святых книгах».

Ответа на это письмо, однако, не последовало. Тогда в следующем, 1689 году Киевская лавра приступила к печатанию первой четверти Миней-Четьих и в том же году его окончила, приняв издержки и ответственность на себя. Вопреки обещанию, архимандрит Варлаам не посылал патриарху приготовленных к изданию рукописей, а предоставил окончательное их рассмотрение себе и соборным старцам. Патриарх немедленно отправил обличительную грамоту, в коей выразил неудовольствие за напечатание книги без его рассмо-

трения и благословения, указал несколько ошибок в издании и велел заменить те листы, на коих оказались ошибки, другими исправленными и впредь без его разрешения других книг Миней-Четьих не печатать. Эти упреки, впрочем, относились только к издателям. Что же касается составителя Миней, то в конце того же 1689 года он лично получил от патриарха благословение продолжать свой труд. А в следующем, 1690 году Варлаам, уже митрополит Киевский, привез Димитрию из Москвы благословение и похвальную грамоту от нового патриарха Адриана. В своем благодарственном ответе святой Димитрий просил патриарха выслать ему вновь Минеи Макарьевские за декабрь, январь и февраль. «Аще бы изволил архипастырство ваше, — писал он, — согласия ради пишемых нами святых житий, тыя же святыя книги триех реченных месяцей на время к моему недостоинству повелети прислать, потщался бых, помощию Божиею, *приседя им нощеденственно*, почерпсти многую пользу и ту в мир типом издати».

Получив просимые книги, святой Димитрий вскоре приготовил к изданию вторую четверть Миней (декабрь, январь и февраль) и 9 мая 1692 года сам привез ее в типографию Киево-Печерской лавры. Но книга вышла в свет только в феврале 1695 года. Причиной такой медленности был, вероятно, внимательный пересмотр этих книг митрополитом Варлаамом. Кроме того, сам составитель, получив из Данцига «книги Болланда», желал сличить с ними приготовленный к печати текст и тщательнее его обработать. В предисловии ко второй четверти Четьих-Миней святой Димитрий исправил некоторые сомнительные места и погрешности первой.

Книги были отправлены в Москву к патриарху, коему святой Димитрий при этом между прочим писал, что приносит книгу во знамение благодарения за превысокую милость архипастыря, благоволившего письменным благословением ободрить «недостойного» составителя, чтобы он потщился исполнить возложенное на него послушание, трудясь по силе над писанием житий святых и «подавая пишемое мною церковному рассуждению, изряднее же богомудрому архиерею преосвященному митрополиту Киевскому Варлааму. Благословение же то ваше архипастырское, — писал далее святой Димитрий, — дерзнух и в эту книгу новую вложити ради

лучшаго ее украшения и несумнительного вероятия чтомым в ней святым чудесным деяниям, от святаго Симеона Метафраста и иных многих историографов собранным». Такового же благословения святой Димитрий испрашивал у патриарха и на следующую, третью часть книги с тем, чтобы митрополит Киевский Варлаам «прочитовал рассудительне та, яже аз грешный имам, Господу поспешествующу, благословением вашим архипастырским, написати, якоже и первые две тримесячные книги он прочитовал есть, и о сем благоволи святейшество ваше к его преосвященству особно писать. К предлежащему же мне делу и великих Миней-Четьих блаженнаго Макария, митрополита Московского и всея России, в соборной кафедральной вашего святейшества церкви обретающихся, триех месяцей — марта, апреля, мая, — зело требуя, покорственно молю, повели святейшество ваше послати ко мне тех на время, якоже первые месяцы посылаеми мне бяху, согласия ради пишемых святых житий».

После этого святой Димитрий получил новую одобрительную грамоту от патриарха Адриана, который писал: «Молим Господа, да и *прочее шестимесячие* пособствить всем вашея любви сыновской в каковом-либо образе труждаяся благосмотрением совершити и в конец богоугодное и Церкви полезное дело это привести, тем же и благословение на то паки и паки даем. Ты же яко сын Церкве и нашея мерности христианом ради общия пользы и нашего прошения потщися... в вечную славу и в память вечную зачавших оныя испервa, ибо желаем, да во здравости и благоугождении и благополучии... совершенныя лета поживеши и сподобишися на небе во святых богоопределенном лике стати пред Господом». Обрадованный и ободренный Димитрий начал готовить к изданию третью четверть Миней-Четьих, которая и была напечатана в 1700 году. Последняя четверть была окончена уже в Ростове, среди великих архипастырских трудов, и в сентябре 1705 года вышла в свет.

В состав Миней-Четьих святителя Димитрия, кроме жизнеописаний святых, вошли синаксари на праздники Господские и Богородичные, на празднества по случаю перенесения мощей, а также и поучительные слова, содержание коих заимствуется из истории праздника; слова сии принадлежат или кому-либо из древних отцов

Церкви, или самому святому Димитрию. Как видно из двух списков «учителей, списателей, историков и повествователей», помещенных перед первой и второй четвертью Миней-Четьих, святой Димитрий пользовался многими и различными источниками. В этих списках приведен длинный ряд знаменитейших отцов и учителей Церкви, писания коих дошли до нас на греческом или латинском языке, — древних историков церковных и многих современников и очевидцев описываемых событий. Кроме того, святой Димитрий и при самых житиях указывает источники, коими он пользовался. В этих частных указаниях всего чаще встречается имя Симеона Метафраста. Что касается житий русских и славянских святых, то их святой Димитрий заимствовал из Макарьевских Миней-Четьих, Прологов, Печерского патерика и различных сборников Киево-Печерской лавры и других русских монастырей. Кроме перечисленных пособий, святой Димитрий имел под руками «Жития святых» Сурия[1] и «Деяния святых», изданные Болландистами[2]. Первый из этих трудов был важен тем, что в нем были напечатаны жития, известные с именем Метафраста, а во втором, появившемся значительно позднее первого, помещены греческие подлинники повествований о святых.

Составляя свои Минеи-Четьи, святой Димитрий часто буквально переводил подлинные повествования на славянский язык или исправлял старинную славянскую речь, с целью сделать ее удобопонятной, без всяких изменений в содержании. Но по большей ча-

---

[1] *Лаврентий Сурий*, монах Кельнский, издал впервые свой труд: Vitae Senetorum Orientis et Occilentis, в 1569–1575 годах. В 1618 году появилось уже 4-е издание.

[2] *Болландисты* — ученые монахи в Антверпене, занимавшиеся исследованием и изданием житий святых, которое начало было в 1643 году Иоанном Болландом. В состав издания (Acta Sanctorum) Болландистов вошли повествования о всех святых Восточной и Западной Церкви. Болландисты большей частью издавали первоначальные и древние памятники о жизни и деяниях святых. Сначала они помещали греческие повествования только в латинском переводе, а затем стали присоединять и самые греческие подлинники. Изданию актов обыкновенно предпосылаются обширные критические исследования о начале празднования в честь святого, о времени жизни и кончины его, о времени перенесения мощей. Как видно из пометок на полях принадлежавшего святому Димитрию Пролога, хранящегося в библиотеке Московской Духовной академии, он пользовался первыми шестью томами издания Болландистов (месяцы январь — май).

сти ему приходилось составлять сказания из различных источников. В таких случаях, сводя в одно целое различные материалы, святой Димитрий то дополнял недостающее в одном источнике из другого, то изменял форму подлинника, обращая, например, надгробное или похвальное слово в простой исторический рассказ, то приводил в подтверждение повествования свидетельства других историков или только указывал их. Очень часто святой Димитрий сокращал подлинный текст. Сокращения состояли в опущении предисловий и заключений, а иногда и некоторых подробностей в описании событий и обстоятельств жизни святого. Признавая сокращения эти необходимыми, Димитрий так говорит об этом в предисловии ко второй четверти своих Миней-Четьих:

«Вся написанная в книзе сей, якоже и в первой, сокращенне писана суть, и аки от превеликих наводненных рек, от истории церковных премногих малым сосудом, книгою сею почерплена. Аще бо вся святых деяния, и повествования и чудеса, по единою, простертою речию писати кто восхотел бы, то не достало бы тому все жития его время, еже и древним писателем церковным случися. К этому же и немощи ради человеческия сокращенне вся зде написашася, дабы коегождо святого житие в память его неленостно было прочтено. Аще бо краткого коего слова ослабленнии людие чести или послушати не брегут, кольми паче долгими чтении стужают си. Суть же многих святых жития так пространна в великих Четиях и в иных рукописных книгах со излишеством словес написанныя, яко коегождо от них в два или три дня едва прочести возможно, аще и прилежно чтущи. Тоя убо ради вины сократишася в книзе сей, единое святых действо описующей, излишество же словес и речей продолжение оставляющей».

Еще в то время как святитель занят был последней книгой Миней-Четьих, архимандрит Киево-Печерской лавры Иоасаф Кроковский просил его принять на себя новый труд. Об этом сам святитель писал своему другу Феологу[1] следующее. «Извествую чести твоей, писал к моему недостоинству отец архимандрит Печерский, желая, чтобы *первую* трехмесячную *книгу* септемвриа, октовриа и ноемвриа *паки начать исправляти ко вторичному печатанию, полнее, нежели первее*, с приложением житий святых тех, иже преминушася».

[1] Справщик Печатного Двора в Москве.

Вследствие такой просьбы святитель не переставал до самой своей кончины заботиться об усовершенствовании своего труда и сделал в нем некоторые исправления. Эти исправления были введены во второе издание Миней-Четьих, к которому лавра Киевская приступила чрез год после кончины святителя. Первая четверть была напечатана в 1711-м, а вторая — в 1714 году — обе при архимандрите Афанасии Миславском; третья была выпущена в 1716 году при архимандрите Иоанникии Сенютовиче. Что касается до четвертой, то она, еще не будучи окончена печатанием, сделалась жертвой пламени во время пожара, совершенно истребившего в 1718 году Киевскую типографию и библиотеку.

Двести лет грамотная Русь всех состояний набожно читала, а неграмотная слушала Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского, находя в них неисчерпаемый источник нравственного назидания и церковно-исторического познания и с благоговением произнося имя их составителя.

IV

В 1741 году Киево-Печерская лавра намеревалась вновь приступить к печатанию Миней-Четиих святого Димитрия Ростовского. Незадолго перед тем лавра получила от Святейшего Синода указ, чтобы «вновь никаких, кроме церковных прежних изданий, не печатать; а и оныя церковныя старые книги с такими же церковными книгами справливать прежде печати с великороссийскими печатьми, дабы никакой розни и особаго наречия в оных не было; других же никаких книг, ни прежних, ни новых изданий, не объявив об оных в Духовной коллегии и не взяв от оной позволения, не печатать, дабы не могло в таких книгах никакой Церкви Восточной противности и с великороссийской печатью несогласия произойти». Вследствие такого распоряжения Киево-печерский архимандрит Тимофей Щербацкий обратился к Святейшему Синоду с просьбой разрешить лавре печатание третьего издания Миней. Разрешение было дано, но с тем условием, чтобы «оныя книги жития святых отец, прежде издания в печать, архимандриту с другими учеными и в Священном Писании и в церковных историях искусными людьми со всяким опасным смотрением достоверно освидетельствовать и ежели что в

них как Священному Писанию, Духовному Регламенту и указам противное сыщется, так и недостоверное и церковными учительми и историками веры достойными не утвержденное, но весьма сумнительное окажется, то отметить в конце жития святаго, о котором идет история, или, ежели возможно будет, исправить. Что же касается до просодии и наречия, в том во всем согласить с великороссийскими книгами непременно». Получив такой указ, архимандрит ответил, что он не имеет ни достаточного числа способных людей, коим можно было бы поручить это дело, ни всех древних книг, с которыми нужно было сверять жития святых, так как библиотека лавры в 1718 году сгорела вся без остатка. Святейший Синод приказал архимандриту составить и прислать реестр этих книг, имея в виду, что они найдутся в Москве или в Синодальной, или в Типографских библиотеках. Реестр, однако, составлен не был. Между тем Святейший Синод и Коллегия иностранных дел получили от Черногорского митрополита просьбу об ускорении издания Миней-Четьих. «Понеже, — писал митрополит, — Сербский, Болгарский, Далмацкий и Кроацкий народы все душевно желают достать таковых книг, токмо не имеют откуда». Чтобы удовлетворить этому желанию, Святейший Синод решил сам издать Минеи-Четьи и поручил их пересмотр проживавшему тогда в Санкт-Петербурге ректору Новгородской семинарии архимандриту Иоасафу Миткевичу (впоследствии епископу Белоградскому) и ректору Александро-Невской семинарии иеродиакону Никодиму Пученкову. В пособие им, кроме разных учительных и исторических книг, были даны Аннотации на прологи иеромонаха Стефана Прибыловича[1], выписки, присланные из Киевской лавры, и замечания Ростовского митрополита Арсения[2], которому в то же время поручено было написать житие святителя Димитрия. Иоасаф и Никодим приступили к исполнению возложенного на них поручения 6 ноября 1755 года и окончили свой труд к октябрю следующего 1756 года. Исправления их состояли в том, что они вместо малорусских слов вводили славянорусские, простую речь заменяли более возвышенным слогом, некоторые выра-

---

[1] Учитель Киевской, потом Московской академии и, наконец, иеромонах Александро-Невской лавры.

[2] *Арсений Мацеевич* (1697–1772), управлял Ростовской епархией с 1742-го по 1765 год.

жения и даже целые повествования совершенно исключали. Кроме этих поправок, было признано необходимым произвести в Минеях-Четьих исправление «по великороссийской грамматике, — по свойству славянского диалекта, переменяя порядок речений и окончания». Этот труд был всецело возложен на типографских справщиков. 31 декабря 1756 года в Московской типографии было начато печатанием и в 1759 году появилось в свет синодальное издание Миней-Четьих, которое без изменений повторяется до этого времени.

По поручению Святейшего Синода Иоасаф и Никодим составили для нового издания Миней-Четьих особое предисловие, которое также печатается до сего дня. В этом предисловии между прочим предусмотрен вопрос со стороны читателей: «Можно ли кому после святителя Димитрия, мужа великого разумом и учением, святостию жития, напоследок же нетлением и чудесами прославленнаго, исправляти что-либо?» В ответ на это подробно объяснено, «коего ради винословия те Минеи-Четьи Святейшим Синодом были исправляемы». Указав на труды Евсевия Кесарийского, Симеона Метафраста, митрополита Макария, составители предисловия говорят: «И святитель Христов Димитрий со всяким смиренномудрием признает свои в первой книге учиненная недосмотрения и погрешности, и исправив сам оная, другие в книгах его обрестися могущия отдает на рассмотрение и исправление церковное, зная, что всякия историческия правды одна другую превзыти могут достовернейшими доказательствами».

V

Древние христиане при чтении житий святых главную цель видели в их нравственно-назидательной пользе. Чтобы устоять против всяких угроз, против всяких обольщений со стороны мучителей во время того или другого гонения, христиане назидали и подкрепляли себя высокими образцами терпения, преданности и любви к Богу, какие они находили в актах мученических. По окончании гонений, христиане также с великой ревностью занимались чтением житий святых — для ограждения себя от соблазнов мира. Духовно-нравственная польза древних житий святых ярко изображена в следую-

щих словах: «Аще бы не видела Церковь Божия в них пользы, не бы их прияла: не ухищренным бо лжесловесием, ни витийством речи составлена суть, но по всему здравая и смиренная имут словеса, могущая сокрушити сердце и умилити душу: сладка бо суть и полезна истинно хотящим спастися».

Так было в древней Церкви, так было и у нас. Чего искал в житиях русский читатель, об этом нам сообщает один из писателей древнерусских житий. «Святых жития, — говорит он, — страх Божий вселяют в душу, бесстрашие отгоняют, злых престатие, благих приятие вводят: тех бо жития зряще, в чувство своих дел приходят, престатие злых помышляют; свет бо есть святых жития и просвещение душам нашим». В одном старинном русском сборнике находим такое молитвенное обращение: «Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не токмо честй написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и *жития святых прочитаю*, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь». Святой Димитрий заметил, что в его время многие, восстав от сна, почитали долгом своим среди молитв к Господу обращаться с молитвенными воззваниями и к дневному святому, стараясь в то же время припомнить главные события его жизни, хотя по кратким извлечениям прологов[1].

Действительно, ищущий поучения и назидания духовного всегда найдет в житиях святых обильную пищу для удовлетворения своего желания. Поучительны многообразные явления силы Божией в неустрашимом мужестве и непобедимом терпении мучеников, в знамениях и чудесах, над ними и чрез них совершавшихся. Поучительна и сила убеждения, с какой излагается учение веры ее защитниками. В ответах мучеников на суде слышится живой голос исповедующего истину веры, с полной уверенностью в Божественном ее достоинстве, с готовностью запечатлеть свое исповедание самой кровью.

---

[1] Это обстоятельство, между прочим, побудило святого Димитрия приступить к новому труду под заглавием *Сокращенное мученикословие*. В предисловии к нему он говорит: «Собирающе убо от различных мест жития святых в четыре потримесячнии книги вкратце, умыслихом еще сокращеннее тыя по чину месяцесловному собрати в эту малую книжицу и нарещи ю по древнему обычаю мученикословием». Труд этот, по неизвестным причинам, остановился в самом начале.

Исповедники веры говорили немного в защиту исповедуемой истины, говорили просто; но их ответы были так искренни, так тверды, что только ожесточенные мучители могли не видеть дышащей в них истины.

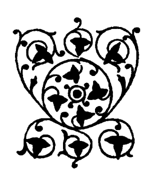
Подобно тому, как в Писаниях отцов и учителей Церкви, в житиях святых и описаниях мученичеств можно находить подтверждение и раскрытие различных догматических истин и опровержение ложных учений. В житиях святых иерархов и подвижников, защищавших Православие от еретиков и страдавших за верность учению Церкви, можно видеть и ясное изложение тех догматов, за которые они страдали, и предостережение от заблуждений, противоположных этим догматам. В этом отношении особенно поучительны жития и страдания защитников иконопочитания.

В житиях святых часто можно находить основания для решения различных затруднений, какие встречает христианин в своей жизни. Поэтому у старцев-подвижников на каждый исключительный жизненный случай всегда имеются пригодные примеры из жизни святых мужей. Припомним, что даже Сам Господь для решения вопроса фарисеев, можно ли в субботу голодным растирать колосья, указал на пример Давида. Отсюда следует, что примерами святых мужей возможно руководиться при всяком сомнении о дозволительности или недозволительности каких-либо действий, в законе ясно не обозначенных.

Вообще жития святых представляют богатую сокровищницу, из которой всякий может брать все, что нужно для преуспеяния в жизни духовной.

«Книги житий святых, — сказано в предисловии к Минеям-Четьим, — тебе, благочестивый читатель, в пользу душевную предлагаются, одно только ныне усердие и охота к прочитанию требуются, а прочитывая оные, не можеши не удивитися и не почитати премудрости и величия Божия. Увидиши бо оных, коль различные Он человеку предложил стези, ведущие к Его славе. Все и всякого звания и чина люди довольно для себя в книгах этих обрящут примеров: высочайшие власти — подобных себе помазанников Божиих, управивших царство свое милостию и истиною, Церковь Христову защитивших и в приращение приведших; пастыри Церкви Христовой — великих церковных учителей и святителей, добре упасших и

подвизавшихся за веру, ныне же с Пастыреначальником ликующих; уединенное житие избрав — постников, молитвенников, добровольных страдальцев и прочих нуждою восхитивших Царство небесное и ныне веселием оного наслаждающихся; военачальники и воины — подвижников, кои, служа земным царям, послужили и небесному и, получая над телесными врагами победы, побеждали и душевных, ныне же с Подвигоположником Христом торжествуют; судьи и гражданские правители — любящих правду и хвалящихся милостию на суде, не мзду и лице приемлющих, но сиру и убогу равно судящих: купцы — не лихоимцев и скверного прибытка желающих, но праведным приобретением Царство небесное купивших; простолюдины — подобных себе в правости души, в неповинных трудех и христианских добродетелях житие свое проводивших и туда достигших, куда многие со всею своею славою и великолепием не достигают. Осталось только всякому подражать своему примеру и шествовать предложенным путем».



МИНЕИ-ЧЕТЬИ

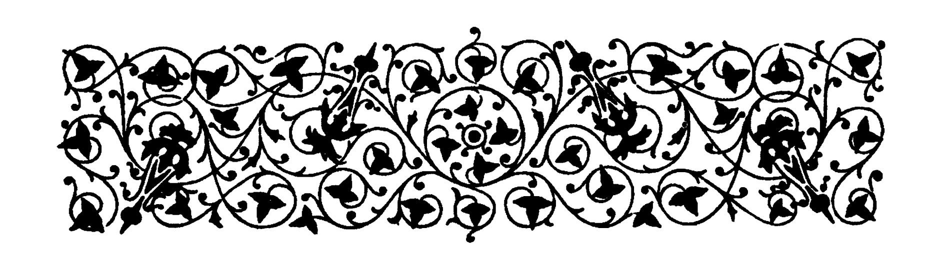
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ПЕРВАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.



День первый

СЛОВО
В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ИНДИКТА,
ИЛИ
НОВОГО ГОДА

Царь веков, Господь Бог наш, положивший *времена или лета во Своей власти* (слав. Деян. 1, 7; Дан. 2, 21)[1], Сам установил в эти времена различные праздники для Своего прославления и для отдохновения людей от мирских дел их. Еще в Ветхом Завете Он повелел каждый год особенно праздновать наступление седьмого месяца, чтобы люди, освободившись от житейской суеты, служили в этот день Единому Богу. Ибо так написано в книгах Моисеевых: *Рече Господь Моисею, глаголя: рцы сыном Изра́илевым, глаголя: месяца седма́го, в первый день месяца да будет вам покой; всякаго дела работня не сотворите во всех селениих ваших, и принесете всесожжение Господу* (слав. Лев. 23, 23–31)[2]. Как некогда Сам Творец, в шесть дней создавший мир словом Своим, благословил и освятил седьмой день, почив от дел творения (см.: Быт. 2, 2–3; Исх. 20, 11; Евр. 4, 4); и как впоследствии дал и человеку заповедь: *Шесть дней работай, в день седьмой — суббота Господу Богу твоему не делай никакого дела ты* (Исх. 20, 9–10; ср.: Лев. 23, 3; Втор. 5, 13), так Он же благословил и освятил седь-

---

[1] *Времена* — продолжительные периоды времени; *лета* — года, краткие сроки.

[2] *Всесожжение* — библейское название для особого рода жертвоприношений. Тогда как от других жертв сжигалась лишь одна часть, а остальное поступало в пользу священнослужителей или самих жертвователей, — жертва, приносимая во всесожжение, сжигалась вся. Жертва всесожжения означала собой, что человек, ее приносящий, всего себя, и душу и тело свое, приносит в жертву Богу, и была прообразом жертвы Христовой (см.: Евр. 9, 9–14).

мой месяц и повелел людям в это время отдыхать отдел мирских. Об этом Господь вторично заповедал Моисею, говоря: *месяца седьмого, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень* (Лев. 23, 39)[1].

По какой же причине установлено это празднование?

В этом именно месяце, когда начали сбывать воды потопа, Ноев ковчег остановился на горах Араратских[2].

В этом месяце святой пророк Моисей сошел с горы, с лицом, осиянным славою Божественной, и принес новые скрижали, на которых был начертан закон, данный Самим Господом[3] (см.: Исх. 34, 29).

В этом месяце начато было сооружение Скинии Господней среди стана израильтян (см.: Исх. 35)[4].

В этом же месяце первосвященник, единственный раз в течение всего года, входил в Святое Святых[5] *не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа* (Евр. 9, 7).

---

[1] Осень была началом нового года с древних времен. Основания для этого можно находить и в самой природе. С окончанием лета обыкновенно оканчиваются жатва и труды целого года (см.: Исх. 23, 16). По собрании плодов, как по достижении цели природы и земледелия, наступает новый кругооборот дел и новых надежд на будущее плодородие.

[2] О Ное, последнем патриархе допотопного мира, и всемирном потопе повествуется (см.: Быт. 5, 29–32; 6–9). Святой апостол Петр в спасении людей от потопа в ковчеге Ноевом дает видеть указание на наше спасение через крещение во Христа (см.: 1 Пет. 3, 19–22). — *Арарат* — высочайшие горы Армении, поднимающиеся на границе России, Турции и Персии, с двумя вершинами: Большой Арарат, который у персов называется гора Ноя, и Малый Арарат.

[3] *Скрижали* — каменные доски, на которых Самим Богом начертаны были десять заповедей.

[4] *Скиния* (куща, палатка) — это походный храм иудейский. Он был построен по образцу, показанному Богом Моисею на горе Синае (см.: Исх. 25, 8–9. 40), и назывался скинией собрания, потому что сюда собирался народ для богослужения, и скинией откровения или свидетельства, потому что здесь Бог открывал людям Себя и Свою волю.

[5] *Святое Святых* — третья, внутренняя часть скинии. Здесь находился ковчег завета, в котором хранились скрижали закона, золотой сосуд (статна) с манной и жезл Аарона. Сюда входил только первосвященник, в день очищения, совершаемого однажды в год, с кровью жертвенного животного и кропил этой кровью над ковчегом завета, для очищения грехов народа (см.: Лев. 16, 29–34). Смысл и значение этого священнодействия раскрыты апостолом Павлом в посл. к Евр. (9, 3–7, 8–15, 24–28 и 10).

В этом месяце народ Божий, смиряя постом души свои и принося Господу жертву всесожжения, принимал очищение от грехов своих, содеянных за год[1].

В этом месяце совершилось торжественное освящение великолепного храма Господня, созданного царем Соломоном, и внесен был в этот храм Ковчег Завета (см.: 3 Цар. 8).

В этом месяце все колена народа израильского отовсюду стекались в Иерусалим на праздник, исполняя заповедь Господню: *Это для вас суббота покоя, и смиряйте души ваши* (Лев. 23, 32)[2].

С этого месяца начинали счет годам, особый для каждых пятидесяти лет. В то время как народ израильский вступал в Обетованную землю, Господь повелел, чтобы люди особенно праздновали каждый пятидесятый год; и не только сами участвовали в этом праздновании, но и слуги и скот; даже самую землю, где поселились израильтяне, заповедано было оставлять в покое, не распахивать, не засевать, не собирать ни колосьев, ни виноградных, ни садовых плодов: все это предоставлялось в пищу бедным людям, а также зверям и птицам. Об этом так написано в книгах Моисеевых: *Вострубите трубою по всей земле вашей и освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; не сейте и не жните, что само вырастет на ней, и не сжинайте ягод с необрезанных лоз ее, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые, так же поступай с виноградником твоим и маслиною*

---

[1] Это совершалось в 10-й день, который назывался *днем очищения* или умилостивления. В этот день первосвященник поставлял пред скинией двух козлов и по жребию одного из них закалывал и приносил в жертву за грехи всего народа, а над другим исповедовал грехи народа и повелевал изгнать его в пустыню (см.: Лев. 23, 26–32. Сн. Евр. 11, 11–14).

[2] Год у евреев состоял из 12 лунных месяцев. Месяц авив, или нисан (см.: Неем. 2, 1, Есф. 3, 7), соответствующий нашему марту, был началом священного года (см.: Исх. 12, 2; 13, 4), а месяц тисри, по счету седьмой, соответствующий нашему сентябрю, считался первым месяцем гражданского года. Он весь был праздничный. 1-й день, начало нового года, назывался *праздником труб* (Исх. 23, 24); 10-й день — *день очищения*; 15-й день — *праздник кущей*, установленный в воспоминание покровительства Божия во время странствования евреев по пустыне, когда они жили в шатрах или палатках (см.: Лев. 23, 33–34; Чис. 29, 12–39). В этом же месяце начиналось празднование каждого седьмого, или *субботнего*, года и пятидесятого, или *юбилейного*, года (см.: Лев. 25, 9) Поэтому седьмой месяц и назван *субботою суббот*, то есть праздником праздников.

твоей (Лев. 25, 9–11; Исх. 23, 11). В этот пятидесятый год прощались должникам их долги, отпускались рабы на свободу, и каждый человек особенно следил за собой, как бы не прогневать Господа каким-либо грехом, как бы не опечалить своего ближнего. То был год всепрощения и очищения от грехов. Этот пятидесятилетний круг, по повелению же Господню, разделялся на семь годовых седмин (то есть семь раз по семи лет) и каждый седьмой год назывался субботою или покоем. Об этом Господь через Моисея дал такое повеление: *шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезывай виноградник свой, и собирай произведения их; в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засевай, и виноградника твоего не обрезывай. Если скажете: что же нам есть в седьмой год, когда мы не будем сеять, ни собирать произведений наших? Я пошлю благословение Мое на вас в шестой год, и он принесет произведений на три года* (Лев. 25, 3–4, 20–21). Все эти годы, в которые Господь установил праздничный покой и для людей и для земли, начинались, также по повелению Господню, с сентября месяца. *И вструби*, — сказал Господь, — *год покоя в седьмой месяц* (Лев. 25, 9), то есть в сентябре[1], так как сентябрь от марта, первого месяца от сотворения мира, есть седьмой месяц.

Но год начинался с первого сентября не только по ветхозаветным законам, но и по языческому индиктиону. Об этом индиктионе повествуют следующее.

Когда Август[2], кесарь Римский, одержал победу над Антонием и Клеопатрой[3], обладавшими Египетской страной, и стал единым вла-

---

[1] *Сентябрь*, с латинского означает седьмой.

[2] Октавию, римскому кесарю, или императору (†14 год по Рождеству Христову), когда он сделался единым властителем всей Римской империи, сенат поднес титул Августа. Слово это значит величество, великий, досточтимый, священный. Этот титул усвояем был потом и прочим императорам Римским.

[3] С 42 по 31 год до Рождества Христова Римским миром правили три полководца: Октавий, Антоний и Лепид, называвшиеся триумвирами. Они разделили между собой верховную власть и римские провинции; Октавию достался запад, Антонию — восток, а Лепиду — Африка. Лепид, однако, вскоре был устранен от участия в делах государственных, а затем возгорелась борьба из-за власти между Октавием и Антонием. Последний находился в полном подчинении у царицы Египетской Клеопатры, прельстившей его своей необыкновенной красотой, и проводил время в празднествах и удовольствиях. Этим воспользовался Октавий и объявил Антонию и Клеопатре войну В морской битве при Акциуме (в 31 год до

стителем для всей вселенной, то для более удобного собирания податей со всех стран, он установил *индиктион* на пятнадцать лет[1]. Этот индиктион Август разделил на три срока, по пять лет в каждом, с тем чтобы в продолжение всего индиктиона три раза, в каждый пятый год, были собираемы подати. Такой закон был издан, главным образом, для отдаленных окраин государства, с которых трудно было собирать подати каждый год, так как собранные подати и через пять лет едва успевали достигать столицы — Рима. Каждое пятилетие называлось *люструм*, то есть светлое, потому что, воздавая кесарю кесарево (см.: Лк. 20, 25), люди в это время предавались веселью и жгли свечи. Народ не тяготился данью, потому что подати были небольшие и легкие и платились добровольно. Продолжался же индиктион пятнадцать лет по следующей причине. В первое пятилетие платили дань железом и медью, которые употреблялись на изготовление мечей, копий, шлемов, щитов, панцирей и всякого военного оружия; во второе пятилетие собиралась подать серебром на жалованье войскам; в третье же пятилетие приносили в Рим дань золотом на украшение идолов. Окончив пятнадцатилетний круг индиктиона, начинали его снова, и первый год индиктиона называли *новым* годом. Такой обычай установлен был с первого сентября, потому что именно в этот день была одержана победа над Антонием и провозглашено единодержавие Августа.

Приняла и святая Церковь обычай праздновать первого сентября начало индиктиона. Это было установлено по той причине, что в то время, когда праздновалось новолетие в Иудее и по всей вселенной, Господь наш Иисус Христос пришел в Назарет[2], где был воспитан.

Рождества Христова) Клеопатра обратилась в бегство и окончила свою жизнь самоубийством. Также поступил и Антоний, лишившийся господства над миром. Египет был обращен в римскую провинцию и Октавий сделался единодержавным правителем.

[1] *Индиктион*, или *индикт*, — слово римское и означает объявление, назначение, налог. Индиктом называлось первое число месяца сентября; это название сохранилось до сих пор в нашем церковном уставе и служит для обозначения начала церковного года. Христианский индикт состоит также из пятнадцати лет.

[2] Небольшой *городок Назарет* находился в северной части Палестины, которая называлась Галилеею. Население его было бедно и не пользовалось уважением в глазах других иудеев (см.: Ин. 1, 46). Но здесь было отечество Иосифа, обручника Святой Девы; здесь было Благовещение Богородице; здесь протекло детство и отрочество Иисуса Христа; здесь Он воспитывался; здесь пребывал и в

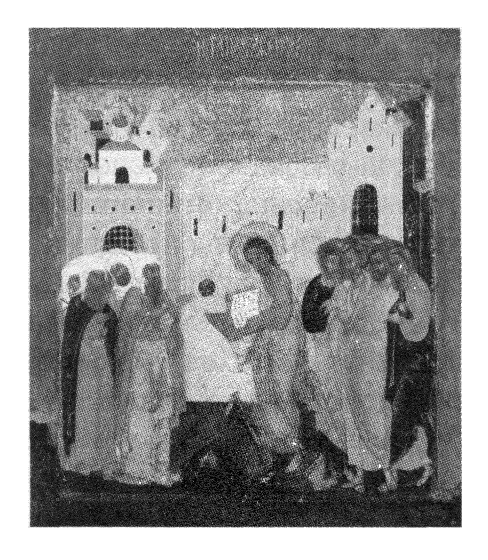
Это было в субботу, а в этот день иудеи имели обыкновение собираться в синагоге и проводить время в чтении книг пророческих. Господь, *по обыкновению Своему*, также вошел в синагогу[1] и встал среди учителей. Ему подали книгу пророка Исаии[2]; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: дух Господа на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам — открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное (см.: Ис. 61, 1–2)[3]. И, закрыв книгу и отдав служителю, Он начал

начале Своего открытого служения, отчего и назывался Назарянином. С этого времени Назарет, бывший дотоле неизвестным, сделался знаменитейшим местом во всей Галилее. Но в 1263 году он был обращен турками в совершенные развалины. Через несколько столетий он был построен вновь и долго был беднейшим селением. Ныне Назарет имеет около шести тысяч жителей, состоит под особенным покровительством христианских консулов и служит местом паломничества со всех концов христианского мира.

[1] *Синагога* (значит собрание, по-славянски — *сонмище*) — место религиозных собраний у иудеев. По закону богослужение должно было совершаться в скинии и потом в храме Иерусалимском. Но во время плена иудеев храм Иерусалимский был разрушен и иудеи собирались для богослужения в частные дома. Эти частные собрания мало-помалу получили определенные места и времена, известный чин и порядок и таким образом дали начало синагогам. Во времена Иисуса Христа и апостолов синагоги распространены были всюду, где жили евреи, и в больших городах было по нескольку синагог. Собрания в синагогах происходили по субботам и по праздникам.

[2] В собраниях синагогальных читались обыкновенно определенные части из закона, то есть книг Моисеевых, и пророков, то есть из пророческих книг Ветхого Завета, причем эти чтения и объяснялись, то есть произносились речи по поводу прочитанного и слышанного. Читать и объяснять имел право всякий желавший того, с соизволения начальника синагоги (архисинагога) и старцев. Желавший читать вставал, когда заявлял свое намерение, и стоял, когда читал определенное место из священных книг. Когда Господь дал знак, что Он хочет читать и говорить поучение, чтение из закона, как видно, было уже окончено и предстояло чтение из книг пророческих.

[3] От лица Мессии пророк изображает цель Его пришествия в мир — устроить новый период в жизни человечества, блаженное время для тех, кто верой примет учение Иисуса Христа и будет в жизни исполнять великие заветы этого учения. — *Лето Господне приятно* — так назывался у евреев юбилейный, или пятидесятый, год (см. выше), который, вследствие объявления всеобщей свободы, был радостнейшим годом и взят пророком для изображения счастливого для искупленного человечества времени Царства Христова.



говорить, что прочитанное пророчество исполнилось на Нем, что Он есть истинный Мессия[1], посланный от Бога Отца для спасения людей и обновления их жизни. И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его (см.: Лк. 4, 16–22).

Праздник новолетия был установлен святыми отцами на I Вселенском соборе, в Никее[2]. Это было в то самое время, когда царь Константин Великий, победив Максенция[3], просветил вселенную светом

---

[1] *Мессия* — слово еврейское и означает то же, что и греческое Христос — то есть помазанник, и происходит от помазания священным миром. Через это помазание лицам, избранным или призванным Богом к известному служению, сообщались дары Святого Духа. Помазанниками назывались цари, пророки и первосвященники. Но в особенности это наименование принадлежит Иисусу Христу, потому что на Него излиты все дары Святого Духа (см.: Ис. 11, 1–2). Ему в высшей степени принадлежат святость первосвященника, который непричастен злу и имеет священство непреходящее (см.: Евр. 7, 10), и ведение пророка, просветившего мир высшим небесным учением (см.: Лк. 1, 79; 2, 32; Мф. 4, 16; Ин. 1, 4–10; 8, 12; 9, 5; 12, 35–36, 46), и власть и могущество царя, обладающего всеми силами неба и земли и все направляющего к великим целям спасения человеческого (см.: Мф. 28, 18; Лк. 1, 33; 1 Кор. 15, 25–26).

[2] I Вселенский собор был созван святым Константином Великим (память которого 21 мая) в 325 году против пресвитера Ария и его сообщников, проповедовавших еретическое учение о том, что Иисус Христос не есть Бог. Собор, состоявший из 318 епископов, осудил арианскую ересь, утвердил догмат о единосущии Сына с Богом Отцом и составил первые семь членов Символа веры, который и поныне использует Православная Церковь. — *Никея* — город в Малой Азии, в древности богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный. Завоевав его (вторично) в 1330 году, турки разрушили лучшие здания, а церкви обратили в мечети.

[3] *Максенций* — Римский император с 306 по 312 год. Он преследовал христиан и отличался жестокостью. Выведенные из терпения римляне пригласили себе на помощь Константина, который под спасительным знамением креста одержал победу над войсками Максенция, погибшего в волнах Тибра. В 313 году императоры Константин и Ликиний (правивший восточной частью) издали указ, которым религия христианская была объявлена государственной, наравне с древней языческой. Но Ликиний вскоре, однако, начал преследовать христиан. Тогда Кон-

благочестия, искоренил идольские празднества, освободил веру Христову от тяжких гонений и установил свои индиктионы. Тогда святые отцы установили праздновать новолетие, как начало христианской свободы, в воспоминание посещения Христом в этот день иудейской синагоги и проповеди Его о приятном лете Господнем. С того времени и мы празднуем первый день сентября месяца. Но это уже праздник не Ветхого Завета, а новой благодати[1]. Ибо в этот день Сам Законодатель, снисшедший с небес и носящий в себе Духа Отца, явил Себя миру и начертал закон Божий не перстом, но Своим Божественным языком и пресладкими устами, и не на каменных скрижалях, а *на плотяных скрижалях* (2 Кор. 3, 3; ср.: Иез. 11, 19 и Евр. 8, 10). Созидая Свою Церковь, которую только прообразовала ветхозаветная скиния[2], Он принес Богу Отцу за наши грехи жертву не без

стантин обратил свое оружие против Ликиния и, окончательно победив его в сентябре 323 года, сделался единым властителем Римской империи. Это событие и было ближайшим поводом к установлению празднования в сентябре новолетия.

[1] Слово «благодать» весьма часто встречается в Священном Писании и употребляется в различных смыслах (благоволение, милосердие, любовь), но в особенности означает спасительную силу Божию, которая, сообщаясь нам по заслугам Иисуса Христа, возрождает нас в жизнь духовную и совершает наше освящение и спасение. Она называется благодатью, потому что есть *благой дар* Отца небесного (см.: Еф. 2, 8). — Противоположность между Ветхозаветным Законом и благодатью раскрыта святым апостолом Павлом в послании к Римлянам, Галатам и Евреям. Главное отличие: Закон Моисеев предписывал заповеди, неудобоисполнимые во всей их полноте, и поражал преступника проклятием, не давая ему, однако же, достаточно сил для достижения закона праведности (см.: Гал. 3, 10); Христова благодать снимает с человека проклятье закона, оправдывает пред Богом, примирив с Ним (см.: Гал. 3, 13; Рим. 5, 9—10), прощает и очищает грехи и дает силы исполнять Новозаветный Закон так, что он кажется игом благим и бременем легким (см.: 1 Ин. 1, 9; Мф. 11, 30).

[2] *Скиния*, по объяснению Филарета, митрополита Московского, представляла Церковь, постепенно устрояемую в роде человеческом вообще и в каждой душе верующей в особенности. *Двор*, открытый для всего народа, означал внешнюю церковь и всеобщее к ней призвание, а жертвенник и умывальница прообразовали христианские таинства крови и воды, которые входят в нее и запечатлевают союз с ней. *Святилище*, предоставленное священникам, представляло внутреннюю Церковь, в которой Христос есть и истинный *свет*, и *хлеб* животный, и *алтарь*, возносящий к Богу возлагаемые на него верующими молитвы и благодарения. *Святое Святых*, доступное только одному архиерею, означало самый престол и владычество Мессии Богочеловека, Которого прообразовали здесь и скрижали Закона, и манна, и жезл Аарона прозябший, и Который служит для нас нашим

крови, Самого именно Себя. Сам Великий Первосвященник, прошедший небеса (см.: Евр. 4, 14), очистив нас от грехов Своей кровью, пролитой за нас, сделал нас святыми храмами, по словам апостола: *храм Божий свят, а этот храм — вы* (1 Кор. 3, 17)[1].

Принося за все это благодарение Господу, мы празднуем лето Господне приятно: мы приняли от Него много неизреченных благ, поспешим же и сами быть Ему приятными. Мы ведь празднуем индиктион, не римскими царями установленный, а узаконенный небесным Царем славы — Христом. Христов же индиктион — это Его святые заповеди, которые мы должны соблюдать и исполнять. Царь наш Христос не требует от нас ни меди, ни железа, ни серебра, ни золота, как объяснил Давид, сказавший некогда: *Ты Господь мой; блага мои Тебе не нужны* (Пс. 15, 2)[2]. Но вместо железа и меди Господь требует от нас добродетели твердой и крепкой, православной веры в Бога. Ибо вера наша основана на крови истерзанных железным и медным оружием святых мучеников, из которых о каждом можно сказать, что в железо вошла душа Его (см.: Пс. 105, 18). Небесный Царь и Бог наш повелел нам, чтобы мы веровали в Него правым сердцем и благочестиво: *потому что сердцем веруют к праведности* (Рим. 10, 10)[3]. Будем же и мы побуждать врага этой верой, как оружием железным и медным щитом. Последуем нашим святым праотцам, *которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия*

искуплением, оправданием, очищением и освящением. В отношении к душе нашей, тремя частями своими, скиния означала три степени приближения нашего к Богу; внешнего очищения, внутреннего просвещения и таинственного соединения со Христом.

[1] Апостол говорит, что христиане находятся в духовно-таинственном единении со всей Святой Троицей, так как Бог Отец, Владыка всех Его созданий, послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы Он драгоценной кровью Своей искупил грешных людей от рабства диаволу, а Дух Святой как домостроитель проводит заблудших рабов в дом Божий, сочетает их с Христом и через благодатные Свои дары, подаваемые в святых таинствах, душу каждую созидает в духовное *жилище* для служения Богу всеми силами души и тела.

[2] То есть Ты, Господи, ни в чем не имеешь нужды; если кто сделает доброе, сам получает от того пользу; Тебе же нет никакого приобретения.

[3] То есть оправдание через Христа Спасителя достигается твердой, сердечной верой в Него и всецелой преданностью убеждению в Его нисшествии на землю для нашего спасения и в Его живоносном воскрешении из гроба.

меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих (Евр. 11, 33–34)[1].

Вместо серебра Царь наш Христос требует от нас второй добродетели, несомненной надежды на Бога. Эта добродетель, больше чем серебро, обеспечивает человеку благополучную жизнь. Если тот, кто разбогател многим серебром, уверен, что получит все мирские блага, и, уповая на богатство, весело проводит дни свои; то тем более богатый несомненной надеждой на Бога и на Него одного возложивший все свое упование получит все, чего желает, и будет жить в радости, пренебрегая всеми бедствиями и скорбями, происходящими от мира, плоти и диавола, и с наслаждением претерпевая все это ради воздаяния в будущей жизни. Часто серебро обманывает своего господина и, случайно исчезая, оставляет его в нищете; и тот, кто надеялся до конца жизни видеть во всем изобилие, вдруг лишается насущного хлеба. *Надеющийся* же *на Господа, как гора Сион*[2] *не подвигнется вовек* (Пс. 124, 1), ибо *надежда не постыжает* (Рим. 5, 5). Этого именно невещественного серебра и желает от нас Господь и повелевает, чтобы мы не на скоропреходящее богатство возлагали свои надежды, *но на Бога живого* (1 Тим. 6, 17), *слова* Которого — *слова чистые, серебро переплавленное* (Пс. 11, 7)[3]. Он неложно обещал нам несказанные вечные блага в Своем Царствии, чтобы мы премногую к нам Его благость, которой уверовали сердцем, исповедовали и устами, ибо *устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10)[4]. Будем же, как добрые воины Христовы[5], надеждой мздовоздаяния поощрять себя к большим подвигам. Ведь надежда

---

[1] Увещевая к терпению и вере, апостол Павел объяснил, почему вера так необходима христианину; она делает действительным то, что ожидается, и видимым невидимое, она произвела великих праведников и действовала в них, делая их непобедимыми в опасностях и побуждая их к страданиям. В частности, слова: *заградиша уста львов* относятся к пророку Даниилу (см.: Дан. 6); *угасиша силу огненную* — к трем отрокам в печи Вавилонской (см.: Дан. 3); *избегоша острия меча* — к Давиду и пророку Илии; *возмогоша от немощи* — к Иову и Езекии (см.: 4 Цар. 20).

[2] *Сион* — гора, на которой построен Иерусалим.

[3] Слова Божии чисты от всякой примеси лжи и обмана, как чистое серебро, очищенное через огонь.

[4] От христианина требуется для его спасения не только вера, но и ее выражение, которое в преизбытке веры является (исповедуется) само собой.

[5] Изображение воина Христова и его оружия см.: Еф. 6, 10–18.

на награду возбуждает воина к борьбе, как говорит святой Иоанн Дамаскин о страстотерпцах: мученики Твои, Господи, утвердившись в вере и укрепив себя надеждой, победили мучительство врагов и получили венцы[1].

Вместо золота Христос Царь наш требует от нас самой драгоценной добродетели, нелицемерной любви к Богу и ближним. По своему высокому значению любовь всегда представляется учителями Церкви под образом золота; ибо как золото драгоценнее серебра, меди и железа, так и любовь выше надежды и веры. Ныне, сказано в Писании, *пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 13)[2]. Такого именно золота и желает от нас Господь и заповедует, чтобы мы молили Его нелицемерно, не только веруя сердцем и исповедуя устами, но на деле проявляя эту любовь. Мы должны быть готовыми подсадить за Него свои души и принять смерть ради Его Божественной любви к нам. Притом мы должны любить и ближних своих, как учит возлюбленный Христов ученик Иоанн Богослов. *Дети мои*, — говорил он, — *станем любить не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18)[3]. Такая любовь принимается для украшения Самим прекраснейшим, более чем сыны человеческие, Христом Богом нашим, как говорит Сама Божия Премудрость: *я украсилась и стала прекрасною пред Господом и людьми;* единомыслием *между братьями* и любовью *между ближними* (см.: Сир. 25, 1–2)[4].

Вот какой христианский индиктион празднует ныне, вместо древнего языческого, Православная Церковь, *совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется по образу Создавшего его* (Кол. 3, 9–10). Будем же праздновать новолетие так, как советует нам апостол: в обновлении жизни ходим, *чтобы*

---

[1] Песнопения 3-го гласа на вечерни в среду.

[2] Апостол отдает предпочтение любви, как добродетели, совмещающей в себе и корень веры, и плоды упования, но вместе с тем, ставя рядом с ней веру и надежду, он показывает и их великое достоинство.

[3] Апостол заповедует не притворную любовь, любовь на словах только, а чистую и истинную, которая свидетельствуется самим делом.

[4] Слово *премудрость*, по употреблении в святом Писании, имеет весьма обширное значение и иногда означает Самого Христа, предвечное и присносущное слово Божие (см.: Притч. 8, 1–22, 36; 1 Кор. 1, 24, 30).

нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве (Рим. 7, 6)[1]. Будем праздновать индиктион, повинуясь повелениям Господа Бога нашего, данным через Моисея, в книгах которого ныне читается: *Если вы будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, то Я дам вам дожди в свое время, и земля даст произрастения свои, и пошлю мир на землю вашу и будете прогонять врагов ваших, и призрю на вас, и благословлю вас, и душа не возгнушается Моя вами, и буду ходить среди вас и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом* (Лев. 26, 3–4, 6–7, 9, 11, 12)[2].

---

[1] Ветхозаветный Закон, как буква, без всякой внутренней силы, только устрашает человека своими предписаниями, не давая силы для исполнения их, теперь же, когда явился дух жизни, мы должны служить Богу сообразно этому новому духу жизни, служить свободно и радостно с надеждой на помощь Божию.

[2] Эти слова святого Писания читаются при богослужении в день индикта в одной из *паремий*, которых положено три. 1-я из них (1 Ис. 61, 1–9), — пророчество об Иисусе Христе, как Помазаннике, Учителе, Спасителе и восстановителе всех страждущих на земле, о распространении Церкви Его среди народов, о блаженстве и славе принадлежащих к ней. Это именно пророчество, как мы видели выше, было прочитано Самим Спасителем в Назаретской синагоге. — 2-я паремия (Лев. 26, 3–12, 14–17, 19–20, 22, 33, 40–41) содержит обетования Господа исполнителям Заповедей Господних и угрозы нарушителям; ревностное исполнение этих заповедей есть главное условие благоденствия на земле, которого мы обыкновенно желаем при наступлении новолетия себе и ближним. — 3-я паремия (Притч. 4, 7–25) имеет отношение к памяти преподобного Симеона Столпника, осуществившего в жизни своей уроки истинной мудрости и явившего торжество благочестия, прославляемое в книге Премудрости. — В VIII веке святым Иоанном Дамаскиным написано много песнопений на первый день сентября.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО
СИМЕОНА СТОЛПНИКА

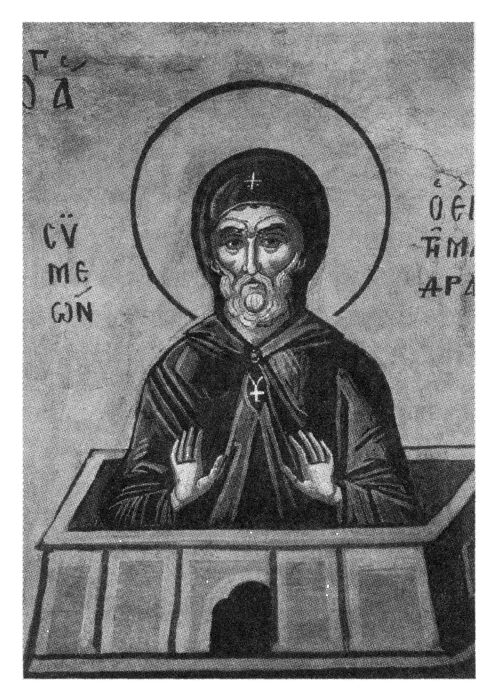
В стране Каппадокийской[1], в селении Сисан, жили христиане Сусотион и Марфа. Бог благословил их супружество рождением сына, которого они нарекли Симеоном и, по обычаю христианскому, омыли банею крещения[2]. Не в книжном научении, а в простоте и незлобии воспитывался этот отрок; но премудрость Божия часто вселяется и в простых людей и их избирает своим орудием, дабы посрамить мудрование века сего (см.: 1 Кор. 15, 21). Будущий пастырь словесных овец[3] Симеон, когда ему исполнилось тринадцать лет от роду, стал пасти стада овец своего отца. Подобно Иакову, Моисею и Давиду, которые также пасли овец и удостоились Божественных откровений, был призван Богом и Симеон. Однажды, во время зимы, овцы несколько дней не выгонялись на пастбище,

---

[1] *Каппадокия* — область в Малой Азии. Каппадокия была прежде самостоятельным государством. С 363 по 370 год до Рождества Христова сначала находилась под властью персов, а затем македонян. Потом до 16 года по Рождестве Христовом опять имела своих царей. В 17 году при императоре Тиверии соединена была с Понтом и Малой Арменией и обращена в римскую провинцию. В конце XI века (1074 г.) Каппадокия подпала под власть турок и до сих пор принадлежит им. Во времена преподобного Симеона христианство здесь процветало. Великие учители Церкви: святой Григорий Назианзин, друг его святой Василий Великий, брат святого Василия святой Григорий Нисский — были родом каппадокиане.

[2] То есть над ним было совершено таинство святого Крещения, которое в Священном Писании называется *баней* (см.: Тит. 3, 5; Еф. 5, 26).

[3] Преподобный Симеон не был на самом деле пастырем овец словесных, то есть не имел священнического сана, и называется так потому, что самой жизнью своею и учением (беседами) направлял людей к спасению.



потому что выпало очень много снега[1]. Будучи свободен от дела, блаженный отрок в воскресный день пошел с отцом и матерью в церковь. Внимательно слушал Симеон, что в церкви пели и читали, и услыхал святое Евангелие, в котором назывались блаженными нищие, плачущие, кроткие и чистые сердцем[2]. Он спросил стоявшего рядом с ним, честного старца, что означают эти слова. Наставленный Духом Божиим, старец стал объяснять Симеону и долго поучал его, указывая ему путь к нищете духовной, чистоте, любви Божией и к добродетельной жизни. Добрые семена поучений старца пали на добрую почву: ибо тотчас же в душе Симеона зародилось усердное стремление к Богу и возросло твердое желание идти тесным путем, ведущим к Нему (см.: Лк. 13, 24; Мф. 7, 14). Он положил в уме своем — немедленно бросить все и стремиться только к тому, чего восхотел. Поклонившись честному старцу и благодарствуя за полезное научение, Симеон сказал ему:

— Ты для меня стал теперь отцом и матерью, учителем на благие дела и вождем к моему спасению.

Тотчас после этого Симеон вышел из церкви и, не заходя домой, уединился в месте, удобном для молитвы. Здесь он распростерся на земле крестообразно[3] и с плачем молил Господа указать ему путь ко спасению. Долго лежал он так и молился: наконец уснул и во сне узрел такое видение. Снилось ему, что копает он ров для какого-то

---

[1] На Востоке скот до сих пор пасется круглый год и не выгоняется только в сильный снег и бурю, оставаясь тогда в особых загонах.

[2] Евангельские заповеди блаженства находятся у евангелистов: Матфея, в гл. 5, ст. 3–12, и Луки, гл. 6, ст. 20–23.

[3] Древние христиане во время молитвы падали лицом на землю, изображая собой крест, то есть простирая руки в стороны; через это выражалась вера в распятого Господа и сознание человеческой греховности.

здания. И вот слышит он голос, говорящий: «Копай глубже!» Стал он копать глубже; потом, думая, что уже довольно[1], остановился, но опять услышал голос, повелевающий копать еще глубже. Снова стал он копать, и когда опять приостановился, в третий раз тот же голос побуждал его к тому же труду.

Наконец он услыхал:

— Перестань. Теперь, если хочешь строить здание, созидай, но трудись усердно, ибо без труда ни в чем не успеешь.

Это чудное видение сбылось над самим Симеоном. В своем глубоком смирении он положил такое основание к совершенствованию себя и других, что его добродетели и подвиги, казалось, были выше человеческого естества[2].

После этого видения Симеон встал и пошел в один из монастырей, находившихся в родной его стране. Игуменом[3] этого монастыря был блаженный Тимофей. Симеон пал на землю пред монастырскими воротами и лежал семь дней, терпя голод и жажду. На восьмой день вышел из монастыря игумен и стал расспрашивать Симеона, откуда он, куда идет, как его зовут, не сделал ли он какого-либо зла и не убежал ли он от своих господ. Симеон же, упав в ноги игумену, с плачем говорил ему:

— Нет, отче, я не из таких; не сделал никому зла, а желаю послужить Богу со всем усердием. Смилуйся надо мною, грешным: повели мне войти в монастырь и быть всем слугой.

Провидев в нем Божие призвание, игумен взял его за руку и ввел в монастырь, говоря братии:

— Научите его житию иноческому и монастырским правилам и уставам.

Поселившись в монастыре, Симеон беспрекословно всем повиновался и служил. В короткое время он выучил наизусть всю Псалтирь. Будучи еще только восемнадцати лет от рождения, он был уже пострижен в иночество и вскоре строгостью своего жития превзо-

---

[1] То есть, что он докопал до твердой (материковой) земли.

[2] Блаженный Феодорит, епископ Кирский, живший в одно время с преподобным Симеоном, сам посещал его во время пребывания его на столпе. Он пишет: «О деяниях его хотя могу свидетельствоваться всеми, но страшусь приступить к повествованию, чтобы не показались они потомкам баснословными и недостоверными, так как превышают человеческую природу».

[3] *Игумен* (с греческого — вождь) — начальник монашеской обители.

шел всех иноков того монастыря. Так, одни из братии вкушали пищу только раз в день, вечером, иные — на третий день, он же не вкушал пищи целую неделю.

Родители Симеона искали его два года и не могли найти, так как Бог скрывал его. Много плакали они о своем сыне и так сильно скорбели, что отец его от печали умер. Симеон же, обретши себе отца в Боге, Ему предал всего себя от юности.

Пребывая в лавре[1], блаженный Симеон пошел однажды к колодезю, чтобы почерпнуть воды. Взяв веревку от черпала[2], очень жесткую, сплетенную из пальмовых ветвей[3], он обвил ею себя по голому телу, начиная от бедер до шеи, так крепко, что веревка врезалась в тело. Прошло десять дней, и тело его загноилось от ран, а в ранах этих кипело множество червей. Братия стали жаловаться игумену:

— Откуда привел ты к нам человека этого? Невозможно его терпеть: смрад от него исходит. Никто не может стоять рядом с ним. Когда он ходит, черви падают с него: постель его также полна червями.

Удивился игумен, услыхав об этом; но, убедившись, что все ему сказанное справедливо, спросил Симеона:

— Скажи мне, чадо, почему от тебя исходит такой смрад?

Но Симеон, потупив свои взоры, стоял пред игуменом молча. Игумен разгневался и повелел силой стащить с Симеона верхнюю одежду. Тогда увидели, что бывшая на нем власяница[4] вся в крови, а в тело врезалась глубоко до самых костей веревка. И игумен, и все с ним бывшие пришли в ужас. С великим трудом едва могли снять с Симеона эту веревку, так как вместе с нею отрывалось и изгнившее тело. Симеон же, терпеливо перенося эти страдания, говорил:

---

[1] *Лавра* (с греческого — часть города, переулок) — ряд келий, расположенных в ограде, вокруг жилища настоятеля, в виде переулков в городе. В первый и последний день недели отшельники собирались вместе для богослужения; в остальные дни хранили безмолвие. Жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название *лавра* применяется к многолюдным и важным монастырям. Впервые появилось оно в Египте, а затем — в Палестине.

[2] То есть от ведра, которым доставали воду из колодца.

[3] Веревка из пальмовых ветвей — вроде нашей мочальной.

[4] *Власяница* — нижняя одежда, сплетенная из конского волоса и носимая подвижниками на голом теле.

— Отпустите меня, как пса смердящего: я заслужил эти страдания за грехи мои.

— Тебе только еще восемнадцать лет, — сказал ему игумен, — какие же твои грехи?

— Отче! — отвечал Симеон, — пророком сказано: *я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50, 7).

Услышав такой ответ, игумен изумился рассудительности Симеона и удивлялся, что такой простой юноша мог так глубоко проникнуться страхом Божиим. Он стал, однако, убеждать его, чтобы он не делал себе таких мучений.

— Нет никакой пользы, — говорил он, — начинать то, что выше сил: довольно для ученика, если он будет таким, каков его учитель (ср.: Мф. 10, 25).

Много времени прошло, пока зажили раны Симеона. Но когда Симеон выздоровел, игумен и братия снова заметили, что он, подобно прежнему, изнуряет свое тело. Тогда, боясь, как бы другие, более немощные не стали подражать ему и не сделались сами виновниками своей смерти, игумен велел Симеону уйти из монастыря. Оставив монастырь, Симеон долго странствовал по пустыне и по горам, пока, наконец, не обрел безводный колодезь, в котором обитали гады. Спустившись в этот колодезь, Симеон стал там молиться Богу.

Спустя некоторое время после этого игумен увидел ночью видение, будто множество народа с оружием и свечами в руках окружили монастырь и восклицали:

— Где Симеон, раб Божий? Покажите нам того, кто так благоприятен Богу и Ангелам. Если же не покажешь нам его, то сожжем вас и весь ваш монастырь. Симеон выше вас всех, и много чудес через него Бог сотворит на земле.

Воспрянув ото сна, игумен возвестил о своем страшном видении братии и поведал им, какой ужас претерпел он из-за Симеона. Повсюду разослал он искать Симеона и даже сам отправился на поиски. Взяв с собою некоторых из братии, игумен ходил по пустыне и по пещерам, разыскивая подвижника. Вскоре он встретил пастухов, пасущих стада овец, и, опросив их, узнал, что Симеон находится в пустом колодце. Поспешив к этому колодцу, игумен стал звать Симеона:

— Здесь ли ты, раб Божий?

— Оставьте меня, святые отцы, — отвечал Симеон, — только на малое время, пока не предам я дух свой: изнемогла душа моя, ибо прогневал я Господа.

Но иноки насильно извлекли его из колодца и привели в монастырь. Прожив здесь немного времени, блаженный Симеон тайно ушел из монастыря и стал опять скитаться в горах и пустыне. Водимый Духом Божиим, он пришел на гору, находившуюся близ селения Таланиссы, и, найдя здесь высеченную в скале небольшую келию[1], затворился в ней. В этой келии пробыл он три года. Здесь он привел себе на память, как Моисей и Илия постились сорок дней (см.: Исх. 24, 18; 3 Цар. 19, 8), и пожелал испытать и себя таким же постом. В это время пришел в Таланиссу епископ той страны, по имени Васс, обходивший церкви по городам и селениям. Услыхав о блаженном Симеоне, епископ пришел и к нему. Симеон стал умолять его, чтобы тот запер двери его келии на сорок дней, не давая ему никакой пищи. Но епископ не соглашался.

— Не подобает, — говорил он, — человеку убивать себя безмерным постом: ибо это скорее грех, чем добродетель.

— Тогда поставь мне, отче, — ответил ему преподобный, — только хлеб и воду, чтобы, если окажется необходимым, я мог немного подкрепить свое тело пищей.

Васс так и поступил: поставив в келии хлеб и воду, он загородил двери камнями и отправился в путь свой. Как только прошло сорок дней, он пришел опять к преподобному и, раскидав камни, отворил двери и вошел в келию. Здесь он увидел, что преподобный, как мертвый, лежит на земле, а хлеб и вода нетронутыми стоят там же, где были поставлены: великий постник даже и не прикоснулся к ним. Взяв губку, Васс омыл и прохладил уста преподобного, и как только тот немного пришел в себя, причастил его Божественных Тайн. После этого Симеон подкрепил себя, приняв легкую пищу. О таком великом воздержании Симеона епископ поведал на пользу многим братиям. Преподобный же с этого времени стал также поститься каждый год в святую четыредесятницу, ничего не пил и не вкушал и проводил время в непрестанной молитве, двадцать дней стоя на ногах, а двадцать — сидя от великого утомления.

[1] Келия с латинского означает собственно *сотовая ячейка*.

Пробыв три года в своей тесной каменной келии, Симеон взошел на самую вершину горы. И чтобы не сходить отсюда, он взял железную цепь, длиной в двадцать локтей[1], и одним концом ее оковал себе ноги, а другой конец приковал к горе. В таком положении преподобный все время обращал свои взоры на небо, умом своим возносясь к Тому, Кто превыше небес.

Услышал о подвижнике и сам архипастырь Антиохийской церкви, блаженный Мелетий, и пришел посетить его. Увидев же, что Симеон прикован к горе, сказал:

— Человек может и без оков владеть собою; можно и не железом, а только разумом и волей привязать себя к одному месту.

Преподобный, услыхав это, поспешил воспользоваться преподанным наставлением и, желая быть добровольным узником Христовым, снял с себя оковы и одной волей связал себя, ***помышление низлагая и всякое превозношение, восстающее против познания Божиего и пленяя всякое помышление в послушание Христу*** (2 Кор. 10, 5).

Слава о святом подвижнике распространилась повсюду. И стали приходить к нему все — не только жившие окрест, но и из дальних стран, такие, которым для этого приходилось совершать продолжительный путь. Одни из них приводили к нему своих больных, другие просили исцеления больным, лежащим дома; иные сами были одержимы бедами и скорбями, иные терпели мучения от бесов. И никто из приходящих к преподобному не возвращался без утешения, но каждый получал просимое: кто — исцеление, кто — утешение, иной — полезное наставление, другой — иную какую-либо помощь. Все возвращались в дома свои с радостью, славя Бога. Преподобный же, если кто получал по его молитвам исцеление, всегда говорил:

— Прославляй Господа, даровавшего тебе исцеление, и отнюдь не дерзай говорить, что тебя исцелил Симеон — чтобы не случилось с тобой бо́льшее бедствие.

Как реки, стекались к Симеону различные народы и племена: приходили к нему из Аравии и Персии, из Армении и Иверии[2], из Италии, Испании и Британии. Так прославил Бог прославлявшего Его. Когда же собралось к Симеону такое множество народа и все

---

[1] *Локоть*, или *лакоть*, — мера длины, равная десяти с половиной вершкам.

[2] *Иверия* — нынешняя Грузия.

старались прикоснуться к нему, принимая от него благословение, блаженный стал тяготиться таким почитанием и беспокойством. И изобрел он небывалый способ избавиться от суеты людской: для того, чтобы приходящие не могли касаться его, умыслил он построить столп и стоять на нем. Поставив такой столп, он устроил на нем тесное жилье в два локтя и стал здесь проводить жизнь свою в посте и молитвах. И был он *первый столпник*. Столп имел в высоту шесть локтей, и святой Симеон простоял на нем несколько лет. После высота столпа доведена была до двадцати локтей, а затем — и до тридцати шести. Так преподобный, столпами различной высоты, как лестницами, восходил к небесной стране, претерпевая страдания, летом мочимый дождем и палимый зноем, а зимой терпя стужу; пищей его было моченое сочиво[1], а питьем — вода. Вокруг столпа его вскоре были устроены две каменные ограды[2].

О такой жизни Симеона услыхали святые отцы, жившие в пустынях, и удивлялись его необычайным подвигам: ибо никто еще не изобретал себе такого жития, чтобы стоять на столпе. Желая же испытать его, послали сказать ему:

— Отчего не идешь ты путем отцов наших, но изобрел другой — новый? Сойди со столпа и последуй житию древних пустынников.

При этом научили посланных, чтобы они, если Симеон не послушается, силой заставили его сойти со столпа; если же послушает и пожелает сойти, то оставить его так стоять, как начал: ибо тогда, сказали они, ясно будет, что новый образ жития его — от Бога. Когда посланные пришли к Симеону и возвестили решение собора святых отцов-пустынников, то он тотчас ступил ногою на лествицу, желая сойти вниз.

Видя это, посланные закричали:

— Нет, не сходи, святой отче, но пребывай на столпе: теперь мы знаем, что начатое тобой дело — от Бога. Да будет же Он тебе помощником да конца.

---

[1] *Моченое сочиво* — размоченные или разваренные сухие плоды, рис, пшеница и тому подобное.

[2] Ограды эти сооружены были приходившим народом из сухих камней. Такие огражденные места назывались *мандрами*, и так как в них поселялись желавшие подвизаться под руководством преподобного Симеона, то он называется *архимандритом* (например, в Минее Служебной).

Пришел к Симеону и Домн[1], патриарх Антиохийский, преемник святого Мелетия, и, видев его житие, дивился и долго беседовал с ним о том, что полезно для души. Затем патриарх совершил богослужение, и оба они причастились Божественных Тайн.

После этого патриарх возвратился в Антиохию; преподобный же предался еще большим подвигам, вооружаясь на невидимого супостата. Тогда диавол, ненавистник всякого добра, принял вид светлого Ангела и показался святому вблизи столпа на огненной колеснице с огненными конями, как бы сходящим с неба, и говорил:

— Слушай, Симеон! Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницей и конями, чтобы взял я тебя, подобно Илие, на небо (см.: 4 Цар. 2, 11); ибо ты достоин такой чести за святость жития твоего, и пришел уже тебе час вкусить плоды трудов своих и принять венец похвалы от руки Господней. Поспеши же, раб Господень, узреть Творца своего и поклониться Тому, Кто создал тебя по образу Своему; желают и тебя увидеть Ангелы и Архангелы с пророками, апостолами и мучениками.

Святой не распознал вражеского прельщения и сказал:

— Господи! Меня ли, грешника, хочешь взять на небо?

И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на огненную колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знамением. Тогда диавол с колесницей исчез, как пыль, сметенная ветром. А Симеон познал бесовское прельщение, раскаялся и ногу свою, которой хотел ступить на бесовскую колесницу, казнил тем, что стоял на одной той ноге целый год. Диавол, не терпя такого подвига, поразил ногу преподобного лютой язвой, и загнило на ноге тело, появилось множество червей, и по столпу на землю сочился из раны гной с червями. Один юноша, по имени Антоний[2], собирал червей, падающих на землю, и, по повелению святого страдальца, опять носил их к нему на столп. Святой же, перенося болезнь с великим терпением, как второй Иов, прикладывал червей к ране, говоря: «Ешьте, что вам Бог дал».

В то время князь сарацинский[3] Василик, много наслышавшись о

---

[1] *Святой Мелетий* был патриархом Антиохийским с 358 по 381 год, а *Домн II*, или Домнин, — с 441 по 448 год.

[2] *Антоний* был учеником святого Симеона и написал его житие.

[3] *Сарацины* — жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех мусульман вообще.

святом Симеоне, пришел к нему и, побеседовав с ним, получил великую пользу и уверовал во Христа. Увидев же червя, упавшего на землю из раны святого, князь взял его в руку и отошел. Преподобный воротил его и сказал:

— Зачем взял ты в честные руки твои червя смрадного, упавшего с моего сгнившего тела?

Василик же, разогнув руку, нашел в ней драгоценную жемчужину и сказал:

— Это не червь, а жемчуг.

— По вере твоей было тебе это, — сказал преподобный.

И сарацин, приняв от него благословение, отошел восвояси.

Прошло много лет, и мать преподобного, Марфа, узнав о сыне, пришла повидаться с ним и, остановившись у входа в ограду, сильно плакала. Но Симеон не пожелал видеться с ней и послал к ней сказать:

— Не тревожь теперь меня, мать моя, — если заслужим, на том свете увидимся.

Она же еще сильнее возжелала видеть его; и снова послал к ней блаженный, умоляя ее немного подождать в молчании. Она легла перед дверью ограды и здесь предала дух свой Господу. Святой Симеон узнал тотчас же о ее кончине и велел принести тело ее к столпу. Увидев мать, он со слезами стал молиться о ней. Во время его молитвы в теле святой Марфы заметны были движения, а на лице появилась улыбка. Все видевшие это удивлялись, славя Бога. Ее похоронили у столпа, и святой поминал свою мать на молитве всякий день дважды. Вскоре затем опять переменили святому столп и устроили ему новый в сорок локтей. На этом столпе преподобный стоял до самой своей блаженной кончины.

По близости от места, на котором проводил дивное житие свое преподобный, не было воды — ее приносили издалека, от чего сильно страдали приходящие к преподобному и их животные. Преподобный, видя эти страдания от недостатка воды, помолился прилежно Богу, чтобы Он послал воду, как некогда жаждущему Израилю в пустыне (см.: Чис. 20, 2–10). И вот около десятого часа дня внезапно потряслась земля и расселась по восточную сторону ограды, где открылась как бы пещера, в которой сверх всякого ожидания оказалось много воды. Святой повелел еще раскопать то место на семь локтей кругом, и вода потекла оттуда в изобилии.

Одна женщина, почувствовав ночью жажду, проглотила вместе с водою маленькую змейку. Змейка эта стала расти в чреве женщины и сделалась большою. Женщина с виду стала зеленая, как трава, и многие врачи лечили ее, но не могли исцелить. Привели ее к святому Симеону. Блаженный сказал: «Напоите ее здешнею водою». И когда женщина стала пить, из нее вышла большая змея; приползши же к столпу, змея тотчас расторглась.

Некоторые люди, издалека шедшие к преподобному, спасаясь от зноя, остановились под деревом, чтобы немного отдохнуть. Сидя там в тени, увидели они шедшую мимо беременную оленицу и закричали ей:

— Молитвами святого Симеона заклинаем тебя, постой немного!

И совершилось дивное чудо: оленица остановилась. Так даже звери именем святого становились кроткими и послушными! Схватив оленицу, путники убили ее, сняли с нее кожу и приготовили себе кушанье из ее мяса. Но только лишь стали есть, внезапно пораженные гневом Божиим, потеряли голос человеческий и начали кричать, как олени. Бегом прибежали они к святому Симеону, неся с собой кожу оленицы, как обличение греха своего. Пробыли они у столпа два года и едва могли исцелиться и заговорить по-человечески; а кожу оленицы повесили на столпе во свидетельство о случившемся.

На той самой горе, где подвизался святой Симеон, невдалеке от столпа поселился страшный змей, из-за которого даже трава не росла на месте том. Однажды в правый глаз змея вонзился сук, величиною около локтя, и причинял змею сильную боль. Тогда змей приполз к столпу преподобного и, лежа пред дверьми ограды, весь перегибался, как бы выказывая смирение и прося милости у святого Симеона. И когда святой воззрел на него, тотчас сук выпал из глаза, и пробыл змей там три дня, лежа пред дверьми, как овца. Все безбоязненно приходили и уходили без всякого вреда от него. Когда же глаз совершенно исцелился, змей ушел в свое логовище. И все смотрели и удивлялись чуду тому предивному.

В стране той жил пард[1], зверь большой и весьма страшный, пожирающий и людей, и скот. Никто не осмеливался проходить мимо

---

[1] *Пард*, или *леопард*, — хищный зверь.

того места, где поселился зверь — и много бед творил он по окрестностям. О нем возвестили преподобному. Он повелел взять земли от ограды своей и воды оттуда же и, обойдя вокруг того места, где был зверь, издалека посыпать и покропить. И сделали так, как повелел святой. Спустя немного времени, видя, что зверь нигде не появляется, пошли поискать и нашли его мертвым, лежащим на той самой земле, которая была взята от ограды преподобного. И все прославили Бога.

Вскоре и другой зверь, лютее первого, явился в той стране, зверь словесный. Это был разбойник из Антиохии[1], именем Ионафан. Много народу он убивал на дорогах и в домах, воровски и неожиданно нападая на селения и пригороды. Никто не мог его изловить, хотя и многие подстерегали его на дороге; он был весьма силен и храбр, так что никому не под силу было устоять против него. Когда же заволновалась Антиохия и посланы были воины взять его, разбойник, не имея возможности скрыться от многочисленной погони, прибежал в ограду преподобного Симеона. Ухватившись за столп, как блудница за Христовы ноги (см.: Лк. 7, 37–38), он горько плакал.

И воззвал к нему с высоты столпа святой:

— Кто ты, откуда и зачем пришел сюда?

Тот отвечал:

— Я — Ионафан разбойник, сотворивший много всякого зла, и пришел сюда каяться во грехах моих.

Когда он говорил это, прибежали воины из Антиохии и стали кричать преподобному:

— Дай нам, отче, врага нашего, разбойника, ибо уже и звери приготовлены в городе, чтобы растерзать его![2]

Но блаженный Симеон сказал им:

— Детки мои! Не я его сюда привел, а Бог, желающий его покаяния, направил его ко мне; если можете войти внутрь, берите его, я же не могу его к вам вывести, ибо боюсь Того, Кто послал его ко мне.

---

[1] Во время жизни преподобного было несколько городов с этим именем; ближе всего к месту, где спасался он, была Антиохия Селевкийская (близ города Селевкии Пиерии).

[2] Растерзание преступников дикими зверями — вид казни — происходило обычно в особых зданиях, которые назывались цирками, и было по наследию от времен языческих всенародным зрелищем.

Услышав это и не смея не только войти в ограду, но даже хоть слово вымолвить против святого, воины со страхом возвратились и рассказали обо всем в Антиохии. Разбойник же пробыл семь дней при столпе и плакал плачем великим, припадая с молитвою к Богу и исповедуя грехи свои. Все бывшие там, видя его покаяние и плач, сами умилились. По прошествии же семи дней разбойник воззвал к святому:

— Отче! Не повелишь ли мне отойти?

— Не опять ли на злые твои дела возвращаешься? — сказал ему святой отец.

— Нет, отче, — отвечал тот, — время мое приспело.

И так беседуя с ним, предал дух свой Богу. Когда же ученики святого Симеона хотели тело разбойника предать погребению при ограде, пришли из Антиохии воинские начальники и начали кричать:

— Дай нам, отче, врага нашего, из-за которого весь город пришел в смятение.

Но преподобный отвечал:

— Тот, Кто его ко мне привел, со множеством воинов небесных пришел и взял его, очищенного покаянием, к Себе; итак, не докучайте мне.

Увидев преставившегося разбойника, начальники пришли в ужас и восхвалили Бога, не хотящего смерти грешника. Возвратившись в город, они возвестили о том, что слышали от преподобного и что видели.

Стоя на столпе, как свеча на свещнике, преподобный отец наш Симеон явился светом для мира, просвещая народы, пребывавшие во тьме идолослужения, и наставляя их к свету познания истинного Бога. Слава дивной благодати Божией, действовавшей в нем! Стоя на одном месте, подвижник привел к вере столь многих, как если бы проходил всю вселенную, уча и проповедуя. Ибо, как солнце, испускал он лучи добродетельного жития своего и сладкоглаголивого учения и просвещал окрестные страны. При его столпе можно было видеть персов и армян, принимавших святое крещение; измаильтяне же[1] приходили толпами — по двести, по триста, а иногда и по

---

[1] *Измаильтяне* — потомки Измаила, сына патриарха Авраама от Агари. См.: Быт. 25, 12 и след.

тысяче человек; с криком отвергались они от заблуждений отцов своих и, принося к столпу идолов, которых они с древних лет почитали и которым поклонялись, сокрушали их при столпе и попирали ногами; и приняв закон истинной веры от медоточивого языка преподобного и сподобившись причащения Божественных Тайн, возвращались с радостию великою, просвещенные светом святого Евангелия.

Один сарацинский военачальник, которого сродник был расслаблен, молил святого подать этому больному исцеление. Святой повелел принести его к столпу и спросил:

— Отрицаешься ли злочестия отцов твоих?

Он сказал:

— Отрицаюсь.

И опять спросил святой:

— Веруешь ли во Отца, и Сына, и Святого Духа?

Расслабленный исповедал, что верует без всяких сомнений.

Тогда святой сказал: «Восстань», — и тотчас юноша встал здоровый, как будто не имел никакой болезни. А чтобы яснее показать его выздоровление, блаженный повелел юноше тому взять на плечи к себе самого военачальника, тучного телом, и нести в его лагерь, что тот и сделал, вскинув его на плечи, как сноп. Видя это, все воздали хвалу Богу, творящему дивные чудеса через святого Своего.

Имел преподобный и дар пророчества, ибо предсказал за два года засуху, и голод, и моровое поветрие, а также сказал, что через тридцать дней налетит саранча, и все это сбылось. Однажды в видении видел он два жезла, спускающиеся с неба, причем один из них упал на восток, другой же — на запад. Об этом видении рассказал преподобный находившимся при нем и пророчествовал, что персы и скифы[1] восстанут на греческую и римскую область. И многими слезами и непрестанной молитвой преподобный умилостивлял Бога, чтобы отвратил Он Свой гнев праведный и не попустил казни той на христиан. И умолил Бога об этом: ибо все персидское войско, уже готовое на брань, по Божию изволению, замедлило выступить в поход, и так как у персов начались междоусобные распри, то они отказались от своего намерения.

---

[1] *Скифы* жили преимущественно по северному берегу Черного моря.

Однажды преподобному сделалось известно, что император Феодосий Младший[1] возвратил иудеям молитвенный дом, который был отдан христианам. Тотчас послал он письмо к царю и, не стесняясь лицом царским, грозил ему гневом Божиим. Прочитав письмо, царь убоялся, — опять повелел христианам принять молитвенный дом, градоначальника, советовавшего возвратить церковь иудеям, низложил с градоначальства и послал от себя моление к преподобному, прося, чтобы он простил и сотворил о нем молитву к Богу. Супругу того же царя, царицу Евдокию, по смерти мужа своего впадшую в евтихианскую ересь[2], преподобный увещал своими письмами и в течение четырех месяцев снова обратил ее к благочестию. По обращении своем, прожив еще четыре года в покаянии, она сподобилась блаженной кончины в Иерусалиме и была погребена в церкви святого первомученика Стефана, ею же созданной. Принявший после Феодосия Младшего царство Маркиан[3] часто посещал тайно преподобного и получал от него многую пользу.

Царица персидская, наслышавшись о чудесах и святости преподобного Симеона, послала к нему просить благословения и получила от него благословенный елей, который почитала за великий дар и хранила с честью.

Царица измаильтян, будучи неплодною, послала к преподобному, прося помолиться за нее и надеясь, что по его святым молитвам она станет матерью. Так и случилось: ибо вскоре разрешилось бесплодие ее, и она родила сына. Взяв младенца, царица отправилась в путь к преподобному. Но услышав, что женщинам нельзя видеть преподобного, — ибо он даже и мать свою не допустил прийти к нему, — послала сына на руках рабов своих, приказав сказать:

— Вот, отче, плод святых твоих молитв, благослови же этого младенца.

Что сказать о непостижимых подвигах преподобного? Выразить их невозможно, ибо они превосходят силы человеческие.

---

[1] Царствовал с 408 по 450 год.

[2] Евтихий, осужденный IV Вселенским собором, учил, что Иисус Христос имел одно естество — Божеское, тогда как святая Церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два естества неслиянные и нераздельные — Божеское и человеческое.

[3] *Феодосий Младший* царствовал с 450 по 457 год.

— Я, — говорит блаженный Феодорит, — прежде всего удивляюсь его терпению: ночью и днем стоит он так, что всем его видно. Случилось раз, что дверцы и немалая часть верхней стены развалились от ветхости, и доколе стена и дверцы не были сделаны вновь, святой был зрим всеми немалое время. Тогда увидели новое и удивительное зрелище: иногда он стоял подолгу неподвижный, иногда же приносил молитвы Богу, творя частые поклоны. Некто из стоявших при столпе рассказывал, что он хотел сосчитать поклоны, которые полагал подвижник не переставая, и, насчитав тысячу двести сорок четыре, выбился из сил и, будучи не в состоянии смотреть на высоту столпную, перестал считать. Святой, однако, не изнемог от поклонов, но, принимая однажды в неделю пищу, и то весьма малую и легкую, сделался легким и способным к частым поклонам. От долгого же стояния открылась у него и на другой ноге язва незаживавшая, и много крови истекло из нее. Но и это страдание не могло отвлечь его от богомыслия, все доблестно претерпел добровольный мученик; язву же ту вынужден был показать по следующей причине. Один священник из Аравии, человек добрый и богодухновенный, пришел к нему и стал говорить:

— Спрашиваю тебя во имя Самой Истины, привлекшей к Себе род человеческий, скажи мне: человек ты или существо бестелесное?

— Зачем ты об этом спрашиваешь меня? — сказал ему преподобный.

— Слышал я о тебе, — отвечал священник, — что ты не ешь, не пьешь, не спишь: но это несвойственно человеку, и не может жить человек без пищи, питья и сна.

И повелел преподобный священнику взойти к себе на столп и допустил видеть и осязать язву, покрытую гноем и червями. Священник, увидев язву и услыхав о преподобном, что он вкушает пищу только однажды в неделю, удивился терпению и подвигу святого.

При таких подвигах, творя столько чудес и проводя столь добродетельное житие, преподобный был кроток и смиренен, как будто был ниже и непотребнее всех людей. Для всех лицо его было одинаково светло и слово любовно, — как для вельможи, так и для раба, как для богатого, так и для убогого и для самого последнего изверга: ибо не было у него лицеприятия. И все не могли насытиться — и со-

зерцанием святолепного лица его, и сладкоглаголивой беседой его, ибо уста его были исполнены благодати Святого Духа. Имея дар премудрости, всякий день наполнял он сердца слушавших рекой учения, и многие, наставляемые его учением, оставляли все земное и, как птицы, возносились горé: одни — уходя в монастыри, другие — в пустыни, а иные — оставаясь жить при нем.

Повседневный устав жития преподобного был таков. Всю ночь и день до девятого часа стоял он на молитве, после же девятого часа говорил поучение собравшимся у столпа; затем выслушивал нужды и прошения всякого пришедшего к нему и исцелял болящих. Потом укрощал свары и споры людские и восстановлял мир; наконец, по заходе солнца, опять обращался к молитве. Неся такие труды, не переставал он заботиться о мире церковном, разоряя языческое безбожие, опровергая иудейские хулы, искореняя еретические учения; царей же и князей и всякие власти своими мудрыми и полезными письмами направлял к страху Божиему, к милосердию и любви и возбуждал к охранению Церкви Божией и много поучал всех душеполезному. Так проводя дивное житие, которое казалось невыносимым для естества человеческого, приблизился он уже к кончине своей, имея от роду более ста лет. На столпе стоял он, как пишут люди, вполне достойные веры, восемьдесят лет. Он вполне усовершенствовался в добродетелях — это был земной Ангел и небесный человек.

О блаженной кончине преподобного так повествует ученик его Антоний.

«В один день, — говорит он, — именно в пятницу, после девятого часа, когда мы ожидали от него обычного поучения и благословения, не призрел он на нас со столпа; также и в субботу, и в день воскресный не преподал нам по обычаю свое отеческое слово. И устрашился я, и взошел на столп, и вижу — стоит преподобный с главою, поникшею долу, как на молитве, а руки — сложены на груди. Думая, что он творит молитву, стоял я молча, а затем, став пред ним, сказал:

— Отче! Благослови нас, ибо народ вот уже три дня и три ночи окружает столп, ожидая от тебя благословения.

Он же не ответил мне. И опять говорил я ему:

— Зачем, отче, не отвечаешь сыну твоему, сущему в печали? Ужели чем-нибудь оскорбил я тебя? Простри же мне руку твою, чтобы мог я облобызать ее.

Но ответа не было. Простояв пред ним с полчаса, усомнился я и подумал: не отошел ли он уже ко Господу? Приклонил я ухо к нему, и не слышно было дыхания, только сильное благоухание, как бы от различных благовонных ароматов, исходило от тела его. Тогда, уразумев, что почил он о Господе, — я восскорбел и плакал горько. И приступив к нему, я положил и спрятал мощи его, и целовал очи его, браду, уста и руки, говоря:

— На кого оставляешь меня, отче? Где услышу сладкие поучения твои? Где насыщусь ангельской беседой твоей? Или какой дам ответ о тебе народу, ожидающему твоего благословения? Что скажу больным, которые придут сюда, прося исцеления? И кто, увидев столп твой не занятым, не имеющим на себе тебя светильником, не восплачется? И когда многие издалека придут сюда, ища тебя, и не найдут, — не возрыдают ли они? Горе мне! Ныне тебя вижу, а завтра — пойду ли направо или налево — не обрящу тебя!

Плача так над ним, в горести душевной я задремал, и вот явился преподобный, как солнце, говоря:

— Не оставлю я столпа, ни места, ни горы этой благословенной. Сойди и подай благословение народу, ибо я уже почил. Так восхотел Господь; и не рассказывай им, чтобы не было молвы, но пошли скорее весть обо мне в Антиохию. Тебе же подобает послужить на этом месте, и воздаст тебе Господь по труду твоему.

И пробудился я от сна, и в трепете сказал: „Не забывай меня, отче, во святом твоем покое“, — и пал на ноги его, и лобызал святые стопы его, и, взяв его руку, положил на очи свои, говоря: „Благослови меня, отче“, — и опять горько плакал. Затем восстав, отер я слезы, чтобы не узнал кто-нибудь о случившемся, сошел и тайно послал верного брата в Антиохию к патриарху Мартирию[1] с вестию о преставлении преподобного. И скоро прибыл патриарх с тремя епископами, а также и градоначальник со своими войсками, и множество народа не только из Антиохии, но и из всех окрестных городов и селений, и из монастырей иноки со свечами и кадилами, и многое множество сарацин вскоре стеклись, как реки, ибо весть о

[1] *Мартирий* был патриархом Антиохийским с 456 по 468 год.

смерти преподобного прошла повсюду, как ветром несомая. И взошел патриарх с епископами на столп, и, взяв честны́е мощи, снесли вниз и положили при столпе. И плакал весь народ; даже птицы во множестве, на виду у всех, с криком летали вокруг столпа, как бы плача о кончине такого светильника миру. Всенародный плач слышен был на семь стадий[1], и окрестные горы, поля и деревья, казалось, будто сетовали и плакали вместе с людьми, ибо всюду воздух был мрачен и носились темные облака. Я же видел явившегося при святых мощах Ангела, и было лицо его, как молния, а одежды — как снег, и с ним — семь старцев беседующих; слышал и голос их, но что говорилось — не уразумел, ибо страх и ужас объял меня».

В тот день, когда преставился преподобный Симеон, ученик его и подражатель святого его жития, преподобный Даниил[2], — незадолго до того времени, когда он при устье Черного моря, близ Царьграда намеревался также взойти на столп, — видел с той стороны, где был столп преподобного Симеона, множество воинств небесных, восходящих от земли на небо, и посреди них возносящуюся радостную душу святого Симеона. И не только преподобный Даниил, но и блаженный Авксентий[3], из пустыни вызванный на Халкидонский собор[4], видел то же, находясь тогда в Вифании[5].

Когда же возложены были честны́е мощи святого Симеона на приготовленные носилки, патриарх простер руку, желая взять на благословенную память немного волос от брады святого, и тотчас усохла рука его. И только после усердной молитвы всех о нем Богу и угоднику Божиему рука патриарха сделалась здоровой. Взяв честны́е мощи святого Симеона, с пением псалмов понесли их в Антиохию, и вышел весь город навстречу. Был же там человек немой и глухой около сорока лет. Как только он увидал святое тело преподобного, тотчас же разрешились узы слуха и языка его, и он, пав пред святыми мощами, воскликнул: «На благо пришел ты, раб Божий, ибо вот пришествие твое исцелило меня».

---

[1] *Стадия* — мера длины, около восьмидесяти восьми саженей; семь стадий — около версты с четвертью.

[2] Память его — 11 декабря.

[3] Память преподобного Авксентия — 14 февраля.

[4] *Халкидонский собор* — IV Вселенский — был в 451 году.

[5] *Вифания* — селение к юго-востоку от Иерусалима, верстах в двух с небольшим, при подошве горы Елеонской.

Жители Антиохии, приняв тело святого, дражайшее золота и серебра, понесли его в великую патриаршую церковь[1], и много чудес и исцелений было при гробе его. Через несколько лет была создана церковь во имя преподобного Симеона Столпника и туда перенесли святые мощи его.

Преставился преподобный в царствование Льва Великого[2], в четвертый год этого царствования. Это был 460 год по Рождестве Христовом. Царь Лев послал к антиохийцам, прося, чтобы они отдали мощи преподобного для перенесения в Царьград; но они, не желая лишиться такого заступника, сказали посланникам царевым:

— Так как град наш стен каменных не имеет, ибо они пали, частию разоренные царским гневом, частию же сокрушенные великим землетрясением[3], то для того-то и внесли мы святое тело Симеоново, чтобы было оно нам стеною и защитою[4].

На месте же том, где был столп преподобного Симеона, создана была во имя его прекрасная крестообразная церковь и устроен большой монастырь[5]. И исполнил преподобный обещание свое, которое изрек Антонию ученику в видении, именно — что он не оставит своего места: ибо чудеса и исцеления больных там не оскудевали. А в день памяти его всякий год являлась великая звезда над столпом и озаряла всю окрестность. О явлении звезды той свидетельствуют многие писатели исторические, особенно же Евагрий Схоластик[6], видевший ее своими очами. Тот же Евагрий пишет, что это святое место было недоступно для женщин, и всячески оберегали, чтобы не дерзала нога женская коснуться порога, войти за который даже матери преподобного не было дозволено. Рассказывают, что одна жен-

---

[1] Великими церквями на Востоке называются храмы, находящиеся в патриархиях и назначенные для совершения в них богослужения именно самими патриархами.

[2] *Лев Великий* царствовал с 457 по 474 год.

[3] Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

[4] Некоторая часть от мощей святого Симеона потом перенесена была к преподобному Даниилу Столпнику, по его молитвам, как о том пишется в житии этого святого — 11 декабря.

[5] В VIII веке святым Иоанном Дамаскиным сложен канон преподобному Симеону, а от патриарха Германа Церковь приняла священные песнопения в честь преподобного.

[6] *Евагрий Схоластик*, живший в VI веке, записал «Церковную историю».

щина оделась по-мужски, чтобы не узнанною войти в церковь святого Симеона, и когда коснулась порога церковного, тотчас упала навзничь мертвая. Если же туда и приходили женщины, как пишет Никифор[1], то они все-таки не осмеливались приближаться к ограде, а стояли поодаль и творили молитвы свои, взирая на столп.

И все, приходившие с верою, не лишались благодати преподобного, но получали помощь и различные исцеления и возвращались с радостью, благодаря Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же честь, и слава, и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово из Луга[2] о Мине диаконе,

который ушел в мир, сложив с себя иноческий образ,
и снова через святого Симеона облекся в него и спасся

Поведал нам Георгий Раифский[3] об одном брате, бывшем там диаконом, по имени Мина.

Он вышел из монастыря, и — что с ним приключилось, не знаю, но только он оставил чин монашеский и стал простецом (мирянином). По прошествии же многих дней шел он во град Божий Антиохию и, когда миновал Селевкию[4], увидал издалека монастырь преподобного Симеона Столпника и сказал про себя: «Пойду, посмотрю великого Симеона, ибо никогда я его не видал». Когда он подходил к столпу и приблизился настолько, что увидал его святой, Симеон узнал от Бога, что Мина был монахом и проходил диаконскую службу, и, позвав служащего ему, сказал:

— Принеси мне ножницы сюда.

Служащий принес. Симеон сказал ему:

— Благословен Господь, постриги этого, — и указал на Мину своим перстом, а около столпа стояли многие.

Мина, изумленный словами святого и страхом великим объятый, нисколько не прекословил, уразумев, что Бог открыл старцу о нем.

---

[1] *Никифор Каллист*, живший в XIV веке, написал «Историю Церкви».

[2] *«Луг Духовный»* — сочинение монаха Иоанна Мосха и его ученика Софрония, содержит в себе сказания из жизни восточных отшельников.

[3] *Раифа* — селение на восточном берегу Синайского полуострова.

[4] *Селевкия* — приморский город Сирии, на берегу Средиземного моря к западу от Антиохии и при устье реки Оронта.

По пострижении же его сказал ему великий Симеон: «Сотвори молитву, диаконе», и когда он сотворил молитву, сказал ему святой: «Иди в Раифу, откуда ты вышел».

Когда же тот стал говорить: «Не могу я стерпеть срама от отцов», — сказал ему Симеон:

— Имей мне веру, чадо, — в том, что было сейчас, нет тебе никакого срама, и отцы с миром примут тебя, и радость будет у них и веселье от твоего возвращения. И знай, что Бог покажет на тебе знамение, по которому узнаешь, что простил Он тебе грех твой, ибо неизреченна Его благодать.

Когда пришел он в Раифу, отцы приняли его с распростертыми объятиями и оставили его в чине диаконском. В один же день воскресный, когда нес он животворящую кровь Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, — внезапно вытек у него глаз. И из этого знамения уразумели отцы, что простил ему Господь грех, по слову святого Симеона[1].

Чудо, совершенное святым Симеоном над пресвитером

Некий пресвитер сидел как-то в притворе церковном и читал святое Евангелие. И вот злой дух пришел к нему в образе облака темного и мрачного и, как клобук, обвил его голову; и погас для него свет, и разум у него отнялся, и расслабли все кости его, и не мог он говорить. Вошедшие нашли его лежащим замертво; и пробыл он в той болезни девять лет, и не мог повернуться на другой бок, если

[1] Событие с диаконом Миною может быть понимаемо таким образом. По неизвестной причине Мина самовольно оставил монашество и диаконство и проводил время как мирянин. Это своеволие с его стороны, конечно, было тяжким грехом, но в то же время без суда церковного над ним, он не мог еще почитаться лишившимся благодати диаконства. Соответственно этому, и совершенное над Миною, по повелению преподобного, пострижение, равно как и произнесение Миною молитвы, то есть ектении, было только образным, видимым напоминанием Мине об оставленном им своевольно иноческом житии и диаконском служении; через это напоминание преподобный, очевидно, хотел возбудить в Мине раскаяние и, кроме того, быть может, — избавить братию монастыря от сомнений в возможности для Мины продолжать диаконское служение. Что же касается излияния у Мины глаза, то оно означало, что Мина наказан за свой грех Самим Богом и, следовательно, более наказанию (по монастырскому уставу и правилам церковным) не подлежит.

кто-нибудь не помогал ему. Домашние его, слышав о святом Симеоне, пошли к святому, неся болящего на постели, и, не дойдя трех поприщ[1] до монастыря, остановились там на отдых. И святому Симеону, стоявшему на молитве, открыто было о пресвитере. В полночь призвал святой одного из учеников своих и сказал ему:

— Возьми отсюда воды и ступай скорей; ты найдешь одного пресвитера, носимого на постели, покропи его водою этой и скажи ему: «Говорит тебе грешный Симеон: во имя Господа нашего Иисуса Христа встань и оставь постель твою и приходи ко мне на своих ногах».

Ученик пошел и сделал по слову святого. И встал пресвитер совсем здоровый и, придя, повергся пред святым.

Святой сказал ему:

— Встань, не бойся! Хотя и причинял тебе печаль диавол девять лет, но человеколюбие Божие не оставило тебя до конца погибнуть. За то, что ты без страха Божия и даже оскорбительно для святыни вел себя во святом алтаре и ранее открытия истины слушал клеветников, осуждающих тайно ближних своих, и без вины оскорблял тех, на кого клеветали, отлучая их от причастия святых Тайн, и, творя это, немало огорчал Человеколюбца Бога, а диавола очень радовал, — за то над тобою и получил силу диавол. Но человеколюбие и милости Божии умножились над тобою. Тех, кого ты опечалил отлучением, найдешь ты сильно больными: они молятся за тебя, для того чтобы ты, выздоровев, простил их; и как сотворил Бог милость тебе, так и ты сотвори милость им, и, взяв земли отсюда, посыпь на них.

И пошел пресвитер с радостию, благодаря Бога, и сделал, как повелел ему святой. И тотчас исцелились и те, славя Бога[2].

---

[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

[2] В этом повествовании замечательно, что отлученные пресвитером по клевете хотя и *безвинно* лишены были причащения святых Тайн, однако подверглись тяжкой болезни, причем и сами они, как бы забыв о своей невиновности, молились о выздоровлении отлучившего их, чтобы, получив от него прощение, иметь возможность приобщиться святых Тайн. Такова, следовательно, сила святых Тайн, что лишение их, хотя и не по вине лишенного, не бывает для него бесследно!

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНОГО
ИИСУСА НАВИНА

Иисус Навин был после Моисея вождем народа еврейского. Он со всем народом перешел посуху реку Иордан, подобно тому, как Моисей Чермное море (см.: Нав. 3, 14–17; Исх. 14). Он видел лицом к лицу воеводу небесных сил Архистратига Михаила (см.: Нав. 5, 13–15), и звуком труб разрушил стены города Иерихона (см.: Нав. 6)[1]. Во время одного сражения с неприятелем он остановил солнце до тех пор, пока совершенно не разбил врагов своих (см.: Нав. 10, 12–14). Введя народ в землю Обетованную, Иисус Навин разделил ее между евреями по жребиям и мирно скончался ста десяти лет от роду[2].

[1] *Город Иерихон* находился на западном берегу реки Иордан, в плодоносной долине, среди садов, изобиловавших пальмами, почему и назывался *городом пальм*. Это был царский город земли Ханаанской, богатый и укрепленный, обнесенный широкой стеной. При вступлении евреев в землю Обетованную он первый подлежал их завоеванию и взят был ими чудесным образом. Ныне по близости древнего Иерихона стоит небольшая, бедная и грязная деревенька Риха, с несколькими бедными хижинами и жалкими обитателями.

[2] Деятельность праведного Иисуса Навина в качестве вождя народа еврейского изложена подробно в принадлежащей ему «Книге Иисуса Навина». Она помещается в Библии вслед за Пятикнижием Моисеевым и, составляя продолжение истории, начатой в книгах Моисея, повествует о завоевании земли Обетованной, о разделении ее между коленами Израилевыми и о кончине Иисуса, и обнимает период времени с 1556-го по 1550 год до Рождества Христова. Книга Иисуса Навина имеет значение и прообразовательно-пророчественное. Апостол Павел называет Иисуса Навина прообразом Иисуса Христа (см.: Евр. 4, 8–9). Как он ввел Израиля в землю Обетованную, так и Христос вводит верующих в Него в наследие в Царстве небесном. Переход евреев через Иордан есть прообраз нашего крещения. Раав — язычница, ставшая праматерью Спасителя (см.: Мф. 1, 5) — прообраз язычников, вступивших в Церковь Христову. В церковном богослужении из книги Иисуса Навина читаются три паремии (5 января, в Великую субботу и в праздники в честь Ангелов).

ВОСПОМИНАНИЕ СОБОРА **ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ,** что в Миасинской обители

В то время, как ересь иконоборцев[1], при содействии царя Льва Исавра[2], который был сам первым иконоборцем, весьма усилилась на Востоке, чудотворная икона Пресвятой Девы Богородицы, находившаяся в Миасинской обители, была брошена в Азурово озеро. Где именно находилась Миасинская обитель, об этом сообщается в житии святого Акакия, епископа Мелитинского. В этом житии мы читаем следующее: «В расстоянии восемнадцати поприщ[3] от армянского города Мелитины[4] было одно местечко греческое, по имени Миасины. Это была весьма красивая, ровная и широкая долина между двумя холмами, тянущимися по обеим сторонам на далекое пространство. Среди этой долины протекала по направлению к востоку быстрая и чистая река Азур, наполнявшая всю долину вокруг себя озерами. Здесь, на особенно красивом месте, стояло идольское капище и сад из деревьев с прекрасными плодами. В этом саду приносились скверные идольские жертвы. Святой епископ Акакий очистил это место от идольских скверн и соорудил здесь церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Освятив новопостроенную церковь, святой Акакий сделал то место, где прежде обитали бесы, жилищем святых Ангелов. Там, где прежде приносились кровавые жертвы в честь диавола, стала приноситься чистая бескровная жертва истинному Богу и совершались чудеса от иконы Пречистой Богома-

---

[1] Еретики, отвергавшие и преследовавшие иконопочитание, считая его идолослужением, равно как и почитание святых мощей. Иконоборческая ересь возникла в Восточной Церкви в начале VIII столетия и долгое время господствовала на Востоке, пока, наконец, не была осуждена в 787 году на VII Вселенском соборе в Никее. Окончательно иконопочитание было восстановлено на Константинопольском соборе в 842 году.

[2] Царствовал с 716 по 741 год.

[3] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей, следовательно, восемнадцать поприщ составляют около двадцати трех верст.

[4] Построен Римским императором Траяном; главный город страны того же имени, находившейся в Каппадокии, составлявшей некогда часть Малой Армении.

тери». Ясно, таким образом, что обитель, по месту названная Миасинской, была устроена при упомянутой церкви Пресвятой Богородицы. Прошло много лет с тех пор, как образ Божией Матери был брошен иконоборцами в озеро. В царствование благоверного царя Михаила и матери его Феодоры[1] икона поднялась на верх озера и была обретена верующими 1 сентября, нисколько не поврежденная от столь долгого пребывания в воде. Ради такого чудесного события в той обители совершалось ежегодное празднование в честь и прославление Пренепорочной Владычицы нашей Пречистой Девы Богородицы[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ
40 ДЕВ ПОСТНИЦ и АММУНА,
учителя их

Эти святые девы[3] происходили из Адрианополя Македонского[4] и, просвещенные диаконом Аммуном, уверовали во Христа.

[1] Супруга Византийского императора Феофила иконоборца. По смерти последнего, в царствование сына ее Михаила III (царствовал с 842 по 867 год), на Константинопольском соборе 842 года было восстановлено иконопочитание и установлено Торжество Православия, совершаемое в первую неделю святой Четыредесятницы.

[2] Это событие праздновалось даже в Константинополе в Халкопратийском храме Богоматери. Время обретения иконы в рукописных и печатных славянских святцах XVII века означено годом 6364-м. От сотворения мира до Рождества Христова по общепринятому летосчислению протекло 5508 лет, но так как в исторической летописи печатных святцев XVII века от С. М. до Рождества Христова чаще считается не 5508 лет, а ровно — 5500, то здесь должно разуметь 864, а не 856 год от Рождества Христова. Царица Феодора в это время (855–867) вела уже частную жизнь.

[3] Пострадали при императоре Ликинии, соправительствовавшем Константину Великому от 311 по 324 год по Рождестве Христовом.

[4] *Македония* — провинция Византийской империи на север от Греции. Адрианополь основан первоначально императором Адрианом и назван по его имени; находится недалеко от Константинополя, в нынешней Восточной Румелии. В последнее время этот город, прежде весьма значительный, находится в упадке. Половина населения — болгары и сербы.

Вавд, правитель того города, потребовал их к себе на суд и предал их многим мучениям, чтобы принудить их поклониться идолам. Они помолились Богу, и вдруг идольский жрец невидимой силой поднят был на воздух и, пробыв долгое время, упал на землю и умер. После этого мучитель велел повесить святого Аммуна и строгать его по ребрам; затем на голову его надели раскаленный шлем, но святой мученик был чудесно избавлен от него. Тогда послали святого Аммуна со святыми девами в Ираклию[1], к другому мучителю. По его приказанию десять из них были брошены в огонь, восемь были, вместе со своим учителем, усечены мечом; некоторые скончались, пораженные мечом в уста и в сердце; шесть из них были заколоты ножом; а прочие шесть отошли к Господу, после того как им вложили в уста раскаленное железо.

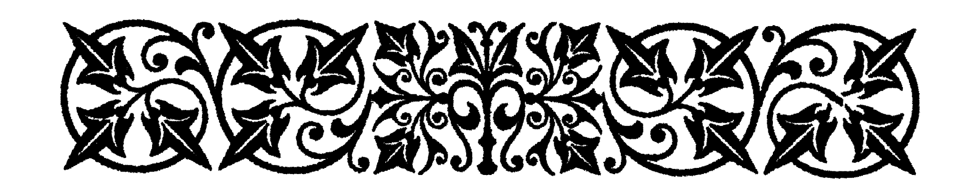
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ:
КАЛЛИСТЫ
и родных ее братьев
ЕВОДА и ЕРМОГЕНА

Эти святые мученики[2], получив духовное возрождение в таинстве святого крещения, обвинены были пред языческим правителем в том, что они христиане. Видя, что они непоколебимы в исповедании Христа, правитель этот осудил их на усечение мечом, и они, совершив свой мученический подвиг, отошли ко Господу.

---

[1] *Ираклия* — город на берегу Мраморного моря.

[2] Пострадали в Никомидии, в северо-западной части Малой Азии, резиденции императора Диоклетиана. Время кончины этих святых точно неизвестно. Некоторые относят его к Диоклетианову гонению (началу IV века). — В Студийском уставе патриарха Алексия XI века говорится, что мощи их находились в Студийском монастыре и им 1 сентября совершалась служба.



День второй

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МАМАНТА

Святой мученик Христов Мамант родился в Пафлагонии[1]. Родители его — Феодот и Руффина — были люди знатные: оба они происходили из рода патрициев[2], были в чести, богаты и сияли благочестием. Они не могли долго скрывать в себе своей веры во Христа и горячей любви к Нему, открыто пред всеми исповедали свое благочестие и многих обратили ко Христу. Поэтому на них донесли Александру, наместнику города Гангры[3]. Наместнику же этому дано было от царя повеление — всевозможными мерами распространять и утверждать почитание языческих богов, христиан же и всех, кто не повинуется этому царскому повелению, мучить и убивать.

Призвав Феодота к себе на суд, Александр стал принуждать его принести жертву идолам. Но Феодот даже и слышать не хотел того, что говорил ему наместник. Александр, хотя и готов был тотчас же предать на мучение ослушника, однако удержался от этого, вследствие знатного происхождения Феодота; ибо не имел он права бесчестить и мучить потомков патрициев, без особого на то царского дозволения. Поэтому Александр отослал Феодота в Кесарию Каппа-

---

[1] *Пафлагония* — провинция Римской империи, находившаяся на юге Малой Азии.

[2] Высшее сословие в Римской империи, соответствующее нашему родовитому дворянству, называлось патрициями.

[3] *Гангра* — главный город Пафлагонии.

докийскую[1], к правителю Фавсту. Этот же правитель насколько был усерден в своем безбожном нечестии, настолько был жесток в отношении к христианам. Увидев Феодота, Фавст тотчас же заключил его в темницу. Последовала за мужем своим и жена Феодота, блаженная Руффина, хотя и была в это время беременна: она вместе с ним пошла в темницу и здесь претерпевала страдания за Христа. Феодот знал немощь тела своего и видел лютую жестокость мучителя, но желал лучше умереть, нежели погрешить в чем-либо против благочестия. Боясь же, что не хватит у него сил перенести предстоящие тяжкие мучения, он обратился с усердною молитвою к Господу.

— Господи, Боже сил, — молился Феодот, — Отче возлюбленного Сына Твоего! Благословляю и прославляю Тебя за то, что сподобил меня быть вверженным в темницу эту за имя Твое. Но молю Тебя, Господи: Ты ведаешь немощь мою, приими же дух мой в этой темнице, да не похвалится о мне враг мой.

Бог, Который *создал сердца* наши... *и вникает во все дела* наши (Пс. 32, 15), услышал верного раба Своего и вскоре послал ему блаженную кончину; изведя душу его из темницы тела, Он вселил ее в светлые обители небесные. Жена же Феодота, блаженная Руффина, претерпевая в темнице нужду и страдания и объятая великою скорбию по своем муже, преждевременно родила сына. Взирая на новорожденного и на бездыханное тело своего мужа, она с сокрушением и слезами молилась Богу:

— Боже, создавый человека и из ребра его сотворивый жену, повели, да и я пойду тем же путем, коим пошел муж мой, и, разрешив меня от этого кратковременного жития, приими в вечные Твои оби-

[1] Имя *Кесарии* носили несколько городов. Кесария, главный город Римской провинции Каппадокия, был впоследствии разрушен землетрясением.

тели! Рожденного же младенца Ты Сам воспитай, как ведаешь! Будь для него отцом и матерью и хранителем жизни его!

Взывая так в своей печали к Богу, эта честна́я и святая жена была Им услышана и разрешена от уз тела, и отошла на вечную свободу, предав душу свою в руки Господа. Младенец же остался живым посреди мертвых своих родителей.

Тогда *храняй младенцы Господь* (слав. Пс. 114, 5) благоизволил открыть о случившемся одной знатной и благочестивой женщине, по имени Аммии, жившей в Кесарии. В сонном видении Он чрез Своего Ангела повелел ей испросить у правителя тела святых, преставившихся в темнице, и с честию их похоронить; младенца же взять к себе и воспитать его вместо сына. Проснувшись, Аммия поспешила исполнить, что повелел ей Господь, и стала просить у правителя позволения взять из темницы тела умерших узников. Бог преклонил на милость жестокое сердце правителя, и тот не воспрепятствовал желанию почтенной женщины. И вот Аммия, войдя в темницу, обрела тела обоих узников, лежащих рядом, а посреди них — красивого и радостного младенца. Взяв тела святых, она с честию похоронила их в своем саду, а младенца взяла к себе. Она была бездетная вдова и целомудренно проводила жизнь свою. Полюбив младенца, как своего сына, она воспитывала его по-христиански.

Младенец возрастал, но до пяти лет ничего не говорил. Первое же слово, какое он сказал Аммии, ставшей для него как бы второй матерью, было «мамма» (с греческого сосцы или мать), и от этого слова был назван Мамантом. Аммия отдала его учиться грамоте, и он вскоре настолько превзошел своих сверстников, что все дивились его разуму.

Тогда в Риме царствовал нечестивый Аврелиан[1]. Он принуждал всех поклоняться идолам, и не только взрослых мужей и жен, но и малых отроков, причем на детей обращал даже особенное свое внимание, надеясь, что они, как малолетние и неразумные, легко могут быть прельщены и направлены на всякое злое дело. К тому же нечестивый царь думал, что дети, с юных лет привыкнув вкушать жертвенное мясо, под старость сделаются более усердными идолопоклонниками. Поэтому различными ласками он приводил их к своему нечестию. Многие из отроков и даже юношей действительно

[1] *Император Аврелиан* царствовал с 270 по 275 год.

поддавались прельщению и повиновались воле царской. Но те, кто были товарищами Маманта по школе, следуя его наставлениям, не исполняли царских повелений. Ибо Мамант, в юных летах имея *мудрость,* которая *есть седина для людей, и беспорочную жизнь — возраст старости* (Прем. 4, 9), доказывал товарищам своим ничтожество языческих богов, бездушных и бессильных, и поучал их познавать Единого истинного Бога — Коего почитал Сам — и приносить Ему духовную жертву — дух сокрушенный и смиренное сердце (см.: Пс. 50, 19).

В то время был прислан от царя в Кесарию на место Фавста другой правитель, по имени Демокрит. Он был великим ревнителем своей нечестивой и безбожной веры и как бы дышал гонением и убийством на христиан. Ему донесли о Маманте, что тот не только сам не кланяется богам, но и других отроков, с ним учащихся, развращает и научает христианской вере. Маманту в то время шел пятнадцатый год от рождения. Он был уже снова сиротой, так как вторая мать его — Аммия, оставив приемному сыну своему — святому Маманту, как единственному наследнику, большое имущество, отошла к небесному богатству, уготованному любящим Бога.

Демокрит, услыхав о Маманте, послал за ним и, когда его привели, прежде всего спросил, христианин ли он и правда ли, что он не только сам не поклоняется богам, но и развращает своих товарищей, научая их не повиноваться царскому повелению?

Юный Мамант, как совершенный и зрелый муж, безбоязненно отвечал:

— Я тот самый, кто за ничто считает вашу мудрость. Вы совратились с правого пути и блуждаете в такой тьме, что даже смотреть не можете на свет истины; оставив истинного и живого Бога, вы приступили к бесам и кланяетесь бездушным и глухим идолам. Я же от Христа моего никогда не отступлю и стараюсь всех, кого только могу, обращать к Нему.

Изумленный таким дерзновенным ответом Маманта, Демокрит разгневался и приказал немедленно вести его в храм скверного их бога Сераписа[1] и там силою заставить принести жертву идолу.

[1] *Серапис* — языческое божество, изображавшееся в виде мужчины на троне, со скипетром в руках и орлом у ног; на голове — корзина, символ обилия. Оно олицетворяло собой мужественную и производительную силу природы. Во времена мученика Маманта почитание этого идола в Римской империи было особенно распространено.

Мамант же, нисколько не боясь гнева правителя, спокойно возразил ему:

— Не до́лжно тебе оскорблять меня: я — сын родителей, происходивших из знатного сенаторского рода.

Тогда Демокрит спросил предстоящих о происхождении Маманта и, узнав, что он родом от древних римских сановников и что Аммия, знатная и богатая женщина, воспитала его и сделала наследником своего богатого имущества, не решился предавать его мукам, ибо и в самом деле не имел на то права. Поэтому, возложив на него железные оковы, отослал его к царю Аврелиану, бывшему тогда в городе Эгах[1], и в письме объяснил ему все, что касается Маманта.

Царь, получив письмо Демокрита и прочитав его, тотчас приказал привести к себе юного Маманта. Когда мученик предстал пред ним, царь всячески стал склонять его к своему нечестию — то угрозами, то ласками, обещая дары и почести, и говорил:

— Прекрасный юноша, если ты приступишь к великому Серапису и принесешь ему жертву, то будешь жить с нами во дворце, по-царски будешь воспитан, и все тебя будут почитать и восхвалять, и воистину счастлив будешь; если же не послушаешь меня, то жестоко погибнешь.

Но юный Мамант мужественно отвечал ему:

— О царь! Да не будет того, чтобы я поклонился бездушным идолам, коих вы почитаете как богов. Сколь безумны вы, кланяясь дереву и бесчувственному камню, а не Богу Живому! Перестань обольщать меня льстивыми словами, ибо когда ты думаешь, что оказываешь мне благодеяния, на самом деле мучаешь, а когда мучаешь, то оказываешь тем благодеяние. Знай же, что все обещанные тобою мне благодеяния, дары и почести сделались бы для меня тяжкими муками, если бы я возлюбил их вместо Христа, а тяжкие муки, которым ты обещаешь предать меня ради имени Христа, будут для мне великим благодеянием, ибо смерть за Христа моего для меня дороже всяких почестей и стяжаний.

Так бесстрашно говорил пред царем святой Мамант, в юношеском теле имея разум и сердце возрастного мужа: ибо сила Божия и

---

[1] *Город Эги* находился в провинции Киликии, в Малой Азии, при Исском заливе.

малого отрока может явить победителем Голиафа[1], *из уст младенцев и грудных детей* совершить *хвалу* (Пс. 8, 3) и малолетнее дитя умудрить настолько, что оно будет понимать лучше старцев. Все это и исполнилось на юном Маманте: не убедили его слова царя беззаконного, не прельстили дары, не устрашили мучения, кои он принял с большею радостию, чем великие почести.

Разгневанный мучитель тотчас же приказал бить его без пощады. Но святой Мамант переносил мучения с таким терпением, как будто бы не чувствовал никакой боли.

Царь говорил ему:

— Обещай только, что принесешь жертву богам, — и тотчас будешь освобожден от мучения.

Мученик же отвечал:

— Ни сердцем, ни устами не отрекусь я от Бога и Царя моего — Иисуса Христа, хотя бы и в десять тысяч раз больше нанесли мне ран; раны эти соединяют меня с возлюбленным Господом моим, и я желаю, чтобы не уставали руки моих мучителей, ибо чем больше они бьют меня, тем больше доставляют мне благ у подвигоположника Христа.

Аврелиан, видя, что Мамант нимало не страшится страданий, приказал опалить тело его свечами. Но огонь, как бы устыдясь тела мученика, не прикоснулся к нему, а обратился на лица мучителей. И возгорел царь гневом, и воспламенел яростию сильнее, чем мученик Христов огнем вещественным: ибо насколько тот не обращал внимания на огонь, настолько сердце мучителя воспламенялось. И приказал царь побить святого Маманта камнями. Но это страдание для мученика, объятого любовию ко Христу, было так приятно, как будто бы кто осыпал его благовонными цветами. Тогда царь, видя, что ничем не может добиться успеха, осудил мученика на смерть и повелел бросить его в море. Привязав на шею его тяжелый свинец, слуги царские повели его к морю. Но и здесь не оставил Господь раба Своего, *ибо Ангелам Своим заповедал* сохранить его (см.: Пс. 90, 11). На пути к морю явился Ангел Господень, блестящий как молния. Увидев его, слуги оставили святого Маманта и со страхом бежали назад. Ангел же, взяв мученика, от-

---

[1] *Голиаф* — известный библейский великан, филистимлянин, считавшийся непобедимым и павший в единоборстве с Давидом (см.: 1 Цар. 17).

вязал свинец и, приведя на высокую гору в пустыне, близ Кесарии, повелел ему жить там.

Житие в пустыне святой Мамант начал постом. На горе той он постился сорок дней и сорок ночей и явился как бы второй Моисей (см.: Исх. 24, 18), коему в руки дан был новый закон: ибо сошел к нему с неба голос и жезл. Приняв этот жезл, Мамант, по повелению свыше, ударил им в землю, и тотчас из глубины земли явилось Евангелие. После этого построил он небольшую церковь и молился в ней, читая святое Евангелие. По повелению Божию, к святому Маманту собирались из той пустыни звери, как овцы к пастырю, и как будто существа разумные слушали его и повиновались ему. Пищею ему служило молоко диких зверей, из коего он изготовлял сыр, — и не только для себя, но и для бедных: ибо, наготовив много сыру, он носил его в город Кесарию и раздавал бедным.

Вскоре по всей Кесарии распространился слух о Маманте. Тогда Александр, — не тот, о коем было упомянуто выше, но другой, — поставленный в то время наместником в Каппадокии, человек жестокий и очень злой, узнав все о Маманте, счел его за чародея и послал воинов на конях в пустыню разыскать его и привести к себе. Сойдя с горы, святой Мамант сам встретил всадников и спросил, кого они ищут. Те, думая, что это пастух, пасущий на горе своих овец, отвечали:

— Мы ищем Маманта, который живет где-то в этой пустыне; не знаешь ли ты его, где он?

— Зачем вы ищете его? — спросил их Мамант.

Воины отвечали:

— На него донесли наместнику, что он чародей, и вот наместник послал нас взять его для мучения.

Тогда Мамант сказал им:

— Я расскажу вам, друзья мои, о нем, но прежде войдите в хижину мою и, отдохнув немного от труда, подкрепитесь пищею.

Воины пошли с ним в его жилище, и он предложил им сыру. Когда они стали есть, пришли лани и дикие козы, кои привыкли, чтобы их доил святой подвижник. Мамант надоил молока и предложил воинам пить, а сам стал на молитву. И стало собираться еще больше зверей. Увидав их, воины испугались и, бросив пищу, пришли

к Маманту. Он успокоил их, а затем объявил, что он есть тот самый Мамант, коего они ищут. Тогда они сказали ему:

— Если сам ты желаешь идти к наместнику, то иди с нами; если же не хочешь, то отпусти нас одних, ибо мы не смеем вести тебя. Но просим тебя, чтобы звери не трогали нас.

Успокоив воинов, Мамант велел идти им вперед.

— Идите, — сказал он, — сначала вы, а я пойду вслед за вами один.

Удалившись оттуда, воины ожидали пришествия Маманта у городских ворот, ибо вполне верили словам такого дивного мужа и даже подумать не могли о нем что-нибудь дурное. Мамант же, взяв с собою льва, пошел вслед за воинами. Когда он вошел в городские ворота, лев остался за городом; воины же, взяв Маманта, представили его к наместнику Александру.

Наместник, увидев святого, тотчас начал допрашивать его.

— Ты ли тот самый чародей, о котором я слышал? — сказал он.

Святой же отвечал:

— Я раб Иисуса Христа, посылающего спасение всем верующим в Него и исполняющим волю Его, волхвов же и чародеев предающего вечному огню. Скажи мне: зачем ты призвал меня к себе?

— Затем, — отвечал наместник, — что не ведаю, какими волхвованиями и чарами ты настолько укротил диких и лютых зверей, что живешь посреди них и, как я слышал, повелеваешь ими, как будто существами разумными.

Святой Мамант на это сказал:

— Кто служит Богу Единому, живому и истинному, тот никак не согласится жить с идолопоклонниками и злодеями. Поэтому и я пожелал лучше жить со зверями в пустыне, нежели с вами в селениях грешников. Ибо звери укрощаются и повинуются мне вовсе не волхвованием, как ты думаешь, — я даже и не знаю, в чем состоит волхвование, — но хотя они и неразумные существа, однако умеют бояться Бога и почитают рабов Его. Вы же гораздо неразумнее зверей, ибо не почитаете истинного Бога и бесчестите рабов Его, без милосердия их муча и убивая.

Наместник пришел в ярость, услышав такие слова, и тотчас приказал повесить святого мученика, бить и строгать железными ког-

тями тело его. Но мученик, хотя и сильно был уязвляем, переносил это с таким мужеством, как будто бы не чувствовал никакого страдания: он ни вскрикнул, ни застонал, и только с умилением возводя очи свои на небо, оттуда ожидал помощи, каковую действительно и получил: ибо внезапно был к нему с неба голос, глаголющий:

— Крепись и мужайся, Мамант!

Голос этот слышали многие из предстоящих здесь верующих и еще более утвердились в своей вере. Святой же Мамант, совершенно укрепленный тем голосом, нисколько не думал о муках. Долго мучили святого, строгая его тело; наконец бросили его в темницу на время, пока приготовят печь, в коей задумал сжечь его наместник. В темнице сидело до сорока других узников. Когда они изнемогли от голода и жажды, святой Мамант помолился — и вот, чрез оконце влетел в темницу голубь, держа во рту пищу, светлую, как бисер, и слаще меду; положив ее пред святым Мамантом, голубь вылетел вон. Пища та для всех узников умножилась, как некогда умножились в пустыне малые хлебы для множества народа (см.: Мф. 14, 19–20). Вкусив этой чудесной пищи, узники подкрепились. И снова, по молитве святого Маманта, в полночь открылись двери темницы, и все узники вышли; остался только один святой Мамант. Когда же сильно разгорелась печь, мученик был выведен из темницы, и все узники вышли; остался только один святой Мамант. Когда же сильно разгорелась печь, мученик был выведен из темницы и ввержен в эту огненную печь. Но Бог, некогда оросивший пещь Вавилонскую для трех отроков (см.: Дан. 3, 8), и для Маманта оросил огонь и посреди горящего пламени соделал рабу Своему прохладу. Мученик, воспевая и славя в той печи Бога, пробыл в ней три дня, пока печь совершенно не остыла и уголья не обратились в пепел. Чрез три дня наместник, увидев, что Мамант еще жив, изумился и сказал:

— Ужели так велика сила чародея этого, что даже огонь не может его касаться?

Многие же из народа, увидав, что огонь нимало не коснулся святого и не сделал ему вреда, познали истинного Бога и, приписывая Ему Единому чудо это, прославляли силу Его.

Безумный же наместник не восхотел, однако, познать всемогущего Бога, но, изведя мученика из печи и видя, что огонь не повредил ему, приписал это чародейству и многие хулы говорил на истину.

Наконец он осудил мученика на съедение зверям. Привели святого в цирк[1] и выпустили на него голодную медведицу; но она, приблизившись, поклонилась святому и лежала у ног его, обнимая стопы его. Потом выпустили леопарда, но и тот с кротостию обнял шею его, целовал лицо и облизывал пот с чела его. В это время прибежал лев — тот самый, который пришел со святым из пустыни, и, вскочив в цирк, проговорил к святому человеческим голосом (ибо Бог, в явление всемогущей Своей силы, отверз уста зверю, как некогда ослице Валаамовой — см. Чис. 22, 28), следующие слова:

— Ты — пастырь мой, который пас меня на горе!

И, проговорив это, тотчас бросился на народ, которого там было бесчисленное множество, и еллинов и иудеев, и взрослых и детей. По воле Божией, двери цирка заперлись сами собой, и растерзал там зверь множество народа, так что едва спасся сам наместник: весьма немногие из бывших в цирке избежали ярости льва, который хватал и терзал всех с лютостию. Но святой укротил льва и отослал его в пустыню. Наместник же, снова схватив святого, продержал его некоторое время в темнице и, выведя вторично в цирк, выпустил на него самого свирепого льва. Но и этот лев, мгновенно став кротким, лежал у ног святого. Видя это, народ от гнева скрежетал зубами на святого и кричал наместнику:

— Уведи льва, а мы этого чародея побьем камнями!

И стали бросать камни в мученика. Один же из языческих жрецов, по повелению мучителя, сильно ударил святого трезубцем в чрево и рассек его, так что из чрева выпали все внутренности. Подобрав их и держа собственными руками, святой Мамант пошел вон из города. Кровь его, истекающую как воду, одна из верующих женщин собирала в сосуд. Пройдя около двухсот саженей, святой Мамант обрел в каменной скале пещеру и уснул в ней. Здесь он услышал голос с неба, призывающий его в горние селения, и с радостию предал дух свой в руки Господа, за Коего усердно пострадал[2].

---

[1] Цирком называлась площадь, огороженная рядом скамей или стеной. Там происходили состязания бойцов между собой и со зверями. На эту площадь или арену бросали и христиан и потом выпускали сюда хищных зверей, которые содержались при цирке в особых клетках.

[2] Мученик Мамант скончался в 275 году.

Так святой Мамант приял венец мученический. Святые мощи его были погребены верующими на месте кончины, и там совершались многие исцеления и чудеса, как это ясно видно из слов святого Василия Великого, который в своей проповеди к народу, на память святого мученика Маманта, говорит:

— Поминайте святого мученика — те, кто видел его в видении, кто из живущих на этом месте имеет его помощником, кому из призывающих имя его он помог самым делом, кого из заблудших в жизни наставил, кого от недугов исцелил, чьих детей, уже умерших, снова возвратил к жизни, чью жизнь продолжил, — все, собравшись воедино, принесите хвалу мученику.

Когда Юлиан Отступник[1], еще будучи в молодых летах и желая оставить по себе памятник благочестия (хотя уже и в то время был волком в овечьей шкуре), начал строить в честь святого мученика Маманта над его гробницею великолепную церковь (делал же это не по благочестию, а из тщеславия и лицемерия), тогда воистину можно было видеть преславное чудо. Ибо что днем созидалось, то в ночь разрушалось: поставленные столбы обращались в груду; одни из камней не могли как следует держаться в стене, другие делались твердыми, так что нельзя было тесать их; иные — в прах рассыпались; цемент же и кирпичи каждое утро находили как бы рассыпанными от ветра и развеянными с своего места. И это было обличением зловерия Юлиана и знамением его будущего гонения на Церковь Божию. Таковое чудо совершалось при гробе святого: ибо не желал святой, чтобы в честь его была построена церковь для тех, коим в скором времени предстояло гонение за истинную веру.

Молитвами, Господи, мученика Твоего Маманта сотвори с нами знамение во благо и избави нас от гонящих нас, да славим Тя со Отцом и Святым Духом вовеки, аминь.

[1] *Император Юлиан* царствовал с 361 по 363 год. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и называется *Отступником.*

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ИОАННА ПОСТНИКА,
патриарха Константинопольского

Святитель Иоанн родился в Константинополе[1]; подвизался он при царях: Юстине[2], Тиверии[3] и Маврикии[4]. Первоначально он был золотых дел мастером; по своей добродетельной жизни был муж благочестивый, нищелюбивый, страннолюбивый и богобоязненный.

Поселив у себя в доме палестинского монаха, именем Евсевия, Иоанн жил вместе с ним. Однажды, когда они шли вместе, инок этот находился по правую сторону Иоанна. Вдруг слышит он, что кто-то незнакомый ему говорит: «Не следует тебе, отче, идти по правую сторону великого». Это было предзнаменованием Божиим об Иоанне, что ему будет вверено великое архиерейское служение. Услышав это, монах рассказал о том блаженному Евтихию, патриарху Константинопольскому[5], который стал увещевать Иоанна принять пострижение, так как считал его достойным быть в церковном причте.

И вот, в церкви святого Лаврентия, во время стояния на молитве, святому Иоанну последовало следующее откровение: в алтаре он увидел множество святых, и все они надевали на себя белые и блестящие одежды и пели прекрасное песнопение. Потом из алтаря вышел какой-то человек с сосудом, из которого он щедро раздавал милостыню многим собравшимся нищим; однако сосуд не пустел. Когда один из нищих воскликнул от тесноты: «Господи помилуй,

---

[1] *Константинополь* — столица Византийской империи, ныне Стамбул; основана Константином Великим в 326 году по Рождестве Христовом, на месте прежнего незначительного городка Византии.

[2] *Юстин II Младший* — восточно-римский император, царствовал с 565 по 578 год.

[3] *Тиверий* — преемник Юстина II; царствовал с 578 по 582 год.

[4] *Маврикий* — преемник Тиверия; царствовал с 582 по 602 год.

[5] *Евтихий* был патриархом в первый раз с 552 по 565 год; затем патриархом был после него в продолжение пяти лет Иоанн III Схоластик; потом Евтихий снова был возведен на патриаршество и патриаршествовал до самой смерти своей, последовавшей в 582 году, когда был возведен на его место святой Иоанн IV — Постник.

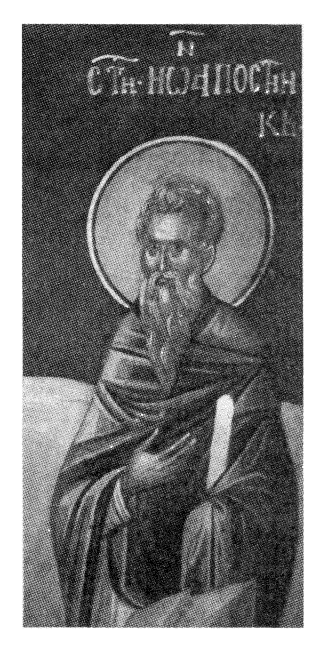
доколе не опустеет сосуд этот!» — сосуд тотчас же сделался пуст. Это откровение заставило преподобного задуматься, и он дивился видению, которое предзнаменовало, как я думаю, его будущий сан и его великую щедрость к нищим.

По прошествии некоторого времени умер Константинопольский патриарх Евтихий и, Божиим изволением, Иоанн, как достойный, был избран и назначен для рукоположения, но не соглашался, пока не увидел следующего грозного видения: с одной стороны было видно море, поднимающееся до небес, и страшная огненная печь; с другой же стороны — множество Ангелов, говорящих ему: «Ты не принимаешь престола? — Пусть будет другой, но ты от всех нас будешь наказан». После того как Ангелы с угрозой сказали это Иоанну, он, хотя и против желания, повиновался и был поставлен патриархом Константинопольским. В сем сане проводил он постническую и добродетельную жизнь до самой смерти своей, как о том свидетельствуют чудеса его. Великое волнение морское он утишил молитвою и крестным знамением. Одного слепца, именем Иоанна, из Газы[1], соделал зрячим, положив на глаза его часть Тела Христова с словами: «Исцеливший слепого от рождения, Тот да исцелит тебя», — и слепой тотчас прозрел.

Однажды, по Божию попущению, был большой мор в Константинополе. Преподобный молился, чтобы Бог отвратил праведный гнев Свой. Одному из верных своих слуг он приказал взять два сосуда: один — полный мелких камней, а другой — пустой, стать на весь день к месту, где приносили умерших, и считать их, перелагая камни из полного сосуда в пустой. Сосчитав, слуга нашел в первый день пронесенных мертвецов триста двадцать три и возвестил о том святому. Святой же Иоанн предсказал, что мор прекратится; это и стало сбываться с каждым днем, потому что на второй день стоящий и считающий слуга нашел пронесенных мертвецов менее, в третий день — еще менее, в воскресенье же, по предсказанию святого и по молитвам его, мор окончательно прекратился.

---

[1] *Газа* расположена на берегу Средиземного моря; в древности она была одним из пяти известнейших филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. В Новом Завете о Газе упоминается только в истории обращения вельможи Ефиопской царицы Кандакии (см.: Деян. 8, 25). С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами.



Воздержание святого Иоанна было таково, что шесть дней он не вкушал никакой пищи, в седьмой же — вкушал немного огородных плодов: или дыни, или винограда, или смоквы. Так питался он во все время своего святительства. Спал он весьма мало, да и то сидя; при этом он привязывал небольшую веревку к свече и ставил кадку с водою, чтобы, когда свеча догорит и веревка упадет в кадку, происходил шум и, таким образом, пробуждал бы его. В молитвах святой пребывал постоянно, и в подвигах многих боролся со страстями. Многократно он обращал вспять нашествие иноплеменников и избавлял от погибели город своими молитвами и постом; паству свою соблюл от врагов видимых и невидимых; был весьма милостив, отец сиротам, нищим кормилец, обидимым защитник, ревнитель по Боге, искоренитель всякой злобы. Однажды в пятницу святому было возвещено, что на другой день будет конское состязание: была же это суббота Пятидесятницы. И отвечал святой: «Конское состязание в святую Пятидесятницу да не будет», и, пав на колена, молился Богу, чтобы, ради страха и для разрушения такого дела, явилось какое-нибудь знамение. И вот, — когда все собрались на место, где обычно происходили состязания, и когда состязания начались, — внезапно сделалась сильная буря, гром и молния, пошел дождь и большой град, так что все от страха разбежались с зрелища.

Преподобный имел власть изгонять и нечистых духов. Так, одна жена, имевшая бесноватого мужа, повела его к одному пустыннику, но он сказал ей: «Иди к святейшему Иоанну, патриарху Константинопольскому, — тот исцелит твоего мужа». Исполнив это, жена получила просимое и вместе с мужем, исцеленным молитвами преподобного, пошла с радостию домой. И вообще многие больные получали исцеления от святого. У многих женщин по его молитвам разрешалось неплодие.

Так мудро упасши словесное стадо, преподобный в маститой старости достиг блаженной кончины и перешел от земли в небесные

селения[1]. Когда тело святого лежало уже мертвым, к нему пришел для прощания известный начальник области Нил и, преклонившись, поцеловал его. Святой же, будучи мертвым, на виду и к удивлению всех, прошептал начальнику области Нилу несколько слов на ухо, которых тот никому не сказал. Похоронили святого Иоанна внутри алтаря святых апостолов, как достойного такой чести, прославляя и благословляя дивного во святых Бога — Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

ПАМЯТЬ 3618 МУЧЕНИКОВ,
в Никомидии пострадавших

В царствование Римских императоров Диоклетиана и Максимиана[2] пострадало за Христа в Никомидии[3] три тысяча шестьсот восемнадцать мучеников, пришедших из Александрии. По убиении святого Петра, архиепископа Александрийского, убийцы его уверовали в Господа со всеми своими домашними и со многими другими, желавшими умереть за Христа. Взяв с собою жен и детей и всех ближних, они добровольно пошли в Никомидию на мучение за Христа и явились к царю, восклицая: «Мы — христиане!» Услыхав это, Диоклетиан пришел в смущение и сначала посредством ласкательств увещевал их отречься Распятого, но когда они не повиновались, повелел воинам усечь их пред собою мечами и тела их бросить в горные пропасти. Спустя много лет честны́е мощи их были обретены по причине последовавших чудес святых мучеников.

---

[1] Это было 2 сентября 595 года по Рождестве Христовом.

[2] В 284 году Римская империя разделилась на восточную и западную: первой управлял *Диоклетиан*, а второй — друг его *Максимиан*; царствовали с 284 по 305 год.

[3] *Никомидия* — столица Восточной империи, резиденция императора Диоклетиана, великолепный город в области Вифинии, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), в северо-западной части Малой Азии.

День третий

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **АНФИМА**, ЕПИСКОПА НИКОМИДИЙСКОГО, И С НИМ МНОГИХ

Святой Анфим родился в городе Никомидии[1]. Еще в юных летах он проявлял в себе навыки уже совершенного мужа и отличался незлобием. Возрастая телом, возрастал он и духом. Достигнув совершеннолетия, он изо всех стал выделяться добродетельною жизнию; и в те годы человеческой жизни, когда страсти обыкновенно произрастают в человеке, как плевелы в пшенице, Анфим был уже образцом бесстрастия. Плоть его была умерщвлена (то есть ее греховные вожделения), дух смирен, зависть была им искоренена, ярости не было и следа, о гневе никогда не было слышно, леность изгнана, объедению и пьянству в нем не было места. Своим примером он, напротив, показывал воздержание во всем, любовь и мир со всеми, благоразумие и усердное попечение о славе Божией. За такую благочестивую и добродетельную жизнь, он был в непродолжительном времени удостоен священнического сана. В этом сане Анфим всем сердцем прилежал богомысленной молитве и душеполезным трудам, словом и делом наставляя всех спасительному пути добродетели. Когда скончался архипастырь Никомидийской церкви святой Ки-

---

[1] *Никомидия* — столица Восточной империи, резиденция императора Диоклетиана, великолепный город в области Вифинии, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), в северо-западной части Малой Азии.

рилл, на его место был возведен Анфим. Избрание его во епископа, как мужа того достойного, было засвидетельствовано свыше: во время его посвящения небесный свет облистал церковь и был слышен свыше некий Божественный глас. Приняв на себя управление Никомидийскою церковию, святой Анфим, как искусный кормчий во время бури, соблюл ее, как бы невредимый от потопления корабль. Ибо если многие христиане и бывали потопляемы в море за Христа, но за то они не погрязли в злочестии: ни потопила их в себе буря идолопоклонения, ни пожрала их глубина преисподнего ада, но наставлением и управлением святого архипастыря своего Анфима они достигли тихого и небурного пристанища небесного. Этот добрый пастырь Христов привел к Богу в венцах мученических почти все свое словесное стадо. Когда идолопоклонники открыли великое гонение по всему Востоку на христиан, а в особенности в Никомидии, — где тогда жили злочестивые цари Диоклетиан и Максимиан[1], — святой Анфим наставлял и укреплял всех верующих к мученическому подвигу.

— Ныне, — говорил он, — подобает нам показать себя истинными христианами, ныне — время подвига, ныне тот, кто действительно воин Иисуса Христа, да выступит мужественно для борьбы.

[1] Здесь разумеется не соцарствовавший соправитель Диоклетиану Максимиан, а зять первого — Максимиан *Галерий*, соправитель первого на востоке Римской империи, и после его преемник с 305 по 311 год. Гонение на христиан при Диоклетиане началось в 303 году. Причиною гонения был Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал — христианские храмы разрушать, сожигать книги Священного Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонения при Диоклетиане отличались, во-первых, жестокостью мучений, во-вторых, обилием числа мучеников, умерщвляемых сразу от десяти до ста и более в один день.

Здесь нам предстоит пострадать лишь немного за много пострадавшего ради нас Христа; исповедуем Его здесь пред людьми, дабы там Он исповедал нас пред Отцом Своим небесным. Здесь пред людьми Его прославим, дабы там Он прославил нас пред Ангелами Своими. Итак, прославим Бога в телах наших, предав себя на мучения; умрем временною смертию, чтобы быть живыми вечно, не убоимся мучителей убивающих. Ибо если они и убьют нас, то будут виновниками нашего будущего блаженства: усеченную главу десница Подвигоположника нашего увенчает венцом нетленным; раздробленные члены просветятся, как солнце, в Царствии Его; нанесенные раны умножат нам вечное воздаяние; кровавые мучения введут нас в чертог Жениха небесного. Будем же готовы пролить даже кровь свою, будем зрелищем поношения и уничижения пред взорами Ангелов и человеков.

Укрепляемые таковыми и подобными словами святого, весьма многие верующие мужественно предавали сами себя на тяжкие муки за Сладчайшего Иисуса, Господа Своего. Один христианин из особенно пламенеющих верою, ревнуя по Боге, решился на такой смелый поступок. Когда был прочитан в Никомидии написанный на хартии царский указ об умерщвлении христиан и потом прибит на видном месте к стене, — он, выступив пред всеми, исповедал Христа и, сорвав со стены этот указ, разорвал его, громко обличая языческое злочестие, — и, таким образом, явился первым мучеником в Никомидии.

После этого весьма многие из вельмож и из придворных начальствующих лиц начали явно исповедовать Христа, провозглашая себя христианами: таковыми были Дорофей, Мардоний, Мигдоний, Петр, Индис, Горгоний[1] с прочею многочисленною дружиною; все они добровольно предавали себя на мучения за Христа, и многие из них были погублены мучителями посредством различных казней.

В то же самое время, к тягостнейшей скорби христиан, присоединилось еще следующее обстоятельство. Неизвестно отчего — загорелись царские палаты, и бо́льшая часть их сгорела. Злочестивые

---

[1] *Дорофей* — препозит (чиновник); *Петр* и *Горгоний* — сановники двора. Мощи Горгония перенесены в Рим. *Мигдоний* носит название по месту происхождения: Мигдонский, то есть Фригийский, или Масийский (в западной и северо-западной части Малой Азии). *Индис* — евнух. См. о них далее в этом же житии.

язычники оклеветали христиан, говоря, будто они по ненависти подожгли царский дворец. Тогда ярость царя достигла до крайней степени, и, став лютее дикого зверя, он истреблял христиан в великом множестве, осуждая их то на усечение мечом, то на сожжение огнем. Несмотря на все это, верующие, видя мученическую смерть единоверных своих братий и зная, что и им предлежит такая же, разжегшись Божественною любовию, предавали себя мучителям на сожжение огнем, как будто в какое-либо приятное и прохладное место. А остальные многочисленные христиане были связаны мучителями, посажены на лодки и потоплены в морской глубине. По неукротимой своей ярости царь повелел потоплять не только живых, но выкапывать из земли и бросать в море ранее того погребенные тела святых мучеников, чтобы не почитали их оставшиеся в живых христиане. Столь жестоко было гонение, во время коего святой Анфим был разыскиваем, *как агнец на заклание* (Ис. 53, 7). Прежде чем растерзать пастыря, волки устремились на его стадо; но Божий промысл и Покров хранили его в одном селении, называемом Семана, для того, чтобы он прежде привел к Богу своих словесных овец, а потом и сам отошел к Нему, запечатлев излиянием своей крови веру Церкви Никомидийской. Тогда же в церкви, в день Рождества Христова, сожжено было до двадцати тысяч святых мучеников[1], а остальные из паствы святого Анфима были заключены в темницы. Святой же своими частыми письменными посланиями, которые тайно отправлял к христианам, учил их и утверждал в вере; так что хотя и не был с ними телом, по воле Божией, быв удален от них на время, но духом своим соприсутствовал с ними в темницах, своими посланиями доставляя им пищу духовную. Овцы явно, а пастырь их тайно боролись с волками, и святой скрывался, не мучений боясь, но для того, чтобы учением и молитвою утвердить слабейших в вере, укрепить немощнейших, боязливых сделать мужественными, доколе всех представить Христу, а потом уже и самого себя предать на те же мучения.

Один из верующих, укрепленный святым Анфимом, по имени Зинон, воин по чину, изобличил пред всеми царя Максимиана в

---

[1] Память святых двадцати тысяч мучеников в Никомидии и между ними мучеников: Зинона, Дорофея, Гликерии, Феофила, Петра, Мардония, Мигдония, Индиса, Горгония, Евфимия и мучениц: Агафии, Домны и Феофилы, совершается 28 декабря.

злочестии следующим образом. В Никомидии, близ цирка, находился храм языческой богини Цереры[1]. Однажды Максимиан с своими воинами и всем народом приносил идолу этой богини обильную жертву. Зинон же, во время этого нечестивого праздника, став на возвышенном месте, громко воскликнул:

— Обольщаешься ты, царь, поклоняясь бездушному камню и немому дереву, ибо это обман бесов, приводящий к погибели их поклонников. Познай, Максимиан, истину и свои телесные очи, вместе с духовными, обрати к небу: воззри, и из рассмотрения этого пресветлого творения уразумей о его Создателе, каков Он — Творец. Познай это из наблюдения над тварями; научись чтить Бога, Который благоволит не к крови закалаемых и сжигаемых в удушливом дыме бессловесных животных, но к чистым душам и чистому сердцу разумного создания.

Услышав это, Максимиан повелел схватить Зинона и за таковые дерзновенные слова к царю бить камнями в лицо и уста. Мучители выбили ему зубы, растерзали лицо его, стерли его язык, исповедующий Христа, и, наконец, едва живого извели из города и отсекли, по повелению царскому, святую его главу.

В это время святой Анфим из своего местожительства, где он скрывался, послал диакона с своими письмами к находившемуся в темнице Дорофею и к другим, заключенным с ним за Христа, увещевая их к терпению, дабы они с радостию готовы были умереть за Жизнодавца — Господа. Нечестивые схватили диакона и представили его с письмами святого Анфима царю Максимиану. Царь прочел эти письма и нашел написанное в них неприятным для себя: в письмах заключалось сердечное приветствие святого мученикам, усердное сострадание о них, отеческое наставление к ним, пастырское учение, святительское благословение на подвиг мученический и укрепление к ниспровержению идолов. Сильно разгневавшись на все это, царь повелел вывести всех мучеников из темницы и представить к нему на суд. Взглянув на них гордым оком и звериным лицом, он долго укорял их. Потом велел прочитать послания святого Анфима — в укор и обличение их.

---

[1] *Церера*, или *Деметра*, — римская и греческая богиня плодородия, земледелия и брака. Безнравственные обряды в честь этой богини особенно были распространены во Фригии, лежавшей рядом с Вифинией.

— Вы веруете обманчивым басням этого злого человека, — говорил он, — и слушаете его развращенное учение, а не царское повеление!

Верующие, слыша читаемое послание, глубоко радовались и, проливая слезы от радости, приветствовали стоявшего в отдалении диакона Анфимова светлым взором, радостным лицом и преклоненною головою; слова же святого Анфима, которые были читаны для укорения их, они слагали в сердце своем.

Тогда царь сказал диакону:

— Скажи нам, откуда ты пришел? Кто дал тебе эти, развращающие народ, послания? И где скрывается тот, кто послал тебя?

Диакон, раскрыв уста, исполненные благодати, начал говорить следующее:

— Тот, кто посылает эти послания, есть пастырь. Но так как он находится далеко от своего стада, то письмами наставляет его и возбуждает к благочестию; особенно же, когда он услышит про нашествие многих волков на стадо словесное, тогда громко извещает овец, что́ они должны делать. Возвещает же он им от Пастыреначальника следующие слова: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). Я принес это послание Христову стаду, чтобы сообщить им его содержание; но где ныне находится пославший его, — о том не скажу, ибо было бы великим безумием, если бы я стал предателем пастыря моего, от которого всем приносится великая польза, который и без моего извещения о нем скоро будет явлен, ибо *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14).

Разгневанный этими мужественными словами, мучитель осудил святого диакона, имя которому было Феофил, на смерть. Прежде всего у него отрезали язык, столь благодатно вещавший, а потом убили его, побивая камнями и пронзая стрелами. После этого царь приказал, посредством разнообразных мучительных казней, умертвить и представленных на суд мучеников: святому Дорофею усекнуть голову, Мардония сжечь на костре, Мигдония живым бросить в яму и засыпать землею, Горгония, Индиса и Петра утопить в море, повесив на шею их жерновный камень, и всех прочих погубить посредством многих других казней. Таким образом, все они различными путями смерти преставились ко Господу. Тела мучеников, ко-

торые были брошены в море, рыбаки потом изловили сетями, и одна девица, по имени Домна, погребла их. Узнав об этом, язычники усекли ее мечом, в то время когда она молилась над мощами святых мучеников. В то же время и Евфимий, который своею проповедью обратил многих к исповеданию Христа и мученическому подвигу, там же, в Никомидии, после различных мучений, принял кончину мученическую, будучи усечен мечом. После всего этого приспело время пострадать за исповедание Иисуса Христа и святому Анфиму.

Когда он скрывался в вышеупомянутом селении Семане и тайно сеял слово Божие и умножал веру во Христа, Максимиан проведал о нем и немедленно послал двадцать воинов, чтобы схватить его. Достигнув этого селения, они встретили здесь святого Анфима и его же самого спрашивали:

— Где находится Анфим, учитель христианский?

Встретив воинов, Анфим повел их в свою хижину и сказал:

— Я сообщу вам об Анфиме и предам его в ваши руки, но только отдохните немного от пути.

Затем он предложил им вкусить пищи и устроил им посильную трапезу, радушно угощая их. После этого святой открылся пред ними, что он — Анфим.

— Я, — сказал он, — тот, которого вы ищете; возьмите же меня и ведите к пославшему вас.

Услыхав это, воины изумились и стыдились поднять взоры на почтенные седины Анфима, потому что видели его сердечный прием и приветливое угощение. И вот они стали рассуждать между собою о том, что они должны повести этого невинного и доброго человека не для благополучия его в этой жизни, а к мучителю, на крайнюю скорбь и имеющую последовать после лютых мучений очевидную смерть. Им стало жаль Анфима, и стыдно пред ним, и сказали они святому:

— Не возьмем мы тебя с собою, но советуем тебе скрыться; а мы скажем пред Максимианом, что везде, в окрестностях Никомидии, мы искали Анфима и нигде его не нашли.

Но Анфим прилежно соблюдал заповеди Господни и поэтому убеждал их говорить правду, так как не желал, чтобы ради него говорили ложь, и притом стремился пострадать и умереть за Христа; поэтому он пошел вместе с ними. По пути он проповедовал им слово Божие, уча их вере в Господа нашего Иисуса Христа. Не всуе падало

это сеянное Анфимом семя слова Божия, но попало на добрую землю: оно вкоренилось в сердца воинов, процвело там и возросло к усовершению их в вере. Когда они достигли реки, Анфим сотворил о них молитву и крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Потом они опять отправились в путь, ведя душеполезную беседу, пока не достигли Никомидии. Когда Анфим вошел в город, о нем было возвещено Максимиану, — и тот повелел связанным представить его к себе.

И вот святой предстал пред мучителем со связанными позади руками: ибо, во свидетельство истины, так именно до́лжно было ему явиться пред судилищем нечестивых язычников связанным, как бы злодею; но он был свободен душою и обратил ее к небу, откуда ждал помощи. Мучитель приказал принести все орудия, употреблявшиеся при мучениях, чтобы, прежде всего, устрашить Анфима одним видом их, рассчитывая, что святой, убоявшись их, согласится исполнить волю царскую. Потом начали спрашивать его:

— Ты ли тот Анфим, который, заблуждаясь относительно одного простого человека, по имени Христа, приводишь в то же заблуждение и простой народ, обманывая его и возбуждая противиться нашему царскому повелению, а наших богов бесчисленными ругательствами хуля и укоряя?

Анфим же, посмеявшись над принесенными орудиями мучений и над словами царскими, сказал:

— Знай, царь, что я совсем бы не отвечал на этот твой вопрос, если бы не советовал мне того Божественный апостол, наставляющий нас быть готовыми *всякому, требующему* у нас *отчета в* нашем *уповании, дать ответ* (1 Пет. 3, 15), ибо обещал нам Бог дать *уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся* нам (Лк. 21, 15). И я первый насмеялся над вашими идолами, которых вы называете богами; теперь же я смеюсь над твоим великим безумием, что ты надеялся отторгнуть меня от Создателя моего, Который и тебя, неблагодарное создание, почтил Своим образом. За что ты меня привел связанным на свой суд и положил пред моими глазами орудия мучений? Не хочешь ли ты ими устрашить меня, чтобы я, убоявшись, повиновался твоему безбожному повелению? Но этим ты не в состоянии устрашить того, кто сам желает умереть за Господа своего. Предлагай это вниманию тех,

которые малодушны и трусливы, для которых эта временная жизнь представляется великим утешением, а потеря временной жизни — великою скорбию: устрашай их, а не меня. Для меня же это бренное тело и эта временная жизнь суть как бы тяжкие узы и темница, не позволяющие моей душе перейти к вожделенному Богу; твои же угрозы, казни и мучения для меня тем приятнее всякого земного наслаждения, что за ними последует смерть, которая, освободив меня от телесных уз, переселит туда, куда устремлено все мое желание.

После того, как святой произнес эти слова, мучитель повелел бить его камнями по шее. Анфим же, с благодарностию принимая эти побои, как начало страданий за Христа и основание венцов мученических, желал еще больших страданий, желая наследовать высшее воздаяние, и, то насмехаясь и поругаясь над мучителем, то приводя его в сильнейший гнев, чтобы повелел мучить его тягчайшими страданиями, повторял грозное пророческое слово: *Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес* (Иер. 10, 11).

Эти слова пронзили сердце мучителя, и он повелел раскаленными острыми железными кольями насквозь просверлить ноги священномученика. Но и это мучение было для святого радостию, ибо он, радуясь, прославлял Бога, сподобившего его терпеть за имя Господа Иисуса Христа таковые страдания. Потом Максимиан повелел положить по земле острые черепки, возложить на них страдальца нагим и в таком состоянии бить еще сильнее палками, чтобы сердце его пронзала сугубая боль: сверху — от биения палками, снизу — от острых черепков. Но святой и тогда не отчаялся в своей победе над мучителем, воспевая: «Благодарю Тя, Господи, Царю веков, *ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня* (Пс. 17, 40–41)».

Тогда мучитель изобрел иную муку: раскалив медные сапоги, надели их на ноги Анфима. Но Божественная благодать свыше осенила страдальца, укрепляя его в страданиях, и он слышал голос, обещавший ему вскоре венец небесный, и этот голос исполнил сердце его блаженством. От этого Божественного утешения святой начал явно пред всеми не обращать внимания на мучения, и лицо его озарилось небесною радостью, как будто он не претерпевал никакого страдания. При виде этого, мучитель изумлялся и говорил

про святого Анфима, что он — волхв и посредством какого-то волшебства превозмогает огненную силу жжения. Стали спрашивать его: почему он, находясь в таких мучениях, радуется?

— Потому я так радуюсь, — отвечал святой, — что настоящие страдания служат мне твердым упованием обещанных благ, в скором же времени я препобежду твою надменную гордыню и докажу, что твои боги много беспомощнее сил человеческих, и ты будешь каяться о злобе своей вовеки, но без пользы, — и не прежде отойдешь из этой жизни, чем будешь осужден на вечную погибель.

Еще более раздраженный этими словами, мучитель приказал привязать святого к колесу и привести ось колеса вместе с ним во вращательное движение, причем тело его жечь огнем. Но когда слуги начали исполнять царское повеление, привязали Анфима к колесу и стали разводить под ним огонь, то они сами внезапно упали как бы мертвыми. Колесо остановилось, и огонь устремился на них и опалил их, и они после поведали мучителю следующее:

— Когда мы начали вращать колесо и поджигать привязанного к нему, около нас появились три светоносных мужа и сказали: «Не бойся, раб Божий Анфим!» Когда же они обратили взор свой на нас, напал страх на нас, и огонь под колесом обратился на наши лица и попалил нас.

Услыхав это, мучитель был поражен, но все это приписал волхвованию. После того святого Анфима сняли с колеса, и царь угрожал ему усечением меча, если он не принесет жертвы идолам. Мученик же, услыхав о том, что ему предстоит усечение мечом, возрадовался и усердно молил Бога, да даст ему скорее отойти к своему стаду, восшедшему к небу путем мученичества прежде него, дабы и он мог сказать: *Вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18).

Но злочестивый царь предварительно повелел ввергнуть святого в темницу и связать железными цепями. Когда Анфима вели в темницу, то он славил и благословлял Бога за все. — И вот внезапно озарил его с неба свет, цепи его расторглись, а слуги, ведущие его, пали на землю от страха. Но Анфим, подняв их, велел исполнить то, что им было приказано. Дойдя до темницы, святой вошел к заключенным там злодеям и разбойникам с такой радостью, как будто был введен на пир, или брачное торжество. Предложив узникам духовную пищу слова Божия и представив им питие благочестия, он при-

обрел их Христу и присоединил к Его святой Церкви, научив вере и добрым делам; там же в темнице он возродил их водою святого крещения. И стала та темница светлою церковью, исполненной даров Духа Святого, где верующие днем и ночью приносили Богу жертву хваления.

Узнав об этом, Максимиан повелел привести к нему святого Анфима и старался ласкательствами склонить его к поклонению языческим богам, обещая сделать его первым из жрецов идольских. Но Анфим с обычным своим дерзновением отвечал царю:

— Я и прежде твоих слов — высший посреди Божиих иереев священник[1]; священник же я Пастыреначальника Христа, Который в плоть мою облекся, и ко мне, ради меня, снисшел с небес. Он послужил пред Богом-Отцом искупительною жертвою за людей, умер на кресте, был погребен и чрез три дня воскрес, и вознесся со славою на небеса, возводя туда всех верующих в Него. Его — я священник и потому себя самого приношу Ему в жертву живую. А ваши жречество, и жертвы, и мнимые боги суть тьма и пойдут во тьму вечную.

Услыхав это, мучитель осудил Анфима на смерть. И пошел святой к смерти, исполненный небесной радости.

— Ныне, — говорил он, — время моего веселия, ныне исполнение моего желания, ныне отверзается мне дверь вечной жизни, да, выйдя от тела, вниду ко Господу, и насыщуся, внегда явится предо мною слава Его.

Достигнув места казни, где он чрез временную смерть имел перейти в нескончаемую жизнь, святитель испросил себе время для молитвы и, помолившись, склонил святую свою главу под секиру, которою и был он, согласно повелению царя, усечен, и так приял конец мученичества своего за Христа, сентября третьего дня. Когда наступил вечер, некоторые из верующих тайно пришли на место казни, взяли с собою многострадальное тело святого Анфима и с честию погребли его, прославляя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога, Которому — слава вовеки, аминь[2].

---

[1] То есть епископ.

[2] Мученическая кончина святого Анфима должна быть отнесена к 303 году: в этом году Диоклетиан велел сжечь в Никомидии храм со всеми бывшими там христианами, издал указ, воспрещавший христианам собираться для богослуже-

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ВАСИЛИССЫ**

В царствование нечестивого римского императора Диоклетиана едва ли в каком другом городе было пролито столько мученической крови, как в Никомидии: в нем такое множество верующих было убиваемо за Христа, что только за один месяц приявших мученическую кончину насчитывалось до семнадцати тысяч, кроме двадцати тысяч, сожженных в церкви в день Рождества Христова. И такое неповинное убиение верующих в это жестокое гонение продолжалось не один месяц, а долгое время. Кто же в состоянии исчислить всех убитых за это время христиан, кроме только Единого Бога, исчисляющего и множество звезд! В Никомидии же пострадала и святая мученица Василисса. Слава всесильному Богу, проявляющему свою великую силу не только в людях взрослых, но и малых детях! Святой мученице было всего девять лет, когда ее привели на суд к игемону, или правителю Никомидии, Александру, пред которым эта мученица-отроковица, непорочная невеста небесного Жениха, так смело исповедала Христа, что все были удивлены благоразумию и свободному разговору ее с мучителем, с которым она вела спор о вере Христовой, как вполне совершенный муж. Правитель надеялся склонить ее к почитанию своих богов ласками и обещаниями, но святая оставалась непреклонною; тогда правитель повелел бить ее по лицу: святая отроковица возблагодарила за это Бога. Правитель приказал тогда снять с нее одежды и бить ее розгами: она воздала за это еще большее благодарение Господу. Это привело правителя в ярость, и он повелел бить ее еще сильнее; когда же все тело ее покрылось как бы сплошною язвою, она воскликнула: «Боже,

---

ния, и потом — другой указ, повелевавший заключать епископов, пресвитеров и диаконов в темницы и требовать от них принесения жертвы языческим богам, в случае же отказа — пытать и убивать. — Византийский император Юстиниан с 527 по 565 год построил в честь священномученика Анфима великолепный храм на берегу Золотого Рога, украсив его мрамором и золотом. Император Лев Великий создал ему храм близ Ксироцирка. В X веке глава святого Анфима находилась в Никомидии, где от нее происходило много чудес и постоянно произрастали власы на ней.

благодарю Тебя за все это». Тогда правитель приказал, просверлив ей голени, повесить ее вниз головою и на разведенный под нею огонь бросать смолу, серу, масло и олово, в уверенности, что она скоро испустит дух от тяжких страданий и смрадного дыма; но святая и при этих мучениях, как в райской прохладе, не переставала воспевать хвалу Господу. Видя, что святая относится с пренебрежением к изобретаемым им мучениям, правитель приказал бросить ее в разожженную печь. Оградив себя знамением честнóго креста, святая Василисса вошла в пламень и долго оставалась в нем без всякого вреда. Все присутствующие были объяты ужасом и с недоумением смотрели на столь чудесное видение. Тогда, выпустив ее из печи, выпустили на нее двух львов, чтобы растерзали ее; но святая, помолившись, осталась невредимою: молитва отроковицы, подобно тому, как некогда молитва Даниила пророка, заградила уста львов (см.: Дан. 6). Ужас объял тогда самого правителя Александра, который, пробыв долгое время как бы в исступлении, наконец воскликнул: «Это судьбы Божии!» И, припав к ногам святой мученицы, он воззвал: «Помилуй меня, раба небесного Царя и Бога, и прости за все мучения; помолись Богу твоему, чтобы не погубил меня Господь за тебя, ибо отныне и я верую в Него». Тогда святая мученица, громогласно прославив милосердного Господа, просветившего слепоту правителя и открывшего ему познание истины. Призвав епи-

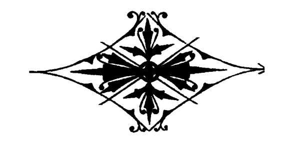
скопа Антонина, она просила огласить Александра и, научив вере, крестить его. Все бывшие там христиане искренне радовались обращению правителя Александра, который, по крещении, принес покаяние в своем прежнем нечестии и причиненных им христианам мучениях и молил святую Василиссу, чтобы испросила ему прощение у Господа. По ходатайству и молитвам святой мученицы, правитель Александр, вполне уверовав, в скором времени преставился, исполненный истинного покаяния, и погребен был христианами с честию; святая же, после погребения его, удалилась из города на расстояние трех поприщ (около четырех километров). Здесь, почувствовав жажду и найдя камень, святая стала на него и обратилась с молитвою к Господу, и тотчас из камня потекла вода. Утолив жажду, она отошла немного от этого места и, приклонив с молитвою колени, предала дух свой Богу. Узнав об этом, епископ Антонин пришел туда и похоронил святую близ того камня, из которого, по молитве ее, истекла вода. По молитвам святой мученицы, излей, Господи, и на нас Свою великую и богатую милость, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АРИСТИОНА

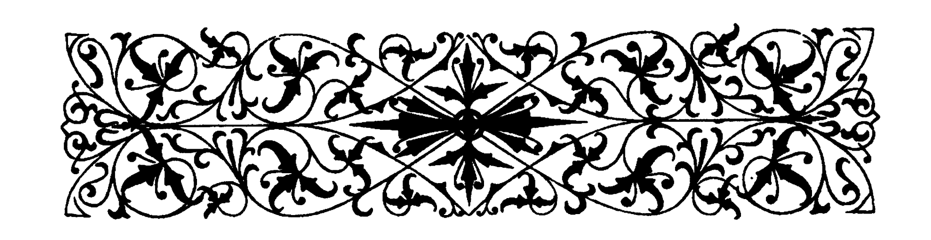
Святой Аристион был епископом Александрии приморской, находившейся между городами Иссом и Антиохиею, в Сирии. Он ревностно проповедовал о Христе и Его спасительных страданиях, смерти и воскресении, а также поучал народ о том, что все на земле тленно и скоропреходяще, а вечны и нетленны только будущие небесные блага. За таковое учение он был приведен на суд к правителю города Александрии и, после того как исповедал Христа истинным Богом, осужден был на сожжение, и в этом мученическом подвиге окончил свою блаженную жизнь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ
ФИВЫ

Об этой святой упоминает апостол Павел в послании к Римлянам. *Представляю вам Фиву*, — пишет он, — *сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской*[1]*: примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо она была помощницей многим и мне самому* (Рим. 16, 1–2).



[1] *Селение Кенхреи* было корабельной пристанью в Коринфе.



День четвертый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ВАВИЛЫ,
и с ним трех отроков

Злочестивый царь Нумериан[1], во время своего пребывания в городе Антиохии[2] устроил большое празднество в честь идолов. В числе жертв, принесенных идолам, была пролита и невинная кровь малого отрока, сына царского, коего Нумериан взял себе в залог твердого и ненарушимого мира с одним чужеземным царем. С этим царем некогда он вел войну, и так как они не могли одолеть друг друга, то заключили между собою мир, утвердили его взаимными клятвами и стали друзьями. В удостоверение же непреложного мира и дружбы чужеземный царь отдал Нумериану, на его попечение, малолетнего своего сына с тем, чтобы он заменил ему отца и воспитал его как свое родное дитя. Лукаво приняв царского отрока, Нумериан вскоре проявил бесчеловечную жестокость: он нарушил мир с царем, пренебрег своею клятвою, презрел дружбу и собственною рукою заколол царского сына в капище мерзостных богов своих.

В то время архипастырем Антиохийской церкви был святой и богобоязненный епископ Вавила. Избранный по указанию Божественного промысла на престол архиерейский, святой Вавила *был образ-*

---

[1] *Нумериан* — Римский император, царствовал с 283 по 284 год.

[2] Здесь разумеется Антиохия Сирийская, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

цом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1 Тим. 4, 12). В то время как совершали идольский праздник и бесчеловечное убийство, епископ, собрав всех христиан, находившихся в Антиохии, в святой храм, приносил там бескровную жертву Богу истинному, молясь о своем словесном стаде, чтобы не расхитили его душепагубные волки; при этом он поучал своих словесных овец быть твердыми в вере и не отпадать от церкви во время бедствий. Возвращаясь с мерзкого и человекоубийственного жертвоприношения, нечестивый царь направился к христианскому храму, желая видеть совершение Божественных Тайн и, таким образом, своим входом осквернить святыню Господню. Услыхав, что нечестивый царь со всем своим синклитом идет в церковь, ревнитель славы Божией, великий святитель Вавила, оставив Божественный алтарь и выйдя царю навстречу, остановился в церковных дверях. При приближении царя к храму, святитель громким голосом воскликнул:

— Не до́лжно тебе, царю-идолопоклоннику, входить в святыню Бога Живого и осквернять ее своим присутствием.

Обличая и укоряя царя за его идолопоклонническое нечестие, святой Вавила дерзновенно препятствовал царю и не допускал его войти в церковь. И когда царь подошел еще ближе к церковным дверям, святой Вавила, приложив свою правую руку к груди царя, оттолкнул его от храма Божия, так что царь возвратился назад с великим стыдом. Так как с ним были слуги и войско, то он хотел силою войти в церковь, но Божественная сила, действовавшая чрез святого Вавилу, не попустила нечестивцу коснуться даже порога церковного: слова Вавилы были страшны для безбожника, как слова Ангела. К тому же, ввиду большого стечения народа и многочисленности верующих, царь опасался, как бы не произошли распри и возмущение. Поэтому он, молча подавив досаду, разгневанный возвратился в свои палаты. Но на другой день он повелел предать церковь огню и, потребовав святителя к себе, стал упрекать его за дерзкий поступок.

— О несчастнейший из всех смертных! — говорил царь. — На кого ты надеялся, когда осмелился сопротивляться моей державной власти и воспретить мне вход в церковь? Разве ты не знаешь, какое великое зло досаждать царю и какие казни угрожают тому, кто дерзнет обесчестить личность царя?

Святой Вавила на это безбоязненно отвечал:

— Я не смотрю на царя земного и не стыжусь его лица, но взираю на Царя небесного и на Него уповаю. Я страшусь Того, Кто поставил меня пастырем Своих овец и повелевает мне стеречь их от нападений волка и не допускать, чтобы зверь входил в стадо. Не царю я досадил, так как знаю, что такая дерзость равносильна сумасшествию, но удержал того, кто хотел своим входом оскорбить святыню Божию и осквернить ее. Поэтому по справедливости тебе следовало бы воздать мне благодарность за то, что я удержал тебя от такого злого намерения: исполнив его, ты совершенно погубил бы себя, так как бесконечно оскорбил бы своего Создателя, отпасть от Коего злее всякой смерти.

— Приличнее было бы тебе, — говорил Нумериан, — раскаяться во вчерашней твоей дерзости против нас и просить прощения, а ты и теперь еще нам досаждаешь.

— Не до́лжно нам, христианам, — отвечал Вавила, — никого из людей ни укорять, никому не досаждать. Не досаждаем мы и тебе: ибо не до́лжно бесчестить создание Божие, сотворенное по образу Божию и по подобию. Однако, если кто восстает на Бога и наносит оскорбление Его святыне, тот не только недостоин почтения, но вполне справедливо его возненавидеть, как врага Господня, по слову Давида: *мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138, 21–22).

— Оставь свое многоглаголание, — сказал ему царь, — и послушай нас: если ты хочешь избавиться от казни за свое преступление и получить прощение, то принеси жертву нашим богам и поклонись им.

— За порученное мне стадо, — отвечал святитель, — я готов перенести всякое страдание и даже умереть.

И немного помолчав, сказал:

— Я не могу отречься от Бога моего и служить ложным богам, о беззакониях коих стыдно и подумать.

— Снова говорю тебе, — сказал царь, — оставь свое многоглаголание и принеси жертву богам. Если же не исполнишь этого, то моя власть так же зло погубит тебя, как зол ты сам.

Вавила отвечал:

— У меня было желание избавить тебя от мрака, тебя окружающего, чтобы ты мог избежать нескончаемых мучений, а ты и себе приготовляешь еще большие муки, и других к ним призываешь. Истинно говорю тебе: не можешь ты избежать рук Бога Живого.

Тогда мучитель притворился кротким и стал спокойно спрашивать святого Вавилу:

— Можешь ли ты объяснить нам, что такое Бог?

Вавила отвечал:

— Существа Божия постигнуть невозможно, хотя бы ты употребил для этого все старание; ибо Бог есть вечно сущий Царь и Творец всего, неизреченный, непостижимый, не подлежащий испытанию умом человеческим, начало и сила всего. Он сотворил Ангелов и Архангелов и все другие бесплотные существа; после них — Он создал человека и даровал ему бесчисленные блага, поставил его царем на земле, по подобию того, как Он Сам царствует на небесах, и поместил его в раю. Для того же, чтобы человек понял свое высокое назначение и имел признак того, насколько он выше животных, Бог привел их к нему и повелел дать имена им. Бог создал человеку помощницу и удостоил его наслаждаться беседою с Собою. Неблагодарный человек презрел своего Создателя и пренебрег Его заповедями, а врага своего, не сделавшего ему никогда никакого добра и только принесшего ему ложное слово, послушал. Поверив ему, он лишился рая и праведным судом Божиим был изгнан. Но незлобивый и благий Бог, хотя и отогнал человека от Себя, однако непрестанно ему благодетельствует, явно показывая, что, несмотря на наши бесчисленные прегрешения, не хочет Он нашей погибели, но всячески устрояет наше спасение.

Слушая такие речи, Нумериан не мог их понять. Да и как могла уразуметь их его душа, не знавшая благодати, не наставленная в уче-

нии веры? Однако, из стыда пред стоящими вокруг, что не заметили они его непонимание, он сделал вид, будто все, что говорил Вавила, он вполне уразумел, и похвалил его, как человека, рассуждающего вполне хорошо. Затем снова спросил его:

— А что такое человек?

— Человек, — отвечал Вавила, — существо земное и смертное, но выше всех смертных животных; кроткое, любезное своим ближним, хотя мы и сделались лютыми друг к другу больше, чем звери.

Удивляясь речам Вавилы, но вместе с тем и сам продолжая притворяться мудрым, Нумериан клялся своими богами, что Вавила говорит истину и засвидетельствует свою мудрость, если только принесет жертву богам.

— Одного только и недостает Вавиле, — говорил царь, — чтобы он воздал честь богам нашим. Невозможно, чтобы такой премудрый человек мог бесчестить богов и осмелился говорить против них.

И ласково посмотрев на Вавилу, сказал ему:

— О премудрый старец! Принеси жертву богам, и тотчас же я буду считать тебя как бы отцом своим. Клянусь богами, что не лгу и награжу тебя многими имениями в моем царстве.

И разными ласками, обещанием больших почестей и богатства нечестивый царь старался прельстить этого праведного мужа. Но истинный исповедник Христов остался непоколебим в своей вере. На льстивые слова мучителя он отвечал:

— Начало и основание всякого блага есть благочестие: без него все обещаемые мне тобою блага суть только нищета, крайнее огорчение и лишение и того, что я имею.

Убедившись, что святого Вавилу невозможно склонить к злочестию, Нумериан снова пришел в ярость и приказал своему военачальнику Викторину надеть тяжелые цепи на шею и на ноги святителя и водить его по городу, чтобы опозорить его пред всеми. Беззаконник питал надежду, что почтенный муж, пользующийся славой и уважением от всех, устыдится такого бесчестия и согласится исполнить нечестивое желание царя. Когда же надели на святого цепи, царь стал насмехаться над ним.

— Клянусь богами, — говорил он, — что тебе, Вавила, достойно ходить в этих цепях: они вполне приличны твоей старости.

— О царь, — отвечал святитель, — ты на смех говоришь эти слова, я же тебе скажу истину: цепи эти для меня так же почетны, как для тебя твой царский венец, и страдания за Христа так же для меня приятны, как приятна тебе твоя царская власть; смерть же за бессмертного царя так же для меня желательна, как для тебя твоя жизнь.

При святом Вавиле были три отрока, родные братья. Они были юны по летам, но зрелы умом, и духовно воспитавший их Вавила считал их как бы своими детьми. Следуя за своим учителем, они не оставили его и тогда, когда он был закован в цепи. Взглянув на них, царь сказал святому:

— Я думаю, Вавила, что дети эти, называя тебя учителем, только увеличивают твою гордость, и из-за них ты остаешься непреклонным в своем противлении нашей воле.

— Если ты, — отвечал ему святитель, — пожелаешь спросить этих детей, то увидишь, что они разумнее тебя самого, и узнаешь, что это — семена моего учения.

— Чьи же эти дети? — спросил царь.

— Это мои духовные дети, — отвечал Вавила, — я возродил их благовествованием, вскормил поучением, возрастил наставлениями, и вот в малом теле пред тобою великие мужи и совершенные христиане. Испытай и увидишь.

Царь велел отвести Вавилу на площадь и заключить его в темницу; отроков же призвал к себе и, прежде всего, спросил их, есть ли у них мать.

— И мать, и отец, и учитель для нас — Вавила, — отвечали дети. — Мы возлюбили его больше, чем мать: та только родила нас, а он научает нас разуму и благочестию и, заботясь о наших душах, возводит нас к высоким добродетелям.

Но царь приказал тотчас отыскать и привести к нему мать этих отроков. Когда же привели ее, царь спросил, как ее зовут и действительно ли она мать этих детей.

Она отвечала:

— Имя мое — Христодула; дети эти действительно мои. Я принесла их, как начатки моих болезней, в дар Богу и надеюсь, что премудрый Вавила, попечению коего я поручила моих детей, перенесет их в небесную сокровищницу.

Нумериан разгневался и повелел бить благочестивую мать по щекам, говоря ей:

— Не говори так дерзко с царем.

Дети же, видя, как бьют их мать, говорили:

— Царь обезумел: бьет мать за то, что она говорит истину.

После этого царь стал спрашивать детей, как их зовут и сколько им лет.

Они сказали, что первый из них двенадцати лет от роду и называется Урваном, второму — Прилидиану — девять лет, а третьему, по имени Епполонию, — семь лет.

Мучитель прельщал их ласковыми речами и дарами, убеждая поклониться идолам. Но они единогласно отвечали:

— Мы — христиане, и не подобает нам кланяться идолам. Нас научили ведать Единого Бога, Того, Кто сотворил небо и землю. Ему мы и поклоняемся, а не бесам.

После многих ласкательств, увидев, что дети непреклонны, мучитель повелел бить их, нанося им раны по числу лет каждого из них. Итак, первому отроку нанесли двенадцать жестоких ран, другому — девять, а третьему — семь. Дети мужественно терпели страдания и сожалели только о том, что не имеют больше лет, чтобы больше получить ран за Христа.

— Если вы решили даже убить нас, — говорили они, — мы не поклонимся ложным богам: Единому Богу, Господу Иисусу Христу, мы служим.

Отпустив их мать и удалив самих детей в другое место, царь опять вызвал к себе Вавилу.

— Вот, — сказал он, — дети твои уже поклонились нашим богам, подобает и тебе немедля самому поклониться.

— От отца лжи, диавола, научились и вы лгать, — отвечал царю Вавила, — знаю я, что невозможно ни прельщением, ни муками отторгнуть детей от Христа: ибо я хорошо научил их почитать Единого Истинного Бога и веровать в Него.

Тогда царь велел повесить и Вавилу, и детей на дереве и жечь их огнем.

Вавила, возведя очи к небу, помолился Богу, чтобы послал Он малым этим детям крепость Свою и даровал им непреодолимое терпение в предстоящих муках. А их самих увещевал мужественно пе-

реносить страдания, обещая им великую награду от Христа. Доблестно переносили страдания незлобивые дети вместе со своим учителем, и помощь Божия укрепляла их в терпении.

Приказав снять страдальцев с дерева и заключить Вавилу в цепях в одном доме, неподалеку от места мучений, мучитель решил еще раз прельстить детей лаской. Он называл их своими детьми, благонравными и прекрасными отроками, дарил им золото и серебро. Но они в один голос говорили ему:

— Лукавый льстец! Для чего ты раскидываешь перед нами многосплетенную сеть твоих прельщений? Неужели ты думаешь уловить нас так же, как птиц? Будь уверен, что не будешь иметь никакого успеха, хотя бы ты приложил все свое старание; ибо нас охраняет и покрывает сила Христа, — и Его силою твоя сеть вскоре будет уничтожена, а мы получим избавление.

Затем отроки воскликнули:

— О матерь наша, благочестие, не отвергнемся мы от тебя! О возлюбленный наш учитель, Вавила, будем верны твоему учению! Ибо не только один царь, но если бы здесь находились многие и лютейшие цари и мучители, и те не могли бы нас отторгнуть от Бога нашего.

Святой Вавила, заключенный неподалеку, услыхав эти речи своих учеников, возрадовался радостью несказанною и возблагодарил Бога, из уст детей совершающего Себе хвалу.

Вскоре царь повелел привести к себе и Вавилу и сказал ему:

— Не твои ли это, Вавила, родные дети? Я думаю, что они родились от тебя, ибо своим злонравием они весьма на тебя похожи.

— Воистину, — отвечал святой, — эти отроки — мои дети, но не по плоти, а по духу: ибо я до этого времени не искушен плотским похотением и супружеской жизни не испытал.

— Непокорный Вавила! — сказал царь. — Для чего ты до этого времени пребываешь в своем жестокосердии, мучаешь себя и нас? Принеси скорее жертву богам, чтобы и нам более не утруждать себя, и тебе с детьми твоими избавиться от мучений и удостоиться почестей и даров от нас. Какая для тебя польза добровольно предавать себя и малых этих детей на мучение и смерть? Не подобает ли тебе, как мудрому наставнику, заботиться о детях так же, как о собственной своей жизни, чтобы они не погибали безвременно и, быстро завянув, не скончались в самом расцвете юности?

Но богомудрый Вавила возразил:

— Не подобает ли тебе, царь, иметь попечение о своем царстве, вооружаться против врагов и с ними воевать, а не нас, неповинных, мучить? Ты же, бросив все земные заботы, устремился на нас и, забыв о врагах, пленяющих страну, воюешь с нами и нас преследуешь. И все это ты делаешь не для какой-либо пользы твоему царству, а только для того, чтобы угодить твоей звероподобной ярости и свирепому нраву.

Приведенный этими словами в бешенство, царь осудил и Вавилу, и детей на смерть. Воины повели святых к месту усечения, а Вавила в это время воспевал слова Давида:

— *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя* (Пс. 114, 6).

Достигнув места, где святым назначено было положить свои головы за Христа, Вавила, поставив пред собою отроков, подвел под меч сначала их. Он боялся, как бы кто-нибудь из них, оставшись после него, не убоялся смерти и не отступил от Господа. Поэтому он вперед посылал на небо отроков и утешал их, поучая не страшиться усечения мечом, потому что они получат от Христа жизнь вечную. Когда же отроки прияли смерть от меча, Вавила с радостью воскликнул:

— *Вот я и дети мои, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18).

После этого он и сам подклонил шею свою под меч. При этом он завещал тем, кто будет погребать его тело, положить вместе с ним в гроб и цепи, и оковы.

— Пусть будут они, — сказал он, — украшением тела моего.

Усеченный во главу, отошел святой Вавила в вышние селения и предстал с детьми своими пред Отцом небесным. Честнóе тело его было погребено вместе с веригами, как то сам он заповедал, умирая; с ним были погребены и святые три младенца.

По прошествии многих лет после этого царь Констанций[1], сын Константина Великого, сделал соправителем своего царства Галлия, брата Юлиана, сына своего дяди[2] (ибо своих детей он не имел). Гал-

---

[1] *Констанций* — римский император, второй сын Константина Великого, царствовал с 337 по 361 год.

[2] *Юлия Констанция*, брата Константина Великого. Эти соправители назывались цезарями.

лий, по прибытии своем в Антиохию, перенес мощи святого Вавилы и пострадавших с ним трех отроков в предместье Антиохии, называемое Дафна. О месте том повествуют, что оно получило свое наименование от некоей девицы Дафны, которая там скрывалась от Аполлона[1], как о том говорится в греческих языческих сказках. Это место весьма красиво, обсажено кипарисными деревьями и окружено рощами других высоких деревьев, занимало обширное пространство, отличалось плодородием и имело быстротечный источник воды. Посреди Дафны возвышался идольский храм, в коем находился художественно изваянный идол бога Аполлона. Идол этот давал ответы вопрошавшим его, ибо в нем скрывался бес[2]. Сюда сходились язычники, приносили идолу жертвы и совершали разные нечестивые игры и беззакония. Вышеупомянутый Галлий, бывший благочестивым христианином и старавшийся отвращать язычников от их беззаконий, хотел разорить находившийся в Дафне идольский храм, но побоялся, как бы из-за этого не поднялся среди греков мятеж, потому что там было еще много язычников, готовых даже умереть за скверных своих богов. Поэтому Галлий соорудил там небольшую церковь и, как уже сказано, перенес в нее мощи святого Вавилы и трех отроков, положив их в большом каменном ковчеге. Он надеялся, что нечестивцы, собираясь на то место, мало-помалу станут обращаться ко Христу, видя чудотворения, истекающие от мощей святых. После убиения Галлия и смерти Констанция воцарился Юлиан Отступник[3]. Во время похода своего на персов он посетил Антиохию и зашел в храм Аполлона. Совершив пред его идолом жертвоприношение, Юлиан вопросил его относительно того, победит ли он персов. Но идол не отвечал ему, потому что с того времени, как в Дафну были перенесены мощи святого Вавилы, бес исчез и идол замолк, не отвечая ни на один вопрос. Узнав о том от

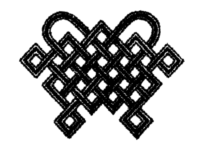
---

[1] *Аполлон* — бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом — прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка.

[2] То есть здесь находился так называемый оракул, место, где, по верованиям древних греков и римлян, боги шумом листьев священных деревьев, журчанием воды и так далее предсказывали людям будущее. Предсказания эти имели характер темных изречений, а истолкователями их являлись жрецы, которые ради своих выгод поддерживали в народе грубые суеверия и заблуждения.

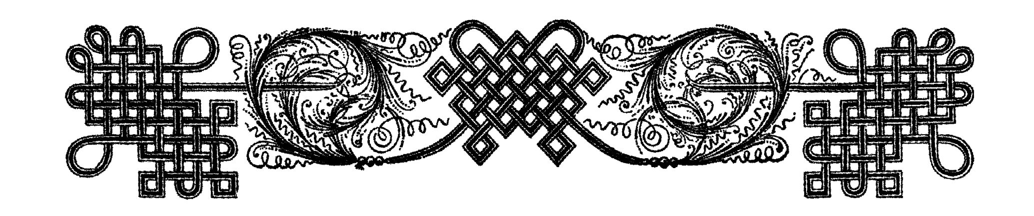
[3] *Юлиан Флавий*, Римский император, наименованный Отступником.

жрецов Аполлоновых, Юлиан повелел «галилеянам»[1] взять оттуда каменный ковчег с мощами святых. Антиохийские христиане собрались все — от малого до великого — и с псалмами и песнопениями перенесли мощи святого Вавилы и трех отроков в город. Окружив со всех сторон ковчег, христиане воспевали: *да постыдятся все служащие истуканам, хвалящиеся идолами* (Пс. 96, 7). Лишь только мощи святых были перенесены из Дафны в город, на храм Аполлонов с неба ниспал огонь и истребил его вместе с идолом. Так посрамлены были нечестивые; верующие же возрадовались и восхвалили Бога, Которому слава вовеки. Аминь.



---

[1] *Галилеянами* именовались последователи Христа, Которого называли «Иисусом Галилеянином» (см.: Мф. 26, 69), потому что детство и отрочество Свое Он провел в Назарете, незначительном городе Галилеи.



ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
МОИСЕЯ БОГОВИДЦА

По смерти Иосифа потомство Иакова, отца его, в продолжение нескольких сотен лет[1] настолько размножилось в земле Египетской, что вся она переполнилась израильтянами, и во время войны они одни могли выставить до шестисот тысяч человек войска. Тогда царь Египетский стал опасаться, как бы народ израильский не соединился с неприятелями Египта и, желая свободы, не вооружился бы против него. Он приставил к израильтянам особых надзирателей, коим было вменено в обязанность изнурять их тяжкими работами. С особенною жестокостию мучили они израильтян, принуждая обрабатывать землю, делать кирпичи и строить города — как ради тщеславия, так, в особенности, для того, чтобы скорее истребить еврейский народ. Но чем более они притесняли израильтян и изнуряли их, тем более те умножались: ибо они не могли сократить числа людей, коих умножить и возвеличить угодно было Самому Богу. И хотя царь дал тайное повеление повивальным бабкам, чтобы они, при самом рождении, умерщвляли еврейских младенцев мужского пола; но те, боясь Бога, щадили их. Тогда царь издал по всей Египетской земле бесчеловечное повеление, по которому всякий, заметивший еврейского младенца мужского пола, должен был бросать его в реку (см.: Исх. 1).

---

[1] Смерть патриарха Иосифа следует относить приблизительно к 1923 году до Рождества Христова. Пребывание израильтян в Египте продолжалось приблизительно триста девяносто восемь лет, начиная с переселения туда Иакова с его семейством.

В то время жил там некий муж, по имени Амрам из колена Левиина, имевший жену из того же колена, по имени Иохаведу; у них до этого времени родились сын Аарон и дочь Мариам[1]. В то самое лютое время, когда новорожденные младенцы еврейские были истребляемы, у них родился второй сын; дитя было так прекрасно, что мать, зная царский закон об умерщвлении всех новорожденных еврейских младенцев, скорбела о младенце и решилась скрыть его у себя, что и делала в продолжение трех месяцев. Но потом, так как она не могла больше скрывать младенца, то взяла корзинку, осмолила ее, положила в ней дитя и поставила в тростнике у берега реки. Сестра младенца стала в отдалении наблюдать, что с ним будет (см.: Исх. 2, 2). И вышла дочь фараонова[2] на реку[3] купаться, а прислужницы ее ходили по берегу реки. Она увидела корзинку среди тростника и послала рабыню свою взять ее. Открыв корзинку и видя в

[1] *Амрам* происходил из колена Левия (сына патриарха Иакова) и был сыном Каафа, сына Левия (см.: Исх. 6, 20; Чис. 3, 29; 26, 58–59). Иохаведа была дочь Левия (см.: Исх. 6, 20; Чис. 26, 59).

[2] То есть дочь царя Египетского. Цари египетские назывались фараонами.

[3] Имеется в виду *Нил* — величайшая река земного шара. Длину Нила полагают в шесть тысяч верст; протекает он на северо-востоке Африки, начиная от Эфиопии, и впадает в Средиземное море.

ней плачущего младенца, она сжалилась над ним и сказала: «Это из еврейских детей». Царевна захотела усыновить младенца и найти ему кормилицу из евреек. По сказаниям Иосифа Флавия[1], приводили к найденному младенцу много кормилиц еврейских, но тот не принимал от них молока. Тогда Мариам, сестра Моисеева, осмелилась подойти к дочери фараоновой и сказала ей:

— Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из евреек, чтобы она вскормила тебе младенца?

Дочь фараонова отвечала ей: «Сходи», — и та привела к ней свою мать. И сказала ей дочь фараона:

— Возьми младенца и вскорми его: я дам тебе за это плату.

Иохаведа взяла младенца, и тот прильнул к ней, чувствуя в ней свою мать. Она кормила его в своем доме; когда же младенец вырос, она привела его к дочери фараоновой, которая усыновила его и нарекла имя ему: Моисей, *потому что,* — говорила она, — *я из воды взяла его* (имя это по-египетски означает воду) (см.: Исх. 2, 7–10).

В некоторых древних сказаниях[2] повествуется, будто однажды дочь фараонова принесла Моисея к своему отцу, и тот, играя с ним, возложил на его голову венец царский, на котором было небольшое изваяние идола; Моисей же, сорвав венец с головы, бросил его на землю и попрал его своими ногами. Языческий жрец, который получил предсказание от волхвов[3], что когда родится у израильтян вождь, то Египет претерпит много казней, советовал фараону убить младенца, чтобы он, возросши, не причинил какого-либо бедствия их стране. Но, по благоизволению и устроению Божию, другие вос-

---

[1] *Иосиф Флавий*, еврейский историк (родился в 37 году по Рождестве Христовом), автор «Иудейских древностей», где он передает некоторые сказания о Моисее, которых нет в священных библейских книгах.

[2] Сказание об этом передается Георгием Кедрином, византийским писателем конца XI или начала XII века, автором так называемого «Исторического синопсиса», или собрания летописных сказаний от сотворения мира до 1059 года по Рождестве Христовом.

[3] Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие высокими и обширными знаниями, особенно знаниями о тайных силах природы, светилах небесных, священных письменах и т. п. Они наблюдали естественные явления, толковали сны, предсказывали будущее; они были большей частью вместе с тем и жрецами и пользовались великим уважением при дворах царских и в народе. Таковы были в особенности волхвы египетские.

стали против этого, говоря, что младенец сделал это не умышленно, по неведению. Для испытания его младенческого неведения принесли горячих угольев, и он брал их и влагал в свои уста, отчего опалил свой язык и, вследствие этого, сделался косноязычным.

Когда Моисей пришел в возраст, дочь царская приставила к нему избраннейших мудрецов египетских для обучения его всей премудрости египетской, и он был силен в словах и делах, превзойдя в непродолжительное время своих учителей и сделавшись любимцем царя и всех ближайших его сановников (см.: Деян. 7, 21–22). Когда же он узнал о своем происхождении, что он — израильтянин, и познал Единого Бога, сущего на небесах Создателя вселенной, в Коего веровал его народ, то стал гнушаться египетского языческого нечестия (см.: Евр. 11, 24–26).

Некоторые историки пишут[1], что когда эфиопляне воевали против Египта, то Моисей, достигший уже зрелого возраста, был избран египтянами в военачальники и, благодаря своему мужеству, поразил неприятелей. Однако царь Египетский, вместо благодарности, еще более возненавидел его, потому что некоторые из египетских жрецов в своем волхвовании пророчествовали, что Моисей в будущем наведет бедствия на Египет, и советовали царю убить его. Под влиянием их внушений, царь действительно замыслил убить Моисея, но не приступал к этому тотчас же, не желая оскорбить свою дочь и надеясь найти за ним какую-либо вину или дождаться более удобного времени.

Случилось, что Моисей пошел к своим соотечественникам, сынам Израилевым, и осматривая тяжкие работы их, увидел, что египтянин бьет одного еврея. Заметив, что около того места нет никого постороннего, он убил египтянина и скрыл тело его в песке. На другой день он опять вышел и, увидев двух ссорящихся евреев, сказал тому, кто начал ссору:

— Зачем ты бьешь ближнего своего?

А тот сказал:

— Кто поставил тебя начальником и судьею над нами? Не думаешь ли убить и меня, как убил вчера египтянина?

Моисей, услыхав это, испугался и сказал себе:

---

[1] Иосиф Флавий в «Древностях Иудейских», кн. 2, гл. 10.

— Вероятно, все узнали об этом деле.

Фараон же, услышав об этом, хотел убить Моисея; но Моисей бежал от фараона и остановился в земле Мадиамской (см.: Исх. 2, 11–15).

Утомившись от дальнего пути, Моисей сел у колодезя. И вот пришли к колодезю семь дочерей священника Мадиамского Иофора[1], которые пасли стада отца своего. Они стали наполнять корыта водою, чтобы напоить овец. Но пришли пастухи других стад и отогнали их. Тогда Моисей встал и защитил девиц, начерпал им воды и напоил овец их.

Девицы, возвратившись домой, рассказали отцу своему, что какой-то египтянин защитил их от пастухов и даже начерпал им воды и напоил овец их. Иофор поспешил пригласить к себе Моисея, принял его в дом и потом отдал в замужество ему дочь Сепфору, от которой Моисей имел двух сыновей. Первого он назвал Трисамом, «потому что, — говорил он, — я стал пришельцем в чужой земле», а второго — Элиезером, сказав: «Бог отца моего был мне помощником и избавил меня от руки фараона» (см.: Исх. 2, 16–22).

Спустя долгое время умер царь Египетский. И восстенали сыны Израилевы от работы, и вопль их о тяжком иге восшел к Богу. И услышал Бог стенание их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом. И призрел Бог на сынов человеческих, и восхотел освободить их (см.: Исх. 2, 23–25).

Моисей пас овец у Иофора, тестя своего. Однажды он провел стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией Хориву[2]. И вот явился ему Ангел Господень в огненном пламени из среды тернового куста[3], и увидел Моисей, что терновый куст горит огнем, но не сгорает.

---

[1] *Мадианитяне*, или *мадиамитяне*, были потомками Мадиама, четвертого сына Авраама от Хеттуры; это был многочисленный народ разных аравийских племен, который вел кочующий образ жизни. Мадиамская земля, где они имели главное местопребывание, представляла собой пустынную местность при Еланитском заливе Чермного (Красного) моря, по восточной стороне его, в Аравии. Как потомок Мадиама, сына Авраама, Иофор и его семейство были чтителями истинного Бога.

[2] *Хорив* — гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которой составляет Синай.

[3] По-славянски: *Купина* — тернистая акация Аравийского полуострова, особенно обильно растущая при горах Хориве и Синае, представляющая собой не-

Моисей сказал:

— Пойду, посмотрю на это великое явление, отчего куст не сгорает?

Господь же воззвал к нему из среды куста:

— Моисей, Моисей!

Он отвечал:

— Вот я, Господи!

И сказал ему Бог:

— Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место на котором ты стоишь, есть земля святая.

И прибавил при этом:

— Я — Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова.

Моисей закрыл лицо свое, потому что боялся воззреть на Бога.

— Я, — говорил Господь Моисею, — увидел страдание народа Моего в Египте, вопль от приставников его и знаю скорби его. И иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли этой и ввести его в землю плодоносную и пространную, в землю хананеев, хеттеев, аморреев, гергесеев, ферезеев, евеев и иевусеев, в землю, текущую млеком и медом[1]. И вот, уже дошел до Меня вопль сынов

большой кустарник с острыми колючками. Явившаяся Моисею горящая, но не сгорающая купина, прообразовала собой, по учению святой Церкви, Богоматерь — Деву, пребывшую нетленной по воплощении и рождении от Нее Сына Божия.

[1] Под землей Ханаанской в некоторых местах разумеются обширные земли, лежащие на западе Азии по восточному побережью Средиземного моря, — в частности, земля по эту сторону Иордана, Финикия и земли филистимлян, причем от земли Ханаанской отличается страна Заиорданская. В новейшее время под землей Ханаанской разумеется обыкновенно вся Обетованная земля, — все земли, занимаемые израильтянами по обе стороны Иордана. Ханаанская земля отличалась необыкновенным плодородием, обилием пастбищ, удобных для скотоводства, и в этом смысле называется в Писании землей, текущей млеком и медом. Хананеи — это первоначальные жители земли Ханаанской, потомки Ханаана, сына Хамова, разделившиеся на одиннадцать колен, из которых пять: евеи, иевусеи, аморреи, гергесеи и хеттеи — жили в той стране, которую после заняли израильтяне, или в собственном смысле землю Обетованную. Евеи, многочисленное племя хананское, обитали в средине земли Ханаанской и частью на юге; аморреи, — наиболее сильное при Моисее племя Ханаанское, — широко распространились и в самой земле Ханаанской, по эту сторону Иордана, занимали середину этой земли и гору аморрейскую и распространились далеко, и на север и на юг; хеттеи обитали в нагорных странах около аморреев и были также племенем сильным и многочис-

Израилевых, и Я вижу угнетение, каким угнетают их египтяне. Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону, и ты выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых.

Моисей сказал Богу:

— Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?

— Я буду с тобою, — отвечал ему Бог, — и вот тебе знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ Мой из Египта, вы совершите служение Богу на этой горе.

Моисей сказал Богу:

— Вот я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им?

— Я есмь Сущий[1], — отвечал Бог Моисею, — так скажи сынам Израилевым: Господь Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова[2] послал меня к вам. Вот имя Мое навеки и памятование о Мне из рода в род. Пойди, собери старейшин Израилевых и скажи им: Господь Бог отцов ваших явился мне и сказал: Я посетил вас... И выведу вас от угнетения египетского, и они послушают тебя, и вы пойдете к царю Египетскому, и скажете ему: Иегова, Бог еврейский, призвал нас. И так отпусти нас в пустыню, на три дня пути, чтобы принести жертву Господу Богу нашему. — Но Я знаю, что царь Египетский не позволит вам идти. Тогда Я поражу Египет чудесами: и фараон принужден будет отпустить вас.

ленным; иевусеи во времена Моисея занимали южную часть земли Обетованной; гергесеи обитали на западе Иордана. Ферезеи были народом, принадлежавшим к древним, природным обитателям Палестины, и не происходили из Хананского племени; жили, главным образом, в середине Палестины, или земли Ханаанской.

[1] *Сущий*, или, по-еврейски, *Иегова*, — одно из имен Божиих, которым выражается самобытность, вечность и неизменяемость Существа Божия.

[2] Избрав Авраама для сохранения веры на земле и заключив завет Свой с ним, Бог повторил потом обетования Свои Исааку и Иакову. Отсюда патриархи эти часто поставляются в Священном Писании вместе, не только как родоначальники народа еврейского, но и как преемники и хранители Божественных заветов и обетований, как великие подвижники веры и благочестия, и как ходатаи и заступники пред Богом, своей верой и добродетелями приобретшие особенную благодать у Бога. Поэтому имена их повторяются и упоминаются в Священном Писании и при явлениях и откровениях людям Божиим, причем Бог в этом смысле называется Богом Авраама, Исаака и Иакова.

— А если они не поверят мне, — возразил Моисей, — и не послушают голоса моего и скажут: Господь не являлся тебе?

Господь сказал: «Что это у тебя в руке?»

Он отвечал: «Посох».

Господь сказал: «Брось его на землю».

Моисей бросил, и посох превратился в змея. Моисей побежал от него, но Бог повелел ему взять змея за хвост, и змей стал снова жезлом в его руках.

Господь сказал:

— Вот тебе знамение для того, чтобы поверили тебе, что явился тебе Господь, Бог отцов их. А если не поверят и сему, то сделай еще вот что: положи себе руку за пазуху.

Моисей положил руку за пазуху, потом вынул и увидал, что она побелела от проказы[1], как снег. Господь велел положить ему опять руку за пазуху, и она снова стала здоровою.

— Если не поверят и этому чуду, — сказал Господь, — то возьми воды из реки и вылей на сушу, и вода сделается на суше кровью.

Моисей опять стал просить, чтобы Бог не посылал его, ибо он не речист и косноязычен.

Господь сказал:

— А кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли, Господь Бог? И так пойди, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить.

Моисей продолжал отказываться и просил послать вместо него кого-либо более способного. Тогда Господь разгневался на Моисея и сказал:

— Разве нет у тебя Аарона брата? Я знаю, что он может говорить вместо тебя. И вот он выйдет навстречу к тебе, и свидание с тобою обрадует его. Ты будешь ему говорить и влагать слова Мои в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать. И будет говорить он вместо тебя к народу и будет

---

[1] *Проказа* — это самая страшная и отвратительная, заразная болезнь; она господствует преимущественно в странах с жарким климатом, особенно в Египте, Палестине, Сирии, Аравии, Индии и вообще на Востоке. При развитии этой болезни кожа делается белой, потом пухнет, сохнет, покрывается струпами и язвами с отвратительным запахом, далее отпадают члены тела, и по большей части в конце концов пораженные этой болезнью умирают в страшных мучениях.

твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога. И жезл этот (который был обращен в змея) возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения[1].

После этого Моисей возвратился к Иофору и сказал ему: «Я пойду в Египет к братьям своим, посмотрю, живы ли еще они».

— Иди с миром, — отвечал Иофор.

И пошел Моисей в Египет без страха, ибо тот царь, который хотел его убить, и все искавшие его погибели уже умерли. Навстречу Моисею, по повелению Божию, вышел Аарон, который с радостию облобызал его. Моисей передал Аарону все слова Господни. Придя в Египет, они собрали всех старейшин Израилевых и поведали им все слова, которые говорил Господь Моисею, а Моисей сотворил пред глазами их знамения и чудеса. Израильтяне поверили им и возрадовались, что Бог посетил сынов Израилевых и призрел на их страдание.

После этого Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали ему:

— Так говорит Господь Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне праздник в пустыне.

Но фараон сказал:

— Кто такой Бог Израилев, чтобы я послушался голоса Его? Не знаю Господа, и израильтян я не отпущу. И вы, Моисей и Аарон, к чему отвлекаете народ от работ? Ступайте каждый на свою работу.

И немедленно дал повеление приставникам над евреями еще более угнетать их тяжкою работою и не давать им впредь соломы для делания кирпичей, которую с той поры они должны собирать сами, но при этом урочного числа кирпичей у них не убавляли.

— Евреи, — говорил царь, — праздны; потому и кричат: мы пойдем, принесем жертву Богу нашему.

После этого евреев стали угнетать еще более. Отыскивая сами себе материал, они не успевали приготовить положенного для них на каждый день числа кирпичей; за это били еврейских надзирателей и не принимали от них никаких объяснений, и те возопили против Моисея и Аарона, говоря: «Суди вас Господь за то, что вы сделали нас ненавистными пред фараоном и рабами его и дали в руки им оружие, чтобы убить нас».

---

[1] О явлении Бога Моисею и о призвании последнего см.: Исх. 3, 4, 1–17.

Моисей обратился к Господу и сказал:

— Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ этот, для чего послал меня? Ибо с того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом.

Господь отвечал Моисею:

— Теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном: по действию руки крепкой, он отпустит сынов Израилевых, даже выгонит их из земли своей. Скажи им: Я, Господь, выведу вас из-под ига египтян и спасу вас, соделаю вас Своим народом и буду вам Богом, и введу вас в ту землю, которую Я клялся дать Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие.

Моисей пересказал слова эти сынам Израилевым, но они, по своему малодушию и тяжести работ, не поверили Моисею. Тогда Господь повелел Моисею идти к фараону и сказать, чтобы он отпустил сынов Израилевых из земли своей. Моисей отвечал, что если уже сыны Израилевы не слушают его, то как же послушает его фараон, когда и речь у него, Моисея, невнятна.

На это Господь отвечал ему:

— Я поставил тебя как бы божеством фараону, а Аарон, брат твой, будет у тебя пророком. Ты будешь говорить ему все, что Я повелю тебе, а брат твой будет говорить фараону, чтобы он отпустил израильтян. Но Я допущу, чтобы фараон выказал свое упорство во всей силе и не слушал вас. За это Я простру руку Мою на Египет и произведу над ним грозный суд посредством чудесных казней; тогда узнают все египтяне, что Я — Бог! И выведу сынов Израилевых из среды их. А если фараон потребует от вас доказательства, то ты вели Аарону бросить жезл, — и жезл сделается змеем.

Ободренные Самим Богом, Моисей с Аароном снова предстали пред фараоном и его слугами и сделали, как повелел им Господь. Аарон поверг пред фараоном жезл свой, и жезл сделался змеем. Фараон призвал мудрецов египетских и чародеев, и те сделали то же своими чарами; но жезл Ааронов поглотил их жезлы. И ожесточилось сердце фараона, и он не послушал их, как и предрекал Господь, и не восхотел отпустить евреев (см.: Исх., гл. 5, 6, 7). Тогда, по повелению Божию, Моисей и Аарон начали наводить казни на землю Египетскую[1].

[1] О казнях египетских см.: Исх. 7–12.

На другой день Аарон, по повелению Моисееву взяв жезл свой, ударил им по воде речной в присутствии фараона и рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь; рыба в реке вымерла, и воссмердела река, и египтяне не могли пить воды из реки. Второй казнью были жабы[1]: Аарон простер руку на воды египетские, и извел из них жаб, которые проникли в дома, в спальни, на постели, в печи и квашни, и на царя, и на рабов, и на людей его, и нигде никому не давали покоя. И покрылась вся земля Египетская жабами, а когда они, по повелению Моисееву, вымерли, египтяне собрали их в груды, и воссмердела вся земля от вымерших и сгнивших жаб. Третьей казнью были скнипы на людях и на скоте, на фараоне и доме его и на рабах его, и почва земли Египетской вся стала наполненной скнипами[2]. Четвертой казнью были песьи мухи[3]. Пятой казнью была весьма тяжкая язва на скоте по всей земле Египетской. Шестой казнью были гнойные воспалительные нарывы на людях и на скоте. Седьмой казнью был град и огонь между градом[4], и град тот побил все, что только было под открытым небом: и траву, и деревья, и скот, и людей. Восьмой казнью были саранча и гусеницы[5], которые по-

---

[1] Род больших бесхвостых лягушек. Сами по себе жабы безвредны и не опасны, но очень гадки и отвратительны; мириадами покрывая нередко землю Египетскую и наполняя болота, каналы Нила, поля и дворы и вползая в дома, спальни, на постели, в печи и квашни, они делались настоящей язвой для жителей.

[2] Под *скнипами* большинство толкователей разумеет здесь комаров, которых на Востоке и вообще в теплых странах, особенно близ рек, бывает бесчисленное множество, так что они нередко являются бичом страны. По другим толкованиям, это — разного рода паразиты человеческие и скотские.

[3] *Песьи мухи* — род кусачих мух или насекомых, будто бы особенно вредных для собак. Но здесь еврейское слово, заменяющее это выражение, означает собственно смесь, множество, и потому здесь нужно разуметь множество вредных насекомых вообще.

[4] Некоторые разумеют под седьмой казнью — хамсин, южный палящий ветер, приносящий на Египет из пустыни целые груды песка, нередко соединяющийся с опустошительными грозами и в то же время сильным градом. Хамсин сопровождается страшными бедствиями для обитателей Египта.

[5] *Саранча* — насекомое, принадлежащее к разряду прыгающих и травоядных. Отличается своей прожорливостью и потому считается одним из самых ужаснейших бичей Божиих на Востоке. Она прилетает всегда тучами с восточным ветром, на своем пути пожирает всю растительность, и ничто не может противостоять ей, пока тот же ветер не загонит ее в море, где она и гибнет. Писание часто указыва-

жрали всю египетскую растительность. Девятой казнью была трехдневная тьма по всей земле Египетской, настолько густая, что и при огне не было света, так что никто не мог видеть друг друга в продолжение трех дней, и никто в это время не вставал с своего одра. Десятой и последней казнью была смерть первенцев египетских.

И все казни эти, из коих ни одна нисколько не вредила израильтянам, а только египтянам, были наводимы Богом чрез Моисея и Аарона за то, что фараон не хотел отпустить людей Божиих в пустыню для служения Богу; ибо, хотя он и несколько раз обещался отпустить их из страха пред казнью, но когда казнь ослабевала, то снова ожесточался и таким образом не отпускал их до десятой казни. Перед десятою же казнью сыны Израилевы, сообразно с тем, как заповедал им Моисей, выпросили у египтян серебряные и золотые сосуды и дорогие одежды, сколько могли унести с собою.

Потом Моисей установил сынам Израилевым, в память исхода их из Египта, праздник Пасхи, по повелению Господню. Господь сказал Моисею и Аарону:

— Этот месяц[1] пусть будет у вас первым в году. Скажите всему обществу сынов Израилевых, чтобы в девятый день этого месяца каждое семейство отделило у себя из стада по одному агнцу. Агнец должен быть без порока, мужского пола, однолетний. И пусть хранят его у вас до четырнадцатого дня этого месяца. Тогда вечером пусть заколют агнца в каждом семействе. Потом пусть кровию его помажут оба косяка и перекладину в тех домах, в которых соберутся есть агнца. Есть же мясо его надобно не сваренным в воде, а испеченным на огне, с пресным хлебом и горькими травами. До утра не оставляйте ничего от него и костей не раздробляйте, а что останется, сожгите огнем. Ешьте с поспешностью, препоясавшись и обувшись, и с посохами в руках. Это — Пасха Господня[2]. Я пройду в ночь эту

ет на саранчу, как на особенное орудие Божьего гнева. — Гусеница — один из видов саранчи в своей личинке, до развития у нее крыльев.

[1] По-еврейски — *месяц авив*, или *нисан*, соответствующий второй половине нашего марта и первой — апреля.

[2] *Пасха* — в переводе с еврейского — значит *прехождение, прохождение чего-либо, избавление,* и отсюда *жертва прехождения, избавления*. Пасха — величайший из ветхозаветных иудейских праздников, установленный в память чудесного избавления евреев от рабства египетского. Ветхозаветная Пасха служила прообразом искупления рода человеческого от греха страданиями и смертью Божественного Агнца — Христа, и была великим таинством веры для евреев (см.: Евр. 11, 28).

по земле египетской и поражу всякого первенца у египтян, от человека до скота, а когда у вас увижу кровь на домах, — пройду мимо вас и не дам губителю войти в дома ваши для поражения. И да будет день этот памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши, как установление вечное[1].

Согласно повелению Божию, в каждом семействе Израиля был отделен и приготовлен к назначенному времени агнец. У всех сынов израилевых двери были помазаны кровью и заперты; никто не выходил из них до утра. В полночь Ангел погубляющий прошел по Египту и поразил всех первенцев египетских — от первенца фараонова до первенца узника, заключенного в темнице, и всех первородных до скота. У евреев же все было цело.

Ночью встал фараон, и все его рабы, и все египтяне, и раздался великий вопль по всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца. Тотчас же фараон призвал к себе Моисея и Аарона и сказал:

— Встаньте, выйдите из среды народа моего, вы и все сыны Израилевы, и пойдите совершите служение Господу Богу вашему, как говорили вы; возьмите мелкий и крупный скот. Идите и благословите меня.

Египтяне стали понуждать израильтян, чтобы они скорее вышли из земли их, ибо, говорили они, мы иначе умрем все из-за них.

И понес народ израильский тесто свое, прежде нежели оно вскисло; квашни их, завязанные в одеждах, были на плечах их, ибо они, понуждаемые египтянами, не могли успеть приготовить в путь брашна. Они вышли с серебром, золотом и драгоценностями; с ними вышло также много пришельцев, мелкого и крупного скота. Число всех пеших мужей, кроме домочадцев и других пришельцев, достигало шестисот тысяч человек. Моисей взял с собой кости Иосифа, который умер в Египте, и пред смертию, пророчественным духом провидя будущее, заклял сынов Израилевых, говоря: *посетит вас Бог, и вы с собою вынесите кости мои отсюда* (Быт. 50, 24–25).

Господь Бог шел пред израильтянами: светя им днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном, дабы идти им днем и ночью. Не отлучался столп днем и столп огненный ночью от лица всего народа (см.: Исх. 13, 16–32).

---

[1] Об установлении праздника Пасхи см.: Исх. 12 и 13, 1–16.

Когда царю египетскому было возвещено, что народ израильский бежал, — обратилось сердце его и рабов его против народа этого, и они сказали: «Что мы сделали? Зачем отпустили израильтян, чтобы они не работали нам?» Фараон запряг колесницу свою, и народ свой взял с собою, шестьсот колесниц отборных и все прочие колесницы египетские, и начальников над всеми ними. Они погнались за израильтянами и настигли их, когда они стояли станом при море[1], но не могли напасть на них: Ангел Божий, шедший пред станом сынов Израилевых, пошел позади их, вошел в средину между станом египетским и между станом сынов израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не приблизились они друг к другу. Моисей простер руку свою на море, и Господь погнал море сильным восточным ветром, продолжавшимся всю ночь, и сделал море сушей, и воды расступились. Израильтяне пошли чрез море по суше; воды же были им стеною по правую и по левую сторону. Египтяне погнались за ними, и вошли в средину моря все кони фараона, колесницы его и всадники его. После того как израильтяне были проведены чрез море, Моисей по повелению Божию простер руку свою на море, и к утру вода возвратилась в свое место, а египтяне бежали навстречу воде. И потопил Господь египтян среди моря: возвратившаяся вода покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море, так что не осталось ни одного из них. И избавил Господь в день тот израильтян из рук египтян, коих увидели они мертвыми на берегу моря, так что не осталось ни одного из них. И избавил Господь в день тот израильтян из рук египтян, коих увидели они мертвыми на берегу моря, выбросившего их тела на сушу. Тогда израильтяне увидели в происшедшем руку великую, которую явил Господь над египтянами, и убоялся народ Господа и поверил Ему и рабу Его Моисею (см.: Исх. 14). Моисей и сыны Израилевы, радуясь и торжествуя, воспели благодарственную песнь Господу:

---

[1] Израильтяне в это время стояли станом при Пи-Гахирофе пред Ваал-Цефоном (см.: Исх. 14, 9). Ваал-Цефон — египетский город при Чермном, или Красном, море, по западной стороне северного края его. Пи-Гахироф — местность при конце северного (Иерополитанского) залива Чермного моря, к востоку от Ваал-Цефона, так называемая Агируд, или Агруд; ныне — крепость с источником столь горькой воды, что даже весьма неприхотливые верблюды едва могут пить ее.

— *Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море...*[1] (Исх. 15, 1–18).

И Мариам, сестра Моисея и Аарона, собрав жен израильских, водила с ними хоры, взяв в руку свою тимпан[2]; все они ударяли в тимпаны и под ее руководством пели ту же песнь.

После этого Моисей повел израильтян от Чермного моря[3], и они вступили в пустыню Сур[4]; и шли они три дня по пустыне и не находили воды. Когда же пришли они в Мерру и нашли там источник, то не могли пить воды из него, ибо вода была горька. И возроптал народ на Моисея, говоря: «Что нам пить?» Моисей возопил к Господу, и Господь указал ему дерево; он бросил его в воду, — и вода сделалась сладкою (см.: Исх. 15, 22–25) [5]. И руководил Моисей израильтянами во время их путешествий по различным пустыням в продолжение сорока лет, испрашивая им от Бога все благопотребное. Когда они возроптали на Моисея и Аарона из-за пищи, вспоминая мясо, которое ели в Египте, — Моисей умолил Бога, и Господь одождил их манною и послал им перепелов

---

[1] Слова всей этой благодарственной, хвалебной песни преисполнены благоговейного восторга и носят печать священного величия. Эта торжественная песнь израильтян Господу в нашей Православной Церкви занимает первое место в числе девяти священных песней, служащих основанием известных песенных канонов, ежедневно воспеваемых Церковью во славу Бога и святых Его.

[2] *Тимпан* — один из древнейших музыкальных инструментов, который и в настоящее время в большом употреблении на всем Востоке, отчасти и на Западе. Это деревянный или металлический круг шириной в ладонь, обтянутый кожей, по краям которого обыкновенно навешиваются разные металлические кружки, кольца, бубны. И теперь, как в древности, инструмент этот преимущественно есть инструмент женщин, которые при пении и танцах, держа его в левой руке, потрясают им, а правой рукой ударяют в него в такт.

[3] *Чермное*, или так называемое *Красное*, море представляет собой длинный узкий пролив Индийского океана, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки. Чермное море весьма глубоко, даже на самом незначительном расстоянии от берега.

[4] *Сур* — пустыня между Палестиной и Египтом, между заливом Чермного моря и Средиземным морем, до юго-западной границы Палестины. Ныне так называемая пустыня Ел-Джифар.

[5] *Мерра* (в переводе значит — *горечь*) — место в пустыне Сур, на восточном берегу Чермного моря. Ныне полагают эту местность на пути от Айюн-Муза к Синаю в минеральном источнике Говаре, или Гаворе, где вода столь неприятна, горька и солена, что считается кочующими арабами самым дурным источником.

досыта (см.: Исх. 16)[1]. Эту манну ели израильтяне сорок лет в Аравийской пустыне, пока не вошли в пределы обетованной им Ханаанской земли. Когда они возроптали из-за жажды, Моисей извел им воду из камня: он ударил жезлом в камень, и истек источник воды (см.: Исх. 17, 1–7)[2]. Когда на израильтян сделали нападение амаликитяне, Моисей воздвиг на молитве руки свои к Богу, и израильтяне стали одолевать и побеждать врагов, войска которых и истребили мечом совершенно (см.: Исх. 17, 8–16)[3]. И сколько раз они ни прогневляли Бога в пустыне, — всякий раз Моисей умолял за них Господа, Который хотел истребить их, если бы Моисей, избранный Его, не стал пред Ним, чтобы отвратить ярость Его, да не погубит их!

Между тем Иофор, тесть Моисеев, услышав, что сделал Бог для Моисея и народа израильского при исходе их из Египта, взял Сепфору, жену Моисееву, и обоих сыновей его и отправился с ними к горе Хориву, у которой израильтяне расположились своими шатрами. Моисей вышел к нему навстречу и после взаимного приветствия рассказал ему о всем, что сделал Господь с фараоном и со всеми египтянами за Израиля, и о всех трудностях, кои встретили их на пути. Иофор радовался, слыша о благодеяниях, которые Бог явил Израилю, прославил Бога, избавившего свой народ из-под власти египтян, исповедал пред всеми, что Господь велик, паче всех богов, и принес Ему жертвы.

На другой день Моисей сел судить народ, народ стоял пред ним с утра до вечера.

---

[1] Это было в пустыне Син в Аравии близ Синая. — *Манна* — в переводе с еврейского значит: «Что это такое?», ибо евреи, в первый раз увидев ее сходящей с неба вроде чего-то мелкого, снеговидного, с недоумением вопрошали друг друга: «Что это такое?» Под манною здесь нельзя разуметь ни одного из всех известных родов манны натуральной, выделываемой из маленьких зерен особого злачного растения. Это была особенная чудесная пища, которую Бог с неба посылал израильтянам. Вкус манны Моисей уподобляет вкусу муки, смешанной с медом или елеем; она была при этом удобна и к составлению разных снедей.

[2] Это было в Рефидиме, в пустыне Аравийской, при горе Хориве. После чудесного изведения воды из скалы Моисей нарек имя месту тому: Масса и Мерива (то есть «искушение и укорение»), по причине укорения сынов Израилевых, и потому что они искушали Господа, говоря: «Есть ли Господь среди нас или нет?»

[3] *Амаликитяне* — кочевой народ, живший на юге Палестины в каменистой Аравии, между Идумеей и Египтом, в пустынях Син и Фаран, на севере Синайского полуострова.

Видя это, Иофор заметил Моисею, что он напрасно утруждает так себя и народ, ибо ему одному слишком тяжело это дело.

— Послушай слов моих, — говорил Иофор, — будь для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его; научай сынов Израилевых уставам Божиим и законам Его, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать; и выбери себе людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над народом тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками, и десятоначальниками, и письмоводителями; пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они вместе с тобой понесут бремя.

Моисей послушался тестя своего, после чего Иофор вскоре простился с ним и возвратился в землю свою (см.: Исх. 18).

В самое новолуние третьего месяца по исходе израильтян из Египта пришли они в пустыню Синайскую и расположились станом против горы. Моисей взошел на Синай[1], и Господь воззвал к нему с горы, повелев возвестить израильтянам от Своего имени: «Вы видели, что Я сделал с египтянами и как Я носил вас, как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе. Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим избранным народом пред всеми другими, и будете у Меня царством священным и народом святым».

Народ изъявил готовность исполнить все, что ни повелит Бог. Тогда Господь повелел Моисею освятить народ и двухдневным очищением приготовить его к третьему дню. На третий день с утра послышались громы, стали сверкать молнии, и густая тьма обложила гору; раздавался трубный звук, который становился сильнее и сильнее. Весь народ трепетал. И повел его Моисей из стана в сретение Господу; все остановились у подошвы горы. Гора со всех сто-

[1] *Гора Синай* представляет собой собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами; у арабов ныне называется горой Тур, или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посредине известных рукавов Чермного моря, образующих собой Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди Закона, представляет самую высшую, юго-восточную, вершину среднего хребта, низшую же, северозападную, вершину представляет собой гора Хорив.

рон окружена была чертою, переступать которую было запрещено под страхом смерти. Народ видел, что гора Синай с самых оснований своих колеблется и от нее восходит дым, как бы от печи; потому что на него в густом облаке и в огне сошел Господь. Моисей же и Аарон по повелению Божию стали на горе ввиду народа (см.: Исх. 19, 3–25).

Тогда весь народ услышал голос Иеговы:

Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего (Исх. 20, 2–17; Втор. 5, 5).

После этого старейшины Израилевы выступили пред Моисеем и сказали:

— Вот, Бог показал нам славу Свою, мы слышали и голос Его из среды огня... Мы чувствуем, что невозможно никакому смертному существу слышать Бога присноживущего, как слышим мы, и остаться в живых. Лучше приступи ты, и слушай все, что скажет тебе Бог наш, и пересказывай нам: мы будем слушать и исполнять.

— Не бойтесь, — сказал Моисей, — Бог испытывает вас, чтобы, наведя на вас страх Свой, удержать вас от преступления заповедей Своих.

Потом Моисей вступил в мрак, ознаменованный ближайшим присутствием Иеговы, и там принял от Него различные законы, относившиеся к церковному и гражданскому благоустройству народа Божия, и, сойдя с горы, передал все, сказанное Господом, народу и записал все это в книгу. На другой день утром Моисей соорудил под горою жертвенник из земли и поставил около него двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых, и принес Богу всесожжения и благодарственные жертвы из закланных тельцов и козлов, от лица всего народа, который обещал при этом исполнять все, что повелел Господь (см.: Втор. 5, 23–31; Исх. 20, 18–21; 24, 1–11). Потом Господь сказал Моисею:

— Взойди ко Мне на гору и будь там, и дам тебе скрижали каменные[1], и закон, и заповеди, которые Я написал для научения народа.

Моисей с помощником своим в деле служения, Иисусом, сыном Навина[2], взошел на Синай, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила ее, и покрывало Синай облако в продолжение шести дней, а в седьмой Господь воззвал к Моисею, и тот взошел на самую вершину, где пребывал сорок дней и сорок ночей. В это время он получил наставление, каким образом устроить скинию или походный храм, в котором народ должен приносить жертвы и возносить молитвы к Богу. По окончании сорока дней Господь дал ему две скрижали, на которых перстом Божиим начертаны были все те десять заповедей, которые Господь изрек вслух всего народа (см.: Исх. 24, 12–18, 31; Втор. 9, 9–11).

Между тем народ, видя, что Моисей долго не сходит с горы, собрался к Аарону и потребовал, чтобы он сделал им бога, который бы шел пред ними, «потому что, — говорили они, — с Моисеем что-нибудь случилось». Они принесли ему золотые серьги своих жен и дочерей, и Аарон сделал им из золота изображение тельца. Народ говорил: «Вот бог, который вывел нас из земли Египетской». И на

[1] То есть каменные доски.

[2] *Иисус Навин* — преемник Моисея, вождь израильский, введший евреев в землю Обетованную. Память его — 1 сентября.

другой день на жертвеннике пред тельцом принесли жертвы, стали пить, есть и играть[1]. И разгневался на них Бог, и сказал Он Моисею, что этот жестоковыйный народ, которого извел Он из Египта, совратился с пути, преступил заповеди Божии и поклоняется ложному богу. Моисей стал молиться за народ, и Бог внял его ходатайству. Спустившись к подошве горы, Моисей и Иисус Навин увидали тельца и пляски. Моисей воспламенился гневом и, бросив скрижали, разбил их под горою ввиду всего народа. Потом взял тельца, которого они сделали, разбил его и стер в пыль, которую высыпал в текущий с горы поток, и, в посрамление рукотворенному божеству, заставил израильтян пить ту воду. Аарон, в ответ на упреки Моисея, извинял себя необузданностью и упорством буйного народа, и Моисей увидел, что народу нечем оправдать себя. Он стал в воротах стана и воскликнул:

— Кто остался верным Господу, — иди ко мне!

И собрались к нему все сыны Левиины. Моисей повелел каждому из них пройти с мечом по стану и обратно и убивать всякого, кто встретится. И пали до трех тысяч человек из числа виновных (см.: Исх. 32, 1–29; Втор. 9, 12–17, 21).

На другой день Моисей опять взошел на гору, повергся пред Богом и, постясь сорок дней и ночей, умолял за грех народа, говоря:

— Если Ты не простишь греха их, то изгладь и меня из Твоей книги, в которую вписаны у тебя предназначенные для вечного блаженства.

Господь отвечал, что изгладит из книги Своей согрешивших пред Ним, и, повелевая Моисею вести народ в Обетованную землю, дал знать, что не будет уже сопутствовать ему особенным благоволением. Народ, услышав эту угрозу, зарыдал, и все возложили на себя покаянные одежды. Моисей усугубил молитвы, и Бог возвратил израильтянам Свое благоволение.

---

[1] Нельзя, конечно, полагать, что израильтяне из металла думали сделать бога и ему приписать свое избавление из Египта, тогда как недавно Бог изрекал им закон Свой; нет, они хотели служить Иегове (см.: Исх. 32, 5), но, в противность ясному запрещению Божию (см.: 20, 4), увлеклись примером язычников, поклонявшихся божествам в чувственных образах, ближайший пример чего представляли им египтяне, почитавшие черного быка Аписа, изображавшего собой божество Озириса, и отливавшие из металла его изображение. При всем том преступление их являлось идолослужением и заслуживало строгого наказания.

После этого Моисей был удостоен на Синае видеть славу Господню.

— Лица Моего, — сказал ему Господь, — нельзя тебе видеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. Но Я проведу пред тобою всю славу Мою и возглашу имя: Иегова... Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а Лицо Мое не будет видимо тебе.

При этом Моисей получил повеление написать слова завета в книгу и принял опять скрижали, на которых Бог снова начертал те же десять заповедей, которые были записаны на прежних.

Созерцание славы Божией оставило след на лице Моисея. Когда он сошел с горы, Аарон и все израильтяне боялись подойти к нему, видя, как сияет лицо его. Моисей подозвал их и сообщил им все, что заповедал ему Бог. После этого он положил себе на лицо покрывало, которое снимал только тогда, когда предстоял пред Богом (см.: Исх. 32, 30–33; 33, 1–6, 12–23; 34, 1–8, 10–18, 22–24, 26–35; Втор. 9, 18–19, 10, 1–4; 2 Кор. 3, 13).

Моисей объявил сынам Израилевым волю Божию о скинии и приступил к ее сооружению, поручив его указанным Богом художникам, по образцу, виденному им на Синае, во время сорокадневного на нем пребывания. Израильтяне же приносили щедрые пожертвования золотом, серебром, медью, шерстью, виссоном, кожами, деревьями, ароматами, драгоценными камнями и всем, кто чем мог. Когда скиния была готова и освящена со всеми принадлежностями елеем помазания, облако покрыло ее и наполнило всю скинию, так что сам Моисей не мог войти в нее. И поставил Моисей внутри скинии Кивот завета, окованный золотом[1], в который вложил золотую стамну с манной[2], жезл Ааронов процветший[3] и

---

[1] *Кивот*, или, с греческого, *ковчег завета*, — величайшая святыня скинии — представлял собою ящик, сделанный из дерева ситтим (лучший род кедра).

[2] *Стамна*, в переводе с греческого, — *кувшин* или вообще *сосуд*. В этой золотой стамне хранилась часть манны, которой израильтяне чудесно питались в продолжение сорокалетнего странствования своего по пустыне Аравийской.

[3] О происхождении этого жезла Ааронова повествуется в книге Числ. Однажды против Моисея и Аарона открылось опасное возмущение, во главе которого был левит Корей и двое рувимлян Дафан и Авирон, к которым присоединились еще двести пятьдесят начальников общества. Корей, завидуя Аарону, сам домогал-

скрижали завета, а над кивотом поставил изображение двух золотых Херувимов[1] и устроил все необходимое для жертвоприношений и всесожжений. Потом Моисей установил для израильтян праздники и новомесячия[2] и поставил им священников и левитов, избрав для служения Богу, по Его повелению, все колено Левиино и отдав его в распоряжение Аарона и сыновей его (см.: Чис. 3, 5–13; 8, 5–22; 1, 50–53)[3].

Много иных знамений и чудес сотворил раб Божий Моисей, много приложил попечений об израильтянах, много дал им законов и разумных распоряжений; обо всем этом сообщается в написанных им в священных книгах: в книге Исхода, Левит, Числ и Вто-

---

ся верховного священства и вместе с своими сообщниками стал говорить, что все общество свято и напрасно Моисей и Аарон ставят себя выше всех. Виновные были судом Божиим наказаны: их поглотила рассевшаяся земля; но возмущение продолжалось, и гнев Божий поразил еще четырнадцать тысяч семьсот человек. Для предотвращения споров о том, кому должно принадлежать право священства, Бог повелел взять у каждого из двенадцати начальников колен израильских по жезлу и положить в скинии, обещая, что у избранного Им жезл расцветет. На другой день Моисей нашел, что жезл Ааронов дал цветы и принес миндальные орехи. Тогда Моисей положил жезл Ааронов пред Ковчегом Завета на сохранение, в свидетельство будущим поколениям о Божественном избрании во священство Аарона и потомков его.

[1] Изображение Херувимов в образе человеческом, но с крыльями, и поставление этих изображений над Ковчегом Завета выражало, что они, как высшие духовные существа, удостоены особенной близости к Богу, предстоят престолу Его и благоговейно служат Ему, проникая в тайны нашего спасения.

[2] Праздники эти были следующие: *субботы, Пасха* и праздник опресноков, *Пятидесятница* (установлен в память Синайского законодательства и для принесения благодарения Богу за новые плоды земные), *праздник труб, день очищения, праздник кущей, новомесячия* — начало каждого нового месяца, освящавшееся жертвоприношениями. Кроме того, особенными празднествами для израильтян были: *субботний* год, или седьмой, и *юбилейный*, или пятидесятый год.

[3] Сначала Аарон и его сыновья получили особенное посвящение для священнослужения пред Богом в Скинии; после к ним присоединено все колено Левиино. Священнослужение собственно принадлежало Аарону и сыновьям его и их потомству; первосвященство принадлежало старшему в роде его; прочие потомки его были священниками, а прочие, из колена Левия, назывались вообще левитами, которые служили при скинии, исполняя низшие обязанности: носили скинию и ее принадлежности, охраняли их, помогали священникам при богослужении, некоторые из них были певцами и музыкантами, книгочиями и судьями по гражданским делам и так далее.

розакония; в этих книгах подробно описывается его житие и труды, которые он подъял на себя во время управления сынами израилевыми.

Когда израильтяне пришли к горе Аморрейской в Кадис-Варни (см.: Чис. 21, 4–9)[1], Моисей сказал им, что земля, которую Господь отдал им в наследие, теперь перед ними; но израильтяне пожелали послать прежде соглядатаев осмотреть землю, и по повелению Божию Моисей выбрал из начальников Израилевых по одному человеку от каждого колена, в том числе и Иисуса Навина, для обозрения земли Ханаанской. Возвратившись, посланные рассказали, что земля та обильна плодами, пажитями, скотом и пчелами, но некоторые из них испугались жителей той страны, отличавшихся необыкновенным ростом и силою, и советовали израильтянам возвратиться в Египет, чтобы не погибнуть от аморреев; Иисуса же Навина и других, которые убеждали идти в ту прекрасную землю, израильтяне хотели побить камнями. Но Бог, по молитве Моисея, простил израильтянам грех их, а виновные в возмущении были поражены внезапною смертию (см.: Чис. 13 и 14; Втор. 1, 19–46).

В дальнейшем пути сыны Израилевы показали опять малодушие свое и стали жаловаться и роптать на Бога. Тогда Господь послал ядовитых змей, жала коих были смертоносны, и умерло от них много сынов Израилевых. Народ смирился и каялся в том, что согрешил против Бога и возроптал на Моисея. Тогда Моисей помолился, чтобы Господь отогнал от них змей, и Господь сказал ему: «Сделай змея и повесь его на шест: тогда, кто бы ни был уязвлен, пусть только взглянет на него — и останется жив». Моисей повесил на шесте медное изображение змея, после чего все уязвленные, кто с верою взирал на это изображение, оставались невредимыми[2].

Так руководил Моисей народом израильским по пути в землю Ханаанскую, спасая его своими молитвами и чудесами от различных бедствий и наказаний Божиих.

---

[1] *Кадис*, или *Кадис-Варни*, — местность на границе земли Обетованной, близ горы Сеир, на юге Палестины.

[2] *Вознесенный в пустыне змей*, — по выражению святого Григория Нисского, — есть знамение крестного таинства, чему ясно учит слово Божие, когда говорит: *как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому* (Ин. 3, 14).

Моисею самому было определено умереть вне земли Обетованной. Когда приблизилось время его кончины, Господь предвозвестил ему о скором его преставлении и сказал:

— Взойди на гору Аварим[1], которая находится в земле Моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, которую Я даю во владение сынам Израилевым, и умри на горе той, и приложись к народу твоему, как умер Аарон, брат твой, на горе Ор[2], и приложился к народу своему, за то, что вы согрешили против Меня среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадисе, в пустыне Син, за то, что не явили святости Моей среди сынов Израилевых; пред собою ты увидишь землю, которую Я даю сынам Израилевым, но сам не войдешь туда (см.: Втор. 31, 14–30; гл. 32 и 33).

Пред своею смертию Моисей благословил сынов Израилевых, каждое колено особо, пророчествуя о будущих судьбах их (см.: Втор. 3, 23–28; Чис. 27, 12–23). После этого, по повелению Божию, он взошел на гору, и показал ему Господь всю землю Галаадскую до Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого Западного моря и полуденной страны и равнины долины Иерихона, города пальм, до Сигора[3]. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню. Тело его погребли в долине земли Моавитской против Веф-Фегора[4], и никто никогда не узнал места погребения его. Мои-

---

[1] *Аварим* представляет собою собственно цепь гор, идущих против Иерихона по ту сторону Иордана, в земле Моавитской. Моисей видел землю Обетованную с вершины горы Нево; вершина эта носила наименование Фасги.

[2] *Гора Ор* находилась на границе Идумеи и Палестины, близ Кадиса, к югу от Мертвого моря. — Аарон умер еще за год до кончины Моисея.

[3] *Галаадской страной* называется страна Заиорданская — от горы Ермона до реки Арнона. Город Дан — на севере Палестины — и был северным пределом земли Обетованной. Земля Неффалимова занимала самую северную часть земли Хананской. Колено Ефремово при разделении земли Обетованной заняло самую средину ее. Манассиино — северную ее часть рядом с Галаадом, который впоследствии был занят им же. Иудино колено заняло обширнейшую и важнейшую часть Хананской земли — от Средиземного моря до Мертвого и от потока Египетского до пределов Ефремовых. — Под Западным морем разумеется здесь Средиземное. — Полуденная страда, то есть южная. Сигор — город в долине Сиддим, на юге пустыни Иудейской, по восточной стороне Мертвого моря. Таким образом Моисею была показана вся страна, которую по воле Божией должны были занять евреи.

[4] *Веф-Фегор* — один из городов Сигона, царя Аморрейского, на восточной стороне против Иерихона.

сею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась. Израильтяне почтили кончину Моисея тридцатидневным плачем. И не было более у израильтян пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, совершенным им пред глазами всего Израиля (см.: Втор. 34, 1–12).

Молитвами святого пророка Моисея да избавит Господь и нас от всякой скорби, и да вселит нас в вечные селения, изведя из Египта — многобедственного мира сего! Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФЕОДОРА, МИАНЫ, ИУЛИАНА и КИОНА

Эти святые мученики жили в царствование Максимиана и были родом из селения Кандавлы[1]. За исповедание Христа их схватили и предали разным мучениям. Сначала их тела так сильно строгали, что кости их обнажились. Затем их заперли в очень жарко натопленную баню, двери которой запечатали царским перстнем, чтобы святые мученики не могли из нее выйти. Но Ангел Божий воззвал их, и они вышли невредимыми, при запечатанных дверях. Воины взяли их и повели вон из города. По просьбе святых, им дано было время для молитвы. Они долго молились и благодарили Бога за то, что Он сподобил их претерпеть за Христа мучения. После этого им отсекли члены тела, колена раздробили и наконец их самих бросили в огонь, где они с радостию предали души свои Господу.

[1] Под Максимианом здесь разумеется *Максимиан Галерий*. *Кандавла* — селение близ Никомидии. Страдания и смерть святых мучеников последовали между 305 и 311 годами по Рождестве Христовом.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ВАВИЛЫ НИКОМИДИЙСКОГО
и с ним 84 детей

В то время как император Максимиан жил в Никомидии для преследования христиан, многие из них скрывались от гонителей. И вот царю было донесено, что в одном сокровенном месте находится один старец, по имени Вавила, который учит детей почитать не языческих богов, но распятого Христа. Тотчас посланы были воины и привели святого Вавилу и учеников его к царю, который спросил его: «Почему ты, старец, не только сам прельщаешься, почитая распятого от иудеев человека и не поклоняясь нашим богам, но и научаешь тому же несмысленных детей?» Святой Вавила ответил царю: «Языческие боги суть бесы, а наш Бог сотворил небо и землю. Ты, царь, и все твои приближенные слепы, потому что вы не видите истины». Максимиан приказал четырем воинам бить святого по лицу, по ребрам и по коленам. Во время своих страданий, когда все тело его обагрилось кровью, святой Вавила возопил ко Господу: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты соделал меня, старого и немощного, молодым и крепким, — крепче самого царя!» Максимиан велел бить его по плечам и по ногам камнями. Затем, по сокрушении всех его членов, надели ему на шею тяжелое бремя, забили ноги его в железные оковы и заключили его в темницу. После того привели к царю малолетних учеников святого, числом восемьдесят четыре, мальчиков и девочек. Царь начал ласково уговаривать их поклониться идолам. Они же ничего ему не отвечали, но часто взглядывали друг на друга. Видя, что они молчат, Максимиан отделил из них десять, которые были постарше, и сказал им: «Вот, вы умнее других; итак, послушайте меня и принесите жертву богам, и за то вы будете жить у меня во дворце и получите от меня много богатых даров». Тогда двое из них, Аммоний и Донат, ответили ему: «Мы — христиане и не приносим жертв немым и глухим бесам». Царь приказал их бить. Во время биения они непрестанно повторяли: «Мы — христиане и не служим богам твоим». Царь начал затем уговаривать прочих детей, но они твердо исповедовали свою

веру и отказались приносить жертву идолам. Видя, что детей нельзя уговорить, царь приказал бросить их в тюрьму, а учителя их повесить и бить железными прутьями. Когда и эти все мучения не привели их к отречению от Христа, то над святыми детьми и их учителем произнесен был смертный приговор, коим они осуждены были на усечение мечом. Шествуя с учениками своими на казнь, святой Вавила пел: «Вот я и дети, которых дал мне Бог!» По достижении ими места казни сначала казнен был святой Вавила, а потом и все дети, ученики его. Верующие пришли ночью и, взяв их мощи на корабль, привезли их в Византию и положили в трех ковчегах, восхваляя и благодаря Бога.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕРМИОНИИ

Святой апостол Филипп, крестивший вельможу Эфиопской царицы Кандакии (см.: Деян. 8, 26–40), имел четырех дочерей, о коих святой евангелист Лука замечает, что они были пророчицами и девами (см.: Деян. 21, 9). Из них Ермиония и Евтихия отправились в Асию[1], ища святого Иоанна Богослова, но не нашли его, ибо Господь преложил[2] его, как некогда Еноха (см.: Быт. 5, 24) и Илию (см.: 4 Цар. 2, 11). И встретили они Петрония, ученика апостола Павла, и сделались его ученицами, подражая и житию его. Святая Ермиония искусна была во врачебном художестве, и поэтому к ней стало приходить много христиан, и всех она врачевала силой Христовой. В то время император Траян[3] шел войною на персов. Когда ему донесли, что Ермиония — христианка, он велел привести ее к себе и ласково начал беседовать с ней, желая прельстить ее и отвратить от Христа. Но она не склонилась на его увещания. Тогда царь велел долгое время бить ее по лицу. Святая удостоилась среди такого му-

[1] *Асия* — провинция Римской империи, на западе Малоазийского полуострова, с главным городом Ефесом.

[2] То есть взял его живым от земли.

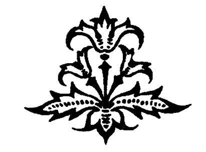
[3] *Траян*, римский император, царствовал с 98 по 117 год.

чения утешительного видения: она узрела Господа, сидящего на престоле судейском, похожего лицом на Петрония, беседующего с нею и укрепляющего ее, и радостно терпела свои страдания. Убедившись в ее твердости, царь отпустил ее. Она устроила гостиницу, в которой принимала больных, врачуя их душевно и телесно, в продолжение всего царствования Траяна. Преемник его, Адриан, снова велел привести ее к себе на суд и за ее твердое исповедание Христа Спасителя приказал бить ее без пощады. Она же с молитвою на устах терпела это страдание. Когда слуги, бившие святую, изнемогли, царь велел другим слугам пронзить ступни ее ног длинными гвоздями. И это мучение святая терпела, воссылая хвалу Богу. Затем бросили ее в котел с кипящею смолою, с оловом и серою. Находясь в этом котле, святая Ермиония возвела очи на небо, помолилась, и тотчас огонь угас, олово разлилось, и святая осталась невредимой. Адриан приказал еще сильнее разжечь котел, чтобы погубить в нем святую мученицу. Но, к великому удивлению всех, она стояла в котле точно среди росы. Удивился царь такому чуду и, встав с престола своего, коснулся рукою котла, желая удостовериться, не остыл ли он. И вот кожа руки его и ногти сильно опалились. «Велик Бог христианский!» — воскликнула святая. Мучитель приказал тогда раскалить сковороду и положить на нее обнаженную святую мученицу. Но Ангел Господень разбросал угли и опалил ими многих, стоявших вокруг сковороды. Святая же, стоя на ней, как на зеленеющей траве, воспевала и славила Господа. Устрашился царь, видя преславное это чудо, и велел снять ее со сковороды. Тогда святая мученица сделала вид, что желает принести жертву богу Геркулесу[1]. Царь с радостию повел ее в идольское капище. Она помолилась Богу истинному, и вдруг послышался сильный гром, и все идолы в капище упали и разбились. Сильно разгневался царь и велел вывести Ермионию за город и отсечь ей главу. Двое слуг, Феодул и Тимофей, взяли святую мученицу и вывели ее за город. Прежде чем казнить ее, они устремились было к ней, желая произвести над ней насилие, но внезапно высохли у них руки. Тогда они уверовали в Гос-

---

[1] *Геркулес* — герой древнегреческих преданий, олицетворявший собой физическую силу человека и впоследствии почитаемый древними греками как один из наиболее излюбленных богов.

пода нашего Иисуса Христа, припали к ногам святой мученицы и просили помолиться за них, чтобы Господь призвал их к Себе прежде нее, — что по ее молитве и совершилось. После этого святая помолилась и за себя и мирно скончалась на том месте. Некоторые благоговейные христиане взяли их мощи и положили в Ефесе, в честном месте, славя Бога[1].



---

[1] Кончина святой мученицы последовала около 117 года по Рождестве Христовом. В жизнеописании мученицы Миропии при императоре Декии, в половине II века, говорится, что святая Миропия имела особенное усердие к гробу святой Ермионии в Ефесе и от мощей ее не иссякало целебное миро.

День пятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
ЗАХАРИИ

Святой пророк Захария, священник из потомства Ифамара, сына Ааронова, имел жену Елисавету, которая также была из рода Ааронова и доводилась сестрой Анне, матери Пресвятой Богородицы. Святое Евангелие свидетельствует о Захарии и Елисавете, что они были украшены всеми добродетелями, непорочно проходя свое жизненное поприще. Святой апостол и евангелист Лука говорит о них: *оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно* (Лк. 1, 6). Что житие их было действительно благочестиво, об этом свидетельствует также и святая их отрасль, честный и славный пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. В Писании сказано: *по плодам их узнаете их* (Мф. 7, 16): плод от доброго дерева действительно не может быть дурным, ибо, как говорит то же Писание: *если корень свят, то и ветви* (Рим. 11, 16). Поэтому и святая ветвь — Иоанн могла произойти только от святого корня.

Святой Захария, отец Предтечи, священствовал в Иерусалиме в царствование Ирода[1]. Он был из дневной чреды Авиевой, то есть из рода Авии, очередь которого приходилась в восьмую седмицу.

---

[1] *Ирод*, называемый в истории *Великим*, сын Антипатра, царя иудеев, сначала был правителем Галилеи, но при первом Римском императоре Октавие Августе, еще до воцарения его, в 40 году до Рождества Христова, получил титул иудейского царя и управлял всей Иудеей, которая тогда была подчинена Римскому государству.

Об этих чредах повествуется следующее.

Царь Давид, видя, что род Аарона стал очень многочислен, так что не было никакой возможности всем вместе совершать служение в храме, разделил потомков Аарона на двадцать четыре чреды, или лика, чтобы они, один за другим, справляя каждый свою седмицу, совершали службы в храме. Во всякой отдельной чреде царь избрал одного честнейшего мужа и сделал его начальником лика, так что каждая чреда имела своего главного священника, в чреде же было более пяти тысяч священников. Для того чтобы не было между главными священниками спора о том, кому из них с своим ликом служить первую седмицу, кому — вторую, кому — третью и так далее до двадцать четвертой, они бросили жребий и по жребию сделали распределение и такой, раз установленной, очереди они держались до наступления новой благодати, так что потомки каждого священника соблюдали свою очередь по жребию, который выпал их предку. Восьмой жребий выпал священнику Авии (см.: 1 Пар. 24, 10), в числе потомков коего был также и святой Захария; поэтому-то он и отправлял в течение восьмой седмицы службу в храме вместе со всей своей чредой, ибо он был главным над остальными священниками своего ряда.

Однажды Захарии, — когда он, соблюдая чреду свою, служил пред Богом, — по обычаю священников, нужно было войти в храм Господень для каждения; было же в то время на молитве множество народа. Войдя во святилище, Захария заметил Ангела Господня, стоящего по правую сторону кадильного алтаря. При виде Ангела Захарию объял страх; но посланник Божий успокоил его, сказав: «Не бойся, Захария». И утешил он праведного священника, возвестив, что молитва его благоприятна Богу; внимая ей, Господь дарует ему милость: Он благословил жену его Елисавету, разрешая, несмотря на ее престарелый возраст, узы ее неплодства, и она родит сына, тезоименитого благодати Иоанна[1], который своим рождением принесет радость не только родителям, но и множеству людей. «Многие, — прибавил Ангел, — возрадуются рождению его». Возвестил Ангел Захарии также и о том, что сын его будет велик пред Господом не телом, но духом; он будет постником и будет вести такую воздержную жизнь, как никто другой; и действительно, таково же о нем

[1] Слово «Иоанн» с еврейского означает «благодать Божия».

было и свидетельство Самого Сына Божия: *пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет* (Лк. 7, 33). Ангел предсказал, что еще во чреве матери Иоанн исполнится Духа Святого и многих из сыновей израильских обратит к истинному Господу Богу, что он будет Христовым Предтечей в духе и силе пророка Илии[1] и приготовит народ к принятию Господа Спасителя.

Услыша все это, Захария был удивлен и поражен, так что не решался верить сказанному; странным казалось ему это потому, что Елисавета была неплодна, и оба они были уже преклонного возраста. И сказал он Ангелу:

— Как мне поверить этому: ведь я уже стар, состарилась также и жена моя, которая никогда не имела детей?

Тогда Ангел ответил ему:

— Я — Гавриил, предстоящий пред Богом; я послан сказать и благовестить тебе это. И за то, что не поверил ты моим словам, ты будешь нем и не скажешь ни одного слова до тех пор, пока все это исполнится.

Так как Захария в беседе с Ангелом замедлил в алтаре, то народ, бывший в церкви, дивился этому. Выйдя к народу, Захария принужден был знаками показывать, что он стал нем; тогда присутствовавшие поняли, что ему в алтаре было видение.

Окончив свою чреду, Захария возвратился в дом свой, находившийся в горной стране, в Хевроне, городе Иудове. Этот город был одним из тех, которые даны были по жребию потомкам

[1] То есть с той же несокрушимой ревностью и нравственным могуществом, с какими некогда действовал великий ревнитель по Боге пророк Илия.

Иуды и предназначены для жительства священникам (см.: Нав. 21, 13; 1 Пар. 6, 65)[1].

Когда исполнилось возвещенное Ангелом и бывшая дотоле неплодной Елисавета родила Иоанна, — имя это Захария написал на поданной ему дощечке, — отверзлись уста Захарии, язык его разрешился, и он стал говорить, благословляя Бога. Исполнившись Святого Духа, он начал пророчествовать, говоря: *благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, небоязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей. И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предыдешь пред лицем Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира* (Лк. 1, 68–79).

Но вот наступило время, когда родился Господь наш Иисус Христос в Вифлееме, и волхвы, пришедшие с Востока по видению чудесной звезды, возвестили Ироду о новорожденном Царе. Тогда Ирод, послав в Вифлеем воинов, чтобы они избили всех детей, приказал умертвить и сына Захарии, о коем много слышал. Ироду известно было все случившееся во время рождения Иоанна; так как все события, коими сопровождалось рождение Иоанново, вызывали страх и изумление среди окрестных жителей. Все иудеи говорили об этих чудесных событиях; молва дошла и до Ирода. Все слушавшие слагали в сердце своем происшедшее и говорили: *что́ будет младе-*

[1] *Хеврон* был одним из древнейших городов земли Ханаанской. Он существует и доселе и имеет до десяти тысяч жителей, которые занимаются торговлею, хлебопашеством, разведением фруктовых садов и виноделием. Город лежит на тысячу футов выше Иерусалима, в глубокой и узкой долине, с обеих сторон окруженной горами, в богато возделанной и плодоносной местности. Все окрестности города покрыты масличными, гранатовыми, фиговыми, фисташковыми деревьями; особенно же славится Хеврон большими и превосходными виноградниками.

нец сей? (Лк. 1, 66). Ирод, вспомнив теперь об Иоанне, подумал: «Не этот ли будет царем Иудейским?» Задумав умертвить его, царь отдельно послал в дом Захарии убийц, но посланные не нашли святого Иоанна. Ибо, когда началось безбожное избиение детей в Вифлееме, стоны и вопль были услышаны в Хевроне, городе Иудове, где жили священники, так как он находился на недалеком расстоянии от Вифлеема; скоро узнали в Хевроне, конечно, и о причине такого вопля. Тогда святая Елисавета, взяв сына своего, отрока Иоанна, коему тогда было уже полтора года, бежала с ним в горы. А святой Захария в то время находился в Иерусалиме, отправляя обычную службу по порядку чреды своей. Скрываясь в горах, Елисавета со слезами молилась Богу, чтобы Он защитил ее и ее сына. Увидав с горы воинов, кои тщательно разыскивали беглецов и уже были недалеко, она в ужасе возопила к ближайшей каменной горе: «Гора Божия, приими мать с сыном!» Гора тотчас расступилась, заключила их в себе, и таким образом они укрылись от настигавших их убийц. Не найдя тех, кого искали, посланные ни с чем возвратились к царю. Тогда Ирод послал к Захарии в храм приказание, чтобы он отдал ему сына своего Иоанна.

— Я служу ныне Господу Богу Израилеву, — отвечал на это святой Захария, — и не знаю, где теперь находится сын мой.

Разгневанный Ирод вторично послал к нему и приказал убить самого Захарию, если он не отдаст своего сына. Свирепые убийцы устремились как звери, стараясь немедленно исполнить повеление царя, и с яростью закричали священнику Божию:

— Где скрыл ты своего сына? Отдай нам его, ибо так повелел царь; если же не дашь сына своего, то сам погибнешь лютой смертью.

На это святой Захария отвечал:

— Тело мое вы убьете, а душу мою восприимет Господь.

Тогда убийцы бросились на Захарию и между церковью и алтарем убили его, как повелел им царь; пролившаяся же кровь святого сгустилась на мраморе и отвердела как камень во свидетельство и вечное осуждение Ироду; а Елисавета, хранимая Богом, с своим сыном пребывала в расступившейся горе. Божиим повелением устроилась для них там пещера, открылся источник воды, а над пещерою выросла финиковая пальма, на коей явились плоды в изобилии.

Когда мать с сыном хотели есть, дерево склонялось, подавая в пищу плоды свои, а затем снова выпрямлялось.

Спустя сорок дней после убиения Захарии святая Елисавета, мать Предтечи, преставилась в той пещере, а святой Иоанн был питаем Ангелом до совершенного возраста и храним в пустынях до дня явления своего к израильтянам.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
УРВАНА, ФЕОДОРА и МЕДИМНА,
И МНОГИХ С НИМИ

В царствование злочестивого Валента[1] ариане в Царьграде имели великую силу и распространили свою власть, так как царь, ослепленный той же ересью, помогал им. Подняв гонение на православных христиан, они изгнали епископа Евагрия и сильно притесняли верующих: одних они били, других ввергали в темницы, у третьих разграбляли имения, — словом, всячески угнетали их. Сильно скорбя об этом, верующие, тайно собравшись, решили послать к царю, который тогда находился в Никомидии, просьбу, чтобы он, если нельзя совсем избавить их от ариан, по крайней мере, велел бы ослабить притеснение их, чтобы люди не погибли до конца. Для этого дела они избрали до семидесяти достойных мужей духовного чина, крепких в вере, сильных в слове, отличающихся своим разумом, во главе с Урваном, Феодором и Медимном. Отправившись в путь, они достигли Никомидии и, став перед царем, усердно просили его, чтобы он помиловал их и защитил от рук арианских. Сильно разъярился на них царь, однако не показал вида, что он гневается, но тайно отослал их к епарху[2] Модесту, приказав ему, чтобы он схватил и предал их смерти. Епарх, схватив их, боялся, однако, явно пред всеми казнить их и, чтобы не было в народе толков, при-

[1] *Валент* — Римский император с 364 по 378 год после Рождества Христова, правивший восточной половиной империи, ревностный покровитель ариан.

[2] *Епарх* — греческое слово, обозначающее «начальник». Так назывались правители римских областей.

казал посадить их всех на корабль и распустить слух, что схваченных отправляют на заточение; а между тем он научил корабельщиков, чтобы они, когда будут посреди моря, сошли в лодку и подожгли бы корабль с семьюдесятью мужами, что те и исполнили: приплыв в Астакийскую пучину, они зажгли корабль со святыми мучениками, спустившись сами заранее в лодку, которая была для того приготовлена, и вернулись к епарху, сообщая ему о кончине тех мужей. Как свеча загорелся корабль и быстро плыл по морю, так как его гнал ветер; охваченное пламенем плывшее судно достигло до места, известного под именем Дакидис; пристав здесь, корабль сгорел до конца, испуская от сгорающих телес святых мучеников дым, подобный кадильному дыму, поднимающемуся к Богу. Так скончались святые, и сбылось на них слово Писания: *проидóхом сквозé огнь и воду и извел еси ны в покой* (слав. Пс. 65, 12). Сожженные на воде огнем, святые мужи́ эти вселились в небесном покоище[1], где, предстоя пред престолом Владыки, молятся о нас; тех молитвами, Господи, подай и нам получить жизнь вечную. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АВДИЯ

Этот святой мученик жил и пострадал в Персии. За то, что он своим учением многих приводил к вере во Христа, начальник волхвов велел взять его и принудить поклониться солнцу и огню и отречься от Христа. За свое твердое исповедание истинного Бога он претерпел биение по чреслам терновыми палками, покрытыми острыми колючками. Четыре воина так долго его били, что его замертво унесли в свой дом, где он вскоре предал Богу свою святую и блаженную душу, славя и благодаря Его, и радуясь, что сподобился пострадать за имя Господа нашего Иисуса Христа[2].

---

[1] Это было в 370 году.

[2] Святой мученик Авдий пострадал в царствование Персидского царя Издигерда с 408 по 420 год.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФИФАИЛА и ФИВЕИ

Эти святые мученики с дерзновением пред всеми исповедовали Христа истинного Бога, Творца и Промыслителя всего, а идолов называли глухими истуканами. Многих обратили они к истинной вере. Язычники взяли их и много мучили. Наконец, святой Фифаил был повешен на дереве и распилен пилою, а сестру его Фивею умертвили ударом копья в шею. Они оба предали свои святые и блаженные души в руки Божии, с хвалебною молитвою на устах[1].

УБИЕНИЕ СВЯТОГО КНЯЗЯ
ГЛЕБА

Брат святого князя Глеба Святополк обманом вызвал его из Мурома, послав ему сказать: «Отец твой при смерти и зовет тебя». В то время Святополк уже умертвил брата Глебова, святого Бориса, и стал замышлять и убийство святого Глеба[2]. Он имел нечестивое намерение убить всех своих братьев, чтобы взять всю власть в свои руки, но концом этого злодеяния была вечная мука, по слову пророка: *нечестивый уловлен делами рук своих* (Пс. 9, 17). В то время, как князь Глеб был уже на пути в Киев и находился близ Смоленска,

[1] Пострадали в начале II века в царствование императора Траяна.

[2] *Глеб* — младший сын святого равноапостольного князя Владимира Великого, от христианского супружества его с греческой царевной Анной. Был князем древнего Мурома, центра северной ростово-суздальской области (ныне довольно незначительный уездный город Владимирской губернии). Борис — родной брат святого Глеба от той же матери, князь Ростовский (Ростов — ныне уездный город Ярославской губернии); братоубийственно умерщвлен подкупленными убийцами, вскоре по смерти Владимира в 1015 году, на реке Альте, где стоял станом, возвращаясь с похода на печенегов. Святополк — сын Владимира от вдовы брата его Ярополка; за свое злодеяние остался в истории с именем «Окаянного». По убиении Бориса и Глеба он был побежден Ярославом Мудрым, изгнавшим его из Киева, бежал в Польшу и впоследствии погиб «злою смертью» в пустыне между Польшей и Богемией.

на Смядыне[1], настигли его окаянные убийцы, посланные Святополком, по злобе своей подобные свирепым зверям. Святой Глеб ждал от них приветствия, но они замышляли на его жизнь и неожиданно окружили его со всех сторон. Затем повар святого Глеба, родом торчин[2], зарезал господина своего ножом, 5 сентября[3]. Его тело было брошено в пустом месте. Но Господь Бог не оставил Своего раба, но прославил его, как некогда и святого первомученика Стефана[4]: иногда над местом, где лежало тело святого князя, виден был огненный столп, иногда же являлись горящие свечи, или слышалось ангельское пение. Видевшие эти знамения возвестили о них в городе, жители которого взяли тело святого и перенесли в Вышгород[5].

ПРАЗДНОВАНИЕ СВЯТОМУ АПОСТОЛУ **ПЕТРУ**, в Афире

Об этом храме святого апостола Петра упоминается в житии святого Евтихия, патриарха Цареградского (6 апреля), где говорится, что пред избранием этого патриарха в 552 году царю Юсти-

---

[1] *Смядынь* — маленький приток Днепра, при Смоленске.

[2] *Торки* — один из кочевых народов азиатского происхождения; в древней удельно-вечевой Руси обитали преимущественно на юго-западе ее.

[3] Кончина святого благоверного князя Глеба последовала в 1015 году. Во святом крещении Глеб именовался Давидом.

[4] О прославлении честных мощей святого первомученика Стефана в Четьих-Минеях, между прочим, повествуется: «Ночью над мощами святого являлся свет, и сильное благоухание исходило от ковчега (раки мощей), и в воздухе слышалось ангельское пение». См. 2 августа.

[5] *Вышгород* — древний и прежде значительный русский город, в 15 верстах от Киева вверх по Днепру; служил сильным укреплением для Киева с севера и был излюбленным городом великих киевских князей, особенно Владимира Великого. — В Вышгород мощи святого князя Глеба были перенесены и положены вместе с мощами святого князя Бориса в княжение в Киеве Ярослава Мудрого в 1019 году. В 1072 году в честь святых князей установлено празднество. Мощи их утрачены во время нашествия на Киев Батыя, хана монгольского, в 1240 году.

ниану[1] было видение, которое он с клятвою открыл другим: во сне он увидал себя в церкви святого апостола Петра, в Афире[2], ему явился сам святой апостол и, указав на святого Евтихия, сказал: «Этот да будет поставлен вам во епископа».

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИУВЕНТИНА и МАКСИМА

Святые мученики Иувентин и Максим воины пострадали при римском императоре Юлиане Отступнике, при котором они состояли в должности щитоносцев. Однажды Юлиан, придя в Антиохию, окропил идоложертвенною кровью все продаваемые на рынке снеди и пития, желая таким образом сделать христиан участниками нечестивых своих жертв. В то время эти два раба Христовы, присутствуя на одном пиршестве с другими воинами, со скорбью беседовали с ними о беззаконии царя и повторяли слова святых трех отроков, некогда сказанные в Вавилоне: *И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле* (Дан. 3, 32).

Один из пировавших передал наутро эти слова царю.

Тогда царь призвал святых воинов и спросил:

— Что вы говорили вчера на пиру?

Они отвечали истину и, повторяя те же самые слова, обличали царя и укоряли в беззаконном отступничестве.

Царь, пришедший в ярость, сначала велел беспощадно бить их и бросить в темницу; потом в полночь послал в темницу палача, который и умертвил их среди темничного мрака.

---

[1] *Юстиниан Великий* — знаменитый Византийский император, царствовал с 527 по 565 год.

[2] *Город Афира*, или *Афир*, находился при впадении реки Афира в Мраморное море и назывался иначе Порос; он находился в двадцати четырех тысячах шагов от Константинополя.

День шестой

ВОСПОМИНАНИЕ ЧУДА СВЯТОГО АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА в Хóнех

Во фригийском городе Колоссах[1], близ города Иераполя[2], над источником чудотворной воды стоял храм святого Архистратига Михаила. От воды этого источника больные получали много исцелений — даже больше, чем в купальне Силоамской[3]. В ту купальню

[1] *Колоссы* — город на юго-западной части Фригии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В десятый год царствования Нерона (64 г. по Рождестве Христовом) Колоссы были разрушены землетрясением; после снова были выстроены, но уже никогда не достигали прежней славы. Впоследствии назывался *Хоны*. Ныне это небольшая деревенька на одном из скатов горы Хонас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы. Одно из посланий апостола Павла написано к жителям этого города. — Церковь святого Архистратига Михаила с древних времен существовала в этом городе.

[2] *Иераполь* (с греческого — *священный город*) — город в Малой Азии, во Фригии. Он стоял недалеко от города Колосс и Лаодикии, почти при соединении рек Меандра и Ликуса. Новейшее название города: *Рамбук-Калеси* (город хлопчатой бумаги). Иераполь некогда имел епископа, присутствовавшего на I Никейском соборе в 325 году. В Иераполе, между прочим, как видим из предлагаемого здесь повествования, учил и мученически скончался святой апостол Филипп.

[3] *Силоам* — источник или водоем Силоамский и устроенная при нем купальня Силоамская находились на юго-восточной стороне Иерусалима при подошве гор Сион и Мориа. Об источнике Силоамском в Священном Писании упоминается три или четыре раза, и между прочим у евангелистов Иоанна и Луки (см.: Ин. 5, 5 и 9, 7–11; Лк. 13, 4).

только однажды в год сходил Ангел Господень и возмущал воду, здесь же всегда пребывала благодать чиноначальника Ангелов. Там бывал здоров только тот, кто первый входил в купальню по возмущении воды, а здесь — все приходившие с верою, первые и последние, становились здоровыми. Там были необходимы притворы для пребывания больных, подолгу ожидавших исцеления, так как иные едва только через тридцать восемь лет получали здравие, — здесь же, в один день или в один час, больной становился здоровым. О происхождении этого источника повествуют так.

Когда вся вселенная была помрачена тьмою языческого многобожия и люди поклонялись твари, а не Творцу, — в то время в Иераполе язычники почитали громадную и страшную ехидну[1], и вся страна, ослепленная бесовским прельщением, поклонялась ей. Нечестивые построили в честь этой ехидны храм, где и содержали ее, и, принося ей многие и различные жертвы, кормили эту ядовитую и вредившую многим ехидну. Единый истинный Бог, желая просветить мир светом Своего познания и наставить заблудших людей на истинный путь, послал во все земли святых Своих учеников и апостолов проповедовать Евангелие всем людям. Двое из апостолов — святой Иоанн Богослов и святой Филипп, — придя: один — в Ефес[2], а другой — в Иераполь, трудились там в благовествовании Христовом. В это время в Ефесе находился чудный храм и идол известной языческой богини Артемиды[3]. Вооружившись духовным мечом — словом Божиим — на служителей и поклонников этой богини, святой Иоанн Богослов победил их: силою имени Христова он разрушил храм и превратил в прах идола, и чрез это привел весь город ко святой вере. После разрушения идола Артемиды святой Иоанн Бо-

[1] *Ехидна* — ядовитая змея, величиной около двенадцати футов и более. Уязвление ее очень опасно и в большинстве случаев оканчивается скорой и неизбежной смертью. В Священном Писании змеи вообще представляются страшными и опасными животными, с которыми человек постоянно должен жить во вражде. Они служат образом всего того, что, по природе своей, причиняет вред и погибель (см.: Еккл. 10, 11; Притч. 23, 31–33; Мф. 7, 10).

[2] *Ефес*, при Эгейском море, был важный торговый город в Малой Азии.

[3] *Артемида* — иначе *Диана* — известная языческая богиня у греков, олицетворяла собой луну и считалась покровительницей лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском; особенно чтили ее в городе Ефесе.

гослов пошел из Ефеса в Иераполь на помощь к сотруднику своему, святому апостолу Филиппу; там же находились в то время святой апостол Варфоломей и сестра Филиппа Мариамия. Вместе с ними святой Иоанн Богослов и послужил делу спасения людей. Сначала они вооружились против ехидны, коей безумные люди приносили жертвы, почитая эту тварь за Бога. Своими молитвами они убили эту ехидну, а поклоняющихся ей обратили к Единому истинному Богу, сотворившему небо и землю. Став на некотором месте, называемом «Херотопа», они пророчествовали, что на нем воссияет благодать Божия, что это место будет посещать Воевода небесных сил, святой Архистратиг Михаил, и что здесь будут совершаться чудеса. Все это вскоре и сбылось. Когда святой Иоанн Богослов отправился на проповедь Евангелия в другие города, а святой апостол Филипп пострадал от нечестивых, Варфоломей же и Мариамия также разошлись в другие страны, — тогда на том месте, по пророчеству святого апостола, появилась чудотворная вода. Так исполнились слова Писания: *Протóржеся вода в пустыни, и дебрь в земли жаждущей. И безводная будет во езéра, и на жаждущей земли источник воднńй будет; тамо будет веселие птицам, и селńтва трости, и лýзи. И тамо будет путь чист, и путь свят наречется*[1] (слав. Ис. 35, 6–8). К этому источнику стали приходить не только верующие, но и неверующие, ибо совершавшиеся там чудеса, как громогласная труба, призывали сюда всех; и все пившие и умывавшиеся из этого источника исцелялись от своих недугов и многие, получив здравие, крестились во имя Святой Троицы.

В это время в Лаодикии[2] жил один эллин, у которого единственная дочь была нема от рождения. Отец ее очень скорбел об этом и

---

[1] В этом месте пророк Исаия указывает на те великие последствия, которыми будет сопровождаться пришествие в мир Спасителя. Тогда «целыми потоками потечет (пробьется) вода в пустыне, и поэтому в земле сухой появится дебрь или долина», и тогда «безводная местность превратится в озера и на земле сухой появится источник воды: (так что) там будут веселиться птицы, там будет расти тростник и будут луга».

[2] *Лаодикия* — главный город Фригии, на юго-западе ее, недалеко от города Колосс, при реке Ликусе. Церковь Лаодикийская была одна из семи знаменитых Малоазийских церквей, упоминаемых в Апокалипсисе. В церковной истории Лаодикия известна по бывшему там собору (около 365 года), оставившему подробные правила касательно порядка богослужения, нравственного поведения клира и мирян, и различных заблуждений того времени.

прилагал много старания к исцелению ее немоты, но, ничего не достигнув в этом, пришел в глубокое уныние. В одну ночь, уснув на своей постели, он узрел в видении Ангела Божия, сияющего как солнце. Это видение было ему не потому, что он был того достоин, но чтобы чрез то он пришел к познанию истины и привел бы с собою и других к Богу. Увидав Ангела, он испугался, но в то же время услыхал от него такие слова:

— Если хочешь, чтобы разрешился язык у твоей дочери, то приведи ее к моему источнику, находящемуся в Херотопе, близ Иераполя, — напои ее водой из этого источника и тогда увидишь славу Божию.

Проснувшись, человек этот удивлялся виденному и, поверив сказанным ему словам, тотчас же взял дочь и поспешил к чудотворной воде. Там он нашел множество людей, черпающих эту воду, крещающихся в ней и получающих исцеления от своих болезней. Он спросил их:

— Кого призываете вы, омываясь этой водой?

Те ответили ему:

— Мы призываем имя Отца, и Сына, и Святого Духа, призываем в помощь и святого Архистратига Михаила.

Тогда человек тот, возведя очи свои к небу и воздев руки, сказал:

— Отче и Сыне и Святый Ду́ше, — Боже христианский, — помилуй нас! Святый Михаиле, слуга Божий, помоги и исцели дочь мою!

При этом он почерпнул воды из источника и влил ее с верою в уста дочери; тотчас же связанный немотою язык ее разрешился на славословие Божие, и она ясно проговорила:

— Боже христианский, помилуй меня! Святой Михаиле, помоги мне!

Все бывшие там удивлялись силе Божией и, прославляя Святую Троицу, величали помощь святого Архистратига Михаила. Эллин же тот, видя, что дочь его исцелилась, чрезвычайно обрадовался и немедля крестился вместе со своею дочерью и всеми домашними своими, пришедшими с ним. В знак своей благодарности он построил над чудотворным источником прекрасную церковь во имя святого Архистратига Михаила, Воеводы небесных сил. С великим благолепием украсив эту церковь и немало помолившись в ней, эллин тот возвратился к себе домой.

В 90-й год от построения этой церкви пришел туда из Иераполя десятилетний отрок, по имени Архипп; родители его были ревностными христианами и воспитали сына в благочестии. Архипп стал жить при церкви святого Архистратига Михаила, исполняя при ней пономарскую службу. Отрок этот начал руководствоваться в своей жизни таким правилом: с того времени, как он поселился при той церкви, служа Богу, он ничего не внушал из мирских кушаний и питий: ни мяса, ни вина, даже хлеба он не ел, но питался одною пустынною зеленью, которую сам собирал и варил; пищу принимал он один раз в неделю и то без соли, питием же для него служило лишь незначительное количество воды. Чрез такое воздержание этот отрок умертвил свою плоть и в таких добродетелях неизменно пребывал от юности до самой старости, всею душою приобщаясь Богу и уподобляясь житию бесплотных. Одежда его была очень бедна: он имел только два вретища[1], из которых одно носил на теле, а другим покрывал свою постель, устланную острыми камнями. Он покрывал ее вретищем для того, чтобы входившие в его жилище не видали, что он спит на острых камнях; изголовьем же для него служил небольшой мешок, наполненный тернием. Такова была постель этого блаженного подвижника. Сон же и отдых его состоял в следующем: когда он чувствовал потребность во сне, то ложился на камнях и остром тернии, — так что это было скорее бодрствование, чем сон, и отдых его был более мучением, чем покоем. Ибо какой отдых для тела — лежать на твердых камнях, и что за сон, когда голова почивает на остром терновнике? Каждый год Архипп переменял свою одежду: тем вретищем, которое носил на теле, он покрывал свою постель, а которое было на постели, он надевал на себя; по прошествии года он опять переменял те вретища. Так, не имея покоя ни днем, ни ночью, он умерщвлял свое тело и соблюдал свою душу от сетей вражиих. Проходя столь тесный и прискорбный путь жизни, блаженный Архипп, взывая к Богу, молился:

— Не попусти мне, Господи, порадоваться на земле суетною радостию, да не увидят глаза мои никаких благ мира этого, и пусть не будет для меня никакой отрады в этой временной жизни. Исполни, Господи, очи мои слез духовных, дай сокрушение в сердце моем и благоустрой пути мои, дабы мне до конца дней моих умерщвлять

[1] *Вретище* — мешок из дерюги или веретья; рубище, власяница.

плоть мою и поработить ее духу. Какую пользу принесет мне эта бренная плоть моя, созданная из земли? Она, как цветок, утром расцветает, вечером же засыхает! Но дай мне, Господи, усердно трудиться над тем, что полезно для души и для жизни вечной.

Так молясь и так поучаясь, блаженный Архипп стал уподобляться Ангелу Божию, проводящему небесное житие на земле. И не о своем только спасении заботился святой, но и о спасении других, ибо многих неверных обратил он ко Христу и крестил их. Нечестивые еллины, видя все это, завидовали блаженному Архиппу и, не терпя преславных чудес, являемых от святого источника, возненавидели жившего там этого праведного мужа. Часто они нападали на святого Архиппа, терзали его за волосы и за бороду и, повалив на землю, топтали ногами и, после различных истязаний, выгоняли оттуда. Но, будучи тверд духом, подобно адаманту[1], блаженный Архипп все это мужественно претерпевал от идолопоклонников и не отступал от святого храма, служа Богу в святости и незлобии своего сердца и заботясь о спасении душ человеческих.

Однажды нечестивые еллины, собравшись во множестве, говорили между собой:

— Если мы не засыпем землей этот источник и не убьем того человека, одетого в рубище, то все боги наши будут совершенно унижены из-за исцеляющихся там.

Вслед за тем они пошли, чтобы засыпать землею чудотворную воду и убить неповинного человека — блаженного Архиппа. Подойдя к святому месту с двух сторон, одни из них устремились к церкви и к источнику, а другие поспешили к жилищу блаженного Архиппа, чтобы убить его. Но Господь, пекущийся о судьбе праведных и не дающий их в руки грешников, сохранил Своего раба от тех убийц: внезапно у них омертвели руки, так что они не могли ими и дотронуться до преподобного. От воды же явилось необыкновенное чудо: как только нечестивые приблизились к источнику, тотчас вышел из воды огненный пламень и, устремившись на беззаконных, отогнал их далеко от источника; таким образом беззаконники эти

---

[1] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит прочие камни, сам не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и учителям Церкви, прославившимся твердостью своей веры или характера.

бежали со стыдом от источника и от преподобного Архиппа, не причинив ему никакого зла. Однако они не вразумились этим чудом: скрежеща зубами, они не переставали хвалиться, что погубят тот источник и церковь и служителя церковного. На том месте была река, по имени «Хри́сос», протекавшая по левую сторону церкви. Беззаконники задумали пустить ее на святое место, чтобы святой источник, смешавшись с речной водой, потерял свою чудотворную силу. Но когда они начали приводить в исполнение злой умысел свой и направили течение реки к источнику, чтобы она затопила его, тогда река, по повелению Божию, дала своим струям иное течение и потекла по правую сторону церкви. И опять нечестивые со стыдом возвратились домой.

Были там еще две другие реки, протекавшие с востока и приближавшиеся к тому святому месту на расстоянии трех стадий; имя одной реки — «Ликокапер», а другой — «Куфос». Обе эти реки, встретившись у подошвы большой горы, соединялись вместе и, направляясь в правую сторону, протекали в Ликийскую страну[1]. Вселукавый диавол внушил нечестивым людям злой умысел: он научил их пустить воды обеих тех рек на чудотворное место, вследствие чего должен был разрушиться храм святого Архистратига Михаила, а вода должна была залить святой источник и потопить святого Архиппа. Местность же эта была очень удобна для направления туда воды, ибо реки выходили с вершины горы, а церковь была в самом низу. Сговорившись, нечестивые пришли в великом множестве изо всех городов в селение Лаодикию и отправились к церкви. Близ церковного алтаря находился огромный камень; от этого камня они начали копать глубокий и широкий ров вплоть до той горы, под которой реки соединялись вместе. Затем они прокопали с великим трудом ров, по которому вода могла быть пущена на церковь, и запрудили те реки, чтобы накопилось больше воды; десять дней трудились не-

[1] *Ликия* — провинция Малой Азии. Она граничит к северу с Писидией, к востоку — с Памфилией, к югу — с Памфилийским или вообще с Средиземным морем, к западу — с Карией. Из городов Ликии в Священном Писании упоминаются Патара и Миры. В Патаре ненадолго останавливался апостол Павел, возвращаясь после третьего своего путешествия в Иерусалим (см.: Деян. 21, 1). Города Патара и Миры особенно известны верующим по истории святителя Николая, архиепископа Мирликийского: Патара Ликийская была его родиной, а в Мирах он был епископом.

честивые в этом суетном деле. Видя это дело нечестивых, преподобный Архипп пал в церкви на землю и со слезами молился Богу, призывая в помощь скорого предстателя святого Архистратига Михаила, чтобы он сохранил святое место от потопления и не дал порадоваться врагам, старающимся погубить святыню Господню.

— Не отойду от этого места, — говорил блаженный Архипп, — не уйду из церкви, но даже и умру здесь, если Господь попустит потопить это святое место.

По прошествии десяти дней, когда вода сильно поднялась, нечестивые раскопали то место, по которому вода должна была устремиться по приготовленному для нее пути, и пустили реки на святой храм в первом часу ночи; сами же отошли оттуда и стали на высоком месте с левой стороны, желая видеть потопление святого места. Тогда вода, устремившись вниз, зашумела, как гром. Преподобный Архипп, находясь в церкви на молитве, услыхал шум от воды и еще усерднее стал молиться Богу и святому Архистратигу Михаилу, чтобы не было потоплено это святое место и не возвеселились, но посрамились нечестивые враги; имя же Господне да прославится, и да возвеличится ангельская сила и заступничество. И воспел он псалом Давидов:

— *Возвышают реки, Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь. Откровения Твои несомненно верны. Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни* (Пс. 92, 3–5).

Когда воспевал это блаженный Архипп, то услышал голос, повелевающий ему выйти из церкви. Выйдя из церкви, он увидел великого предстателя и хранителя рода христианского — святого Архистратига Михаила, в образе прекрасного и пресветлого мужа, как некогда он явился пророку Даниилу (см.: Дан. 10). Блаженный Архипп, не будучи в состоянии смотреть на него, от страха упал на землю.

Архангел же сказал ему:

— Не бойся, — встань, подойди ко мне сюда и увидишь силу Божию на этих водах.

Блаженный Архипп встал и, подойдя со страхом к Воеводе сил небесных, остановился по повелению его на левой стороне; при этом он увидал огненный столп, поднимавшийся от земли до неба.

Когда же вода подошла близко, Архистратиг поднял правую руку и, изобразив крестное знамение на поверхности воды, сказал:

— Остановитесь там!

И тотчас же воды обратились назад. Так исполнились слова пророческие: *Видели Тебя воды и убоялись* (Пс. 76, 17). Реки стали, как каменная стена, и поднялись в вышину, подобно высокой горе. Вслед за этим Архистратиг, повернувшись к храму, ударил жезлом в огромный камень, находившийся около алтаря, и начертал на нем крестное знамение. Тотчас послышался великий гром, земля затряслась и камень разделился надвое, образовав в себе громадное ущелье. При этом Архангел Михаил произнес следующие слова:

— Да уничтожится здесь всякая сопротивная сила и да получат здесь избавление от всяких зол все приходящие сюда с верою!

Сказав это, он велел Архиппу перейти на правую сторону. Когда преподобный перешел туда, то святой Михаил громогласно возгласил водам:

— Войдите в это ущелье!

И тотчас воды с шумом потекли в каменную расселину и с тех пор постоянно текли этим путем сквозь камень. Враги, стоявшие на левой стороне и ожидавшие увидеть потопление святого храма, от страха окаменели. Сохранив от потопления свой храм и преподобного Архиппа, святой Архистратиг Михаил взошел на небо, и блаженный Архипп возблагодарил Бога за то преславное чудо и прославлял великого хранителя, Архистратига Михаила, за его великое заступление. Тогда все противники устыдились, у верующих же была великая радость, и они, приходя к ангельскому храму и чудесному источнику, вместе с преподобным Архиппом воздавали хвалу Богу. С того времени постановили праздновать тот день, в который совершилось чудо чрез явление Ангела. Преподобный Архипп прожил много лет на том месте, усердно работая Богу, и скончался в мире, будучи семидесяти лет от рождения своего. Верующие погребли его на том же самом месте, которое за вышеупомянутое чудо названо «Хони», то есть погружение[1], потому что там воды погрузились в камень.

Следует также упомянуть и о других чудесах святого Архистратига Михаила, благодетеля христианскому роду.

---

[1] Χώνη (с греческого) — отверстие, впадина, расселина.

Между Адриатическим морем и горою, называемою Гарган[1], есть город Сипонт, отстоящий от горы за двенадцать тысяч стоп[2]. В том городе был один богатый человек, стада которого паслись под горою Гарган. Однажды у него пропал один вол, отставший от стада. Долго отыскивал он со своими рабами этого вола и наконец нашел его на вершине горы у дверей одной пещеры. Разгневанный и усталый от поисков, человек тот взял лук и стрелу и пустил ее в своего вола с тем, чтобы убить его. Внезапно стрела, обернувшись назад, поразила стрелявшего. Бывшие с ним, видя то, убоялись и, не смея приблизиться к той пещере, возвратились в город и рассказали там о случившемся. Узнав об этом, епископ того города обратился с молитвой к Богу, прося Его открыть ему тайну эту. И вот явился ему в видении Архангел Михаил и возвестил, что он избрал то место себе, хра́нит его и желает часто посещать его и помогать людям, приходящим туда с молитвой. Епископ возвестил об этом видении людям и предписал всему городу трехдневный пост, после которого пошел вместе с клиром своим и со всем народом к той горе. Поднявшись на нее, они нашли в камне пещеру с тесным входом и не осмелились войту внутрь, но совершили моление перед дверью. С тех пор туда часто стали приходить люди и молиться там Богу и святому Архистратигу Михаилу.

Однажды неаполитане[3], будучи еще неверующими, собрав свои войска, неожиданно подошли к городу Сипонту с тем, чтобы взять его и разорить. Граждане были в великом страхе. Тогда епископ заповедал жителям того города трехдневный пост и молитвы об избавлении от окружающих их врагов. Перед наступлением дня, назначенного врагами для окончательного разорения города, Воевода сил небесных, святой Архистратиг Михаил, явился в видении епископу и сказал:

— Завтра в четвертом часу дня прикажи своим гражданам вооружиться и выйти из города против врагов, а я приду на помощь вам.

---

[1] *Гарган* — известковая гора на восточном берегу Средней Италии. Гора Гарган упоминается у древних дохристианских писателей: Страбона, Мелы, Вергилия и других.

[2] *Стопа* — мера расстояния; по-нашему около четырех вершков. Двенадцать тысяч стоп составляют около двух верст.

[3] То есть жители Неаполя. Неаполь, главный город провинции Итальянского королевства с тем же названием, расположен по северному берегу Неаполитанского зали́ва.

Проснувшись, епископ сказал об этом видении всем людям и весьма обрадовал их предреченной Богом победой над язычниками. Когда же наступил четвертый час дня, послышался сильный гром, и, подняв глаза, все увидали облако, сходящее на гору Гарган. В то же время появились, как некогда на Синае (см.: Исх. 19), огонь, дым, молния и гром, так что вся гора заколебалась и покрылась облаками. Враги, увидав это, устрашились и обратились в бегство; граждане же, уразумев, что на помощь им пришел благой хранитель и скорый заступник их святой Архангел Михаил со своими небесными воинами, открыли городские ворота и погнались за врагами, поражая их, как стебли; они преследовали их сзади, святой же Архистратиг Михаил поражал их с высоты громом и молнией; умерших в тот день от грома и молнии было шестьсот человек. Граждане Сипонта преследовали врагов до Неаполя и, с помощью Воеводы небесных сил победив их, с торжеством возвратились в свой город. С того времени неаполитане, познав крепкую десницу всесильного Бога, приняли святую веру. Сипонтийские же граждане, собравшись все с епископом и с клиром, пошли к горе, на которой было грозное явление, желая воздать там благодарение Богу и помощнику своему, святому Архистратигу Михаилу и всем небесным силам. Когда они приблизились к дверям той пещеры, то нашли на мраморе след небольшой человеческой ноги, так же хорошо оттиснутый, как бы на болотистой земле. Тогда сказали они между собой:

— Вот, по истине святой Архистратиг Михаил оставил здесь знак своего посещения, ибо он сам здесь был, избавляя нас от врагов наших.

Поклонившись, они целовали тот след и, совершив молебное пение, радовались, что имеют такого хранителя и заступника себе, и воздавали благодарение Богу. На том месте они решили выстроить церковь во имя святого Архистратига Михаила. Когда они приступили к постройке, то Архистратиг Михаил опять явился епископу и сказал:

— Не следует вам заботиться о церковном здании: я без вашего труда приготовил там себе храм, только войдите в него. Ты же на другой день соверши в нем святую литургию и причасти верующих святых Божественных Тайн.

После этого видения епископ повелел всем людям приготовиться к причащению святых Тайн и пошел вместе с ними, совершая молебные пения. Когда они пришли на то святое место, где отобразились на мраморе святые стопы, то нашли в камне вытесанную небольшую церковь, в виде пещеры; стены у нее были не гладкие, вышина же ее была различна: в одном месте можно было достать головой, а в другом невозможно было и рукой достать. — Из этого стало понятно людям, что Бог ищет в церкви не камней драгоценных, а чистого сердца. Престол в этой церкви был покрыт пурпуровым покрывалом; епископ совершил на этом престоле святую литургию и причастил верующих пречистых Тайн. В алтаре же на северной стороне сверху стала истекать вода — чистая, вкусная, очень светлая и чудотворная, вкушая которую все болящие, по причащении святых Тайн, получали исцеление, и многие иные бесчисленные чудеса совершались в той церкви по молитвам святого Архистратига Михаила. Епископ выстроил при церкви келии и поместил там священников, диаконов, певцов и чтецов, чтобы в ней ежедневно была отправляема церковная служба во славу Богу и в честь святого Архистратига Михаила.

Упомянем еще о чуде, бывшем на Афонской горе[1]. Во времена благочестивых болгарских царей жил один богатый и знатный человек, по имени Дохиар. Некогда он, желая благоугодить Богу, пожелал быть иноком. Взяв много золота, пошел он на святую гору посетить тамошние монастыри и поискать себе удобного для поселения места. Обойдя многие монастыри и раздав много милостыни, он вышел из лавры блаженного Афанасия и направился от Солуня[2] по берегу моря. Здесь он нашел очень красивое место с вкусной водой и богатой растительностью; жителей на этом месте еще никого не было. Место это ему очень понравилось, и он задумал здесь поселиться и выстроить монастырь. Усердно взявшись за дело, он

---

[1] *Афонская гора* — узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг. Афонская гора (иначе Афон) — одно из наиболее чтимых святых мест восточного православного мира и ежегодно посещается тысячами богомольцев. В настоящее время на Афоне расположены двадцать больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий.

[2] *Солунь* (иначе *Фессалоники*) — столица одной из областей Македонии. В Солуни апостол Павел проповедовал Евангелие; два из его посланий написаны для жителей означенной области и города.

вскоре привел в исполнение свое желание. Сначала он выстроил прекрасную церковь во имя святителя Николая, а потом устроил монастырь и оградил его каменными стенами. Приведя все это в надлежащий порядок, сам он принял в том монастыре иноческий образ. Но при множестве построек, золота его оказалось недостаточно, так что он не мог украсить церковь с подобающим благолепием. Возложив надежду на помощь Божию, он говорил:

— Если Господь Бог захочет прославить это место, то Сам Он промыслит об украшении церкви; да будет Его воля!

Против святой горы есть остров, называемый «Луг», находящийся на расстоянии одного дня морского пути; там жили пастухи и пасли скот, ибо то место было очень удобно для пастбищ. На этом острове был поставлен в необитаемом месте высокий каменный столб; на столбе стоял каменный идол, на котором было написано по-гречески: «Всякий ударивший меня вверх найдет множество золота». Многие пытались узнавать: правда ли это, — и били по голове идола, но ничего не находили. Случилось же в то время одному юноше, близ означенного столба, пасти волов; юноша был очень разумен и грамотен. Прочитав надпись, сделанную на столбе, он ударил идола по голове, как то делали и другие, чтобы найти золото, — однако ничего не нашел. Потом он подумал, что, быть может, золото зарыто в земле, и, при захождении солнца, заметил, где кончается на земле тень от этого столба, и в том месте, где кончалась тень от головы идола, он начал копать землю, ища сокровища, но и здесь ничего не нашел. Когда же взошло солнце, он опять стал смотреть, где кончается тень от столба, и там стал копать. Когда он копал, то услыхал на том месте какой-то звук и, поняв, что на этом месте скрыто сокровище, стал еще усерднее копать и дорылся до жерновного камня, настолько большого, что ему невозможно было и поднять его. Протянув руку сквозь скважину камня, он нашел там много золота и в раздумье не знал, что ему с ним делать.

— Если я кому-нибудь расскажу о золоте, — думал он, — то как бы меня не убили из-за него.

Бог же, внимая молитвам вышеупомянутого старца, заботившегося об украшении святого храма, внушил юноше, чтобы он шел на святую гору в один из монастырей и рассказал бы игумену о найденном сокровище. Юноша так и сделал. Взяв несколько золотых мо-

нет в удостоверение своей находки, он пришел в селение, лежавшее близ моря, и нанял там человека, который бы перевез его к святой горе. По усмотрению Божию, он остановился в пристани вышеупомянутого, вновь выстроенного монастыря, названного по имени его строителя «Дохиар». Перевозчик возвратился в свое селение, а юноша пошел в тот монастырь. Увидав там игумена, он рассказал ему подробно о найденном им сокровище. Игумен уразумел в этом дело Божие; он позвал трех иноков и, передав им слышанное от юноши, послал их вместе с ним, чтобы они принесли найденное золото в монастырь. Иноки поспешно отправились на лодке и, приплыв к острову, дошли до того столба, около которого было зарыто золото. Когда они отвалили жерновный камень, то под ним нашли котел, полный золота, и весьма обрадовались. Но исконный враг рода человеческого, ненавистник всего доброго, диавол, вложил одному из этих иноков неприязненную мысль, и тот сказал другому иноку:

— Брат, какая нужда нам нести это золото к игумену? Бог послал его нам: на это золото мы сами построим себе жилища и воздвигнем монастырь.

Когда же другой возразил ему: «Как мы скроем это золото?» — то он отвечал:

— Все это в нашей воле: мы можем бросить этого юношу в море, и тогда против нас не будет никаких свидетелей.

Сговорившись так, они сказали о том третьему иноку; но тот, будучи богобоязненным, сказал:

— Нет, братия, не дерзайте этого делать: не губите отрока, а вместе и свои души из-за золота.

Но они, не слушая его увещания, стали принуждать его быть единомысленным с ними, и наконец сказали:

— Если ты не будешь с нами заодно, то мы и тебя погубим вместе с отроком.

Брат, видя их непреодолимое злое намерение, устрашился, чтобы они и его не погубили, и сказал:

— Если вы так решили, то делайте, как хотите; я же клянусь именем Божиим, что никому об этом не расскажу и не потребую от вас золота.

Итак, утвердив свое слово клятвою, он молчал. Они же, взяв золото и тот камень, которым золото было прикрыто, внесли его в

лодку и, сев в нее вместе с отроком, поплыли к монастырю. Когда они были на глубоком месте, то напали на отрока и начали привязывать ему на шею камень. Отрок, поняв, что они хотят с ним делать, начал с плачем и рыданием умолять их, чтобы они не губили его, но безуспешно: нечестивые те черноризцы, имея окаменелое сердце и златолюбивую душу, не убоялись Бога, не умилились слезами отрока и не послушали его смиренной мольбы; схватив отрока, они бросили его с камнем в глубину моря, и он тотчас же пошел ко дну. Была же ночь, когда происходило это злодеяние. Милосердый Бог, взиравший с высоты на горькое рыдание отрока и видевший неповинное его утопление, послал хранителя рода человеческого святого Архистратига Михаила, чтобы он взял утопленного со дна моря и принес бы его живым в церковь. Так это и совершилось. Внезапно отрок оказался близ святой трапезы с камнем, повешенным на его шее. Когда наступило время служения утрени, то экклесиарх[1] вошел в церковь, чтобы зажечь свечи и начать звонить к утреннему богослужению. В это время он услыхал в алтаре человеческий голос и стон; он очень испугался и пошел рассказать об этом игумену. Игумен назвал его трусливым и малодушным и велел ему опять идти в церковь. Придя туда вторично, он опять услыхал тот же голос и снова возвратился к игумену. Тогда игумен сам пошел с ним в церковь и, услыхав голос, вошел в алтарь; там он нашел отрока, лежавшего близ святой трапезы с привязанным к его шее камнем; с одежды же его текла морская вода. Игумен узнал отрока и спросил:

— Что случилось с тобою, сын мой, и как ты попал сюда?

Отрок как бы пробудился от сна и сказал:

— Те лукавые иноки, которых ты послал со мною за найденным золотом, привязав этот камень на мою шею, выбросили меня в море. Погрузившись на дно, я увидал двух мужей, сиявших как солнце, и услыхал их беседу между собою; один говорил другому: «Архангел Михаил! Принеси этого отрока в монастырь Дохиар!» Услышав это, я пришел в беспамятство, и не знаю, как очутился здесь.

Услыхав рассказ отрока, игумен удивился и прославил Бога, творящего дивные и преславные чудеса. Потом он сказал отроку:

---

[1] *Экклесиарх* (с греческого — начальник храма) обязан был наблюдать за церковным зданием и чистотой в нем, а также порядком богослужения в монастыре, по указаниям церковного устава.

— Останься, чадо, на этом месте до утра, пока не будет обличена злоба.

Затем вышел оттуда и, затворив церковь, наказал экклесиарху, чтобы он никому не рассказывал об этом, утреню же игумен велел служить в притворе. При этом он прибавил экклесиарху:

— Если кто скажет: почему не в церкви, а в притворе поется утреня? — то отвечай, что так велел настоятель.

С наступлением утра убийцы те подошли к монастырю, а золото они спрятали в другом месте. Увидав их, игумен вместе с прочими братиями вышел к ним навстречу и спросил:

— Почему вчера вы пошли четверо, а теперь возвращаетесь трое? Где же четвертый?

Они на это с гневом отвечали:

— Отче, отрок обманул и тебя и нас, сказав, что нашел золото; ничего он не мог показать нам, ибо и сам ничего не знает и со стыда куда-то скрылся; мы долго искали его, но не могли найти и одни возвратились к тебе.

Игумен, сказав на это: «Да будет воля Божия», — пошел с ними в монастырь. Приведя их в церковь, где лежал юноша, с одежды которого еще текла вода, он показал им его и спросил:

— А это кто такой?

Увидав юношу, они пришли в ужас и стояли, как окаменелые; долго они не могли ничего ответить, но наконец, хотя и против воли, признались в своем злодеянии и рассказали, где они скрыли найденное золото. Тогда игумен послал более верных братий, и они принесли найденное золото в монастырь. Слух о чудесном этом событии прошел по всей святой горе: иноки изо всех монастырей сошлись, чтобы видеть это преславное чудо. Составив собор, они переименовали ту церковь во имя святого Архистратига Михаила, а во имя святителя Николая Чудотворца выстроили другую церковь. Тех двух лукавых убийц прокляли и выгнали из обители, третьего же инока, который не соглашался на потопление отрока и отказался от злодеяния, признали невиновным. Избавленный от потопления отрок облекся в иноческий образ и стал добрым подвижником и искусным иноком. После этого игумен на принесенное ему золото благолепно украсил церковь и выстроил вновь весьма красивый притвор; камень же, с которым юноша был выброшен в море, был

вложен в стену, чтобы было известно всем явленное чудо. Когда игумен преставился, то вместо него был поставлен игуменом избавившийся от потопления инок. Прожив богоугодно, и он перешел ко Господу, носимый руками святого Архистратига Михаила, как прежде перенесен был им же из моря в церковь.

За все это прославим Отца, и Сына, и Святого Духа и возвеличим вовеки святого Архистратига Михаила.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
РОМИЛА

Святой Ромил жил в царствование императора Траяна[1] и был первым вельможею во всем царском доме.

Случилось, что Траян, находясь со множеством своего войска в восточных странах, для покорения себе иверов, савроматов, арабов и других народов[2], вздумал пересчитать своих воинов, и нашел среди воинских полков одиннадцать тысяч человек, исповедовавших Христа и отвергавших поклонение идолам. Всех их Траян с позором отослал в Армению[3], надеясь, что это заставит их отречься от Христа и принести жертвы идолам, и они снова вернутся в свое воинское звание и получат прежнюю воинскую честь.

Тогда Ромил, как военачальник, пришел к царю и укорял его в безбожии и безрассудстве, в том, что он, пойдя на войну, сам умень-

---

[1] *Траян* — римский император, царствовал с 98 по 117 год по Рождестве Христовом. Один из лучших римских императоров. Однако и он преследовал христиан и издал два закона, немало повлиявшие на начало открытых гонений на христиан: один из них запрещал всякие тайные собрания, вторым — узаконилось предавать казни всех, оказавших упорное нежелание принести жертву языческим богам, по причине исповедания христианской веры.

[2] *Иверы* — нынешние грузины. *Савроматы*, или *сарматы*, жили по соседству с иверами от Кавказа и Каспийского моря и далее на восток. *Арабы* — на Аравийском полуострове. Все эти и многие другие родственные им восточные народы находились в то время под властью Римской империи, но с неудовольствием переносили чужеземное иго, поднимая частые и опасные возмущения против римского владычества.

[3] *Армения* — страна в Азии, соседственная с Закавказьем. Границы ее составляли: Каспийское море, Малая Азия, Курдистан и Месопотамия.

шает свое войско; себя же Ромил исповедовал христианином, готовым умереть за имя Иисуса Христа, Господа своего.

Траян сильно разгневался на святого, повелел его жестоко бить и осудил на смерть. Тогда же отсечена была честна́я глава святого мученика[1]. Посланные в заточение христиане также были умерщвлены разными способами: девять тысяч из них были распяты в пустыне около горы Арарат в Армении, остальные же умерли в других мучениях.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕВДОКСИЯ

Святой Евдоксий жил в царствование Диоклетиана, жестокого гонителя Церкви Божией. Этот император издал нечестивое повеление, запрещающее в его империи поклоняться Единому Истинному Богу и требующее воздавать честь, подобающую Богу, немым бездушным идолам. По обнародовании этого повеления, многие из верующих бежали в пустыни и горы, предпочитая лучше жить там со зверями, нежели в городах с беззаконными людьми. Точно так же множество из сановных и знатных людей оставили свои должности и жилища и скрывались в неизвестных местах. Одним из таких был и воинский начальник Евдоксий, верный раб Иисуса Христа; он, оставив свою должность, скрылся с женою и детьми от нечестивых, чтобы избежать царского гнева. Между тем его всюду искали воины, посланные правителем Мелитины, которому донесли о святом Евдоксии. В одном месте воины, встретив Евдоксия, одетого в бедную одежду, спросили, не знает ли он, где находится начальник войска Евдоксий.

Святой, уразумев, что его ищут для предания на мучение, сказал:

— Пойдемте ко мне в дом, вкусите моего хлеба и отдохните от дороги, — и тогда я покажу вам Евдоксия, ибо я знаю, где он скрывается с своими домашними.

---

[1] Блаженная кончина святого мученика последовала около 107 года или 115 года, в то время когда император Траян находился со своими войсками на Востоке.

Воины согласились и пошли к святому мученику.

Евдоксий, приняв их, хорошо угостил и потом объявил им, что он — тот самый, кого они ищут.

Воины, удивленные таким поступком святого, отвечали:

— Ради твоего благодеяния не возьмем тебя, а пославшему нас скажем, что долго искали, но не нашли тебя; ты же скройся, чтобы кто другой не узнал и не объявил о тебе.

Воины собирались уже уйти, но святой удержал их, говоря:

— Подождите меня, братия, и я пойду с вами; не подобает мне больше скрываться, ибо Сам Бог зовет меня на мученический подвиг, чтобы и я был исповедником и свидетельствовал о Его святом имени. А если бы хотел Бог, чтобы я не был открыт, то не только вы не встретили бы меня на пути, но даже и не были бы посланы искать меня и мне бы не пришлось встретиться с вами; все случившееся есть знамение Божия благоволения, чтобы я пострадал за Него даже до пролития крови.

Потом, призвав свою супругу, по имени Василиссу, детей, домашних и друзей, Евдоксий сказал им:

— Было время, когда я скрывался, теперь же время открыться и добровольно отдаться в руки мучителей за Иисуса Христа, Который Сам отдал Себя на страдания за нас; и вот я иду, и как восхотел Господь мой, так и устроит со мной и поможет мне, вас же я оставляю под Его защитою.

Затем, сделав разные распоряжения по дому, святой дал наставления детям своим и рабам, как им жить без него добродетельно, в страхе и любви Божией, а супруге своей завещал не плакать и не сетовать, когда она услышит о его смерти, но проводить тот день в большой радости и веселии, благодаря Бога, что Он сподобил Своего раба мученического венца.

Простившись с домашними и надев приличную своему сану одежду, оружие и воинский пояс, как подобало одеваться начальнику войска, святой оставил свой дом, жену и детей, рабов, друзей и все свое имение, покидая все ради любви к Господу своему.

Трогательна была эта разлука, когда жена мужа, дети отца, друзья любимого друга лишались! Горько все плакали, расставаясь с ним, ибо знали, что ему уже к ним не вернуться. Одно лишь служило утешением в их печали, — это то, что Евдоксий хочет страдать за Хри-

ста, быть победоносным мучеником и в мученическом венце предстать пред Христом, Господом своим.

Так распростившись со всеми своими, блаженный Евдоксий отправился в путь с воинами, Василисса же, супруга его, следовала за ним издалека, желая видеть его страдания. С ней шли и два любимые друга Евдоксия — Зинон и Макарий, коим также уготован был от Господа мученический венец.

Когда блаженный Евдоксий был приведен к правителю, этот последний, благосклонно приветствовав его, сказал:

— Мы призвали тебя, чтобы ты исполнил царское повеление и принес жертвы богам, которым подобает кланяться, более же всего отцу всех богов великому Зевсу[1] и солнцеподобному Аполлону и возлюбленной богине Артемиде.

Святой Евдоксий отвечал:

— Я знаю, что надо приносить жертву Единому, в трех Лицах прославляемому, Богу, создавшему мир и дарующему жизнь и спасение. Ему я и принесу жертву хвалы, а не тем, коих ты называешь богами, тогда как они — деревья и камни и нисколько не отличаются от какой бы то ни было бездушной вещи.

Правитель снова сказал Евдоксию:

— Я повелеваю тебе воздать должную честь богам; ты же, как я вижу, не только богов презираешь, но самого царя считаешь ни во что. Слышал я, что ты какую-то новую веру вводишь и многих совращаешь в нее.

Говоря так, правитель посмотрел на множество стоящих около воинов и с гневом сказал:

— Всякий, кто не исполняет царского повеления, будет лишен воинской одежды, как недостойный носить ее; и пусть от знает, что от него будет отнята честь воинского звания.

Так говорил беззаконный правитель, желая пристыдить святого Евдоксия, ибо он надеялся, что еще не найдется никого, противящегося царскому повелению, и Евдоксий один останется непокор-

---

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. По сказаниям языческих писателей, Зевс для обольщения какой-либо женщины прибегал к подобным превращениям: так, к Данан он сошел в виде золотого дождя, Леду прельстил, приняв вид лебедя, Европу похитил, обернувшись белым быком.

ным, а поэтому из стыда послушается царского повеления, чтобы не лишиться чести своего звания. Но вместо этого мучитель сам был посрамлен. Еще во время его речи святой Евдоксий снял с себя пояс, бывший знаком начальнической власти, и бросил его в лицо правителю. Видя это, многие воины, в числе тысячи ста четырех, бывшие тайными христианами, возгоревшись ревностию о Боге, сделали то же самое, что и начальник Евдоксий: совлекши с себя воинские знаки, бросили их правителю, будучи готовы совлечь с себя и самое тело, полагая души свои за имя Иисуса Христа.

Мучитель, увидав такое множество исповедников Христовых, неожиданно открывшееся, пришел в смущение и, прекратив испытание их, тотчас послал к царю Диоклетиану известие о случившемся, прося распоряжения, как ему поступить. Царь вскоре прислал ему в ответ такой приказ: начальников подвергнуть жестоким пыткам, низших же оставить в покое.

Получив царское повеление, правитель сел на судилище, велел привести к себе Евдоксия, как главного военачальника, и стал опять говорить ему:

— Советую тебе, Евдоксий, оставить твое злое прекословие и безумное сопротивление и добровольно принести жертву богам; если же ты не согласишься, то должен будешь сделать это против воли, принужденный к тому сильными муками.

При этом правитель начал пересчитывать заточения, страшные темницы, раны, строгание тела, опаление огнем и прочие жестокие мучения, наводившие ужас при одном только упоминании.

Мученик отвечал:

— Ты насмехаешься, правитель, говоря мне это. Я считаю твои муки детским пугалом, ибо я надеюсь на будущее воздаяние, которое получу от щедрого подвигоположника Христа. Боюсь я не того огня, о коем ты упомянул, но того, который никогда не угасает, и скрежета зубов и прочих лютых мук, которые уготованы ослушникам Бога истинного и отвергающим Его. Твои же мучения в сравнении с ними — детские игрушки, а огонь, коим ты мне угрожаешь, холоднее воды по сравнению с огнем гееннским... — Меч твой, — продолжал святой, — будет мне ключом от дверей желанного края, где вместо этого видимого, скоро заходящего, солнца я увижу свет незаходимый и немерцающий и вместо временных благ наследую

блага вечные. Да будет тебе известно, что я не поклонюсь вашим богам, так как великое безумие — почитать за богов деревья, камни, золото и серебро, обделанные рукою художника.

Слыша такой ответ святого, правитель сказал ему:

— В безумном ответе твоем виновата моя снисходительность, с которой я позволяю тебе так дерзко бесчестить богов, царя и меня; свое бесчестие я еще могу перенести, но бесчестия богов и царя больше невозможно терпеть.

После этого правитель велел растянуть святого за руки и за ноги и бить немилосердно твердым ремнем, потом повесить и строгать его тело острыми железными орудиями. После этих мучений святого бросили в темницу.

По прошествии нескольких дней снова привели его на допрос, причем мучитель нашел Евдоксия столь же непоколебимым в вере, как и раньше, подобно несокрушимому столбу и неприступному городу; поэтому он повелел бить мученика железными прутьями по шее и вывернуть из суставов все его члены, каковое мучение было тяжелее самой смерти.

После этого мучитель осудил Евдоксия на усечение мечом.

В то время, когда вели святого на место казни, святой мученик так молился:

— Боже, призревший на жертвы Авеля и Авраама, милостиво принявший долготерпение многих мучеников, призри милосердным Твоим оком и на мою жертву и не отвергни моей крови, которую я с теплотою душевною от любящего сердца приношу Тебе.

Молясь так, Евдоксий увидал свою супругу, которая с плачем следовала за ним, и спросил ее, сделано ли все так, как он заповедал, и велел ей только по усекновении его взять его тело и погребсти на месте, называемом Амимна; потом снова дал ей наставление — не плакать о его смерти, но почтить день тот светлою одеждою и украситься разными драгоценностями.

Увидав затем друга своего Зинона, плачущего о нем, Евдоксий и ему сказал:

— Возлюбленный Зинон, не плачь: Бог, Коему мы служим, не разлучит нас, но как бы в одной ладье мы переплывем вместе в жизнь вечную.

Эти слова так сильно подействовали на Зинона, что он начал громко восклицать:

— И я — христианин, и я исповедую Христа и хочу умереть за Него.

Тотчас он был схвачен нечестивыми слугами, и о нем было доложено правителю. Последний повелел и его вместе с Евдоксием усекнуть мечом. Когда их привели на место казни, то сначала был усечен мечом Зинон, в то время как Евдоксий молился о нем; так предпослав друга своего на небо, Евдоксий преклонил голову под меч и принял блаженную кончину.

Вместе с ними были усечены и другие мученики, с дерзновением исповедавшие Христа, и тела их брошены были без погребения. Василисса же, супруга Евдоксия, взяв безбоязненно тело его, с честию погребла на том месте, на каком он сам указал.

За такой поступок она была схвачена и приведена к правителю, пред которым ясно исповедовала Бога и ругала идолов и почитателей их, желая тем же путем мучения скорее последовать за мужем ко Господу.

Однако мучитель сказал ей:

— Знаю, что ты желала бы пойти за твоим мужем, чтобы иметь похвалу от галилеян (то есть христиан), но хотя ты и достойна смерти, я не умерщвлю тебя.

Василисса на это сказала мучителю:

— Господь мой Иисус Христос ведает это мое желание и примет его вместо самого дела; если я и не буду замучена тобою, все же не лишусь блаженства с мужем моим у Господа Бога.

После таких слов правитель прогнал ее от себя.

Спустя семь дней явился ей во сне святой Евдоксий и сказал:

— Скажи нашему другу и домоправителю Макарию, чтобы он шел на судилище и последовал нашему примеру; мы его ждем.

Лишь только Василисса сказала об этом видении Макарию, он тотчас отправился к правителю и объявил себя христианином и учеником Евдоксия. Правитель, увидав его и услыхав от него столь смелое исповедание, повелел и ему отрубить голову мечом в 311 году.

Так и Макарий отошел за Евдоксием и Зиноном к доброму подвигоположнику Христу, Господу нашему. Угодила Ему и Василисса,

скончавшись в истинной вере, и предстала среди сонма святых пред престолом славы Божией, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **КИРИЛЛА**, епископа Гортинского

Этот блаженный Кирилл жил в царствование императора Максимиана, при игемоне (правителе) Агриппине. Украшенный всеми добродетелями, прожил он девяносто пять лет. Однажды отправился он, в сопровождении двух своих слуг, Феофана и Феоктириста, в один монастырь. По дороге туда он увидел, как язычники приносили в жертву идолам волов и овец; вздохнул он о таком безумии и обличил идолопоклонников. За это они схватили его и посадили в темницу. Когда святой Кирилл в полночь молился здесь Богу, то услышал такой небесный голос: «Кирилл, иди в Рим!» На следующее утро двери темницы оказались открытыми, а все идолы вокруг лежали разбитыми. Святой Кирилл дошел до монастыря и здесь увидел в видении преподобного Филоксена, который сказал ему: «Ты получишь два венца: один — святительский, а другой — мученический». Затем святой пошел в Рим и здесь утвердил верующих своею проповедию. Когда началось гонение, он вознамерился идти в Иерусалим. По дороге туда, на острове Малеоне, явился ему муж в белых одеждах и повелел ему не миновать острова Крита, что он и исполнил. В городе критском Гортине его поставили епископом; ему было тогда шестьдесят лет от роду. Когда снова началось гонение на христиан, святителя повели на суд к игемону (правителю), который стал уговаривать его отречься от Христа, и так как святой исповедник не захотел склониться на его увещания, то осужден был на усечение мечом. Тогда вложили в уста его конские удила и, посадив на повозку (так как он не мог от старости ходить), повезли его. Когда довезли его до места, называемого Ракса, с неба послышался голос: «Доселе!» Повозка остановилась, и святому отсечена была глава.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ДАВИДА

Святой и преподобный Давид был прежде разбойником и, живя в пустыне Ермопольской[1], причинял много зла, многих убивал и был так злобен и жесток, как никто другой. Под своим начальством он имел человек более тридцати, разбойничавших вместе с ним. Однажды, сидя с ними на горе, раздумался он о своей жизни и, вспомнив, сколько зол и бедствий причинил он людям, весьма убоялся Бога. Оставив всех бывших с ним разбойников, он пошел в монастырь.

Когда Давид постучался в ворота, вышел привратник и сказал ему:

— Чего ты хочешь?

Давид ответил:

— Хочу быть черноризцем.

Привратник пошел и поведал о нем игумену. Игумен вышел к нему, но, видя, что он человек старый, сказал:

— Не можешь ты быть здесь, потому что братия много трудятся и живут в великом воздержании; ты же иного нрава и заповедей монастырских не можешь исполнить.

Давид продолжал умолять принять его в монастырь.

— Все, что прикажете мне, сделаю, — говорил он, — только примите меня.

Игумен отказывался, говоря:

— Не можешь ты жить с нами.

Тогда Давид сказал игумену:

— Знай, отче, что я — Давид, начальник разбойников; пришел же к вам для того, чтобы оплакивать грехи мои. Если же ты не захочешь принять меня, то клятвенно обещаю вам, что пойду обратно, приведу с собой своих разбойников и всех вас перебью и разорю монастырь ваш.

Услышав это, игумен принял Давида в монастырь и постриг его в иноческий чин. И начал Давид подвизаться в воздержании и обу-

[1] *Пустыня Ермопольская* находилась в Египте и получила свое наименование от древнеегипетского города Ермополя.

чать себя смирению. В скором времени он превзошел добродетелями прочих черноризцев в монастыре и служил всем на пользу своим житием и словом.

Однажды, когда Давид сидел в келии, ему явился Архангел Гавриил, говоря ему:

— Давид, Господь простил грехи твои, и будешь ты отныне творить чудеса.

Давид отвечал Ангелу:

— Не могу поверить, что так скоро простил мне Господь грехи мои, ибо они весьма тяжки и многочисленнее песка морского.

Архангел сказал ему:

— Я — Гавриил Архангел, который не пощадил и Захарию[1], когда тот не поверил словам моим, но связал язык его в наказание, чтобы он уверовал сказанному мною. Тебя ли пощажу? Итак, отныне будешь нем!

Давид поклонился и сказал Ангелу:

— Когда я был разбойником, творил беззаконные дела и много проливал крови, тогда ты мне не связывал языка, не возносившего славы Богу. А теперь, когда я восхотел служить Господу и приносить Ему хвалу, ты связываешь язык мой, чтобы не произносить мне слов!

Тогда Ангел сказал:

— Говори, но только тогда, когда славишь Бога и молишься Ему во время правила, а все остальное время да будешь безмолвен!

Так наказав его, Ангел отошел от него. Давид воздал благодарение Богу о прощении согрешений своих. После этого он благодатию Божиею сотворил много чудес: слепым возвращал зрение, восставлял хромых, исцелял бесноватых. Воспевал он песнопения Богу в церкви на молитве, но никаких других слов произнести не мог. Прожив таким образом много лет всем в назидание, он преставился ко Господу[2] и ныне, предстоя Ему, немолчно молится о нас.

Молитвами его да получим и мы милость Господа. Аминь.

---

[1] Имеется в виду священник Захария, отец святого Иоанна Предтечи (см.: Лк. 1, 11–22).

[2] Жил и скончался в VI веке.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
КИРИАКА, ФАВСТА и АВИВА

Эти святые мученики пострадали при императоре Декии[1], в Александрии[2], в то же гонение, во время которого замучены были святой Фабиан[3], папа Римский, и святой Александр Александрийский[4]. Их привели к правителю города Валерию, и они за свое твердое исповедание имени Христова и за смелое обличение идольского обольщения и ничтожности были усечены мечом. С ними убиты были еще тринадцать мучеников. Некоторые александрийские христиане взяли их мощи и благоговейно положили в своем городе, во славу истинного Бога нашего Христа.

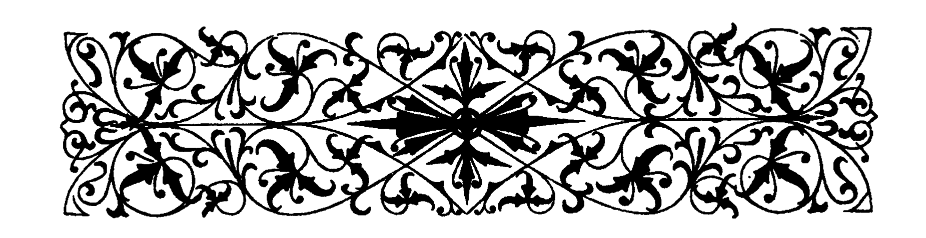
---

[1] *Декий* — жестокий гонитель христиан; царствовал с 249 по 251 год.

[2] *Александрия* — знаменитый по своей образованности, политическому значению и торговле город, основанный Александром Великим в Египте около 333 года до Рождества Христова.

[3] *Святой Фабиан* — папа Римский с 236 по 250 год.

[4] *Святой Александр* — патриарх Александрийский с 212 по 250 год.



День седьмой

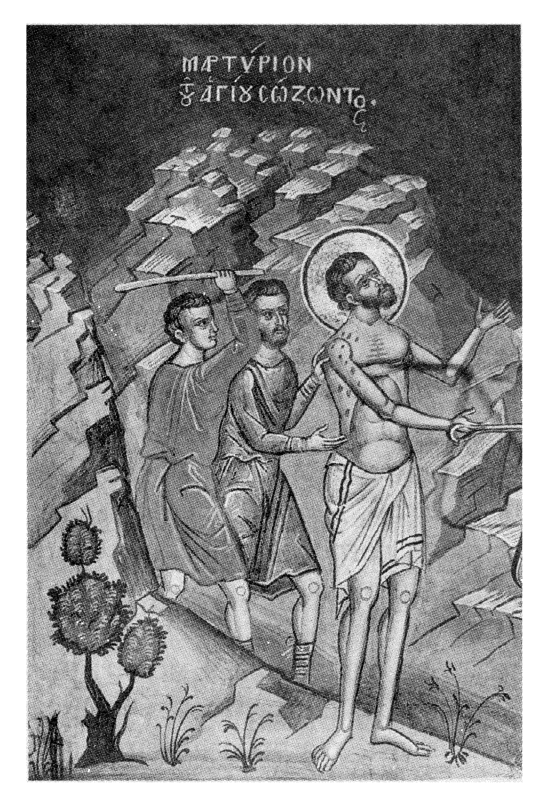
СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
СОЗОНТА

Максимиан[1], правитель Киликии, распространяя, по повелению царскому, нечестивое идольское многобожие, пришел в город Помпеополь и, празднуя тамошнему золотому идолу, принес много жертв. Там находился в это время один юноша, родом из Ликаонии[2], по имени Созонт, по вере христианин, добрый нравом и исполненный благих дел, ибо в законе Господнем поучался он день и ночь. Он пас стада бессловесных овец, но в то же время наставлял и словесных овец Христовых на добрую пажить. Где бы ни был он с овцами, везде собирались к нему другие пастухи, юноши и мужи; а он учил их познанию Единого Бога и многих привел к святому крещению, ибо была на нем благодать Духа Святого. Раз, пася овец при источнике, у которого стоял большой дуб, Созонт уснул сладким сном и увидел божественное видение, призывавшее его к подвигу мученическому и возвещавшее, что место то принесет пользу многим, ибо освятится свыше сходящею благодатью и многие найдут на нем спасение и прославят Святую Троицу. Встав от сна, этот добрый пастырь поручил овец другим и, оставив на том месте свой лук и три

---

[1] В некоторых древних месяцесловах (императора Василия и других) вместо «Максимиан» стоит «Максим». Полагают, что это был Нумерий Максим, состоявший правителем Киликии в 304 году.

[2] В месяцеслове императора Василия место рождения мученика Созонта названо Ликиею, в Прологе, как и в Четьих-Минеях, Ликаонией; по актам мученическим, это — Киликия, где был приморский город Помпеополь, в древности Солы.



стрелы, для памяти себе, отправился в город Помпеополь. Там увидел он нечестие умножившимся, веру же святую попранною, и восскорбел он о том сердцем своим. Войдя в капище, где стоял золотой идол, он отломал у него руку и, раздробив ее, раздал нищим. Отнятие от идола золотой руки вызвало великое смятение в городе, и многие были допрашиваемы и мучимы. Но святой Созонт, не желая, чтобы кто-либо другой пострадал за него, сам пришел к правителю Максимиану и объявил, что он виновник того дела. «Я взял руку бога вашего, — сказал он, — раздробил ее и раздал золото нуждающимся». Когда стали его допрашивать, как осмелился он так поступить и нанести бесчестие богу их, отняв и сокрушив руку его, он отвечал:

— Я сделал это для того, чтобы видеть бессилие вашего бога. Ибо, когда я отнимал у него руку, он не оказал мне сопротивления, ничего не сказал, не обнаружил боли, не испустил стона. В самом деле, будучи немым и безумным, мог ли он сопротивляться? Если бы он был истинным Богом и живым, то противостал бы мне и не позволил бы мне причинить себе зла. Я же, зная, что это — идол, а не бог, раздробил руку его, и даже всего его хотел раздробить, чтобы не поклонялись вы изделию рук человеческих, которое, хотя имеет и очи, и уши, и уста, и руки, и ноги, однако не видит, не слышит, не говорит, не осязает, не ходит, и ни в чем не может помочь себе, когда его бьют или раздробляют на части.

Правитель, услыхав это, повелел мучить Созонта без милости. Сначала его повесили на дерево и стали строгать по ребрам железными когтями, потом обули его в железные сапоги с острыми вну-

три их гвоздями и водили по городу; святой, ходя в них, славил Бога. Потом снова повесили его на дереве и сильно били железными палками, так что не только тело, но и кости его были раздроблены. В этих мучениях святой предал дух свой Богу[1]. Увидав, что он уже умер, мучители, сняв тело его с дерева, развели, по повелению правителя, сильный огонь, чтобы сжечь тело, в опасении, чтобы оно не сделалось предметом почитания верующих. И когда это многострадальное тело ввергли в огонь, то внезапно заблистала молния, загремел гром и выпал обильный дождь с градом, так что огонь тотчас угас; бывшие же там люди от страха убежали, и тело святого осталось целым. По наступлении ночи верующие хотели взять святые мощи его и не могли, так как была великая тьма, и они сильно скорбели о том. Но вот в полночь свет с неба осиял мощи, и верующие, взяв их, погребли с честью. От гроба мученика истекало много чудес, и не только от гроба, но и от источника, протекавшего под дубом, где святой некогда во время сна имел видение, подавались благодатию Христовою и молитвами святого мученика различные исцеления болящим. Поэтому впоследствии там была создана церковь во имя его, для прославления в ней истинного Бога, в Троице Единого. Слава Господу вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
ЕВОДА и ОНИСИФОРА

Святой Евод, один из семидесяти апостолов, был первым после святого апостола Петра епископом в великой Антиохии и великим проповедником слова Божия. О нем упоминает святой Игнатий Богоносец[2] в своем послании к антиохийцам в таких словах:

---

[1] По греческому синаксарю святогорца Никодима, страдания и смерть святого мученика Созонта последовали в 288 году. По другим известиям, это происходило около 304 года.

[2] *Святой Игнатий Богоносец*, ученик евангелиста Иоанна Богослова, с 68 года по Рождестве Христовом был епископом Антиохийским, скончался мученическою смертью в гонение императора Траяна в 107 году. Он написал семь догматических посланий к разным христианским Церквам.

«Поминайте блаженного отца вашего Евода, который был поставлен вам от апостолов первым пастырем; будьте истинными его сыновьями, а не прелюбодеями, чтобы отец не стыдился вас». Этот святой Евод написал о Пресвятой Деве, что она пятнадцати лет от рождения родила Спаса мира Христа. «Трех лет, — пишет он, — она введена была в храм Господень, где и пребывала одиннадцать лет; когда же исполнилось ей двенадцать лет, она была отдана священниками Иосифу, чтобы он охранял ее. У него она пробыла четыре месяца, когда получила от Ангела радостное благовестие и в конце пятнадцатилетнего возраста родила свет миру — Христа». Кроме этого, святой Евод оставил много других полезных сочинений, но все они погибли в те многобедственные времена, когда Церковь Божия подвергалась гонениям, и поэтому до нашего времени не дошли. В настоящее время известна лишь книга под названием «Светило», о которой, впрочем, есть упоминание только у древнего историка Никифора[1]. О самом святом Еводе встречается известие в римских мартирологах[2], где говорится, что он пролил свою кровь за Христа и скончался мученическою смертью. Некоторые утверждают, что святой пострадал в Антиохии при императоре Веспасиане[3]. В то время, говорят они, в одном городе было произведено неким иудеянином, по имени Антиохом, большое волнение; изменив своей вере, он стал приносить жертвы идолам, причем многие иудеи были убиты за непоклонение идолам. Тогда весьма многие иудеи приняли христианскую веру и епископом своим имели блаженного Евода, который, как начальник и пастырь их, был в скором времени умерщвлен[4].

---

[1] *Никифор Каллист.*

[2] *Мартирологи*, или *мученические акты*, — это сборник древнейших известий о страданиях мучеников. Началом и первыми основаниями мученических актов являются известия о допросах, осуждении и казни мучеников языческим начальством. Со времени гонения Римского императора Деция Траяна (250 год по Рождестве Христовом) стали вести в Риме и в других местностях формальные церковные акты о судьбе мучеников, но от них до нас дошли лишь незначительные отрывки.

[3] *Веспасиан* — Римский император, царствовал с 70 по 79 год по Рождестве Христовом.

[4] Блаженная кончина святого Евода последовала в 66 году по Рождестве Христовом.

Святой Онисифор принадлежал также к лику семидесяти апостолов. О нем апостол Павел в послании к Тимофею говорит: *Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь* (2 Тим. 1, 16–18). Этот Онисифор был епископом в Колофоне[1] и в Киринее[2] и пострадал за веру, приняв мученическую смерть. О его мученичестве свидетельствуют мученические акты, в которых повествуется, что святой Онисифор после многих мучений был растерзан дикими лошадьми и вместе с Еводом водворился в сонме исповедников Божиих в небесных селениях.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ЕВПСИХИЯ**

Святой Евпсихий родился и получил воспитание в Кесарии Каппадокийской. В царствование императора Адриана[3] на него был сделан донос, что он не чтит языческих богов, а почитает Христа. Вследствие доноса Евпсихий был взят правителем Каппадокии и подвергнут пыткам: тело его строгали железными когтями до тех пор, пока не обнажились ребра. После мучений святого Евпсихия еле живого бросили в темницу. Здесь он обратился к Господу с усердной молитвой, и во время этой молитвы явился Ангел и прикосновением своим исцелил раны мученика.

---

[1] *Колофон* — древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

[2] *Киринея* — главный город области того же названия — находился в Ливии, на северном берегу Африки, на запад от Египта. Это был великолепнейший и богатейший город в Северной Африке. В настоящее время от него остались одни развалины.

[3] *Адриан* — Римский император, царствовал с 117 по 138 год по Рождестве Христовом. Он хотя и не воздвигал на христиан особого продолжительного гонения, однако при нем пострадало много мучеников христианских, и сам он имел склонность к суеверию и таинственным учениям языческим.

Вскоре после этого святой Евпсихий был выпущен из темницы на свободу. Освобождение это совершилось по произволению Божию для того, чтобы богатство, коим обладал Евпсихий, не доставалось людям нечестивым, но роздано было бы бедным. И действительно, святой Евпсихий все свое имение, собранное еще его прадедами, раздал нищим и убогим, причем некоторую часть отдал врагам своим, кои оклеветали его, и таким образом виновников своих страданий почтил дарами, как бы своих благодетелей.

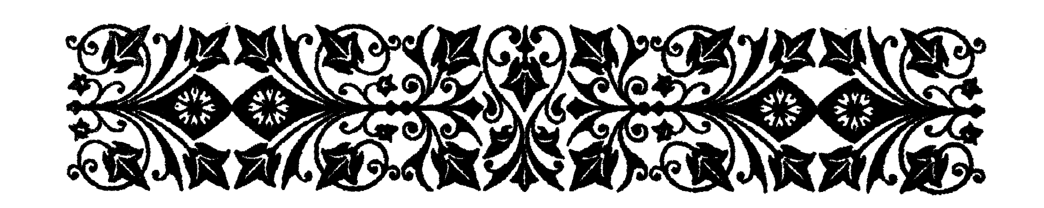
Впоследствии, когда Кесариею правил князь Саприкий, святой Евпсихий снова был схвачен. Его повесили и долго строгали, после чего он принял мученическую кончину чрез усечение мечом. Рассказывают, что из язв его тела вместо крови истекли молоко и вода.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЛУКИ

В начале IX века в Мунтании, в Малой Азии, недалеко от Триглии[1] возникла Спасова обитель, называемая «Глубокие реки», прославившаяся подвижнической жизнью своих насельников[2]. Третьим игуменом ее был преподобный Лука. Добре подвизаясь и уготовив себя в жилище Святому Духу, он с миром предал чистую душу свою Господу (в конце X века).

[1] Против Константинополя, при Кийском заливе, в так называемой «Второй Каппадокии».

[2] Основана преподобным Василием; † в начале IX века; память его в Греческой Церкви — 1 июля.

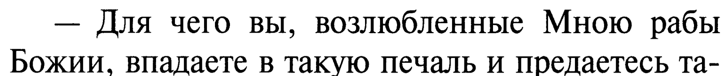


ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА,
архиепископа Новгородского

Новый чудотворец российский, святой Иоанн родился в Великом Новгороде. Родители его — Николай и Христина — были люди благочестивые. Поэтому как он, так и брат его — Гавриил, оба они были воспитаны в страхе Божием. С малого возраста святой Иоанн посвятил себя Богу и вел добродетельную жизнь; когда же он достиг совершеннолетия, то был рукоположен в пресвитера к церкви священномученика Власия. Новопоставленный иерей с еще большим усердием стал служить Господу, неукоснительно и строго соблюдая все заповеди Божии. Между тем родители святого Иоанна умерли. И прежде он любил безмолвную тихую жизнь, даже намеревался принять иноческое пострижение; теперь же, посоветовавшись с братом своим Гавриилом, святой Иоанн решил создать новый монастырь на средства, оставленные родителями. Сначала они построили деревянную церковь во имя Пречистой Богоматери в память преславного Ее Благовещения и основали монастырь; затем замыслили они воздвигнуть и каменную церковь. С нетерпением начали братья приводить в исполнение свое благое намерение: стали со тщанием строить каменную церковь и уже довели ее до половины, но вынуждены были остановиться: средства их истощились; сильно опечалились этим блаженный Иоанн и брат его Гавриил, велико было огорчение их. И вот, находясь в таком затруднительном положении, но в то же время питая твердую веру и великое усердие к Пречистой Богородице, они обратились с молитвой к этой скорой помощнице и утешительнице всех, находящихся в скорби:

— Владычица наша! — молились братья. — Ты знаешь нашу веру и любовь к Сыну Твоему и Богу нашему; Ты видишь наше усердие, с коим мы обращаемся к Тебе, Госпоже нашей; молим Тебя, помоги нам достроить этот храм; всю надежду нашу мы возлагаем на Тебя, Богоматерь, не оставь нас, рабов Твоих; Владычице, и не посрами нас: мы начали строить этот храм, но кончить его сооружение без Твоей помощи мы не можем.

Так молились они Богородице и изливали пред Ней свое горе. Их усердная просьба была услышана. Царица небесная явилась им в сонном видении и сказала:



— Для чего вы, возлюбленные Мною рабы Божии, впадаете в такую печаль и предаетесь такому сетованию о том, что создание храма замедлилось? Не оставлю Я моления вашего, ибо вижу вашу веру и любовь: в скором времени у вас будут средства, коих не только будет довольно для сооружения храма, но даже останется излишек; только не оставляйте благого дела и не охладевайте в вере.

Видение это, коего удостоились оба брата, придало им силы и бодрости; восстав от сна, они исполнились великой радости. После утрени братья рассказали друг другу о том, что видели, и надежда их окрепла еще более. По Божию смотрению, они в тот же день ранним утром вышли из монастыря, и вдруг видят пред воротами монастырскими красивого коня, на котором была надета узда, обложенная золотом; золотом же было оковано и седло; конь стоял тихо и неподвижно, всадника же, коему бы мог он принадлежать, не было. Братья сильно дивились красоте и богатому убранству коня; долго ожидали они, не придет ли откуда хозяин его. Однако никто не появлялся, а конь неподвижно стоял на том же самом месте. Тогда они подошли к нему ближе и увидели, что по обеим сторонам седла висят два туго набитые мешка. Уразумев, что это ниспослано им свыше, они сняли с коня мешки, и тотчас конь стал невидим. Братья развязали мешки и нашли в одном до самого верха золото, другой же был наполнен серебром. Удивившись такому попечению о

них Божию и Пресвятой Владычицы, они стали воссылать горячие благодарственные молитвы. Скоро, с Божиею помощью, окончили они церковь и благолепно ее украсили; затем купили они много сел, для содержания монастыря, и, несмотря на то, у них осталось еще немало денег, которые они и отдали игумену и братии. В этом монастыре и сами они приняли иноческое пострижение, причем Иоанн был наречен Илиею, а Гавриил — Григорием; богоугодно проходила жизнь их в посте и молитвах, исполненная различных иноческих трудов и подвигов.

Когда скончался святой архиепископ Новгородский Аркадий, блаженный Илия был вытребован из монастыря и, против воли, возведен на архиепископский престол. Считая себя недостойным такого сана, Илия отрекался от него, но руководимые Самим Богом князь с мирскими и духовными начальниками и все граждане новгородские единогласно избрали Илию на архипастырство: ибо он был угоден Богу и людям. Усердными мольбами и просьбами все убеждали смиренного инока вступить на престол архиепископский, все требовали этого. Наконец, против своего желания, он повиновался воле граждан и рукоположен был в архиепископа Новгородского святейшим Иоанном, Киевским и всея России митрополитом. Он верно пас стадо Христовых овец, живя в святости и праведности[1]. Во время его архиепископства князь Суздальский Роман вме-

[1] Ему приписывается поучение, произнесенное им, вероятно, при вступлении своем на архипастырский престол. В этом слове, обращенном к новгородским священникам, архиепископ говорит сначала о своем вступлении на архипастырский престол:

— Богу и Пресвятой Богородице было угодно, по вашим молитвам, чтобы я худой не отрекался от этого великого сана, которого я недостоин. Свидетельствуюсь Богом и Его Пресвятою Матерью, что я не сам домогался этого сана, — но принял его, боясь суда Божьего и уступая вашей любви ко мне, недостойному. Так как вы сами побудили меня на это служение, то теперь послушайте меня. Не говорите: он один из нас, что станет нам делать? Я не хочу причинять зла вам, своей братии, ибо не в том мое служение: это ведает Бог и вы. Но если кто из вас впадет в грех, то я не могу оставить этого в пренебрежении, чтобы через это вы не впали бы в слабость. Тогда ведь я буду виной гибели своей паствы. И вы через меня погибаете. К чему же мне тогда было и родиться на свет? Да и вы напрасно бы трудились, упрашивая меня быть вашим пастырем. Прошу вас, братия, примите с любовью то, что я сказал вам в своем худоумии. Я не от себя говорю, но к этому понуждает меня Святое

сте со многими другими князьями земли Русской, в числе семидесяти двух, восстали против Великого Новгорода, задумав разорить его, а своих единокровных и единоверных братий пленить и предать смерти. С большим войском они пришли к городу и, расположившись вокруг, в течение трех дней сильно теснили его. Граждане, увидев большое число осаждавших, упали духом; силы их истощались, сильно скорбели и смущались они, ни откуда не ожидали помощи, — только у Бога просили милости и надеялись на молитвы своего святого архиерея. Последний же, как истинно добрый пастырь,

---

Писание. Ведь тот, кого назвали пастырем, не должен молчать. Если вследствие нерадивости пастуха волки похищают овцу, то пастух должен сугубо заплатить за нее владельцу овцы. Как же мне молчать? Тогда будет вред для вас, стада Христова и моих духовных чад.

В начале слова моего я прошу вас, не привязывайтесь сильно к этому миру, но постоянно учите людей. Прежде всего смотрите, чтобы они не предавались сильному пьянству. Ведь сами знаете, что через это всего больше гибнут люди, не только простые, но даже и мы. Когда приходят к вам на покаяние ваши духовные дети, то спрашивайте их с кротостью. На кающихся не налагайте тяжких епитимий. Не пренебрегайте книжным чтением. Ибо если мы не станем делать этого, то чем будем отличаться от простых некнижных людей? Если кто, будучи при смерти, покается, то такового сподобляйте причащения, хотя бы он и был великим грешником. А если потом он выздоровеет, то подвергните его епитимии. А на сирот епитимии не налагайте. Никого не отягчайте епитимиями, пусть все каются. Ведь иго Христово должно быть легко. Вот теперь наступил Великий пост. Старайтесь сами воздерживаться от всего, и чадам вашим духовным не советуйте употреблять меду (имеется в виду хмельной напиток. — *Ред.*) во все время поста, и сами его не пейте. Особенно побуждайте их на милостыню. Господь запрещает творить милостыню из неправедного добытка. Если кто и творит милостыню, но притесняет в то же время других, таковых вы наставляйте и порицайте. Если из правого имения сотворят и небольшую милостыню, то великой она вменится перед Богом. Стоя в церкви, не шумите с другими, но молчите. Особенно надо соблюдать молчание женщинам, а то не поймешь, зачем они ходят в храм. Часто призывайте к себе своих духовных чад и спрашивайте, как они живут. Ведь одни бывают очень застенчивы, а другим диавол препятствует говорить прямо. Он старается уловить их, так чтобы они умерли не покаявшись. Учите детей, чтобы они почитали своих родителей. Простите меня, братия, что я осмелился предложить вам слово от моего худоумия. Вы и сами все это хорошо знаете. Вам известно, что я не отличаюсь книжным хорошим языком. Если я что нескладно и сказал, то не порицайте меня. Я бы и еще мог вам сказать, но лучше это малое вам исполнять, нежели великое оставлять в пренебрежении.

видя приблизившихся волков, готовых расхитить его стадо, стал на страже, неусыпающим оком взирая к Богу и святыми молитвами своими, как стенами, защищая город. Когда в третью ночь он, по своему обычаю, стоял на молитве перед иконою Господа Иисуса Христа и со слезами просил Владыку об избавлении города, то услышал голос, говорящий ему:

— Иди в церковь Господа Иисуса Христа, что на Ильинской улице, возьми образ Пречистой Богородицы и вынеси его на городские стены против врагов; тотчас тогда увидишь спасение городу.

Услышав эти слова, Илия исполнился неизреченной радости и провел всю ту ночь без сна; утром же он созвал всех и рассказал о случившемся. Слыша то, люди прославляли Бога и Пречистую Его Богоматерь и, как бы получив некоторую помощь, воспрянули духом; архиепископ же послал своего протодиакона с клиром, приказав им принести к себе честну́ю ту икону, а сам с освященным собором начал совершать молебное пение в великой церкви во имя Софии — Божией Премудрости. Посланные, дойдя до церкви Спасовой, где находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, сперва, по обычаю, поклонились ей, потом хотели взять образ, но не смогли даже и с места сдвинуть его; сколько раз они ни пытались поднять икону, все-таки это им не удавалось. Тогда они возвратились к архиепископу и поведали ему о том чудном явлении. Взяв всех с собою, архиепископ отправился в Спасову церковь; придя туда, он пал на колени пред иконою Владычицы и молился так:

— О премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты — упование, надежда и заступница нашему городу, Ты — стена, покров и прибежище всех христиан, поэтому и мы грешные надеемся на Тебя; молись, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за город наш, не предай нас в руки врагов за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих, пощади нас, как некогда пощадил ниневитян Сын Твой за их покаяние, яви и на нас свою милость, Владычице.

Окончив свою молитву, святитель начал молебен, — и когда клирики воспели кондак «Предстательство христиан непостыдное», внезапно честна́я икона Пречистой Богородицы двинулась сама собою. Весь народ, видя такое поразительное чудо, едино-

гласно воскликнул: «Господи, помилуй!» А святейший архиепископ, взяв в руки честную икону и благоговейно облобызав ее, отправился с народом, совершая молебное пение, поднял икону на городскую стену и поставил ее против врагов. В то время неприятели стали все сильнее теснить город, выпуская на него тучу стрел. И вот, Пресвятая Богородица отвратила лик Свой от неприятелей и простерла взоры на город, что было явным знаком великого милосердия Владычицы, являемого людям, бедствующим в осаде. Архиепископ, взглянув на святую икону, увидел на очах Богоматери слезы; взяв свою фелонь, он стал собирать в нее каплющие с иконы слезы, возгласив:

— О преславное чудо — от дерева сухого истекают слезы! Этим Ты, Царице, даешь нам зна́мение, что со слезами молишься Сыну Твоему и Богу нашему об избавлении города.

И весь народ, видя Пресвятую Богородицу, проливающую слезы, возопил к Богу с рыданием и сердечным умилением. Внезапно на неприятелей напал страх, тьма покрыла их, гнев Божий привел их в смятение, и они начали убивать друг друга. Заметив смятение врагов, жители Новгорода отворили городские ворота и с оружием в руках своих устремились на противников; одних из них они посекли мечами, других живыми взяли в плен, и так, с помощью Пресвятой Богородицы, победили все полки вражеские. С этого времени святитель Божий Илия установил в Великом Новгороде торжественный праздник предивного Зна́мения Пресвятой Богородицы и назвал день тот днем избавления и днем наказания, ибо, по молитвам Пресвятой Богородицы, Бог послал избавление гражданам и наказание тем, которые дерзновенно восстали на своих единоплеменных и единоверных братьев и произвели междоусобную брань. С того времени Великий Новгород, управляемый своим добрым пастырем, пользовался полным миром и глубокой тишиной. Занимая в течение нескольких лет архиепископский престол, блаженный Илия, в ревностной заботе о большем прославлении святого имени Божия, построил прекрасные церкви; число всех воздвигнутых им храмов простиралось до семи.

Первая церковь, которую он создал еще до своего пострижения в иноки, была в честь Благовещения Пресвятой Богородицы; вторая,

в память Богоявления Господня, была построена уже во время его святительства; третья — во имя святого пророка Илии, четвертая — преподобного Феодора, игумена Студийского; пятая — святых трех отроков: Анании, Азарии, Мисаила и святого пророка Даниила; шестая — святого праведного Лазаря четверодневного; седьмая была посвящена святому чудотворцу Николаю.

Воздвигая церкви, Илия прославился и своею благочестивою жизнию: он был весьма милостив ко всем, отличался необычайной кротостию и нелицемерной любовию; был он как бы солнцем в Церкви Христовой, разливая свет добрыми своими делами, прогоняя мрак злодеяния и сокрушая главу князя тьмы — диавола, который всегда питает вражду и завидует спасению человеков; имел также святой Илия такую власть над нечистыми духами, что своим словом мог связывать их, о чем свидетельствует следующая дивная повесть.

Однажды святитель, по своему обыкновению, в полночь стоял в своей келии на молитве. Бес, желая устрашить святого, вошел в рукомойник, который висел в его келии, и, возмущая воду, стал производить шум. Святитель, поняв, что это — дело диавола, подошел к сосуду и осенил его крестным знамением, и так запрещением своим связал беса в умывальнике, что тот томился там долгое время, не будучи в состоянии выйти оттуда; наконец, не вынося более муки, так как сила крестного знамения палила его, бес начал вопить человеческим голосом.

— О горе мне! Сила креста жжет меня, не могу более терпеть я такого страдания, отпусти меня скорее, святой угодник Божий.

Илия же спросил:

— Кто ты и как вошел сюда?

Диавол отвечал:

— Я — лукавый бес и пришел смутить тебя, ибо я думал, что ты, как человек, устрашишься и перестанешь молиться; но ты заключил меня в этом сосуде, и теперь я сильно мучаюсь. Горе мне, что я прельстился и вошел сюда. Пусти меня, раб Божий; отныне никогда не буду я приходить сюда.

Так бес вопил долгое время.

Наконец святитель сказал:

— За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе этой ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно перенести меня сюда в мою келию в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя.

Бес всячески обещался исполнить волю святого, лишь бы только блаженный выпустил его из сосуда. Святитель выпустил его со словами:

— Превратись в оседланного коня и стань перед келиею моею.

Подобно тьме вышел бес из сосуда и обратился, по повелению святителя, в коня. Блаженный Илия, выйдя из келии, сел на беса, и в ту же ночь очутился в святом городе Иерусалиме, близ храма святого Воскресения, где находился Гроб Господень. Здесь угодник Божий запретил бесу отходить от того места; и бес стоял, словно прикованный, не имея силы сдвинуться с места, до тех пор, пока Илия не совершил поклонения Гробу Господню и честно́му древу святого Креста. Подойдя к храму, святитель преклонил колена пред дверями и стал молиться; вдруг запертые двери отверзлись сами собою, а у Гроба Господня зажглись свечи и лампады. Архиепископ, вознося Богу благодарственные молитвы и проливая слезы, поклонился Гробу Господню и благоговейно облобызал его; также поклонился он и животворящему древу, всем святым иконам и местам. Исполнив свое желание, он вышел из храма, и снова двери церковные затворились сами собой; бес же стоял на том месте, где ему было повелено, в виде оседланной лошади; сев на него, Иоанн опять в ту же ночь прибыл в Великий Новгород и очутился в своей келии. Уходя от святителя, бес умолял его не говорить никому, как он служил ему, как был связан клятвой, как повиновался он, словно пленник.

— Если же ты расскажешь кому-либо, — прибавил нечистый дух, — как ты ездил на мне, то не перестану я строить против тебя козни и наведу на тебя сильное искушение.

Так грозил бес, а святитель осенил себя крестным знамением, и тотчас исчез от него бес, словно дым.

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу с честны́ми мужами: с игуменами, священниками и благочестивыми гражданами; он рассказывал жития святых, говорил много о душеполезных под-

вигах и, между прочим, сообщил и то, что с ним было, — а именно — о своей поездке в Иерусалим; рассказывая же, он не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом.

— Я, — сказал он, — знаю такого человека, который в одну ночь из Новгорода достиг до Иерусалима; поклонившись Гробу Господню и животворящему древу Креста Господня, он снова в ту же самую ночь вернулся в Великий Новгород; во время своего путешествия он ездил на бесе, которого связал своим запрещением, сделав его как бы пленником своим.

Слушатели сильно удивлялись этому рассказу святого, а диавол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря:

— Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя такое искушение, что будешь ты осужден всеми своими гражданами, как блудник.

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показывал людям, которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келии святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды. Приходящие к архиепископу люди, видя это, соблазнялись и стали думать о святом, не держит ли он блудницу в своей келии; сильно смущались они тем и, толкуя между собою о виденном, говорили друг с другом:

— Человеку-блуднику недостойно занимать апостольский престол.

Когда однажды народ собрался и пошел к келии святого, бес превратился в девицу, которая побежала перед народом, как бы удаляясь из келии блаженного. Видевшие это закричали и погнались было за девицей, чтобы схватить ее, но бес убежал за келию святого и стал невидим. Услышав народный крик и шум, святитель вышел из келии и спросил собравшихся:

— Что такое случилось, дети мои? О чем вы шумите?

Они закричали на него, стали бранить и укорять его, как блудника, схватили его, стали насмехаться над ним, и, не зная, как далее поступить с ним, они стали толковать между собой:

— Отвезем его на реку и посадим на плот, чтобы он выплыл из города по реке.

Посоветовавшись, они повели святого и целомудренного архиерея Божия к большому мосту на реке Волхове и посадили святителя на плот. Так сбылось слово лукавого диавола, который, хвалясь, говорил:

— Наведу на тебя такое искушение, что осужден будешь всеми, как блудник.

Теперь, видя такое поругание святого, сильно радовался лукавый враг рода человеческого, но, по Божиему промышлению, невинность праведного победила и посрамила коварного врага; ибо когда святого посадили на плот, последний поплыл не вниз по течению, но вверх, против течения, несмотря на то, что у большого моста течение воды было очень сильное и никто не влек плот, но сам он плыл по воле Божией и направлялся к монастырю святого Георгия, который находился на расстоянии трех поприщ от города. Видя такое чудо, люди ужаснулись; позабыв о злобе, они разрывали свои одежды и с плачем говорили:

— Согрешили мы и неправедное дело сотворили, ибо мы, овцы, осудили невинно тебя, нашего пастыря.

Идя по берегу, они молили святителя, чтобы он простил их прегрешения и возвратился на свой престол.

— Прости нам, отец, — кричали они, — в неведении мы согрешили против тебя, не помяни злобы нашей и не оставляй чад своих.

Также и весь клир, забегая вперед и земно кланяясь блаженному, с рыданием умолял его возвратиться на свой престол. Архиепископ же, как первомученик Стефан, молился за обидевших его, говоря:

— Господи, не вмени им этого во грех!

Пристав к берегу за полпоприща[1] от вышеупомянутого монастыря, он спустился с плота и вышел на берег. Народ же, припадая к нему с плачем, просил прощения, и было великое ликование, когда святитель даровал им прощение; еще сильнее радовались они тому, что Господь открыл неповинное и чистое его житие. Незлобивый пастырь, всем даровав прощение, рассказал, как он побывал в Иерусалиме, как ездил на бесе и как диавол старался устрашить его. Все, слыша это, прославляли Бога.

---

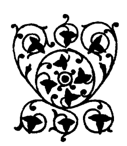
[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

Итак, святитель возвратился на престол свой с великою честию и славою и стал поучать людей:

— Чада, с осмотрительностью делайте всякое дело, чтобы диавол не прельстил вас, чтобы добродетель ваша не была омрачена злым делом и не прогневать бы вам Владыку Господа.

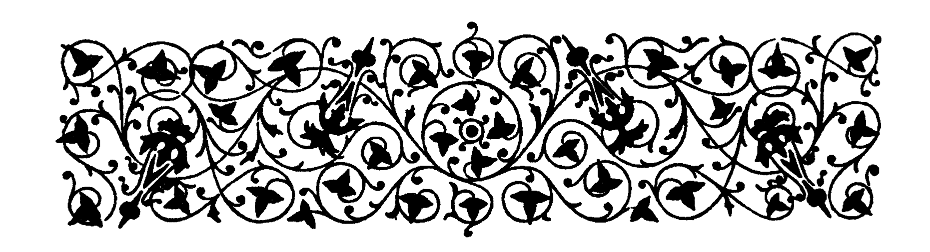
После всего описанного святитель жил недолгое время. Узнав о приближении своей кончины, он отложил свой архиерейский омофор и принял схиму, причем дано было ему имя Иоанна, которое он носил до своего пострижения в иноки. В этом ангельском образе он с миром преставился ко Господу[1]. Тело его было погребено в храме Софии — Премудрости Божией[2]. После него на престол архипастырский был возведен родной его брат Григорий, который также верно пас словесное стадо.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков! Аминь.



[1] 7 сентября 1186 года.

[2] В 1439 году, во время архиепископства Евфимия, обретены были мощи святого Иоанна. С течением времени граждане позабыли о святом архиепископе, не знали даже и гробницы его. В этом же году небольшой камень в притворе Софийского храма оторвался с своего места и упал на гробницу преподобного, так что большая каменная надгробная плита разбилась. Это показалось удивительным; потому сняли разбившуюся плиту и под ней обрели нетленные мощи этого угодника Божия; но никто не знал, как зовут этого подвижника. Тогда Иоанн сам явился во сне архиепископу Евфимию и назвал себя. С того времени и началось местное почитание святого Иоанна; общее же празднование памяти этого подвижника было установлено митрополитом Макарием в 1547 году.



День восьмой

СЛОВО
на
РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Господь, на небесах живущий, восхотев явиться на земле и пожить с человеками, прежде уготовал на ней место селения славы Своей — Пречистую Свою Матерь: ибо в обычае у царей, когда они хотят прийти в какой-либо город, предуготовлять себе в нем для пребывания палату. И как палаты земных царей созидаются искуснейшими мастерами из драгоценнейших предметов, на возвышеннейшем месте, прекраснее и обширнее всех иных жилищ человеческих, так имела создаться и палата славы Царя небесного. В Ветхом Завете, когда Бог восхотел жить в Иерусалиме, Соломон[1] создал Ему храм (см.: 3 Цар. 5–7; 2 Пар. 2–4) через искуснейшего строителя Хирама[2], который был исполнен художества, разума и знания на вся-

---

[1] *Соломон* — Израильский царь, младший сын и преемник царя-псалмопевца Давида, царствовал с великой славой с 993 по 953 год до Рождества Христова. Он укрепил границы государства, подавил внутренние смуты, завел оживленную торговлю с соседними государствами. Век Соломона был самым блестящим для наук и искусств. Слава о его богатствах и еще более о его мудрости распространилась далеко за пределы царства Израильского. Имя Соломона стало впоследствии синонимом мудреца. Боговдохновенные писания его (книга Притчей, Екклесиаст, Песнь песней) навсегда останутся училищем мудрости и добродетели для всех людей. — Конец жизни Соломона был омрачен его падением; но при самом закате дней своих он познал суету всего земного.

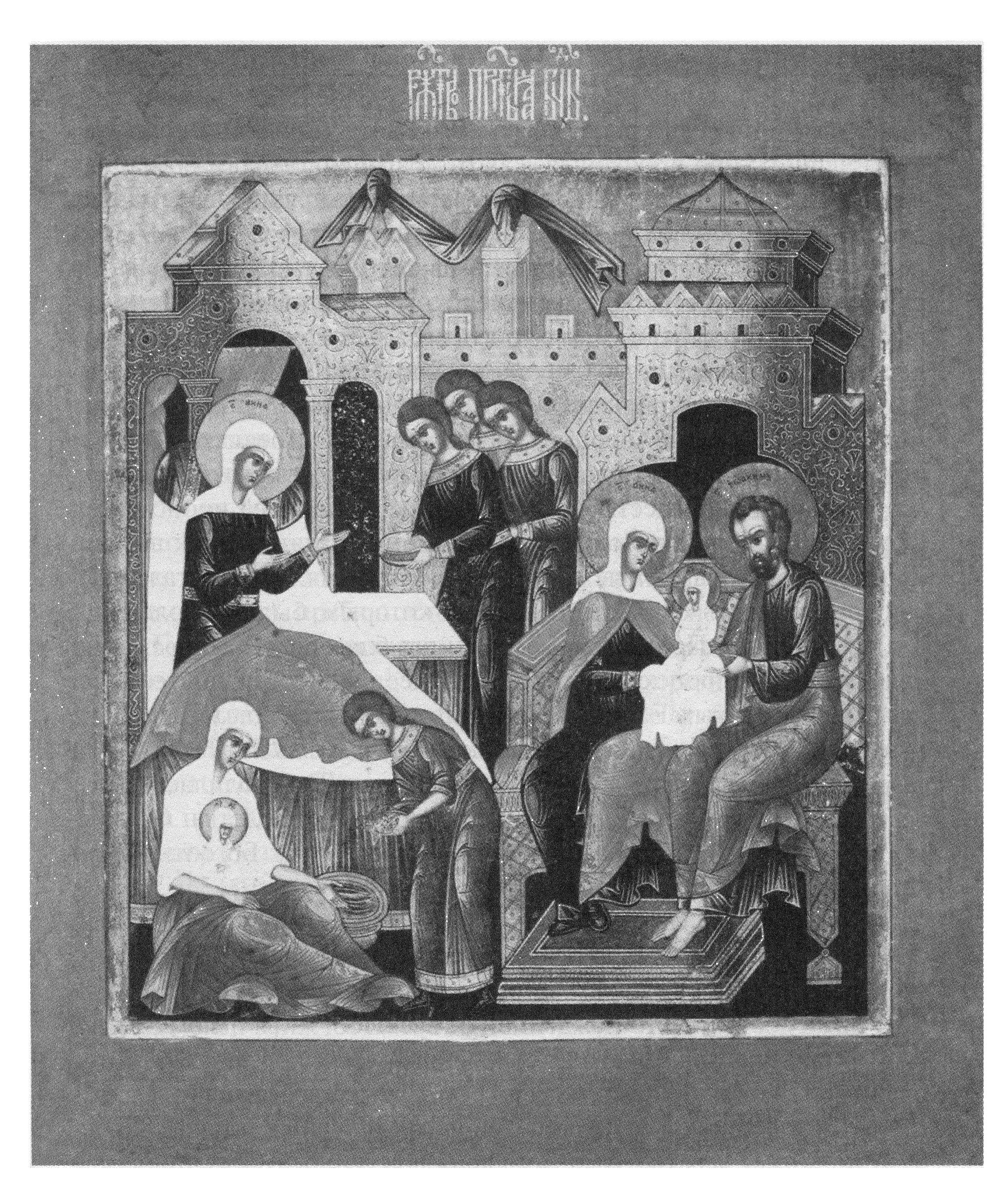
[2] С именем *Хирама* в библейской истории известны два лица, оба имевшие ближайшее отношение к построению храма Иерусалимского: 1) Тирский царь, находившийся в дружеских отношениях с Соломоном, прославивший себя замечательными постройками; он присылал Соломону кедры и кипарисы, плотников и

кое дело. Создал же Соломон храм из драгоценнейших веществ, из превосходного камня (см.: 3 Цар. 5, 17–18), из благовонных деревьев: кедра и кипариса (см.: 2 Цар. 6, 9–10), привозимых с Ливана[1], и из чистого золота, на возвышеннейшем месте, на горе Мориа[2]. Храм был тем прекраснее, что на стенах его были еще изваяны изображения Херувимов, различных деревьев и плодов (см.: 3 Цар. 6, 18–35; 7, 18–22, 29–42). Пространством храм был столь велик, что в нем могло вместиться без тесноты все множество людей израильских, и снизошла на него слава Господня во огне и облаке (см.: 3 Цар. 8, 10–11). Однако храм этот был недостаточен для вмещения в себе Невместимого Бога. *Соломон построил* Ему *дом, но вышний не в рукотворенных храмах живет. Какой дом созиждете Мне*, — говорит Господь, — *или какое место для покоя Моего*? (Деян. 7, 47–49). И вот Бог благоизволил, чтобы в начале новозаветной благодати был создан нерукотворенный храм — Пречистая, Преблагословенная Дева Мария. Каким же строителем создан был храм тот? Воистину — премудрейшим, самою Премудростию Божиею, как говорит Писание: *Премудрость построила себе дом* (Притч. 9, 1), а все сотворенное Премудростию Божиею прекрасно и совершенно. А поскольку Премудрость Божия создала одушевленную палату слова, — поэтому создался совершенный храм для совершенного Бога, пресветлая палата для пресветлого Царя, пречистый и неоскверненный чертог для пречистого и нескверного Жениха, непорочное селение для непорочного Агнца. Сему — верный свидетель на небе, говорящий к Ней: *Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!* (Песн. 4, 7). И святой Дамаскин пишет: «Вся — чертог Духа, вся — град Божий, море благодатей, вся — добра, вся — ближняя Богу» (слово 1 на Рождество Пресвятой Богородицы).

мастеров для постройки храма, и 2) Тирский зодчий, по проекту которого были сделаны сосуды для храма Соломонова. Здесь естественнее разуметь этого последнего. Он владел искусством и умением производить всякие изделия — из золота, серебра, меди и железа, и из камней и дерев, и из пряжи, и виссона, и багряницы (см.: 3 Цар. 7, 13–40 и 2 Пар. 2, 13–14; 4, 11, 16).

[1] *Ливан* — горный хребет в северных пределах Палестины на границе между Иудеей и Сирией, отделяет от последней Финикию, по всему протяжению которой он тянется; славится своими прекрасными деревьями, особенно кедровыми, кипарисовыми и дубовыми.

[2] *Мориа* — гора подле Иерусалима. Гора эта представляет один из холмов, на которых построен Иерусалим; лежит к северо-востоку от Сиона.



Рождество Пресвятой Богородицы

Из каких же веществ создалась эта палата? Воистину — из драгоценнейших: ибо произошла, как от драгоценного камня, из царского рода, от Давида, который вложенным в пращу камнем, прообразовавшим камень — Христа, поразил Голиафа[1] (см.: 1 Цар. 17, 39–51); и, как из благовонных деревьев кедра и кипариса, Дева Богородица родилась из рода архиерейского, приносящего благовонные жертвы Богу. Отец ее, святой праведный Иоаким, был сыном Варлафира, ведущего свое происхождение от сына Давидова Нафана, а мать ее, святая праведная Анна, была дочерью священника Матфана из племени Ааронова; таким образом, Пречистая Дева по отцу была рода царского, а по матери — архиерейского. О, из сколь драгоценнейших веществ, — разумею пречестнейшее происхождение, — создалась Царю славы одушевленная палата! И как в Соломоновом храме каменные и деревянные здания приобретали особенную ценность от чистого золота, которым были позолочены; так в рождестве Пресвятой Богородицы благородства царского и архиерейского происхождения еще более заслужило почтения от целомудрия святых Ее родителей, которое дороже, *нежели золото* и серебро; оно *дороже драгоценных камней; и ничто из желаемого не сравнится с нею* (Притч. 3, 15). Ибо Пресвятая Дева родилась от целомудренных родителей, что выше всякого благородства. Об этом святой Дамаскин, обращаясь к святым праведным Богоотцам, говорит так:

«О блаженные супруги, Иоаким и Анна! Воистину по плоду чрева вашего вы явились непорочными, по слову Господню: *По плодам их узнаете их* (Мф. 7, 16, 20). Вы устроили свою жизнь, как благоугодно Богу и как достойно это Рожденной от вас. Ибо, живя целомудренно и праведно, вы произрастили сокровище девства — разумею Деву: прежде рождества Деву, в рождестве Деву, по рождестве Деву, и всегда Деву, единую приснодевствующую и умом, и душою, и телом. Подобало же, чтобы девство, от целомудрия рожденное, было принесено плотию Самому Единородному Свету. О двоица чистейших словес-

---

[1] В этом событии святые отцы: Ефрем Сирин, Августин и другие — видят прообразовательные по отношению ко Христу черты: Давид умертвил Голиафа камнем, брошенным из пращи, — «в образе Христа; Голиаф — в образе диавола: диавол был поражен глаголом Божиим и смирением, наконец на Голгофе был сокрушен вконец».

ных горлиц, Иоаким и Анна! Вы, соблюв целомудренно закон природы, божественно сподобились сверхъестественных дарований и родили миру Деву Божию Матерь. Вы, благочестиво и праведно пожив в человеческом естестве, произвели Дщерь высшую Ангелов и ныне владычествующую над Ангелами. О прекраснейшая и сладчайшая Дщерь! О крин, выросший посреди терния от благороднейшего царского корня! Тобою обогатилось царство священства»[1]. Этими словами святой Дамаскин ясно показывает, от каковых родителей рождена Божия Матерь, из сколь драгоценнейших веществ устроена палата Царя небесного.

На каком же месте была устроена эта одушевленная палата? Воистину — на высочайшем, ибо Церковь дает о ней следующее свидетельство: «Истинно вышши всех еси Дево чистая»[2]; но выше — не местом, а добродетелями и высотою Божиих дарований. Местом же, где родилась преблагословенная Дева, был небольшой город в земле Галилейской, называемый Назаретом, зависевший от большого города Капернаума[3], и жители его были презираемы, почему и о Христе было сказано: *из Назарета может ли быть что доброе?* (Ин. 1, 46). Но Господь, *на высоких живы́й, и на смиренныя призира́яй* (слав. Пс. 112, 5–6), благоизволил, чтобы Его Пречистая Матерь была рождена не в Капернауме, в своей гордыне до неба вознесшемся, а в смиренном Назарете, *ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк. 16, 15), а презираемое и уничижаемое ими высоко и драгоценно у Него. Самое имя Назарета при этом изображает высоту добродетелей Пречистой Девы. Ибо как в Своем рождестве Господь чрез Вифлеем, что значит: «дом хлеба»[4], тайно прообразовал

---

[1] Слово святого Иоанна Дамаскина на Рождество Пресвятой Богородицы.

[2] Из службы на Введение Пресвятой Богородицы. Канон, ирмос 9.

[3] *Капернаум* — город на северо-западном берегу Геннисаретского озера, или Тивериадского моря, принадлежащий к Галилее, на границе между коленами Неффалимовым и Завулоновым. Он лежал на мысе, недалеко от впадения Иордана в море. Во время земной жизни Спасителя Капернаум отличался цветущим благосостоянием и богатством. В войнах с римлянами Капернаум был совершенно разорен, и ныне остаются здесь только несколько рыбачьих хижин и одни жалкие развалины.

[4] *Вифлеем* — небольшой, незначительный городок в колене Иудином, недалеко от Иерусалима, около двух часов пути к югу, названный так, вероятно, по плодородию земли, — место Рождества Христова.

то, что Он есть хлеб, сшедший с неба[1] для оживотворения и укрепления людей, так и в рождестве Пречистой Своей Матери Он чрез Назарет изображает возвышенные предметы; ибо наименование «Назарет» означает цветущее, огражденное, увенчанное и сокровенное место[2]: и все это ясно предызображает Пресвятую Деву. Она есть цвет, прозябший от неплодной и застарелой утробы сухого дерева, цвет неувядаемый, присноцветущий девством, цвет благоухающий, родящий благоухание Единого Царя, — цвет, приносящий плод — Христа Бога Господа, единственное яблоко благовонное. Она освящена благодатию нашедшего на Нее и осенившего Ее Святого Духа и есть святейшая всех святых, как родившая «всех святых святейшее Слово»[3]. Она исключена из числа грешных земнородных, как чистая и непорочная, и не только Сама чужда греха, но и грешников отводит от беззаконий, как и взывает к ней Церковь: «Радуйся, скверных изымающая дел»[4]. Она увенчана славою и честию: увенчана славою, ибо произросла из царского корня; увенчана честию, потому что произошла из племени архиерейского. Увенчана славою, потому что произошла от целомудренных родителей; увенчана честию, потому что почтена благовещением и служением Архангела. Увенчана славою как Матерь Божия; ибо что может быть славнее того, как родит Бога? Увенчана честью, как Приснодева; ибо что может быть почетнее, как пребыть и по рождестве девою? Увенчана славой, «славнейшая Серафим», как Серафимски возлюбившая Бога. Увенчана честию, «честнейшая Херувим»[5], как превзошедшая Херувимов мудростью и познанием Божества. *Слава и честь и мир всякому, делающему доброе* (Рим. 2, 10), говорит апостол. Но найдется ли кто из земнородных более добродетельный, чем Пречистая Дева? Она сохранила все заповеди Господни, исполняла всю волю Господа, все наставления Его соблюла, все слова Его сокрыла в сердце Своем, оказала ближним все дела милосердия. Поэтому достойно Она увенчана, как тво-

---

[1] По слову Самого Спасителя, Который говорил о Себе: *Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек* (Ин. 6, 51).

[2] *Назарет*, в переводе с еврейского, может означать или *отпрыск*, *отрасль*, *ветвь*, *кустарник*, или *огражденное сокровенное* место.

[3] Акафист Пресвятой Богородице, кондак 13.

[4] Акафист, икос 5.

[5] Из молитвы Богородице «Достойно есть».

рящая все доброе. Она же есть и некое хранилище; ибо сохраняла сокровище своего девического целомудрия столь тщательно, что даже Ангелу не хотела вверить оное, потому что, увидев Ангела, Она смутилась от слов его и размышляла, что́ бы значило это приветствие (см.: Лк. 1, 29). Все это Назарет прообразовал в Пречистой Деве своим наименованием. И кто не скажет, как высоко воздвиглась та палата Христова по добродетелям и дарованиям Божиим? Она высока, ибо дарована с неба, хотя родилась на земле от земнородных; — с неба, ибо, как говорят некоторые из богопросвещенных мужей, Архангел Гавриил, благовестивший Захарии о рождении Иоанновом, благовестил Иоакиму и Анне о зачатии Пресвятой Богородицы и принес с неба Ей преблагословенное имя, говоря неплодной матери: «Анна, Анна! родишь ты Дочь преблагословенную, и наречется имя Ей: Мария». Итак, Она, без сомнения, может быть названа градом святым, Иерусалимом новым, сходящим с неба от Бога (см.: Откр. 21, 2), скиниею Божиею. Высока эта Божия скиния, ибо, родив Царя Христа, она возвысилась паче Серафимов. О высота, неудобовосходимая для человеческих помыслов (см.: Акафист, икос 1)!

А какова красота той мысленной Христовой палаты, — об этом послушай того же сладкоглаголивого Иоанна Дамаскина, вещающего о Ней следующее: «Она принесена Богу, Царю всех, одеянная благолепием добродетелей, как бы золотою ризою, украшенная благодатью Духа Святого, и слава Ее внутри Нее (см.: Пс. 44, 14): ибо как для всякой жены слава ее — муж, приходящий отвне, так слава Богородицы внутри Ее, то есть плод чрева Ее»[1]. И еще Дамаскин говорит, обращаясь к Ней: «О Дево Богоблагодатная, святая Церковь Божия, которую духовно создал оный сотворивший мир Соломон (Премудрый Творец мира) и вселился в Нее! Не золотом, не бездушными камнями украшена Она, но, вместо золота, сияет Духом, вместо дорогих камней имеет многоценный бисер — Христа»[2]. Таково украшение той палаты, гораздо прекраснее бывшего в храме Соломоновом, в котором были изображены подобия Херувимов, деревьев и цветов. Но и в этой одушевленной Церкви, в Пречистой Деве, ясно виден образ Херувимский; ибо своим Херувимским житием

[1] Слово на Рождество Богородицы.

[2] Там же.

Она не только сравнялась с Херувимами, но и превзошла их. Если Церковь обыкла иных святых называть Херувимами, воспевая: «Что́ вас наречем святии? Херувимы, яко на вас почил есть Христос?»[1], то тем паче Дева Богородица есть Херувим, ибо в Ней Христос почил телом Своим, и на пречистых руках Ее Бог воссел, как на престоле: Дева стала престолом херувимским. Она имеет в Себе подобия и деревьев благоплодовитых, духовно соделавшись маслиною плодовитою в дому Божием и цветущим фиником (см.: Пс. 55, 10), почему ныне и именуется садом живоносным, когда Церковь воспевает: «от неплоднаго корене сад живоносен израсти нам, Матерь Свою, иже чудес Бог»[2]. Все это говорится о красоте Ее духовной. Но Она не была лишена и красоты телесной, как о том свидетельствуют многие учители церковные, что во всей подсолнечной не было и не будет такой прекрасной девы, какова была Дева Богородица, узрев Которую святой Дионисий Ареопагит[3] хотел бы наречь Богом, если бы не знал Бога, от Нее рожденного. Ибо Божественная благодать, коей Она была исполнена внутри, просиявала и на Ее пресветлом лице. Таковую предуготовал себе палату на земле Царь небесный, — палату прекрасную душою и телом, *как невеста, украшенная для мужа своего* (Откр. 21, 2), — притом палату пространную: «чрево Ее пространнее небес содела»[4], и вместился в Ней «невместимый Христос Бог».

Палаты царские обыкновенно строятся обширными — так чтобы они могли вместить не только царя, но и множество предстоящих слуг и приходящих к нему отовсюду людей. Обширное селение слова, Пречистая Дева, пространно не только для Бога Слова, как Царя, но и для нас, притекающих рабов к Богу, вселившемуся в Нее: Бога вмещает во утробе, нас же в Своем благоутробии. Избранный сосуд Божий, святой апостол Павел, движимый любовью, говорил к своим возлюбленным чадам: *сердце наше расширено. Вам не тесно в*

---

[1] Октоих, мученичен на стиховне в пяток, гл. 8.

[2] Служба на Рождество Богородицы, 1-я стихира на «Господи, воззвах».

[3] *Дионисий Ареопагит* — член Ареопага Афинского, обращенный к христианству апостолом Павлом (см.: Деян. 17, 34); был первым епископом Афинским и писал послания ко многим лицам и церквам. Свое служение он запечатлел мученической кончиной около 96 года в царствование Домициана. Память его — 3 октября.

[4] Из песни прп. Иоанна Дамаскина «О Тебе радуется».

нас (2 Кор. 6, 11–12). Но у кого из святых может найтись столь пространное благоутробие, как Мариино о Боге благоутробие? Здесь вмещается и целомудренный, и грешному здесь не тесно. Кающийся имеет в Ней свое место, и для отчаявшихся и некающихся Она есть невозбранное пристанище, подобно тому, как Ноев ковчег служил пристанищем не только чистым, но и нечистым животным. В благоутробии Ее без тесноты вмещаются все скорбящие, обидимые, алчущие, странствующие, обуреваемые, больные: ибо не может не быть милосердной та утроба, которая родила нам благого Бога. Палаты царей земных охраняет много вооруженной стражи, которая не всякого, желающего войти в них, впускает, но удерживает, внимательно расследуя, откуда и зачем идет. А одушевленная палата Христова, хотя и окружена Херувимами и Серафимами и бесчисленными ликами Ангелов и всех святых, но, тем не менее, в двери Ее благоутробного милосердия никто не препятствует войти, если бы кто этого пожелал: ни стражи не отталкивают, ни воины не отгоняют и не расследуют, зачем кто идет, но всякий входит в них беспрепятственно с молением и приемлет дар по благопотребному прошению.

Итак, будем прибегать к милосердию Рожденной от неплодной утробы с таковым приветствием:

Радуйся, всенепорочная палата Царя всех! Радуйся, селение Бога и Слова, Коему со Отцом и Святым Духом, и Тебе, Дочери Отца, Матери Сына, Невесте Святого Духа, да будет от нас смертных честь и слава вовеки. Аминь.

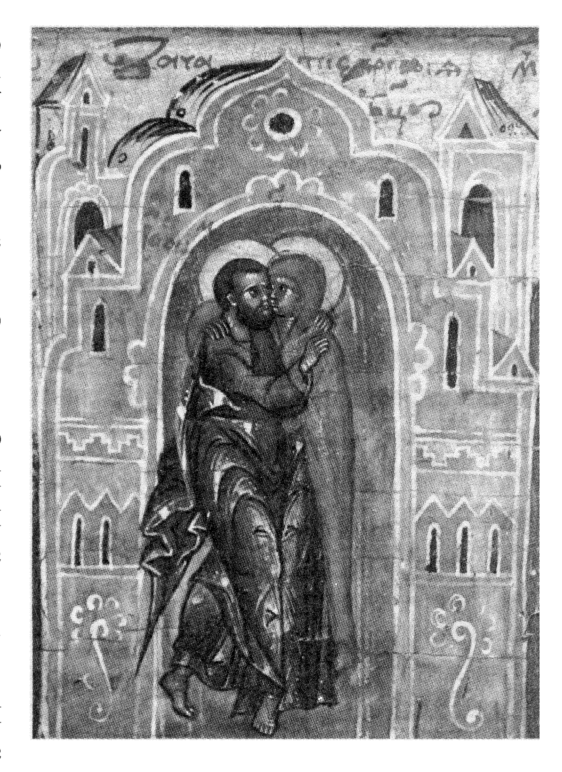
День девятый

ЖИТИЕ
СВЯТЫХ И ПРАВЕДНЫХ БОГООТЕЦ
ИОАКИМА и АННЫ

Святой праведный Иоаким происходил из колена Иудина, из дома царя Давида. Родословие его таково: у сына Давида Нафана родился сын Левий, Левий родил Мелхию и Панфира, Панфир родил Варпафира, Варпафир же родил Иоакима, отца Божией Матери.

Святой Иоаким жил в городе Назарете Галилейском и имел жену по имени Анну из колена Левиина, из рода Ааронова, дочь священника Матфана, жившего пред царствованием Ирода, сына Антипатра. Этот священник Матфан имел женою Марию, из колена Иудина, из города Вифлеема и трех дочерей: Марию, Совию и Анну. Из них первою вышла замуж Мария в Вифлеем и родила Саломию; потом вышла замуж Совия, также в Вифлеем, и родила Елисавету, мать Иоанна Предтечи; третья же, как мы уже сказали, мать Пресвятой Богородицы, отдана была замуж за Иоакима в страну Галилейскую, в город Назарет. Супруги эти, Иоаким и Анна, происходя из знатного рода, поучались в законе Господнем и были праведны пред Богом. Имея богатство вещественное, они не были лишены и богатства духовного. Украшенные всеми добродетелями, они беспорочно соблюдали все заповеди закона Божия. На каждый праздник благочестивые супруги отделяли от своего имущества две части — одну отдавали на церковные потребности, а другую раздавали нищим.

Своею праведною жизнию Иоаким и Анна так угодили Богу, что Он сподобил их быть родителями Пресвятой Девы, предызбранной



Матери Господа. Из этого одного уже видно, что их жизнь была свята, богоугодна и чиста, так как у них родилась Дщерь, Святейшая всех святых, угодившая Богу больше всех и Херувимов честнейшая. В то время на земле не было более угодных Богу людей, нежели Иоаким и Анна, по непорочной их жизни. Хотя в то время можно было найти и многих живущих праведно и угождающих Богу, но эти двое превзошли всех своими добродетелями и явились пред Богом самыми достойными того, чтобы от них родилась Божия Матерь. Такая милость им не была бы дарована Богом, если бы они действительно не превосходили всех праведностью и святостью. Но как Сам Господь имел воплотиться от Пресвятой и Пречистой Матери, так подобало и Матери Божией произойти от святых и чистых родителей. Подобно тому как земные цари имеют свои порфиры, сделанные не из простой материи, а из златотканой, так и небесный Царь восхотел иметь Пречистою Своею Матерью, в плоть Которой, как в царскую порфиру Ему должно было облечься, рожденную не от обыкновенных невоздержных родителей, как бы из простой материи, но от целомудренных и святых, как бы из материи златотканой, прообразом чего служила ветхозаветная скиния, которую Бог велел Моисею сделать из багряной и червленой материи и из виссона (см.: Исх. 27, 16). Скиния эта прообразовала Деву Марию, вселившийся в Которую Бог имел *с человеки пожити*, как написано: *се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними* (Откр. 21, 3). Багряная и червленая материя и виссон, из которых была сделана скиния, прообразовали родителей Божией Матери, Которая произошла и родилась от целомудрия и воздержания, как бы от багряной и червленой одежды, и

совершенства их в исполнении всех заповедей Господних, как бы от виссона.

Но эти святые супруги, по Божию изволению, долгое время были бездетны, — дабы в самом зачатии и рождении такой дочери была явлена и сила Божией благодати, и честь Рожденной, и достоинство родителей; ибо неплодной и состарившейся женщине родить иначе невозможно, как по силе благодати Божией: здесь действует уже не природа, но Бог, побеждающий законы природы и уничтожающий узы неплодия. Родиться от неплодных и престарелых родителей — большая честь и для самой Рожденной, потому что Она рождается тогда не от невоздержных родителей, но от воздержных и престарелых, каковыми были Иоаким и Анна, которые пятьдесят лет жили в супружестве и не имели детей. Наконец чрез таковое рождение открывается достоинство и самих родителей, так как они после долгого неплодства родили радость всему миру, чем уподобились святому патриарху Аврааму и благочестивой супруге его Сарре, родившим, по обетованию Божию, Исаака в старости (см.: Быт. 21, 2). Однако, без сомнения, можно сказать, что рождество Богородицы выше рождения Авраамом и Саррою Исаака. Насколько Сама рожденная Дева Мария выше и более достойна почести, нежели Исаак, настолько больше и выше достоинство Иоакима и Анны, нежели Авраама и Сарры. Этого достоинства они не сразу достигли, но только усердным постом и молитвами, в душевной горести и в сердечной скорби умолили об этом Бога: и скорбь их обратилась в радость, а бесчестие их явилось предвестником великой чести, и усердное прошение — руководителем к получению благ, и молитва — лучшей ходатаицей.

Иоаким и Анна долгое время скорбели и плакали, что у них нет детей. Однажды Иоаким в большой праздник приносил в Иерусалимском храме дары Господу Богу; вместе с Иоакимом и все израильтяне приносили свои дары в жертву Богу. Бывший в то время первосвященник Иссахар не захотел принять даров Иоакима, потому что он был бездетным.

«Не дóлжно, — говорил он, — принимать от тебя дары, потому что ты не имеешь детей, а следовательно, и благословения Божия: наверное, у тебя есть какие-нибудь тайные грехи».

Также и один еврей из колена Рувимова, вместе с прочими приносивший свои дары, укорял Иоакима, говоря:

— Зачем ты хочешь прежде меня принести жертвы Богу? Разве ты не знаешь, что ты недостоин приносить дары вместе с нами, ибо ты не оставишь в Израиле потомства[1]?

Укоры эти очень опечалили Иоакима, и он в сильной скорби ушел из храма Божия посрамленным и униженным, и праздник для него обратился в печаль, а праздничная радость сменилась скорбию. Глубоко скорбя, он не возвратился домой, но ушел в пустыню к пастухам, пасшим его стада, и там плакал о неплодстве своем и о поношении и укорах, сделанных ему. Вспомнив про Авраама, праотца своего, которому уже в преклонном возрасте Бог даровал сына, Иоаким стал усердно молить Господа, чтобы Он и его сподобил такого же благоволения, услыхал бы его молитву, помиловал бы и отнял от него поношение со стороны людей, даровав в старости плод его супружеству, как некогда Аврааму.

— Да буду я, — молился он, — иметь возможность именоваться отцом ребенка, а не бездетным и отверженным от Бога терпеть укоры от людей!

К этой молитве Иоаким присоединил пост и сорок дней не вкушал хлеба.

— Не буду есть, — говорил он, — и в дом свой не возвращусь; пусть слезы мои будут мне пищею, а пустыня эта домом, до тех пор пока не услышит и не отнимет от меня поношение Господь Бог Израилев.

Точно так же и жена его, будучи дома и услыхав, что первосвященник не хотел принять их дары, укоряя в неплодстве, и что муж ее от великой скорби удалился в пустыню, плакала неутешными слезами.

— Теперь, — говорила она, — я несчастнее всех: Богом отвержена, у людей в поношении и мужем оставлена! О чем плакать теперь: о вдовстве ли своем или о бесчадии, о сиротстве своем или о том, что не удостоилась называться матерью?!

---

[1] Еше патриархам израильского народа неоднократно было дано Богом обетование о размножении потомства их; поэтому израильтяне на многочисленное потомство смотрели как на высшее счастье и благословение Божие. С другой стороны, по древнему обетованию Божию, израильтяне надеялись в своем потомстве обрести обетованное Богом «Семя жены» — Мессию. Вот почему бесчадие считалось у евреев тяжким несчастьем и наказанием Божиим за грехи, и на людей, не имеющих детей, евреи смотрели как на великих грешников.

Так горько плакала она все те дни.

Рабыня Анны, по имени Юдифь, старалась ее утешить, но не могла: ибо кто может утешить ту, печаль которой глубока, как море?

Однажды Анна печальная пошла в свой сад, села под лавровым деревом, вздохнула из глубины сердца и, возведя свои глаза, полные слез, к небу, увидала на дереве птичье гнездо с маленькими птенцами. Зрелище это причинило ей еще большую скорбь, и она с плачем начала взывать:

— Горе мне бездетной! Должно быть, я самая грешная среди всех дщерей Израилевых, что одна пред всеми женами так унижена. Все носят плод своего чрева на своих руках, — все утешаются своими детьми: я же одна чужда этой радости. Горе мне! Дары всех принимаются в храме Божием, и за чадородие им оказывают уважение: я же одна отвержена от храма Господа моего. Горе мне! Кому я уподоблюсь? Ни птицам небесным, ни зверям земным: ибо и те приносят Тебе, Господи Боже, плод свой, я же одна неплодна. Даже с землею я не могу сравнить себя: ибо она прозябает и выращивает семена и, принося плоды, благословляет Тебя, небесного Отца: я же одна бесплодна на земле. Увы мне, Господи, Господи! Я одна, грешная, лишена потомства. Ты, Который даровал некогда Сарре в глубокой старости сына Исаака (см.: Быт. 21, 1–8), Ты, Который отверз утробу Анны, матери Твоего пророка Самуила (см.: 1 Цар. 1, 20), призри ныне на меня и услыши молитвы мои. Господи Саваоф! Ты знаешь поношение бесчадства: прекрати печаль сердца моего и отверзи мою утробу и меня, неплодную, соделав плодоносною, дабы рожденное мной мы принесли Тебе в дар, благословляя, воспевая и согласно прославляя Твое милосердие.

Когда Анна с плачем и рыданием так восклицала, явился ей Ангел Господень и сказал:

— Анна, Анна! Услышана твоя молитва, воздыхания твои прошли сквозь облака, слезы твои явились пред Богом, и ты зачнешь и родишь Дщерь преблагословенную; чрез Нее получат благословение все племена земные и будет даровано всему миру спасение; имя ей будет Мария.

Услышав ангельские слова, Анна поклонилась Богу и сказала:

— Жив Господь Бог, если родится у меня дитя — я отдам его на

служение Богу. Пусть оно служит Ему и прославляет святое имя Божие день и ночь во все время своей жизни.

После этого, исполнившись неизреченной радости, святая Анна быстро пошла в Иерусалим, чтобы там с молитвою воздать благодарение Богу за Его милостивое посещение.

В то же самое время Ангел явился и Иоакиму в пустыне и сказал:

— Иоаким, Иоаким! Услышал Бог молитву твою и благоволит даровать тебе благодать Свою: жена твоя Анна зачнет и родит тебе Дщерь, рождение Которой будет радостью для всего мира. И вот тебе знамение, что я благовествую тебе истину: иди в Иерусалим к храму Божию и там, у золотых ворот, найдешь свою супругу Анну, которой я возвестил то же самое.

Иоаким, удивленный таким ангельским благовестием, славословя Бога и благодаря Его сердцем и устами за великое милосердие, с радостию и веселием поспешно отправился в Иерусалимский храм. Там, как и возвестил ему Ангел, он нашел у золотых ворот Анну, молящуюся Богу, и рассказал ей об ангельском благовестии. Также и она поведала ему о том, что видела и слышала Ангела, возвестившего о рождении у нее дочери. Тогда Иоаким и Анна прославили Бога, сотворившего им такую великую милость, и, поклонившись Ему в святом храме, возвратились в свой дом.

И зачала святая Анна 9 декабря, а 8 сентября у ней родилась дочь, Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, начало и ходатаица нашего спасения, о рождестве Коей возрадовались и небо, и земля. Иоаким по случаю Ее рождения принес Богу великие дары, жертвы и всесожжения, и получил благословение первосвященника, священников, левитов и всех людей за то, что сподобился благословения Божия. Потом он устроил в доме своем обильную трапезу, и все с веселием прославляли Бога.

Подрастающую Деву Марию родители Ее берегли как зеницу ока, ведая, по особенному откровению Божию, что Она будет светом всему миру и обновлением естества человеческого. Поэтому они воспитывали Ее с такою тщательною осмотрительностью, какая подобала Той, Которая имела быть Матерью Спасителя нашего. Они любили Ее не только как дочь, столь долгое время ожидаемую, но и почитали, как госпожу свою, помня ангельские слова, сказанные о

Ней, и провидя духом, что до́лжно над Ней совершиться. Она же, исполненная Божественной благодати, таинственно обогащала тою же благодатию и своих родителей. Подобно тому как солнце своими лучами освещает звезды небесные, уделяя им частицы своего света, так и Богоизбранная Мария, как солнце, озаряла лучами данной ей благодати Иоакима и Анну, так что и они были исполнены Духа Божия, и твердо веровали в исполнение ангельских слов.

Когда отроковице Марии исполнилось три года, родители ввели Ее со славою в храм Господень, сопровождая с возжженными светильниками, и посвятили Ее на служение Богу, как то обещали. По прошествии нескольких лет после введения Марии во храм святой Иоаким умер, восьмидесяти лет от рождения. Святая Анна, оставшись вдовою, покинула Назарет и пришла в Иерусалим, где пребывала около своей Пресвятой Дочери, молясь беспрестанно в храме Божием. Прожив в Иерусалиме два года, она почила о Господе, имея семьдесят девять лет от рождения[1].

О, сколь благословенны вы, святые родители, Иоаким и Анна, ради Преблагословенной вашей Дочери! Сугубо благословенны вы ради Сына Ее, Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого получили благословение все народы и племена земные! Справедливо вас святая Церковь наименовала Богоотцами[2], ибо мы знаем, что от Пресвятой вашей Дочери родился Бог. Ныне, будучи ближними Ему в небесном предстоянии, молитесь, да и мы не будем отдалены от вашей радости нескончаемой вовеки. Аминь.

[1] Память преставления праведной Анны Церковь совершает 25 июля.

[2] Церковь ежедневно по окончании божественных служб, на отпусте, испрашивает исходящим из храма помилование и спасение от Господа молитвами Богородицы и святых праведных Богоотец Иоакима и Анны и ежегодно совершает память их на другой день Рождества Богородицы, ибо после праздника Рождеству Богоматери прилично славить и святых Ее родителей.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
СЕВИРИАНА

В царствование злочестивого царя Ликиния, в то время, как Агриколаем, правителем Севастии[1], были взяты и посажены в темницу сорок святых мучеников, — в области той жил некий муж, по имени Севириан, знатного рода по происхождению.

Севириан был христианином. Часто посещая в темнице сорок мучеников, он укреплял их к страдальческому подвигу за имя Христово; и они так возгорелись любовию к своему Господу, что даже холодное Севастийское озеро не могло угасить в них этой Божественной любви; встав, по повелению беззаконного правителя, в воды озера, они единодушно исповедовали пред своим мучителем имя Иисуса Христа и здесь скончались мученическою смертию[2].

После страдания Севастийских мучеников, — когда на место Агриколая, тем же нечестивым царем Ликинием, назначен был Лисий, человек лютый и жестокий, как дикий зверь истреблявший верующих и проливавший христианскую кровь, — настало время и святому Севириану выступить на тот же подвиг и на ту же борьбу, к каким он и других возбуждал своим словом.

К правителю области явились клеветники и стали говорить ему:

— Честь великих богов наших умаляется в этом городе чрез Севириана: он не только сам не чтит и не поклоняется им, но и многим другим советует бесчестить и уничижать их. Веруя сам в Распятого, он и других учит той же вере, и уже немало людей отторглось вслед его, так что если ты не погубишь его, — то скоро весь город последует его вере: и разгневаются боги на наш город, и оставят его своею милостию, да и царь, когда услышит об этом, не пощадит нас.

Выслушав это, правитель Лисий послал своих слуг схватить Севириана и привести его к себе. Воин же Христов, не дожидаясь посланных, пока они придут и возьмут его, предварив их приход, по-

---

[1] *Севастия* — город в Армении.

[2] *Мученики Севастийские* пострадали в 320 году. Память их — 9 марта. В житии их повествуется, что они за непреклонное исповедание веры были мучимы, затем осуждены были пробыть ночь в озере, покрывшемся льдом, при северном пронзительном ветре, и на другой день после новых тяжких мучений сожжены.

шел сам и, представ пред Лисием, мужественно и дерзновенно говорил ему:

— Или недостаточно тебе, правитель, одной только твоей погибели, что ты хочешь и наши души погубить и, как некое приобретение, предать их во власть бесов? Но знай, что ты попал здесь на людей мужественных, а не на малодушных и боязливых, ибо мне, как говорит мой божественный учитель Павел, *жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21).

Правитель Лисий, выслушав эти слова, немного помолчал; а потом, взглянув на стоявших пред ним слуг и указав рукою на Севириана, сказал им с яростию:

— Возьмите и бейте его сырыми жилами, — пусть он научится, с каким смирением нужно говорить с правителем.

Когда святого стали мучить, он радовался, что сподобился пострадать за Христа, и воспевал псаломские слова, которые были ему как бы отрадою в его страданиях: *На хребте моем дѐлаша грешницы, продолжи́ша беззаконие свое*[1] (слав. Пс. 128, 3).

Мучитель, видя, что слуги его уже утомились, а на лице мученика — та же просветленность и мужество, велел перестать его бить, а затем, обратившись к нему, сказал:

— Вот, теперь ты по ранам своим можешь познать, что Христос твой не приносит тебе ни радости, ни благополучия в жизни.

Мученик отвечал:

— Если бы твои душевные очи не были помрачены тьмою безбожия, тогда бы я мог открыть тебе, сколь много благ мои страдания исходатайствуют мне у Христа. Но теперь, при твоем нечестии, чего я могу достигнуть, как бы зажигая свечу пред слепым и воспевая песнь пред глухим? О судия! Если бы ты не был так слеп и глух, ты бы познал благодать Христову и ту силу, которая укрепляет меня.

Эти и многие другие слова святого мученика привели правителя еще в больший гнев. Повесив мученика на дереве, он велел строгать тело его железными когтями. Святой же Севириан, среди своих лютых страданий, так молился Богу:

— Иисусе Христе! Ты, некогда повешенный на кресте, низложивший гордыню вражию и даже доныне прославляемый за все

[1] Пророческое слово разумеет здесь бичи и язвы, какие злочестивыми мучителями наложены на победоносных мучеников.

Свои дивные дела, прииди и помоги мне и сокруши силу всезлобного мучителя, растерзанные члены мои исцели и дай мне доблестно совершить подвиг мученический!

И переменялись слуги, мучившие святого; наконец, долго промучив его, повели, по приказанию правителя, в темницу. Идя к темнице, святой мученик показал себя красноречивым оратором и, как бы не чувствуя своих страданий, хвалился подъятыми за Христа ранами. Когда шел он среди города, то, указывая на свои язвы, со светлым лицом, сладостными устами так говорил, обращаясь ко множеству смотревшего на него народа:

— О люди, посмотрите на меня и уразумейте, в каком блаженстве я сегодня нахожусь! Вы, я думаю, считаете меня теперь самым несчастным и беднейшим человеком, так как я лишился не только временной своей чести и богатства, но даже и самого здоровья. А между тем я ныне счастливее всех вас. Ибо раны мои, приятые за имя Христа, дороже для меня всякой земной радости; кровь, пролитая мною, и обагрение ею драгоценнее царской багряницы; самое же страдание за моего Господа несравненно приятнее для меня всех ваших земных утех, которые вы так любите. А высокий сан мой и богатство — что они были, как не суета и прах и прелесть мира этого, которые я оттрясаю как грязь от ног своих, восходя в высшее мученическое достоинство и приемля богатство неоскудеваемое? Для меня именоваться мучеником — славнее всякого царского сана, лишение же богатства ради Христа драгоценнее сокровищ всех земных царей. Да и самое здоровье, крепость и красота, которыми я прежде обладал, что есть иное, как не болезнь, слабость и безобразие? Если бы члены моего тела не были ныне уязвляемы за Христа, и не обагрялись кровию, то они не были бы моими членами, но были бы только узами и темницею для моей души; а теперь, когда они терзаются за Христа, они поистине суть мои уды. Ныне, когда плоть моя умерщвляется, она здорова и крепка; со мною красота моя, даже и теперь, — когда я не имею человеческого вида и представляю как бы единую язву, ибо и Христос был уязвляем с главы до ног. *Ныне радуюсь в страданиях моих... и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых* (Кол. 1, 24)[1]. Вы же, взирая на мои

[1] Смысл выражения тот, что святой мученик, подобно апостолу Павлу, чувствуя еще в своей плоти недостаток страданий и скорбей, какие перенес Христос,

раны, помышляйте о воздаянии за них: ни умом постигнуть, ни словом высказать нельзя тех благ, кои Царь бессмертный и ныне дает страждущим за Него и на небе уготовляет им для вечного блаженства. Уже одно то, чтобы страдать за Христа, есть наслаждение, а умереть за Него — еще вожделеннее. О други! Если здесь есть кто из наших, если кто из верных рабов Христовых находится среди этого неверного народа, то, взирая на меня, как я страдаю, укрепляйте свое сердце, мужайтесь и будьте неустрашимы. Да не отторгнет вас от пресладкого имени Иисуса Христа ни единая мука, да не устрашит вас ни сечение мечей, ни разжжение печей, ни ярость зверей! Да не прельстит вас ни ласкание мучителя, ни обещание им даров и санов. Все это попирите ногами, как сор, чтобы воцариться со Христом.

В то время, как Севириан говорил так, за ним следовало много народа. Слушая его, народ проводил святого мученика до самой темницы. Вверженный в нее, воин Христов ликовал, как в светлом чертоге, и лобызал то место, где заключены были сорок святых мучеников, к которым он прежде часто приходил беседовать. В темнице он пробыл пять дней, а потом снова был приведен на суд.

Лисий на суде, подобно волку в овечьей шкуре, стал как бы соболезновать святому и так начал ему лукаво говорить:

— Видят все боги, Севириан, как я жалею тебя, и весьма удивляюсь, как ты, человек такой видный, благообразный и почтенный, самовольно лишаешься этого радостного мира. Я похвалил бы твою крепость и мужество, но только если бы ты направил их против врагов; бороться же с железом и огнем, со зверями и камнями и так губить себя есть поистине дело безумное. И вот, сила твоя уже сокрушена и тело растерзано.

Говоря так, беззаконный мучитель хотел лукавством прельстить истинного раба Христова, но тот мужественно отвечал:

— Не щади тела моего, покрытого ранами, но увеличь еще более мои страдания. Не только бей меня и строгай мое тело, но и метай на меня камни, жги огнем и делай все, что только хочешь и можешь. Ты никогда не отвратишь меня от моего Господа. Скорее ты утомишься, терзая меня, нежели я страдая за имя Христово.

ищет случая восполнить оный и радуется, что нашел такой случай в страданиях за исповедание имени Христова.

Тогда мучитель, оставив лукавство, предался обычной своей ярости и повелел бить святого Севириана в уста камнями, приговаривая при этом:

— Не носи имени Христа на языке твоем и не докучай ушам правителей воспоминанием этого имени.

Святой мученик устами, — уже разбитыми от ударов, — отвечал мучителю:

— Несчастный, если ты устроил в душе твой жилище для бесов, то, конечно, и слух твой уже не может сносить имени Христа!

Лисий повелел снова повесить мученика на дереве и строгать его железными когтями. Севириан, жестоко мучимый, произнес:

— Одну только язву я считаю жестокою — ту, которая отлучает от Христа: все же эти раны скорее для меня наслаждение, чем страдание, так как, отрешая меня от всего земного, они соединяют меня со Христом.

И сказал ему снова правитель:

— Севириан, принеси жертву богам, и ты освободишься от муки.

На это воин Христов ничего не отвечал ему; он только тихо сказал:

— *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Лисий, считая оскорблением для себя то, что мученик ничего не ответил на его слова, изобрел для него новое мучение: сняв святого с дерева, повели его к городской стене и, привязав тяжелые камни: один — на шею, а другой — на ноги, а тело опоясав веревкою, свесили его высоко со стены.

Так вися, святой предал свою праведную душу в руки подвигоположника — Христа Господа своего[1]. Некоторые из христиан, сняв ночью со стены его честное тело, понесли к месту прежнего жительства мученика. Когда они, неся его благоговейно с пением псалмов, приближались к тому селению, где был дом Севириана, все почти жители вышли к сретению святых мощей: старые и юные — все одинаково спешили, перегоняя друг друга и этим самым стараясь как бы предвосхитить благословение от многострадального угодника

[1] Мученическая кончина Севириана последовала в 320 году, в одно гонение с сорока мучениками Севастийскими, но только спустя полгода.

Божия. Только жена одного из рабов Севириана осталась дома, плача над телом своего мужа: он только что умер и лежал еще дома не погребенным. И рыдала она над ним, говоря ему как живому:

— Вот, господин наш приближается к дому, и все вышли встречать его, один только ты не вышел, да я из-за тебя. Итак, встань навстречу господину своему.

Только что она проговорила это, мертвый тотчас встал как бы от сна, пошел навстречу к несущим святые мощи и, припав к нему, с радостью лобызал тело господина своего. Люди же все, видя, что умерший, с принесением святого тела в их селение, воскрес, пораженные этим чудом, прославили Господа и стали еще с большим усердием лобызать честны́е мощи.

Относительно погребения тела святого мученика у жителей того селения возникло несогласие: одни хотели похоронить его на одном месте, другие — на ином. На мощах Севириана лежал венок, сплетенный из красивых цветов; вдруг, неизвестно откуда, появился орел и схватил этот венок; отлетев немного, орел снова опустился на землю. Все, видевшие это, пошли по полету орла, и когда подошли к нему, он медленно полетел далее с венком; народ тоже пошел за ним. И таким образом орел довел благочестивых жителей до ближайшей пустыни, и здесь, сев на одну высокую, красивую гору и положив на ней венок, скрылся с глаз. Народ, найдя венок мученика на горе, решил, что Господь благоволил на ней упокоить святое тело Севириана, и, взяв мощи, с подобающею честию погребли на той горе; и совершались при гробе мученика Христова многие исцеления[1].

Вышеупомянутый же раб, воскресший при перенесении святых мощей Севириана, прожил еще пятнадцать лет, постоянно находясь при гробнице своего господина.

За все это да будет слава Богу, в Троице Единому: Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

[1] Перенесение святых мощей мученика последовало через пятнадцать лет по его кончине.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОГО
НИКИТЫ,
тайного угодника Божия, которого видел диакон Созонт

Тайный угодник Божий, блаженный Никита, называемый хартуларий[1], был рожден и воспитан благородными родителями в Царьграде; живя в мире и тайно служа Богу, он настолько угодил Ему, что и церковные двери сами отверзались, когда он в полночь приходил на молитву, и светильник, зажженный не человеческими руками, освещал его, и был он в состоянии показать диакону Созонту умершего священника как живого, о чем существует такое сказание.

Один благочестивый священник и благоговейный диакон возымели в Боге любовь друг к другу, но спустя некоторое время оба под влиянием бесовского навета изменили любовь на вражду. Имя диакону было — Созонт, а имя священника осталось неизвестно. Много времени находились они во вражде, и в этих чувствах священнику пришлось умереть. Тогда диакон начал смущаться мыслию и терзаться совестью, что он не прекратил вражды со священником и не уничтожил гневливости прощением. Поэтому он отправился искать мудрого духовного отца, которому можно было бы открыть свою совесть, и ходил он по пустынным местам, отыскивая врача для болезни своего сердца; наконец, найдя одного великого в добродетелях святого старца, признался ему в своем грехе гнева и вражды, какую имел со священником, и просил прощения.

Старец сказал ему:

— *Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 7; Лк. 11, 10–11). Хорошо делаешь, брат, заботясь о скором разрешении этого великого греха; да поможет тебе Господь, так как не мое это дело помирить тебя, чадо, с умершим. Однако, возвращайся в Царьград, откуда и пришел; придя ночью к великой

[1] *Хартулариями* назывались в Греческой Церкви письмоводители при должностных лицах Церкви. — Жизнь и подвиги блаженного Никиты, тайного угодника Божия, относятся к XII столетию.

церкви Святой Софии[1], стань у великих прекрасных дверей, и кого ты прежде увидишь подходящим к дверям, тому поклонись, сообщи о нас и дай это запечатанное письмо; от него и будет тебе исправление в твоем грехе.

Диакон, исполняя повеление своего духовного отца, пошел в город, достиг ночью церковных дверей святой Софии и стал в ожидании прихода неизвестного лица. И вот, увидел он некоего приближающегося к дверям мужа, — то и был блаженный Никита, о котором идет повествование. Диакон поклонился ему, поцеловал его, подал письмо старца и высказал ему свою печаль. Муж тот, слушая признание диакона, обсудив и прочитав полученное письмо старца, облился слезами и сказал:

— Как я могу решиться на дело, превышающее мои силы? Однако, надеясь на молитвы пославшего тебя и насколько поможет Бог мне, приступлю к тому, что мне повелено.

Сказав это, он стал пред дверями и, подняв руки к небу, начал шепотом молиться. Потом, преклонив колена и приложив голову к земле, стал тихо творить молитву и, по прошествии некоего времени встав, сказал:

— Господи, отверзи нам врата Твоей милости!

Тотчас преддверие храма само собой открылось, и блаженный Никита, взяв диакона, вошел на паперть и, подойдя к самым церковным дверям, сказал ему: «Стой здесь неподвижно», сам же сделал поклон на пороге церкви; двери открылись, и он вошел внутрь. Когда, молясь, стал он посреди церкви, зажженный светильник с потолка церкви спустился над головой того мужа и осветил всю церковь; потом он пошел к жертвеннику, и там двери сами открылись; преклонив голову и молча помолившись, он вышел к диакону, и снова все двери сами собой закрылись. Видя это, диакон ужаснулся и не смел приблизиться к тому мужу, ибо великий страх объял его; кроме того, и лицо его казалось диакону как бы лицом Ангела, прославленным молитвой. И подумалось диакону: не Ангел ли это? Но не скрылось это от мужа того, и он сказал диакону:

---

[1] Здесь разумеется величественнейший великолепный собор во имя святой Софии — Премудрости Божией, построенный императором Византийским Юстинианом Великим в Константинополе в 537 году. В 1453 году, по завоевании Константинополя турками, Софийский собор обращен в мечеть.

— Зачем ты смущаешься мыслями о мне? Веруй, что и я — человек из крови и плоти, родившийся в честно́м доме и воспитанный в этом городе. Благодать Божия, если восхощет, действенна и в немощах. Пойдем же в путь, нам предстоящий!

После этого он направился к торговому месту, а диакон последовал за ним. Когда они достигли здесь церкви Пресвятой Богородицы, двери церковные по молитве опять открылись; пробыв в церкви и помолившись, угодник Божий вышел, и двери сами затворились. Диакон, смотря на это, только с ужасом говорил про себя: «Господи, помилуй!» Так пошли они ко Влахернской церкви. Впоследствии уже диакон сообразил, что замеченное им шествие по церквам совершалось столь быстро, как будто бы было подобно летанию птиц. Когда они подошли к дверям Влахернской церкви[1] и муж тот со слезами совершил молитву, тотчас, как и в других церквах, двери сами открылись; поставив диакона в дверях и приказав внимательно смотреть внутрь, сам он вошел в церковь, преклонил колена и начал усердно молиться. Диакон же, стоя в дверях, увидел внутри церкви свет, освещающий все вокруг, и некоего световидного диакона, вышедшего из алтаря и кадящего по всей церкви. Спустя немного времени он увидел лик священников, одетых в белые одежды и вышедших из алтаря на средину церкви; он увидел и другой лик священников, одетых в красные ризы; все вместе собрались они посредине церкви и пели прекрасные и какие-то особенные церковные песни, из коих диакон не мог запомнить ни одной, кроме «аллилуиа».

Муж же тот, встав после своей молитвы, сказал диакону:

— Брат, войди внутрь церкви без страха и посмотри на левый лик стоящих священников: не узнаешь ли ты того священника, с которым имел вражду?

Диакон, с трепетом войдя и приблизившись к Божиему человеку, посмотрел на левый лик и не нашел искомого священника. Ангеловидный муж повелел диакону рассмотреть также и правый лик свя-

---

[1] *Влахерны* — местность в Константинополе на западном углу города — во времена Византийской империи славились по всему Востоку своими святынями. Особенно известны были Влахерны Богородичною церковью, построенной императором Львом Великим, при котором в этой церкви в 474 году положены были честны́е ризы Пресвятой Богородицы, принесенные из Палестины.

щенников. Диакон, посмотрев, увидел того священника, с которым имел вражду, и указал на него Божиему человеку. Он же сказал диакону:

— Иди, скажи священнику, которого узнал: Никита хартуларий стоит снаружи храма и зовет тебя, чтобы ты пришел к нему!

Диакон пошел по приказанию, взял священника за правую руку и привел к Божиему человеку, который в то время уже вышел из церкви. Кротко он посмотрел на священника и тихим голосом сказал:

— Отче пресвитер, побеседуй с братом твоим, и прекратите вражду, какую имеете между собою.

Тотчас священник и диакон стали друг против друга на колени и после продолжительных приветствий прекратили вражду. Священник после прощения вошел в церковь и стал на свое место, а Никита, человек Божий, на пороге церковном сделал поклон, и тотчас двери церковные затворились. Затем вместе с диаконом пошел он в обратный путь. Пройдя некоторую часть пути, блаженный Никита сказал диакону:

— Брат Созонт, спаси душу свою для себя и для моей пользы; отцу же, пославшему тебя, скажи, что чистота его святых молитв и упование на Бога могут и мертвых воздвигнуть!

Сказав это, блаженный исчез из глаз диакона. Тот же, поклонившись тому месту, где стояли ноги дивного мужа, пошел к старцу — духовному отцу своему — со страхом и радостию, славя и благодаря Бога за то, что Он сподобил его дивным и чудесным образом примириться с умершим священником, по молитвам тайного раба Божия Никиты хартулария, столь угодившего Богу среди народа и мирских смятений.

ВОСПОМИНАНИЕ СВЯТОГО
III ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА
в Ефесе

В двадцать первый год царствования императора Феодосия Младшего, сына Аркадиева, созван был в Ефесе святой III Вселенский собор[1] по следующему поводу. Несторий, который недостойно занимал место патриарха Константинопольского[2], стал проповедовать лжеучение, сродное с учениями прежнего еретика Павла Самосатского, а также и Диодора Тарсийского[3]. Он не убоялся утверждать, что Единородный Сын Божий Христос, Который нас ради и нашего ради спасения воплотился и вочеловечился, Который предвечно рождается от Бога Отца без матери, а на земле родился, как человек, без отца, — имеет не одно Лицо или одну Ипостась, но два разных лица: одно — Божеское, а другое — человеческое. И о Пречистой Матери Господа нашего Иисуса Христа он нечестиво учил, что Ее не следует называть Богородицею, но Христородицею, не желая признавать, что Она поистине родила плотию Бога Слово. Свя-

---

[1] *Феодосий II*, или *Младший*, — восточный римский (византийский) император, внук Феодосия Великого, царствовал с 408 по 450 год. — III Вселенский собор был созван в 431 году. — *Ефес* — ионический город на западном берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во время владычества римлян — главный город Азии проконсульской; славился обширною торговлею, науками и искусствами и великолепным храмом в честь языческой богини Дианы. Впоследствии Ефес быстро пришел в упадок. В настоящее время от этого некогда знаменитого и блестящего города остались одни развалины.

[2] *Несторий* был патриархом Константинопольским с 428 по 431 год.

[3] *Павел Самосатский* (Самосат — древний город в Сирии) — епископ Антиохийский (260 год), учил об Иисусе Христе, как о человеке, достигшем Божественности и о Духе Святом, как о силе Божией; осужден на Антиохийском соборе 269 года, — Диодор, епископ Тарсийский (Тарс — главный город Киликии — юго-восточной Римской провинции в Малой Азии), — один из известных христианских богословов IV века, отличался благочестием и ученостью. Но он признавал в Иисусе Христе соединение двух естеств — Божеского и человеческого лишь нравственное, а не по существу — неслитное и нераздельное, почему многие не без основания видят в нем прямого предтечу несторианства.

той Кирилл, архиепископ Александрийский[1], много писал ему, увещевая его отстать от такого заблуждения, но, видя, что он не только не внимает его увещаниям, а еще сильнее укрепляется в своей ереси, — писал Целестину, папе Римскому[2], и другим патриархам, прося их убедить Нестория оставить свое лжеучение. Когда и они не могли отвратить нечестивого Нестория от его лжеучения, тогда православные архиереи обратились с просьбою к императору Феодосию, чтобы он созвал Вселенский собор. Феодосий повелел созвать такой собор в Ефесе. На этом соборе присутствовало двести святых отцов, из коих знаменитейшими были: святой Кирилл Александрийский, святой Ювеналий Иерусалимский[3], Мемнон Ефесский и многие другие (святой Целестин, папа Римский, не мог по болезни приехать на собор). Прибыл в Ефес и Несторий. Хотя отцы Ефесского собора и посылали троекратно к нему приглашение явиться на собор, но он всякий раз упорно отказывался. Тогда святые отцы решили начать соборные заседания без него. Осудив Нестория и его нечестивое учение, они торжественно подтвердили православное учение о том, что подобает исповедовать в Господе нашем Иисусе Христе единое Лицо и два естества и Пречистую Его Матерь восхвалять как единую Приснодеву и истинную Богородицу. Для того, чтобы еще больше обличить злочестие Нестория, святые отцы этого собора одобрили и предали святой Церкви в руководство сочинение святого Кирилла Александрийского, называемое «Двенадцать анафематизмов против Нестория».

[1] *Кирилл Александрийский* — замечательнейший и ученейший богослов христианской Церкви в V веке, ратоборец за Православие и обличитель различных ересей, особенно же — несторианства; оставил после себя многочисленные творения; скончался в 444 году.

[2] *Святой Целестин I* — папа Римский с 422 по 432 год.

[3] *Святой Ювеналий* — патриарх Иерусалимский с 420 по 458 год.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОКОЛАМСКОГО

Святой Иосиф был родом из окрестностей города Волока Ламского[1]. Прадед его был литовского происхождения, а родителей его звали Иоанном и Мариною[2]. Семи лет отдан он был в учение[3] и весьма скоро изучил Божественное Писание. Любил он часто ходить в храм Божий и, удаляясь от сверстников, всю мысль свою устремлял на угождение Богу. Презрев мирскую суету, удалился он в Боровск[4], в монастырь преподобного Пафнутия[5], который постриг его в иноческий чин[6]. Всегда пребывал он в посте и молитве и был искусным подвижником, повинуясь во всем своему духовному наставнику. По прошествии некоторого времени, взял он к себе в ту же обитель своего родного отца, принявшего также иночество, и служил ему и покоил его да самой его смерти. Восемнадцать лет пробыл он в повиновении у

[1] *Волок Ламский*, иначе называвшийся просто «Волоком», нынешний уездный город Московской губернии Волоколамск, первоначально основан был новгородскими колонистами при реке Городенке, притоке Ламы, и существовал еще в 1135 году. В древности Волок Ламский был очень обширен, многолюден и богат.

[2] Преподобный Иосиф, в миру Иван Санин, родился в 1439-м или 1440 году.

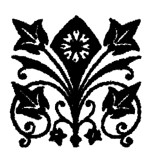
[3] Преподобный Иосиф обучался грамоте в Воздвиженском монастыре.

[4] *Боровск* — ныне уездный город Калужской губернии — расположен на правом берегу крутой излучины реки Протвы, в восьмидесяти верстах от Москвы и в таком же приблизительно расстоянии от Калуги. Город существует с XIII столетия и получил название от крупных сосновых лесов (боров), окружающих его и по настоящее время.

[5] Преподобный Пафнутий Боровский преставился в 1478 году. Память его совершается 1 мая.

[6] Это было около 1459 года.

святого Пафнутия. По смерти своего учителя и наставника он был сделан игуменом его обители, которою и управлял около двух лет. Затем удалился он с некоторыми из братий в лес, окружающий город Волок Ламский, и построил там монастырь, в котором воздвиг каменную церковь в честь Успения Божией Матери[1]. Много собрал он братии и устроил самое строгое общежитие. Сам он одевался как нищий, так что никто не мог отличить в нем настоятеля. Ревностно подвизался он против ереси «жидовствующих»[2] и написал в обличение ее книгу. Кроме того, написал он и устав для своей обители. Во время голода его монастырь доставил пропитание многим бедным. Преподобный преставился 9 сентября, в лето от сотворения мира 7024-е[3], в княжение великого князя Василия Иоанновича, прожив всего семьдесят пять лет. Святое тело его положили близ алтаря соборного храма его обители[4].



---

[1] Это было в 1479 году.

[2] Ересь «жидовствующих» возникла во второй половине XV века в Новгороде, где распространителем ее был приезжий жид Схария, и отсюда перешла в Москву, получила широкое распространение и угрожала Православной Церкви великими смутами. Самым выдающимся и энергическим борцом против ереси явился преподобный Иосиф Волоколамский, который написал против них так называемый «Просветитель», сочинение в шестнадцати книгах, подробно изобличающее их лжеучения. Ересь «жидовствующих» заимствовала многое из иудейства, откуда и получила свое наименование; «жидовствующие» отрицали Боговоплощение и Божество Иисуса Христа; отрицали монашество и духовную иерархию, таинства, почитание святых и икон, отрицали загробную жизнь и так далее. Собор 1504 года предал проклятию еретиков, осудил некоторых еретиков на сожжение и прекратил дальнейшее распространение ереси.

[3] От Рождества Христова в 1515 году.

[4] Мощи преподобного Иосифа Волоколамского в настоящее время почивают под спудом в его обители.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФАНА,
постника и исповедника

Родители Феофана были язычники, он же обратился ко Христу еще в детстве. Будучи еще младенцем, он увидал ребенка, умиравшего от холода; сжалился над ним, снял с себя одежду и надел на него. Когда, после того, пришел он домой, родители спросили его:

— Чадо, где твоя одежда?

Он отвечал:

— Я одел ею Христа.

Отец спросил его:

— Кто это Христос? Мы почитаем Меркурия и Аполлона.

После этого отрок ушел от своих родителей. Ангел Господень взял его и возвел на гору Диавис, где поручил его одному постнику, который семьдесят пять лет проводил монашескую жизнь. Старец принял отрока и стал учить его иноческой жизни и священным книгам. Их обоих питал Ангел. Чрез пять лет после того старец преставился. По его кончине, отрок жил в пещере, проводя постническую жизнь пятьдесят восемь лет. Затем, получив повеление от Ангела Божия, он вышел из пещеры и, сев на льва, проехал шестьдесят поприщ, проповедуя веру Христову. Цари Кар, Карин и Нумериан[1] велели схватить его и бить: преподобному нанесено было сто ударов по шее, после чего он претерпел еще многие мучения. Когда мучители увидали, как много он творит чудес и какое великое число людей приходит к нему и получает святое крещение, они устыдились своего бессилия и мирно отпустили его. Он возвратился в свою пещеру и, прожив в ней еще семнадцать лет в строгом посте, преставился ко Господу[2].

В тот же день **память святого мученика Харитона**, обезглавленного мечом.

---

[1] *Кар, Нумериан* и *Карин* — преемственно царствовавшие императоры римские: Кар — с 282 по 283 год, а Нумериан и Карин, сыновья Кара, вместе с 283 по 284 год.

[2] Кончина преподобного Феофана последовала около 300 года.

День десятый

ЖИТИЕ и СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ МИНОДОРЫ, МИТРОДОРЫ и НИМФОДОРЫ

Три девы — Минодора, Митродора и Нимфодора — принесли себя в дар Пресвятой Троице. Иные приносят дары Богу от своего имения, — подобно тому как некогда три восточных царя принесли Ему золото, ладан и смирну[1] (см.: Мф. 2, 11); девы же святые принесли Богу дары от внутренних своих сокровищ. Они принесли Ему вместо золота свои души, искупленные не тленным золотом, а честною кровию непорочного Агнца[2] (см.: 1 Пет. 1, 19); вместо ладана принесли чистую совесть, говоря вместе с апостолом: *Ибо мы Христово благоухание*[3] (2 Кор. 2, 15); вместо смирны принесли в дар Гос-

---

[1] Волхвы, принесшие дары Младенцу Христу, были родом из Персии и принадлежали к почетному сословию мудрых и ученых людей. По преданию, они были народными вождями и потому здесь названы царями. Они принесли Спасителю в дар лучшее из всего, чем славилась восточная родина их: *золото* — как дань Царю царей, *ливан* или *ладан* — как чистую, благоухающую, бескровную жертву Богу, *смирну* (благовонную смолу), которою иудеи намащали тела умерших, — как будущему Мертвецу, Своею смертью имеющему разрушить царство смерти.

[2] Состояния людей до обращения их ко Христу апостол сравнивает с состоянием рабства. От рабства можно было освободиться выкупом; от рабства же греху и суетной жизни искупила нас кровь непорочного Христа, называемого в Священном Писании Агнцем (например, Ин. 1, 29). Ср.: Рим. 3, 23–25 и Еф. 1, 4–7.

[3] Познание об Иисусе Христе, распространяемое в мире проповедью о Нем, апостол Павел сравнивает с благоуханием мира. Как в Ветхом Завете сосуды священные и служители скинии, помазываемые миром, распространяли вокруг себя

поду самое тело, отдав его еще в непорочном девстве на раны за Христа. Святые девы твердо были убеждены в том, что Господь требует не временного богатства нашего, но нас самих, как некогда сказал Давид: *Ты — Господь мой; блага мои Тебе не нужны* (Пс. 15, 2). Поэтому они и принесли в жертву Богу самих себя, как это ясно видно из святой их жизни и мужественных страданий.

Святые девы родились в Вифинии[1]. Сестры по плоти, они остались сестрами и по духу: ибо единодушно предпочли лучше служить Богу, нежели быть рабынями мира и всей его суеты. Желая же вместе с душою и тело сохранить неоскверненным и в совершенной чистоте соединиться с чистым Женихом своим, Христом Господом, святые девы последовали Его призыву: *И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому;*

благоухание, так в Новом Завете апостолы, будучи как бы сосудами благовоннейшего мира — познания Христа, были исполнены благоухания и, проповедуя о Христе, распространяли это благоухание повсюду.

[1] *Вифиния* была в то время северо-западной провинцией Малой Азии; она лежит по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом. До половины VI века до Рождества Христова вифины были свободны, самостоятельны и известны, как искусные моряки. В 546 году до Рождества Христова они подпали под власть персов, но ненадолго, и с 327 года Вифиния была опять самостоятельным государством. В 75 году до Рождества Христова царь Никомид III, умирая, завещал свою страну римлянам, которые и присоединили ее к своей империи на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось еще во времена апостольские (см.: 1 Пет. 1, 1). Во времена Плиния Младшего, правившего Вифинией, и императора Траяна (98–117 гг. по Рождестве Христовом) здесь было очень много христиан, не только в городах, но и в селах и деревнях. При Диоклетиане (284–305) в Вифинии были страшные гонения на христиан. В IV и V веках Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: в ней было много церковных соборов по поводу различных ересей. Подпадая последовательно то под власть сельджуков, то под власть сарацин, в 1332 году Вифиния подчинена была турками, под властью которых находится и теперь. Она входит в состав двух наместничеств (вилайетов), Кодавендкиар и Кастамуни, и имеет семьсот тысяч жителей. Вифиния разделяется на две провинции: в первой главный город — Брусса (в древн. Прузиада), в другой — Никомидия. Во главе церковного управления стоит архиепископ Никомидийский, которому подчинены двенадцать епископов, назначаемых Константинопольским Синодом.

и Я приму вас (2 Кор. 6, 17)[1]. Всего более возлюбив девическую чистоту и зная, как трудно сохранить эту чистоту среди народа, склонного к любодеянию и непрестанному греху, святые девы оставили людское общество и, отстранив себя от всего мира, поселились в уединенном месте. Подобно тому, как воды речные, впадающие в море, лишь только сольются с морскими водами, тотчас теряют свою сладость и становятся солеными, — и чистота душевная, пребывая среди мира, не может не заразиться его сластолюбием. Так, дочь Иакова, Дина, сохраняла свою девическую чистоту, пока не отдала себя в языческий город Сихем; но как только познакомилась с жившими в том городе дочерьми и вступила с ними в общение, тотчас погубила свое девство[2]. Мир этот с своими тремя дочерьми — похотью плоти, похотью очей и гордостью житейскою[3] (см.: 1 Ин. 2, 16) — тот же Си-

---

[1] Этими словами Самого Господа, сказанными некогда народу еврейскому через пророка Исаию (см.: Ис. 52, 11), апостол Павел убеждал христиан, как призванных быть детьми Отца небесного, очиститься от всего скверного.

[2] О Дине упоминается в книге Бытия: 30, 21; 34, 1; 46, 15. Во время пребывания Иакова в стране Сихемской, Дина из любопытства пошла посмотреть на тамошних девиц. В это время сын Сихемского князя, плененный ее красотой, самовольно похитив ее, увел к себе и обесчестил.

[3] Апостол увещевал христиан не любить мира и не прилепляться к нему. В мире действуют три страсти — похоть плоти, похоть очей и похоть ума, или гордость житейская. Они возымели силу еще во время грехопадения первых людей: когда диавол соблазнял Еву вкусить запрещенный плод, то в ее душе открылись именно

хем и ни о чем другом не заботится, как только причинять вред тем, кто питает к нему любовь, как смола чернит прикасающихся к ней, так и мир делает почитателей своих скверными и нечистыми. Блажен поэтому тот, кто избегает мира, чтобы не запятнать себя его нечистотою; блаженны и эти три девы, бежавшие от мира и от злых его дочерей. Не очернили святых дев мирские скверны, и они остались чистыми, как белые голубки, летая на крыльях добродетели и Боговидения по горам и пустыням и желая найти приют, как в гнезде, в любви Божественной. Так у пустынников, живущих вне суетного мира, бывает одно только непрестанное стремление к Богу.

Для своего местопребывания святые девы избрали один высокий и пустынный холм, находившийся в двух поприщах[1] от теплых источников в пифиях[2]. Поселившись здесь, они обрели тихое пристанище и надежный покой и проводили свою жизнь в посте и непрестанных молитвах. Святые девы скрыли свою девическую чистоту от взоров людских в пустыне и вознесли чистоту эту на высокий холм, чтобы ее видели Ангелы; они взошли на самую вершину горы, чтобы, отряхнув прах земной, удобнее приблизиться к небу. О том, как добродетельна была их жизнь, можно судить по самому месту их пребывания. Ибо что означает пустыня, как не отвержение всего и уединение? О чем свидетельствует высокий холм, как не о Богомыслии? Что знаменуют теплые воды, при коих поселились святые девы, как не сердечную их теплоту к Богу? Как израильтяне, избавившись от рабства египетского, должны были пройти пустыню[3]; так святые

эти страсти. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи*, то есть она предположила необыкновенно приятный вкус в плоде запрещенном, — вот похоть плоти. *И что оно приятно для глаз*, то есть жене показался более всех красивым этот плод — вот похоть очей или страсть к наслаждению. *И вожделенно, потому что дает знание*, то есть жене захотелось изведать того высшего Божественного знания, которое сулил ей искуситель, — это похоть ума или гордость житейская (Быт. 3, 6). Со стороны этих же страстей искушал диавол и нашего Спасителя (Мф. 4, 1–11). Господь наш Иисус Христос одержал победу над начальником зла и оставил нам пример, как отражать искушения диавольские победоносным оружием слова Божьего.

[1] Два поприща — около трех километров.

[2] Так называлась местность близ города Никомидии. Впоследствии здесь император Юстиниан с 527 по 565 год построил дворец, больницу и храм во имя Архангела Михаила.

[3] История странствования евреев по пустыне Аравийской изложена в книге Числ. гл. 11–21.

девы, выйдя из мира, возлюбили пустынную жизнь. Как Моисей, взойдя на гору, узрел Бога (см.: Исх. 34, 4, 6), — так и они, обитая на высоком холме и возводя очи свои к Господу, ясно созерцали Его своим умственным взором. Как в пустыне из камня, от удара в него жезлом, истекали воды (см.: Чис. 20, 2–11), — так от смиряющих ударов в грудь лились из очей святых дев потоки слез. И эти горячие слезы такую имели силу, какой не было у источников теплых вод: воды могли омыть только телесную нечистоту, а слезы очищали душевные пороки и делали душу белее снега. Но что было и очищать слезами у тех, которые, очистив себя от всякой скверны, и телесной и душевной (см.: 2 Кор. 7, 1), жили на земле, как Ангелы? Если в чьем-либо сердце и могут зародиться слезы от воспоминания о множестве грехов, то в этих чистых девах плач происходил только от любви к Богу. Ибо где любовь к Богу горит пламенным огнем, там не могут не быть потоки слез. Такова сила этого огня, что когда он возгорится, как в печи, в чьем-либо сердце, то насколько будет разрастаться пламя, настолько увеличится и роса: ибо сколь велика любовь, столь велико и умиление. Слезы рождаются от любви: потому и о Христе, когда Он прослезился над Лазарем умершим, говорили: *смотри, как Он любил его* (Ин. 11, 36). Святые девы плакали, совершая свои молитвы и размышляя о Боге: ибо они любили своего Господа и желали насытиться Его лицезрением; со слезами они ожидали того времени, когда увидят возлюбленного Жениха небесного. Каждая из них повторяла слова Давида: *Когда прийду и явлюсь пред лице Божие? Были слезы мои для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41, 3–4)[1]. И день и ночь мы плачем о том, говорили святые девы, что так долго не настает то время, когда мы явимся пред лицом Сладчайшего Жениха нашего Иисуса Христа, насытиться видением Которого мы также сильно желаем, как олень жаждет источников воды (см.: Пс. 41, 1).

Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14)[2]; так и святые девы, хотя своею особенною жизнию совершенно отстранили себя от мира, были явлены людям Самим Богом. Чудес-

[1] То есть слезы мои сделались для меня как бы всегдашней пищей.

[2] Слова Спасителя, сказанные Им апостолам (см.: Мф. 5, 14). Это значит, что душа, украшенная добродетелями, приблизившаяся к Богу, не может укрыться от внимательных очей.

ные исцеления больных, совершавшиеся по молитвам святых дев, как громогласные трубы, пронесли о них весть по всей стране. Тогда царствовал злочестивый Максимиан[1], а страною Вифинийскою управлял князь Фронтон. Услышав о святых девах, князь повелел схватить их и привести к нему. Христовы агницы, которым и звери пустынные не причинили никакого вреда, были взяты людьми зверообразными и зверонравными и приведены к мучителю. Как три Ангела, стали три девицы на суде нечестивцев. Им должно было бы предстоять Самому, в Троице славимому, Богу, а не грешным людям, не достойным даже взирать на лица святых дев, сиявшие ангельскою красотою и благодатию Святого Духа. Сам мучитель удивлялся, как такая красота, какой он никогда не видел и в царских дворцах, могла сохраниться в пустыне. Ибо, хотя тело святых дев было совершенно изнурено от поста и многих подвигов, но лица их не только не утратили своей девственной красоты, но еще более просияли ею. Где сердце было полно духовною радостию и веселием, там не могла увянуть красота лица: *сердцу веселящуся*, говорится в Священном Писании, *лице цветет* (слав. Притч. 15, 13). Есть и в воздержании нечто такое, что, вместо изнурения, придает лицам человеческим красоту; так некогда Даниил и с ним три отрока, хотя жили в посте и в воздержании, но красотой своей выделялись из всех отроков царских (см.: Дан. 1, 5–16). То же было и со святыми девами, и красота этих цветов пустыни, дочерей Божиих, превосходившая всякую красоту дочерей мирских, была непостижима для ума человеческого.

Князь прежде всего спросил святых дев, как их зовут и откуда они родом.

Они отвечали, что по имени Христа они называются христианками, а при святом крещении даны им имена — Минодора, Митродора и Нимфодора, что они родные сестры и родились в этой же стране Вифинийской.

---

[1] *Максимиан Галерий*, соправитель первого на востоке Римской империи и после его преемник с 305 по 311 год. Гонение на христиан при Диоклетиане началось в 303 году. Причиною гонения был Галерий, убедивший Диоклетиана издать общий закон против христиан. Закон предписывал — христианские храмы разрушать, сожигать книги Священного Писания и лишать христиан всех гражданских прав и должностей. Гонения при Диоклетиане отличались, во-первых, жестокостью мучений, во-вторых, обилием числа мучеников, умерщвляемых зараз от десяти до ста и более в один день.

Князь продолжал речь свою и, надеясь ласковыми речами привести святых дев к своему злочестию, сказал им:

— Прекрасные девы! Великие боги наши возлюбили вас и почтили такою красотою; они готовы еще почтить вас и большим богатством, только вы воздайте им честь и вместе с нами поклонитесь им и принесите им жертву; я же воздам вам хвалу перед царем. И когда увидит вас царь, возлюбит вас и почтит многими дарами, выдаст вас замуж за великих сановников, и вы, больше чем другие жены, будете наслаждаться честию, славою и богатством.

Тогда старшая сестра, Минодора, сказала:

— Бог сотворил нас по Своему образу и подобию; Ему мы поклоняемся, а о иных богах мы не хотим и слышать; дары же ваши и почести так же нужны нам, как нужен кому-либо сор, ногами попираемый. Ты обещаешь нам от твоего царя благородных мужей, но кто же может быть лучше Господа нашего Иисуса Христа, Которому мы с верою уневестили себя? С Ним мы вступили в чистое супружество, к Нему прилепились душою, с Ним соединились в любви; Он — наша честь, слава, богатство, и никто, не только ты и твой царь, весь мир этот не в силах разлучить нас.

Митродора, вторая сестра, сказала:

— *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Что такое для нас мир этот против возлюбленного Жениха и Господа нашего? То же, что грязь против золота, тьма против солнца, желчь против меда. Ужели же мы ради суетного мира изменим Господу в любви и погубим свои души? Никогда!

— Много вы говорите, — сказал мучитель, — потому что не видели мучений, не приняли ран; иначе вы будете говорить, когда узнаете их.

— Ужели ты думаешь, — смело отвечала младшая сестра, Нимфодора, — устрашить нас мучениями и жестокими ранами? Собери сюда со всей вселенной орудия мучений, мечи, колья, когти железные, призови со всего света всех мучителей, соедини вместе всевозможные мучения и предай им наше слабое тело; увидишь ты, что скорее сокрушатся все те орудия, у всех мучителей устанут руки и все виды мучений твоих истощатся, нежели мы отвергнемся от Христа нашего: горькие муки за Него для нас будут сладким раем, а смерть временная — вечной жизнью.

Но князь продолжал их убеждать.

— Советую я вам, — говорил он, — как отец: послушайте меня, дети, и принесите жертву нашим богам. Вы — родные сестры: не захотите же вы видеть друг друга в стыде, бесчестии и муках, не захотите видеть вашу красоту увядающей. Не правду ли говорю я? Разве не на пользу вам мои слова? Поистине даю я вам отеческий совет, потому что не желаю видеть вас обнаженными, битыми, терзаемыми и раздробляемыми на части. Исполните же мою волю, чтобы не только у меня, но и у царя могли вы приобрести благоволение и, получив все блага, прожить всю жизнь в благополучии. Если же вы не послушаете меня теперь, то тотчас же будете преданы горьким мучениям и тяжким болезням, и красота ваша погибнет.

— Судья! — сказала Минодора, — нам неприятны твои ласкательства и угрозы твои нам не страшны: мы знаем, что наслаждаться вместе с вами богатством, славою и всеми временными удовольствиями — это то же, что приготовлять себе вечную горесть в аду, терпеть же за Христа временные мучения — значит заслужить вечную радость на небесах. То благополучие, какое ты нам обещаешь, непостоянно; мучения, какими ты грозишь нам, — временные; мучения же, уготованные нашим Владыкой тем, кто ненавидит Его, — вечны, и множество милости, хранимой Им для любящих Его, — бесконечно. Мы не желаем ваших скоропреходящих благ и временных мучений ваших не боимся; страшимся же мук адских и стремимся к благам небесным, потому что они вечны. Но самое главное — так как мы любим Христа, Жениха нашего, то единодушно желаем за Него умереть, и умереть вместе, чтобы видно было, что мы сестры еще более по духу, нежели по телу. Как одна утроба произвела нас в мир, так пусть и одна смерть изведет нас из мира этого, пусть один чертог Спасов примет нас и там пребудем вовеки.

После этих слов она возвела очи свои на небо и сказала:

— Иисусе Христе, Боже наш! Мы не отвергнемся от Тебя перед людьми, не отвергнись и Ты от нас пред Отцом Твоим небесным.

И снова, обратясь к мучителю, стала говорить:

— Мучай же нас, судья! Уязвляй ранами то тело, которое кажется тебе прекрасным; для тела нашего не может быть лучшего украшения — ни золота, ни жемчуга, ни многоценных одежд, — чем раны за Христа нашего, каковые мы давно желаем принять.

— Ты — старшая по возрасту и по разуму, — сказал ей князь, — и должна бы других учить повиноваться велениям царским и нашим; а ты и сама не слушаешь и этих развращаешь. Умоляю тебя: послушай же меня, исполни, что я тебе повелеваю, поклонись богам, чтобы и сестры твои, следуя твоему примеру, сделали то же.

— Напрасно ты трудишься, князь, — отвечала святая, — напрасно стараешься отлучить нас от Христа и склонить нас к поклонению идолам, которых вы называете богами. Ни я, ни сестры мои не сделаем этого: ибо у нас одна душа, одна мысль, одно сердце, любящее Христа. Поэтому советую тебе не тратить более слов, а испытать нас самым делом: бей нас, секи, жги, раздробляй на части; тогда увидишь, послушаем ли мы твоего безбожного повеления. Христовы — мы, и умереть за Христа готовы.

Выслушав такую речь, князь Фронтон пришел в ярость и весь свой гнев излил на Минодору. Удалив двух младших сестер, он приказал раздеть Минодору донага и бить ее. Четыре палача стали бить святую, а глашатай в это время восклицал: «Воздай честь богам и хвалу царю и не оскорбляй наших законов».

Два часа били святую Минодору. Наконец, мучитель сказал ей:

— Принеси же богам жертву.

— Ничего другого я и не делаю, — отвечала мученица, — как только приношу жертву. Разве ты не видишь, что я всю себя принесла в жертву Богу моему?

Тогда мучитель приказал слугам бить святую Минодору еще сильнее. И били ее по всему телу немилосердно, сокрушая суставы, ломая кости и раздробляя тело. Но святая дева, объятая пламенною любовию и стремлением к бессмертному своему Жениху, доблестно терпела муки, как бы не чувствуя боли.

Наконец, она воскликнула из глубины сердца:

— Господи Иисусе Христе, веселие мое и любовь моего сердца, к Тебе прибегаю; надежда моя, молю Тебя: приими с миром душу мою.

С этою молитвою святая испустила дух и отошла к своему возлюбленному Жениху, вместо многоценных украшений вся покрытая ранами.

Спустя четыре дня мучитель призвал на суд Митродору и Нимфодору и приказал принести и положить у ног их мертвое тело старшей их сестры. Честное тело святой Минодоры лежало нагое, без

всякого покрова; оно с ног до головы было покрыто ранами, все суставы были сокрушены. Такое зрелище у всех вызвало глубокое сострадание. Мучитель как бы хотел сказать юным девам: «Видите, что стало с вашей сестрой, то же будет и с вами»; он надеялся, что, при виде тела своей сестры, с такой жестокостью замученной, девы устрашатся и исполнят его волю. Все предстоящие, смотря на истерзанное мертвое тело, не могли заглушить в себе естественной жалости и не скрывали слез своих: один только мучитель был тверд, как камень, и только еще более ожесточался. Хотя сама природа и любовь к своей сестре побуждали и святых дев, Митродору и Нимфодору, к слезам, но еще большая любовь к Христу удерживала их от плача. У них была твердая надежда, что их сестра уже наслаждается весельем в чертоге своего Жениха и ждет, что и они, украшенные такими же ранами, поспешат предстать перед лицом всевожделенного Господа. Поэтому, взирая на лежащее пред ними святое тело, они говорили:

— Благословенна ты, сестра и матерь наша: ты удостоилась мученического венца и вошла в чертог Жениха твоего. Помолись же преблагому Господу, Коего ты ныне видишь, чтобы Он теперь же повелел и нам прийти к Нему твоим путем, удостоил нас поклониться Ему, Великому Богу, насладиться любовью Его и вечным с Ним весельем. А вы, мучители, для чего медлите и не убиваете нас? Зачем лишаете участи нашей возлюбленной сестры? Почему тотчас не подносите нам смертную чашу, коей мы жаждем, как сладчайшего питья? Вот, кости наши готовы на раздробление, ребра готовы на жжение, тело наше — на растерзание, глава — на отсечение, сердце — на мужественное терпение. Начинайте же свое дело, не ждите от нас более ничего: мы не преклоним колен пред ложными богами. Вы видите, как мы усердно желаем смерти. Чего же вы еще хотите? Умереть вместе с сестрой нашей за Христа Господа, Жениха нашего прелюбезного — вот наше единственное желание.

Судья видел, как они бесстрашны, и верил, что их желание смерти за Христа непреклонно, однако все еще старался ласками привести их к единомыслию с ним и с лукавством продолжал уговаривать их.

Но сестры отвечали:

— Когда же ты перестанешь, окаянный мучитель, противиться нашему твердому решению? Ты знаешь, что мы от одного корня

ветви, что мы родные сестры: будь же уверен, что мы и мысль одну имеем. Ты мог уразуметь это от той же замученной тобою сестры нашей. Если она, не имея пред глазами своими ни одного примера мужества в страдании, проявила такое непобедимое терпение, — то что же должны сделать мы, при виде нашей сестры, подавшей нам собой пример? Разве ты не видишь, как она, хотя и лежит с сомкнутыми устами, своими открытыми ранами поучает нас и увещевает к страдальческому подвигу? Нет, мы не разлучимся с нею, не разорвем родственного нашего союза, но умрем за Христа так же, как и она умерла. Отрекаемся от богатств, вами обещанных; отрекаемся от славы и от всего, что из земли и в землю снова возвратится; отрекаемся от смертных женихов, так как имеем Нетленного: Его только Одного мы любим, и Ему, вместо приданого, приносим нашу смерть, чтобы сподобиться бессмертия в вечном, чистом и святом Его чертоге.

Потеряв тогда всякую надежду, мучитель пришел в страшную ярость и, удалив младшую сестру, велел повесить Митродору и опалять ее тело свечами. Так мучили Митродору в продолжение двух часов. Претерпевая мучение, святая возводила свои очи к Единому возлюбленному Жениху своему, за Которого она страдала, прося у Него помощи. Ее сняли с дерева опаленную, как уголь, но мучитель велел сильно бить ее железными жезлами, сокрушая все ее члены. В таких мучениях святая Митродора, призывая Господа, предала в Его руки чистую свою душу.

Когда она скончалась, привели и третью агницу Христову, Нимфодору, чтобы она увидела мертвые тела своих двух сестер и, устрашившись их жестокой смерти, отреклась от Христа.

Князь стал с лукавством говорить ей:

— Прекрасная дева! Твоей красоте я изумляюсь больше, чем красоте других, и сожалею о твоей молодости. Клянусь богами, что я полюбил тебя, как родную дочь. Поклонись только богам, и тотчас же заслужишь у царя великое благоволение: он наградит тебя имением и осыплет почестями. Если же не сделаешь этого, так же погибнешь, увы мне, как и твои сестры, которых тела перед тобою.

Слова эти святая дева считала просто ветром: она не только не внимала им, но, напротив, укоряла идолов и идолопоклонников и,

как Давид, говорила: *Идолы* (язычников) *серебро и золото, дело рук человеческих... Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них* (Пс. 113, 12, 16)[1].

Беззаконник, видя, что словами он не добьется успеха, велел повесить ее нагую и строгать ее тело железными когтями. Она же в таких муках не проявила ни малейшего нетерпения, не испустила ни крика, ни стона, и только, возведя свои очи на небо, безмолвно двигала своими устами, что было знакомее усердной молитвы. И когда глашатай восклицал: «Принеси жертву богам, и будешь освобождена от мучений», святая говорила:

— Я принесла себя в жертву Богу моему; страдание за Него мне сладость, а смерть — приобретение.

Наконец, мучитель велел бить ее железными жезлами до смерти, и святая Нимфодора была убита за исповедание Иисуса Христа.

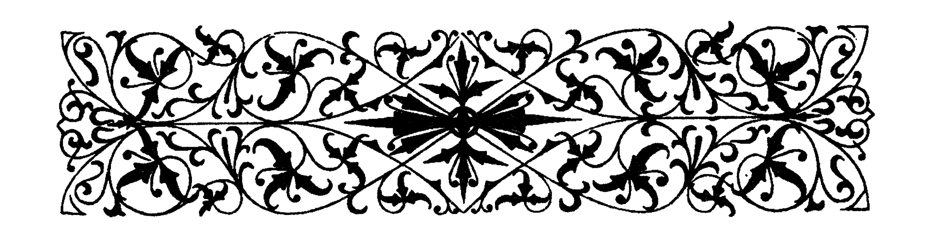
Так троица дев прославила своей страдальческой кончиной Пресвятую Троицу.

Мучитель, однако, не удовольствовался страданиями девиц, но и на мертвых даже излил свою неукротимую ярость. Он повелел развести большой костер и ввергнуть в него тела святых мучениц. Как только это было исполнено, вдруг с великим громом ниспал с неба огонь и мгновенно попалил князя Фронтона и всех его слуг, мучивших святых дев. На разведенный же костер пролился великий дождь и угасил огонь. Взяв тела святых, неповрежденные пламенем, верующие с честью предали их погребению, положив их близ теплых вод в одном гробе. Так тех, кого родила одна утроба, принял один гроб, чтобы неразлучные при жизни были бы вместе и по смерти. Сестры на земле, они остались сестрами и на небе, сестры — во гробе, сестры — и в чертоге Жениха своего. Над их телами соорудили во имя их храм[2], и исцеления от их мощей истекали, как реки, в славу Пресвятой Троицы и в память святых трех дев, по молитвам которых и мы да сподобимся узреть Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога. Слава Ему вовеки. Аминь.

---

[1] То есть идолы — дело рук человеческих; и сами идолопоклонники делаются подобными идолам, — лишенными ума, бесчувственными, как и их идолы.

[2] В честь святых мучениц есть служба, канон составлен преподобным Иосифом песнописцем († в 883 году).



ЖИТИЕ
СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ
ПУЛЬХЕРИИ

Греческий император Аркадий[1], умирая, оставил после себя восьмилетнего сына Феодосия и трех дочерей — Пульхерию, Аркадию и Марину. Пульхерия, бывшая по годам старше брата, отличалась разумом и скромностию. То был великий дар Божественного промысла Греческому царству — в помощь юному Феодосию и в защиту Православия от нападений еретиков[2]. Мудрая не по годам, она принята была братом в соцарствование и получила титул Августы[3]. Ей было шестнадцать лет, когда, достигши власти, она начала управлять Греческой империей не с разумением жены, а с мудростию мужа, вызывая удивление всего тогдашнего мира: так дано было ей от Бога за чистоту ее жизни. Ибо по любви своей к Богу, а также заботясь о мире и спокойствии своих подданных, она отказалась от замужества, чтобы не было каких-либо раздоров между ее мужем и братом, и, обручив себя Богу, до смерти пребывала в девстве: а в знак поручения своего девства Богу устроила в соборной[4] церкви святой престол из золота и драгоценных камней — дивной работы и многоценный. Сестер своих она также убеждала хранить девство, и они дали Богу обет хранить девическую чистоту до самой кончины

---

[1] *Аркадий* царствовал с 395 по 408 год.

[2] *Несториан* и *евтихиан*, о них смотри ниже.

[3] Титул этот перешел к христианским Греческим императорам от языческих Римских, которые все назывались, в прибавление к собственному имени, Августами — в честь первого Римского императора, носившего это имя; отсюда наше слово «Августейший».

[4] То есть в патриаршей.

своей и жили вместе с ней в посте и молитвах, повинуясь ей не только как старшей сестре, но и как матери и царице.

Пульхерия была вместо матери и брату своему, императору Феодосию, и всячески заботилась о нем, научая его страху Божиему. Хорошо зная греческий и латинский языки, она сама была его учительницей и учила его не только книгам, но и благонравию; она давала ему наставления в том, каков он должен быть в беседе, как должен вообще держать себя, как наказывать и миловать виновных, словом, — учила его всему тому, что необходимо для доброго правителя. И доброе семя пало не на худую землю, ибо он во всем слушался ее; и полученное им доброе воспитание привело к тому, что, достигши зрелого возраста, он более других царей был добр, кроток, терпелив, незлобив, мудр, рассудителен и милосерд; но, кроме воспитания, и молитвы святой Пульхерии помогали ему в жизни. Она устроила благолепный храм во имя Пречистой Богородицы во Влахернах[1] и многие другие церкви и монастыри и раздавала обильную милостыню нищим. Ее заботами Греческое царство пребывало, кроме внутренних еретических волнений, в мире и тишине.

Когда Феодосию пошел двадцатый год и настало время ему вступить в супружество, блаженная Пульхерия озабочена была приисканием ему достойной жены. В это время из Афин[2] прибыла в Царьград одна девица, по имени Афинаида, языческой веры, прекрасная собою, скромная и разумная, дочь славного философа[3] афинского Леонтия, наученная отцом астрономии, геометрии и всякой эллинской[4] мудрости и превосходившая разумом многих мудрецов. В Царьград явилась она по следующему поводу. Отец, умирая, разделил все свое достояние между двумя сыновьями своими Валерием и Аэцием, а ей не оставил ничего, кроме нескольких золотых монет; когда же

---

[1] *Влахерны* — местность в Константинополе на западном углу города — во времена Византийской империи славились по всему Востоку своими святынями. Особенно известны были Влахерны Богородичною церковью, построенной императором Львом Великим, при котором в этой церкви в 474 году положены были честные ризы Пресвятой Богородицы, принесенные из Палестины.

[2] Город в Греции, теперь столица.

[3] *Философ* — мудрец.

[4] *Эллинский* — греческий; иногда это слово значит языческий; ко времени Рождества Христова греки были самым образованным народом древности.

родственники и соседи спрашивали его, что он оставляет своей дочери, Леонтий отвечал: «Довольно с нее ее красоты и мудрости».

По смерти отца два брата разделили между собою все отцовское имущество, а сестре не дали ничего: с жалобою на братьев она и явилась в Константинополь. Увидев ее, святая Пульхерия обратила внимание на ее красоту, благонравие и ум и решила женить на ней брата. Но сначала она привела ее к вере Христовой и приблизила ее к себе, как родную дочь, и только тогда уже как достойную брака с царем выдала за Феодосия. В святом крещении ей было дано имя Евдокии. От брака ее с Феодосием родилась дочь Евдокия, бывшая впоследствии замужем за Римским императором Валентинианом III[1].

В царствование императоров Феодосия и Валентиниана[2] стараниями блаженной Пульхерии был собран III Вселенский собор в Ефесе[3] против нечестивого Нестория[4]. Пульхерия имела великую ревность по благочестию и своими увещаниями обратила брата, который начал было увлекаться ересью и отдаляться от истинного учения[5], и утвердила его в Православии, за что и почтена была многими похвалами от святых отцов. Но прошло несколько лет, и враг рода человеческого, не желая более терпеть ударов, наносимых ереси святой Пульхерией, вооружился против нее и замыслил удалить ее от царского престола и от власти, что и удалось ему на некоторое время, так как Бог попускает иногда, чтобы святые угодники подвергались искушениям. Искушение святой Пульхерии началось следующим образом. У императора Феодосия был один евнух[6], по имени Хриса-

---

[1] Царствовал с 423 по 455 год.

[2] Здесь разумеется *Валентиниан III*, современник Феодосия II.

[3] *Ефес* — ионический город на западном берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во время владычества римлян — главный город Азии проконсульской; славился обширною торговлею, науками и искусствами и великолепным храмом в честь языческой богини Дианы. Впоследствии Ефес быстро пришел в упадок. В настоящее время от этого некогда знаменитого и блестящего города остались одни развалины.

[4] О Нестории и Третьем Вселенском соборе см. на стр. 227–228.

[5] Феодосий сделал было Нестория архиепископом Константинопольским.

[6] *Евнух*, с греческого языка, значит: «хранитель постели»; так назывались в Византии особые придворные чиновники, заведовавшие царской спальней; вместе с тем обычно это были самые приближенные к царю лица.

фий, любимец и советник императора, человек лукавый, злобный и сребролюбивый. Он враждебно относился к патриарху Флавиану[1], преемнику святого Прокла. Флавиан был вполне достоин патриаршества за свое благочестие и безукоризненную жизнь, а Хрисафий был еретик[2] и потому не сочувствовал оставлению Флавиана в патриархи. Желая возвести на Флавиана какое-нибудь обвинение, Хрисафий потребовал от него, чтобы он поднес императору какой-либо дар «на благословение», как новопоставленный святитель. Флавиан, приказав изготовить несколько хлебов из чистой муки, отправил их во дворец; но Хрисафий не принял их, говоря, что «на благословение» патриарх должен прислать не хлебы, а золото. Патриарх через посланных ответил: «Хрисафий хорошо знает, что церковное золото и серебро — Божие, и никому не может быть отдано, кроме разве нищих».

Этим он еще более вооружил против себя Хрисафия, который стал изыскивать способ погубить патриарха, но, видя, что блаженная Пульхерия по благочестию своему сильно держит сторону патриарха, которому поэтому трудно было причинить какое-либо зло, он стал строить новые козни и против нее: он начал сеять раздор между ней и царицею Евдокией, всякими способами стараясь нарушить их взаимную любовь.

Между тем произошло следующее событие. У императора Феодосия был обычай подписывать бумаги, не читая, что в них написано. Пульхерия, по своей всегдашней заботе о нем, пожелала исправить его и от этого недостатка: заготовив грамоту от лица императора, в которой говорилось, что император, по просьбе Пульхерии, отдает ей в рабство свою жену и объявляет, что с этого времени он уже не имеет над Евдокиею никакой власти, — поднесла эту грамоту Феодосию для подписи. Тот, по своему обычаю не прочитав грамоты и не зная, что в ней написано, приложил к ней свою руку. Пульхерия, взяв грамоту, пригласила к себе во дворец императрицу Евдокию и приятною беседою и почтительным обхождением задерживала ее у

---

[1] Святой Флавиан патриаршествовал с 447 по 449 год.

[2] Хрисафий был евтихианин. Евтихий, осужденный IV Вселенским собором, учил, что Иисус Христос имел одно естество — Божеское, тогда как святая Церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два естества неслиянные и нераздельные — Божеское и человеческое.

себя долгое время, а когда император прислал за супругою, не пустила ее; вторичному посланному Пульхерия с улыбкою отвечала:

— Пусть император знает, что он уже не имеет власти над своею супругою, ибо он отдал мне ее в рабство и подтвердил это своим императорским указом.

После того она сама отправилась к брату и сказала ему:

— Смотри, как дурно поступаешь ты, когда подписываешь бумаги, не читая их, — и показала ему тот указ.

Такой своею находчивостию она заставила императора быть с того времени осмотрительнее — рассматривать и читать бумаги, которые ему приходилось подписывать.

Узнав об этом, лукавый Хрисафий явился к императрице Евдокии и сказал ей:

— Смотри, что делает с тобой Пульхерия, как она унижает тебя: хочет иметь тебя своей рабой; долго ли ты будешь терпеть от нее? Разве ты не такая же царица, как и она? Разве ты не ближе всех к царю, будучи с ним единым телом?

Такими и подобными им речами он вызвал в Евдокии гнев на Пульхерию, и она стала настраивать мужа, чтобы тот, отняв у сестры власть, царствовал один. Научаемый женой и Хрисафием, царь, хотя и готов был сделать по их желанию, но стыдился подвергнуть бесчестию свою сестру и учительницу, старшую его годами. Поэтому Евдокия и Хрисафий стали просить патриарха, чтобы он убедил Пульхерию, когда она явится в храм, принять на себя звание диаконисы, ввиду ее чистой и святой жизни. В то время был обычай: девиц и вдов, известных чистотой жизни, понуждать, хотя бы и против их желания, к служению в диаконисах; именно через это враги святой Пульхерии надеялись удалить ее от власти[1]. Патриарх

---

[1] *Диакониса* — с греческого языка значит *служительница*. Учреждение диаконисс восходит ко временам апостольским (см.: Рим. 16, 1). На должность диаконис избирались пожилые (не моложе сорока лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наблюдать за благочинием и порядком среди женщин во время богослужения, наставлять женщин, обращающихся в христианство, — как те должны держать себя при крещении, прислуживать при крещении женщин епископу и, вместо него, совершать помазание частей тела, кроме чела, и так далее. Относительно диаконис есть несколько канонических постановлений, а именно: IV Вселенского собора — правило 15, VI Вселенского — правило 14 и

тайно известил ее об их происках. Но Пульхерия, поняв умысел брата и видя вражду к себе со стороны Евдокии и Хрисафия, сама оставила царскую власть, ушла со служившими ей девицами из дворца в уединенную местность и там в молчании проводила благочестивую жизнь.

Между тем еретик Хрисафий, выждав удобное время для осуществления своих злобных замыслов, восстановил царя против патриарха. И вот, для Церкви Божией наступило время смут, ибо в отсутствие Пульхерии, защитницы благочестия, еретики стали действовать без всякой боязни, пока Бог не открыл духовные очи царя, так что он, наконец, сознал свое заблуждение, убедился в несправедливости гнева своей супруги на святую Пульхерию и понял злобу Хрисафия.

Однажды императору Феодосию принесли яблоко, чрезвычайно красивое и необыкновенно большое. Подивившись его красоте и величине, он отослал его своей супруге, а та, подержав его у себя, не съела сама, а послала сенатору Павлину, любимцу царя, бывшему в то время больным. Павлин, ничего не зная, послал яблоко царю. Получив яблоко, царь узнал его, отправился к царице и спросил ее:

— Где яблоко, которое я прислал тебе?

Она, не зная, что то яблоко опять попало в руки мужа, отвечала:

— Я его съела.

Тогда царь, показав ей яблоко, спросил:

— А это что?

Он страшно разгневался на жену и всячески поносил ее, думая, что она прелюбодействует с Павлином. Последнего император отправил в ссылку в Каппадокию[1], а жене запретил показываться на

Василия Великого — правило 44. — Диакониса, вступившая в брак, подлежала анафеме вместе с мужем; таким образом, святой Пульхерии, в случае вступления ее в диаконисы, совершенно закрывался путь к царскому престолу.

[1] *Каппадокия* — область в Малой Азии. Каппадокия была прежде самостоятельным государством. С 363 по 370 год до Рождества Христова сначала находилась под властью персов, а затем македонян. Потом до 16 года по Рождестве Христовом опять имела своих царей. В 17 году при императоре Тиверии соединена была с Понтом и Малой Арменией и обращена в римскую провинцию. В конце XI века (1074 г.) Каппадокия подпала под власть турок и до сих пор принадлежит им. Во времена преподобного Симеона христианство здесь процветало. Великие

глаза. Но вместе с тем он пришел в сильный гнев и на Хрисафия, так как узнал, что он был причиною многих зол. Сначала царь отнял у Хрисафия имение, а потом осудил в ссылку. Сам Бог наказал Хрисафия за безвинное оскорбление святой Пульхерии. Плывя в ссылку на корабле, Хрисафий утонул в море, а неповинный ни в чем Павлин, находясь в ссылке, был, по по велению императора, усечен мечом. Впоследствии сама Евдокия, умирая, с клятвою засвидетельствовала невинность Павлина и свою собственную. Однако Бог попустил приключиться с ними такому несчастию: Павлину — во спасение души, а царице в наказание. Царица, услышав о смерти Павлина, чрезвычайно опечалилась тем, что из-за нее неповинно погиб столь благоразумный и целомудренный человек, и стала просить у мужа позволения поклониться святым местам. Получив позволение, она отправилась в Иерусалим и там раздала богатую милостыню, соорудила многие храмы и устроила монастыри. В Иерусалиме она оставалась долгое время — пока усиленными просьбами не смягчила гнев супруга и не примирилась со святой Пульхерией, которой, в знак мира и ненарушимой любви, она послала образ Пречистой Богородицы, писанный, по преданию, святым евангелистом Лукой.

После того как императрица Евдокия отправилась в Иерусалим, Феодосий обратился к святой Пульхерии с просьбою возвратиться опять на царство; но она не пожелала этого, предпочитая уединенное служение Единому Богу владычествованию над многими странами. Тогда царь вторично умолял ее возвратиться во дворец и разделить с ним управление царством и не прекращал своих просьб до тех пор, пока не достиг просимого: святая Пульхерия с великими почестями возвратилась в свой царский дворец. И опять прекратилась буря, вызванная ересью, и утихли смуты: в Церкви настала тишина, и Греческая империя наслаждалась миром. По прошествии довольно продолжительного времени возвратилась из Иерусалима и императрица Евдокия, принеся с собою руку святого первомученика Стефана. Когда Евдокия по пути внесла ее в Халкидон[1], святой Стефан ночью явился Пульхерии и сказал:

учители Церкви: святой Григорий Назианзин, друг его святой Василий Великий, брат святого Василия святой Григорий Нисский — были родом каппадокиане.

[1] Город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива (на другой стороне против него — Константинополь).

— Вот, ты получила желаемое, ибо я уже пришел в Халкидон.

Встав наутро, Пульхерия вместе с Феодосием отправилась в сретение руке святого первомученика; здесь же они с любовью приняли и императрицу Евдокию.

На сорок втором году от роду император Феодосий заболел и, чувствуя приближение смерти, поведал святой Пульхерии об откровении, бывшем ему в Ефесе в церкви святого Иоанна Богослова. Когда он стоял там на молитве, ему было открыто, что после его смерти преемником его будет воин Маркиан. Поэтому Феодосий просил Пульхерию содействовать Маркиану в достижении престола.

Маркиан был родом из Фракии[1], сын воина и сам храбрый воин, человек зрелых лет, разумный и доброго нрава. Предызбранный свыше на царство от юности, он чудесно храним был от смерти. Однажды, идя в Филиппополь[2], он нашел на пути труп человека, недавно убитого, и остановился над ним, растроганный жалостью к убитому. Желая сотворить дело милосердия — предать мертвого погребению, — он начал копать для этого яму; и вот, проходившие тем же путем увидели Маркиана, погребающего мертвеца; думая, что он совершил убийство, они схватили его и, приведя в город, предали суду. Так как не было никого, кто бы засвидетельствовал о его невиновности, а собственным его оправданиям не дали веры, то он, как убийца, был осужден на смерть. Когда уже готовы были приступить к его казни, — в это самое время Божественным откровением указан был действительный убийца. Последний восприял по делам своим, а Маркиан был с честью отпущен. Затем он служил в греческом войске под начальством Аспара. Во время войны с вандалами[3], когда последние одолели греков и многих взяли в плен, вместе с другими был взят также Маркиан и приведен к вождю вандалов Гизериху. Однажды Гизерих, желая посмотреть на пленников, взошел в полдень в сильный жар на возвышенное место и увидел издалека Мар-

---

[1] Область в Византийской империи в северо-восточной части Балканского полуострова.

[2] Город в западной части Фракии.

[3] *Вандалы* — народ, живший сначала в Южной Испании, а потом в Северной Африке; принадлежали к германскому племени и во времена святой Пульхерии исповедовали арианство.

киана, спящего на земле, а над ним орел, спустившись, устроил как бы палатку, простерши крылья и прикрывая его от солнечных лучей. Видя то, Гизерих уразумел будущее своего пленника и, призвав его к себе и расспросив его об имени и происхождении, сказал:

— Если хочешь быть жив, цел и свободен, поклянись мне, что, когда ты взойдешь на царский престол, никогда не будешь воевать с вандалами, но будешь жить с нами в мире.

Маркиан поклялся в том, чего желал Гизерих, и был с честью отпущен на родину.

Возвратившись из плена, Маркиан опять занял видное место в греческом войске. Однажды, во время похода греков против персов, Маркиан на пути разболелся и остался в одном ликийском городе — Сидине; здесь его приняли в свой дом добрые люди — два брата Татиан и Иулиан, которые, весьма полюбив его, тщательно заботились о его здоровье. Вскоре же по выздоровлении его оба брата отправились вместе с ним охотиться на птиц. Когда наступил полдень и солнечный жар усилился, они легли отдохнуть и заснули. Прежде всех проснулся Татиан и так же, как некогда Гизерих, увидел большого орла, парящего над сонным Маркианом, осеняющего его простертыми крыльями и заслоняющего от солнечного жара. Увидев это, Татиан разбудил младшего брата своего Иулиана, и оба они дивились чудесному явлению. Когда затем встал и Маркиан, орел улетел, а братья предсказывали Маркиану, что он будет царем, и спрашивали, какую окажет он им благодарность и милость, когда воцарится. Он сказал им:

— Если предсказание ваше сбудется, то вы будете мне вместо отца.

После того Маркиан начал приобретать все большую и большую славу, ибо Сам Бог прославлял мужа, которого избрал по сердцу своему. Между тем скончался благочестивый император Феодосий Младший, а супруга его Евдокия опять удалилась в Иерусалим и там, прожив благочестиво несколько лет, тоже скончалась и погребена была в созданной ею церкви святого первомученика Стефана. По смерти Феодосия, святая Пульхерия, согласившись с придворными и военачальниками, избрала на царство Маркиана, как мужа достойного и угодного Богу. Воцарившись, Маркиан вызвал ко двору двух

вышеупомянутых братьев — Татиана и Иулиана и, почтив их высокими званиями, поставил правителями: одного — Фракии, другого — Ликии[1]. Также исполнил он свою клятву Гизериху, сохранив с ним мир ненарушимый до конца царствования. По воцарении Маркиана святая Пульхерия пожелала было снова возвратиться в свое уединение, но новоизбранный царь и весь синклит просили ее не оставлять их, а помочь управлять царством, так как она премудра и опытна в делах правления; но это было возможно для нее не иначе, как сделавшись супругой императора. Она указывала им на обещанное ею Богу девство, которое она должна хранить до смерти. Но и Маркиан объявил, что он также дал Богу обет хранить чистоту. Тогда ради нужд святой Церкви, смущаемой размножившимися еретиками, святая Пульхерия согласилась вступить в супружество с Маркианом, с тем, однако, чтобы ей до конца жизни остаться девственною, ибо этого требовали и данное Богу обещание, и природное целомудрие обоих супругов, и далеко уже немолодые лета их: ей был тогда пятьдесят один год, да и император был уже немолод. Таким образом Пульхерия называлась женой его, а на самом деле была не женой, а сестрой, соцарствующей ему и правящей с великой пользой для всей Церкви Божией и для всего царства; точно так же и Маркиан назывался ее мужем, а на самом деле был ей не мужем, а братом, соцарствующим ей, как царской дочери, унаследовавшей престол своего отца. Итак, в то время можно было видеть на греческом престоле как бы царствующую девственную чистоту, ибо царствовали и царь, чистый душою и телом, и царица — дева, хранящая себя непорочною.

О девственное супружество, мало где виденное или слышанное! Да дивится этому мир, полный нечистых похотей! Да стыдятся люди, служащие плотским страстям и наслаждениям, слыша о таком супружестве этой благочестивой царской четы, которое уподобилось ангельской чистоте!

Заботами святой царицы, кроме вышеупомянутого собора в Ефесе, созван был собор святых отцов в Халкидоне против нечестивого Диоскора и архимандрита Евтихия[2]. Она всеми силами отстаи-

---

[1] *Ликия* — область Византийской империи на юго-западе Малой Азии.

[2] *Диоскор*, патриарх Александрийский, и *Евтихий* учили, что в Иисусе Христе — одна Божественная природа, ибо человечество в Нем было поглощено Бо-

вала православие, так что некоторые писатели ей именно приписывают защиту веры на обоих этих соборах.

Такая ревность Пульхерии по благочестии и ее великая мудрость происходили оттого, что Дух Святой обитал в ее душе и чистом сердце, как в Своем святом храме, и наполнял ее Своими великими дарами.

Прожив пятьдесят четыре года и раздав все свое имение церквам, монастырям и нищим, святая Пульхерия преставилась ко Господу, Которому послужила всем своим сердцем[1].

Ее молитвами, Господи, не лиши и нас Царствия Твоего небесного. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ
ТРЕХ ЖЕН,
обретенных в пустынной горе[2]

Епископ Монемвасийский[3] Павел поведал следующее сказание. Когда я был мирянином, то был послан на Восток для собирания царской дани. По пути я увидал пустынный монастырь и пожелал войти в него. Навстречу мне вышел из монастыря игумен с братиею, и мы после взаимных приветствий присели на монастырском дворе, где был разбит фруктовый сад. И вот, мы видим, что к деревьям прилетают птицы, отламывают ветки с плодами и быстро улетают.

Я спросил игумена:

— Отчего птицы не едят здесь же, на месте, плодов, а уносят их вместе с ветками?

жеством. Последователи их назывались евтихианами или монофизитами (от греческих слов, означающих «один» и «природа»). IV Вселенский Халкидонский собор был в 451 году.

[1] Кончина святой царицы Пульхерии последовала в 453 году. — Память ее вскоре после кончины стал праздновать царь Лев (457–474 гг.).

[2] Подвизались в X веке.

[3] *Монемвасия* — город на острове Миноа, на Аргосском заливе, бывший сильным укреплением и главным центром торговых сношений Византии с Востоком. Ныне незначительный городок с развалинами крепостных сооружений.

Игумен отвечал:

— Вот уже одиннадцатый год, как эти птицы делают так.

Тогда я, как бы по откровению от Бога, высказал, что где-нибудь в близлежащих горах находятся подвижники или подвижницы Божии, и им-то, по повелению Господа, птицы носят эти плоды. В то время, как я говорил это, прилетел ворон и отломил ветку с плодом. Тогда я предложил игумену пойти за птицею, и мы последовали за вороном, который летел пред нами с плодом: но вот ворон взлетел на холм и опустился, положив ветку на землю. Когда мы стали подниматься на холм, то ворон вновь взял ветку и полетел в глубокое, как пропасть, ущелье, откуда вслед за тем и вылетел, но уже без ветки. Тогда и мы подошли к тому ущелью и бросили туда камень. Вдруг до нас донесся оттуда голос:

— Если вы — христиане, не убивайте нас.

Мы спросили:

— Кто вы такие?

Они отвечали:

— Если вы желаете видеть нас, то бросьте нам три одежды, ибо мы — женщины и наги, и тогда идите возле горы и найдете там узкую тропу, которая и приведет к нам.

Тогда три монаха из сопровождавшей нас братии сняли с себя одежду и, завернув в нее камни, бросили ту одежду к ним вниз; сами же мы, спустившись с холма, нашли, как нам было сказано, тесный проход, по которому едва можно было пройти, и этим путем достигли ущелья, где находились три святые женщины. При встрече с нами, женщины поклонились до земли; мы же, сотворив молитву, сели; села также и одна из женщин, а другие две остались стоять. Тогда игумен обратисля к сидевшей женщине с вопросом:

— Откуда ты и как пришла в такое место?

Вопрошаемая отвечала:

— Я из Константинополя, где была замужем за царедворцем; но муж мой умер в молодых летах, а я осталась вдовою двадцати с небольшим лет, оплакивая как свое вдовство, так и бездетность. По прошествии нескольких дней один вельможа, услыхав о мне, прислал своих рабов, желая силою взять меня к себе, и посланные требовали, чтобы я немедленно шла к их господину. Тогда я, вознеся молитву к Господу моему Иисусу Христу, дабы Он избавил меня от

того человека, желавшего насилием растлить мою душу и тело, сказала рабам: «неужели вы сомневаетесь, что я с радостию пошла бы к вашему столь важному господину? Но в настоящее время я одержима женской болезнью и нечиста от постоянного кровотечения. Подождите немного, пока я оправлюсь от болезни и очищусь, и тогда я с радостию отправлюсь к вашему господину». Выслушав меня, посланные ушли, говоря: «Хорошо, наш господин подождет тебя до сорока дней». По уходе их я отпустила на волю рабов и рабынь, оделив их золотом, и оставила при себе лишь двух, которых вы видите здесь, раздав все свое имущество нищим. Затем я пригласила к себе родственника своего, человека богобоязненного, и под страшной клятвой взяла с него слово, чтобы он распродал мои поместья и дома и вырученные суммы раздал нищим. Вслед за тем ночью я взяла с собою этих двух служанок, ныне же сестер моих, и села с ними в корабль, на котором, по указанию Божиему, и прибыла на это место, и вот идет уже одиннадцатый год, как мы не видали ни одного человеческого лица, кроме вас сегодня. Одежды же наши, по прошествии года, обветшав, спали с нас.

Игумен спросил ее:

— Откуда вы достаете себе пропитание?

Святая жена ответила:

— Благой и человеколюбивый Бог наш, питавший Свой народ в пустыне в течение сорока лет, посылает и нам, недостойным рабыням Своим, пищу. Ежедневно, по Его Божественному промыслу, птицы приносят нам пищу в несравненно большем количестве, чем нам потребно. Тот же преблагой Господь покрывает нас нагих и согревает нас Своею благодатию, так как мы не боимся ни стужи — зимой, ни зноя — летом, но живем, как в раю, постоянно прославляя Святую Троицу.

Подивившись слышанному, игумен сказал:

— Если позволишь, госпожа, я пошлю одного из братии в монастырь за пищею — и подкрепимся с вами.

Но святая жена отвечала:

— Лучше прикажи, чтобы пришел священник и, совершив здесь святую литургию, сподобил нас причащения пречистых Тайн Христовых, ибо с тех пор, как вышли мы из города, мы лишены причащения.

Игумен тотчас же отправил монаха в монастырь за священником и пищей. Пришедший священник совершил литургию, и затем причастилась пречистых Тайн прежде сама госпожа, а потом и рабыни ее. После того, вкусив с нами пищи, заканчивает свой рассказ епископ Павел, святая жена обратилась к игумену с просьбой пробыть у них три дня, на что игумен отвечал согласием. Тогда блаженная жена, встав, сотворила усердную молитву и предала дух свой Богу. Мы же со слезами пропели надгробные песнопения и затем похоронили ее. На другой день вторая подвижница, помолившись, мирно также преставилась, а на третий день — и третья. Похоронив их, мы возвратились в монастырь, славя Христа Бога нашего, творящего во святых Своих преславные знамения и чудеса. Ему подобает честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВАРИПСАВА

Этот святой получил от одного пустынника кровь, истекшую из пречистого ребра Господа нашего Иисуса Христа, и совершал ею много исцелений. Язычники ночью убили святого Варипсава[1], а великое сокровище, кровь Христова, было сохранено у его ученика.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
АПЕЛЛИЯ, ЛУКИ и КЛИМЕНТА

Святой апостол Апеллий был епископом в Смирне[2]; о нем упоминает апостол Павел в послании к Римлянам (16, 10). Святой

[1] Мученическая кончина святого Варипсава и его подвиги относятся ко II веку.

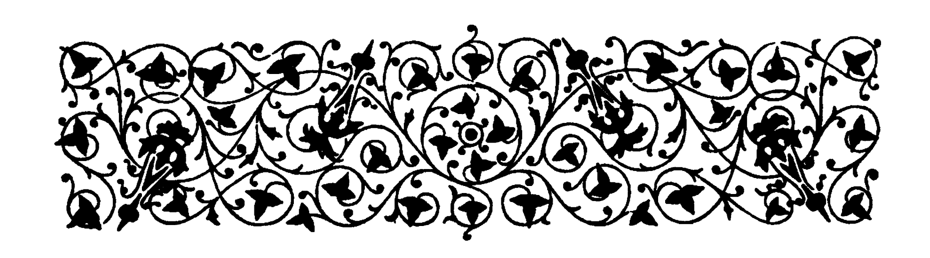
[2] *Смирна* — знаменитый торговый город Ионии, в восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), верстах в пятидесяти шести от Ефеса, при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии; церковь насаждена была в

Лука (Лукий), о коем свидетельствует апостол Павел также в послании к Римлянам (15, 21), был епископом в Лаодикии Сирской[1]. Святой Климент, о котором апостол Павел упоминает в послании к Филиппийцам (4, 3), был епископом в Сардике[2].

Смирне святым апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает православная христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих и очень населенных городов империи.

[1] *Лаодикия Сирская* — главный некогда город Фригии, на юго-западе ее, в Малой Азии, при реке Ликус; славился широкой торговлей. В настоящее время только одни развалины на одном невысоком холме при опустошенном селении Эски-Гассара служат памятником этого древнего города.

[2] *Сардика* — древний Сардис, или Сарды, богатый город Лидии, в северо-западной части Малой Азии, бывший некогда столицей и резиденцией известного своим богатством царя Креза; во времена апостольские был еще значительным городом; рано возникла там и христианская Церковь. В X веке Сардика азиатским завоевателем Тамерланом была разрушена до основания. Теперь здесь — лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидетельствуют о прошлом величии этого города.



День одиннадцатый

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ **ФЕОДОРЫ**, подвизавшейся в мужском образе

Очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца и взирают на все пути человеческие, и проникают в места сокровенные. Ему известно было все прежде, нежели сотворено было (Сир. 23, 27–29).

Не знала этой истины Феодора, знатная женщина, жившая в Александрии[1]. Она поверила врагу — диаволу, тайно внушавшему и убеждавшему, будто грех, сотворенный во тьме, — грех, коего не видит солнце, не будет узнан Богом. Но когда она по собственному опыту уразумела, что перед Богом ничто не может утаиться, о, сколь великое покаяние проявила тогда она!

Честно живя в супружестве с своим мужем, Феодора впала в такое искушение. Один богатый человек, молодой и легкомысленный, побуждаемый диаволом, возымел на нее вожделение и всячески старался склонить ее к прелюбодеянию: посылал ей ценные подарки, обещал еще более дорогие, прельщал и словами. Но не будучи в состоянии сам что-либо сделать, он нанял одну искусительницу — волшебницу, чтобы она прельщала целомудренную Феодору, скло-

---

[1] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Рождества Христова на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом на земле; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

няя ее к замышленному им злому делу. И вот эта искусительница, имея пособником сатану, улучила удобное время и стала говорить Феодоре о том юноше.

Феодора же сказала:

— О, если бы мне избавиться от этого человека, который уже давно беспокоит меня! Если я послушаюсь его, то само солнце, светящее на нас, будет пред Богом свидетелем греха моего!

— В таком случае, — посоветовала соблазнительница, — когда зайдет солнце и настанет темная ночь, ты в сокровенном месте исполни желание юноши, и никто не узнает дела вашего, и не будет свидетеля пред Богом, ибо ночь глубока и тьма все покроет.

Феодора сказала:

— О, хорошо было бы, если бы Бог не узнал греха, творимого ночью!

— Так и будет, — отвечала искусительница, — ибо Бог видит только те грехи, которые освещает солнце, а то, что делается во тьме, как Он может видеть?

Феодора, как женщина молодая, простодушная и неопытная, поддалась таким прельщениям искусительницы; много помогло и бесовское искушение, ибо сила его велика, природа же наша склонна к страстям и сила наша немощна. Итак, Феодора послушалась лукавого совета и совершила во тьме ночной беззаконие. Но, с появлением утренней зари, в сердце ее немедленно воссиял свет милосердия Божия: ибо, сознав грех свой, она стала сокрушаться, бить себя по лицу, рвать волосы, стала стыдиться самой себя, сама себе стала противна. Так милосердие Божие, не хотящее смерти грешника, ради прежнего ее целомудрия, подвигло ее к скорому покаянию и исправлению; ибо Бог попускает иногда человека на некоторое падение, дабы человек, восстав, проявил еще больший подвиг и исправление, и еще большее усердие к Богу, прощающему грехи.

Сожалея и плача о содеянном грехе, Феодора старалась хоть немного успокоить себя, думая:

— Не ведает Бог греха моего; впрочем, если и не ведает, то и тогда стыд мне и горе.

Стараясь успокоить скорбь свою, Феодора пошла в один женский монастырь к игумении, с которой была знакома. Видя ее скорбное лицо, игумения спросила:

— Что за печаль у тебя, дочь моя? Не обидел ли тебя муж?

Феодора отвечала:

— Нет, госпожа; но я сама не знаю, отчего у меня скорбит сердце.

Игумения, желая ее утешить, по внушению Духа Божия, начала с нею душеполезную беседу и стала читать божественные книги. Когда же она читала одно слово (поучение), то дошла до такого изречения евангельского: *Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях* (Лк. 12, 2–3; Мф. 10, 26).

Слыша эти евангельские слова, Феодора ударила себя в грудь, воскликнув:

— Горе мне, окаянной! Погибла я ныне, обманулась, думая, что Бог не узнает греха моего.

И начала бить себя, плача и рыдая.

Тогда игумения поняла, что с Феодорой случилось грехопадение, и стала расспрашивать ее что именно случилось с ней? Феодора же, от слез едва говоря, рассказала игумении все подробно и, упав к ногам ее, воскликнула:

— Помилуй, госпожа, меня погибшую и научи, что мне делать? Можно ли мне спастись или я уже навеки погибла? Надеяться ли мне на милосердие Божие или же отчаяться?

Игумения начала ей говорить:

— Нехорошо сделала ты, дочь моя, послушав врага; неправильно ты мыслила, думая утаиться перед Богом, Который испытует сердца и утробы, Который издалека ведает помышления человеческие, и несоделанное видит оком Своим: ни ночь, никакое сокровенное и темное место не может укрыть грешника от Его всевидящего ока. Нехорошо сделала ты, дочь моя: и Бога прогневала, и верности мужу

не сохранила, и тело свое осквернила, и душе своей повредила. Зачем ты не сказала мне об этом прежде, когда была прельщаема, дабы я помогла тебе и научила бы тебя, как остеречься сетей вражиих? Но так как это с тобой уже случилось, то по крайней мере теперь исправься и припади к милосердию Божию, молясь с сокрушением, да простит Он тебе грех твой. Не отчаивайся, дочь моя: хотя ты и великий грех соделала, однако милосердие Божие — еще больше, и нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; только ты ободрись и спасешься.

Говоря ей эти и подобные слова, игумения вразумила, научила ее и наставила на путь покаяния, вместе же и успокоила ее, поведав о милосердии Божием и о неизреченной Его благости, с коей готов Он принимать кающихся и прощать согрешающих. Напомнила ей и об евангельской жене грешнице, которая омыла слезами ноги Христовы и отерла их власами главы своей и получила от Бога прощение грехов своих.

Феодора, выслушав все слова доброй наставницы и сложив оные в сердце своем, сказала:

— Верую Богу моему, госпожа, и отселе не буду делать такого греха, да и о содеянном уже, насколько буду в состоянии, позабочусь.

Получив некоторое утешение своему сердцу, возвратилась она в дом своей. Но так как совесть обличала ее, то она стыдилась смотреть прямо в лицо мужу своему и помышляла о том, как бы ей умилостивить Бога: она хотела, было, поступить в женский монастырь, но знала, что муж не позволит ей. И вот, чтобы скрыться от мужа своего и от всех знакомых, она придумала следующее.

Когда муж ее по какому-то делу отлучился из дому, она поздно вечером, остригши свои волосы, оделась в мужскую одежду и, предав себя в волю Божию, тайно оставила дом и пошла быстро, как птица, вылетевшая из сети. Дойдя до некоторого пустынного монастыря, называемого «Октодекат»[1], отстоявшего от города в восем-

[1] Ὀκτωκαίδεκα — с греческого значит *восемнадцать*. Отсюда монастырь и получил свое наименование. Нужно заметить, что в первые века Египет славился подвижничеством иноческим, которое там первоначально и возникло, и изобиловал иноческими обителями, как то явствует и из дальнейшего повествования настоящего жития, почему некоторые монастыри и получали наименование по расстоянию своему от ближайшего более или менее крупного центра.

надцати верстах, она постучала в ворота и, увидев привратника, сказала:

— Окажи любовь, отче: поди, скажи игумену, чтобы он принял в монастырь меня, грешного человека, ибо я хочу каяться в злых делах своих и поэтому пришел сюда, да омою ваши святые ноги и буду день и ночь служить вам во всем, что мне прикажете.

Привратник пошел и доложил игумену. Игумен же сказал:

— Испытать надо, — Бог ли наставил его прийти к нам? Итак, не давай ему ответа до утра и не пускай в монастырь; если он не уйдет, но останется терпеливо при дверях монастырских, ожидая помилования, тогда мы узнаем, что истинно и с усердием пришел он служить Богу.

Привратник так и сделал, и не обращал на Феодору внимания, презирая, как раба непотребного. Она же сидела около врат и плакала. Наступила ночь, и стали ходить мимо звери (ибо пустыня та была полна зверей); но Феодора, благодатию Божией, осталась невредимою, вооружившись, как бы щитом, крестным знамением и молитвою.

Поутру привратник, посмотрев в оконце, увидал, что Феодора сидит около врат, и сказал:

— Чего ты ждешь здесь? Не примем тебя, ибо ты нам не годишься.

Она же отвечала:

— Если бы мне пришлось умереть здесь при вратах, не уйду, доколе вы не смилуетесь надо мною и не примете меня в монастырь.

Тогда привратник, видя ее терпение и смирение, отворил врата и ввел ее к игумену. Игумен спросил ее: откуда она, как ее зовут, и зачем пришла? Она же отвечала:

— Из Александрии, отче, имя мое — Феодор, исполнен я грехов и беззакония; но, пришед в себя и познав свои прегрешения, захотел принести покаяние: и вот пришел к вашей святыне, да приимете меня в чин свой и спасете погибающего грешника. Итак, прими меня, отче, как Господь принял разбойника, мытаря и блудного сына.

Тогда игумен стал указывать ей на монастырские труды и подвиги и сказал:

— Не будешь ты в силах, чадо, переносить это, ибо вижу, что ты юн и воспитан в мирских удовольствиях; монастырь же наш не имеет

никакой утехи; чин наш требует трудного жития и пребывание с нами — великого воздержания и поста. Братия наши в послушании несут великие труды, не оставляя и церковного правила, как то: полунощницы и утрени, часов и вечерни и многих келейных молитв и поклонов, а также частых всенощных стояний на молитве. Ты же привык к покою плоти, и нельзя тебе с нами нести тяготу иноческого подвига. Хотя и вижу я, что ты с усердием пришел, однако боюсь, чтобы ты не переменил намерения своего, ибо многие часто начинают доброе дело с усердием, но скоро, не выдержав, оставляют доброе начинание и становятся самыми ленивыми. Итак, советую тебе возвратиться в мир, и Бог да устроит спасение твое, как Ему будет угодно.

Тогда Феодора, припав к ногам игумена, со слезами сказала:

— Не отринь меня, отче, от святой вашей обители, не лиши меня ангелоподобного сожительства с вами, не гони меня в мир, из которого я бегу, как иудеи из Египта, и никогда больше не возвращусь. Не смущайся моею юностию, ибо святыми вашими молитвами я привыкну ко всякому воздержанию и, при помощи Божией, буду нести все труды и все, что прикажете мне, буду делать с усердием и старанием — только примите меня, желающего каяться во грехах своих.

Уступив таким ее мольбам, игумен принял ее и повелел проходить все монастырские послушания. Итак, стала жить между мужами жена во образе и под именем мужа, и никто не знал тайны этой, кроме одного Бога. И кто может поведать о многотрудном житии ее? Видели братья труд ее в послушании, терпение в воздержании, смирение в повиновении, — сокровенные же и тайные подвиги ее, всенощные молитвы ее, сердечные воздыхания, слезы, коленопреклонения, воздеяния рук видел только Сам Бог: и днем и ночью прибегала она к милосердию Его, как некогда блудница, омывшая слезами ноги Господни. И было покаяние ее более, нежели содеянный грех: ибо она смирением умертвила все свои страсти и похоти, уничижила себя пред всеми, свою волю победила самоотвержением, и стала как бы Ангелом во плоти. Тело ее, некогда оскверненное, теперь же очищенное подвигами покаяния и обильными слезами, стало святым храмом Божиим, обиталищем Святого Духа.

По прошествии восьми лет случился в монастыре недостаток в масле, и Феодора была послана с верблюдами в город Александрию

купить масла. Между тем муж ее, не зная, куда удалилась жена его и что случилось с нею, долго искал ее. Не находя ее, он день и ночь сетовал и прилежно молился Богу, чтобы Он открыл ему, где находится его жена. И вот однажды ночью увидал он Ангела, который возвестил ему:

— Не печалься о жене своей, ибо она работает Богу посреди слуг Его. Если же хочешь увидать ее, ступай поутру и стань при церкви святого Петра, — там ты ее увидишь: ибо кто пройдет мимо церкви и будет приветствовать тебя, тот и есть твоя жена.

Обрадовался муж Феодоры такому ангельскому видению, известившему его о жене и о том, как он ее увидит. Рано утром он поспешил к церкви святого Петра и, став там, начал глядеть направо и налево, ожидая увидать то, чего желал. В это время прошла с верблюдами блаженная Феодора, одетая в мужское монашеское одеяние; муж не узнал ее, да и нельзя было узнать ее: с одной стороны — вследствие мужской одежды, с другой — вследствие перемены в лице; некогда она была прекрасна лицом, но от поста и подвигов иноческих увяла красота ее. Феодора же, издали узнав его, незаметно прослезилась, и сказала в себе:

— О, горе мне, грешнице! За грех против своего мужа лишилась я милости Божией!

Проходя же мимо него, она поклонилась ему и сказала:

— Добрый день, господин!

И он также поклонился ей, сказав:

— Будь здрав, отче!

И так они разошлись. Простояв едва не весь день, муж Феодоры возвратился домой, скорбя, что не получил того, чего желал, и видение ангельское считая за обман. Дома он снова стал молиться со слезами:

— Господи! Ты видишь скорбь мою, услыши молитву мою и открой мне, жива ли жена моя или нет? На добром ли пути она находится или на злом?

И вот в другую ночь он снова видит в видении Ангела, говорящего:

— О чем ты плачешь? Разве не видел ты жены своей вчера, как я сказал тебе?

Он сказал:

— Не видал, господин мой.

Ангел же сказал:

— Разве я не говорил тебе, что тот, кто, проходя мимо, поклонится тебе и будет приветствовать тебя, — тот и есть жена твоя?

Тогда муж, поняв, что видел жену свою, но не узнал ее, благодарил Бога, что жена его жива и служит Богу; надеялся он и сам спастись молитвами ее. И блаженная Феодора благодарила Бога, что она видела мужа и что муж не узнал ее. Возвратившись же в монастырь, она прилежала спасению своему, постясь сначала один день, потом — по два, далее — по три и по четыре дня; иногда же целую неделю пребывала она без пищи, прилежно молясь о прощении своего греха.

Близ того монастыря было озеро, где жил зверь — крокодил[1], который часто выходил из озера и пожирал проходящих мимо людей и скот. Епарх[2] Григорий, назначенный царем Зиноном[3] править городом Александрией, на проходящей мимо озера дороге поставил стражу, чтобы никто не проходил тою дорогой. Желая узнать благодать Божию, обитающую в Феодоре, игумен призвал ее и сказал:

— Брат Феодор, нам нужна вода; возьми водонос, пойди, почерпни воды из озера и принеси мне.

Феодора, как добрый послушник, взяв водонос, пошла. Стража, встретившая ее, сказала:

— Не ходи сюда, отче, за водой, ибо тебя зверь растерзает.

Она же возразила:

— Отец мой игумен послал меня, и я должен исполнить то, что приказано.

---

[1] Громадное ящерообразное пресмыкающееся с окостенелыми кожаными щитами на спине, громадной пастью и острыми громадными зубами. Крокодилы пожирают не только крупных рыб, падаль, но даже животных и людей. Величайшая река в мире — Нил, орошающая весь Египет, изобиловала ими, и они приносили весьма значительный вред. Несмотря на это, древние египтяне обоготворяли их и часто содержали в прудах, где их кормили мясом животных и людей. Поэтому появление этого речного гада в озере неудивительно, равно как и то, что власти, быть может, из боязни язычников, которых было еще много в Александрии, не решались изловить и уничтожить это опасное животное. Под озером можно предполагать озеро Мореотис, или Мариут, отстоявшее недалеко и от Александрии, и от Нила, куда крокодил мог отсюда и сам довольно легко переползти.

[2] *Епарх* — правитель области в Греко-Римской империи.

[3] Византийский император, царствовал с 474 по 491 год.

Когда она пришла на берег озера, вышел крокодил и понес ее на своей спине на средину озера. Когда же она почерпнула воды, зверь снова принес ее на берег. Она закляла зверя, дабы с того времени он никому не делал вреда, — и тотчас зверь оказался мертвым. Стража, увидав такое чудо, возвестила игумену и епарху, и все прославляли Бога. Братия же удивлялись, что зверь не сделал никакого вреда блаженной, и похваляли силу послушания.

Но некоторые из братии, подстрекаемые диаволом (ибо никто не свободен от вражеских искушений), не поверили случившемуся и начали ненавидеть Феодору, говоря:

— Вот мы столько лет прожили в монастыре и чудес не творим, а он только вчера пришел и уже чудодействует; не хочет ли быть больше нас? Не волшебством ли каким он умертвил зверя?

В нескольких верстах от этой обители стоял, в глубокой пустыне, другой монастырь. Ненавистники, написав тайно от своего игумена на имя того монастыря грамоту и придя поздно вечером к келии блаженной Феодоры, сказали ей:

— Брат Феодор, игумен приказывает тебе отнести эту грамоту скорее в тот монастырь.

Феодора, встав, взяла грамоту и ночью пошла в монастырь. А ненавистники сделали это для того, чтобы она на дороге была растерзана зверями, ибо там было бесчисленное множество зверей[1], и потому никому нельзя было ночью пройти тем путем. Ненавистники так рассуждали между собою:

— Посмотрим, возвратится ли цел этот святоша, коему повинуются звери?

Когда Феодора шла тем путем, встретился с ней громадный зверь и, поклонившись ей, повернул назад и пошел впереди нее, провожая до монастырских врат. Толкнул зверь во врата; отворил их привратник, и святая Феодора пошла с грамотою к игумену. Но так как привратник не затворил врат, то зверь вошел в монастырь и, схватив привратника, начал терзать его.

Привратник возопил:

— Горе, горе, помогите мне!

---

[1] Пустыни египетские, как и вообще африканские, особенно изобилуют множеством свирепых львов. Под именем зверя, о котором повествуется далее, следует разуметь льва.

Все пробудились от того крика. Узнав о случившемся, святая воротилась из келии игумена и подошла к терзаемому зверем брату. Схватив зверя за горло, она освободила привратника и сказала зверю:

— Как ты дерзнул напасть на образ Божий и хотел умертвить его? Умри же сам.

И тотчас пал зверь к ногам Феодоры и издох. Брата же, истерзанного зверем, она помазала елеем, с призыванием имени Христова, осенила раны его крестным знамением и соделала здравым и невредимым. Видя совершившееся чудо, все поклонились блаженной и прославляли Бога, покорившего диких зверей рабу своему Феодору. Будучи же отпущена из того монастыря, Феодора очень рано возвратилась в свой монастырь и, придя, никому не поведала, где она была и что сделала.

На другой день пришли иноки в тот монастырь с каким-то приношением и, рассказав случившееся игумену и всей братии, кланялись игумену, благодаря, что ученик его Феодор избавил привратника от зубов зверя и исцелил его от ран, и самого зверя умертвил. Слыша это, игумен и все иноки очень удивлялись. Отпустив пришедшую братию, игумен собрал всех иноков и спрашивал их:

— Кто посылал брата Феодора в тот монастырь?

Все отказались, говоря:

— Не знаем.

Спросил игумен и Феодору, говоря:

— Кто тебя, брат, посылал ночью в монастырь тот?

Не желая открыть своих ненавистников, посылавших ее, Феодора сказала игумену:

— Прости меня, отче! Вздремнул я в келии и не помню, кто подошел, приказывая мне твоим именем поскорее нести грамоту к тому игумену, и я пошел, исполняя послушание.

Тогда ненавистники, познав благодать Божию в блаженной Феодоре, стали раскаиваться в злобе своей и, припав к ней, просили прощения. Она же, будучи незлобива, нисколько за то на них не гневалась, даже никому не рассказала про них, а напротив — себя уничижала, как грешную и недостойную любви братии.

Однажды, когда Феодора исполняла свое послушание, явился ей бес, говоря с гневом:

— Ты, скверная прелюбодейка, бросившая своего мужа, на меня ли вооружаться пришла сюда? Всю свою силу употреблю я, чтобы заставить тебя отречься не только от иночества, но и от веры в Распятого, и бежать от места этого! И не думай, что меня нет здесь, ибо я не оставлю тебя в покое, пока не запутаю в сети ноги твои и не ввергну тебя в яму, коей ты не ожидаешь.

Феодора же, осенив себя крестным знамением, сказала:

— Бог да сокрушит силу твою, диавол!

И бес стал невидим.

Спустя некоторое время блаженная Феодора снова была послана с верблюдами в город Александрию купить для нужд монастыря пшеницы.

Отпуская ее в путь, игумен сказал:

— Если, чадо, ты запоздаешь в дороге, то сверни к монастырю Енатскому и там переночуй с верблюдами (ибо был на пути там близ города монастырь, называемый «Енат»[1]).

Отправившись, Феодора действительно запоздала в дороге и, согласно повелению игумена, зашла в Енатский монастырь и, поклонившись игумену этой обители, просила благословения дать отдохнуть верблюдам, пока не наступит день. Игумен дал ей место в гостинице, где был загон для верблюдов. В это время находилась в гостинице немолодых уже лет девица, дочь того игумена, пришедшая поклониться отцу своему и навестить его. Видя молодого инока (то есть блаженную Феодору), девица, по наущению диавольскому, почувствовала к нему вожделение, пришла ночью к Феодоре, спавшей около верблюдов, и не зная, что это женщина, начала с бесстыдством к ней приставать и склонять ко греху. Но Феодора сказала:

— Отойди от меня, сестра, ибо я не привык к такому делу; к тому же, я имею в себе злого духа и боюсь, как бы он не убил тебя.

Удалившись со стыдом, девица нашла другого гостя, с коим сотворила беззаконие и зачала во чреве. Между тем Феодора, когда наступил день, отправилась в город и, исполнив послушание, возвратилась в свой монастырь и продолжала подвиги для своего спасения. Через шесть месяцев открылось, что девица беременна и до-

[1] Вероятно, около самого города, — как показывает греческое наименование монастыря, в расстоянии одной версты.

машние стали бить ее и допрашивать: кто ее сделал такой? Она же, по наущению диавола, обвинила блаженную Феодору, говоря:

— Октодекатский монах Феодор, идя в город с верблюдами, ночевал в гостинице, ночью пришел ко мне, и я зачала от него.

Услышав это, отец ее, игумен Енатский, послал своих иноков в монастырь Октодекат с жалобою игумену, что его инок обесчестил девицу.

Игумен, призвав Феодору, спросил ее:

— Слышишь, что говорят люди эти про тебя, рассказывая, будто ты обесчестил девицу и она теперь беременна?

Феодора отвечала:

— Прости меня, отче, но Бог свидетель, что я в этом неповинен.

Игумен, зная чистую, ангелоподобную жизнь брата Феодора, не поверил тому, что рассказывали о нем иноки. Когда же та девица родила сына, Енатские иноки пришли в монастырь Октодекатский и бросили дитя среди монастыря, укоряя живущих там братий и говоря:

— Воспитывайте вашего младенца!

Тогда игумен, увидав младенца, поверил, что действительно было так, как рассказывали, и очень разгневался на неповинную и чистую душою и телом Феодору. Собрав братию и призвав Феодору, он спросил ее:

— Скажи нам, окаянный, что это сделал ты? Навел ты бесчестие на монастырь наш и поругание на наш иноческий чин! Не убоялся ты Бога. Мы считали тебя как бы Ангелом, а ты оказался сообщником бесов. Итак, сознайся в своем беззаконии.

Блаженная же Феодора, дивясь случившейся напасти, со смирением сказала:

— Простите меня, отцы святые, грешен я!

Посоветовавшись между собою, иноки изгнали ее из монастыря с бесчестием и побоями, отдав ей младенца. Так велико было дивное терпение блаженной! Одним своим словом она могла бы доказать свою невинность, но не желая открыть тайны, что она — женщина, приняла она на себя чужой грех, как возмездие за свое прежнее преступление. Взяв младенца, она села у монастырских врат, рыдая, как Адам, изгнанный из рая. Против монастыря устроила она для младенца маленькую хижинку и, выпрашивая у пастухов молока, в про-

должение целых семи лет питала им младенца; сама же она терпела и голод, и жажду, и наготу, и холод, и зной, употребляя для питья морскую воду и питаясь дикими травами.

Не перенося такого терпения, диавол задумал прельстить Феодору иным образом: он принял вид ее мужа и, войдя в хижину, где она сидела с младенцем, сказал:

— Здесь ли ты, госпожа моя? Столько лет я тружусь, со слезами отыскивая тебя, а ты и не думаешь о мне, госпожа моя? Не знаешь ли, что ради тебя я оставил отца и матерь, а ты бросила меня? Кто склонил тебя придти на место сие? Где цвет лица твоего? Зачем ты так изнурила себя? Итак, приди, возлюбленная моя, пойдем в дом наш. Ибо если ты хочешь, то можешь соблюдать целомудрие и дома: я не буду препятствовать тебе. Вспомни любовь мою, госпожа, и иди со мною в дом наш.

Блаженная не узнала, что это — бес, но подумала, что это действительно ее муж, и сказала ему:

— Нельзя мне возвратиться к тебе в мир, из которого я бежала греха моего ради; боюсь, да не впаду в большие грехи.

Когда же она подняла руку свою с крестным знамением на молитву, тотчас бес стал невидим. Тогда блаженная познала, что это был диавол, и сказала:

— Едва не прельстил ты меня, диавол.

Она раскаивалась, что вступила в беседу с диаволом, и с того времени стала тщательнее беречь себя от бесовских козней. Но диавол не переставал вооружаться против Феодоры. Вот собрал он множество бесов, кои, приняв вид разных зверей, напали на нее, крича человеческим голосом:

— Растерзаем прелюбодейку эту!

Феодора же, перекрестившись, сказала: *Обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их* (Пс. 117, 11), и бесы тотчас исчезли. Потом диавол, желая прельстить ее сребролюбием, показал ей множество золота и людей, собирающих его, — но и это все от крестного знамения исчезло.

Затем диавол принял вид князя; и множество всадников, впереди его, прошли мимо хижины Феодоры и кричали:

— Князь едет, князь едет!

Потом они сказали Феодоре:

— Поклонись князю.

Она же ответила:

— Я кланяюсь Единому Богу.

Тогда они, вытащив ее из хижины, насильно повели к начальнику тьмы (Бог попустил им прикоснуться к святой, дабы она была искушена, *как золото в горниле* — Пс. 3, 6) и принуждали поклониться ему. Но она не восхотела, говоря:

— Я Господу Богу моему поклоняюсь и Ему Единому служу.

Тогда бесы стали бить ее без пощады и, оставив едва живою, ушли. Пастухи же, придя к Феодоре, нашли ее лежащею как мертвую и, думая, что она умерла, принесли ее в хижину и там положили. Возвестили о том и в монастыре, говоря:

— Инок ваш Феодор умер; возьмите тело его и похороните.

Игумен с братией пришел в хижину Феодоры и, заметив, что душа ее еще в ней, сказал:

— Оставьте его, ибо он будет жив.

И возвратились они в монастырь. Феодора же, придя в полночь в себя, стала плакать и бить себя в грудь, восклицая:

— Горе мне грешной, горе мне беспомощной! О, как казнит меня Бог за грехи мои.

И, подняв руки к небу, гласом великим возопила:

— Боже милосердный, избавь меня от руки диавола и прости мне прегрешения мои!

Ночевавшие близ того места пастухи, услыхав, что блаженная Феодора, которую они считали мертвой, молится, удивились тому, что она еще жива, и прославили Бога.

После этого игумен приказал взять от нее младенца в монастырь, чему Феодора очень обрадовалась, ибо освободилась от труда и заботы о воспитании младенца. Сама же она продолжала скитаться по пустыне. Тело ее почернело от холода и зноя, очи ее потускнели от горьких слез, и жила она со зверями, которые, как овцы, повиновались ей и были кротки.

Еще раз покусился на нее диавол. Увидав ее сильно алчущею, он явился ей во образе воина, принесшего хорошую пищу, и сказал:

— Князь, который тебя бил, теперь раскаивается в этом и прислал тебе эту пищу, прося простить его и принять ее от него.

Феодора же, познав прелесть бесовскую, осенила себя крестным знамением и сказала:

— Бог да уничтожит и разрушит коварство твое, враг! Бог — мой помощник, и не прельстишь ты меня.

С того времени перестал диавол искушать ее.

По прошествии семи лет такого многотрудного жития Феодоры сжалились иноки и пришли к игумену, говоря:

— Помилуй, отче, брата Феодора, ибо он уже совершил покаяние за грех свой; прости его и прими в монастырь.

Игумен же отвечал:

— Действительно, братия, в нынешнюю ночь Бог возвестил мне, что прощен грех брату Феодору. Итак, идите, поищите его и приведите сюда.

Найдя Феодору в пустыне, братия привели ее в монастырь; и сказал ей игумен:

— Брат Феодор, Бог простил тебе грех, который ты сотворил. Живи с нами в монастыре и подвизайся; никуда не выходи больше из монастыря, чтобы опять диавол не ввергнул тебя в искушение; воспитывай и сына твоего, дабы он был ревнителем твоих подвигов.

И дал ей игумен келию, освободив от всяких монастырских трудов, чтобы она спокойно молилась Богу и отдохнула бы после столь великих трудов. И ожила Феодора в той келии два года с мнимым сыном своим Феодором, уча его грамоте и страху Божию, а также — смирению, послушанию и другим иноческим добродетелям.

В одно лето была большая засуха, так что высохли в монастыре колодцы, иссякли и озера. Тогда сказал игумен некоторым братьям:

— Никто другой не умолит Бога, чтобы Он дал нам воды, как только отец Феодор, ибо великой благодати Божией исполнен он.

Призвав к себе блаженную, игумен сказал:

— Отец Феодор, возьми сосуд и почерпни нам воды из колодца.

Колодезь же был сух и не имел ни одной капли воды.

— Благослови, отче! — сказала Феодора и пошла к колодцу.

Опустив в колодезь сосуд, она наполнила его чистой водой и принесла игумену с братией: видя это, все дивились. Тотчас пошли они к колодцу, в коем давно уже высохла вода, и, заглянув, увидели, что он полон воды, и прославили Бога. Было же воды той довольно

для всякой монастырской нужды, до тех пор пока не пошел дождь и не наполнил водою все высохшие водоемы.

Блаженная Феодора, будучи смиренна духом, говорила братии:

— Не ради меня совершилось это, но ради пославшего меня отца нашего игумена, который имеет твердую, непоколебимую веру в Бога, — а я лишь исполнил то, что приказано мне, надеясь на молитвы отца нашего.

И продолжала жить Феодора в келии своей, молясь Богу и воспитывая мнимого своего сына.

В один вечер, взяв с собою на виду у всех отрока, Феодора заперлась с ним в келии и начала поучать его. Игумен же, по внушению Божию, послал некоторых из братий незаметно послушать у келии, о чем беседует она с отроком своим. Феодора, прижав отрока к груди своей и обняв, целовала его, говоря:

— Сын мой возлюбленный! Время мое настало, конец мой пришел, и я отхожу от тебя; ты же не плачь о мне и не говори себе: «Я — сирота», ибо имеешь ты отцом Бога, покрывающего тебя благодатию Своею, Коему и я (если обрящу дерзновение пред Ним) буду молиться о тебе. Выслушай последние слова мои и запечатлей их в сердце своем: возлюби Бога больше всякой твари и больше самого себя, прилепись к Нему всем сердцем, не переставай славословить Его и молиться Ему устами и сердцем, языком и умом. Правила общего никогда не оставляй, но с прочею братией ходи в церковь: к часам — первому, третьему, шестому и девятому, к вечерне, полунощнице и утрене. Все молитвы твои да будут соединены с сокрушением сердечным, со слезами и воздыханием. Плачь пред Богом каждый день, да сподобишься вечного утешения. Слушайся игумена и братию, откажись от воли своей, храни незлобие отныне и до конца жизни своей; загради молчанием уста свои; старайся, чтобы не осудить кого-нибудь и не посмеяться чужому греху; видя же согрешающего, помолись о нем Единому безгрешному Богу, да исправит его, а тебя да избавит от грехопадений и искушений вражиих. Ничего не говори ни праздного, ни скверного, ни хульного: да не изыдет из уст твоих такое слово, за которое пришлось бы тебе дать ответ в день суда; будь кроток и смирен сердцем, всех почитай за отцов и благодетелей своих, а себя считай ниже всех. Если услышишь, что кто-нибудь из братии болен, не поленись посетить его и с усер-

дием послужи ему, и всякое возложенное на тебя послушание исполняй без ропота. Нищету и нестяжание люби так, как бы многоценное сокровище. Вспоминай жизнь мою, как я с тобою скиталась: что приобрела я в хижине моей пред оградою монастырскою? Яства ли или одежды? Утварь ли или какое сокровище? Ничего иного, как только Бога. Ибо что для человека важнее Бога и Божественной любви Его? Он есть сокровище наше, Он — богатство, Он — пища и питие, Он — одежда и покров, Он — здравие наше и крепость, Он — веселие и радость, Он — надежда и упование наше; Его потщись стяжать, сын мой. Если ты стяжешь Его, — довольно с тебя, и возвеселишься о Нем более, нежели в том случае, когда бы приобрел весь мир. Старайся сохранить чистоту свою: как ныне ты чист телом и душою, так пребывай и до конца жизни своей. Блюди себя, чадо мое, чтобы не оскорбить Духа Божия и не удалить его от себя сластолюбием и плотоугодием. Умертви уды свои, не давай покоя и послабления телу своему: как осла непокорного, смиряй его голодом, жаждою, работою и ранами, пока не представишь Христу душу свою, как чистую невесту. Соблюдай себя тщательно от бесовских козней, трезвись и бодрствуй: ибо диавол не дремлет, ища поглотить всякого, служащего Богу. От этого-то врага да защитит тебя помощь Божия! Также, чадо мое, твори и обо мне поминовение, да обрящу милость у праведного Судии, Который будет судить не только явные грехи, но и тайные, и к Которому я ныне отхожу.

Отрок же, будучи разумным, сказал:

— Неужели, отче мой, ты уходишь от меня, оставляя меня сиротою? Что я буду делать без тебя? Увы мне, бедному! Горе мне, сироте, что лишаюсь я тебя, добрый отец мой!

Феодора же, утешая его, сказала:

— Ведь я говорил тебе, чтобы ты не называл себя сиротою, потому что ты имеешь Бога хранителем твоим, пекущимся о тебе: Он будет для тебя отцом и матерью, учителем и наставником, покровителем и руководителем ко спасению.

После этого Феодора встала и со слезами начала молиться, говоря:

— Боже, ведый грехи мои и покаяние! Ты знаешь печаль сердца моего, — знаешь, как я непрестанно сокрушалась о том, что прогневала Тебя, Господи! Ты знаешь труды мои, коими я смиряла грешное

тело мое, — за то, что дерзнула сделать беззаконие и огорчить благость Твою. Ты знаешь печаль души моей, знаешь, что душа моя, с того времени, как я сознала грех свой, во все время не переставала сетовать и горько скорбеть о том, что прогневала Тебя. Итак, услыши ныне стенание мое, вонми молитве моей, виждь, как воск, тающее сердце мое, испытай его, воззри на слезы мои и помилуй окаянную душу мою! Остави беззакония мои, прости грехи мои, не помяни злых дел моих: *По милости Твоей вспомни меня Ты, ради благости Твоей, Господи!* (Пс. 24, 7). Приими покаяние мое, приими молитву и рыдание мое, приими же и душу мою!

Так она долго молилась, и не все можно было расслышать из того, что она говорила, — слышны были только плач ее и биение в перси. Плакал вместе с нею и отрок, рыдая о сиротстве своем. Она снова утешала его и опять молилась. Наконец, она с радостию сказала:

— Благодарю Тебя, премилосердного Творца моего, что Ты услышал и помиловал меня и избавил душу мою от смерти и очи мои от слез.

Произнося и другие благодарственные слова и возвеселившись духом, Феодора умолкла. Можно было подумать, что она предала душу свою святую в руки Господа своего, ибо уже более не слышно было ее слов, только слышно было, как плакал отрок. В тот час стали благовестить к утрене. Иноки, слышавшие все, что говорила Феодора, пошли к игумену и все рассказали ему. Игумен же, выслушав рассказ их, начал со слезами говорить:

— Я, чада мои, в ночь эту видел видение, будто два светоносных мужа, явившись, повели меня на высоту небесную, откуда дошел до меня голос, говорящий: «Прииди и посмотри, какие блага уготовал Я невесте Моей Феодоре». И увидел я светоносный рай, красоту и великолепие коего нельзя описать. Явившиеся мужи, введя меня внутрь рая, показали мне чертоги и в нем приготовленный золотой одр, и Ангел, стоя при нем, охранял его. Спросил я ведущих меня: «Для кого приготовлены чертог этот и одр?» И они сказали мне: «Погоди немного и узришь славу Божию». Вскоре я увидел чины ангельские, мучеников и преподобных, идущих с приятным пением, сладости коего нельзя и поведать; посреди их я увидел прекрасную жену, в великой славе; приведя в чертог, ее посадили на одре, воспевая пресладкие песни; я же с благоговением

поклонился честно́й жене той. И сказал мне Ангел: «Знаешь ли, кто это?» Я отвечал: «Не знаю, господин мой». Он же сказал мне: «Это инок твой, Феодор; по природе своей он был женщиной, мужем же он был только по виду. Пожив немного в супружестве, Феодора ради Бога оставила мир и трудилась в нашем монастыре и, будучи оклеветана за родившую младенца девицу, не открыла, что она — женщина; как будто бы настоящий отец, она приняла младенца и вырастила его. Будучи же изгнана из вашего монастыря, она много пострадала, питаясь травою и водою морскою, терпя холод, зной и нищету и перенося многие напасти от бесов. За все это так возвеличил ее милосердый Бог: ибо Он возлюбил ее, как невесту Свою, и сделал ее наследницею Царствия Своего со всеми святыми». Услышав это, я начал плакать, что не знал тайны этой, и, поверив лжи, оскорбил святую, изгнав ее с бесчестием из монастыря; во время плача я проснулся. Итак, чада мои, в настоящее время сердце мое исполнено радости и печали. Радуюсь, что сподобился видеть преславное видение, коего око человеческое не видело, и слышать пресладкие звуки святых песней, коих ухо не слышало; скорблю же и плачу, что не знали мы рабы Божией и возлюбленной невесты Его, живущей между нами, и, не ведая, долгое время оскорбляли ее.

После этого игумен, собрав братию, пошел к келии блаженной Феодоры и, толкнув в дверь, сказал:

— Отче Феодор, благослови!

Но ответа не было, ибо Феодора преставилась уже ко Господу. Отрок же, плача над нею, уснул, и едва могли разбудить его. Войдя в келию, братия увидели блаженную Феодору, лежащую на земле; руки ее были сложены на груди и очи закрыты, лицо же ее сияло красотою, как лицо ангельское. Когда стали готовить к погребению честное ее тело, открыл игумен перси ее, иссохшие от продолжительного поста; и все узнали, что то была женщина. Игумен повелел братии, чтобы они никому не открывали тайны этой, пока не будут приглашены те, кои оклеветали преподобную в бесчестии девицы, и послал братию к Енатскому игумену, говоря:

— Молим любовь твою, отче: приди к нам с своею братиею, ибо сегодня у нас великий праздник и мы хотим, чтобы и ты праздновал с нами.

И пришел игумен Енатский, вместе со своими иноками; и привели его к святому телу блаженной Феодоры, говоря:

— Отче, муж дочери твоей умер.

Показав ему тело преподобной, спросили:

— Не это ли Феодор?

И сказал Енатский игумен:

— Действительно, это он.

Спросили и пришедших с ним монахов, говоря:

— Знаете ли вы его?

Те сказали:

— И хорошо знаем: это лживый брат Феодор, осквернивший девицу; да воздаст ему Бог по делам его!

Тогда Октодекатский игумен открыл перси ее и, показав женские сосцы ее, сказал:

— Мужское ли это тело? Да, отцы, ошиблись мы: мы думали, что это — мужчина, а на самом деле то была женщина; изменив внешний вид и приняв мужское имя, она, как Ангел, жила среди нас, грешников, не знавших тайны этой, и многие напасти претерпела от нас. Ныне же кончина ее показала, чем она была и что есть, ибо она праведна и преподобна и Христу Богу нашему угодна, так как я видел ее веселящеюся в небесном чертоге во славе и свете великом с ликами ангельскими и со всеми святыми.

Тогда все предстоявшие ужаснулись и удивились этой великой тайне; оклеветавшие же ее в грехе, в коем она была неповинна, весьма устыдились, и все много плакали, восклицая:

— Горе нам, что мы столь долго оскорбляли рабу Божию!

И, припадая к святым мощам ее, со слезами говорили:

— Прости нам, раба Божия, что мы в неведении согрешили против тебя!

После этого явился Ангел Божий Октодекатскому игумену, говоря:

— Возьми коня и отправляйся к городу, и кого встретишь первого, того возьми и приведи сюда.

Игумен тотчас отправился и, увидав на дороге идущего навстречу ему человека, спросил его:

— Куда ты идешь?

Тот отвечал:

— Я слышал, что в каком-то монастыре умерла жена моя, и иду, чтобы увидеть ее.

Игумен, взяв с собой человека этого и посадив его на коня, возвратился в монастырь и привел его к святому телу преподобной. Увидав Феодору, муж ее начал горько и безутешно рыдать пред мощами ее. — Бесчисленный сонм иноков, живущих окрест Октодекатского монастыря, услышав о всем случившемся, собрался со свечами и кадилами, и обрядив святое тело преподобной Феодоры, с честию похоронили его в монастыре, в коем она добре подвизалась. И светло праздновали в течение многих дней, прославляя Христа Бога и величая возлюбленную невесту Его — преподобную Феодору. Муж же ее, после ее погребения, испросил себе келию, в коей жила жена его, или, лучше сказать, невеста Христова, и, постригшись в иноки, подвизался в ней в посте, молитве и слезах, поминая подвиги преподобной Феодоры, и, спустя немного времени, отошел ко Господу. А отрок Феодор, коего преподобная имела вместо сына, унаследовал нрав, подвиги и все добродетельное житие мнимого отца своего, или — лучше сказать — матери своей, преподобной Феодоры. Он достиг такого совершенства, что по смерти игумена всеми иноками был избран на его место, был добрым отцом, наставляющим чад своих на путь спасения, и сам тем же путем пошел вслед преподобной Феодоры и водворился с нею в обителях небесных.

Молитвами святых Твоих, Господи, не лиши и нас небесного Царствия Твоего. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **ЕВФРОСИНА**

Преподобный Евфросин[1] происходил от незнатных родителей, но своими добродетелями превзошел и всех благородных по происхождению. Многие при знатности своего рода не имеют никаких добродетелей, и поэтому впадают в глубину ада. Напротив, не-

[1] Преподобный Евфросин жил и подвизался в IX веке в странах Аморрейских, в Палестине, близ Иордана.

редко люди простого происхождения, при своем благодетельном смирении, возносятся в рай Божий. Так и этот преподобный Евфросин был узрен в видении находящимся в раю, который он и наследовал своим святым житием.

В монастыре Евфросин служил братии в поварне, и служил не как людям, но как бы Богу, — в великом смирении и повиновении. Трудясь день и ночь на послушании, он никогда не оставлял молитвы и поста. Терпение его было изумительно: ибо он претерпевал большие неприятности, поношения, поругания и частые досаждения. Возжигая в поварне огонь вещественный, он распалялся духовным огнем любви к Богу, и к Нему пламенело сердце его. Приготовляя пищу братии, он своим добродетельным житием уготовлял себе трапезу в Царствии Божием, дабы насытиться там небесным блаженством с теми, о которых сказано: *блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием* (Лк. 14, 15). Он служил Господу втайне, дабы воздано ему было явно, как это действительно и исполнилось.

Вот каким образом показал Господь то, чего заслужил раб Его Евфросин.

Некий иерей, живший в одном монастыре с Евфросином, всегда молил Бога показать ему в чувственном виде те будущие блага, которые уготованы любящим Его. И вот в одну ночь он имел такое видение: ему представилось, что он стоит в раю, со страхом и радостию созерцая его неизреченную красоту; там он увидел повара своего монастыря Евфросина.

Приблизившись к нему, иерей спросил:

— Брат Евфросин, — что это? Неужели это рай?

Евфросин отвечал:

— Да, отче, это рай.

Иерей опять вопросил его:

— А ты как здесь?

Евфросин отвечал:

— По великой милости Божией я поселился здесь жить, ибо это есть обитель избранных Божиих.

Иерей спросил:

— Имеешь ли ты какую-нибудь власть над этими красотами?

Евфросин отвечал:

— Сколько могу, столько и даю из того, что видишь.

Иерей сказал:

— Не можешь ли и мне дать что-нибудь из этих благ?

Евфросин отвечал:

— По благодати Бога моего, возьми, что хочешь.

Тогда иерей, указав рукою на яблоки, попросил их. Евфросин, сорвав три яблока, положил их иерею в платок, говоря:

— Возьми то, чего просил, и насладись.

В это время начали ударять в церковное било к утрене. Иерей, проснувшись и придя в себя, счел виденное за сон, но, протянув руку к платку, нашел в нем те яблоки, которые получил в видении от Евфросина, и ощутил неизреченное благоухание от них и поэтому находился в изумлении. Встав с постели и положив на нее яблоки, он пошел в церковь и увидел там Евфросина стоящим на утренней службе. Подойдя к нему, иерей клятвенно упрашивал его открыть ему, где он был в нынешнюю ночь.

Евфросин отвечал:

— Прости меня, отче, в нынешнюю ночь я был там, где ты меня видел.

Иерей сказал:

— Потому-то я и заклял тебя объявить дела Божии, чтобы ты не утаил правды.

Тогда смиренномудрый Евфросин сказал:

— Ты, отче, просил у Господа показать тебе в чувственном виде воздаяния избранникам Его, и Господь благоизволил твоему преподобию показать это чрез меня, худого и недостойного, и вот ты увидел меня в раю Бога моего.

Иерей спросил:

— А что ты дал мне, отче, в раю, когда я просил у тебя?

Евфросин отвечал:

— Я дал тебе три яблока — те самые, которые ты положил в келии своей на одре, но прости меня, отче, ибо я червь есмь, а не человек.

По окончании утрени, иерей собрал братию и, показав ей три райских яблока, подробно рассказал то, что видел. Тогда все ощутили от тех яблок неизреченное благоухание и радость духовную и в умилении дивились тому, о чем поведал иерей. Они пошли в поварню к Евфросину, дабы поклониться рабу Божию, но уже не нашли его, ибо он вышел из церкви и скрылся, избегая славы человеческой, и никак не могли его найти. А куда именно он скрылся, — об этом нет нужды много допытываться: ибо если для него был открыт рай, то куда же он мог скрыться? Яблоки те братия разделили между собою и раздавали многим на благословение, в особенности же — для исцеления: ибо больные, вкушавшие от них, исцелялись от своих болезней. И много пользы все получили от такого дара святого Евфросина и, сохраняя описанное дивное видение не только на хартиях, но и в сердцах своих, стремились к великим подвигам и благоугождали Богу.

Молитвами преподобного Евфросина да сподобит Господь и нас райских обителей! Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ИИ

Святая мученица Ия была родом из города Визада[1]; вместе с девятью тысячами христиан взята была она в плен Персидским царем Сапором[2]. За исповедание Христа она представлена была на суд к начальнику волхвов, который стал принуждать ее отречься от Христа. Но она не склонилась на его увещания и пребыла твердою в истинной вере. За это заключили ее в темницу и целый год морили голодом. Затем ее вывели из заключения и сильно начали бить суковатыми палками, после чего опять отвели в темницу, где она пробыла пятнадцать лет. По прошествии этого времени ее опять вывели

---

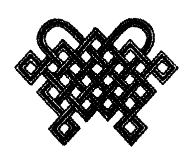
[1] *Визад* — город в главной области Персидского царства.

[2] *Сапор II*, известный под именем Великого, — Персидский царь, царствовал с 310 по 381 год по Рождестве Христовом; известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христианства.

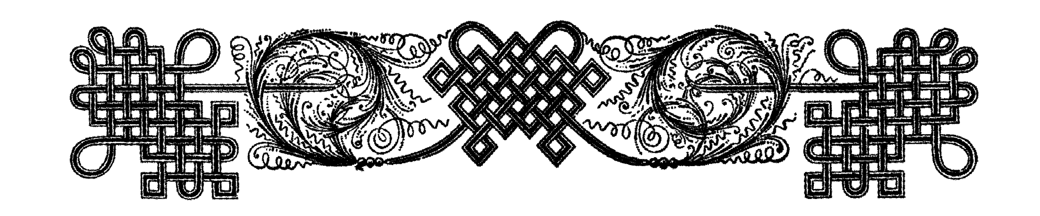
и так крепко связали веревками ее колена, бедра и руки, что кости ее надломились. Потом начали бить ее ремнями из сырой кожи по чреслам и по чреву и, наконец, отсекли ей главу[1].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ДИОДОРА и ДИДИМА

Эти святые мученики были из Лаодикии Сирской. Будучи христианами, они проповедовали о имени Господа Иисуса Христа, сотворившего небо и землю и все, что в них, и многих из неверных обращали и крестили. За это привели их к правителю Лаодикийскому на суд, и здесь они смело исповедовали Христа. Их предали тяжким мучениям, но они не отреклись от Христа, бесстрашно обличали идольскую лесть и укоряли правителя за то, что он, оставив истинного Бога, поклоняется ложным богам. С молитвой и благодарением на устах предали они среди мучений души свои Господу.



[1] Мученическая кончина святой Ии относится к 362—364 году.



День двенадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АВТОНОМА

Святой Автоном был епископом в Италии в царствование Диоклетиана. Когда настало жестокое гонение на христиан, Автоном вспомнил слова Господа, сказанные в святом Евангелии: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23), и, оставив Италию, переселился в Вифинию, где по Божию произволению остановился в одном селении, называемом Сореос[1]. Здесь святой Автоном принят был некоторым страннолюбцем Корнилием. У него он прожил довольно долгое время и, проповедуя Христа, обратил многих еллинов к христианской вере. И немало приобрел он здесь душ Богу, ибо множество народу собиралось в дом Корнилия слушать учение святого Автонома. Он же подобно апостолам проповедовал слово Божие со дерзновением, ибо в нем действовал тот же Дух Святой, Который некогда в огненных языках сошел на святых апостолов. Посредством проповеди Автонома Дух Святой возжигал сердца человеческие к любви Божией и благочестию, так что слушающие его учение умилялись и охотно воспринимали проповедь его, прося у него святого крещения. И в той местности он так много людей привел ко святой вере, что дом Корнилия уже не мог вмещать всего собрания верующих, тогда святой Автоном выстроил христианам церковь во имя Воеводы небесных сил, святого Архистратига Михаила, вручая под его защиту всех новопросвещенных им; сам же, посвятив Корнилия в диакона и поручив ему словесное стадо

---

[1] *Вифиния* — область в Малой Азии. — *Сореос*, или *Сореи*, — находилась на правой руке у судов, входивших в залив Никомидийский, или Астаценский.

Христово, пошел в Ликаонию и Исаврию[1], желая и там быть проповедником благочестия.

Потрудившись в этих странах в деле проповедания слова Божия довольно долгое время, святой Автоном снова возвратился к Корнилию: ему хотелось посетить приобретенное им стадо Христово. Он поставил Корнилия пресвитером и вместе с ним стал служить спасению рода человеческого.

Когда нечестивый царь Диоклетиан прибыл в Никомидию, с целью погубить всех находящихся там последователей Христовых, тогда идолопоклонники стали отыскивать и святого Автонома, как самого известного из христиан. Но святитель, желая еще более народа привести от тьмы бесовской к свету познания истинного Бога, не предал себя в руки мучителей. Храня себя для блага Церкви, святой Автоном отплыл в Клавдиополь, находившийся на берегу моря Евксинского[2], где и сеял семена слова Божия, кои, падая на добрую почву сердец человеческих, вскоре по благодати Божией принесли многие духовные плоды. Устроив здесь как до́лжно все, относящееся ко благочестию, и наставив верующих на путь спасения, святой Автоном опять возвратился в Сореос.

Увидав, что число верующих здесь еще более умножилось, святой поставил Корнилия епископом, а сам отправился в Асийскую страну[3], где стал искоренять терние безбожия и распространять святую веру в Единого Бога. И здесь, по благодати Божией, он многих избавил от заблуждения и вечной погибели, разрушая проповедью идольские жертвенники и созидая в сердцах человеческих духовные храмы — Духу Святому.

Вскоре святой Автоном снова посетил Корнилия и порученную ему паству. Увидев, что все поучаются здесь Закону Божию и преуспевают в добродетелях, Автоном был утешен этим и благодарил

[1] *Ликаония* — область Малой Азии, рядом с Исаврией, также малоазийской областью, с городом того же имени. Исаврия принадлежала ранее то Фригии, то Писидии, то Ликаонии.

[2] *Евксинское море*, или *Понт*, — древнее название Черного моря, которое, по преданию, называлось ранее «Аксинским», то есть негостеприимным, по причине бурь; когда же берега его, начиная с VII века, стали покрываться греческими колониями, то оно стало называться «Евксинским», то есть гостеприимным.

[3] *Асия* — римская провинция, заключавшая в себе западную часть Малой Азии, иначе «Проконсульская Азия».

Бога, что труды его были не напрасны и что его духовные чада, — коих он породил благовествованием, — умножились.

Близ города Сореос находилось одно селение, по имени Лимна; жители этого города были еще омрачены тьмою идолослужения. И вот, отправившись к ним, святой Автоном стал проповедовать им Христа и, обратив здесь многих в христианство, научил их тайнам святой веры, просветил крещением и чрез то присоединил их к избранному стаду Христову.

Однажды местные жители, оставшиеся в неверии, совершали праздник одному из своих скверных идолов и, принося жертву бесам, ликовали в своем идольском храме; тогда христиане, которых в то время было уже много, собравшись, пришли к празднующим язычникам, ниспровергли их жертвенники и разбили всех идолов, храм же их разрушили до основания. Этим они показали неверным, что боги их ничтожны, ибо они не могут сопротивляться, когда их сокрушают, и не вопиют, если их разбивают.

Язычники, разгневавшись на христиан за такое тяжкое посрамление, решили отомстить им за сокрушение своих идолов и стали ждать удобного для этого времени.

Узнав однажды тот день, когда служитель Господень Автоном должен был в выстроенной им церкви Архистратига Михаила в городе Сореос приносить бескровную жертву Богу, они из Лимны вме-

сте с язычниками других окрестных сел собрались в бесчисленном количестве и тайно приготовились внезапно напасть на храм Божий и убить пастыря христиан, святого Автонома, что им и удалось исполнить.

Во время совершения Божественной литургии язычники во множестве напали на церковь: одни из них имели в руках оружие, другие — палки или камни; они разогнали из церкви всех бывших там христиан и бесчеловечно убили святого Автонома: они замучили его в алтаре, так что последний весь обагрился святою его кровью. Так, принося бескровную жертву, святитель сам был принесен как кровавая жертва в пренебесный жертвенник[1].

Убив святого Автонома, язычники набросали на него множество камней, коими они его убили. Совершив торжество в честь того, что отомстили христианам за поругание своих богов, все они разошлись. И лежал святитель убитым, — и было тогда великое смущение в Церкви и неутешный плач верующих по причине убиения их отца и доброго пастыря. Некая же диакониса, по имени Мария, взяв святое тело священномученика, с благоговением предала его погребению.

По прошествии многих лет по погребении святого Автонома, в то время, когда Константин Великий вступил на престол, некий вельможа, по имени Севириан, послан был царем в Александрию. Боясь морского волнения, он поехал не морем, но сушею по берегу моря. По смотрению Божию, пришлось им идти мимо того места, где лежало тело священномученика Автонома; и вдруг лошади сразу остановились и никак не могли ехать далее. Как их ни били бичами, ни одна не могла двинуться с места; их облегчили от тяжестей, которые они везли, но и тогда они не могли продолжать путь: как будто какая невидимая рука их удерживала; и был Севириан в большом недоумении.

Вместе с Севирианом ехал некий благочестивый муж, который был наделен даром прозревать тайны Божии. Он сказал Севириану:

— Следует тебе на этом месте воздвигнуть церковь тому мученику, тело коего здесь погребено; и если ты дашь обет сделать это, то увидишь, что лошади твои быстро пойдут далее.

---

[1] Кончина священномученика Автонома последовала около 313 года, вскоре после гонения Диоклетиана.

Севириан с радостию обещал сделать это, и лошади его действительно тотчас же тронулись и быстро побежали. Севириан же, до возвращения своего из Александрии, построил на том месте небольшой молитвенный храм в честь святого мученика; а возвратившись, воздвиг над гробом его прекрасную церковь.

По прошествии многих лет один священник, не зная, что в этой церкви под землею лежат святые мощи святого Автонома, разобрал ее вследствие ветхости, а новую построил на другом месте, близ моря[1]. То же место, где под спудом[2] лежали мощи святого, было шестьдесят лет пусто, — до самой смерти византийского царя Зинона[3], — и никто не знал о том многоценном сокровище, которое было сокрыто в недрах земли. В то время один из царских телохранителей, по имени Иоанн, исполняя некое царское повеление, — находился в вышеупомянутых местностях — в городах Сореосе и Лимне; он однажды пошел на охоту, и случилось, что на том самом месте, где некогда стояла церковь над мощами святого, он увидел зайца и, натянув лук и пустив стрелу, убил его; убив много и других зверей, он возвратился домой. Но вот ночью, когда он уже спал на одре своем, явился ему во сне священномученик Автоном и повелел ему создать церковь на том самом месте, где накануне он убил зайца. Иоанн, проснувшись, решил приложить все свое старание, чтобы исполнить повеленное ему, и в скором времени создал дивную церковь во имя священномученика Автонома; мощи же его обрел в земле целыми и совершенно нетленными, и от них стало совершаться много чудес, и многие больные получили здесь исцеление.

О самом обретении мощей святого Автонома блаженный Симеон Метафраст[4] говорит так:

— Видя достославного подвижника, препобеждающего свойства человеческой природы, я встал на славословие Божие; и вот, прини-

---

[1] Это было около 430 года; обретение же нетленных мощей святого Автонома последовало лет через шестьдесят.

[2] *Спуд* — сосуд; *под спудом* — сокровенно, под сокрытием (см.: Мф. 5, 15).

[3] Византийский император Зинон царствовал с 474 по 491 год.

[4] *Симеон Метафраст* — известный церковный писатель X века († 940 г.), составитель и собиратель Житий Святых: его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Метафраст повторяет здесь свидетельство другого лица, жившего через двести лет по смерти святого Автонома и называющего себя современником императора Юстина с 518 по 527 год.

кая некогда очами в гроб святого мученика Автонома, я узрел, что его святые мощи остаются непобежденными силою смерти. Смерть, похваляющаяся в три дня разрушить весь состав живого существа, не могла, в продолжение столь многих лет, уничтожить ни одного волоса у этого славного мужа. Глава его и волосы были невредимы, лицо цело, кожа крепка, — не истлел ни один волос на ресницах его: лишь очи его сомкнулись. И когда я глядел на него, мне казалось, что смерть заставила его лишь хранить молчание, а все его тело и все его составы сохраняет целыми: ни с головы его ничто не отпало, ни от прочих частей тела ничто не отделилось. Так прославляет Господь тех, кои прославляют Его в святых телесах своих. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **КОРНУТА**, епископа Никомидийского

Святой священномученик Корнут жил в окрестностях Никомидии, в селении Саталы (Сарсала, Сурсана). Он был ревностным исповедником имени Христова. Во время гонения на христиан послан был в ту страну Иконийский[1] правитель Перенний. Когда многие христиане разбежались от его преследований в потаенные места, святой Корнут, уже достигший маститой старости, предстал пред ним сам. На вопрос правителя о том, кто он, престарелый святитель смело ответил: «Я христианин» — и начал открыто исповедовать, что Христос есть истинный Бог, Творец всего, и обличать идольскую лесть. Ему обвязали ноги тонкими бечевками и повлекли по городским улицам, причем из прорезанных бечевками ног ручьями текла кровь. Среди своих мучений священномученик благодарил Бога. Потом, после новых мук, он был усечен мечом[2].

---

[1] *Икония* — город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии, при подошве горы Тавра; был некогда главным городом Ликаонии; ныне — Кония, главный город Малоазийской турецкой области Карамания.

[2] Мученическая кончина святого Корнута последовала в царствование римского императора Декия с 249 по 251 год.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИУЛИАНА

В царствование Диоклетиана и Максимиана назначен был правителем Галатийской области[1] Антонин. Ему донесли, что в одной пещере в горе скрывается Иулиан с другими сорока христианами и что они совершают там христианское богослужение. Когда, по повелению правителя, его взяли и начали уговаривать выдать прочих христиан, бывших с ним, он не согласился. Перед тем как предстать на суд, святой Иулиан воскликнул громким голосом, обращаясь в сторону своих спостников, оставшихся в пещере:

— Вот, меня уже взяли на суд, и я иду на мученический подвиг за Христа, не выдав вас! Но вы поревнуйте о том, чтобы последовать за мною в моем подвиге!

Когда святой Иулиан предстал пред правителем Антонином, последний сказал ему:

— Приступи к богам и принеси им жертву.

Святой мученик с дерзновением отвечал ему:

— Неугоден мне совет твой; нет для нас, христиан, лучшего жребия, как умереть за ту святую веру, в коей мы воспитаны.

Тогда правитель велел раскалить железный одр и, обнажив мученика, положить его на нем. Святой страдалец, приведенный к тому месту, осенил себя крестным знамением и взошел на раскаленный одр. Тогда явился Ангел Господень, остудил пламя и сохранил святого мученика невредимым.

— Кто ты? — спросил Антонин мученика. — И каким образом ты так легко погасил огонь?

— Я — Божий слуга; имя мое — Иулиан, — ответил святой страдалец.

Игемон опять спросил его:

— Кто твои родители?

Мученик отвечал:

---

[1] *Галатия* — небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Страдания и мученическая кончина святого Иулиана происходили в весьма древнем городе Анкире — ныне Анкара.

— Мать моя — старица, а отец отошел ко Господу.

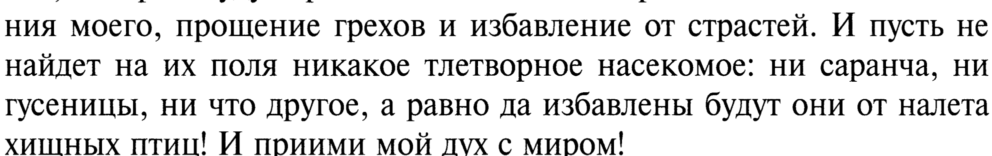
Антонин приказал привести его мать и, гневно взглянув на нее, сказал ей:

— Уговори своего злого сына принести фимиам богине; если же ты не сделаешь того, я предам твое тело на поругание.

Доблестная мать святого мученика ответила на это игемону:

— Если против воли моей осквернят мне тело, то это не только не сочтется мне в вину, но будет для меня залогом вечной славы и блаженного воздаяния.

Игемон, посрамленный этими словами старицы, велел отпустить ее, а святого Иулиана осудил на усечение мечом. Достигши вместе с воинами места казни, святой мученик попросил у них времени для молитвы.

— Благодарю Тебя, Господи, — молился он, — что Ты укрепил меня и помог мне остаться твердым даже до пролития крови. Подай, Господи, тем, которые будут брать землю с места погребения моего, прощение грехов и избавление от страстей. И пусть не найдет на их поля никакое тлетворное насекомое: ни саранча, ни гусеницы, ни что другое, а равно да избавлены будут они от налета хищных птиц! И приими мой дух с миром!

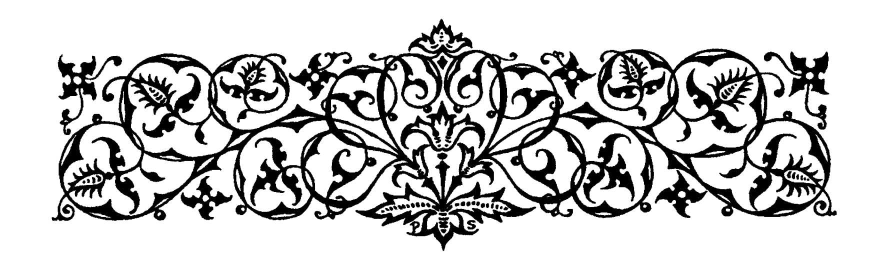
И послышался с неба голос:

— Подвигоположник твой — Христос отверз тебе врата Царствия Своего. Вниди в них, ибо ты законно подвизался за имя Его!

Этот голос слышали и те сорок христиан, которые были скрыты в пещере. Они пошли на место страдания святого мученика, но нашли его уже скончавшимся. Пред всеми воинами громко исповедали они Христа, истинного Бога. Тогда воины, связав их, привели к игемону, и тот велел им отсечь головы[1].

---

[1] Кончина святого Иулиана и с ним сорок других мучеников Христовых последовала в первые годы IV века.



День тринадцатый

СЛОВО
на
ОБНОВЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА
ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА[1]

В настоящий день мы празднуем Обновление преславного и превеликого храма в Иерусалиме, — не того, который воздвиг царь Соломон на горе Мориа[2], но того, который пречудно устроил благочестивый царь Константин с достохвальною матерью своею Еленою на горе Голгофе, очистив и обновив святое место, оскверненное языческим нечестием.

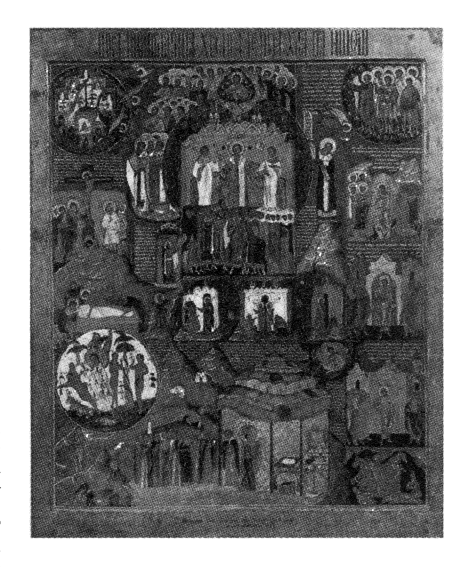
После вольных страданий и смерти Господа нашего Иисуса Христа, Его воскресения и вознесения на небо, то святое место, где совершилось наше спасение, было поругаемо и оскверняемо врагами Христовыми. Особенно же осквернил все святые места бесовскими идолами и жертвами нечестивый царь Римский Адриан. Воздвигнув на месте Иерусалима, разоренного Титом[3], город, он повелел засыпать гроб Господень землею и множеством камней, а на той горе, где

---

[1] Этот праздник называется *Воскресением словущим*, то есть так называемым воскресением. Название указывает, что это не светлое Воскресение и не воскресный день, но особый праздник, который хотя случается и не в воскресный день, но *слывет* или в народном словоупотреблении именуется *воскресением*, потому что принадлежит храму Воскресения Христова.

[2] О храме Соломоновом см. на стр. 202 в слове на Рождество Пресвятой Богородицы.

[3] *Тит* — Римский император с 79 по 81 год. Иерусалим был завоеван Титом в 70 году, в царствование отца его Веспасиана.



Господь был распят, построил храм языческой богине распутства Венере и поставил ее идола, а над гробом Господним поставил идола бога Дия (Юпитера). Итак, где Агнец Божий принес Себя в жертву Богу Отцу за грехи наши, там приносились нечистые жертвы бесам и совершались всяческие непотребства. Равно и в Вифлееме, где Пречистый родился из утробы Пречистой Девы, нечестивый царь поставил идола Адониса[1], так что и это святое место осквернялось срамными делами, а там, где был храм Соломона, выстроил идольское капище. Самый город он назвал в честь свою Елиею, — ибо носил имя: Елий-Адриан, — и повелел, чтобы никто не смел называть его Иерусалимом. Сделал же он все это из желания истребить с земли самую память об имени Иисуса Христа. Он переименовал город, в котором Иисусом Христом совершено было множество чудес, и устроил бесовские жилища на местах Его рождения, распятия и погребения, именно с той целью, чтобы последующий род человеческий совершенно забыл Христа и более никогда не воспоминал тех мест, на которых жил и учил Господь. Однако же сам Адриан погиб, а святое место Царь славы вновь прославил.

Господь, просветив светом святой веры царя Константина и матерь его Елену, вложил им в сердца желание обновить святой град Иерусалим, — на том месте, где разоренная храмина тела Христова создана была в три дня (см.: Ин. 2, 19, 21; Мф. 26, 16; 27, 40; Мк. 14, 58; 15, 29), создать прекрасный храм Божий и все святые места очистить от скверн бесовских и освятить. Для этого благочестивый царь послал матерь свою со множеством золота в Иерусалим и написал свя-

---

[1] *Адонис* — древнегреческое божество, служившее олицетворением солнца, зимой умирающего и весной воскресающего; поклонение ему было весьма распространено и сопровождалось пышными торжествами, с безнравственными обрядами и играми.

тейшему патриарху Макарию[1], чтобы тот приложил все свое старание об устроении церкви. Святая Елена, по прибытии в Иерусалим, разорила в нем все капища, уничтожила идолов и весь город очистила от языческих скверн и освятила. Отыскала она честны́й Крест Господень и гроб, разметав землю и каменья, которыми он был засыпан, и соорудила в той местности церковь столь большую, что одним зданием ее ограждены были и место распятия, и место погребения Христова, ибо они находились недалеко одно от другого, как замечает евангелист Иоанн: *На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко* (Ин. 19, 41–42). И так одною церковью окружила она и Голгофу, и гроб Господень. Церковь эта названа «Мартирион», то есть свидетельство, — свидетельство именно воскресения Христова, так как на том месте Христос умер и воскрес[2]. Святая Елена построила и другие церкви: в Вифлееме, на горе Елеонской[3], в Гефсимании[4] и на многих святых местах, и разнообразно и богато украсила их. Однако же церковь над гробом Господним была прекраснее и больше всех.

---

[1] *Макарий I* был патриархом Иерусалимским с 313 по 333 год.

[2] *Святой Кирилл Иерусалимский*, «Огласительное поучение» 14, 6: «Пророк (см.: Соф. 3, 8) предвидел и место Воскресения, называемое Мартирион. Ибо по какой причине это место Голгофы и Воскресения не церковью называется, как другие церкви, но Мартирион? Вероятно, на основании слов пророка: *в день воскресения Моего во свидетельство* (в мартирион)».

[3] *Елеонская*, или *Масличная, гора* — одна из иудейских гор к востоку от Иерусалима, от которого отделяется долиной Кедронской; наименование свое получила по множеству произраставших на ней масличных деревьев. Она выше других близлежащих гор, например Сиона и Мориа; с вершины ее открываются великолепные виды во все стороны. С вершины Елеонской горы Иисус Христос в сороковой день по воскресении Своем вознесся на небо. Великолепный храм, построенный здесь царицей Еленой, впоследствии обращен турками в мечеть. Ныне Елеонская гора со всеми окрестностями представляет самый печальный вид, вследствие дикости и деспотизма нынешних обладателей этих мест — турок и арабов.

[4] *Гефсимания* — селение или место за потоком Кедронским, при подошве горы Елеонской, где был сад, куда Господь часто удалялся с учениками Своими, и где Он был предан Иудою (см.: Мф. 26, 36; Ин. 18, 1–3). Гефсимания — по-русски значит: место маслин, или точило для выжимания сока из маслин. Сад Гефсиманский и теперь еще показывают при подошве горы Елеонской — с южной ее стороны; в саду указывают и место Гефсиманской молитвы Господа пред Голгофскими страданиями, равно и погребальный вертеп Богоматери, где теперь находится гроб Ее.

Но окончания постройки ее сама царица Елена не увидала: возвратившись к сыну, она почила о Господе, когда церковь еще не была готова[1], ибо невозможно было в скором времени отстроить такое большое и дивное здание, и оно едва было закончено в десять лет.

Когда же церковь была устроена вполне, благочестивый царь повелел собраться епископам со всех стран в Иерусалим на освящение храма. И прибыло сюда великое множество архиереев: из Вифинии, Фракии, Киликии, Каппадокии, Сирии, Месопотамии, Финикии, Аравии, Палестины, Египта и других стран Африки и один епископ из Персии; собралось также бесчисленное множество народа со всей вселенной, так что не все могли поместиться в пределах Иерусалима. Храм Воскресения освящен был 13 сентября 335 года, в тридцатый год царствования Константина, когда обновлен был и весь Иерусалим. Собравшиеся на это торжество святые отцы, по примеру ветхозаветного постановления, определили навсегда праздновать день Обновления храма. Ибо как в Ветхом Завете Иуда Маккавей, очистив величайшее святилище — Святое Святых — от осквернения сирийским идолослужением, узаконил на все времена праздновать его обновление (см.: 1 Макк. 4, 36–59), о чем и в Евангелии упоминается: *Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления* (Ин. 10, 22); так и в Новом Завете равноапостольный царь Константин, построив как бы второе Святое Святых, установил со святыми отцами, чтобы по всей вселенной празднуемо было Обновление великой церкви Иерусалимской, которая есть матерь всех церквей.

Итак, ныне будем праздновать ее Обновление, благодаря Христа Бога, Своими страданиями и воскресением обновившего всю тварь и очистившего святую Церковь Свою от скверн идольских. Будем обновляться и мы сами, как храмы Живого Бога, отлагая ветхого человека и облекаясь в нового; очистим себя от застаревших в нас зол и станем совершать добрые дела, начав ходить в новой, благочестивой жизни. Тогда, — подобно тому, как люди празднуют Обновление храма рукотворенного, — Ангелы будут праздновать обновление нашего храма духовного; ибо о каждом грешнике, обновляющемся покаянием, бывает на небесах радость у Ангелов и с ними радуется о нем и Сам не хотящий смерти грешных Творец Ангелов — Христос Господь наш, Коему слава вовеки, аминь.

---

[1] Смерть царицы Елены последовала в 327 году.

ЖИТИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КОРНИЛИЯ СОТНИКА

Вскоре после страданий Господа нашего Иисуса Христа и по воскресении и вознесении Его на небеса, в Кесарии Палестинской поселился сотник, по имени Корнилий, родом из Италии Фракийской[1]. Он хотя и пребывал во тьме неверия, однако уже совершал дела света и, оставаясь эллином, был подобен христианину. Христа не знал он, но делами милосердия бессознательно почитал Его. Живя посреди развращенного мира, он был добродетелен, как свидетельствует о нем святой Лука в Деяниях: *В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским*[2] (Деян. 10, 1). Бог не презрел таковых его добродетелей и благоволил просветить его светом веры и привести к познанию истины, дабы добрые дела его не покрывались мраком неверия.

Однажды, молясь Богу в своем доме, этот богобоязненный муж увидел Ангела Божия, который возвестил ему, что его молитвы и милостыни приняты Богом. Ангел повелел ему послать в Иоппию[3]

---

[1] Область Римской империи, к северо-востоку от Македонии. В настоящее время Фракия, под именем Романии или Румелии, составляет провинцию Европейской Турции.

[2] *Кесария* — город в Палестине, при Средиземном море, где пребывали римские прокураторы. *Спира Италийская* — полк, составленный из природных римлян.

[3] *Иоппия* (в переводе с еврейского значит: красивая, возвышенная местность) — древнейший город финикийский, по завоевании земли Обетованной доставшийся колену Данова, лежит при Средиземном море на высоком холме, на юге цветущей равнины Саронской, в двенадцати часах пути от Иерусалима. Город этот во все времена был весьма важным портовым и торговым городом; ныне — Яффа, один из главнейших и наиболее цветущих сирийских городов.

за Симоном, называемым Петром, и исполнить то, что тот ему скажет. Он тотчас послал с мольбою звать Петра. В то время как посланные Корнилия шли в Иоппию, Петр взошел на верх дома, в шестом часу дня[1], помолиться. Он чувствовал в это время голод, и вот пред ним явилось видение, внушавшее ему, чтобы он не гнушался идти к необрезанному иноплеменнику, — ибо евреи не входили в общение с язычниками и гнушались ими. Видение, явившееся Петру, было такое. С неба три раза спускался сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла, и голос повелевал Петру, чтобы он заколол и ел находившихся в сосуде животных, зверей, гадов и птиц. Когда Петр отказывался и говорил, что он никогда не ел ничего нечистого, голос снова сказал ему с неба:

— То, что Бог очистил, не признавай нечистым.

Это видение было знамением обращения Корнилия и других язычников. Голод Петра знаменовал собою голод, описанный пророком Амосом — *не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних*[2] (Ам. 8, 11). Такой голод был в доме Корнилия и у всех язычников: как Петр желал хлеба, необходимого для тела, так те — хлеба для души. Сосуд, привязанный за четыре конца, знаменовал Церковь Христа, утверждаемую в вере четырьмя евангелистами. Находившиеся в сосуде различные нечистые животные, звери, гады и птицы обозначали собою язычников, которые по своим низким земным стремлениям были подобны четвероногим животным, взирая своим умственным оком только в землю, не зная помышлений о небесном и не умея искать выше земного; по своей лютости они были звери, а по вредному для душ нечестию — ядовитые гады; по гордому высокомерию же они походили на высоко парящих птиц. Их было повелено заклать и есть — то есть острым мечом слова Божия умертвить древние языческие животные похоти и зверские нравы и соделать из очищенных крещением душ и тел их *жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим. 12, 1). Троекратное схождение сосуда обозначало троекратное погружение крещения. А когда голос с неба возвещал, что они очищены Богом, то это означало, что Христос

[1] Иудеи обыкновенно удалялись для молитвы в верхнюю горницу, устраивавшуюся на кровле дома (род нашего мезонина). Петр же оставался на самой кровле под открытым небом. *Шестой* час соответствует нашему двенадцатому дня.

[2] То есть стремление к слышанию истинного учения о Боге и спасении.

пролил Свою кровь, омывающую греховные скверны, не только за израильтян, но и за язычников.

Когда Петр размышлял об этом видении и пребывал в недоумении, посланные Корнилия подошли к его дому и спросили о нем. Дух Божий повелел ему идти с ними не колеблясь, дабы первого язычника присоединить к Церкви Христовой: за ним должны были идти ко Христу и другие язычники. Когда Петр вошел в дом, Корнилий, окруженный всеми своими родственниками и друзьями, принял его с почетом и, припав к ногам Петра, поклонился ему. Тогда Петр поднял его и сказал:

— Вы знаете, что иудеянину непристойно входить к иноплеменникам и иметь с ними общение; однако Бог открыл мне, что не следует называть скверным или нечистым ни одного человека. Итак, я пришел к вам без всякого колебания и спрашиваю теперь, зачем вы призвали меня к себе?

Корнилий со всеми подробностями рассказал ему, как он увидел Ангела и что услышал от него, и просил Петра научить его, как достигнуть спасения. Петр же, отверзши уста свои, стал проповедовать ему об Иисусе Христе, что Он был Бог во плоти, жил на земле с людьми, учил и направлял их на путь, ведущий в Царство небесное, и сотворил много знамений и чудес, врачуя всякую болезнь и воскрешая мертвых словом. Далее Петр поведал о том, как Христос добровольно пострадал и умер, а потом воскрес для того, чтобы освободить человека от страданий и воскресить от смерти, даровав ему жизнь вечную, что Он будет судить живых и мертвых, что о Нем свидетельствуют все пророки и что всякий верующий во имя Его получит прощение грехов. Когда Петр говорил это, Святой Дух, вселяя его слова в сердца слушавших, привел их к вере, и Корнилий крестился со всем своим домом. Он первый из язычников уверовал в Господа нашего Иисуса Христа и, по принятии крещения, оставил все и пошел за Петром, который поставил его епископом. Проходя с Петром и другими проповедниками различные страны, он ревностно трудился, проповедуя о Христе. Когда Петр вместе с Тимофеем и Корнилием находился в городе Ефесе, им стало известно, что идолопоклонство особенно сильно в городе Скепсии[1], и они

[1] Город в западной малоазийской провинции Мизии.

рассуждали, кому из них идти туда на проповедь. Они бросили жребий, который пал на Корнилия, и тот, призвав на помощь Бога, поспешно пошел в этот город. Там жил князь, по имени Димитрий, философ, изучивший эллинскую премудрость, который чрезвычайно ненавидел христианскую веру, почитал же богов языческих и больше всего Аполлона и Дия. Узнав о прибытии в город Корнилия, князь тотчас призвал его к себе и спросил: откуда и зачем он пришел сюда.

Корнилий отвечал:

— Я — раб Бога Живого, пришел же сюда как посланный для того, чтобы вызвать тебя из глубочайшего мрака неведения, извести к свету истины и бросить чистый луч познания в твою душу.

Тот же, не уразумев ничего из слов Корнилия, разгневался и с яростью сказал:

— Я спрашиваю тебя об одном, а ты мне говоришь о другом. Клянусь богами, если ты не ответишь на каждый мой вопрос, то я не пощажу твоей старости и не постыжусь седин твоих. Итак, скажи мне: кому ты служишь и зачем ты пришел сюда?

Корнилий же сказал:

— Если хочешь узнать о моей службе, то узнай, что я — сотник; когда я услышал о тебе, что ты и жена твоя и все жители твоей области впали в великое заблуждение, то пришел избавить вас от демонского прельщения, наставить на истинный путь и примирить с Единым Живым Богом, Который сотворил небо и землю и все, что в них находится.

На это Димитрий сказал:

— Я вижу, что ты удручен старостью, и щажу тебя ввиду твоих преклонных лет; перестань говорить ложь; приступи к богам нашим и поклонись им. Если же не захочешь этого исполнить, то знай, что я предам тебя тяжким мучениям и ни один бог, кроме моих богов, не избавит тебя из рук моих.

— Бог мой, — ответил Корнилий, — может не только сохранить меня целым и невредимым от всех зол и избавить от рук человеческих, но и уничтожить твоих богов и сокрушить в прах их истуканы, а тебя, тщетно на них надеющегося, привести к познанию Его! Я же бесам и бездушным их изображениям никогда не поклонюсь. Ибо написано: *боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут* (Иер. 10, 11).

И еще: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4, 10). Пришел же я сюда для того, чтобы обратить вас к покаянию и чтобы вы *освободились от сети диавола, который уловил* вас *в свою волю* (2 Тим. 2, 26).

Князь тогда сказал:

— Я клялся богами моими, что не пощажу тебя, но предам тяжким мучениям, если ты не принесешь жертву богам.

— Каким богам велишь ты принести жертву? — спросил Корнилий.

И сказал князь:

— Принеси жертву Аполлону и Дию.

Корнилий сказал тогда:

— Покажи мне тех богов твоих.

Князь обрадовался, думая, что он хочет поклониться, и повел его ко храму Дия.

За ними шел народ, желая видеть, как Корнилий будет поклоняться идолам. Дойдя до храма, все вошли туда — князь с Корнилием и прочие, между коими была и жена князя, по имени Еванфия, и сын его, названный по имени отца своего Димитрианом. Войдя в идольский храм, Корнилий обратился лицом к востоку[1] и, преклонив колена свои на землю, молился так:

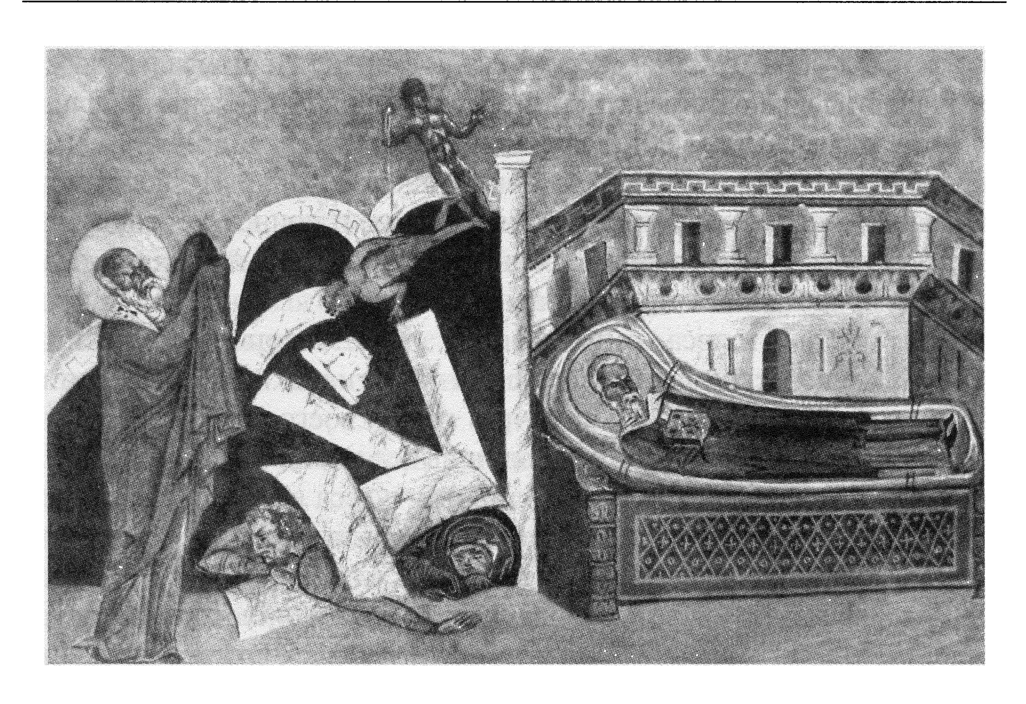
— Боже, потрясающий землю и превращающий горы в бездны морские! Ты рукою Даниила сокрушил Ваала, умертвил змия и, заградив уста львов, сохранил невредимым раба Твоего (см.: Дан. 14). И ныне ниспровергни этих идолов и дай познать людям Твою сильную мышцу!

Помолившись так, святой вышел из храма. Вместе с ним вышел князь Димитрий и весь собравшийся здесь народ. Еванфия же с Димитрианом оставалась внутри храма. И вот, внезапно сделалось землетрясение, храм с идолами упал и боги, на которых язычники надеялись, разбились в прах, жене же князя с сыном ее выход был загражден упавшими стенами. Весь народ был в ужасе, видя падение храма, князь же не знал, что жена и сын его были завалены стенами.

Радуясь силе Бога Живого, Корнилий сказал князю:

— Где теперь, князь, твои великие боги?

[1] Древние христиане молились, обращаясь к востоку, откуда восходит солнце, которое было символом Солнца Правды — Христа.



Тот же, исполнившись ярости, сказал:

— Скажи нам, волшебник, какими чарами ты устроил падение храма и богов наших?

И стал он советоваться с своими приближенными, какими муками погубить Корнилия.

День уже склонялся к вечеру, и солнце стало заходить, почему времени для мучения Корнилия не оставалось. Князь повелел связать ему руки и ноги, и в таком положении повесить его в темнице, чтобы он, вися всю ночь, страдал до утра; утром же князь хотел жестоко его мучить и умертвить. Когда святой был отведен в темницу и там, по повелению мучителя, повешен со связанными руками и ногами, к князю прибежал один из его рабов, по имени Талефон, и сказал:

— Господин! Моя госпожа и единственный сын твой погибли в храме, обрушившемся от землетрясения.

Князь Димитрий, услыхав это, разорвал на себе одежды[1] и горько зарыдал. Плакали с ним и старейшины города, иные же его утешали.

---

[1] Древние разрывали свои одежды в знак печали.

Но кто мог утешить в таком горе, какое он почувствовал в своем сердце при получении вести о внезапной кончине жены и сына?

Тогда князь сказал своим приближенным:

— Подите, разметайте камни павшего храма, отыщите кости возлюбленной супруги моей и моего милого сына и принесите их ко мне.

Сказав это, он снова горько зарыдал. В это время поспешно пришел к нему начальник жрецов Варват и сказал:

— Я слышал голоса жены твоей и сына, которые из средины упавших стен восклицали: «Велик Бог христианский: Он сохранил нас живыми от ужасной смерти чрез раба Своего Корнилия. Просите же этого святого мужа, чтобы он вывел нас отсюда и чтобы мы здесь не погибли. Ибо мы видим дивные чудеса его Бога и слышим голоса Ангелов, которые поют: „Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение“» (см.: Лк. 2, 14).

Услышав это от Варвата, князь быстро побежал со всеми своими приближенными к рабу Божию в темницу и нашел его там свободно ходящим: Ангел Господень разрешил его от уз. И припал князь к ногам Корнилия, говоря:

— Велик, Корнилий, твой Бог, Который хранит мою супругу и моего сына в упавшем храме. Итак, молю тебя, раб Бога Вышнего, прииди и выведи их оттуда: я со всеми моими приближенными верую во Христа Распятого, Коего ты проповедуешь.

Святой Корнилий пошел с ними к упавшему идольскому храму и, возведя на небо очи свои, сказал:

— Господи Боже сил, Который *призирает на землю, и она трясется* (Пс. 103, 32), от лица Твоего тают горы и высыхают бездны! Услыши, Господи, моления заключенных, изведи из развалин Еванфию и не отврати лица от сына ее, но внемли им ради имени Твоего.

Когда он молился так, внезапно открылось место, где между павшими стенами была заключена Еванфия с сыном, и оба вышли оттуда невредимы, восхваляя Бога. Все же, бывшие там и видевшие это преславное чудо, восклицали:

— Велик Бог христианский!

Димитрий крестился с женой, сыном и со всем домом своим; крестились с ним и двести семьдесят семь других граждан. Святой же Корнилий прожил в том городе довольно долго, искореняя терние неверия из сердец человеческих и рассеивая семена благочестия.

В скором времени он обратил ко Христу весь город и одного уважаемого мужа, по имени Евномия, поставил там пресвитером. Дожив до глубокой старости и приблизившись к смерти, о коей узнал заранее, он усердно молился, приготовляя себя в путь к Господу. Собрав к себе всех, кого он обратил из язычества в христианство, он научил их пребывать в вере и любви и упражняться во всяких добродетелях, преуспевая в исполнении заповедей Господних. Много поучив их, он услышал голос с неба:

— Корнилий! Иди ко Мне, ибо приготовлен тебе *венец правды* (2 Тим. 4, 8).

Услышав это, Корнилий тотчас стал молиться и, преклонив колена, сказал:

— Господи Боже наш! Ты сподобил меня соблюсти веру, совершить подвиг и победить сопротивных. Благодарю Тебя за все! Но прошу Тебя, Господи, призри с Твоей святой высоты на рабов Твоих и будь к ним милостив; утверди их в вере, укрепи в подвигах, пошли им помощь в исполнении святых Твоих заповедей, чтобы они непрестанно прославляли пресвятое имя Твое ныне и во веки веков.

И когда все сказали: «Аминь», — он предал с радостию дух свой в руки Господа, призывавшего его на небеса.

Князь же Димитрий с супругой своею Еванфией, сыном Димитрианом[1], пресвитером Евномием и всеми верующими долго плакали над отцом и учителем своим; зажегши свечи и воспев надгробные песни, они погребли тело его с честию близ упавшего храма Диева. И каждый день верующие, приходя на его могилу, кадили ладаном и молились, и от гроба его болящим подавалось много исцелений.

Прошло много лет — и все современники описанных событий отошли ко Господу. Последующим поколениям осталось неизвестным то место, где были погребены мощи святого Корнилия, ибо вокруг его гробницы выросло терние и густой кустарник, и никто не знал о хранившемся там драгоценном сокровище. Однажды случилось быть на том месте епископу города Троады[2], Силуану; святой Корнилий явился ему ночью во сне и сказал:

---

[1] Все трое пострадали за Христа и причислены к лику святых; память их празднуется 11 сентября.

[2] *Троада* — область древнего города Трои, в западной малоазийской провинции Мизии. — Епископ Троады *Силуан* скончался в 425 году.

— Долгое время я живу здесь, и никто не навестил меня.

Епископ же, пробудившись от сна, удивлялся виденному и недоумевал, кто являлся ему. На следующую ночь святой снова явился ему и сказал:

— Я — сотник Корнилий, мощи же мои лежат в терновнике, растущем около того места, где некогда стоял храм Дия. Ты построй мне церковь близ места, принадлежавшего Димитрию; то место зовется Пандохиум[1], и на нем погребены многие тела верных и святых братий.

Наутро епископ рассказал о видении своему клиру и отправился со всеми к тому терновнику, который в видении ему показал святой. Помолившись, они начали копать землю и скоро нашли ковчег, заключавший в себе мощи святого Корнилия целые и нетленные, от которых исходило необычайное благоухание, и все были очень обрадованы обретением такого великого сокровища. Епископ же оставался в затруднении относительно церкви, которую повелел ему построить святой, ибо у него не было столько денег, сколько требовалось для построения церкви. Однако и в этом деле святой Корнилий не замедлил помочь епископу. На следующую ночь он явился одному благочестивому и очень богатому человеку, по имени Евгению, и повелел ему дать епископу Силуану столько денег, сколько будет нужно для построения церкви. Евгений же сообщил о своем видении епископу и дал ему все нужное, после чего святой храм был построен и украшен со всяким благолепием. Когда наступило время перенесения честны́х мощей из терновника в новосозданную церковь, собралось множество верующих с епископом Силуаном и Евгением, имея в руках своих возжженные свечи. Едва епископ с клиром начал петь «Трисвятое», как ковчег внезапно поднялся сам собою и несен был невидимыми руками к церкви; из народа же никто не смел прикоснуться к нему. Видя, что ковчег движется сам собою, все удивлялись и ужасались и едиными устами вопияли:

— Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, являющий нам силы и чудеса Свои чрез раба Своего Корнилия!

Случилось там быть в то время и многим неверующим, которые, видев это чудо, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Когда

[1] Греческое название странноприимного дома.

же все дошли до церкви и вошли в нее, то стали по обе стороны, желая видеть, как пойдет ковчег с мощами и где станет. Он же, двигаясь прямо, стал близ алтаря, по правую сторону. Епископ хотел поставить его внутри алтаря, но никто не мог подвинуть ковчег с того места, на коем он стал сам. И совершались многие чудеса в то время и впоследствии от святых и чудотворных мощей угодника Божия. По смерти епископа Силуана его место занял Филосторгий, который убедил одного иконописца, по имени Енкратия, расписать всю церковь священными изображениями и более всего позаботиться о написании иконы самого святого Корнилия. Иконописец же, начав писать икону святого Корнилия, никак не мог изобразить лица его и несколько раз смывал все, что писал на иконе, чувствуя, что ему не удается написать лик святого вполне благолепно. Наконец он вышел из себя, — произнесши хульные слова против святого, оставил его икону и, намереваясь написать что-нибудь другое на церковной стене, поднялся на лестницу, но, поскользнувшись, упал вниз и так расшибся, что лежал как мертвый. Бывшие в церкви взяли его, снесли в дом и положили на одре едва живого и неспособного вымолвить даже одно слово. Вокруг его рта видны были черви, из коих одни вползали, другие выползали из его уст. Это было наказанием ему за то, что он осмелился произнести своими устами хульные слова против святого. Однако как Сам Господь, так и святые рабы Его гневаются не до конца и не вечно негодуют. Ибо наутро тот, кто вывел живыми жену и сына Димитрия из разрушившихся стен, явился к Енкратию и, взяв его за руку, поднял его с одра, как бы от сна, и стал невидим. Енкратий же, почувствовав себя здоровым, поспешил в церковь святого и, припав к честно́му ковчегу, в котором почивали целебные мощи Корнилия, с плачем просил прощения за свой проступок и благодарил святого за то, что тот помиловал его и исцелил от болезни, когда он уже был близок к смерти. Двойную пользу получил тот иконописец от явления святого: он исцелился от болезни и узнал, каков был лик святого. После этого он изобразил на иконе святого Корнилия так, как видел его в явлении, и прославлял Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ГОРДИАНА, МАКРОВИЯ, ИЛИИ, ЗОТИКА, ЛУКИАНА и ВАЛЕРИАНА

Эти мученики пострадали при Ликинии. Гордиан был из Каппадокии, Макровий — из Пафлагонии; оба они были юношами и за свою твердую веру во Христа пострадали раньше других. Зотик же, Илия и Лукиан были родом из Скифии, пострадали в городе Томах. Повелением князя Максима они, после многих мучений, были усечены мечом. Святой Валериан горько плакал на гробе мучеников и, рыдая, скончался[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПЕТРА
в Атрое

Этот преподобный от самой утробы матерней был освящен Богом. Всю свою жизнь он провел в посте и непрестанной молитве; совершил много чудес; между прочим, прошел чрез реку Галис как бы посуху. Он так удручил свое тело железными веригами, что казался скорее тенью, чем человеком. Угодив Богу, он, спустя довольное время, в мире скончался[2].

---

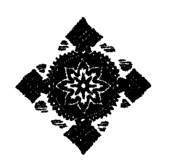
[1] Пострадали в начале IV века. *Каппадокия* и *Пафлагония* — области Малой Азии. Под Скифией разумеются, вероятно, ее колонии на Черноморском побережье. *Город Томы* — ныне *Кюстендже*, морской порт Румынии.

[2] *Галис* — река северо-западной Малой Азии, протекает через Каппадокию и Галатию и впадает в Черное море. Под Атроею дóлжно разуметь неизвестный ныне город в Малой Азии. Преподобный Петр подвизался при патриархе Константинопольском Тарасии (784–806 гг.) и при Византийском императоре Никифоре (802–811 гг.).

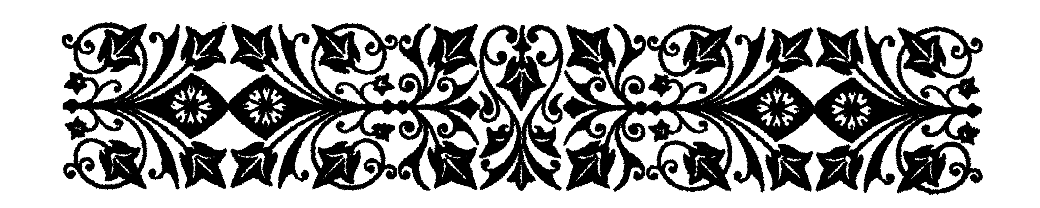
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

СЕЛЕВКА, СТРАТОНИКА, КРОНИДА, ЛЕОНТИЯ и СЕРАПИОНА

Святой Селевк был из Галатии, Стратоник — из Никомидии Вифинской; Кронид же, Леонтий и Серапион — из Египта. После многих мучений мучители связали святым Крониду, Леонтию и Серапиону руки и ноги и бросили их в море. Морские волны выбросили их святые мощи на сушу. Ангелы повелели христианам предать их погребению. Святой Селевк пострадал в Галатии. Его много мучили различными муками и, наконец, предали на съедение зверям. Святой же Стратоник пострадал так: Вифинский правитель велел привязать его после многих мучений к двум пригнутым ветвям дерева; затем отпустил эти ветви, и святой мученик был разорван на две части и так предал Богу дух свой[1].



[1] Мученичество их относится к III веку. Кронид, Леонтий и Серапион, после многих мук, потоплены в море в Египте, около 237 года, в Александрии при Максимине I. Стратоник пострадал в Никомидии Вифинской (память его празднуется еще 9 сентября).



Д е н ь ч е т ы р н а д ц а т ы й

СКАЗАНИЕ
О ВОЗДВИ́ЖЕНИИ ЧЕСТНО́ГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО
КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Когда в Риме царствовал Максенций[1], то он причинял народу много зла, преследуя и мучая не только христиан, но убивая и язычников, разграблял их имущества и жил порочно, оскорбляя благородные семьи. Он был тягостен и гнусен всему Риму, по причине своих жестокостей и развращенной жизни. Поэтому римляне тайно послали царю Константину, находившемуся тогда с матерью своею в Британии, прошение, умоляя его прийти и избавить их от этого мучителя. Константин сначала написал к Максенцию, дружески увещевая его прекратить свои мучительства. Но Максенций не только не послушал его и не исправился, но стал еще хуже, и поднял оружие против самого Константина, не желая, чтобы он был соравным ему царем. Тогда как Константина избрало на царский престол все войско, Максенций взошел на престол самовластно. Народ не любил его, и только некоторые вельможи, коим он обещал большие

---

[1] *Максенций* — Римский император с 306 по 312 год. Он преследовал христиан и отличался жестокостью. Выведенные из терпения римляне пригласили себе на помощь Константина, который под спасительным знамением креста одержал победу над войсками Максенция, погибшего в волнах Тибра. В 313 году императоры Константин и Ликиний (правивший восточной частью) издали указ, которым религия христианская была объявлена государственной, наравне с древней языческой. Но Ликиний вскоре, однако, начал преследовать христиан. Тогда Константин обратил свое оружие против Ликиния и, окончательно победив его в сентябре 323 года, сделался единым властителем Римской империи. Это событие и было ближайшим поводом к установлению празднования в сентябре новолетия.

дары и многие почести, изъявили желание на его избрание; Константин же был провозглашен царем по всеобщему согласию.

Услыхав, что Максенций не исправляется, но усиливается в своей злобе, Константин собрал войско и пошел на него войною. Видя, что сила войска его не велика, принимая при этом в соображение и злые козни Максенция, он начал сомневаться в своем успехе. Он знал, что Максенций много проливал человеческой крови для совершения волхвований и заклал в жертву бесам много отроков, девиц и жен, зачавших во чреве своем, чтобы умилостивить тем ложных богов своих, на которых надеялся. Зная, что Максенцию помогает и сила бесовская, Константин начал молиться Единому владычествующему над небом и землею Богу, Коего почитает весь род христианский, и умолял даровать ему знамение победы над мучителем. И когда он таким образом усердно молился, в полдень явилось ему на небе образ Креста Господня, изображенный звездами[1], сиявший сильнее солнечного света; на нем была надпись: сим побеждай. Это чудесное явление видели все воины, среди коих был и полководец Артемий[2] (который после был замучен за Христа при Юлиане)[3], и пришли в удивление. Большинство же из них устрашились: у язычников изображение креста было знаком злополучия и смерти, так как на кресте умирали присужденные к смертной казни разбойники и злодеи; поэтому воины боялись, что война их будет несчастна. Сам царь Константин находился в великом смущении. Но ему ночью явился во сне Сам Христос Господь и снова показал явившееся днем знамение честного Креста, сказав ему:

— Сделай подобие знамения этого, и повели носить пред полками, — и тогда победишь не только Максенция, но и всех врагов твоих.

Царь поведал приближенным видение свое и, призвав искусных мастеров золотых дел, повелел им сделать честный Крест Господень, по подобию явившегося знамения, из золота, жемчуга и драгоценных

---

[1] То есть изображение составлял ряд звезд, которые были сгруппированы в виде креста.

[2] Память Артемия — 20 октября; мученическая кончина его последовала в 363 году.

[3] *Император Юлиан* царствовал с 361 по 363 год. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачей своей жизни восстановление язычества. Поэтому он и называется *Отступником*.

камней. При этом и всем воинам своим он повелел изображать знамение креста на всем оружии, на шлемах и щитах.

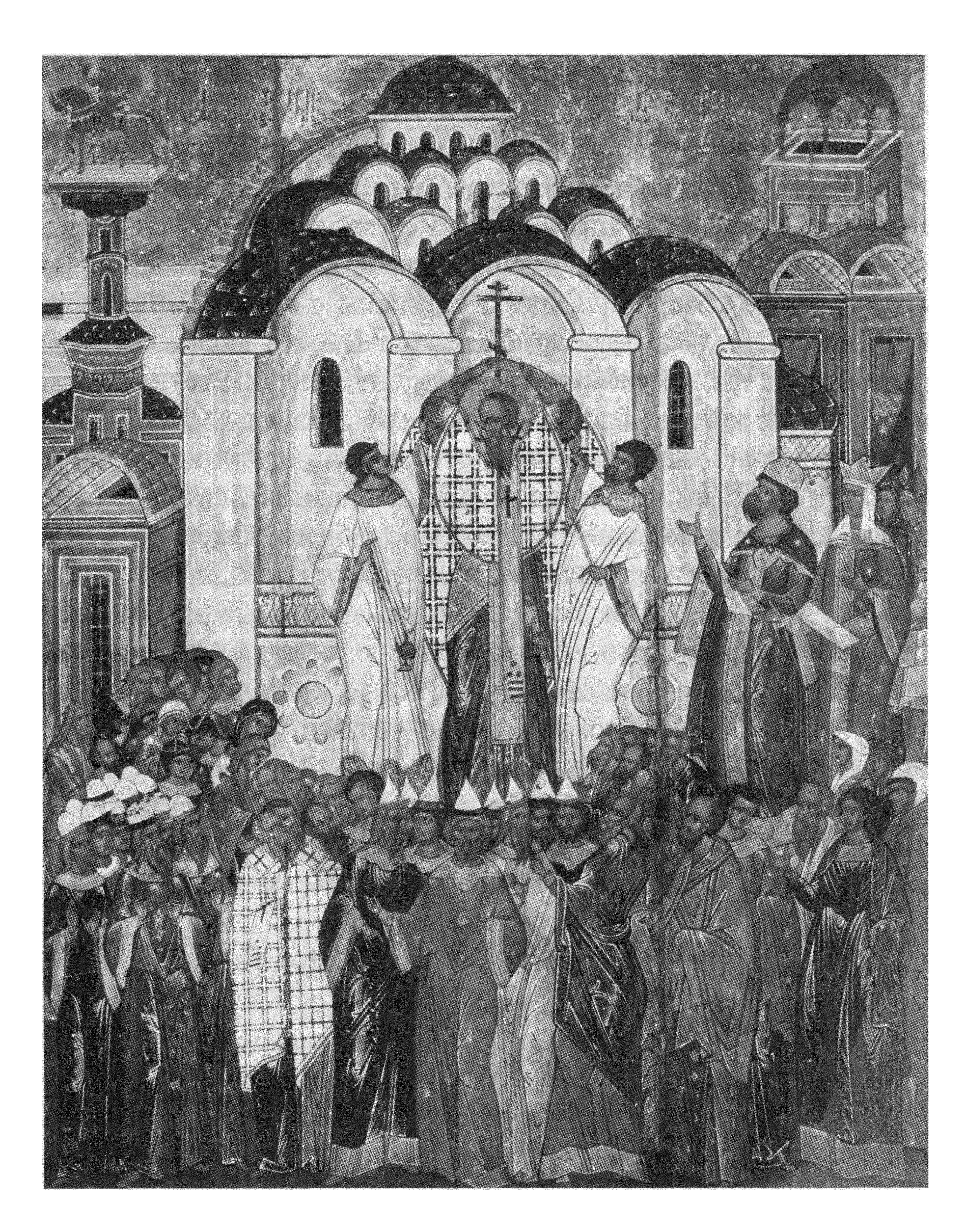
Злочестивый Максенций, прослышав о походе Константина в Италию на Рим, смело выступил с римскими войсками против великого Константина. Константин приказал носить пред полками своих воинов честной Крест. Когда они сошлись с Максенцием и вступили в битву, то Максенций силою честного Креста был побежден, и множество воинов его было умерщвлено, сам же он обратился в бегство. Гонимый царем Константином, он переправлялся через реку Тибр мостом, который сам построил; но в это время мост силою Божией разрушился, и жалкий мучитель потонул в реке с своими войсками подобно древнему фараону, и наполнилась река всадниками, конями и оружием[1]. Константин Великий победоносно вошел в Рим, и весь народ радостно встретил его с великими почестями. Царь же воссылал величайшую благодарность Богу, даровавшему ему победу над мучителем силою честно́го и животворящего Креста, а в память той преславной победы поставил среди Рима на высоком каменном столбе крест, на котором написал: «Сим спасительным знамением град этот освобожден от ига мучителя».

В другой раз Константин пошел войною на византийцев, небольшой город которых — Византию основал, назвав своим именем, некий грек Визас во времена Манассии, царя Иудейского[2]. Дважды побежденный ими, Константин находился в великой печали. По наступлении вечера, возведя очи свои на небо, он увидел сложенную звездами надпись, гласившую: *Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс. 49, 19). Устрашенный, он снова возвел очи на небо и увидел, как прежде крест на небе, изображенный звездами, и вокруг его надписание: «В этом знамении победишь». После этого, когда в битве был предносим Крест, Константин победил врагов своих и взял город Византию.

---

[1] Это событие последовало 28 октября 312 года.

[2] Византия, впоследствии знаменитый Константинополь, или Царьград, впервые возвышенный Константином Великим, была сначала небольшой Мегарской колонией, основанной около 658 года до Рождества Христова и названной по имени главного ее основателя (основана выходцами из греческого малоазийского города Милета, подчиненного тогда Персидскому царству).



Возвижение Креста Господня

В третий раз, когда Константин сражался со скифами[1] на реке Дунае, опять явилось на небе это спасительное оружие, и снова, как и прежде, Константин одержал победу.

Уразумев из этого силу Распятого на кресте Христа и уверовав, что Он есть Единый истинный Бог, Константин крестился во имя Его вместе с достохвальною матерью своею Еленою, которую, по ее великому благочестию, послал в Иерусалим с большим богатством для обретения честного Креста Господня. Царица Елена, отправившись в Иерусалим, обошла святые места, очистила их от идольского осквернения и изнесла на свет многие мощи святых. Патриархом в Иерусалиме был тогда Макарий, который встретил царицу с подобающими почестями. Блаженная царица Елена, желая найти скрытый иудеями животворящий Крест Господень, призвала всех иудеев и просила их, чтобы они показали ей место, где скрыт честной Крест Господень. Когда же они стали отрекаться, что не знают, царица Елена угрожала им мучениями и смертию. Тогда они показали ей некоего старца, по имени Иуду, говоря, что он может показать царице то, чего она ищет, потому что он — сын уважаемого пророка.

Несмотря на продолжительные истязания, Иуда отказывался поведать о месте, где скрыт Крест Господень. Тогда царица Елена приказала ввергнуть его в глубокий ров. Пробыв в нем некоторое время, Иуда, наконец, обещал сказать о том, что знает о зарытом в землю Кресте Христовом. Тогда вывели его из рва и, по его указанию, пришли на место, где был большой холм из земли и камней, на котором царь Римский Адриан уже построил храм в честь языческой богини Венеры[2] и поставил в нем идола. Иуда показал, что здесь именно скрыт Крест Христов.

Царица Елена повелела разрушить идольский храм, землю же и камни рассыпать и раскопать. По совершении патриархом Макарием

---

[1] *Скифы* — дикий кочевой народ, пришедший из Азии и первоначально кочевавший в южных степях нынешней России, откуда после они двинулись далее на запад к Дунаю, беспокоя опустошительными набегами придунайские области Римской империи.

[2] *Венера* — греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей. — Пещера Гроба Господня, за два столетия, до этого времени была завалена по приказанию римского императора Адриана — с целью сделать неузнаваемым совершенно самое место распятия и погребения Христа. Это было в 119 году по Рождестве Христовом.

на месте том молитвы, разлилось в воздухе благоухание, и тотчас, по направлению к востоку, были обретены Гроб Христов и Лобное место, и близ его нашли зарытыми три креста, а потом и гвозди, коими был пригвожден ко кресту Господь. Когда же не могли определить, какой из найденных крестов — Крест Христов, случилось, что в то время вынесли некоего мертвеца для погребения. Тогда патриарх Макарий приказал носильщикам остановиться, и кресты были возлагаемы по очереди на мертвеца. Когда был возложен на него Крест Христов, мертвец тотчас воскрес и, силою божественного Креста Господня, встал живым[1]. Царица, с радостию приняв честный Крест, поклонилась ему и облобызала его, — также и все бывшие с нею начальники и вельможи воинские и гражданские. Некоторые в то время, по причине тесноты, не имели возможности увидеть и облобызать святой Крест, и просили, чтобы, по крайней мере, издали показали бы его им. Тогда Макарий, патриарх Иерусалимский, став на возвышеннейшем месте, воздвигая Крест, показывал его народу.

А народ восклицал:

— Господи, помилуй!

Отсюда и получил свое начало праздник Воздвижения честного Креста Господня[2].

Царица сохранила у себя часть честного древа Креста Господня, также и гвозди, а крест, вложив в серебряный ковчег, отдала патри-

---

[1] Святой Димитрий Ростовский заканчивает свое повествование о Воздвижении Креста Господня (в примечании) следующими подробностями: «О чуде том, чрез которое был узнан истинный Крест Христов, многие говорят несогласно. Некоторые говорят, что мертвая девица была несена на погребение и силою крестною была воскрешена. Другие говорят об умершей вдове, которая чрез животворящее древо ожила. Иные повествуют, что вдова некая лежала дома больной и была близ смерти, но вот, к ней пришел патриарх (Макарий) с царицей (Еленой) и, принесши кресты, возлагал их на больную, и когда возложен был Крест Господень, немедленно встала здоровой. Другие передают, что (в то время) на кладбище несен был мертвец, но чрез прикосновение Кресту Господню он воскрес. Никифор Каллист (кн. VIII, гл. 29) говорит, что оба чуда были совершены тогда Крестом Господним: и вдова, лежавшая дома больною и уже умиравшая, от врат смертных была возвращена к жизни и здравию, и мертвец, которого несли для погребения, был воскрешен».

[2] По исследованиям агиологов, это было приблизительно в конце мая 326 года. С 335 года, когда совершено было освящение храма Воскресения Христова 13 сентября, положено было праздновать Воздвижение Креста Господня на другой день, 14 сентября.

арху Макарию на сохранение для будущих поколений. Иуда, со множеством евреев, уверовал во Христа и крестился и был во святом крещении наречен Кириаком[1]; впоследствии он был патриархом Иерусалимским и скончался, пострадав за Христа при Юлиане Отступнике. А святая царица Елена повелела сооружать в Иерусалиме по святым местам церкви и прежде всего повелела построить церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, где были обретены гроб Христов и честной Крест. Потом она приказала соорудить храм в Гефсимании, где находился гроб Пречистой Богородицы во имя честного Ее успения. После того благочестивая царица создала еще восемнадцать церквей и, украсив их различными драгоценностями и одарив всем потребным, возвратилась в Византию, взяв с собою часть животворящего древа Креста Господня и гвозди, которыми было пригвождено некогда тело Христово.

Блаженный царь Константин положил животворящее древо в золотом ковчеге, а из гвоздей Господних один был брошен святою Еленою в Адриатическое море[2], когда она возвращалась в Царьград, для утишения поднявшейся сильной бури и морского волнения, другой — царь вковал в шлем свой, третий — приковал к удилам в уздечке своего коня, во исполнении прореченного пророком Захариею: *В то время даже на конских уборах будет [начертано]: «Святыня Господу»* (Зах. 14, 20), а четвертый гвоздь царица Елена отдала на сохранение ближайшим царским советникам.

По возвращении святой Елены из Иерусалима в Византию, христолюбивый царь Константин соорудил три больших креста по числу явленных ему в войнах: одного в Риме, когда потопил Максенция, другого — в Византии, когда взял ее, третьего — когда победил на реке Дунае скифов. Соответственно этим трем победам, он соорудил из драгоценных веществ три честны́х Креста́ и написал на них золотыми письменами следующие слова: ИС ХС НИКА, то есть Иисус Христос победил. Свидетельствуя пред всеми свою ревность по благочестии и показывая, что он победил врагов силою креста,

---

[1] Память Кириака празднуется 28 октября.

[2] *Адриатическое море* — заливообразная часть Средиземного моря, омывающая Апеннинский полуостров и запад Балканского. Святая царица Елена из Иерусалима прежде направилась, вероятно, в Рим, а отсюда уже в новую столицу империи — Константинополь.

царь поставил один крест на возвышенном месте на восточной торговой площади, другой крест — на верху пурпурной колонны римской[1] на главной городской площади, третий — на прекрасном мраморном помосте на хлебном рынке, где совершалось ради святого Креста Христова много чудес и знамений. Многие свидетельствуют, что Ангел Господень сходил с небес на то место ночью в светозарном сиянии и, обходя, кадил честной Крест, воспевая сладкогласно Трисвятую песнь, после чего снова восходил на небо. Это бывало трижды в год: в сентябре месяце в ночь на Воздвижение честного Креста Христова, второй раз — 7 мая, в ночь на воспоминание явления Креста Господня на небесах, и третий раз — в Великий пост святой Четыредесятницы, в крестопоклонную неделю. И многие из благоговейных людей, живущих праведно и свято, видели это схождение Ангела и слышали его пение, и потом об этом поведали и другим.

Следует теперь вспомнить и о том, как честное и животворящее древо Креста Господня некогда было похищено персами и потом снова возвращено в Иерусалим к радости верующих[2].

В царствование Византийского царя Фоки, Хозрой, царь Персидский, покорив Египет, Африку и Палестину, взял Иерусалим, причем убил много христиан[3]. Похитив при этом и различные сокровища церковные и утварь, он в числе других взял и это многоценное сокровище — древо животворящего Креста Господня и унес его в Персию. По прошествии некоторого времени, по смерти царя Фоки, на престол его вступил Ираклий[4], который, хотя и пытался победить Хозроя, однако сам много раз был побежден им и потому

[1] И доселе сохранился в Константинополе остаток этой «пурпурной колонны», перевезенной некогда Константином Великим из Рима. Остаток этот известен под именем «горелой колонны», каковую он собой действительно и представляет.

[2] Нижеследующее повествование приведено в Четьих-Минеях святого Димитрия Ростовского со слов Феофана, исповедника и творца канонов († в первой половине IX века), и Георгия Кедрина, византийского церковного историка конца XI и начала XII века.

[3] Византийский император Фока царствовал с 602 по 610 год. — Хозрой II, царь Персидский, объявил войну грекам по предлогом отмщения за смерть императора Маврикия, его союзника, и его детей, бесчеловечно умерщвленных императором-узурпатором Фокой.

[4] Ираклий царствовал с 610 по 641 год.

просил мира, но не получал его от надменного врага. Тогда, находясь в великой печали, император стал искать помощи от Бога: он повелел всем верующим совершать молитвы, бдения и посты, дабы Господь избавил их от врага, который в своей гордости похвалялся истребить всех христиан и хулил имя Господне, и чтобы враги не могли сказать: «Рука (то есть сила) наша крепка, и боги наши сильны», — но чтобы познали язычники, что Един есть истинный Бог, крепости и силе Коего никто не может противостоять. И сам царь молился со слезами и усердно постился. Потом, собрав всех воинов и вооружившись силою Креста, в надежде на помощь Божию, Ираклий пошел на персов войною и в сражении с Хозроем победил его и обратил в бегство, после чего в продолжение семи лет опустошал Персидское царство, завоевывая города и селения и одерживая победы над многочисленными полками Хозроя. Наконец Хозрой, не имея более возможности сопротивляться греческим войскам, бежал из своей земли и, при переправе чрез реку Тигр[1], сделал младшего своего сына Медарса своим соправителем. Возбужденный этим, старший сын его Сироес замыслил убить вместе и отца и брата, что вскоре и исполнил. После этого Сироес, оставшись наследником и владетелем Персидского царства, отправил посольство к Греческому царю Ираклию, с прошениями и многочисленными дарами, изъявляя пред ним покорность и прося его прекратить свою опустошительную войну. Тогда царь Ираклий, заключив с царем Персидским мир, взял с собою и животворящее древо Креста Господня, похищенное Хозроем из Иерусалима и находившееся в пленении у персов в продолжение четырнадцати лет. И возвратился царь Греческий со многими приобретениями, радуясь и прославляя Бога за Его великую помощь.

Достигнув Иерусалима, царь возложил честнóе древо на рамена свои, для того чтобы отнести на прежнее его место, и нес его, будучи облечен в царскую порфиру, украшенную золотом и драгоценными камнями, с царским венцом на голове. Тогда совершилось великое чудо: царь внезапно остановился во вратах, коими входили на Лобное место, и, к удивлению всех, не мог ступить с честны́м древом Креста Христова ни шагу. Захария же, патриарх Константинопольский, вместе со всеми жителями Иерусалима, вышел навстречу

[1] *Тигр* — река, протекающая в Персии по Месопотамии; в конце своего течения соединяется с Евфратом и впадает в Персидский залив.

царю с ветвями и финиками до самой Елеонской горы, и шел вместе с царем. И вот он видит светоносного Ангела Божия, стоящего в тех вратах и возбраняющего вход.

И сказал ему Ангел:

— Не таковым образом нес сюда древо крестное Творец наш, каким вы несете его.

Видя и слыша то, патриарх вострепетал и, обратился к царю:

— Знай, царь, что невозможно одетому в богатые одежды и украшенному царскими украшениями нести древо это святое, которое нес обнищавший ради нас Христос в состоянии уничижения; если хочешь внести его, подражай Его нищете.

Тогда благочестивый царь Ираклий снял с себя пурпуровую порфиру и облекся в простую и бедную одежду и понес честное древо святого Креста уже без всякого препятствия, идя босыми ногами, — внес его в церковь на то самое место, откуда оно взято было Хозроем, царем Персидским, и снова поставил там крестное древо[1]. И была великая радость и веселие у верующих по причине возвращения Креста Господня, и они ликовали (подобно тому, как некогда израильтяне радовались возвращению от филистимлян Ковчега Завета — см.: 1 Цар. 7), воздавая хвалу Распятому на кресте Христу, Царю славы, и поклоняясь подножию Его, святому Кресту. Да будет и от нас Ему честь, слава и поклонение, ныне и во веки веков, аминь.

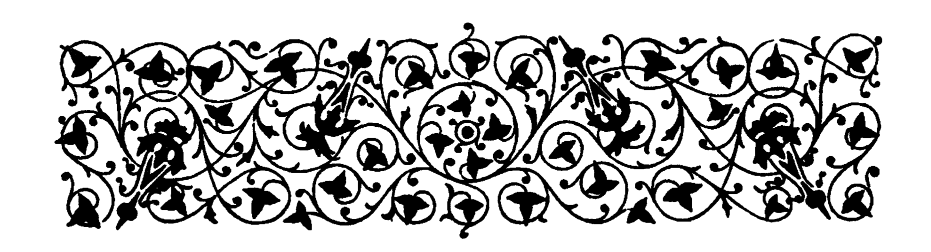
ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАПИЯ

Святой Папий пострадал в царствование Максимиана, при игемоне Магне, в стране Ликаонской. Его много и различно мучили: сокрушили ему челюсти и ланиты, повесили его и строгали когтями; затем обули его в железные сапоги с гвоздями и заставили идти в них пешком. В таких мучениях он предал дух свой Господу[2].

---

[1] Это было в 629 году по Рождестве Христовом. Патриархом Иерусалимским был в то время святой Захария с 609 по 633 год (с 614 по 628 год был в плену у персов).

[2] *Святой Папий* пострадал в конце III или начале IV века. Родом был из Ли-



День пятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
НИКИТЫ

Когда честный и животворящий Крест Господень, это знамение победы, был вознесен высоко над миром, то соименный победе, святой Никита, пришел под его сень. Накануне этого дня мы праздновали Воздвижение святого Креста, эту непобедимую для мира победу, а ныне ублажаем святого Никиту, имя коего означает победителя[1]. Этот добрый воин Иисуса Христа стал под крестом, как бы под знаменем, чтобы вести брань против врагов святого Креста, в честь Распятого на нем. Один воинствует за царя земного, другой — за свою жизнь и суетную славу, иной — за временные богатства, а святой Никита воинствовал за Единого Господа своего Иисуса Христа, Который есть Царь всякого создания и наша слава и никогда не иссякающее богатство. А где и каким образом этот воин подвизался за Христа, — об этом повествуют следующее.

Когда в царствование святого равноапостольного царя Константина Великого святая вера начала распространяться по всей вселен-

---

каонии (область Малой Азии, граничащая к северу с Галатией, к западу — с Фригией и Исаврией, к востоку — с Каппадокией, к югу — с Ликией), из города Ларанды, где начал свои страдания, которые продолжал потом в Диокесарии и кончил в Селевкии Исаврийской.

[1] *Никита* — по переводу с греческого значит «победитель».

ной, тогда в Готской стране[1], по ту сторону реки Истра[2] (Дуная), воссияло, как свет во тьме, святое благочестие. В той стране был рожден, крещен и получил воспитание святой Никита. Готский епископ Феофил[3], принимавший участие на I Никейском соборе, исповедавший догматы православной веры и подписавший определения собора, — просветил Никиту светом веры и крестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Спустя немного времени древний завистник — диавол, не вынося того, что святая вера Христова распространяется и число христиан все более и более увеличивается, воздвиг в этой варварской земле, омраченной идолослужением, борьбу и сильное гонение против исповедующих имя Христа и верующих в Господа. Дух злобы внушил князю той страны, по имени Афанариху, убивать христиан и истребить с земли своей даже память о них. В то время произошло у готов разделение и междоусобная брань. Они разделились на две части: одна часть имела вождем своим некоего Фритигерна, а другою руководил жестокий мучитель Афанарих. Когда эти единоплеменники сошлись друг с другом на бой и произошло великое кровопролитие, Афанарих, имевший больше силы и храбрости, одолел и победил своего противника и обратил его войско в бегство. Побежденный Фритигерн бежал в Грецию, где искал помощи у христоненавистного царя Валента[4]; император приказал всему войску, бывшему во Фракии, идти на помощь Фритигерну. После этого Фритигерн, со всеми оставшимися своими воинами и с собранным во Фракии греческим войском, выступил про-

---

[1] *Готская страна* простиралась от нижней Вислы до Черного моря; главным образом готы жили в нынешней Румынии, по Дунаю.

[2] *Истр* — старинное название Дуная.

[3] Скончался около 340 года.

[4] *Император Валент* царствовал с 364 по 378 год.

тив своего соперника. Переходя через реку Истр (Дунай), он приказал сделать изображение святого креста и носить это изображение пред своими полками. Так он напал на Афанариха. Произошло ужасное сражение, но христиане с помощью креста одолели Афанариха и победили все его войско: одних убили, других взяли в плен, так что сам он с небольшой дружиной едва успел убежать. С того времени христианская православная вера все более и более стала распространяться среди готов, ибо многие, увидев непреодолимую силу креста, проявившуюся в битве, уверовали в Распятого на кресте Господа.

Когда умер епископ Феофил, на его кафедру вступил Урфил[1], муж благоразумный и благочестивый. Он изобрел для готов письмена и перевел с греческого языка на готский много книг, так что святая вера христианская распространялась среди готов с каждым днем все более и более. Утверждению там веры во Христа способствовал своим рвением и святой Никита, один из благороднейших и славнейших лиц той земли. Своим благочестием и боговдохновенными словами он многих привел ко Христу.

Спустя некоторое время нечестивый Афанарих снова возвратился к себе на родину. Достигнув власти и силы, он, научаемый бесом, воздвиг в своей области страшное гонение на христиан, старался отмстить за свое унижение, так как он был побежден и посрамлен христианами в битве.

Тогда святой Никита, распаляемый ревностью к Богу, вышел на борьбу с обоими врагами, невидимым и видимым: борьбу против невидимого врага он вел, обращая неверных в истинную веру и предуготовляя верующих к мученическому подвигу; борьбу же с видимым врагом он вел, обличая мучителя Афанариха и укоряя его за его безбожие и бесчеловечность, за то что он предавал множество верующих различным мукам; таким образом святой Никита победил обоих: и диавола попрал, и суровость мучителя одолел. Различные муки, коими у доброго страдальца Христова хотели вынудить отречение от Христа, были бессильны, и сам мучитель был в недоумении, почему он, при всем своем могуществе, не мог преклонить к своему злочестию одного раба Христова, твердого в своем исповедании по-

[1] *Урфил*, или *Ульфилла*, — первый готский епископ и ревностный проповедник христианства среди готов; жил с 311 по 383 год.

добно крепкому и непоколебимому столпу.

Что же задумал тогда беззаконный? Он задумал уничтожить огнем того, кого не мог убить многими ранами, истязанием плоти и раздроблением членов. Но чего же достиг нечестивый? Он более сам себя сжег своею яростью, чем мученика — пламенем: святой Никита, хотя и находился в огне, однако тело его не сгорело от огня, душа же его возродилась для новой вечной бессмертной жизни. Между тем мучитель и без огня сгорел от своего безбожия: он омертвел своею душою и тело свое предуготовил в ад. Так святой Никита воинствовал за Христа под знамением креста и показал себя победителем; не только по имени, но и на самом деле он был таковым.

Тело святого, не поврежденное огнем, оставалось без погребения и лежало, будучи брошено с бесчестием. В то время проживал там один благочестивый христианин, по имени Мариан. Этот муж был родом из Киликийской страны, из города Мопсуестии[1]. По некоторому делу своему он пришел в готскую землю и здесь остановился на довольно продолжительное время. Мариан познакомился со святым Никитою и приобрел его дружбу и любовь; в особенности же он возлюбил его тогда, когда увидел, что святой подвижник стоял за святую веру Христову даже до готовности пролить за нее кровь свою. И вот, когда тело святого лежало не погребенным, Мариан задумал, как бы ему взять тело возлюбленного своего друга и мученика Христова и отнести в свою родную страну. Но он боялся привести в исполнение свое намерение, из страха пред князем, приказавшим, чтобы никто не смел погребать тела мученика. Тогда Мариан задумал тайно ночью взять его.

При наступлении ночи Мариан готов был выйти на задуманное дело; но ночь была темной и дождливой, так что ему трудно было идти. Мариан был сильно опечален этим, ибо он не видел, куда идти и где найти отыскиваемое тело мученика. Когда он сильно скорбел об этом, Бог всяких утешений, некогда указавший волхвам звездою путь в Вифлеем (см.: Мф. 2, 2), утешил и Мариана в скорби и указал ему благоприятный путь к обретению тела святого: Он послал некую небесную силу в виде звезды, которая, воссияв пред Марианом, повела его, куда было нужно. Эта звезда предшествовала пред Мариа-

---

[1] *Город Мопсуестия* был расположен на равнине, на берегах реки Пирама.

ном и разгоняла ночной мрак; он же с радостью следовал за нею. Достигнув того места, где находилось тело святого, звезда остановилась над ним. Тогда Мариан, обвив тело мученика чистой плащаницей, понес его в дом, где проживал.

Так Мариан получил искомое сокровище. Скрыв его на время у себя в жилище с большим тщанием, он вскоре после этого возвратился в отечество и принес с собою тело святого мученика[1]. Придя в город Мопсуестию, Мариан с честию похоронил его в своем доме.

Бог ниспослал благословение дому Мариана ради страстотерпца Своего, святого Никиты, как некогда Он благословил многими богатствами дом Пентефрия ради Иосифа (см.: Быт. 39, 5) и дом Аведдаров ради Кивота Завета (см.: 2 Цар. 6, 11). Дом Мариана стал изобиловать большим богатством: и вещественным, и духовным, ибо от гроба святого подавалось много даров всем нуждающимся и ниспосылалось болящим много исцелений. Весь город и окрестные жители собирались ко гробу святого, так что дом Мариана не мог вместить всех собиравшихся сюда верующих; поэтому все решили построить церковь во имя святого Никиты и положить там мощи мученика. Принявшись со рвением за это дело, верующие в скором времени воздвигли храм. По окончании строения, когда храм был украшен с подобающим благолепием, гроб святого мученика открыли и, взяв ковчег, понесли его в новосозданную церковь и здесь погребли в земле. Только одному Мариану удалось взять, на благословение своему дому от мощей святого, один перст, который он и хранил у себя с благоговением; более никто не мог взять ни одной частицы от мощей святого Никиты.

Однажды блаженный Авксентий, епископ Мопсуестийский, создав церковь в честь святых мучеников Тараха, Прова и Андроника[2], отправил послание в город Аназарв[3], где почивали мощи этих трех святых; в своем послании он просил граждан Аназарвы дать некоторую часть мощей святых мучеников для вновь выстроенного храма. Тогда граждане Аназарвы просили Авксентия, чтобы он взамен дал им некоторую часть мощей святого Никиты на благословение их го-

---

[1] Кончина святого Никиты последовала 15 сентября 372 года.

[2] Память их празднуется 12 октября.

[3] *Аназарв*, или *Аназарва*, — город в Киликии.

роду. Желая исполнить их просьбу, епископ приказал открыть гроб святого мученика Никиты. И вот, без всякой видимой причины, мраморный камень, бывший на гробе святого, распался на две половины. Один из присутствовавших здесь дерзновенно коснулся своей рукой святых мощей, но тотчас же рука его высохла, а на него самого напал ужас. В то же время раздался с неба сильный удар грома и блеснула яркая молния; все пришли в страх. Тогда епископ понял, что Бог не благословляет раздроблять мощи святого, и раскаялся в своем намерении. Взяв за иссохшую руку человека, дерзко прикоснувшегося к мощам святого, он снова дотронулся ею до мощей и стал молиться:

— О святой мученик Христов Никита! Тебе более подобает исцелять, чем вредить, ибо ты благ и подражаешь Всеблагому Господу, и если ты скоро наказал этого человека, то не еще ли скорее помилуешь его.

Лишь только епископ произнес эти слова, тотчас исцелела высохшая рука того человека, и все удивлялись чудесам святого мученика Никиты и прославляли Бога. Не осмеливаясь уже более касаться мощей угодника Божия, епископ[1], совершив над ними благоговейное пение, снова с честию закрыл его гробницу, славя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ФИЛОФЕЯ**, пресвитера и чудотворца

Преподобный Филофей был родом из селения, называвшегося Муравьиным[2]. Достигши совершенного возраста, он вступил в

[1] Епископ Авксентий II жил в половине V века; участвовал в 451 году на IV Вселенском соборе в Халкидоне.

[2] По переводу с греческого, где стоит: Μύρμηξ , — что значит муравей; отсюда — Муравьиное. Селение это находилось в Малой Азии, в области Вифинии.

брак и имел детей. Затем он удостоился получить священный сан. С того времени святой непрестанно постился и молился. За свою святую жизнь он удостоился дара чудотворения и совершил именем Христовым много чудес: так, он преложил воду в вино, одним словом сдвинул с места скалу и соделал многие другие чудеса. В то же время он творил дела любви христианской: питал голодных и помогал нуждающимся. Когда прошел год после его кончины[1] и верующие хотели перенести его мощи на другое место, тогда святой, как бы живой, протянул руки и, взяв за плечи двух иереев, которые несли его тело, встал и сделал три шага. Его снова положили на том же месте, где его святые мощи стали источать обильное миро.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПОРФИРИЯ

Однажды праздновался день рождения императора Юлиана Отступника. Порфирию, как лицедею, повелено было насмеяться и надругаться над христианами, изображая крещение. В ту минуту, как он с сею целью погрузился в воду и воскликнул: «Крещается Порфирий во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — он внезапно уверовал в истинного Бога и, выйдя из воды, начал открыто исповедовать Христа. За это он был предан на страдания и усечен мечом[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАКСИМА, АСКЛИАДЫ и ФЕОДОТА

Святые мученики Максим и Асклиада жили в царствование нечестивого Максимиана в Мизии, в городе Маркианополе. Они были известны своим благочестием и многих научили истинной вере

[1] Кончину святого Филофея полагают около X века.

[2] Святой мученик Порфирий пострадал в царствование Юлиана Отступника в 361 году в Малой Азии, в городе Ефесе.

и приводили к святому крещению. Узнав об этом, Тирис, фракийский правитель, прибывший в то время в Маркианополь, повелел взять их на суд. Допросив Максима и убедившись в твердости его веры, мучитель приказал четырем человекам бить его по всему телу; потом, после исповедания веры во Христа Асклиадою, и ее велел бить подошвами. Тогда выступил благочестивый Феодот и обличил бесчеловечие мучителя; за это он был повешен на дереве и строган по телу. Чрез тринадцать дней Тирис, прибыв в Адрианополь, подверг всех троих мучеников, приведенных в тот же город, новым ранам, сожигая их раскаленными медными пластинками, так что тела их растоплялись; но голос с неба утешил и ободрил их. После нескольких дней темничного заключения их предали в цирке зверям при многочисленном стечении народа. Но медведица, выпущенная на Максима и Феодота, ласкалась к ним, а бык, к которому привязали Асклиаду, остановился как бы связанный и не двинулся с места. Раздраженный правитель отправился со святыми мучениками в Филиппополь и, не достигши еще этого города, в селе Салтис, после новых убеждений отречься от Христа, повелел отсечь им головы. немного спустя после этого мучитель, сидя на судилище, поражен был молнией[1].

---

[1] Святые мученики Феодот, Максим и Асклиада (иначе — Асклипиодота) пострадали в начале IV века, когда на востоке Римской империи царствовал Галерий Максимиан. Под *Мизией* разумеется здесь не северо-западная область, а римская придунайская провинция, делившаяся на западную — верхнюю и восточную — нижнюю. *Маркианополь* — город в нижней Мизии по дороге из Константинополя к Дунаю, впоследствии — Преславль, ныне селение Праводы в Болгарии. *Адрианополь* (по-турецки — Эдирне) — известный город, основанный в первой половине II века Римским императором Адрианом. *Филиппополь* — древний укрепленный город во Фракии, ныне в Восточной Румелии, на реке Марице; доселе весьма значителен по своей промышленности и численности населения.

День шестнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ВСЕХВАЛЬНОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕВФИМИИ

В царствование нечестивого Диоклетиана[1] Халкидоном[2] управлял поставленный им проконсул Приск[3]. Намереваясь устроить праздник в честь языческого бога Арея[4], коему в Халкидоне был посвящен храм и в нем поставлено его изображение, Приск послал от себя указ во все окрестные города и селения, повелевая именем царским, чтобы все собрались в Халкидон на праздник и чтобы каждый, сообразно с своим состоянием, приносил жертвы Арею. В указе своем Приск угрожал великими муками тем, кто не послушает его повеления и не явится на праздник, для которого он назначил девятый день со дня издания указа. И вот, когда наступил назначенный для бесовского праздника день, собралось в Халкидон великое множество народа вместе с животными, приведенными для принесения в жертву, и все начали праздничное ликование, принося в жертву овец и волов и поклоняясь бездушному истукану или, лучше сказать, бесу, в нем обитавшему. Тогда христиане тех мест, гнушаясь этим богомерзким праздником и боясь грозного гнева проконсула,

---

[1] *Диоклетиан* управлял Римской империей с 284 по 305 год.

[2] Главный город римской провинции Вифинии, на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря), напротив Византии.

[3] *Проконсулами* назывались наместники императора в провинциях или областях.

[4] *Арей*, или *Марс*, — языческий бог; считался богом войны, а вместе и охранителем людей и полей от всего вредоносного.

стали скрываться и, собираясь в тайных местах, совершали служение истинному Богу, Господу нашему Иисусу Христу. Мучитель между тем повелел сделать строгий розыск, не противится ли кто его повелению, нет ли людей, не поклоняющихся идолу Арея. И найдено было, что противятся мучителю христиане, ибо они не слушали повеления проконсула и не воздавали бесу той чести, каковая подобает только одному истинному Богу. Мучитель же, разгневанный тем, что христиане не слушают его, повелел отыскивать их и предавать на мучения.

В то время в одном тайном месте скрывалось сорок девять христиан, совершая молитвы; между ними была прекрасная девица по имени Евфимия, благородного происхождения, дочь Филофрона сенатора и супруги его Феодоросии, людей благочестивых. Мучителю донесено было о тех скрывающихся христианах, и он повелел всех их взять и представить к нему на суд. Тотчас свирепые его слуги с оружием в руках устремились, как звери на добычу, на собранное Христово словесное стадо. Дом, где верующие тайно служили Богу, окружили они со всех сторон, чтобы никто не мог убежать; выломав двери, они стали без милосердия вытаскивать христиан вон поодиночке и, взяв всех, с бесчестием и насмешками повели к проконсулу. Влекомые, как овцы на заклание, святые смиренные рабы Христовы стали пред гордым мучителем, будучи готовы страдать за своего Господа даже до пролития крови.

Увидев их, гордый властитель сказал:

— Вы ли противитесь велению царскому и нашему, уничижая жертвоприношение, совершаемое в честь великого бога Арея?

Христиане ответили:

— Повелению царскому или твоему, проконсул, — если оно не будет противно небесному Богу, — без сомнения, нужно повиноваться; если же оно противно Богу, то не только до́лжно не повино-

ваться, но даже и сопротивляться. Если бы повелевали нам то, в чем мы обязаны повиноваться властям, то мы воздали бы кесарево кесарю (см.: Мф. 22, 21). Но так как ваше повеление богопротивно и богомерзко, ибо вы повелеваете почитать тварь вместо Творца и заставляете поклониться и принести жертву бесу, а не Богу Вышнему, то этого повеления вашего мы никогда не исполним, ибо мы — истинные поклонники живущего на небесах истинного Бога.

Тогда мучитель, отверзши лживые уста свои и изострив как бритву свой льстивый язык, обратился к ним с хитросплетенною речью, стараясь обещанием даров и почестей отклонить с прямого пути к погибельному идолослужению тех, коих Господь «стяжал честно́ю Своею кровию»[1]. В то же время проконсул угрожал им страшными мучениями, если они не захотят исполнить того, что он им советует и повелевает.

Святые же отвечали:

— Дары и почести твои, проконсул, кои ты нам обещаешь, мы давно уже отвергли от себя, возненавидели и признали *вся уме́ты быти, да Христа приобря́щем*[2] (слав. Флп. 3, 8), ибо имеем блага небесные, которые больше и лучше земных благ. Земные блага — временны и непостоянны, небесные же — вечны и неизменны (см.: 2 Кор. 4, 18); страшных мучений, коими ты нам угрожаешь, мы не только не боимся, но даже весьма желаем их претерпеть, дабы проявилась в нас сила и крепость Бога нашего, которой вы могли бы подивиться и, познав немощь ваших скверных богов, устыдиться. Но для чего еще продолжать наше препирательство на словах? Начинай то, что ты замыслил сделать, и убедишься, что в нас будет гораздо больше твердости в терпении, чем у тебя усердия к мучительству.

Тогда мучитель начал их истязать различными пытками, и святые целых девятнадцать дней подвергались различным мучениям, всякий день получая новые раны и вынося голод и жажду. С ними была святая дева Евфимия, юная и прекрасная; ободряя ее, они говорили:

— Подвизайся, дева, ради Жениха небесного, подвизайся угодить Ему страданием, подвизайся встретить Его с мудрыми дева-

---

[1] Канон на Сретение Господне, песнь 3, ирмос.

[2] То есть считаем, по сравнению с благами, приобретаемыми чрез Христа, простым сором, который выметается из комнаты.

ми, чтобы Он возлюбил тебя, как невесту Свою, и ввел тебя в Свой чертог[1].

Затем в двадцатый день они были представлены на суд, где проконсул спросил их:

— Может быть, наученные страданиями, вы захотите теперь оказать повиновение нашему указу?

Тогда святые мученики, вместе со святою Евфимиею, сказали в ответ:

— Не надейся, проконсул, совратить нас с прямого пути: скорее ты сможешь перевернуть горы на земле и подвинуть звезды на небе, чем отторгнуть наши сердца от истинного Бога.

Раздраженный этими словами, мучитель повелел долго бить их по лицу; потом, видя, что это не имеет успеха, решил послать их к царю, а пока повелел заключить их в темницу. Когда их повели туда, проконсул увидел святую Евфимию, девицу юную и прекрасную, сиявшую в лике святых мучеников как луна между звездами, и подобно волку похитил эту овцу из стада Христова. Она же, возведя очи и руки к небу, воскликнула:

— Не оставь меня, вселюбезнейший мой Жених, Иисус Христос, ибо я на Тебя надеюсь; не выдай зверям душу, любящую Тебя и исповедующую Твое святое имя; не дай врагу моему порадоваться надо мною; укрепи меня, немощную рабу Твою, да не одолеет меня беззаконие.

Желая обратить ее к своему безбожию, мучитель изобретал всякие средства, чтобы прельстить ее ласковыми словами, подарками и различными обещаниями, уловляя ее девическое сердце.

Но она с твердостию говорила:

— Не думай, мучитель, что ты легко можешь хитрыми уговорами склонить мою слабость к твоему нечестию и беззаконию; ибо хотя и женщина я по природе, немощна по плоти и молода летами, но сердце мое все-таки тверже, чем твое, и сила моей веры гораздо крепче вашей храбрости; кроме того, по милости Христа моего, я имею разум больший, чем все ваши языческие витии, с которыми вы считаете себя мудрыми, будучи на самом деле безумнее всех невежд, так как не хотите познать истинного Бога, почитая беса за бога. Итак, ты не прельстишь меня хитрыми словами, как прельстил

[1] Здесь разумеется притча Спасителя о мудрых девах (см.: Мф. 25, 1–13).

некогда змей праматерь нашу, не сделаешь мне сладким этот горький мир с его наслаждениями, которые я почитаю за горечь ради сладчайшего Иисуса моего, и не победишь *силы, совершающейся в немощи*[1] (см.: 2 Кор. 12, 9), как бы ни были сильны твои нападения. Ибо я надеюсь на Христа Моего, что Он не оставит меня и не отнимет от меня Свою крепкую руку помощи, доколе гордая глава беса не будет попрана ногами жены.

Тогда мучитель, посрамленный таким ответом святой Евфимии, весьма разгневался и, переменив на ярость свою мерзкую любовь, которую доселе ей оказывал, велел приготовить колесо для пытки, со множеством острых ножей. Когда служителя привязывали к этому колесу святую деву, она оградила себя крестным знамением. И начали вертеть колесо, причем тело мученицы стало отрезываться кусками, а суставы раздроблялись.

Она же усердно молилась Богу.

— Господи Иисусе Христе, — взывала святая дева, — просвещение души моей, источник жизни, подающий спасение надеющимся на Тебя! Приди ныне на помощь мне, дабы все узнали, что Ты — единый Бог и твердое упование для тех, кто на Тебя надеется, — *не приидет* им *зло, и рана не приближится телесú* их*, яко Вышняго положиша прибежище* свое[2] (слав. Пс. 90, 9–10).

Когда она помолилась, колесо внезапно стало и служители упали обессиленные, ибо Ангел Божий, явившись, сломал коловорот и, сняв с колеса святую девицу, исцелил ее раны и возвратил здравие. Она же, сойдя с колеса целой и здоровою, радостно воспела, благодаря Бога и прославляя всемогущую Его силу.

Увидев то, мучитель и все, бывшие там, пришли в недоумение и много дивились этому чуду. Впрочем, где злоба ослепила душевные очи, там не могло принести никакой пользы столь великое чудо; они не были в состоянии познать крепкую руку истинного Бога: *огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули* (Ис. 6, 10), и чудесное знамение это сочли делом волшебства.

После этого мучитель повелел в особой печи развести большой огонь и бросить туда святую. В то время как разжигали печь и в ней

---

[1] То есть силы Божией, которая действует в немощных людях.

[2] То есть не постигнут бедствия и рана не отягчит тела тех, которые Бога сделали своим прибежищем.

уже разгоралось сильное пламя, святая мученица снова предалась молитве, которая некогда, как броня, защитила трех отроков в печи огненной; огню вещественному святая дева противопоставила огонь усердной любви к Богу и, возведя очи на небо, говорила:

— Боже, живущий на высоте и призирающий на смиренныя (см.: Ис. 33, 5; Пс. 137, 6)! Ты в Вавилоне трех отроков, ради закона Твоего преданных огню, сохранил чрез Ангела Твоего святого целыми и невредженными от огня и послал им росу с неба: будь же помощником и мне, рабе Твоей, так как я подвизаюсь, Христе мой, ради Твоей славы!

Так сказала она и, оградив себя как оружием крестным знамением, стояла, спокойно ожидая, чтобы ее бросили в огонь.

Тогда два воина, Виктор и Сосфен, которые должны были бросить мученицу в печь, увидели дивное явление, показавшееся в огне; перед ними явились Ангелы Божии, которые разметывали в печи огонь и воспрещали касаться невесты Христовой. Увидев это чудо, они сказали мучителю:

— Не посмеем мы, проконсул, прикоснуться к этой святой деве нашими скверными руками и бросить ее в огонь, если даже ты велишь отсечь нам головы, ибо мы зрим удивительное чудо, которого твои глаза не видят. И лучше терпеть нам твою ярость, чем гнев тех светоносных мужей, которые грозят нам из пламени огненного.

Услышав это, мучитель разгневался на них; подумав, что они — христиане и потому именно не хотят бросить девицу в печь, он велел заключить их в узы, а свое приказание относительно Евфимии поручил исполнить двум другим воинам, из коих один назывался Кесарь, а другой — Варий. Эти последние, схватив деву, бросили ее в печь, но тотчас из печи вырвалось сильное пламя и, устремившись на воинов, бросивших в печь девицу, сожгло их на том же месте в пепел, а прочих служителей заставило бежать. Святая же, ликуя посреди печи, как бы в светлом чертоге и прохладной росе, пела песнь трех отроков: *Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый вовеки* (Дан. 3, 52). И совершилось дивное чудо: огонь не прикоснулся к ней, даже не тронул одежд ее, ибо Сам Жених ее нетленный, Христос Господь, тайно сошел в печь к святой невесте Своей и оросил ее небесною прохладой. Когда печь погасла, святая вышла цела и здорова, чем всех привела в изумление. Не зная, что

предпринять, мучитель велел бросить ее в темницу, говоря себе: «Ночью придумаю, что сделать с этою волшебницей». Потом, призвав к себе Виктора и Сосфена, обрушился на них со всею яростию и обещал погубить их, если они не поклонятся идолам.

Они же отвечали:

— До сих пор мы заблуждались, не ведая истины; ныне мы познали Единого Бога, создавшего небо и землю: Ему мы веруем и поклоняемся, твоих же богов, которым и мы прежде поклонялись, не ведая, что нас обольщают бесы, отныне уже почитать не будем. Делай с нами, что хочешь: в твоих руках — тела наши, а души — под защитою Божией.

И осудил их мучитель на растерзание зверям. Когда же святые шли на то место, где должны были их растерзать звери, то молились усердно Богу, чтобы Он умилосердился над ними и, простив им грехи, совершенные в то время, когда они пребывали в заблуждении и неверии, ввел их души туда, где пребывают верующие в Него. И тотчас раздался с неба Божественный голос, призывавший их к упокоению; услышав его, они с радостию предали свои души в руки Божии. Звери же не коснулись их тел, которые и были потом тайно погребены верующими.

Когда прошла ночь и наступило утро, мучитель сел на судейское место, и святую Евфимию вывели из темницы; идя на суд, она с веселием воспевала:

— *Боже! новую песнь воспою Тебе* (Пс. 143, 9). Я буду прославлять Тебя, Господь, сила моя! Воспою Тебя среди народов и прославлю имя Твое, ибо Ты един — истинный Бог и нет другого Бога, кроме Тебя.

Так воспевая, пришла она на суд. Здесь ее долго допрашивали, истязали и принуждали к принесению жертвы. Когда она все-таки отказалась повиноваться, то мучитель, убедившись в ее непреклонности, велел повесить и строгать ее тело острыми ножами. Однако и после этого мучения она, силою Божиею, оказалась невредимою. Затем, выкопав глубокий ров и наполнив его водою, поместили в нем бесчисленное множество змей, ехидн, морских ядовитых гадов и всяких гадов, земных и живущих в воде; когда ров был наполнен ими, мучитель повелел бросить туда святую Евфимию.

Она же, осеняя себя крестным знамением, говорила:

— Свет мой, Иисус Христос! Ты в утробе водного зверя сохранил невредимым Иону, Ты избавил Даниила от уст львов; сохрани и меня крепкою Твоею рукою, да прославится во мне святое имя Твое.

С этими словами она бросилась в ров, змеи же и гады, приблизившись к ней, не сделали ей никакого вреда, но, казалось, заботились о ней, ибо носили ее на себе, не давая потонуть во глубине рва, наполненного водою: святая дева из него вышла, по милости Божией, без всякого вреда для себя. Мучитель уже приходил в совершенное недоумение, не зная, что еще делать с нею. Желая все-таки ее погубить и думая, что волшебство, которым, по его мнению, владела святая, преодолевает только явные опасности, а не тайные замыслы, повелел он выкопать другой ров и наполнить его острыми копьями, мечами и ножами, воткнув все это оружие на дне рва остриями кверху, а снаружи прикрыв его немного сучьями и землею. Потом он повелел мученице перейти чрез тот ров, рассчитывая, что она, ничего не зная, упадет на воткнутое острое оружие и умрет от ран. Но святая перешла легко, как птица, перелетающая чрез сети; некоторые же язычники, не зная о том рве, упали в него и погибли. Увидев это, мучитель был поражен стыдом, и исполнились здесь слова Писания: *рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил* (Пс. 7, 16).

Святая же хвалила Бога, воспевая:

— *Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?* (Пс. 105, 2), ибо мучимую рабу Твою Ты сохранил невредимою от ран, спас от огня, защитил от зверей, воды и колеса и вывел изо рва. И ныне, Господи, избави душу мою от руки того, кто искони был врагом всех послушных Тебе; *грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай* (Пс. 24, 7), но каплями крови Твоей, пролитой за меня, очисти скверну плоти и духа моего, ибо Ты очищение, освящение и просвещение рабов Твоих (см.: Евр. 1, 3; Лк. 2, 32).

Проконсул попытался еще раз прельстить ее ласковыми словами.

— Не бесчести, — сказал он, — рода твоего, не губи цвета юности твоей и не обрекай себя на смерть. Почти великого Арея, и ты будешь всеми нами почитаема, хвалима и награждена великою славою и богатством.

Он говорил и многое другое, чтобы прельстить ее, но она смеялась над ним и называла безумным.

Тогда он снова начал ее мучить и, жестоко избив палками, велел перепилить ее острою пилою; но пила не могла нанести никакого вреда ее святому телу. Потом он повелел жарить ее на раскаленной сковороде, но сковорода охладела, ибо Ангелы пребывали с невестою Христовою, сохраняя ее во всех мучениях. Наконец, проконсул осудил Евфимию на съедение зверям.

Когда святую вели в цирк, где ее должны были растерзать звери, она молилась, чтобы Господь послал конец ее мучению, принял душу ее в Свои руки и повелел ей из многострадального тела перейти в желанную страну.

— Господи сил! — говорила она. — Ты явил на мне Твою непобедимую силу и неодоленную десницу, Ты показал немощь бесов и безумие мучителя, а меня поставил выше всех мучений. Как принял Ты убиение и пролитие крови бывших до меня мучеников, так ныне приими и мою жертву, принесенную Тебе от души сокрушенной и смиренного духа, и упокой душу мою в селениях святых и в лике мучеников, ибо благословен Ты вовеки.

Когда святая Евфимия окончила свою молитву, на нее были выпущены звери — львы и медведи, но они, приблизившись к ней, лизали ей ноги. Одна только медведица нанесла ей небольшую рану, из которой потекла кровь; в это время послышался голос с неба, призывавший ее в горние обители, и тотчас она предала дух свой Господу, ради Коего со всею преданностью пострадала. И потряслась земля, и город заколебался, стены разрушались, храмы падали, и всеми овладел великий ужас. Когда же все в страхе убежали из цирка, святое тело мученицы осталось простертым на земле.

Родители Евфимии взяли свою святую дочь и с почестями погребли ее близ города на расстоянии одного поприща[1]. Они благодарили Бога, радуясь, что сподобились быть родителями такой дочери, которая чрез пролитие крови своей сделалась невестою не-

---

[1] Здесь впоследствии был выстроен храм в честь великомученицы Евфимии. В этом храме состоялся IV Вселенский собор (Халкидонский) в 451 году по Рождестве Христовом. В V веке великомученице были построены храмы в Риме и Медиолане. Мощи ее при Феодосии Великом были принесены в Александрию, а после возвращены в Халкидон. После взятия Халкидона персами в 617 году мощи святой Евфимии были перенесены в Константинополь, где сохраняются и доселе.

бесного Жениха, Христа и Царя всех, Коему честь и слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **СЕВАСТИАНЫ**

Святая Севастиана жила в царствование Домициана[1] и была ученицей апостола Павла. Игемон Георгий велел схватить ее в городе Маркианополе[2]. Ее били и бросили в раскаленную печь, но она осталась там невредимою. Потом ее повели в Ираклию[3], где она повешена была на дереве, после чего ее бросили на съедение зверям. Но она снова осталась невредима. Наконец, ей отсекли голову мечом; при этом вместо крови из нее истекло молоко[4].

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **МЕЛИТИНЫ**

Святая Мелитина происходила из города Маркианополя Фракийского; жила в царствование Антонина[5], при игемоне Антиохе. Она совершила много чудес: так, молитвою своею она низ-

[1] *Домициан* — римский император, царствовавший с 81 по 96 год, жестокий гонитель христиан.

[2] *Маркианополь* — город в нижней Мизии по дороге из Константинополя к Дунаю, впоследствии — Преславль, ныне селение Праводы в Болгарии.

[3] *Ираклия*, или *Гераклея*, — часто встречающееся имя городов. Здесь следует разуметь город Фракии с этим именем на Пропонтиде (Мраморном море), с превосходною гаванью. Это древняя колония самосцев — ныне Эрегли. В Гераклее мучителем Севастианы был правитель Помпиан.

[4] Тело ее, по греческим прологам, было брошено в море, но три Ангела отнесли его в Ризист (Редест — во Фракии при Мраморном море, ныне Родосто).

[5] *Римский император Антонин Пий* царствовал с 138 по 161 год.

вергла идолов, сокрушила изображения Аполлона и Геркулеса[1] и многих привела к истинной вере. Затем она обратила ко Христу жену игемона. За это ей отсекли голову. Честно́е тело ее сначала лежало не погребенным. Один македонянин, именем Акакий, проходя чрез то место в свое отечество, испросил позволение взять ее святые мощи, положил их в ковчежец и хотел везти их в свое отечество. Среди плавания по морю он заболел и скончался. Когда корабль достиг мыса острова Лемноса[2], там положено было тело святой мученицы. Близ ее гробницы погребено было тело и Акакия.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЛЮДМИЛЫ

Блаженная Людмила была родом из Сербии, дочь Сербского князя. Ее отдали в замужество Чешскому князю Боривою. В то время чешский народ еще не был крещен; сам князь Боривой и его молодая супруга были язычниками. После своего брака они уверовали во Христа и крестились во имя Отца, и Сына, и Святого Духа; построили церкви и поставили при них священников. У них были три сына и одна дочь. Тридцати шести лет от роду Боривой умер. Блаженная Людмила переносила свою печаль с полною преданностью воле Божией и все свое имущество раздавала нищим. Сын ее Вратислав вступил на престол после отца своего и правил своим народом тридцать три года, после чего также скончался. Власть взял в свои руки Вячеслав, внук Людмилы. Тогда мать Вячеслава возненавидела свекровь свою Людмилу и всячески старалась погубить ее. Узнав об этом, Людмила удалилась в город Течин. Сноха ее подговорила двух бояр и послала их в Течин, чтобы убить блаженную Людмилу. Эти два злодея, придя туда, собрали вокруг себя многих других

---

[1] *Аполлон* — бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом — прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка. О *Геркулесе* см. прим. 1 на стр. 144.

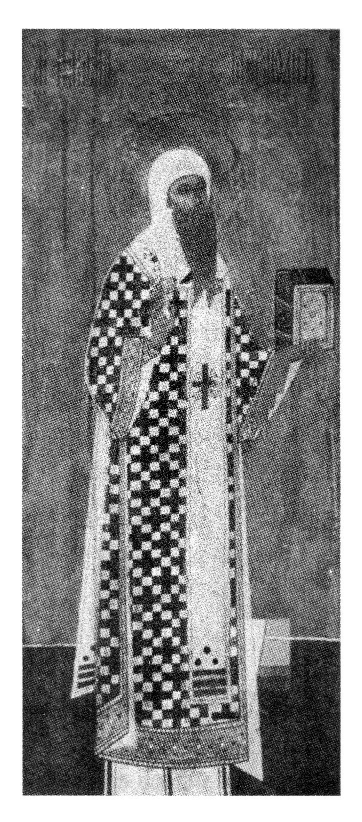
[2] *Лемнос* — один из самых больших островов Эгейского моря, причислявшийся к Фракийской территории, в 87 милях от Афона.

подобных себе злых людей. Когда настал вечер, они окружили двор и самый дворец, где находилась блаженная Людмила, разломали двери и вошли внутрь дворца. Схватив святую княгиню, они набросили веревку на ее шею и удавили ее. Таковым образом блаженная Людмила, угодив Богу, пострадала мученически; это случилось в субботу, в первом часу ночи; ей было тогда от роду шестьдесят один год. Бог прославил многими чудесами место ее погребения (она погребена была не в церкви, а под городскою стеною): каждую ночь над тем местом являлись горящие свечи; один слепец прозрел, когда прикоснулся земли с могилы святой Людмилы. Услышав о таковых чудесных знамениях, внук ее Вячеслав совершил перенесение ее мощей в город Прагу и положил их в церкви святого Георгия, где и ныне они источают много знамений и чудес. Окаянная же мать Вячеслава погибла злою смертью[1].

[1] Блаженная Людмила, супруга христианского князя Чехии Боривоя, жила в конце IX и начале X века. Она была бабкою святого князя Вячеслава (926–935 гг., сын герцога Вратислава и язычницы Драгомиры: был святой жизни, любим народом и по смерти стал почитаться патроном страны); святое крещение приняла вместе со своим супругом от святого равноапостольного Мефодия, бывшего тогда архиепископом соседственной с Богемией Моравии; по смерти супруга, живя в столице Чехии Праге, тщательно воспитывала в истинах веры внука своего князя Вячеслава. Мученическую кончину святая Людмила прияла по наветам невестки своей Драгомиры, возвратившейся к язычеству, в 927 году. При гробнице ее совершались знамения и чудеса; молва о них понудила князя Вячеслава торжественно перенести нетленное тело ее в Прагу в сооруженную его отцом церковь святого великомученика Георгия. Вскоре после этого она была канонизирована и с тех пор считается покровительницей Чехии.

ПАМЯТЬ СВЯТИТЕЛЯ
КИПРИАНА,
митрополита Киевского

Святой Киприан, митрополит Киевский и всея России чудотворец, был родом из Болгарии, из города Тернова, и отличался святою жизнью[1], великим любомудрием и начитанностью в священных книгах[2]. Он всех назидал своим богодухновенных мучением и своими душеспасительными наставлениями. Ревностно подвизался он в деле непрестанного учительства[3]; наставлял своих пасомых, чтобы они пребывали в страхе Божием и всячески воздерживались от смехотворства и празд-



[1] Святитель Киприан сначала совершал иноческие подвиги на Афоне, где, как свидетельствует послание Терновского патриарха Евфимия к иноку Киприану на Афон, своими трудами приобрел известность.

[2] Своей образованностью, любознательностью и начитанностью в священных книгах он был известен еще на Афоне, откуда обращался к вышеупомянутому патриарху Евфимию с просьбою написать ему о неких «церковных вещах», именно на вопросы: о поклонах во дни Пятидесятницы и в двенадцать дней между Рождеством Христовым и Богоявлением и о причащении святых Тайн в отсутствие священника в пустынях. Его образованность, равно как и святая жизнь, обратили на себя особенное внимание Константинопольского патриарха Филофея, который приблизил его к себе и сделал лицом доверенным, а потом рукоположил в митрополита первоначально Киева и Литвы; по смерти же святителя Алексия, Киприан стал митрополитом всея России, вступив в управление Русской Церковью в 1390 году, после двух лет церковно-иерархических смут.

[3] Памятниками его учительства остались, между прочим, различные его послания, проникнутые духом истинного христианского любомудрия и ревностной пастырской заботливости о духовных нуждах вверенной ему паствы. Из таких посланий особенно заслуживают внимания: послания к игумену Афанасию и к Псковскому духовенству.

нословия, особенно же прилежали молитве и истинному покаянию. Любил он тихую, безмолвную жизнь и потому часто удалялся в свое митрополичье село Голенищево[1]. Это особенно безмятежное место было расположено между двумя реками, Сетунью и Раменисью, и окружено обильным лесом. Здесь он построил храм во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Живя в этом месте, святитель Киприан поставлял епископов и священников и усердно занимался перепискою и переводом многих священных книг с греческого языка на славянский[2]. Написал он и житие великого чудотворца, святителя Петра, митрополита всея России[3]. Упражнялся святой Киприан много и в молитве, и в чтении Божественных писаний[4]. Всегда имел он в мыслях память смертную, страшный суд Христов, мучение грешников и блаженство праведников. Преуспевая в таких богоугодных подвигах, митрополит Киприан достиг глубокой старости и занемог в том же своем селе Голенищеве.

---

[1] *Голенищево* — подмосковное село, расположенное на живописном, высоком месте за Воробьевыми горами, в Московском уезде; существует и поныне. В другое время святитель удалялся на так называемое «святое озеро» — во Владимирскую волость, где также построен был им храм в честь Преображения Господня.

[2] Так, святым Киприаном переведены были с греческого — Требник, Служебник, которые в некоторых отдельных частях были отчасти приспособлены к потребностям русской церковной практики; каноны и молитвы, а также Кормчая, которая в XVI веке хранилась еще в Московском Успенском соборе. Святому Киприану приписываются и некоторые мелкие статьи литургического характера, частью переводные, частью самостоятельные. Святитель собирал также канонические статьи русских святителей и князей, рассылал списки литургии и других священнодействий, предлагал объяснения священнодействиям, обличал произволы в их совершении и т. д. Вообще в истории Русской Церкви митрополит Киприан занимает важное место, особенно как деятель на поприще исправления церковно-богослужебных книг и церковных обрядов. Древнее известие о святом Киприане говорит, что он «многие святые книги с греческого языка на русский переложил (перевел) и довольно писаний к нашей пользе оставил».

[3] Составленное святым Киприаном житие святого митрополита Петра дышит живым благочестием и есть плод благодарности за избавление от бед и тяжкого недуга, о чем засвидетельствовал сам Киприан. — Киприану принадлежит еще несколько исторических сочинений, дошедших до настоящего времени, из которых некоторые вошли в так называемую «Степенную книгу»; сохранилось известие, что святой Киприан написал многие жития русских святых.

[4] По отзывам летописи, он был «всякого любомудрия и разума» исполнен и «вельми книжен и духовен зело и книги своею рукою писаше и в молитвах часто упражняшесь и в почитании Божественных Писаний».

За четыре дня до своей кончины он написал прощальную грамоту, в коей прощал и благословлял всех верующих и сам просил у них прощения, показав в этом истинное христианское любомудрие и смирение. Сделал он так потому, что знал, какую силу имеет смирение: оно разрешает грехи и все направляет к добру. Пред своею кончиною святитель заповедал окружавшим его епископам и приближенным, чтобы они прочитали эту грамоту над его гробом, при его погребении[1]. И в таковом смирении, с благодарною молитвою на устах, почил он о Господе в лето 6914-е от сотворения мира, 16 сентября[2].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ДОРОФЕЯ
пустынника

Преподобный Дорофей происходил из Фиваиды и имел пребывание в пустыне близ Александрии — на месте, называвшемся «Келиями отшельническими»[3]. Палладий, епископ Еленопольский[4],

[1] Прощальная, или духовная, грамота святого Киприана была прочтена, согласно его воле, при его погребении, равно как после была читаема и при погребении преемников его. Она исполнена любомудрия христианского, проникнута духом глубокого благочестия и с трогательным красноречием говорит о тленности, суете и ничтожестве всего земного и о памяти смертной.

[2] В 1406 году от Рождества Христова. — Мощи его были обретены в 1472 году и почивают в Московском Успенском соборе под спудом (память обретения и перенесения мощей его празднуется 27 мая). — Во время управления святого Киприана Русской Церковью достойно особенного внимания чудесное избавление Москвы и всей России, защитой Богоматери, от страшного нашествия азиатского завоевателя Тамерлана, совпавшее с перенесением из Владимира в Москву чудотворной Владимирской иконы Богоматери, совершенным по распоряжению и желанию святителя Киприана.

[3] *Фиваида* — область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался вообще весь Верхний (Южный) Египет по имени главного города Фивы. *Келиями отшельническими* называлась одна из пустынь египетских, на западной стороне реки Нила.

[4] *Палладий Еленопольский* (368–430 гг.), ученик преподобного Дорофея, уроженец Галатии, в 388 году прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близ-

бывший в юности своей самовидцем его постнических трудов, повествует о нем следующее.

Шестьдесят лет пребывал старец в одной пещере, проводя весьма суровое житие; он каждый день во время полуденного зноя, бродя около моря, собирал камни и созидал из них келии, отдавая их тем, кто не мог сооружать их. Я же, говорит Палладий, однажды сказал ему:

— Для чего ты, отче, в такой старости мучишь свое тело в лютом зное?

А он отвечал мне:

— Для того, чтобы не оно меня мучило, но я бы замучил его.

Ел он каждый день в меру, лишь сухой хлеб и немного пустынной зелени, один раз в день, также в меру вкушал и воды. Бог свидетель, что никто не видел его ни ложившимся на рогоже, ни спящим; в продолжение ночи он сидя плел корзины из финиковых ветвей и, продавая их, на то покупал себе пищу. И подумал я, не при мне ли только живет он столь сурово, и, желая узнать о всей его жизни, вопрошал многих учеников его, всегда ли так строго его житие. И поведали мне, что он из детства ведет такую жизнь, и по своему обычаю никогда не спал; разве лишь, делая что-нибудь или вкушая пищу, смежал иногда очи, так что много раз и хлеб выпадал из его уст во время еды. Когда же мы однажды принуждали его хотя немного поспать на рогоже, он, как бы пожалев нас, сказал нам:

— Если вы когда-нибудь уговорите уснуть Ангела, то уговорите и меня.

В некоторый же день он послал меня — повествует Палладий — около девятого часа к своему колодезю, чтобы я принес к его трапезе небольшой сосуд воды. И вот прилучилось, что когда я приступил к колодезю и нагнулся, то увидел в нем аспида[1]. — И из страха

лежащую пустыню, где подвизался и преподобный Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 399 году избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника святого Иоанна Златоуста, в Верхний Египет, откуда в 408 году он перемещен в Антиною, а в 412 году составил собрание жизнеописаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком».

[1] *Аспид*, или *василиск*, — одна из самых ядовитых змей, яд которой смертоносен; обычна в песчаных пустынях Аравии, Египта, Сахары.

я совсем не почерпнул воды, но, побежав, возвратился к нему, возвестив о виденном и говоря:

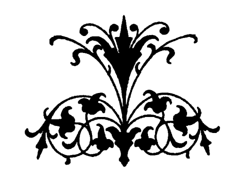
— Погибли мы, отче, ибо я видел аспида в колодезе.

Преподобный же, немного улыбнувшись и покачав головою, сказал мне:

— Если бы диавол захотел во все колодези и во все источники водные ввергнуть ехидн, аспидов и других ядовитых гадов, то ты никогда бы не пил воды и умер бы от жажды.

Сказав это, он встал и сам пошел к колодезю и, почерпнув воды, знаменовал ее крестным знамением и вкусил от нее, говоря:

— Где крест, там совсем не вредит бесовская сила[1].



[1] Лавсаик, гл. 2. — Преподобный Дорофей преставился в конце IV века в царствование Феодосия Великого (379–395 гг.).

День семнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ **ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБОВИ** И МАТЕРИ ИХ **СОФИИ**

В царствование императора Адриана жила в Риме вдова, родом итальянка, по имени София, что в переводе значит *премудрость*. Она была христианка, и сообразно своему имени, жизнь свою вела благоразумно — по той премудрости, которую восхваляет апостол Иаков, говоря: *яже свыше премудрость, пе́рвее убо чиста́ есть, потом же мирна́, кротка́, благопокорли́ва, исполнь милости и плодов благих* (слав. Иак. 3, 17)[1]. Эта премудрая София, живя в честно́м супружестве, родила трех дочерей, которым нарекла имена, соответствующие трем христианским добродетелям: первую дочь назвала она Верой, вторую — Надеждой, а третью — Любовью. Да и что иное могло произойти от премудрости христианской, как не Богу угодные добродетели? Вскоре после рождения третьей дочери София лишилась супруга. Оставшись вдовой, она продолжала жить благо-

[1] Апостол сравнивает мудрость земную, мирскую, с мудростью, *яже свыше*, то есть нисходящею от Бога, и указывает свойства последней: она свободна от всякой греховности и страстности, миролюбива, любит мир сама и любит умиротворять всякую вражду; чтобы не нарушать мира, она сама кротко переносит всякие несправедливости; в ней отсутствует страсть к спорам и прениям, и даже в других стремится она подавить эту страсть покорностью *(благопокорлива)*, она полна милосердия и добрых дел.

честиво, угождая Богу молитвой, постом и милостыней; дочерей же своих она воспитывала так, как может сделать это премудрая мать: она старалась их приучить проявлять и в жизни те христианские добродетели, имена которых они носили.

По мере того как дети росли, возрастали в них и добродетели. Они хорошо уже знали пророческие и апостольские книги, привыкли внимать поучениям наставников, прилежно занимались чтением, были усердны в молитве и в домашних трудах. Повинуясь святой и богомудрой матери своей, они преуспевали во всем и восходили от силы в силу. А так как они были чрезвычайно красивы и благоразумны, то на них вскоре все начали обращать внимание.

Слух об их премудрости и красоте распространился по всему Риму. Услыхал о них и начальник области Антиох и пожелал их видеть. Как только он увидел их, тотчас же убедился, что они — христианки; ибо они не желали скрывать своей веры во Христа, не сомневались в надежде на Него и не ослабевали в своей любви к Нему, но открыто пред всеми прославляли Христа Господа, гнушаясь богомерзкими идолами языческими.

О всем этом Антиох известил царя Адриана, и тот не замедлил сейчас же послать слуг своих с тем, чтобы они привели девиц к нему. Исполняя царское повеление, слуги отправились в дом Софии, и когда пришли к ней, то увидали, что она занимается поучением дочерей своих. Слуги объявили ей, что царь зовет к себе ее вместе с дочерьми. Уразумев, с какой целью зовет их царь, они все обратились к Богу с такою молитвой: «Всесильный Боже, сотвори с нами по Твоей святой воле; не оставь нас, но пошли нам Твою святую помощь, чтобы сердце наше не устрашилось гордого мучителя, чтобы не убоялись мы страшных его мучений и не пришли в ужас от смерти; пусть ничто не отторгнет нас от Тебя, Бога нашего».

Сотворив молитву и поклонившись Господу Богу, все четверо — мать и дочери, взяв друг друга за руки, подобно сплетенному венку, пошли к царю и, часто взирая на небо, с сердечным воздыханием и тайной молитвой вручали себя помощи Того, Кто повелел не бояться убивающих тело, души же не могущих убить (см.: Мф. 10, 28). Когда подошли они к царскому дворцу, то осенили себя крестным знамением, говоря: «Помоги нам, Боже, Спаситель наш, прославления ради Твоего святого имени».

Их ввели во дворец, и они предстали пред царем, который горделиво восседал на своем троне. Увидев царя, они воздали ему подобающую честь, но стояли пред ним без всякой боязни, без всякого изменения в лице, с мужеством в сердце и смотрели на всех веселым взором, как будто бы они призваны были на пир; с такой радостью явились они к царю на истязание за Господа своего.

Видя их благородные, светлые и бесстрашные лица, царь стал спрашивать, какого они рода, как их зовут и какова их вера. Будучи премудрой, мать отвечала так благоразумно, что все присутствующие, слушая ее ответы, дивились такому ее разуму. Упомянув кратко о своем происхождении и имени, София начала говорить о Христе, Которого происхождение разъяснить никто не может[1], но имени Которого должен поклоняться всякий род[2]. Она открыто исповедала свою веру в Иисуса Христа, Сына Божьего, и, назвав себя Его рабою, прославляла Его имя.

— Я — христианка, — говорила она, — вот то драгоценное имя, которым я могу похвалиться.

При этом она сказала, что и дочерей своих обручила она Христу, дабы нетленную свою чистоту они сохранили для нетленного Жениха — Сына Божия.

---

[1] *Род Его кто изъяснит?* — сказано в книге пророка Исаии (53, 8); то есть происхождение или рождение Иисуса Христа (Его предвечное рождение от Бога-Отца и временное — от Пресвятой Девы Марии) никто не в силах достойно изобразить. Эта великая тайна не вполне открыта даже Ангелам (см.: 1 Пет. 1, 12).

[2] Имеется в виду имя *Сына Божия*, вследствие которого Христу должны поклоняться все роды существ, небесных и земных, и даже обитатели преисподней, злых духов (см.: Флп. 2, 10).

Тогда царь, увидав перед собой столь мудрую женщину, но не желая вступать с ней в продолжительную беседу и судить ее, отложил это дело до другого времени. Он послал Софию вместе с дочерьми к одной знатной женщине по имени Палладия, поручив ей наблюдать за ними, а через три дня представить их к нему на суд.

Живя в доме Палладии и имея в своем распоряжении немало времени для научения своих дочерей, София утверждала их в вере день и ночь, поучая вдохновенными от Бога словами.

«Дочери мои возлюбленные, — говорила она, — ныне время вашего подвига, ныне настал день уневещения вашего бессмертному Жениху, теперь-то вы сообразно именам вашим должны показать веру твердую, надежду несомненную, любовь нелицемерную и вечную. Настал час торжества вашего, когда мученическим венцом вы будете венчаться с прелюбезным Женихом своим и с великой радостью войдете в пресветлый Его чертог. Дочери мои, ради этой чести Христовой не жалейте юной вашей плоти; не жалейте красоты вашей и молодости, ради Краснейшего добротой более сыновей человеческих, и ради жизни вечной не скорбите о том, что лишитесь этой жизни временной. Ибо ваш небесный возлюбленный, Иисус Христос, есть вечное здравие, несказанная красота и жизнь нескончаемая. И когда тела ваши ради Него будут замучены до смерти, Он облечет их в нетление и раны ваши сделает светлыми, как звезды на небе. Когда красота ваша будет через муки за Него отнята от вас, Он украсит вас небесною красотою, которой глаз человеческий никогда не видел. Когда же лишитесь вы временной жизни, положив души за Господа своего, то Он наградит вас жизнью бесконечной, в которой прославит вас вовеки пред Отцом Своим небесным и пред Его святыми ангелами, и все небесные силы нарекут вас невестами и исповедницами Христовыми, вас восхвалят все преподобные, о вас возвеселятся мудрые девы и примут вас в свое общение. Дочери мои дорогие! Не давайте соблазнить себя прелестями вражьими: ибо, как я думаю, царь будет расточать вам ласки и сулить большие дары, предлагая вам славу, богатство и честь, всю красоту и сладость этого тленного и суетного мира; но вы не возжелайте ничего подобного, ибо все это, как дым, исчезает, как пыль, ветром разметается и, как цвет и трава, засыхает и обращается в землю. Не устрашайтесь, когда увидите лютые мучения, ибо, пострадав немного, вы по-

бедите врага и восторжествуете навеки. Верую в Бога моего Иисуса Христа, верую, что Он не оставит вас, страждущих во имя Его, ибо Он Сам сказал: *Забудет ли женщина грудное дитя свое? Но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя* (Ис. 49, 15); неотступно Он пребудет с вами во всех ваших муках, взирая на ваши подвиги, укрепляя немощи ваши и уготовляя вам в награду венец нетленный. О дочери мои прекрасные! Вспомните мои болезни при рождении вашем, вспомните труды мои, в которых я вскормила вас, вспомните слова мои, какими я учила вас страху Божию, и утешьте мать вашу в ее старости вашим добрым и мужественным исповеданием веры во Христа. Для меня будет торжество, и радость, и честь, и слава среди всех верующих, если удостоюсь я именоваться матерью мучениц, если я увижу ваше доблестное за Христа терпение, твердое исповедание Его святого имени и смерть за Него. Тогда душа моя возвеселится, и дух мой возрадуется, и старость моя подкрепится. Тогда и вы будете воистину моими дочерьми, если, послушав наставления своей матери, будете стоять за Господа своего до крови и умрете за Него с усердием».

Выслушав с умилением такое наставление своей матери, девицы чувствовали сладость в сердце и радовались духом, ожидая времени мучения, как брачного часа. Ибо будучи святыми ветвями от святого корня, они желали всей душой того, к чему наставляла их премудрая мать София. Они принимали к сердцу все ее слова и приготовляли себя к подвигу мученичества, как будто собирались в светлый чертог, ограждая себя верой, укрепляясь надеждой и возжигая в себе огонь любви ко Господу. Ободряя и утверждая друг друга, они обещали матери своей все ее душеполезные советы осуществить с помощью Христа на самом деле.

Когда настал третий день, они приведены были к беззаконному царю на суд. Думая, что они легко могут послушаться его соблазнительных слов, царь начал так говорить к ним: «Дети! Видя вашу красоту и щадя вашу молодость, я советую вам, как отец: поклонитесь богам, властителям вселенной; и если вы послушаете меня и исполните то, что вам приказано, то я назову вас своими детьми. Я призову начальников и правителей и всех моих советников и при них объявлю вас своими дочерьми, и вы от всех будете пользоваться похвалой и почетом. А если вы не послушаете и не исполните моего

повеления, то причините себе великое зло, и старость матери своей огорчите, и сами погибнете в то время, когда бы могли более всего веселиться, живя беспечно и весело. Ибо предам я вас лютой смерти и, раздробив члены тела вашего, брошу их на съедение псам, и будете вы попираемы всеми. Итак, для вашего же собственного блага послушайте меня: ибо я люблю вас и не только не хочу губить красоты вашей и лишить вас этой жизни, но желал бы стать для вас отцом».

Но девы святые единогласно и единодушно отвечали ему:

— Отец наш — Бог, на небесах живущий. Он промышляет о нас и нашей жизни и милует наши души; мы хотим быть Им любимыми и желаем называться Его истинными детьми. Поклоняясь Ему и храня Его повеления и заповеди, на твоих богов плюем, а твоей угрозы не боимся, ибо мы того только и желаем, чтобы страдать и переносить горькие мучения ради сладчайшего Иисуса Христа, Бога нашего.

Услыхав от них такой ответ, царь спросил мать Софию, как зовут ее дочерей и сколько им лет.

Святая София отвечала:

— Имя первой моей дочери Вера, и ей двенадцать лет; вторая — Надежда — имеет десять лет, а третья — Любовь, которой всего девять лет.

Царь был весьма удивлен, что при таком юном возрасте они обладают мужеством и разумом и могут так отвечать ему. Он начал снова принуждать каждую из них к нечестию своему и сначала обратился к старшей сестре Вере, говоря:

— Принеси жертву великой богине Артемиде.

Но Вера отказалась. Тогда царь велел раздеть ее донага и бить ее. Мучители, нанося ей удары без всякого милосердия, говорили:

— Пожри великой богине Артемиде.

Но она молча терпела страдания, как будто били не по ее телу, а по чужому. Не достигнув никакого успеха, мучитель повелел отрезать ее девические сосцы. Но из ран вместо крови потекло молоко. Все, смотревшие на мучение Веры, дивились этому чуду и терпению мученицы. И, покачивая головами, втайне укоряли царя за его безумие и жестокость, говоря: «Чем эта красивая девица согрешила и за что так страдает? О горе безумию царя и его зверской жестокости, бесчеловечно губящей не только старцев, но даже и малых детей».

После этого была принесена железная решетка и поставлена на сильном огне. Когда она раскалилась, как горячий уголь, и от нее летели искры, то положили на нее святую девицу Веру. Два часа лежала она на этой решетке и, взывая к Господу своему, нимало не опалилась, что всех привело в изумление. Затем она была посажена в котел, стоящий на огне и наполненный кипящей смолой и маслом, но и в нем осталась невредимой и, сидя в нем, как бы в прохладной воде, воспевала Бога. Мучитель, не зная, что еще сделать с ней, чем бы он мог ее отвратить от веры Христовой, приговорил ее к усечению мечом.

Услыхав этот приговор, святая Вера исполнилась радости и сказала матери своей:

— Помолись за меня, мать моя, чтобы мне окончить шествие мое, дойти до желанного конца, увидеть возлюбленного Господа и Спасителя моего и насладиться лицезрением Его Божества.

А сестрам сказала:

— Помните, любезные мои сестры, Кому мы дали обет, Кому невестились; вы знаете, что мы запечатлены святым Крестом Господа нашего и вечно должны служить Ему; поэтому претерпим до конца. Одна и та же мать родила нас, одна воспитала и научила нас, поэтому мы должны принять одинаковую кончину; как единоутробные сестры, мы должны иметь одну волю. Пусть буду я для вас примером, дабы и вы шли обе за мною к призывающему нас Жениху нашему.

После этого она поцеловала свою мать, потом, обняв сестер, также целовала их и пошла под меч. Мать же нисколько не скорбела о дочери своей, ибо любовь к Богу победила в ней сердечную печаль и материнскую жалость к детям. Она о том только сокрушалась и заботилась, как бы какая-либо из ее дочерей не устрашилась мук и не отступила бы от Господа своего.

И сказала она Вере:

— Я тебя родила, дочь моя, и из-за тебя претерпела болезни. Но ты воздаешь мне за это благом, умирая за имя Христово и проливая за Него ту самую кровь, которую приняла в моей утробе. Иди к Нему, возлюбленная моя, и, обагренная своей кровью, как бы облеченная в багряницу, предстань прекрасной пред очами Жениха твоего, помяни пред Ним убогую мать твою и помолись Ему о своих сестрах, чтобы и тех укрепил Он в том же терпении, какое являешь ты.

После этого святой Вере отсекли ее честну́ю главу, и она отошла к Главе своей Христу Богу. Мать же, обняв многострадальное тело ее и целуя его, радовалась и славила Христа Бога, принявшего дочь ее Веру в небесный Свой чертог.

Тогда нечестивый царь поставил пред собой другую сестру — Надежду и сказал ей:

— Любезное дитя! Прими мой совет: я говорю это, любя тебя как отец, — поклонись великой Артемиде, чтобы не погибнуть и тебе, как погибла твоя старшая сестра. Ты видела ее страшные муки, видела ее тяжкую смерть, — неужели и ты захочешь так же страдать? Поверь мне, дитя мое, что я жалею твою молодость; если бы ты послушала меня, я объявил бы тебя своею дочерью.

Святая Надежда отвечала:

— Царь! Разве я не сестра той, которую ты умертвил? Разве я не от одной с нею матери родилась? Не тем же ли молоком я вскормлена и не то же ли получила я крещение, как и святая сестра моя? Я росла вместе с нею и от одних и тех же книг и от одного наставления матери научилась познавать Бога и Господа нашего Иисуса Христа, веровать в Него и Ему одному поклоняться. Не думай, царь, чтобы я поступала и думала иначе и желала не того же, чего и сестра моя Вера; нет, я хочу идти по ее следам. Не медли и не старайся разубеждать меня многими словами, но лучше приступи к самому делу и ты увидишь мое единомыслие с сестрой.

Услыхав такой ответ, царь предал ее на мучение. Раздев ее донага, как и Веру, слуги царские долго били ее без всякой жалости, — до тех пор, пока не устали. Но она молчала, как бы совсем не чувствуя никакой боли, и только смотрела на мать свою блаженную Софию, которая стояла тут, мужественно взирая на страдания своей дочери и моля Бога о том, чтобы Он даровал ей крепкое терпение.

По повелению беззаконного царя, святая Надежда брошена была в огонь и, оставшись невредимою подобно трем отрокам, прославляла Бога. После этого она была повешена, и ее строгали железными когтями: тело ее падало кусками, и кровь лилась потоком, но от ран исходило чудное благоухание, и улыбалась она лицом светлым и сияющим благодатью Святого Духа, смеясь над мучителем, что он не в силах победить малую отроковицу.

— Христос моя помощь, — говорила она, — и я не только не боюсь муки, но желаю ее как сладости райской: так приятны для меня страдания за Христа. Тебя же, мучитель, ожидает мука в геенне огненной вместе с бесами, которых ты почитаешь за богов.

Такая речь еще больше раздражила мучителя, и он приказал наполнить котел смолою и маслом, поджечь его и бросить в него святую. Но когда хотели бросить святую в кипящий котел, он немедленно как воск растопился, а смола и масло разлились и опалили всех окружающих. Так чудодейственная сила Божия не оставляла святую Надежду.

Гордый мучитель, видя все это, не хотел познать истинного Бога, ибо сердце его было омрачено прелестью бесовской и пагубным заблуждением. Но, осмеянный малой отроковицей, он испытывал великий стыд. Не желая далее переносить такой позор, он осудил, наконец, святую на усечение мечом. Отроковица, услыхав о приближении своей кончины, с радостью подошла к матери и сказала:

— Мать моя! Да будет с тобой мир, будь здрава и поминай дочь свою.

Мать же, обняв, целовала ее, говоря:

— Дочь моя Надежда! Благословенна ты от Господа Бога Вышнего, на Которого надеешься и ради Него не жалеешь пролить свою кровь; иди к сестре твоей Вере и вместе с ней предстань твоему Возлюбленному.

Надежда целовалась также с сестрой своей Любовью, смотревшей на ее мучения, и сказала ей:

— Не оставайся здесь и ты, сестра, предстанем вместе перед Святой Троицей.

Сказав это, она подошла к бездыханному телу сестры своей Веры и, с любовью обняв его, по свойственной природе человеческой жалости, хотела плакать, но по любви ко Христу переменила слезы на радость. После этого, преклонив свою главу, святая Надежда была усечена мечом.

Взяв тело ее, мать прославляла Бога, радуясь мужеству дочерей своих, и побуждала к таковому же терпению своими сладкими словами и мудрыми увещаниями и младшую дочь свою.

Мучитель же призвал третью отроковицу Любовь и старался ласками склонить ее, как и первых двух сестер, к тому, чтобы она от-

ступила от Распятого и поклонилась Артемиде. Но напрасны были старания обольстителя. Ибо кому же так твердо пострадать за Своего возлюбленного Господа, как не Любови, так как и в Писании сказано: *Крепка, как смерть, любовь. ...Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее* (Песн. 8, 6—7).

Не угасили в этой отроковице огня любви к Богу многие воды мирских соблазнов, не потопили ее реки бед и страданий; ее великая любовь особенно ясно видна была из того, что она готова была положить душу свою за своего Возлюбленного, Господа Иисуса Христа, ведь нет большей любви, как положить душу свою за кого-либо (см.: Ин. 15, 13).

Мучитель, видя, что ничего нельзя сделать ласками, решил предать на страдания и Любовь, думая разными мучениями отвлечь ее от любви ко Христу, но она отвечала словами апостола:

— *Кто отлучит* меня *от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Но все это преодолеваю силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 35, 37).

Мучитель приказал, растянув ее на колесе, бить палкой. А растянута она была так, что члены тела ее отделились от составов своих, и она, будучи ударяема палкою, покрылась, как багряницей, кровью, которой напоилась и земля, как бы от дождя.

Потом была разожжена печь. Указывая на нее, мучитель говорил святой:

— Девица! Только скажи, что велика богиня Артемида, и я отпущу тебя, а если не скажешь этого, то сейчас же сгоришь в этой разожженной печи.

Но святая отвечала:

— Велик Бог мой Иисус Христос, Артемида же и ты с нею погибнете!

Мучитель, разгневанный такими словами, повелел предстоящим тотчас же ввергнуть ее в печь.

Но святая, не дожидаясь того, чтобы кто бросил ее в печь, сама поспешила войти в нее и, будучи невредимой, ходила по средине ее, как бы в прохладном месте, поя и благословляя Бога, и радовалась. В то же время из печи вырвалось пламя и некоторых неверных, окружающих печь, пожгло в пепел, а иных опалило и, достигнув до царя, обожгло и его, так что он должен был бежать.

В печи той были видны и другие, сияющие светом, лица, которые пели вместе с мученицей. И превозносилось имя Христово, а нечестивые были посрамлены.

Когда погасла печь, мученица, прекрасная невеста Христова, вышла из нее здравой и веселой, как из чертога.

Тогда мучители, по повелению царя, провертели члены ее железными буравами, но Бог подкреплял святую Своею помощью и в этих муках, так что и от них она не умерла.

Кто бы мог претерпеть такие мучения и не умер бы мгновенно?!

Однако возлюбленный Жених, Иисус Христос, подкреплял святую, чтобы как можно более посрамить нечестивых, а ей воздать большую награду, и чтобы крепкая сила Божия прославилась в немощном сосуде человеческом.

Разболевшийся от ожога мучитель повелел, наконец, усечь святую мечом.

Она же, услыхав об этом, радовалась и говорила:

— Господи Иисусе Христе, возлюбивший рабу Твою Любовь, — пою и благословляю многопетое имя Твое за то, что вчиняешь меня вместе с сестрами, сподобив и меня претерпеть за имя Твое то же, что и они претерпели.

Мать ее, святая София, не переставая, молилась Богу о младшей дочери своей, чтобы Он даровал ей терпение до конца и говорила ей:

— Третья моя ветвь, чадо мое возлюбленное, подвизайся до конца, ты идешь добрым путем и для тебя сплетен уже венец и отверзся уготованный чертог; Жених уже ожидает тебя, взирая с высоты на твой подвиг, чтобы, когда ты преклонишь под меч свою голову, взять твою чистую и непорочную душу в Свои объятия и упокоить тебя с сестрами твоими. Помяните и меня, мать вашу, в Царстве Жениха своего, чтобы Он оказал милость и мне и сподобил меня участвовать и пребывать с вами в славе Его святой.

И тотчас святая Любовь была усечена мечом.

Мать, приняв ее тело, положила его в драгоценный гроб вместе с телами святых Веры и Надежды и, украсив тела их как должно, поставила гроб на погребальную колесницу, вывезла его из города на некоторое расстояние и с честью похоронила дочерей на высоком холме, плача от радости. Находясь на могиле их три дня, она усердно молилась Богу и так почила о Господе. Верующие погребли ее

там же вместе с дочерьми. Таким образом и она не лишилась с ними участия в Царстве небесном и мученического венчания, потому что если не телом, то сердцем своим и она страдала за Христа.

Так премудрая София и жизнь свою окончила премудро, принеся в дар Святой Троице трех добродетельных дочерей своих — Веру, Надежду и Любовь.

О святая и праведная София! Какая женщина спаслась через чадородие[1] так, как ты, родившая таких детей, которые уневестились Спасителю и, пострадав за Него, ныне с Ним царствуют и прославляются? Поистине, ты мать, достойная удивления и доброй памяти; ибо, смотря на страшные, тяжкие муки и смерть возлюбленных своих чад, ты не только не скорбела, как свойственно матери, но, утешаемая благодатью Божьей, больше радовалась, и сама учила и умоляла дочерей не жалеть временной жизни и без пощады пролить кровь свою за Христа Господа.

Наслаждаясь ныне зрением пресветлого Его лика вместе со святыми твоими дочерьми, пошли и нам премудрость, чтобы мы, сохранив добродетели веры, надежды и любви, сподобились предстать Пресвятой, Несозданной и Животворящей Троице и славить Ее во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АГАФОКЛИИ

Святая Агафоклия была рабою некоего христианина Николая. Жена его Павлина, которая держалась ереси Ария[2], в продолжение восьми лет много мучила Агафоклию, принуждая ее оставить

---

[1] Рождение детей в болезнях было наказанием для женщин за грехопадение Евы, но в этом же заключается и условие их спасения. Поэтому апостол Павел говорит: *спасется* (жена) *через чадородие* (1 Тим. 2, 15), впрочем, *если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием*. Такова и была святая София.

[2] *Арий*, александрийский священник, отрицал предвечное существование Сына Божия, равенство и единосущие с Богом Отцом, утверждая, что Сын Божий не рожден прежде век Богом Отцом, а сотворен. Ересь эта осуждена на I Вселенском Никейском соборе в 325 году.

православную веру и принять еретическое учение: иногда била ее по шее камнями, иногда заставляла ходить босыми ногами по острым камням, однажды сокрушила ей ребра железным молотком и, наконец, отрезала язык. Святая мученица не склонялась на увещания своей госпожи и поэтому была заключена в темницу и томима голодом. Но, по Божию устроению, птицы приносили ей небольшие древесные плоды. Наконец, госпожа умертвила ее железным ломом[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ФЕОДОТИИ

В то время как в Риме царствовал Александр Север[2], послан был в Каппадокию игемон Символикий. Ему донесли о некоей христианке Феодотии, которая происходила из Понтийской страны[3] и была весьма богата. Долго увещевал ее игемон отречься от веры Христовой, но без успеха. Тогда ее повесили и начали строгать ее тело. Она претерпевала это мучение, славя Бога и как будто не чувствуя своих страданий. После этого наложили на нее оковы и отвели в темницу. По прошествии восьми дней темница сама собою отверзлась. Увидев это, сторожа испугались и побежали рассказать об этом Символикию; но он не поверил им и повелел привести святую к себе. Когда он увидал, что она совершенно невредима от ран, хотя и с некоторыми следами бывших страданий, — спросил ее:

— Кто ты?

Святая отвечала ему:

— Твой ум помрачился; а если бы ты был трезв, то, конечно, узнал бы, что я — Феодотия.

Тогда Символикий приказал бросить святую в разожженную печь. Внезапно из этой печи вышел огонь и попалил семьдесят человек; остальные же, бывшие около печи, закрыли ее отверстие и бежали.

---

[1] По греческим Минеям, Павлина была отступницей от христианства и поклонялась идолам. — Время страданий и кончины святой мученицы точно неизвестно.

[2] *Александр Север* — Римский император, царствовал с 222 по 235 год.

[3] *Понтийская страна*, или *Понт*, — северо-восточная провинция Малой Азии при Черном море.

Игемон послал двух жрецов идольских с некоторыми другими, чтобы развеять пепел от тела святой мученицы. Когда открыли печь, из нее вышло пламя и пожгло жрецов, а остальные посланные увидали, что святая сидит среди печи между двумя юношами в белых одеждах и поет; это видение так устрашило их, что они упали как мертвые. Святая вышла из печи, радуясь и воспевая Бога. Ее снова посадили в темницу, потому что Симвликий намеревался идти в Византию и хотел вести за собою святую мученицу в оковах. По возвращении оттуда, находясь в Анкире, игемон опять потребовал к себе святую на суд и сказал ей:

— Если ты не послушаешь меня и не принесешь жертвы богам, я прикажу положить тебя на раскаленное железо.

Она отвечала ему:

— Если ливисий[1] Дорофей взойдет со мною на сковороду и если огонь не коснется его, то я принесу жертву богам.

Симвликий согласился на это, и Дорофей взошел на раскаленный железный лист, но тотчас же сгорел, а святая мученица осталась невредимою. Игемон недоумевал, что ему делать, а затем приказал связать святую мученицу и вести в Никею[2]. Здесь ввел он ее в идольское капище, дабы принудить принести идолам жертву. Она помолилась, и внезапно все идолы пали на землю и разбились. Все видевшие это пришли в ужас. Сильно разгневанный таким поруганием идолов, игемон повелел четырем воинам растянуть святую и перепилить ее пилою. Но пила притупилась, и слуги изнемогли, святая же опять осталась невредимою и славила Бога. Симвликий тогда повелел отсечь ей главу мечом, и чрез такую казнь святая Феодотия удостоилась венца мученического[3].

* * *

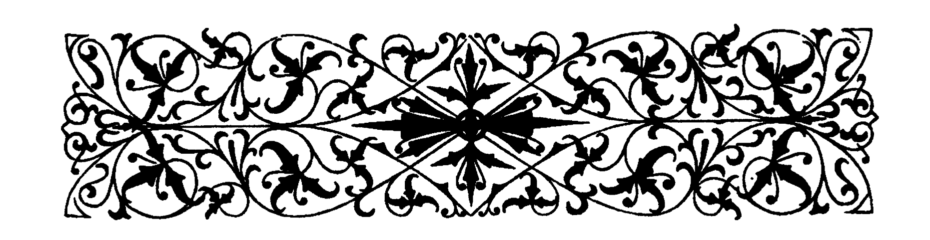
В тот же день **память ста пятидесяти шести мучеников**, в финикийском городе Тире, пострадавших в гонение Максимианова в 310 году и около 310 года; в числе их были два египетских епископа — Пелей и Нил.

---

[1] *Ливисий* — домашний секретарь игемона.

[2] *Никея* (ныне *Исник*) — в древности богатый и цветущий город Вифинии в Малой Азии, ныне весьма бедный и малонаселенный.

[3] † около 230 года.



День восемнадцатый

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВМЕНИЯ,
епископа Гортинского

Святой Евмений еще с юных лет благоугодил Богу своею добродетельною жизнию. Он шествовал тесным путем, ведущим в Царство небесное, внимая словам Господа: *подвизайтесь войти сквозь тесные врата* (Лк. 13, 24). Кто хочет войти в эти врата, тот должен сложить в себя два тяжких бремени: заботу об имуществе и попечение о теле. Евмений отказался от своего имущества и раздал его нищим, памятуя, как трудно богатому войти в Царствие Божие. Ибо кто, обремененный пристрастием к богатству, может войти в тесные врата небесные? Добрый совет подал Господь юноше, спросившему его о том, что ему сделать, чтобы наследовать жизнь вечную: *Если хочешь быть совершенным,* — сказал ему Господь, — *пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19, 21). Служащий маммоне[1] не может служить Богу, и обремененный тяжестью богатств не пройдет сквозь узкие двери небесные, подобно тому, как не может пройти верблюд сквозь игольные уши. Как тот, кто хочет пройти чрез тесное место, должен бывает снять с

---

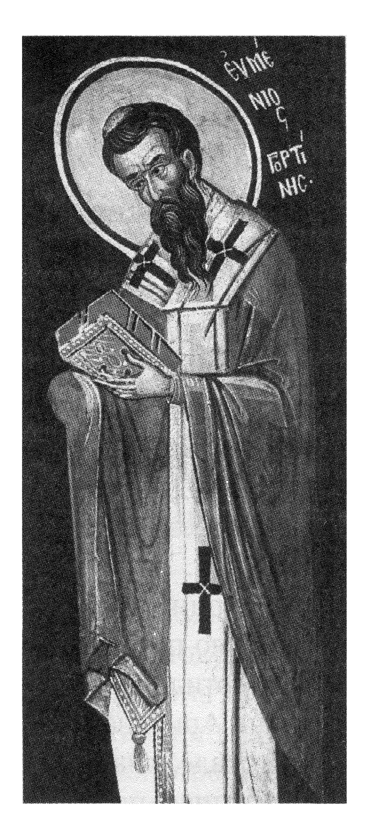
[1] Слово *маммона* — халдейского или сирийского происхождения — означает имение, богатство, блага земные, поскольку человек полагает в них свою надежду и, таким образом, выражает не только богатство, но и любовь и привязанность к нему. В Новом Завете маммона представляется как бы неким божеством, покровительствующим богатству (см.: Мф. 6, 24).

себя не только ношу, но и одежду; так желающий быть на небесах раздает нищим не только излишки своего имущества, как неудобопереносимое бремя, но и самое необходимое, даже одежду, прикрывающую тело, подражая этим Господу. Таков именно был и святой Евмений: он все считал за сор, от всего отказался, все оставил, чтобы идти за Христом, Его только обрести и приобрести. Отказавшись от имущества, сняв его с себя как бы одежду, он приодел им нищих, нагих и нуждающихся. Обнажившись от всех земных пристрастий, он вступил на тесный путь нищеты, проходя узкие врата, приводящие к богатству небесному. Отказался преподобный и от другого бремени — забот о теле; своими подвигами, трудами, воздержанием, постом, бдением он умертвил плотские похоти и утончил свое тело, удаляясь от всякого плотоугодия и сластолюбия; *ибо подвижники,* — как говорит апостол, — *воздерживаются от всего* (1 Кор. 9, 25). Он воздерживался от всего, что утучняет тело, тяготит мысль и рождает страсти. Он не давал сна очам своим, пока не очистил душу и тело от страстей и сделался обителью Святого Духа. Так, сложив с себя тяжелые бремена имущества и всяких плотских страстей, он соделал себя способным к прохождению узкого пути и тесных врат, ведущих в жизнь вечную.

Так как добродетельная жизнь святого Евмения сияла, как бы светильник, и была для всех весьма полезна, то он был избран и возведен на престол Гортинской Церкви[1], и, как свеча, стоящая на подсвечнике, просветил свою паству, осиявая, как солнце, Церковь Христову своими делами и поучениями: ибо свету мира подобает делами предварять слово, подобно тому как сияние предваряет для взора самый светильник. И так святой Евмений, пребывая на епископском престоле своем, учил духовных чад своих прежде всего делом, чистою и богоугодною жизнию своею, являясь образцом для своего стада, а затем поучал их и словом. Сначала сам соделавшись как бы светом, потом просветил и других; сам дни и ночи поучался в законе Господнем, а потом и других тому же наставил; сам, стяжав чистую совесть, очистил совесть и других. Он был весьма милостив,

---

[1] *Гортина*, или *Гортин*, — в древности значительный город на острове Крите, при реке Лефее (ныне Иеропотамо). Развалины древнего города сохранились и доныне.



согласно значению своего имени[1], и жизнь его была полна делами милосердия. Он был отцом для сирот, богатством нищих, подателем для просящих, утешителем скорбящих, врачом страждущих и предивным чудотворцем. Однажды святой молитвою умертвил устремившегося на него большого змея; но еще большее чудо сотворил он, поправ адского змия — диавола, победив его молитвою и отогнав от врученного ему Христова стада. И не только в Гортине, но и в Риме[2] святой Евмений вооружился против бесов. Прибыв в Рим, он своими знамениями и чудесами привел многих в изумление: он изгонял из людей бесов, исцелял больных и умиротворял враждующих и гневающихся. После того он был и в Фиваиде[3], где во время бездождия низвел своею молитвою с неба дождь, — и в той стране впоследствии мирно скончался, перейдя из временной жизни в жизнь вечную и нескончаемую[4]. Его святое тело было перенесено в Гортин, на место его служения, и с честию погребено там.

---

[1] *Евмений*, в переводе с греческого, значит: благосклонный, доброжелательный, милостивый.

[2] Здесь следует разуметь под именем Рима Константинополь, получивший наименование нового, или второго Рима; такое толкование наиболее соответствует смыслу всего жития и ходу описываемых в нем событий.

[3] По словам церковных песнопений, святой Евмений отправился в Фиваиду не добровольно, а сослан был туда врагами православной веры (канон, песнь 7, тропарь 2). Сослан он был за то, «что умалил мрачныя ереси» (седален) монофелитов, признававших во Христе одну только волю — Божественную.

[4] Деятельность и кончина святого Евмения относится к VII столетию.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АРИАДНЫ

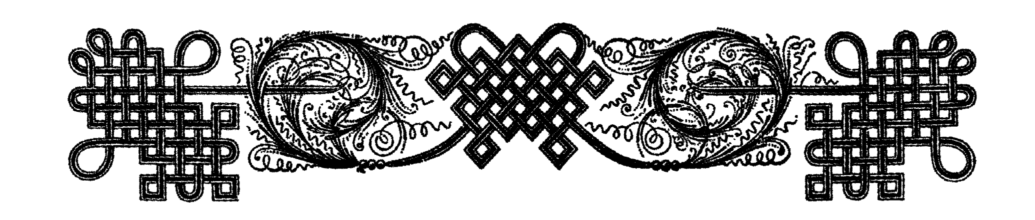
Святая мученица Ариадна пострадала за Христа в царствование нечестивого императора Адриана[1]. Она была рабою некоего Тертила, правителя города Примнисы в Фригии[2]. Когда этот Тертил, по случаю рождения своего сына, совершал торжество в идольском храме, принося там жертвы, поклоняясь бесам и ликуя со всеми домашними друзьями и соседями своими, святая Ариадна осталась дома и не хотела войти в идольское капище, чтобы праздновать вместе с господином своим. Тогда господин ее, разгневавшись на нее, стал бить без всякой жалости и, наконец, повесив, приказал строгать ее железом. После этого он заключил Ариадну и долго морил ее голодом, принуждая отказаться от Христа и поклониться бездушным идолам; но потом он выпустил ее из темницы, и она ушла из города. Тогда Тертил раскаялся, что отпустил ее, и погнался за ней с своими слугами. Ариадна, оглянувшись и видя погоню, побежала; подойдя к одной скале, она стала молить Бога, чтобы Он избавил ее из рук врагов. И тотчас, по Божественному повелению, скала расселась, святая вошла внутрь камня, и половины рассевшейся скалы снова соединились. Это чудо соделал явившийся там Ангел Господень. Тогда гнавшиеся за ней смутились от страха: они стали сражаться между собою и, копьями изранив друг друга, погибли. Так Господь избавил рабу Свою от руки нечестивых, как птицу от сетей ловцов. Молитвами ее да избавит Он и нас от врагов наших и вместе со святою Ариадной сподобит нас торжествовать в радости небесной вовеки. Аминь.

В тот же день **память святых мучениц — жен Софии и Ирины**, скончавшихся от меча, и **мученика Кастора**, который скончался томимый голодом от идолопоклонников.

---

[1] Кончина святой мученицы последовала в конце царствования Адриана.

[2] *Фригия* — большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того, позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы). Границы ее: на западе — *Мисия, Лидия* и *Кария*, на юге — *Ликия, Писидия* и *Ликаония*, на востоке — *Каппадокия*, на севере — *Галатия* и *Вифиния*.



День девятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ТРОФИМА, САВВАТИЯ и ДОРИМЕДОНТА

В царствование императора Римского Проба[1] и во время управления Антиохией Аттика, называвшегося также Илиодором, антиохийцы совершали однажды праздник в честь Аполлона Дафнийского и, по обычаю, весь день проводили в жертвоприношениях идолам, в пьянстве и ликованиях и всякого рода непотребных делах. В то время пришли в Антиохию из другой страны два неизвестных человека: Трофим и Савватий — люди благочестивые, почитатели истинного Бога. Видя ослепление и гибель столь многих душ, они только воздохнули и, обратясь к Богу, молились со слезами, говоря:

— Боже, создавший мир весь из ничего одним словом Своим и сотворивший человека по образу Своему! Призри с небеси и исторгни людей этих из рук сопротивного.

Когда они говорили это, идолопоклонники заметили, что они не поклоняются языческим богам, и, схватив их, повели к властелину и судье своему Аттику-Илиодору. Он велел их разлучить друг от друга и сначала привести к нему святого Трофима, которого и начал допрашивать о имени, жизни и вере.

Святой отвечал:

— Имя мое — Трофим, родился я от свободных и благородных родителей, но, подпав под власть греха, сначала жил нечестиво, пока

[1] Римский император Проб царствовал с 276 по 282 год.

чрез святое крещение не получил истинной свободы и благородства.

Тогда судия спросил:

— Какой ты веры?

Трофим отвечал:

— Я уже сказал тебе, но слушай, — я скажу еще яснее: я — христианин, раб Христа и желаю быть жертвой Христу.

Судия спросил:

— Ты иностранец, или римский гражданин?

Святой, который был чужд миру, ответил, что он — странник. На это судия спросил.

— Читал ли ты императорские указы о христианах?

— Прочел, — ответил святой, — но что они нам? Между благочестием и бесовским обольщением такая же разница, как между днем и ночью.

Эти слова привели мучителя в гнев; он велел обнажить святого Трофима и, растянув за руки и за ноги, бить без всякого милосердия. Мученика били так долго, что земля обагрилась кровью. Потом судия велел перестать бить его и сказал:

— Принеси богам жертву, Трофим, — иначе я пошлю тебя во Фригию[1], к мучителю Дионисию.

Этот Дионисий был повсюду известен своею лютостию и бесчеловечием.

Святой Трофим отвечал:

— Для меня не важно, тобой ли я буду убит или кем другим: смерть, все равно, будет только одна, потому что у вас обоих одно намерение: убивать тех, кто служат истинному Богу.

Судья еще более разгневался и велел повесить святого на дерево и терзать его тело. Тогда его тотчас же обступили палачи с острыми орудиями, коими они терзали мученика, строгая его тело до костей и даже до самых внутренностей. Он же, претерпевая все, тихо и кротко говорил:

---

[1] *Фригия* — большая область Малой Азии, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кроме того, позднее причислявшийся к Мизии южный берег Пропонтиды (Мраморного моря) до Геллеспонта (Дарданеллы). Границы ее: на западе — *Мисия, Лидия* и *Кария*, на юге — *Ликия, Писидия* и *Ликаония*, на востоке — *Каппадокия*, на севере — *Галатия* и *Вифиния.*

— Господи, помоги рабу Твоему!

Тогда судья спросил:

— Где же твой Христос?

Мученик отвечал:

— Христос мой — со всеми, призывающими Его, Он и от меня не отлучается, и явное знамение Христова со мною присутствия в том и заключается, что я легко переношу мучения, кои невозможно было бы перенести человеческому естеству, если бы страдальцам не помогал Сам Бог.

После этих мучений святого Трофима ввергнули в темницу.

Тогда привели на суд блаженного Савватия, и судья сказал ему:

— Я не спрашиваю тебя, христианин ли ты, но ты сначала скажи: какого ты звания?

Самое слово «христианин» для язычников было так противно, что мучитель не хотел даже слышать его; как больной глазами не может смотреть на свет, приятный для всех здоровых, так он с помраченными душевными очами не мог взирать ими на свет имени Христова, почему и сказал: «Я не спрашиваю, христианин ли ты».

Святой Савватий отвечал:

— Мое звание, достоинство и отечество, слава и богатство есть Христос Сын Божий, вечно Сущий: Его промыслом утверждена и управляется вселенная.

Судья, приняв смелый ответ мученика за оскорбление себе, пришел в ярость и, ударив его по щеке, сказал:

— Отвечай то, о чем тебя спрашивают, и прежде, чем я не погубил тебя посредством мучений, приступи к богам и принеси им жертвы.

Но святой поносил богов, смеялся безумию нечестивых и обличал их безбожие.

Тогда, по повелению мучителя, Савватия повесили и строгали железными когтями, до тех пор пока не обнажились его кости. Так как от костей отпали уже целые куски тела и были растерзаны все внутренности, то мучителям нечего было уже терзать. Поэтому мученика отвязали от дерева, и святой Савватий тотчас же предал свою душу в руки Господа своего.

Когда святой Савватий преставился ко Господу, в руках мучителей остался один блаженный Трофим. Аттик, отчаявшись в его обращении в идолопоклонство, решил послать его во Фригию к мучителю Дионисию. Он написал Дионисию письмо, сообщая ему о Трофиме и о том, что сколько он ни претерпел мук, но при всем том оказался сильнее мучителей своих, — что он почитает одного Христа, смеется над богами и ни во что не ставит их. Затем он велел вывести святого из темницы, обуть его в железные сапоги, внутри коих было набито множество гвоздей остриями вверх, и в тех сапогах вести его во Фригию. Воины, взяв святого, повели его и заставили идти рядом с собою: они ехали на конях, а святой шел пешком, в железных с гвоздями сапогах, с пронзенными ногами, — перегоняя при этом пеших и конных и обагряя весь путь своею кровию. Это был поистине скорбный путь, ведущий в блаженную жизнь: сколько он сделал шагов, столько новых ран принял в свои ноги, и сколько было новых ран, столько он претерпел болезней и мук. Но Сам Господь сопутствовал ему: Он укреплял на этом пути Своего раба и за каждый шаг приготовлял ему воздаяние.

После трехдневного пути воины со святым мучеником достигли фригийского города, называвшегося Синад[1], и там отдали Дионисию послание Илиодора. Прочитав послание, Дионисий велел тотчас же привести к себе святого Трофима и спросил:

---

[1] *Синад*, или *Синнада*, — город на севере Фригии близ горной цепи, где находились знаменитые Синнадские мраморные ломки. Ныне — развалины близ Ескикары.

— Ты ли Трофим?

Мученик отвечал:

— Я — Трофим и раб истинного Бога, верующие в Коего никогда не постыдятся.

Дионисий сказал:

— Ты остаешься непокорным и еще призываешь суетного и тщетного Христа, бывшего виновником смерти многих; но если ты прежде не хотел от Него отказаться, то теперь оставь надежду, которую имел на Него: принеси жертву богам, чтобы тебе избавиться от лютых мучений и смерти и прожить свою жизнь в мире.

Мужественный Трофим отвечал:

— Если бы я даже и хотел избавиться от смерти, то это невозможно: ибо если ты не убьешь меня, то самое естество мое во всяком случае смертно. Смертию же должно приобретать жизнь вечную, которая безмерно лучше и продолжительнее здешней, исполненной зол и кратковременной жизни, а благ будущей жизни не может видеть наше бренное око, ухо не может слышать, и на ум человеку они не придут. Я охвачен великим желанием этой жизни и радуюсь, слыша от тебя о смерти, коей ты мне угрожаешь.

Тогда Дионисий, весь дыша яростию, повелел бить святого Трофима толстыми жилами; когда же били его, то мучитель говорил:

— Ты только обещай принести богам жертву, и тотчас же избавишься от мучения.

Он же, не обращая внимания на рану и слова мучителя, молчал.

Слуги, по повелению мучителя, взяли уксус, смешали его с горчицею и вливали в ноздри Трофиму. После этого, повесив его на дереве, резали ему бока, нанося глубокие продолговатые раны, и из ребер его исходили потоки крови.

Святой молча переносил эти муки, говоря себе самому: *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33, 20).

Дионисий, услыхав это, сказал:

— Напрасна надежда твоя, Трофим, и тщетны твои помышления: ибо кто придет к тебе с неба и избавит тебя от настоящих страданий? Поэтому советую тебе принести богам жертву, и тогда ты поможешь себе.

Святой, смеясь безумию мучителя, отвечал:

— Никогда не отвергнусь я Бога моего, истинного и живого.

Тогда Дионисий с яростию сказал слугам:

— Мучьте его еще.

И они стали его мучить с еще большею жестокостию.

Святой же молился и говорил так: *Боже мой! избавь меня из руки нечестивого, из руки беззаконника и притеснителя, ибо Ты — надежда моя, Господи Боже* (Пс. 70, 4–5).

Мучитель повелел лить на раны святого мученика уксус с солью, чтобы тем увеличить его страдания.

Тогда блаженный сказал мучителю:

— Ты теперь только укрепляешь тело мое, чтобы оно не истлело от наносимых тобою ран.

Потом стали жечь его ребра горящими свечами, но и этим не могли победить непобедимого Христова воина; после этого святого Трофима посадили в темницу.

В Синаде был сенатор и первый советник, по имени Доримедонт; он был благочестивый христианин, но скрывал это, боясь мучителя. Он часто тайно приходил к святому Трофиму в темницу, омывал кровь и отирал струпы его чистыми полотенцами, перевязывал его раны и вообще всячески заботился о нем. Но недолго пришлось ему скрываться от мучителя. Вскоре наступил богопротивный праздник, называемый «Диоскурия», то есть день Кастора и Поллукса[1]: празднество это совершалось всенародно в городе Синаде. Дионисий, вместе со всеми своими приближенными и советниками, поклонялся идолам и, увидев, что с ними нет Доримедонта, послал к нему сказать, чтобы он явился на празднество.

Блаженный Доримедонт отвечал посланным:

— Я — христианин, и потому мне не следует ходить на бесовские праздники.

Дионисий, услышав об этом, велел силою привести его к себе и, расспросив его, убедился, что он — действительно христианин; однако, не желая судить его в тот же день, велел взять его под стражу.

---

[1] *Кастор* и *Поллукс*, по верованиям греков и римлян, были сыновьями властителя неба и высшего из богов Зевса (иначе Дия), почему назывались диоскурами; по смерти они, по этим верованиям, живут и через день снова умирают, пользуясь древнепоннесскими божествами света. В то же время они почитались как покровители государства. В честь их совершались особые праздники, называвшиеся «Диоскуриями» (по их имени), а также «Анакиями» (праздниками властителей и правителей, как в некоторых местностях назывались Кастор и Поллукс).

Потом он посылал к нему своих друзей уговорить, чтобы он раскаялся и обратился к их богам. Но Доримедонт, грозно взглянув на них, сказал: *Удалитесь от меня все, делающие беззаконие* (Пс. 6, 9).

Затем он замолчал и был, *как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа* (Пс. 37, 15).

На другой день мучитель пошел в суд и повелел привести Доримедонта.

— Обольщенный человек! — сказал он святому мученику. — Что с тобой вчера произошло, что ты отступил от богов и отказался исполнить царские повеления? Разве тебе не угодно стало, чтобы тебя все почитали и чтобы ты занимал между нами не последнее место?

Святой на это отвечал:

— Любящий истинного Бога ни во что не ставит мирскую честь и славу. Какая польза гордиться пред другими, одеваться в драгоценные одежды и поклоняться идолам? Все это — временно и тщетно, все это отлучает от Бога и ввергает человека в геенну огненную.

Мучитель долго и ласками, и угрозами старался отвратить святого Доримедонта от Христа, но, ничего не достигши в том, велел обнажить его, повесить и жечь его ребра раскаленными железными копьями, причем говорил:

— Посмотрю, придет ли Христос помочь тебе?

Святой же в этих мучениях призывал имя Господа Бога своего, смеялся над языческими богами и своими словами уязвлял сердце мучителя более, нежели он — копьями тело святого.

Тогда Дионисий обратил гнев свой на слуг, мучивших святого, и укорял их, что они не могут заставить умолкнуть одного человека, хулящего их богов. Слуги, пришедшие в ярость, рвали святому лицо железными когтями и выбили ему зубы; однако и этим не могли заставить молчать богоглаголивые уста, исповедовавшие Христа и поносившие бездушных идолов. Потом развели под святым мучеником огонь и поставили его на горящие уголья; но он ходил по ним, как бы по прекрасным цветам, радовался при этих страданиях и был готов претерпевать за Христа большие и лютейшие муки. После того мучитель повелел отвести его в темницу, а святого Трофима вывести на мучение. Его повесили, начали рвать его тело железными когтями, обновляя прежние раны, а затем выкололи ему глаза раска-

ленными прутьями. Но святой при таких страданиях благодарил Христа, после чего был опять отведен в темницу.

Дионисий стал советоваться со своими приближенными, какой смерти предать Трофима и Доримедонта, так как они пренебрегали всякими муками, — и решил отдать мучеников на съедение зверям. Для этого мучитель повелел приготовить голодных зверей и устроить публичное зрелище. Когда настал день, в который святых хотели отдать на съедение зверям, на зрелище это явился Дионисий со всеми своими советниками и слугами, и собралось множество народа. Святые мученики Трофим и Доримедонт были выведены из темницы нагие, покрытые ранами, так что все тело их было как бы одною сплошною язвою. Когда святых поставили на место, предназначенное для травли зверей, на них выпущена была медведица, которая с яростию устремилась на них, но, приблизившись к ним, тотчас же сделалась кроткою. Святой Доримедонт, желая скорее *разрешиться* от тела и *быть со Христом* (Флп. 1, 23), взял медведицу за ухо и раздражал ее, чтобы она скорее растерзала его; но медведица, как бы стыдясь, наклоняла и отворачивала от него голову свою. Тогда мучитель разъярился более зверя и, видя, что святые остаются невредимыми от медведицы, выпустил на них парда, но и он, как пес, лизал их ноги. Затем выпустили льва, — однако же и этот зверь, подобно первым, стал кротким, как агнец. Мучитель разгневался на содержателя зверей и грозил ему смертию, если он не сумеет раздражить зверей так, чтобы они пожрали этих двух христиан; но когда тот стал раздражать льва, то лев устремился на него и растерзал его. Все присутствовавшие, видя такое чудо, устрашились и познали силу истинного Бога и Спаса нашего. Один только беззаконный мучитель не хотел познать ее, но еще больше покрывался тьмою своего безумия, хуля Христа и называя волшебниками рабов Его. Потом он велел отсечь главы святых мечом. Так окончили страдания святые Трофим и Доримедонт, скончавшиеся от меча после многих и лютых мучений, и, присоединясь к святому Савватию в бессмертной жизни, ликуют ныне с Ангелами, прославляя Святую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, всеми прославляемого во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЗОСИМЫ ПУСТЫННИКА

Однажды Дометиан, правитель Киликии, отправился вместе со своими слугами на охоту и изъездил многие пустыни, холмы и горы, гоняясь за зверями и ловя их. И вот на одном месте он увидал множество зверей, посреди коих ходил старец и беседовал с ними, как с людьми. Охотники бросились на них и, когда звери убежали, взяли старца и привели к князю, думая, что он — волшебник и совершает чарования в пустыне.

Его спросили, кто он такой и как его зовут.

Святой ответил:

— Я — христианин; имя мое — Зосима.

Тогда его связали и привели в город на суд. Здесь князь стал спрашивать его о волшебстве и чародействе: каким образом он так заколдовал зверей, что живет посреди них невредимым и беседует с ними, как с людьми?

Зосима отвечал:

— Я не для волшебства живу в пустыне; но, будучи сам христианин, я не могу жить в городе с неверующими, — поэтому и пошел в пустыню, желая лучше быть со зверями, нежели с людьми злыми — врагами Господа моего Иисуса Христа. Имея образцом такой жизни житие других христиан — святых отцов, удалившихся от мира и живущих в пустыне, и я старался подражать им, насколько мог. Бог же, знающий служащих Ему и промышляющий о них и меня благоустроив по Своей благости, покорил мне на утешение мое диких зверей — и вот, я живу с ними, радуясь о Господе и возложив на Него все мое упование.

Князь на это сказал ему:

— Так ты, злой старец, почитаешь Назарянина? Хорошо. Итак, я пойду в Назарет и там буду тебя жестоко мучить, чтобы ты или отказался бы от Назарянина, или в лютых страданиях лишился бы жизни; а кстати, пусть и назаряне, увидав твои мучения, устрашатся.

И он сначала послал в Назарет святого Зосиму в оковах, а потом и сам отправился туда. Выбрав время для суда, Дометиан велел привести Зосиму и спросил его:

— Расскажи о своем волшебстве, как ты околдовал зверей?

Зосима в ответ на это исповедал, что он — христианин.

Тогда князь велел повесить святого вниз головой, навязать ему на шею большой камень и строгать железными когтями.

После этого он опять спросил:

— Расскажешь ли ты теперь о своем волшебстве?

Зосима на это сказал:

— Христос, Бог мой — вот Кто послал зверей на утешение мне в пустыне.

Князь сказал ему:

— Если звери слушают твоего Бога, то повели прийти сюда одному зверю: тогда мы все примем твою веру.

Зосима, воздев свои честные руки к небу, стал молиться.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! — говорил он. — Послушай меня, раба Твоего, пошли сюда льва, чтобы он служил мне.

И внезапно в город вбежал страшный лев, — и все, увидав его, разбежались. Лев же, подойдя к Зосиме, стал поддерживать камень, который был привязан к его шее.

Тогда князь стал просить святого:

— Зосима! Укроти зверя и мы отвяжем тебя.

Зосима повелел зверю быть кротким, и князь приказал развязать святого и хотел послать его к царю. Но Зосима предал Богу дух свой[1]. Христиане погребли с честию тело святого, прославляя Отца, Сына и Святого Духа, славимого вовеки. Аминь.

---

[1] Страдания святого Зосимы относятся к началу IV века, ко временам царствования Римского императора Диоклетиана. Память святого Зосимы пустынника совершается еще 4 января вместе со святым Афанасием комментарисием (смотрителем за узниками, ведшим им запись), который, увидев Зосиму невредимым после страшных мучений, уверовал во Христа и после молитвенных подвигов предал дух свой Господу в пустыне. Святой Зосима, по минейным сказаниям, кратко передаваемым и святым Димитрием Ростовским 4 января, скончался не сразу после претерпенных от Дометиана мучений, а мирно предал дух свой Господу там же в пустыне, вместе со святым Афанасием, в расщелине одной скалы.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ФЕОДОРА,

Смоленского и Ярославского чудотворца, и чад его

ДАВИДА и КОНСТАНТИНА

Святой и блаженный князь Феодор, по прозванию Черный, был сыном Смоленского князя Ростислава Мстиславовича и происходил в девятой степени от святого равноапостольного князя Владимира[1]. Феодор имел двух братьев, Глеба и Михаила, которые, по смерти отца, обидели его, дав ему в удел один только город Можайск[2]. Несмотря на то, он не гневался на них и терпеливо владел этим уделом. За таковое его незлобие Бог впоследствии вверил ему в управление славный город Ярославль. Это произошло следующим образом: в Ярославле жила княгиня Ксения, супруга князя Василия Ростовского, у которой была единственная дочь. Благоверный князь Феодор женился на дочери князя Ростовского, от которой впоследствии имел сына Михаила и дочь, и получил во владение город Ярославль[3]. А по смерти брата своего Михаила наследовал он и Смо-

---

[1] Год рождения святого благоверного князя Феодора точно определить нельзя, но, несомненно, это было между 1240 и 1245 годами. — По свидетельству его жизнеописателя (иеромонаха Антония, второй половины XV века), он от юных лет воспитан был в благочестии и научен Божественным догматам, которыми с любовью наполнялось его сердце, как губа, напояемая чистой водой; отроком он уже уклонялся детских игр и обычаев, прилежа наипаче чтению священных книг и соблюдая чистоту душевную и телесную.

[2] *Можайск* (ныне небольшой уездный город Московской губернии) был тогда еще очень юным, бедным и малонаселенным городком с небольшой округой и прилежащими селами. Но Феодор принял удел, по выражению составителя его жития, безропотно, помышляя паче всего о стяжании сокровища некрадомого, нетленного, вечного. В короткое время умный и добрый князь сумел сделать свой удел и людным и не бедным и заслужил благоговейную любовь народа.

[3] *Ярославль* находится при впадении реки Которосли в Волгу, в 244 верстах от Москвы; один из самых древних русских городов; зависел сначала от Ростова, но потом стал управляться своими князьями. — Святой Феодор вступил в брак с княжной Ростовской Марией Васильевной около 1267 года и тогда же вступил в управление Ярославским княжеством.

ленское княжение[1]. Благочестиво и богоугодно жил князь Феодор в Ярославле, ибо с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь. Особенно почитал он священников и иноков и благотворил нищим. Как доблестный воин Христов, он во всем угождал своему Владыке и удалялся от всякой неправды.

В те времена, когда над Русской землей тяготело татарское иго, был обычай, чтобы русские князья ездили в Орду к хану, для утверждения в княжеском достоинстве. Когда однажды некоторые князья поехали в Орду, вместе с ними отправился туда и ярославский блаженный князь Феодор со многими дарами для хана и для его супруги[2]. В Орде он был принят весьма благосклонно и служил при дворе хана в качестве любимца, весьма уважаемого. Мужественная красота и ум его так пленили жену хана, что она пожелала выдать за него свою дочь. Но он сказал ей, что у него есть жена в Ярославле, и не склонился на ее увещания.

Испросив себе от хана утверждение на княжение в Ярославле и получив такое утверждение, блаженный Феодор уехал из Орды домой. Когда прибыл он к Ярославлю, то услыхал, что супруга его скончалась. Он хотел войти в город, где в то время жили сын его Михаил и теща; но бояре и теща не пустили его и начали вести о нем нелепые речи. «У нас не в обычае, — говорили они, — принимать к себе в князья приходящего из чужой земли; довольно для нас иметь своим князем наследника Феодорова, Михаила». Святой Феодор снова отправился в Орду и просил хана, чтобы он дал ему опять Ярославское княжество. Хан послал ярославцам строгое повеление принять своего князя, но те не повиновались такому повелению и упорно отказывались принять к себе Феодора. В то время как святой князь пребывал в Орде в гостях у хана, жена хана опять начала предлагать своему мужу выдать их дочь за Феодора. Но хан долго не соглашался, говоря, что не подобает давать дочь ханскую в супруже-

[1] Это было в 1279 году. Впрочем, сам благоверный князь Феодор в Смоленске не жил и только титуловался князем Смоленским, хотя некоторое время писал туда грамоты, вершил разные судные дела и заботился о благе смольнян, как их князь; вскоре он уступил Смоленск племяннику своему Александру Глебовичу.

[2] Путешествие князя Феодора в Орду было совершено отчасти и по другим обстоятельствам: хан Золотой Орды Менгу-Темира, вместе с другими князьями русскими, вызвал и Феодора для усмирения яссов и камских болгар, не хотевших платить дань татарам. В Орде при хане святой князь провел около трех лет.

ство даннику, притом еще иноверному. Тогда ханша открыла мужу свое желание, чтобы дочь их приняла христианскую веру и крестилась, а затем вышла замуж за Феодора. Хан согласился[1]. Дочь ханская крестилась и затем вступила в брак с Ярославским князем. Ее назвали в святом крещении Анною. После этого брака хан еще более полюбил святого Феодора. Часто сажал он его с собой за стол свой, возлагал ежедневно ханский венец на его голову, одевал его в свою порфиру, устроил ему прекрасный дворец и окружил его славою и богатством[2]. Но среди всего этого великолепия сердце блаженного князя не возгордилось, и слава мира этого не отвлекла его от любви Христовой, и он все более и более преуспевал в исполнении заповедей Господних. Пока он еще жил в Орде, у него родился сын, который назван был во святом крещении Давидом. Затем родился у него второй сын, нареченный во святом крещении Константином.

Вскоре после того прибыли к нему вестники из России с известием, что сын его Михаил умер в Ярославле. Тогда князь Феодор стал просить хана отпустить его в Русскую землю вместе с княгиней и с детьми их. Хан отпустил его с великою честью, возложил на него венец и почтил его великим княжением Ярославским. Святой князь прибыл в Ярославль с большим почетом; с ним прибыло и много татарских вельмож от двора хана, коих он, по некотором времени, с честию отпустил в Орду.

Святой князь Феодор княжил в своем городе Ярославле благочестиво и богоугодно до глубокой старости[3]. Заболев и чувствуя, что

[1] Хан сам взял на себя ходатайство пред Константинопольским патриархом о разрешении этого брака и отправил для этого посольство во главе с епископом Сарайским Феогностом; патриарх дал разрешение под условием принятия дочерью хана христианской веры.

[2] Хан дал при этом своему зятю с дочерью на содержание несколько городов: Чернигов, Болгары, Куманы, Корсунь, Арск, Казань и другие, — всего до тридцати шести городов. Князь Феодор испросил у хана позволение выстроить в Орде несколько церквей, всеми мерами распространял христианство и покровительствовал духовенству.

[3] Святой Феодор управлял княжеством кротко, мудро, беспристрастно, заступаясь за обиженных, вдов и сирот, милосердствуя о нищих и убогих. Летописи отличают особенно его искреннее и смиренное благочестие, усиленные посты и молитвы, многотрудные подвиги и попечения касательно храмоздательства и церковного благолепия, а также его почтение к епископскому и священному сану, — в чем подражали ему и его благочестивые сыновья: Давид и Константин, из кото-

эта болезнь — предсмертная, он позвал к себе княгиню — супругу и детей своих и завещал им пребывать в любви и мире[1]. Затем он велел отнести себя в монастырь и там с великою радостию принял от игумена иноческий образ и в течение всего того дня радовался и благодарил Бога за то, что Он сподобил его этого дара, коего давно желала душа его. Пред самой своей кончиной он пожелал принять схиму, после чего, преподав всем прощение и сам испросив у всех прощение, он осенил себя крестным знамением и предал душу свою в руки Божии[2]. Его благолепно погребли в храме Преображения Господня. Его святые мощи и доныне источают многие чудеса во славу Христа Иисуса, Господа нашего, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков.

рых младший скончался впоследствии безбрачным, а старший двадцать три года мирно управлял Ярославским княжеством.

[1] Предсмертное завещание святого благоверного князя Феодора весьма трогательно и назидательно. Оно помещено полностью на древней иконе в Спасском монастыре (излюбленная обитель его и его семейства, сооруженная благочестивой супругой его Анной); на иконе святой Феодор изображен во весь рост в иноческой одежде, посреди своих сыновей, со свитком в левой руке.

[2] Это было 19 сентября 1299 года. Сын и преемник святого князя Феодора князь Давид скончался в 1321 году, а год кончины князя Константина в летописях не означен. Тела их, согласно выраженному при жизни желанию, были положены возле тела их отца, в склепе под сводами храма, не в земле, а поверх ее в гробницах. Обретение нетленных мощей святых благоверных князей Ярославских Феодора, Давида и Константина, вызванное и сопровождавшееся многочисленными дивными исцелениями, последовало спустя почти двести лет, в 1467 году. В 1658 году последовало перенесение мощей их, подавшее повод к установлению местного праздника 13 июня. В 1704 году святым Димитрием, митрополитом Ростовским, устроена была для святых мощей Ярославских чудотворцев кипарисная рака, в которую святитель и переложил мощи 22 июня, установив навсегда праздновать этот день. Впоследствии кипарисная рака со святыми мощами угодников вложена была в новую серебряную раку и тогда же последовало перенесение святых мощей в новоустроенную церковь во имя святых Ярославских чудотворцев — князей Феодора, Давида и Константина, в которой они и почивают доныне близ левого клироса.

День двадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ЕВСТАФИЯ ПЛАКИДЫ,
его супруги и чад

В царствование императора Траяна[1] жил в Риме воевода, по имени Плакида[2]. Он происходил из знатного рода и обладал большим богатством. Его храбрость на войне была настолько известна, что одно имя Плакиды приводило врагов в трепет. Еще в то время, когда император Тит воевал в Иудейской земле[3], Плакида был выдающимся римским полководцем и отличался во всех сражениях неустрашимым мужеством.

По вере своей Плакида был идолопоклонником, но в своей жизни творил много добрых, христианских дел: он кормил голодных, одевал нагих, помогал бедствующим и освобождал многих от уз и тем-

---

[1] *Траян* был одним из лучших Римских императоров: много заботился о благе своего народа, вполне преобразовал государственное правление, расширил пределы империи счастливыми войнами, основал новые города. Однако и он преследовал христиан.

[2] Языческое имя святого Евстафия, точнее по римскому произношению «Плацид», от латинского слова placidus, означающего «тихий», «ровный», «спокойный», «мягкий», «кроткий». Наименование, прекрасно характеризующее высокие нравственные качества святого Евстафия еще до обращения его в христианство.

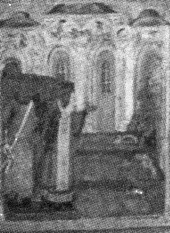
[3] *Тит* — Римский император, сын и преемник императора Веспасиана, царствовал с 79 по 81 год. В царствование своего отца был послан с многочисленным войском в Иудею, для наказания иудеев, возмутившихся против римской власти. Об этой именно войне здесь и упоминается. Война окончилась в 79 году разрушением Иерусалима и храма Соломонова.

ницы. Искренно радовался он, если ему приходилось оказать кому-либо помощь в беде и скорби, и даже радовался больше, чем своим славным победам над врагами. Как некогда Корнилий, о коем повествуется в книге Деяний апостольских (см.: Деян. 10), Плакида достиг совершенства во всяких добрых делах, но не имел еще святой веры в Господа нашего Иисуса Христа — той веры, без коей мертвы все добрые дела (см.: Иак. 2, 17). У Плакиды была жена, такая же добродетельная, как и он сам, и двое сыновей. Ко всем Плакида был весьма добр и милостив; недоставало ему только познания о Едином истинном Боге, Которого он, еще не ведая, почитал уже своими добрыми делами. Но милосердный Человеколюбец Господь всем желает спасения и призирает на тех, кто творит доброе: *Во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 35). Не презрел Он и этого добродетельного мужа, не попустил ему погибнуть во тьме идольского заблуждения, и Сам благоволил открыть ему путь ко спасению.

Однажды Плакида, по обыкновению своему, выехал с воинами и слугами на охоту. Встретив стадо оленей, он расставил всадников и начал погоню за оленями. Вскоре он заметил, что один, самый большой из них, отделился от стада. Оставив своих воинов, Плакида с небольшою дружиной погнался за оленем в пустыню. Спутники Плакиды скоро выбились из сил и остались далеко позади его. Плакида же, имея более сильного и быстрого коня, один продолжал погоню до тех пор, пока олень не взбежал на высокую скалу. Плакида остановился у подножия скалы и, смотря на оленя, стал размышлять о том, как бы изловить его. В это время Всеблагой Бог, многообразными средствами приводящий людей ко спасению и Ему одному известными судьбами наставляющий их на путь истины, уловил самого ловца, не как Корнилия Петром, но как Павла — явлением Своим (см.: Деян. 9, 3–6). Продолжая смотреть на оленя, Плакида увидел между его рогами сияющий крест, и на кресте подобие плоти распятого за нас Господа Иисуса Христа. Изумленный этим чудным видением, воевода вдруг услышал голос, глаголющий:

— Зачем ты гонишь Меня, Плакида?

И вместе с этим Божественным гласом мгновенно напал на Плакиду страх: упав с коня, Плакида лежал на земле как мертвый. Едва опомнившись от страха, он вопросил:



— Кто Ты, Господи, говорящий со мною?

И сказал ему Господь:

— Я — Иисус Христос, — Бог, воплотившийся ради спасения людей и претерпевший вольные страдания и крестную смерть, Коего ты, не ведая, почитаешь. Твои добрые дела и обильные милостыни дошли до Меня, и Я возжелал спасти тебя. И вот Я явился здесь, чтобы уловить тебя в познание Меня и присоединить к верным рабам Моим. Ибо не хочу Я, чтобы человек, творящий праведные дела, погиб в сетях вражиих.

Поднявшись с земли и уже не видя никого пред собою, Плакида сказал:

— Теперь верую я, Господи, что Ты — Бог неба и земли, Творец всех тварей. Отныне я поклоняюсь Единому Тебе, и иного, кроме Тебя, Бога не знаю. Молю Тебя, Господи, научи меня, что мне делать?

И снова услышал он голос:

— Иди к священнику христианскому, приими от него крещение, и он наставит тебя ко спасению.

Исполненный радости и умиления, Плакида в слезах пал на землю и поклонился Господу, удостоившему его Своего явления. Он сокрушался о том, что доселе не знал правды и не ведал Бога истинного, и в то же время радовался духом тому, что сподобился такой благодати, открывшей ему познание истины и наставившей на правый путь. Сев снова на коня, он вернулся к своим спутникам, но, сохраняя в тайне свою великую радость, никому не поведал о том, что с ним случилось. Когда же он возвратился с охоты домой, то отозвал свою жену и наедине рассказал ей все, что видел и слышал. Жена в свою очередь поведала ему:

— В прошлую ночь я слышала, что кто-то говорил мне такие слова: ты, твой муж и твои сыновья завтра придете ко Мне и познаете Меня, Иисуса Христа, истинного Бога, посылающего спасение любящим Меня. — Не будем же отлагать, исполним тотчас же, что нам повелено.

Настала ночь. Плакида послал искать, где живет христианский священник. Узнав, где его дом, Плакида взял с собою жену, детей и некоторых верных слуг своих и отправился к священнику, по имени Иоанну. Придя к нему, они подробно рассказали священнику о явлении Господа и просили крестить их. Выслушав их, священник

прославил Бога, избирающего и из язычников угодных Ему, и, научив их святой вере, открыл им все заповеди Божии. Потом он сотворил молитву и крестил их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И наречены были им при святом крещении имена: Плакиде — Евстафий, супруге его — Феопистия, а сыновьям их — Агапий и Феопист. После крещения священник причастил их Божественных Тайн и отпустил с миром, сказав им:

— Бог, просветивший вас светом познания Своего и призвавший вас в наследие жизни вечной, да будет всегда с вами! Когда же вы удостоитесь в той жизни лицезрения Божия, помяните и меня, отца вашего духовного.

Так возродившись в святом крещении, они возвратились в дом свой, исполненные неизреченной радости. Благодать Божественная озарила их души тихим светом и наполнила сердца таким блаженством, что им казалось, будто они находятся на небе, а не на земле.

На следующий день Евстафий, сев на коня и взяв с собою некоторых слуг, отправился как будто на охоту на то самое место, где явился ему Господь, чтобы воздать Ему благодарение за Его неисповедимые дары. Приехав к тому месту, он разослал слуг искать добычи. Сам же, сойдя с коня, пал лицом на землю и со слезами молился и благодарил Господа за Его неизреченную милость, что благоволил Он просветить его светом веры. В своей молитве он вручал себя Господу своему, предавая себя во всем в Его благую и совершенную волю и моля Его, чтобы Он по своей благости все устроил для него на пользу, как Сам ведает и благоизволит. И имел он здесь откровение о грядущих на него напастях и скорбях.

— Евстафий, — сказал ему Господь, — подобает тебе на деле явить твою веру, твердую надежду и усердную любовь ко Мне. Все это познается не среди временного богатства и суетного благополучия, но в нищете и в напастях. Тебе, как Иову[1], предстоит претер-

---

[1] *Иов* — ветхозаветный великий праведник, хранитель истинного откровения и богопочтения в роде человеческом во время усиления языческого суеверия после рассеяния народов; известен своим благочестием и непорочностью жизни; был испытан от Бога всеми несчастьями, среди которых, однако, остался непоколебимым в вере и добродетели. Жил Иов во времена патриархальные до времен Моисея в стране Авситидийской, находившейся в северной части каменистой Аравии. История Иова изложена подробно в книге его имени — одной из древнейших священных библейских книг.

петь многие скорби и испытать многие бедствия, чтобы, будучи искушенным как золото в горниле, явиться достойным Меня и принять венец из рук Моих.

— Да будет воля Твоя, Господи, — отвечал Евстафий, — все готов я принять из рук Твоих с благодарением. Я знаю, что Ты благ и милостив и как Отец, милуя, наказываешь; неужели же я не приму из милосердных рук Твоих отеческого наказания? Поистине готов я, как раб, с терпением нести все, что на меня возложат, только бы Твоя всесильная помощь была со мною.

И снова услышал он голос:

— Теперь ли ты желаешь претерпеть скорби или же в последние дни жизни своей?

— Господи, — сказал Евстафий, — если невозможно совершенно миновать искушения, то дай ныне же претерпеть эти бедствия; только пошли мне Свою помощь, чтобы не одолело зло и не отторгло меня от любви Твоей.

Господь сказал ему:

— Мужайся, Евстафий, ибо благодать Моя будет с тобою и охранит тебя. Тебе предстоит глубокое уничижение, но Я вознесу тебя, — и не только на небе прославлю тебя пред Ангелами Моими, но и среди людей восстановлю твою честь: после многих скорбей Я снова пошлю тебе утешение и возвращу твой прежний сан. Ты должен, однако, радоваться не о временной почести, но о том, что твое имя вписано в книге жизни вечной.

Так беседовал святой Евстафий с невидимым Господом и, исполняясь Божественной благодати, принимал от Него откровения. Радуясь духом и пламенея любовию к Богу, он возвратился в дом свой. Все, что было открыто ему Богом, Евстафий поведал своей честной супруге. Он не скрыл от нее, что им предстоят многие напасти и скорби, и убеждал мужественно претерпеть их ради Господа, Который обратит эти скорби в вечное веселие и радость.

Внимая своему мужу, эта благоразумная женщина сказала:

— Да будет над нами воля Господня; мы же со всем усердием станем молиться Ему только о том, чтобы Он послал нам терпение.

И стали они жить благочестиво и честно, подвизаясь в посте и молитвах, раздавая убогим милостыню еще обильнее, чем прежде, и усерднее прежнего совершенствуясь во всех добродетелях.

Спустя немного времени, попущением Божиим, постигли дом Евстафия болезни и смерть. Разболелись все его домочадцы и в короткое время умерли не только почти все его слуги, но и весь домашний скот. И так как те, кто остался в живых, лежали больные, то некому было уже охранять сокровище Евстафия, и воры по ночам расхищали его имение. Вскоре славный и богатый воевода стал почти нищим. Евстафий, однако, нимало не опечалился этим и не впал в безутешную скорбь: среди всех этих испытаний он ни в чем не погрешил пред Богом и, благодаря Его, говорил, как Иов:

— *Господь дал, Господь и взял; как было угодно Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1, 21).

И утешал Евстафий супругу свою, чтобы она не скорбела о происходящем с ними, а та в свою очередь сама утешала мужа; и так оба они переносили скорби с благодарностию к Богу, во всем поручив себя Его воле и укрепляясь надеждою на Его милость. Видя, что он лишился имущества, Евстафий решил скрыться от всех своих знакомых где-нибудь в далекой стороне, и там, не открывая своего знатного происхождения и высокого звания, жить среди простого народа в смирении и нищете. Он надеялся, что, проводя такую жизнь, он без всякого препятствия и вдали от житейской молвы будет служить обнищавшему и смирившемуся ради спасения нашего Христу Господу. Евстафий посоветовался о том со своей супругою, после чего они решили ночью уйти из дома. И вот, тайно от своих домашних, — коих осталось довольно немного, и то больных, — они взяли своих детей, переменили драгоценные одежды на рубища и покинули свой дом. Происходя из знатного рода, будучи великим сановником, любимый царем, всеми уважаемый, Евстафий легко мог снова возвратить себе и славу, и честь, и богатство, коих он лишился, но, считая их за ничто, он все оставил ради Бога и Его одного хотел иметь своим покровителем. Скрываясь, чтобы не быть узнанным, странствовал Евстафий по неведомым местам, останавливаясь среди самых простых и невежественных людей. Так, оставив свои богатые чертоги, скитался этот подражатель Христа, не имея нигде приюта. Вскоре узнали и царь, и все вельможи, что любимый их воевода Плакида скрылся неизвестно куда. Все недоумевали и не знали, что подумать: погубил ли кто Плакиду, или он сам случайно как-нибудь погиб. Сильно печалились о нем и разыскивали его, но не могли по-

стигнуть тайны Божией, совершавшейся в жизни Евстафия, *ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим. 11, 34).

В то время как Евстафий с семьею своей пребывал в одном неизвестном месте, жена его сказала ему:

— Долго ли, господин мой, будем мы жить здесь? Уйдем лучше отсюда в далекие страны, чтобы кто-нибудь не узнал нас и дабы не сделаться нам предметом насмешек у наших знакомых.

И вот, вместе с детьми пошли они по дороге, ведущей в Египет[1]. Пройдя несколько дней, они пришли к морю и, увидя в пристани корабль, готовый отплыть в Египет, сели на этот корабль и отплыли. Хозяин корабля был чужестранец[2] и человек очень свирепый. Прельстившись красотой жены Евстафия, он воспламенился страстью к ней и возымел в сердце своем лукавое намерение отнять ее у этого убогого человека и взять себе. Доплыв до берега, где Евстафию нужно было сходить с корабля, хозяин вместо платы за перевоз по морю взял себе жену Евстафия. Тот стал сопротивляться, но ничего не мог сделать, ибо свирепый и бесчеловечный чужестранец, обнажив меч, грозил убить Евстафия и бросить его в море. Некому было заступиться за Евстафия. С плачем пал он к ногам злого человека, умоляя не разлучать его с любимой подругой. Но все его просьбы не имели успеха, и он услышал решительный ответ:

— Если хочешь остаться в живых, замолчи и уйди отсюда, или же тотчас умри здесь от меча, и пусть море это будет для тебя могилой.

Рыдая, взял Евстафий своих детей и сошел с корабля; хозяин же корабля, отчалив от берега, поднял паруса и пустился в плавание. Как тяжела была для этого богоугодного человека разлука с его це-

---

[1] То есть по направлению к Средиземному морю, которое нужно было переплыть на корабле, чтобы достигнуть Египта. Египет — страна, лежащая в северо-восточной части Африки. В описываемое время Египет находился под властью римлян, которой подпал окончательно в 30 году до Рождества Христова.

[2] В житии он называется «варваром». Так греки, а вслед за ними и римляне называли всех вообще чужестранцев. Это была презрительная кличка, обозначавшая грубость и невежество других народов. Вместе с тем наименованию этому усвоено в Писании и понятие вообще человека бесчеловечного и свирепого. Вероятно, это был один из тех морских разбойников, которые тогда еще нередко наводили ужас на побережья Средиземного моря, уводили и продавали красивых женщин и девушек в рабство, бесчеловечно умерщвляя тех, кто им в этом препятствовал.

ломудренной и верной супругой! Очами, полными слез, и с надрывавшимся от скорби сердцем провожали они друг друга. Рыдал Евстафий, оставшись на берегу, рыдала на корабле жена его, насильно отнятая от мужа и увозимая в неизвестную страну. Можно ли выразить их скорбь, плач и рыдание? Долго стоял Евстафий на берегу и следил за кораблем до тех пор, пока мог его видеть. Потом он отправился в путь, ведя с собою своих малолетних детей; и плакал муж о жене, а дети плакали о матери своей. Одно только и было утешение для праведной души Евстафия, что испытания эти он принимает от руки Господа, без воли Коего ничто не может с ним случиться. Ободряла Евстафия и та мысль, что он для того и призван к вере Христовой, дабы с терпением проходить путь к отечеству небесному.

Но скорби Евстафия еще не кончились; напротив, ему пришлось вскоре испытать новые печали, бóльшие прежних. Не успел он забыть своей первой скорби, как приблизилось новое горе. Он только что перенес горестную разлуку с своей супругою, а уже недалеко от него была потеря и детей. Продолжая свой путь, Евстафий пришел к многоводной и очень быстрой реке. Ни перевоза, ни моста через эту реку не было, и приходилось ее переходить. Перенести сразу обоих сыновей на другой берег оказалось невозможным. Тогда Евстафий взял одного из них и перенес на своих плечах на противоположную сторону. Посадив его здесь, он отправился назад, чтобы также перенести и второго сына. Но в то время, как он дошел уже до средины реки, вдруг раздался крик. Евстафий обернулся назад и с ужасом увидел, как сына его схватил лев и убежал с ним в пустыню. С горьким и жалостным воплем смотрел Евстафий вслед удалявшемуся зверю, пока тот с своей добычей не скрылся из глаз. Евстафий поспешил возвратиться к другому своему сыну. Но не успел он дойти до берега, как вдруг выбежал волк и утащил отрока в лес. Охваченный со всех сторон тяжкими скорбями, стоял Евстафий среди реки и как бы утопал в море своих слез. Может ли кто поведать, как велики были его сердечная скорбь и рыдания? Он лишился супруги, целомудренной, единоверной и благочестивой; лишился детей, на коих он смотрел как на единственное утешение среди постигших его испытаний. Поистине было чудом, что человек этот не изнемог под тяжестью столь великих скорбей и остался в живых. Несомненно, что только всемогущая десница Всевышнего укрепляла Евстафия в

перенесении этих скорбей: ибо только Тот, Кто попустил ему впасть в такие искушения, мог послать ему и такое терпение.

Выйдя на берег, Евстафий долго и горько плакал, и затем с сердечною скорбью стал продолжать свой путь. Для него был лишь один Утешитель — Бог, в Коего он твердо веровал и ради Коего он все это переносил. Нимало не роптал Евстафий на Бога, не стал говорить: «Неужели для того Ты, Господи, призвал меня к познанию Тебя, чтобы я лишился супруги и детей? В том ли польза веры в Тебя, чтобы я стал несчастнейшим из всех людей? Так ли Ты любишь верующих в Тебя. Чтобы они погибли в разлуке друг с другом?» Ничего подобного даже не подумал этот праведный и терпеливый муж. Напротив, он в глубоком смирении приносил благодарение Господу за то, что Ему благоугодно видеть рабов Своих не в благополучии мирском и суетных утехах, а в скорбях и бедствиях, дабы утешить их в будущей жизни вечной радостью и веселием.

Но Всесильный Бог все обращает во благо, и если попускает праведнику впасть в бедствия, то не затем, чтобы карать его, а чтобы испытать его веру и мужество, благоволя не к слезам, а к твердому терпению, и внимая его благодарению. Подобно тому, как некогда Господь сохранил Иону невредимым во чреве китовом (см.: Иона 2), так Он сохранил целыми и невредимыми детей Евстафия, похищенных зверями. Когда лев уносил отрока в пустыню, увидали его пастухи и с криком стали преследовать его. Бросив отрока, лев искал спасения в бегстве. Также и волка, похитившего другого отрока, увидели землепашцы и с криком погнались за ним. Бросил и волк отрока. И пастухи, и землепашцы были из одного селения. Они взяли детей и воспитали их.

Но Евстафий ничего этого не знал. Продолжая путь, он то благодарил Бога в терпении, то, побеждаемый природой человеческой, плакал, восклицая:

— Увы мне! Некогда я был богат, а теперь нищ и лишен всего. Увы мне! Некогда я был в славе, ныне же — в бесчестии. Увы мне! Некогда я был домовит и имел большие имения, ныне же я — странник. Был я когда-то как древо многолиственное и благоплодовитое, а ныне я как ветвь иссохшая. Был я окружен дома друзьями, на улицах — слугами, в битвах — воинами, а ныне остался один в пустыне. Но не остави меня, Господи! Не презри меня, Ты, Всевидче! Не за-

будь меня, Ты — Всеблагой! Господи, не остави меня до конца! Вспомнил я, Господи, слова Твои, сказанные на месте Твоего явления мне: «Ты имеешь восприять скорби, подобно Иову». Но вот со мною исполнилось уже большее, чем с Иовом: ибо он, хотя и лишился своего имущества и славы, но лежал на своем гноище, я же — в чужой стране и не знаю, куда мне идти; он имел друзей, утешавших его, — мое же утешение, возлюбленных моих детей, дикие звери, похитив в пустыне, пожрали; он хотя и лишился своих детей, но мог от супруги своей иметь некоторое утешение и некоторую услугу, — моя же добрая жена впала в руки беззаконного чужестранца, и я, как трость в пустыне, колеблюсь бурею моих горьких печалей. Не прогневайся на меня, Господи, что я от горести сердца говорю так; ибо я говорю, как человек. Но на Тебе, Промыслителе моем и Устроителе пути моего, утверждаюсь, на Тебя надеюсь, и Твоею любовию как прохладною росою и дуновением ветра огнь печали моей прохлаждаю и желанием Тебя, как бы некоей сладостию, горечь бед моих услаждаю.

Говоря так с воздыханием и слезами, Евстафий дошел до некоего селения, называемого Вадисис. Поселившись в нем, он стал работать, нанимаясь у тамошних жителей, чтобы снискивать пропитание трудами рук своих. Работал он и трудился над таким делом, к которому не привык и которого дотоле не знал. Впоследствии Евстафий упросил жителей того селения, чтобы они поручили ему охранять их хлеб, за что они платили ему небольшую плату. Так он прожил в селении том пятнадцать лет в большой нищете и смирении и во многих трудах, так что в поте лица вкушал хлеб свой. Добродетели же и подвиги его кто может изобразить? Всякий может оценить их, если представит себе, что среди такой нищеты и странничества он ни в чем столько не упражнялся, как в молитвах, посте, в слезах, в бдениях и воздыханиях сердечных вознося к Богу очи и сердце и ожидая милости от Его неизреченного милосердия. Дети же Евстафия воспитывались недалеко оттуда, в другом селении, но он не знал о них, да и они сами не знали друг о друге, хотя и жили в одном селении. А жена его, как некогда Сарра[1], сохраняема была Богом от распутства

[1] Здесь разумеется известный подобный же пример из жизни ветхозаветного патриарха Авраама и жены его Сарры вскоре после переселения их в землю Ханаанскую. Когда Авраам во время наступившего голода пришел в Египет, фараон

того чужестранца, который в тот самый час, когда отнял ее у праведного мужа, поражен был болезнию и, приехав в свою страну, умер, оставив свою пленницу чистою, не прикоснувшись к ней. Так хранил Бог Свою верную рабу, что, находясь среди сети, не была она уловлена, но как птица избавилась от сети ловящих: сеть сокрушилась, и она избавлена была (см.: Пс. 123, 7) помощью Вышнего. По смерти же того чужестранца добродетельная женщина стала свободной и жила в мире, без напастей, добывая себе пищу трудами рук своих.

В то время иноплеменники вели войну против Рима и много наносили вреда, овладев некоторыми городами и областями[1]. Поэтому царь Траян был в великой печали и, вспомнив своего храброго воеводу Плакиду, говорил:

— Если был бы с нами наш Плакида, то враги наши не могли бы насмеяться над нами; ибо он был страшен врагам, и неприятели боялись имени его, потому что он был храбр и счастлив в битвах.

И удивлялся царь со всеми вельможами своими тому странному обстоятельству, что Плакида неизвестно куда скрылся с женою и с детьми. Задумав послать разыскивать его по всему своему царству, Траян сказал окружавшим его:

— Если кто найдет мне моего Плакиду, того я удостою великой чести и наделю многими дарами.

И вот два добрых воина, Антиох и Акакий, бывшие некогда верными друзьями Плакиды и жившие при его доме, сказали:

— Самодержавный царь, повели нам поискать этого человека, который весьма нужен всему Римскому царству. Если бы нам пришлось искать его и в отдаленнейших краях, то и тогда и приложим все свое усердие.

Царь обрадовался такой готовности их и тотчас послал их искать Плакиду. Они отправились и объехали немало областей, ища своего любимого воеводу по городам и селениям и спрашивая всякого встречного, не видел ли кто где такого человека. Наконец, прибли-

---

за красоту Сарры хотел было взять ее себе в жены, но Господь не попустил этого и поразил за Сарру тяжкими казнями и царя и двор его (см.: Быт. 12, 11–20).

[1] Это было незадолго до смерти Траяна, как видно из самого повествования. Из истории видно, что в это время возмутились против римского владычества различные азиатские народы, подвластные Риму, и император готовился к походу на Месопотамию.

зились они к тому селению, где жил Евстафий. Евстафий в это время стерег хлеб в поле. Увидев идущих к себе воинов, он стал присматриваться к ним и, издалека узнав их, обрадовался и плакал от радости. Глубоко воздыхая к Богу в тайне сердца своего, Евстафий встал на дороге, по которой те воины должны были пройти; они же, приблизившись к Евстафию и поздоровавшись с ним, спрашивали его, какое это селение и кто владеет им. Затем начали спрашивать, нет ли здесь какого-нибудь странника, такого-то возраста и такой-то наружности, имя которому Плакида.

Евстафий спросил их:

— Для чего ищете вы его?

Они отвечали ему:

— Он — друг наш, и мы долгое время не видали его и не знаем, где находится он вместе с женою и с детьми своими. Если бы кто-нибудь сообщил нам о нем, мы дали бы тому человеку много золота.

Евстафий сказал им:

— Я не знаю его и не слышал никогда о Плакиде. Впрочем, господа мои, прошу вас, войдите в селение и отдохните в моей хижине, потому что я вижу, что вы и кони ваши утомились от дороги. Итак, отдохните у меня, а затем вам можно будет узнать об искомом вами человеке от кого-нибудь из знающих его.

Воины, послушав Евстафия, пошли с ним в селение; но не узнали его; он же хорошо узнал их, так что чуть не заплакал, но удержался. В том селении жил один добрый человек, в доме которого Евстафий имел пристанище. Он ввел воинов к этому человеку, прося его, чтобы тот оказал им гостеприимство и накормил их.

— Я же, — прибавил он, — отплачу тебе своею работою за все, что ты потратишь на угощение, потому что эти люди — мои знакомые.

Человек тот, вследствие доброты своей, а также и внимая просьбе Евстафия, усердно угощал своих гостей. А Евстафий служил им, принося и ставя пред ними кушанья. При этом приходила ему на мысль его прежняя жизнь, когда те, коим он сейчас прислуживает, сами ему так служили, — и он, побеждаемый естественною слабостию природы человеческой, едва удерживался от слез, но скрывал себя пред воинами, чтобы не быть узнанным; несколько раз выходил из хижины и, немного поплакав и отерши слезы, тотчас опять вхо-

дил, служа им как раб и простой поселянин. Воины же, часто взирая на лицо его, начали мало-помалу узнавать его и стали тихо говорить друг другу: «Похож этот человек на Плакиду.. неужели это и на самом деле он?..» И прибавили: «Помним мы, что у Плакиды была на шее глубокая рана, которую он получил на войне. Если у этого мужа есть такая рана, то он воистину сам Плакида». Увидев на шее его ту рану, воины тотчас вскочили из-за стола, припали к ногам его, стали обнимать его и много плакали от радости, говоря ему:

— Ты — Плакида, которого мы ищем! Ты — любимец царя, о котором он так долго печалится! Ты — римский воевода, о котором скорбят все воины!

Тогда Евстафий понял, что настало время, о котором предрекал ему Господь и в которое он должен был снова получить первый свой сан и прежнюю свою славу и честь, и сказал воинам:

— Я, братие, тот, кого вы ищете! Я — Плакида, вместе с коим вы долгое время воевали против врагов. Я — тот человек, которым был некогда славой Рима, страшен иноплеменникам, вам дорог, ныне же — нищ, убог и никому не известен!

Велика была их взаимная радость, и радостны были их слезы. Они одели Евстафия в дорогие одежды, как своего воеводу, вручили ему послание царя и усердно просили его, чтобы он немедленно шел к царю, говоря:

— Враги наши начали одолевать нас, и нет никого столь храброго, как ты, кто бы мог победить и рассеять их!

Хозяин же того дома и все его домашние, слыша это, дивились и недоумевали. И по всему селению пронеслась весть, что в нем нашелся великий человек. Все жители селения стали стекаться, как к великому чуду, и с удивлением смотрели на Евстафия, одетого как воевода и принимающего почести от воинов. Антиох и Акакий рассказали народу о подвигах Плакиды, о его храбрости, славе и благородстве. Народ, услышав, что Евстафий такой храбрый римский воевода, удивлялся, говоря: «О, какой великий муж жил среди нас, служа нам как наемник!» И кланялись ему до земли, говоря:

— Почему ты не открыл нам, господин, своего знатного происхождения и сана?

Бывший хозяин Плакиды, у которого он жил в доме, припадал к ногам его, прося его, чтобы он не прогневался на него за непочте-

ние с его стороны. И все жители того селения стыдились при мысли, что они имели великого человека наемником, как раба. Воины посадили Евстафия на коня и поехали с ним, возвращаясь в Рим, а все поселяне провожали его далеко с великими почестями. Во время пути Евстафий беседовал с воинами, и они спрашивали его о жене и детях его. Он рассказал им все по порядку, что с ним случилось, и они плакали, слушая про таковые его злоключения. В свою очередь и они поведали ему, как опечален был из-за него царь, и не только он, но и весь его двор, и воины. Ведя между собою такую беседу, они чрез несколько дней достигли Рима, и воины возвестили царю, что они нашли Плакиду, — и как это произошло. Царь с честию встретил Плакиду, окруженный всеми своими вельможами, и с радостию обнял его и спрашивал о всем, что с ним случилось. Евстафий рассказал царю все, бывшее с ним, с его женою и детьми, и все, слушая его, умилились. После этого царь возвратил Евстафию его прежний чин и наделил его богатством бóльшим, чем каким он владел сначала. Весь Рим радовался возвращению Евстафия. Царь просил его, чтобы он отправился на войну против иноплеменников и своею храбростию защитил Рим от их нашествия, а также отомстил бы им за отнятие ими некоторых городов. Собрав всех воинов, Евстафий увидел, что их недостаточно для такой войны; поэтому он предложил царю отправить указы во все области своего государства и собрать из городов и селений способных для воинской службы юношей, а затем прислать их в Рим; и это было исполнено. Царь отправил указы, и в Рим было собрано множество людей молодых и крепких, способных к войне. Среди них приведены были в Рим и два сына Евстафиевы, Агапий и Феопист, которые к тому времени уже возмужали и были лицом красивы, телом статны и силою крепки. Когда они были приведены в Рим и воевода увидел их, то очень полюбил их, ибо сама отеческая природа привлекала его к детям, и он чувствовал к ним сильную любовь. Хотя он и не знал, что они — его дети, однако любил их, как детей своих, и они всегда находились при нем и сидели с ним за одним столом, ибо они были любезны его сердцу. Вслед за тем Евстафий отправился на войну с иноплеменниками и победил их силою Христовою. Он не только отнял у них взятые ими города и области, но и завоевал всю неприятельскую землю, и совершенно победил их войско. Укрепляемый

силою Господа своего, он выказал еще большую храбрость, чем прежде, и одержал такую блистательную победу, какой еще никогда прежде не одерживал.

Когда война окончилась и Евстафий уже с миром возвращался в свое отечество, случилось ему быть в одном селении, расположенном на живописном месте, при реке. Так как это место было удобно для стоянки, то Евстафий остановился с своими воинами на три дня: ибо Богу было так угодно, чтобы верный Его раб свиделся с женою и детьми и чтобы рассеянные вновь собрались воедино. Жена его жила в том самом селении, имея сад, от которого с большим трудом снискивала себе пропитание. По смотрению Божию, Агапий и Феопист, ничего не зная о матери своей, поставили себе палатку около ее сада; воспитанные в одном и том же селении, они имели одну общую палатку и любили друг друга, как единоутробные братья. Не знали они, что они — родные братья, однако, не ведая своего близкого родства, хранили между собою братскую любовь. Оба они ложились отдыхать около сада своей родительницы, недалеко от того места, где был стан воеводы. Однажды мать их около полудня работала в своем саду и услыхала разговор Агапия и Феописта, которые в это время отдыхали в своей палатке. Беседа их была такая: они спрашивали друг друга, какого каждый из них происхождения, и старший сказал:

— Я помню немного, что отец мой был воеводою в Риме, и не знаю, почему он удалился с матерью моею из этого города, взяв с собою меня и моего младшего брата (а нас было у него двое). Помню я еще, что мы дошли до моря и сели на корабль. Затем, во время морского плавания, когда мы пристали к берегу, отец наш вышел из корабля, а с ним и мы с братом, мать же наша, не знаю по какой причине, осталась на корабле. Помню я и то, что отец горько о ней плакал, плакали и мы с ним, и он с плачем продолжал путь. Когда же мы подошли к реке, отец посадил меня на берегу, а младшего брата моего, взяв на плечо, понес на противоположный берег. Когда затем он, перенеся его, шел за мною, прибежал лев, схватил меня и унес в пустыню; но пастухи отняли меня у него, и я воспитан был в том селении, которое ты знаешь.

Тогда младший брат, быстро встав, бросился на шею его с радостными слезами, говоря:

— Воистину ты — брат мой, ибо и я помню все то, о чем ты рассказываешь, и я сам видел, когда похитил тебя лев, а меня в то время унес волк, но земледельцы отняли меня у него.

Узнав свое родство, братья очень обрадовались и стали обнимать и целовать друг друга, проливая радостные слезы. А мать их, слыша такой разговор, удивлялась и возводила очи к небу с воздыханием и слезами, ибо она убедилась, что они — действительно ее дети, и сердце ее ощущало сладость и отраду после всех горьких печалей. Однако, как женщина разумная, она не смела явиться к ним и открыть себя без более достоверного известия, ибо она была нищая и одета была в худые одежды, а они были видные и славные воины. И решила она пойти к воеводе, чтобы попросить его дозволения возвратиться в Рим вместе с его войском: она надеялась, что там ей легче будет открыться сыновьям своим, а также узнать о своем муже, жив ли он или нет. Она пошла к воеводе, стала пред ним, поклонилась ему и сказала:

— Прошу тебя, господин, прикажи, чтобы я следовала за полком твоим в Рим; ибо я — римлянка и была взята в плен иноплеменниками в эту землю — вот уже шестнадцатый год; а теперь, будучи свободна, я скитаюсь по чужой стране и терплю крайнюю нищету.

Евстафий, по доброте своего сердца, тотчас преклонился к ее просьбе и дозволил ей безбоязненно возвращаться в свое отечество. Тогда жена та, смотря на воеводу, вполне убедилась, что он — муж ее, и в удивлении стояла, точно в забытьи. Но Евстафий не узнал жены своей. Она же, получив неожиданно одну радость после другой, подобно тому, как прежде одну печаль вслед за другой, внутренне с воздыханием молилась Богу и боялась открыться мужу своему и сказать, что она — жена его; ибо он, находясь в великой славе, и был теперь окружен множеством приближенных; она же была как самая последняя нищая. И удалилась она из его палатки, молясь Владыке и Богу своему, чтобы Он Сам устроил то, дабы муж и дети узнали ее. Затем выбрала она более удобное время, снова вошла к Евстафию и стала перед ним. А он, посмотрев на нее, спросил:

— Чего ты еще просишь у меня, старица?

Она поклонилась ему до земли и сказала:

— Умоляю тебя, господин мой, не прогневайся на меня, рабу свою, за то, что я хочу спросить тебя об одном деле. Ты же будь терпелив и выслушай меня.

Он сказал ей:

— Хорошо, говори.

Тогда она начала свою речь так:

— Не ты ли — Плакида, нареченный во святом крещении Евстафием? Не ты ли видел Христа на кресте среди оленьих рогов? Не ты ли ради Господа Бога вышел из Рима с женою и с двумя детьми, Агапием и Феопистом? Не у тебя ли чужестранец отнял жену на корабле? Свидетель мне на небе верный — Сам Христос Господь, ради Которого я претерпела многие напасти, в том, что я — жена твоя, и что благодатию Христовою я сохранена была от оскорбления, ибо этот чужестранец в тот самый час, как отнял меня у тебя, погиб, наказанный гневом Божиим, а я осталась чистою, и теперь бедствую и скитаюсь.

Услышав все это, Евстафий как будто пробудился от сна и тотчас узнал жену свою, встал и обнял ее, и оба они много плакали от великой радости. И сказал Евстафий:

— Восхвалим и возблагодарим Христа Спасителя нашего, Который не оставил нас милостью Своею, но как обещал после скорбей утешить нас, так и сотворил!

И они со многими радостными слезами благодарили Бога. После этого, когда Евстафий перестал плакать, жена спросила его:

— Где же дети наши?

Он же, глубоко вздохнув, ответил:

— Звери съели их.

Тогда жена его сказала ему:

— Не скорби, господин мой! Бог помог нам нечаянно найти друг друга, так поможет Он нам найти и детей наших.

Он заметил ей:

— Разве я не сказал тебе, что их съели звери?

Она же стала рассказывать ему все, что накануне слышала в своем саду во время работы, — все те речи, которые вели между собою два воина в палатке, и из которых она узнала, что они — сыновья их.

Евстафий тотчас же позвал к себе тех воинов и спросил их:

— Какого вы происхождения? Где родились? Где воспитывались?

Тогда старший из них ответил ему так:

— Господин наш, мы остались малолетними после своих родителей и потому мало помним свое детство. Однако мы помним то, что

отец наш был римским воеводою, подобным тебе, но не знаем мы, что случилось с нашим отцом и почему он вышел ночью из Рима с матерью нашею и с нами двоими; не знаем мы и того, почему именно, когда мы на корабле переплыли море, осталась на том корабле мать наша. А отец наш, плача о ней, подошел с нами к одной реке. В то время, как он, перенося нас поодиночке через реку, находился среди реки, похитили нас звери: меня — лев, а брата моего — волк. Но мы оба спасены были от зверей: ибо меня спасли и воспитывали пастухи, а брата моего — земледельцы.

Услыхав это, Евстафий и жена его узнали детей своих и, бросившись им на шею, долго плакали. И была великая радость в лагере Евстафия, как некогда в Египте, когда Иосифа узнали братья его (см.: Быт. 45, 1–15). По всем полкам прошел слух о нахождении жены и детей воеводы их, и все воины радостно собрались вместе, и было большое ликование во всем войске. Не так радовались они победам, как этому радостному событию. Так утешил Бог верных рабов Своих, ибо Он *умерщвляет и оживляет... делает нищим и обогащает* (1 Цар. 2, 6–7), низводит в скорби и возводит к радости и веселию. И Евстафий мог тогда говорить с Давидом: *Придите, послушайте, все боящиеся Бога, и я возвещу [вам], что сотворил Он для души моей.* Воспомянул и сотворил милость со мною. *Десница Господня высока, десница Господня творит силу!* (Пс. 65, 16; 117, 16).

В то время, как Евстафий возвращался с войны, радуясь вдвойне: и победе, и нахождению жены и детей, — еще до прибытия его в Рим, — умер царь Траян; ему наследовал Адриан, который был очень жесток, ненавидел людей добрых и преследовал благочестивых. После того, как Евстафий с великим торжеством вошел в Рим, по обычаю римских полководцев, и вел с собою много пленников, окруженный богатою военною добычею, — то царь и все римляне приняли его с почетом[1], и храбрость его прославилась еще больше, чем прежде, и все почитали его больше прежнего. Но Бог, Который не хочет, чтобы рабы Его были почитаемы и славимы в этом превратном и непостоянном мире суетным и временным почитанием, ибо Он уготовал им на небе вечную и непреходящую честь и славу, —

[1] То есть Плакиде был устроен, по обычаю римскому, так называемый триумф, или торжественная блестящая встреча, как увенчанному славой полководцу — победителю.

указывал Евстафию путь мученический, ибо вскоре снова послал ему бесчестие и скорбь, которые он радостно претерпел за Христа. Злочестивый Адриан захотел совершить жертвоприношение бесам, в благодарность за победу над врагами. Когда он входил со своими вельможами в идольский храм, Евстафий не вошел за ними, но остался снаружи. Царь спросил его:

— Почему не хочешь ты войти с нами в храм и поклониться богам? Тебе, ведь, прежде других следовало бы воздать им благодарение за то, что они не только сохранили тебя целым и невредимым на войне и даровали тебе победу, но и помогли найти тебе жену твою и детей твоих.

Евстафий отвечал:

— Я — христианин и знаю Единого Бога моего Иисуса Христа, и Его чту и благодарю, и поклоняюсь Ему. Ибо Он все даровал мне: и здоровье, и победу, и супругу, и чад. А глухим, немым, бессильным идолам я не поклонюсь.

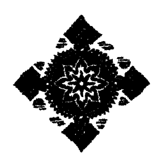
И Евстафий ушел в дом свой. Царь разгневался и стал размышлять, как бы наказать Евстафия за бесчестие богов своих. Сначала он снял с него сан воеводский и вызвал его на суд, как простого человека, с женою и детьми его, и увещевал их принести жертву идолам; но, не будучи в состоянии уговорить их к этому, осудил на съедение зверям. И вот святой Евстафий, этот славный и храбрый воин, пошел в цирк, осужденный на казнь вместе со своею женою и сыновьями. Но не стыдился он этого бесчестия, не боялся смерти за Христа, Которому он ревностно служил, исповедуя пред всеми святое имя Его. Он укреплял и свою святую супругу, и детей своих, чтобы они не устрашались смерти за Жизнодавца всех Господа; и они шли на смерть, как на пир, укрепляя друг друга надеждою на будущее воздаяние. На них выпущены были звери, но не коснулись их, ибо, как только какой-нибудь из зверей подходил к ним, тотчас же возвращался назад, преклонив пред ними свою голову. Звери смягчили свою ярость, а царь еще больше разъярился и повелел увести их в темницу. А на другой день Адриан велел раскалить медного вола и бросить в него святого Евстафия с женой и детьми его[1]. Но этот рас-

[1] «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария прибавляют здесь еще следующие подробности, которых нет у святого Димитрия Ростовского. Когда святые мученики приближались к месту страшной казни, то, воздев руки свои к небу,

каленный вол был для святых мучеников, как халдейская печь, прохлажденная росою, для святых отроков (см.: Дан. 3, 21). Находясь в этом воле, святые мученики, помолившись, предали Богу души свои и перешли в Царствие небесное. Спустя три дня подошел Адриан к волу тому, желая увидать прах сожженных мучеников; открыв дверцы, мучители нашли тела их целыми и невредимыми, и ни один волос на главах их не сгорел, а лица их похожи были на лица спящих и блистали чудною красотою. Весь народ, находящийся там, воскликнул:

— Велик Бог христианский!

Царь со стыдом возвратился в свой дворец, и весь народ укорял его за злобу, — что он напрасно предал смерти такого необходимого для Рима воеводу. Христиане же, взяв честны́е тела святых мучеников, предали их погребению[1], славя Бога, дивного во святых Своих, Отца и Сына и Святого Духа, Ему же от всех нас да будет честь, слава и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.



вознесли пламенную молитву Господу, как бы созерцая какое-то небесное явление, как это видно из первых слов их молитвы. Молитва эта была следующая: «Господи Боже сил, всеми невидимый нами же видимый! Вонми нам, молящимся Тебе, и приими нашу последнюю молитву. Вот мы соединились, и Ты сподобил нас участи святых Твоих; как три отрока, вверженные в Вавилоне в огонь, не были отринуты Тобою, так и ныне сподоби нас скончаться в этом огне, дабы Ты благоволил восприять нас, как жертву благоприятную. Подай же, Господи Боже, всякому поминающему память нашу участие в Царстве небесном; ярость же огня этого преложи на холод и сподоби нас в нем скончаться. Еще молимся, Господи: сподоби, да не разлучатся тела наши, но да вкупе лягут». В ответ на эту молитву раздался с неба Божественный глас: «Да будет вам так, как вы просите! И более вам будет, ибо вы претерпели многие напасти и не были побеждены. Идите в мире, приимите венцы победные за страдания свои, почивайте во веки веков».

[1] Мощи святого Евстафия и его семейства находятся в Риме в церкви его имени.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **МИХАИЛА**, князя Черниговского, и боярина его **ФЕОДОРА**, от нечестивого Батыя пострадавших

Когда ты видишь смуты и войны или иные бедствия, не думай, чтобы все это было простым, обычным явлением этого временного мира, или произошло от какого-нибудь случая; но знай, что бедствия попускаются волею всемогущего Бога за наши грехи, дабы согрешающие приходили в чувство и исправлялись. В начале Господь вразумляет нас, грешных, малыми наказаниями; если же мы не исправляемся, тогда Он посылает на нас большие наказания, как некогда и на израильтян. Ибо что попустил Господь на тех, кои не захотели исправиться от вервий бича Христова (см.: Ин. 2, 15)? — *Поразишь их*, — сказал Он, — *жезлом железным* (Пс. 2, 9). Наказания малые, которые Господь попускает в начале, суть следующие: мятеж, голод, внезапная смерть, междоусобные войны и тому подобное. Если же такими наказаниями грешники не вразумляются, тогда Господь посылает на них жестокое и тяжкое нашествие иноплеменников, чтобы хотя в этом великом бедствии люди могли прийти в чувство и обратиться от путей своих лукавых, — по слову пророка: *Когда Он убивал их, они искали Его* (Пс. 77, 34). Так было и с нами, со всей нашей землею Российской. Когда мы своим злым нравом прогневали благость всемилостивого Бога и сильно оскорбили Его милосердие, прийти же в раскаяние, уклониться от зла и творить благое

не хотели, — тогда разгневался на нас Господь праведным гневом Своим и восхотел наказать нас за наши беззакония лютейшею казнию. И вот Он попустил тогда прийти на нас безбожным и жестоким варварам, называемым татарами, с нечестивейшим и беззаконнейшим их царем Батыем[1]. В бесчисленном множестве напав на Русскую землю[2], они победили русских благоверных князей и сокрушили их войско; все города они разорили и землю Русскую опустошили мечом и огнем, ибо никто не мог сопротивляться тем безбожным полчищам, коим за наши грехи предал нас Бог, глаголавший некогда чрез пророка: *Если захотите и послушаетесь* Меня*, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас* (Ис. 1, 19–20). Христиане, спасшиеся от меча и пленения, скрывались в горах и непроходимых пустынях; и вся земля Русская представляла тогда скорбное зрелище: места, населенные прежде людьми, — города и села, — стали пусты, а где прежде жили дикие звери, там водворялись люди, укрываясь от варваров.

В то время жил благочестивый и приснопамятный Михаил, сын Всеволода Чермного[3], князь Черниговский. С юных лет отличался он добродетельною жизнию; возлюбив Христа, он служил Ему от всего сердца, — и все видели душевное незлобие князя: его кротость, смирение, обходительность со всеми и милосердие к бедным. Угождая всегда Богу молитвою и постом и всякими добрыми делами украшая свою душу, князь Михаил соделал ее прекрасным жилищем Бога, Творца своего.

У этого благочестивого князя был любимый боярин, подобно ему добродетельный, по имени Феодор; вместе с ним князь Михаил и пострадал от нечестивого Батыя, положив душу свою за Христа.

---

[1] *Батый* — внук великого Чингис-хана, хан татарский. Батый основал свое пребывание на берегах реки Волги, назвав столицу свою «Сараем». Здесь кочевала Орда его (Орда — стан татарский), известная под именем Золотой, или Кипчакской. Но сам Батый не был полновластным повелителем: он, в свою очередь, зависел от великого хана, наследника Чингиса, который кочевал с большой Ордой в пустынях Средней Азии, куда ходили многие русские князья для выражения покорности великому хану.

[2] Это нашествие татар на Русскую землю было в 1238 году.

[3] *Всеволод*, по прозванию *Чермный*, князь Черниговский, сын великого князя Киевского Святослава Всеволодовича. С 1210-го по 1214 год Всеволод владел Киевом; умер в 1215 году.

Когда благоверный и христолюбивый Михаил владел княжеством Киевским, нечестивый Батый прислал своих татар осмотреть город Киев. Посланные изумились, увидев величие и красоту города Киева, и, возвратившись к Батыю, рассказали ему об этом знаменитом городе. Тогда Батый снова отправил послов к Михаилу с тем, чтобы они лестию уговорили князя добровольно покориться ему. Благоверный князь Михаил понял, что татары коварством хотят взять город и опустошить его: князь слыхал уже раньше, что те жестокие варвары без милосердия убивают даже добровольно покоряющихся им, и потому повелел умертвить послов Батыя. Вслед за тем Михаил узнал о приближении громадного войска татарского, которое, как саранча, в великом множестве (ибо воинов было шестьсот тысяч человек), нашло на землю Русскую и овладело укрепленными городами ее. Сознавая, что Киеву невозможно уцелеть от приближающихся врагов, князь Михаил вместе с боярином Феодором бежал в

Венгрию[1] искать помощи своей родине. Не получив этой помощи, Михаил некоторое время странствовал по чужой стороне; *укры́йтеся мало ели́ко, ели́ко до́ндеже мимоидет гнев Господень*[2] (слав. Ис. 26, 20).

По отъезде князя Михаила из Киева другие русские князья владели Киевским княжеством, однако и они не могли защитить Киева от нечестивого Батыя. Придя со всем своим войском, Батый овладел Киевом, Черниговом и другими укрепленными городами и княжествами; все они сильно разорены были огнем и мечом. — Это было в 6748 году от сотворения мира, а от Рождества Христова в 1240 году. — Тогда знаменитый и славный город Киев был совершенно разорен руками христоненавистных врагов, именитые граждане погибли от меча нечестивых — одни были убиты, а другие отведены в плен. Благолепные Божии храмы были осквернены и сожжены, так что исполнились слова Давида: *Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святый храм Твой; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих — зверям земным; пролили кровь их, как воду, и некому было похоронить их* (Пс. 78, 1–3).

Князь Михаил, находившийся в то время в странствовании, слыша обо всем происходившем в Русской земле, неутешно оплакивал единоверную свою братию и опустение своей земли. Вскоре Михаилу стало известным, что городским жителям, в небольшом числе уцелевшим от меча и плена, нечестивый царь повелел безбоязненно жить на своих местах, но с тем, чтобы они платили ему дань. И многие русские князья, бежавшие в далекие и чужие страны, услыхав об этом, стали возвращаться в родную землю. Поклонившись нечестивому царю, они занимали свои княжества и, платя дань Батыю, водворялись в своих разоренных городах. Возвратился из странствования и благочестивый князь Михаил с боярином своим Феодором и со всеми своими людьми, соглашаясь лучше

---

[1] *Венгрия* (по-славянски — *Угрия*) — королевство, главная из земель Австро-Венгерской монархии. Сын Михаила Черниговского, Ростислав, был женат на дочери Венгерского короля Белы. Думая найти в родственнике верного союзника, князь Михаил упрашивал короля совокупными силами восстать против общего врага, но не убедил ни его, ни других, к кому обращался за помощью.

[2] В этом месте пророк Исаия призывает к терпеливому перенесению тяжких бедствий, так как бедствия эти являются следствием гнева Божия за нечестие народа. «Скройтесь, — говорит пророк, — на некоторое непродолжительное время, доколе не минует вас гнев Господень».

платить дань нечестивому царю и жить хотя бы в опустевшем своем отечестве, нежели быть странником в чужой земле. Сначала он пришел в Киев и здесь горько плакал, видя святые места опустевшими и «небеси подобную» Печерскую церковь[1] разоренною до основания. Затем Михаил отправился в Чернигов. И едва успел князь Михаил отдохнуть здесь от пути, как татары, услыхав о возвращении его, пришли от Батыя и начали звать его (как и других русских князей) к своему царю, говоря:

— Нельзя вам жить на земле Батыя, не поклонившись ему. Итак, идите — поклонитесь ему и будьте данниками его, — и тогда оставайтесь в жилищах своих.

У того нечестивого царя был следующий обычай: если кто-нибудь из русских князей приходил поклониться ему, то волхвы и жрецы татарские принуждали их проходить сквозь огонь[2], а если кто-нибудь из князей приносил с собою какие-либо дары царю, то волхвы брали по небольшой части от всех этих даров и бросали в огонь, как жертву. Проведя чрез огонь, они принуждали поклоняться солнцу, кусту и идолам, — и уже после этого допускали к царю. Многие из русских князей, из страха перед царем и чтобы удержать за собой свое княжество, исполняли все: проходили сквозь огонь и поклонялись идолам, — и за то получали от царя, чего они просили.

Слыша, что многие из русских князей, прельстившись славою мира сего, поклонились идолам, благочестивый князь Михаил сильно скорбел о том и, возревновав о Господе Боге, решился идти

[1] *Киево-Печерская Богородичная церковь* была основана преподобными отцами — Антонием и Феодосием Печерскими в 1073 году, при епископе Михаиле, во дни благоверного князя Святослава Ярославича. Строение храма, начатое при разных чудесах и знамениях, продолжалось в игуменство преподобного Стефана и преподобного Никона и окончилось при игумене Иоанне. Красота и великолепие этого храма изумляли современников. Внутренность его блистала золотом и мозаикой и привлекала взоры иконной живописью. Помост устроен был мозаически из разноцветных камней, расположенных красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крест, поставленный на главном куполе, был выкован из чистого золота; неудивительно поэтому, что современники называли Печерскую церковь «небеси подобною» и говорили, что она составляет славу и украшение всей земли Русской.

[2] Всех приходящих к хану татарские жрецы проводили между огнями: по их убеждению, чрез это уничтожалось всякое злое намерение у лиц, шедших к их повелителю. Огонь, по их верованию, был «чистилищем для всяких злых умыслов» и отнимал даже силу у скрываемого яда.

к царю неправедному и коварнейшему из всех людей и неустрашимо исповедать перед ним Христа и пролить кровь свою за Господа. Замыслив это и воспламенясь душою, Михаил призвал своего верного советника, боярина Феодора, и поведал ему о своем намерении. Тот, будучи благочестивым и твердым в вере, одобрил решение своего господина и обещал не покидать его до самой кончины и вместе с ним положить свою душу за Христа. После такого совещания они твердо решились, отнюдь не изменяя своего намерения, идти и умереть за исповедание Иисуса Христа. Тотчас же они пошли к своему духовному отцу, по имени Иоанну, чтобы сообщить ему об этом. Придя к нему, князь сказал:

— Хочу, отче, идти к царю, как и все русские князья.

Духовник, со скорбию услышав такие слова и глубоко вздохнув, сказал:

— Многие князья туда ходили и души свои погубили, исполнив волю Батыя и поклонившись огню и солнцу и прочим идолам; и ты, Михаил, если хочешь, иди с миром, но только умоляю тебя, — не подражай им и не делай того, что они сделали для сохранения земной власти: не ходи сквозь огонь нечестивых и мерзким богам их не поклоняйся, ибо Един Бог наш, Иисус Христос; не вкушай и скверных идоложертвенных яств, чтобы тебе не погубить души своей.

Князь с боярином отвечали:

— Мы хотим пролить кровь нашу за Христа и положить за Него души свои, да будем Ему благоприятной жертвой.

Услышав это, Иоанн возрадовался душою и, радостным взором взглянув на них, сказал:

— Если так сделаете, блаженны будете, и в этом последнем роде будете именоваться новоявленными мучениками.

Потом, преподав им наставления из Евангелия и из прочих богодухновенных книг, он причастил князя и боярина Божественных Тайн Тела и Крови Христовых, благословил их и сказал:

— Господь Бог да укрепит вас и да пошлет вам дар Святого Духа, чтобы вам быть твердыми в вере, смелыми в исповедании имени Христова и мужественными в страдании, и да причтет вас Царь небесный к лику первых святых мучеников.

После этого Михаил и Феодор отправились домой; сделав там все нужные приготовления для своего путешествия и простившись

со своими домашними, они поспешно отправились в путь с молитвою к Богу, пламенея сердечною к Нему любовию и желая венца мученического*, как лань желает к потокам воды* (Пс. 41, 2).

Когда они достигли того места, где находился безбожный царь Батый, то о их прибытии тотчас же было ему доложено. Призвав волхвов и жрецов своих, Батый повелел им провести Черниговского князя по обычаю сквозь огонь и заставить его поклониться идолам, и затем уже представить его к себе. Прийдя к князю, волхвы сказали ему: — «Тебя зовет великий царь» — и взяв его, повели. За ним последовал, как за своим господином, и боярин его Феодор. Вскоре они дошли до того места, где с двух сторон разложен был огонь, а по середине был путь, коим многие уже проходили; этим путем волхвы хотели вести и князя Михаила. Тогда князь сказал:

— Не подобает христианам проходить сквозь тот огонь, который нечестивые почитают за Бога, я же — христианин; поэтому не пойду сквозь огонь и не поклонюсь твари, ибо я поклоняюсь Творцу — Отцу, и Сыну, и Святому Духу, — Единому Богу в Троице, Создателю неба и земли.

Услыхав такие слова князя, волхвы и жрецы пришли в ярость; оставив Михаила, они пошли донести о его речах царю. В это время к князю Михаилу подошли некоторые русские князья, вместе с ним пришедшие на поклонение Батыю, — между ними был и князь Ростовский Борис[1]. Они, жалея Михаила и глубоко скорбя о нем, а вместе с тем боясь, чтобы не навлечь гнева царского и на себя, советовали Михаилу исполнить волю Батыя.

— Ты можешь, — говорили они, — притворно исполнить приказание и поклониться огню и солнцу, чтобы только избавиться от царского гнева и от лютой смерти. Когда же с миром возвратишься к себе домой, тогда ты будешь поступать уже по своему желанию:

---

[1] *Борис Василькович (Васильевич)* — князь Ростовский, внук Михаила Черниговского (старший из двух сыновей Василька Константиновича, от брака его с Марией Михайловной, княжной Черниговской). По смерти отца, убитого татарами близ Ростова, в Щереньском лесу, в 1238 году, Борис получил в удел Ростов. Князь этот известен в истории как печальник земли Русской пред ханом Золотой Орды. Он побывал в Орде более восьми раз, — по приказу Батыя ездил даже в Великую Татарию, к хану Сартаку в 1245 году. Умер Борис в Орде в 1277 году. Погребен в Ростовском Успенском соборе.

тебя не будет Господь наказывать за это и не прогневается на тебя, потому что ведает Он, что ты сделал так по принуждению. Если же тебе поставит духовник в грех твой поступок, то мы все возьмем на себя вину твою, — только послушай нас и, пройдя сквозь огонь, поклонись татарским богам; этим ты и себя и нас освободишь от царского гнева и злой смерти, а для земли своей испросишь много полезного.

Все это говорили они Михаилу с горькими слезами. Благочестивый боярин Феодор, слушая их слова, сильно опечалился, опасаясь, чтобы князь не последовал совету окружающих его и не отпал от веры. Подойдя к князю, он стал напоминать ему обещание его и слова духовника.

— Вспомни, благочестивый князь, — говорил он, — как ты давал обет положить душу свою за Христа; припомни слова Евангельские, коими поучал нас духовный отец*: кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8, 35–36). — *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 32–33).

С наслаждением слушал князь Михаил эти слова своего боярина и, пламенея ревностию по Боге, с радостию ожидал мучения, готовый умереть за Христа-Жизнодавца. Князь же Борис, о коем выше было упомянуто, продолжал сильно упрашивать Михаила исполнить царскую волю.

— Не желаю быть христианином только по имени, — отвечал им Михаил, — а поступать как язычники.

И, сняв с себя меч свой, бросил его к ним и сказал:

— Возьмите славу мира сего: она не нужна мне.

Вслед за тем пришел от Батыя один знатный царедворец, по имени Ельдега, и передал князю Михаилу от своего царя следующие слова:

— Великий царь так говорит тебе: почему ты не повинуешься моему приказанию и богам моим не поклоняешься? Вот теперь предстоит тебе жизнь или смерить: выбирай то или другое. Если исполнишь мое повеление — пройдешь сквозь огонь и богам моим по-

клонишься, то не только останешься жив, но и получишь от меня великие милости и будешь полным господином в своем княжестве. Если же не послушаешь меня и не поклонишься богам моим, то умрешь злою смертию.

Выслушав от Ельдеги царские слова, князь Михаил нисколько не устрашился, но смело отвечал:

— Скажи царю — так говорит тебе князь Михаил, раб Христов: если тебе, царь, вручены от Бога царство и слава мира этого и Десница Вышнего покорила нас тебе за наши грехи, то мы должны кланяться тебе как царю и воздавать честь, подобающую твоему царскому достоинству, но чтобы отречься Христа и поклониться твоим богам, — этого не будет: ибо не боги они, а творение. Наши же пророческие Писания так говорят: *Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес* (Иер. 10, 11). Что может быть безумнее, как оставить Создателя и поклоняться созданию?

Ельдега же сказал ему:

— Ты, Михаил, ошибаешься, называя солнце созданием: ибо, скажи мне, — кто вошел на ту неизмеримую небесную высоту и сотворил такое великое светило, которое освещает всю вселенную?

— Если желаешь выслушать меня, — отвечал ему святой, — то я скажу тебе, Кто сотворил солнце и все видимое и невидимое: Бог безначальный и невидимый, и Его Единородный Сын, Господь наш Иисус Христос, также несозданный и не имеющий ни начала, ни конца, равно и Дух Святой, — Бог в трех Лицах, но Единый по Существу, — Он сотворил небо и землю и солнце, коему вы кланяетесь, и луну и звезды, а также море и сушу; Он же сотворил и первого человека Адама и отдал ему на служение все сотворенное. Господь же дал людям закон, чтобы они не поклонялись ничему сотворенному, — ни на земле, ни на небе, но чтобы поклонялись Единому Богу, все сотворившему; Ему я и поклоняюсь. А если царь обещает мне княжество и славу мира этого, то я не ищу этого, так как и сам царь не вечен, также не вечна и власть, какую он дает мне и в коей я не нуждаюсь. Я надеюсь, что Бог мой, в Коего я верую, даст мне царство вечное, не имеющее конца.

Тогда Ельдега сказал:

— Если ты, Михаил, будешь упорствовать и не исполнишь царской воли, то будешь тотчас умерщвлен.

Святой отвечал:

— Я не боюсь той смерти, чрез которую могу удостоиться вечного пребывания с Богом. — И для чего нам много говорить? Я — христианин, исповедую Творца неба и земли, твердо в Него верую и с радостию умру за Него.

Тогда Ельдега, видя, что ни ласками, ни угрозами не может склонить Михаила исполнить царскую волю, пошел к Батыю, чтобы передать ему все, слышанное от Михаила.

Выслушав Ельдегу, Батый пришел в ярость и велел своим приближенным немедленно же умертвить князя Михаила. И бросились слуги мучителя, как псы на охоту или как волки, бегущие за овцой. Святой мученик Христов пребывал в это время вместе с Феодором; не страшась смерти, они воспевали псалмы и усердно молились Богу. Увидев приближавшихся убийц, они начали петь: «Мученицы Твои, Господи, многия муки претерпеша и любовию Твоею души соединиша святии». Достигнув того места, где стоял князь Михаил, убийцы, как звери, схватили его за руки и за ноги и, распростерши на земле, долго и беспощадно били по всему телу, так что и земля обагрилась его кровью. Михаил же переносил все это мужественно, твердя только дно: «Я — христианин!»

Тут же находился один из царских слуг, бывший прежде христианином, а потом сделавшийся отступником и принявший татарскую нечестивую веру. Этот отступник, видя, как святой мужественно переносит мучения, озлобился на него и, так как был врагом христиан, вынув нож, схватил Михаила за главу, отрубил ее и бросил, — между тем как уста святого исповедника продолжали повторять: «Я — христианин».

О дивное чудо! Отнятая уже от тела глава все еще исповедовала Христа.

После этого нечестивые мучители приступили к благочестивому Феодору и говорили ему:

— Исполни царское повеление и поклонись богам нашим: за то ты не только останешься в живых, но и получишь великую честь от царя и наследуешь княжество твоего господина.

Но святой Феодор отвечал:

— Княжества господина моего я не ищу, не нужно мне и чести от царя вашего, — я желаю только того, чтобы идти ко Христу тем

же путем, коим пошел господин мой — святой мученик князь Михаил, потому что я так же, как и он, верую во Единого Христа, Творца неба и земли, так же хочу пострадать за Него и не страшусь мучений и самой смерти.

Видя непреклонность Феодора, убийцы схватили его и начали мучить так же жестоко, как и святого Михаила. Наконец, они отсекли честну́ю его главу, сказав при этом:

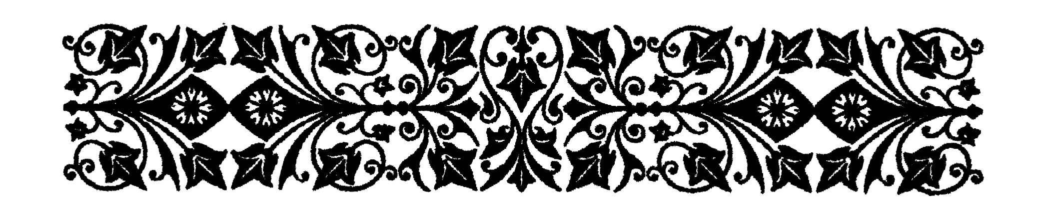
— Кто не пожелал поклониться пресветлому солнцу, тот недостоин и смотреть на солнце.

Так, честно пострадав, святые мученики Михаил и Феодор предали души свои в руки Господу, — в 6753 году от сотворения мира, от Рождества же Христова — в 1246 году, 20 сентября. Святые тела их брошены были на съедение псам, но в продолжение многих дней оставались целыми и никем не тронутыми. — Так благодать Христова сохраняла их невредимыми. — Кроме этого, над телами мучеников появлялся огненный столп, сиявший ярким блеском, и каждую ночь виднелись горящие свечи. Видя все это, христиане, находившиеся в то время в Орде, взяли тайно тела мучеников и с честию погребли их[1].

По убиении святых мучеников нечестивый Батый снова пошел войною со всеми своими полчищами — сначала на Польшу, потом на Венгрию, но Венгерским королем Владиславом был убит, получив, таким образом, злой конец своему злому житию. — Так мучитель Батый получил в удел ад, святые же мученики наследовали Царство небесное и вечно прославляют Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

---

[1] Святые мощи благоверного князя Михаила и боярина его Феодора были перенесены из Орды богобоязненными христианами сначала во Владимир, а затем в родной город князя Михаила — Чернигов. Затем, в 1578 году, 14 февраля, по воле царя Иоанна Васильевича Грозного, святые мощи были перенесены в Москву, из опасения, чтобы они не подверглись поруганию со стороны католиков, по переходе Чернигова под власть польскую. Они были положены под спудом в соборной церкви Черниговских чудотворцев, находившейся в Кремле, близ Тайницких ворот. Когда же упразднен был этот собор, тогда святые мощи, по повелению императрицы Екатерины II, торжественно перенесены, в 1770 году, 25 августа, в Сретенский собор, что во дворце на «Сенях»; отсюда, в 1774 году, 21 ноября, перемещены в Архангельский собор, где почивали сначала в великолепной серебряной раке, устроенной в память мира с Турцией, а после 1812 года (когда эта рака похищена была неприятелями) доныне покоятся в медной посеребренной.



День двадцать первый

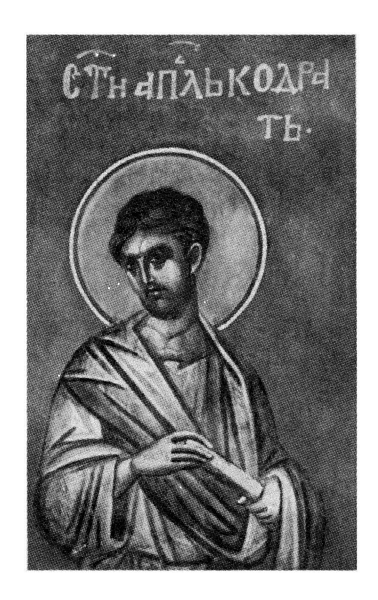
ПАМЯТЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
КОДРАТА

Святой апостол Кодрат, один из числа семидесяти, проповедовал слово Божие в Афинах и в Магнезии[1], где и был епископом; своею проповедью многих он привел к свету Богоразумия. По слову Сираха, он был как утренняя звезда среди облаков (Сир. 50, 6): под темными облаками разумеем языческое безбожие, чуждое света благочестия; люди, одержимые им, сидели во тьме и тени смертной. Святой же апостол Кодрат, проповедуя слово Божие, воссиял перед ними словно великий свет; он разогнал тьму, их окружавшую, уничтожил идольские жертвы, разрушил идолов и своею молитвою разорил бесовские храмы; как некогда звезда была путеводительницею восточным царям, так и он показал путь ко Христу, и как утренняя звезда ведет за собой солнце, так и он возвещал миру о великом Светиле и разогнал мрак, окружавший человеческие души. Но тьма — постоянный враг света; поэтому и безбожные еллины, видя, что Кодрат разрушает их идолов, изгоняет бесов, искореняет злочестие, воздвигли на святого апостола гонение и бросились на него с камнями, как некогда иудеи на Стефана (см.: Деян. 7, 59); хотя святого Кодрата и закидали камнями, но хранимый Христовою благодатию он остался жив. Тогда его заключили в темницу и долго томили голодом; нечестивые идолопоклонники лишили естественной пищи того, кто насыщал их души не брашном

---

[1] *Магнезия* — восточный полуостров и область Фессалии.

тленным, но пищей, приводящей в жизнь вечную (см.: Ин. 6, 27). Они томили святого голодом, но сами погибали от того голода, о коем Священное Писание говорит: *Не голод хлеба, но жажда слышания слов Господних* (Амос. 8, 11). Не могли они погубить голодом мужа, всегда подкрепляемого свыше, но сами обрекли себя на вечную смерть. После долгих мучений святой Кодрат умер, но душа его живет в Царствии небесном и наслаждается райским блаженством. Он окончил подвиг своего страдания при царе Адриане и начал жить вечно пред Царем славы Иисусом Христом: с Ним он страдал, с Ним и прославляется в Царстве Его. Святое тело его, положенное в Магнезии, источало многие исцеления недужным. Аминь.



ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ
ИПАТИЯ и АНДРЕЯ

Эти святые родились в Лидийской стране[1]. В детстве они оба учились наукам вместе в одной обители и, украшая себя всеми добродетелями, все более и более укреплялись в вере. Достигнув зрелого возраста, Ипатий принял иночество; он стремился к тому, чтобы постоянно пребывать в безмолвии и работать пред Богом. Андрей же посвятил себя служению людям: он занял место клирика, сделался ревностным проповедником слова Божия и ревностно поучал христиан в церкви. Оба они отличались великим воздержанием, смиренномудрием и нелицемерною любовию ко всем. Архиепископ Ефесский, узнав о добродетельной жизни этих благочестивых мужей, призвал их к себе; немалую пользу он почерпнул, беседуя с ними, поэтому очень полюбил их и сделал Ипа-

[1] *Лидия* — область на западном берегу Малой Азии.

Страдание сщмчч. Ипатия и Андрея

тия, против его желания, епископом Азийской церкви, сказав:

— Не подобает такому светильнику быть в пустыне, под спудом[1]; он должен находиться на престоле святительском, чтобы просвещать Церковь учением Христовым.

Андрея же он рукоположил во священники. Так воссияли эти два святых, просвещая людей премудрым учением и чистотою своей жизни. Между тем Греческий царь Лев Исаврянин[2] воздвиг гонение на святые иконы; он предписал по всей империи выбрасывать их из храмов Божиих и издал строжайшее повеление, чтобы никто не смел поклоняться им. Тогда святые Ипатий и Андрей вооружились против иконоборцев: они убеждали свою паству не слушать безбожного царского повеления. Царь, услыхав об этом, велел привести их к себе и долго убеждал их отказаться от почитания святых икон; он даже приказал своим мудрецам вступить в спор с доблестными воинами Христовыми, но ничем не мог гонитель правой веры поколебать этих твердых церковных столпов. Потом, заключив их в темницу, он долгое время держал их там, надеясь, что этим заставит их отказаться от своего убеждения. Обманувшись, он повелел бить их без пощады, сорвать у них с головы кожу с волосами и, намазав их бороды смолою, зажечь, а потом предать пламени на головах их драгоценные святые иконы. Все это они мужественно претерпели и силою Божиею остались живы. Затем Лев, зверь именем и нравом, повелел влачить их по городу, и святых влачили на посмеяние всем. Наконец они были закланы, как агнцы, и предали свои души в руки Божии, пострадав за святые иконы. Их честны́е тела были брошены на съедение псам, но верующие тайно взяли их и погребли с честью, подобающей этим мученикам.

---

[1] *Спуд* — сосуд; *под спудом* — сокровенно, под сокрытием (см.: Мф. 5, 15).

[2] *Император Лев III Исавр* царствовал с 717 по 741 год.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕВСЕВИЯ и ПРИСКА

Святой Евсевий жил в Финикии[1] и сначала был тайным последователем Христа. В то время язычники воздвигли на христиан страшное гонение: они предавали верующих различным мучениям всюду, где только могли найти их; тогда многие из верующих, убегая из рук нечестивых, скрывались по тайным местам. Святой Евсевий, размышляя о словах Христа: *всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 32), исполнился Божественной ревностью, пошел к правителю города и, став перед ним, сказал:

— Что ты безумствуешь, богоборец, преследуя стадо Христово?

Князь же, взглянув на него, спросил:

— Кто ты такой?

Он же отвечал:

— Я — раб Христа, против Которого ты восстаешь.

Сильно разгневанный такими словами, князь сказал:

— Как осмелился ты, дерзновенный, прийти сюда и бесчестить меня, князя?

На это Евсевий ответил:

— Ревность моя о Господе моем Иисусе Христе побудила обличить слепоту вашу: ибо вы обезумели и поклоняетесь бесу, а не Богу.

Тогда князь приказал обнажить его, повесить и строгать его тело; святого строгали острым железом до тех пор, пока у него не обнажились кости; потом стали поливать его уксусом с солью и растирать ему раны. Все это исповедник Христов претерпел мужественно, — как бы не его тело переносило такие мучения, — и радовался при этих мучениях тому, что страдает за веру Христову. Когда он перенес эти муки, князь сказал ему:

— Принеси жертву богам и будешь жив; если же не сделаешь этого, мы погубим тебя.

---

[1] *Финикия* — древняя страна к северу от Палестины; она представляла собой узкую береговую полосу между морем и Ливанскими горами; из городов этой области самые замечательные — Тир и Сидон.

Он же отвечал:

— Вы можете погубить мое тело, но Христос примет мою душу; за Него я хочу претерпеть все, ибо *претерпевший до конца спасется* (Мф. 24, 13).

Видя его непреклонность, нечестивцы отсекли ему главу мечом. Так он вошел на небеса и принял венец славы от руки Господа.

Святой Приск исповедовал имя Христово во Фригии и многих язычников привел ко Христу. Потом нечестивые, взяв его, повесили и стали железными когтями глубоко строгать его по ребрам, так что все тело святого Приска было изборождено, как вспаханная земля. Некоторые из стоявших там нечестивых, видя столь лютые мучения и льющуюся кровь мученика, пришли в сильную ярость: обнажив свои мечи, они устремились на святого и отсекли ему голову.

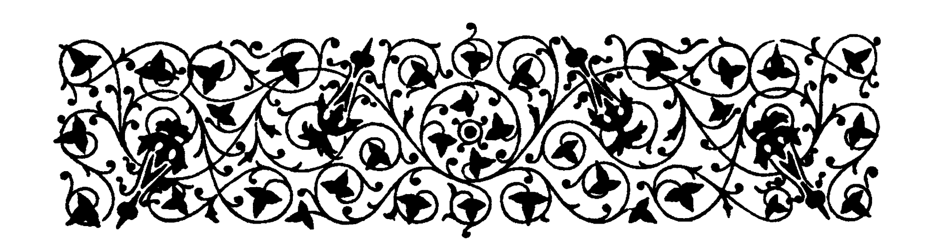
Так пострадал за свидетельство об Иисусе Христе этот добрый исповедник, а ныне Христос исповедует его пред Отцом Своим небесным.

Богу слава во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ ЕПИСКОПОВ
ИСАКИЯ и МЕЛЕТИЯ

Преподобные и благочестивые отцы наши, Исакий и Мелетий, были епископами Церкви Христовой. Оба они исполняли одно и то же святительское служение и отличались богобоязненностью и добродетелями христианскими. Непрестанным их делом было учить народ Божественным, духовным словесам и ходить по заповедям Божиим. Оба они отличались благотворительностью, раздавали имения свои нищим и милосердствовали о них, вместе с хлебом вещественным питая их и хлебом духовным — поучениями и душеполезными наставлениями. Своею жизнию они заслужили дар чудотворений и умерли в миру в старости, в разные годы, но в один день[1].

[1] Святой Исакий был епископом Кипрским и умер на Кипре (большой остров в северо-восточной части Средиземного моря); Мелетий умер позже, неизвестно в каком городе.



ЖИТИЕ
СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ,
МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, ЧУДОТВОРЦА

Святитель Димитрий, в миру Даниил, родился в декабре 1651 года, в местечке Макарове[1], находящемся в сорока верстах от города Киева. Отец его, Савва Григорьевич Туптало, из простых казаков дослужился до звания сотника и остаток дней своих посвятил на служение Церкви, приняв на себя обязанности ктитора Кирилловской обители[2]. И он, и супруга его Мария Михайловна были благочестивые люди и проводили добрую христианскую жизнь. Но отец был постоянно отвлекаем от дома военными занятиями, и отрок воспитывался преимущественно под руководством матери. С нежною любовью и похвалою отозвался о ней сам святитель по поводу ее кончины: «В самый великий пяток спасительной страсти мать моя преставилась в девятом часе дня, точно в тот час, когда Спаситель наш, на кресте страждущий за спасение наше, дух Свой Богу Отцу в руки предал. Имела лет от рождения своего более семидесяти... да помянет ю Господь во Царствии Своем небесном! Скончалась с хорошим расположением, памятью и речью. О, дабы и меня таковой блаженной кончины Господь удостоил ее молитвами! И подлинно, христианская была ее кончина: ибо со всеми обрядами христианскими и с обыкновенными таинствами, бесстрашна, не по-

[1] *Макаров* — ныне местечко Киевской губернии и уезда — в то время принадлежал к владениям гетмана Литовского.

[2] *Кирилловский монастырь* в Киеве основан князем Черниговским Всеволодом Ольговичем в XII веке; разорен Батыем; возобновлен в XVII веке и в 1786 году упразднен.

стыдна, мирна. Еще же да сподобит ю Господь доброго ответа на страшном Своем суде, яко же и не сомневаюсь о Божием милосердии, и о ее спасении, ведая постоянную добродетельную и набожную ее жизнь. А и то за добрый знак ее спасения имею, что того же дни и того же часа, когда Христос Господь разбойнику, во время вольной страсти, рай отверзл, тогда и ее душе от тела разлучиться повелел»[1]. Под влиянием такой добродетельной матери отрок Даниил возрастал в страхе Божием и благочестии, восходя от силы в силу и укрепляясь в добродетелях.

Начальное образование Даниил получил дома. Родители обучили его читать, и когда исполнилось Даниилу одиннадцать лет от роду, отправили его в Киевское Братское училище[2]. Благодаря отличным способностям и пламенному усердию в занятиях, Даниил скоро стал преуспевать в науках и превзошел всех своих сверстников. В классах риторики он обратил на себя особенное внимание искусством стихотворства и витийства. Под руководством знаменитого проповедника и полемического богослова Галятовского[3] Даниил в совершенстве изучил те приемы и обороты речи, которые невольно поражали потом слушателей его поучений, и приобрел ту энергию и непобедимую силу убеждения, которые проявились впоследствии в борьбе с раскольниками. Но, успевая в науках, Даниил в то же время отличался и замечательным благонравием и рано обнаружил склонность к жизни созерцательной и подвижнической. Он не принимал никакого участия в детских играх и избегал всяких утех и увеселений. Свободное от школьных занятий время он проводил в чтении Священного Писания, творений и житий святых мужей и в молитве.

---

[1] *Диарий* (дневные записки святителя) под 29 марта 1689 года.

[2] *Киевская Братская школа* (ныне Киевская Духовная Академия) открыта в 1615 году в одно время с Богоявленским Братским монастырем и при этом монастыре; преобразована митрополитом Петром Могилою (1633–1647) и с того времени надолго стала средоточием духовной и светской науки в России. Из Киевской школы вышло много просвещенных пастырей и ревностных защитников Православия.

[3] *Иоанникий Галятовский* († 1688 г.), сначала учитель, потом ректор Киевской школы (1657–1665), много сделавший для ее процветания, был одним из знаменитейших богословов — полемистов и проповедников своего времени. Многочисленные сочинения Иоанникия, направленные против латинян и униатов, свидетельствуют о его ревности к защите православной истины.

С особенным рвением посещал он храм Божий, где благоговейно возносил свои усердные молитвы Господу. Чем чаще и прилежнее читал он Божественное Писание и жития святых отцов, тем более усиливалось в его душе желание подражать святым угодникам.

Пятнадцати лет от роду Даниил должен был оставить училище. В то бедственное для Киева время город этот непрестанно переходил то под польскую, то под русскую державу. Это отзывалось и на состоянии училища, которое в 1665 году, когда Киевом овладели поляки, потерпело совершенное разрушение и долгое время оставалось в запустении. Поэтому Даниил не мог окончить курса и должен был прекратить свои научные занятия, пробыв в школе всего три года.

С отроческих лет питая склонность к жизни иноческой, Даниил, вскоре по выходе из училища, оставил мир этот со всеми его благами. Испросив благословение своих родителей, он, на восемнадцатом году своей жизни, поселился в Кирилловском монастыре. Игумен монастыря Мелетий Дзик давно уже знал Даниила, так как раньше был ректором Киевского училища. 9 июля 1668 года он совершил пострижение Даниила в иночество и нарек его Димитрием. Новопостриженный инок всецело поручил себя воле и промыслу Божиему. Строго и неуклонно стал он соблюдать все монастырские правила и ревностно в смирении и послушании проходил иноческие подвиги. Всеми силами старался подражать в добродетелях преподобным Антонию и Феодосию и прочим печерским подвижникам. Отнюдь не заботился он о приобретении имений и богатства, но всей душой стремился лишь угодить Богу, верно и нелицемерно служить Ему Одному и через то стяжать себе богатство нетленное.

Не прошло и года после пострижения Димитрия, как, по просьбе настоятеля, он был посвящен в сан иеродиакона. Это посвящение совершено было в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1669 году, нареченным на Киевскую митрополию, Иосифом Тукальским[1], жившим тогда в городе Каневе. В сане иеродиакона Димитрий оставался в Кирилловской обители довольно долгое время. Во всем повиновался он настоятелю, смиренно и усердно служил братии, беспрекословно исполнял всякое послушание, в церковь приходил первым и уходил из нее последним; в храме стоял со страхом, благоговейно внимая словам Священного Писания; в келии он часто молился, писал и сочинял, что ему поручал игумен, и усердно продолжал свои научные занятия.

Так подвизался Димитрий до 1675 года. В это время в Густынском монастыре находился Черниговский архиепископ Лазарь Баранович[2]. Здесь ему был представлен святой Димитрий для посвящения в иеромонаха, которое и было совершено 23 мая, в день Сошествия Святого Духа. Святому Димитрию в это время было только двадцать четыре года, но он уже был искусен в деле проповедования слова Божия. Познакомившись с ним поближе и узнав его высокие духовные качества, архиепископ пригласил святого Димитрия быть проповедником[3] при Черниговской соборной церкви. Более двух лет святой Димитрий проповедовал в соборной и других церквях Черниговской епархии. Поучая народ закону Христову, он приносил большую духовную пользу всем своим слушателям и до-

---

[1] *Иосиф Нелюбович-Тукальский* с 1661 года архиепископ Могилевский, затем митрополит Киевский; был в плену у поляков и скончался в Чигирине в 1675 году.

[2] *Лазарь Баранович* († 1693 г.) был архиепископом Черниговским с 1657 года. Бывший воспитанник и ректор Киевской академии (1650–1656 гг.), Лазарь славился проповедованием слова Божия и содействовал Московскому правительству в подчинении Малороссии. Святой Димитрий называл его «великим столпом церковным».

[3] До конца XVI столетия в России проповеди редко сказывались изустно: большей частью читались переводные поучения святых отцов или жития святых. Со времени же возникновения училищ в юго-западной России стали появляться образцы собственного проповедования и вместе с тем образовалась особенная должность проповедников, которую отправляли при соборах, монастырях и братствах духовные лица, получившие образование.

ставлял им великое наслаждение: живая и увлекательная речь его была растворена солью премудрости, так что все стремились его слушать.

Слава о святом Димитрии, как великом проповеднике, быстро разнеслась по Малороссии и Литве, и обитель за обителью стали приглашать его к себе, чтобы воспользоваться его красноречивым назиданием. Ближайшим поводом к таковым приглашениям послужило следующее событие. В июне 1677 года, движимый благочестивым усердием, Димитрий отправился из Чернигова в Новодворский монастырь[1] для поклонения чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, писанной святым Петром, митрополитом Московским, и должен был остаться в Литве. В то время, когда прибыл святой Димитрий, в монастыре готовились к торжественному перенесению этой иконы из старой церкви в новую. Для этого прибыли Белорусский епископ Феодосий и настоятель Виленского Свято-Духова монастыря Климент. По окончании праздника Климент взял с собой Димитрия в свой монастырь. Более двух месяцев Димитрий пробыл в Вильно и произнес здесь две проповеди. Вскоре, однако, по просьбе епископа Феодосия святой Димитрий отправился в Слуцк и, поселившись в Братском Преображенском монастыре[2], четырнадцать месяцев неустанно трудился в проповедовании слова Божиего. Димитрия сильно полюбил и благодетельствовал ему ктитор монастыря Иоанн Скочкевич, на средства которого и был построен Преображенский монастырь. Святой Димитрий также глубоко уважал и любил своего благодетеля, прожил в Слуцке до самой его кончины и почтил его память, сказав на погребение его проповедь.

Между тем святого Димитрия неоднократно уже приглашали возвратиться в Малороссию. Его призывали и гетман Самойлович[3], и

---

[1] *Новодворский монастырь*, основанный для борьбы с унией в 1618 году, находился в Литовских пределах (в нынешнем Пинском уезде) и был подведомствен Виленскому Свято-Духову монастырю.

[2] *Город Слуцк* — Минской губернии. Преображенский монастырь, основанный около 1600 года, принадлежал Слуцкому братству, которое, подобно прочим братствам, охраняло православие от притеснений католиков и униатов.

[3] *Иван Самойлович*, сын священника, избран в гетманы в 1672 году; в 1687 году отрешен от гетманства и умер в Тобольске в 1690 году.

прежний его настоятель Мелетий, управлявший теперь Киевским Михайловским монастырем. В феврале 1679 года святой Димитрий прибыл в Батурин[1] и был принят гетманом[2] весьма ласково и милостиво. Поселившись в Николаевском Крупицком монастыре[3], находящемся недалеко от Батурина, Димитрий продолжал ревностно подвизаться в посте, молитве, непрестанном чтении душеполезных книг; с особенным же усердием проповедовал он слово Божие. Слава о его добродетельном житии распространилась по всем обителям. Многие из них приглашали святого Димитрия к себе для управления. Так, братия Кирилловского монастыря обратились к нему с убедительной просьбой принять над ними начальствование. Но святой Димитрий, вероятно, по смирению своему, а также удерживаемый и гетманом, отклонил эту просьбу и отправил в Кириллов монастырь благодарственное письмо. Вскоре после этого, в 1681 году, скончался игумен Максаковского Преображенского монастыря[4]. Братия обратились также к святому Димитрию, прося его быть у них игуменом. По своему уединенному местоположению Максаковская обитель как нельзя более соответствовала строгой иноческой жизни Димитрия. Поэтому, с согласия гетмана, он принял предложения Максаковских иноков и отправился с гетманским письмом в Чернигов к архиепископу Лазарю Барановичу за указом.

Архиепископ принял Димитрия весьма милостиво. Как бы провидя будущее, Лазарь, как только распечатал гетманское письмо, сказал Димитрию: «Не читая письма, говорю: да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но по имени Димитрия желаю вам митры: Димитрий да получит митру».

---

[1] *Батурин* — ныне местечко при реке Сейме, в двадцати семи верстах от уездного города Конотопа — был основан в 1575 году королем Польским Стефаном Баторием, который назвал его своим именем (Баторин). Царь Алексей Михайлович по присоединении Малороссии назначил Батурин гетманской резиденцией.

[2] *Гетман* (предводитель казаков) был главной и самостоятельной властью в Малороссии.

[3] Основан в XV столетии, разорен крымскими татарами, возобновлен в XVI столетии. Монастырь наименован Крупицким от крупиц, падавших близ монастыря во время голода. Предание об этом записано собственной рукой святого Димитрия на престольном Евангелии.

[4] Ныне женский единоверческий монастырь, находится в Сосницком уезде, близ города Борзны, на берегу реки Десны.

В тот же день, после посвящения в игумена[1], Лазарь так приветствовал Димитрия: «Сегодня память пророка Моисея Боговидца; этого дня сподобил вас Господь Бог игуменства в монастыре, где храм Преображения Господня, яко Моисея на Фаворе. И иже сказа пути своя Моисеови, да скажет и вам на этом Фаворе пути Своя к вечному Фавору».

«Эти слова, — свидетельствует сам святой Димитрий, — я, грешный, принял за хорошее предзнаменование и пророчество и заметил для себя. Дай Боже, чтобы пророчество его архипасторства сбылось».

Прощаясь на другой день с Димитрием, Лазарь подарил ему хороший посох.

«И так хорошо отпустил меня, — говорит святой Димитрий, — как отец родного сына. Подай ему, Господи, вся благая по сердцу его».

Вступив в управление обителью, святой Димитрий нисколько не изменил прежней своей строго иноческой жизни. Подвизаясь попрежнему в бдениях, молитве и добрых делах, он всем подавал пример христианского смирения. Всегда помня слова Господа: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою* (Мф. 20, 26), он, как жил сам, так жить учил и других, служа для всех образцом веры и благочестия. Несомненно, что такие игумены — слава и украшение для управляемых ими обителей. Вот почему святой Димитрий ни в одной обители долго не оставался и был, как увидим, перемещаем из одного монастыря в другой.

Недолго Максаковские иноки назидались словом и святою жизнию Димитрия. 1 марта 1682 года он был назначен игуменом в Николаевский Батуринский монастырь. Но от этого монастыря сам он вскоре отказался. Он жаждал тихого и безмолвного жития, чтобы беспрепятственно предаться богомыслию, молитве и другим богоугодным занятиям. Поэтому на другой же год своего игуменства в Батурине, в день своего Ангела, 26 октября 1683 года, он сложил с себя управление обителью, оставшись в ней простым иноком. Вскоре, однако, промыслом Божиим святой Димитрий призван был к великому делу составления Миней-Четьих, которыми он принес величайшую пользу всему народу русскому.

[1] 4 сентября 1681 года (Диарий, 1681 год).

В 1684 году архимандритом Киево-Печерской лавры был назначен Варлаам Ясинский. От своих предшественников — Петра Могилы и Иннокентия Гизеля[1] — он вместе со званием архимандрита наследовал мысль о великом труде составления житий святых. Этот труд был тем более необходим, что, вследствие татарских набегов, литовских и польских разорений, Церковь лишилась многих драгоценных духовных книг и жизнеописаний святых. Отыскивая человека, способного для этого важного и великого труда, Варлаам остановил свое внимание на святом Димитрии, который уже прославился своею ревностию к душеспасительным трудам. Выбор его был одобрен единодушным согласием прочих отцов и братии лавры. Тогда Варлаам обратился к Димитрию с просьбою переселиться в Киевскую лавру и принять на себя труд исправления и составления житий святых.

Устрашенный тяжестью возлагаемого на него труда, смиренный подвижник старался отклонить его от себя. Но, страшась греха непослушания и хорошо сознавая сам нужды Церкви, он предпочел покориться настоятельным требованиям Варлаама. Возлагая надежду на помощь Божию и на молитвы Пречистой Богоматери и всех святых, Димитрий в июне 1684 года приступил к новому своему подвигу и с великим тщанием начал проходить возложенное на него послушание. Душа его, наполненная образами святых, жизнеописанием которых он занимался, сподоблялась духовных видений во сне, которые укрепляли его на пути к высшему совершенству духовному и ободряли его в великих трудах.

«Августа десятого 1685 года, — повествует сам святой Димитрий, — в понедельник, услышал я благовест к заутрене, но, по обыкновенной своей лености, разоспавшись, не поспел к началу и проспал даже до чтения Псалтири. В это время видел следующее видение: казалось, будто поручена была мне в смотрение некоторая пещера, в которой почивали святые мощи. Осматривая со свечой гробы святых, увидел там же, якобы почивающую, святую великомученицу Варвару. Приступив к ее гробу, узрел ее, лежащую боком, и гроб ее, являющий некоторую гнилость. Желая оную очистить, вынул мощи ее из раки и положил на другом месте. Очистив раку,

---

[1] Смотри о них в предисловии к этой книге.

приступил к мощам ее и взял оные руками для вложения в раку; но вдруг узрел в живых Варвару святую.

— Святая дева Варвара, благодетельнице моя! Умоли Бога о грехах моих, — воскликнул я.

Святая ответствовала, будто бы имея сомнение некоторое:

— Не ведаю, умолю ли, ибо молишься по-римски.

Думаю, что это мне сказано для того, что я весьма ленив к молитве и уподоблялся в этом случае римлянам, у которых весьма краткое молитвословие, так как у меня краткая и редкая молитва. Слова эти услышав от святой, начал я тужить и как бы отчаиваться. Но святая, спустя мало времени, воззрела на меня с веселым и осклабленным лицом, и изрекла: „Не бойся“, — и иные некоторые утешительные произнесла слова, которые и не вспомню. Потом, вложив в раку, я облобызал ее руки и ноги; казалось, тело живое и весьма белое, — но рака убогая и обветшалая. Сожалея о том, что нечистыми и скверными руками и устами дерзаю касаться святых мощей и что не вижу хорошей раки, размышлял, как бы украсить этот гроб, и начал искать новой и богатейшей раки, в которую бы переложить святые мощи: но в то самое мгновение проснулся. Жалея о пробуждении моем, почувствовало сердце мое радость».

Заключая этот рассказ, святой Димитрий смиренно замечает: «Бог ведает, что этот сон знаменует и каково оного событие воспоследует! О, когда бы молитвами святой Варвары, покровительницы моей[1], дал мне Бог исправление злого и окаянного жития моего!»

Другое сновидение, случившееся через три или четыре месяца после первого, было следующее: «В 1685 году в Филиппов пост, — пишет святой Димитрий, — в одну ночь окончив письмом страдания святого мученика Ореста, которого память 10 ноября почитается, за час или меньше до заутрени, лег отдохнуть не раздеваясь, и

[1] Святой Димитрий особенно чтил святую великомученицу Варвару. Еще в 1678 году, когда он находился в Слуцке, игумен Мелетий прислал ему в дар часть мощей святой Варвары. А через несколько лет после описанного видения, именно 13 января 1691 года, святой Димитрий совершил торжественное перенесение части мощей той же великомученицы, хранившейся после смерти Тукальского в Батуринской казенной палате «как бы под спудом» (под сокрытием), в Николаевский монастырь — и установил каждый вторник совершать святой Варваре молебное пение.

в сонном видении узрел святого мученика Ореста, лицом веселым ко мне вещающего этими словами:

— Я больше претерпел за Христа мук, нежели ты написал.

Это изрек, открыл мне перси свои и показал в левом боку великую рану, сквозь во внутренность проходящую, сказав:

— Это мне железом прожжено.

Потом, открыв правую по локоть руку, показал рану на самом против локтя месте, и сказал:

— Это мне перерезано.

При этом видны были перерезанные жилы. Также и левую руку открыв, на таком же месте такую же указал рану, сказав:

— И то мне перерезано.

Потом, наклонясь, открыл ногу и показал на сгибе колена рану, также и другую ногу до колена открыв, такую же рану на том же месте показал и сказал:

— А это мне косою рассечено.

И став прямо, взирая мне в лицо, промолвил:

— Видишь ли? Больше я за Христа претерпел, нежели ты написал.

Я, против этого ничего не смея сказать, молчал и мыслил в себе: кто этот есть Орест, не из числа ли пяточисленных (13 декабря)? На эту мою мысль святой мученик ответствовал:

— Не тот я Орест, иже от пяточисленных, но тот, его же ты ныне житие писал.

Видел я другого некоего важного человека, за ним стоявшего, и казался мне также некий мученик был, но тот ничего не сказал. В то самое время учиненный к заутрени благовест пробудил меня, и я жалел, что это весьма приятное видение скоро окончилось.

— А что это видение, — прибавляет святой Димитрий, записав его спустя более трех лет[1], — я недостойный и грешный истинно видел, как написал, а не иначе, это под клятвою моею священническою исповедую: ибо все оное как тогда совершенно памятовал, так и теперь помню».

Прошло слишком два года с того времени, как святой Димитрий сложил с себя игуменство и в уединенной келии совершал свой ве-

[1] Диарий, 1689 год.

ликий труд. Случилось ему быть вместе с архимандритом Варлаамом в Батурине. С радостию встретили его гетман и новый митрополит Гедеон[1] и стали убеждать снова принять на себя управление Николаевскою обителью. Долго Димитрий отказывался от этого, но, наконец, должен был уступить усердным просьбам и 9 февраля 1686 года переселился в Батурин. Но, оставив Киевскую лавру, святой Димитрий не оставил своего дела. С тем же усердием, как и в лавре, он продолжал составлять жития святых и здесь окончил первую четверть Миней-Четьих, заключающую в себе три месяца — сентябрь, октябрь и ноябрь.

Труд свой святой Димитрий представил архимандриту Варлааму. Прочитав и рассмотрев рукопись вместе с соборными старцами и другими благоразумными мужами, Варлаам решил приступить к печатанию житий святых. Святой Димитрий прибыл из Батурина в лавру, и под его личным наблюдением в 1689 году была напечатана первая книга Миней-Четьих.

Вскоре после этого святому Димитрию представился случай быть в Москве. Князь Голицын отправил в Москву гетмана Мазепу[2] с донесением об окончании похода в Крым[3]. Вместе с гетманом были отправлены для объяснения с патриархом по некоторым церковным вопросам святой Димитрий и Иннокентий, игумен Кириллова монастыря. Это было 21 июля 1689 года. По прибытии в Москву они были представлены царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии. В тот же день святой Димитрий представлялся патриарху Иоакиму[4].

---

[1] *Гедеон Четвертинский* († 1690 г.) избран в Киеве в июле 1685 года; посвящен в Москве 8 ноября того же года. Возвращаясь из Москвы, митрополит Гедеон и останавливался в Батурине.

[2] *Иван Степанович Мазепа-Колединский* († 1709 г.) воспитывался при дворе Польского короля Яна Казимира, окончил образование за границей. После низвержения Самойловича был избран в 1687 году в гетманы и принимал участие во втором крымском походе Голицына. В 1708 году изменил царю Петру и России, за что предан анафеме.

[3] *Князь Василий Васильевич Голицын* (1643–1714 гг.) был первым государственным деятелем в течение семилетнего правления царевны Софьи с 1682-го по 1689 год. Здесь разумеется поход его в Крым в 1689 году, такой же неудачный, как и первый в 1687 году, но доставивший Голицыну награды, как победителю.

[4] *Иоаким* (1674–1690 гг.), девятый патриарх Всероссийский, относился сначала к святому Димитрию с недоверием, как и ко всем ученым юго-западной Руси.

Спустя месяц после своего приезда святой Димитрий вместе с гетманом были в Троице-Сергиевой лавре. Здесь тогда жил царь Петр Алексеевич, скрывавшийся от покушений царевны Софии. Он милостиво принял Димитрия. В лавре же Димитрий имел случай видеть патриарха. «Мы посещали его часто, — говорит сам святой. — Он благословил мне, грешному, продолжать писанием жития святых и дал на благословение мне образ Пресвятой Богородицы в окладе».

Возвратившись в свой монастырь, святой Димитрий с большою ревностью стал трудиться над составлением житий святых. Чтобы удобнее заниматься своим богоугодным делом, он оставил свои настоятельские покои и устроил себе в уединенном месте близ церкви святого Николая Крупицкого особенную келию, которую в своих записках называет «скитом».

В то время, как святой Димитрий трудился над второй книгой Миней-Четьих, новый Московский патриарх Адриан[1] прислал ему похвальную грамоту. Грамоту эту привез Варлаам, возведенный и посвященный в Москве (31 августа 1690 года) в сан митрополита Киевского.

«Сам Бог, — писал патриарх, — воздаст ти, брате, всяцем благословением благостынным, написуя тя в книге живота вечнаго, за твои богоугодныя труды в писании, исправлении же и типом издании книги душеполезныя житий святых на три месяца первые, септемврий, октоврий и ноемврий: Той же и впредь да благословит, укрепит и поспешит потруждатися тебе даже на всецелый год и прочие таковыя же житий святых книги исправити совершенно и типом изобразити».

Вместе с тем патриарх просил и нового митрополита и будущего архимандрита лавры о содействии во всем святому Димитрию, «искусному, благоразумному и благоусердному делателю».

Ободренный вниманием патриарха, святой Димитрий с чувством смиренной благодарности так отвечал Московскому иерарху: «Да похвален и прославлен будет Бог во святых и от святых славимый, яко даровал есть ныне Церкви Своей святой таковаго пастыря добра и искусна, ваше архипастырство, иже в начале своего пастырства, первее

---

[1] *Адриан* (1690–1700 гг.) — последний, перед отменой патриаршества, патриарх Всероссийский.

всех печешися и промышляеши о умножении Божия и святых Его славы, желающи житиям оным в мир типом изданным быти, на пользу всему христианскому православному российскому роду. Слава сия всем преподобным есть (см.: слав. Пс. 149, 9). Ныне уже и аз недостойный усерднее, Господу поспешествующу, на предлежащая простру бренную и грешную мою руку, имый святительство ваше в том деле пособствующее ми, укрепляющее же и наставляющее благословение, еже по премногу возбуждает мя, да сон лености оттряс, повелеваемое ми творю тщательно. Аще и не искусен есмь, не имый толико ведения и возможности, дабы все добре привести к совершенству зачатое дело, обаче, о укрепляющем мя Иисусе наложенный святаго послушания ярем носити должен есмь, скудоумия моего недостаточное исполняющу Тому, от Егоже исполнения мы все прияхом, и еще приемлем, — точию да и впредь пособствует ми со благословением Богоприятная Архипастырства вашего молитва, на нюже зело надеюся».

Теперь святой Димитрий решился посвятить себя исключительно Четьим-Минеям. «Февраля 14-го 1692 года, — повествует он сам, — в первую неделю поста, перед обедней, оставил я и сдал игуменство мое в Батуринском монастыре для спокойнейшего моего пребывания и писания житий святых». Живя в уединенной своей келии, он составил вторую книгу, заключающую в себе следующие три месяца — декабрь, январь и февраль, и 9 мая 1693 года сам привез ее в Киево-Печерскую типографию.

Но как ни стремился трудолюбивый инок к тихой и уединенной жизни, люди, ценившие его высокие душевные качества, не давали ему покоя. Так, пока святой Димитрий наблюдал за печатанием своего труда, новый архиепископ Черниговский, святой Феодосий Углицкий[1], убедил его принять на себя управление Петропавловской обителью, в двадцати семи верстах от города Глухова[2]. Во время пребывания его в этом монастыре, в январе 1695 года, окончено было печатание второй четверти Четьих-Миней. И за эту книгу патриарх

[1] *Святой Феодосий* возведен в сан архиепископа Черниговского 11 сентября 1692 года. Скончался в 1696 году. Открытие его мощей и причисление к лику святых последовало в 1896 году.

[2] *Глуховский Петропавловский монастырь*, Черниговской губернии, основан неизвестно кем и когда. Он существовал уже в половине XVII века. Святой Димитрий построил в монастыре каменный собор.

Адриан удостоил Димитрия таких же похвал, как и за первую, прислав ему другую одобрительную грамоту. Это побудило Димитрия усердно продолжать свой труд, и он начал готовить третью книгу, заключающую в себе месяцы — март, апрель и май.

В начале 1697 года святой Димитрий был назначен настоятелем Киевского Кириллова монастыря, а через пять месяцев после этого, 20 июня, его посвятили в архимандрита Черниговского Елецкого Успенского монастыря[1]. Так исполнилось, наконец, благожелание Лазаря Барановича: Димитрий получил митру. Но, возведенный в сан архимандрита, святой Димитрий, памятуя слова Писания: *кому дано много, много и потребуется* (Лк. 12, 48), предался своим трудам и подвигам еще с большим рвением и усердием. Не оставляя занятий житиями святых, он не забывал и монастырского благоустроения и всюду помогал советом и рассуждением, словом и делом.

Прошло еще два года, и святой Димитрий был переведен в Спасский Новгород-Северский монастырь[2]. Это был последний монастырь, которым он управлял. Здесь он окончил третью четверть Миней-Четьих, которая и была напечатана в январе 1700 года. После этого архимандрит лавры Иоасаф Кроковский[3], с братиею в знак особенного уважения к составителю житий святых, прислал ему в дар икону Пресвятой Богородицы, пожалованную царем Алексеем Михайловичем Киевскому митрополиту Петру Могиле, во время венчания своего на царство.

В том же 1700 году император Петр Великий в заботах об отдаленных областях своих обширных владений поручил Киевскому митрополиту Варлааму «поискать из архимандритов или игуменов, или других иноков, доброго и ученого и благонепорочного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божией милостью проповедовать в Китае и в Сибири, в слепоте идолослу-

---

[1] *Елецкий Успенский монастырь* на Болдиных горах, за Черниговом, основан по совету преподобного Антония Печерского князем Святославом Ярославичем в 1069 году на месте явления иконы Богоматери; разорен татарами, возобновлен в 1500 году; с 1635-го по 1649 год находился во власти униатов; восстановлен в 1671 году.

[2] Этот монастырь, находившийся в самом Новгород-Северском, построен был архиепископом Лазарем Барановичем в половине XVII века.

[3] *Иоасаф Кроковский* состоял архимандритом Печерской лавры с 1697-го по 1708 год.

жения и других невежествиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного Живаго Бога». Варлааму никто в этом отношении не был столько известен, как архимандрит Новгород-Северский, — и святой Димитрий в начале 1701 года был вызван в Москву. Здесь он сказал императору приветственную речь, в которой изобразил достоинство царя земного, представляющего на земле образ Христа — Царя небесного. Вскоре — 23 марта — святой Димитрий был рукоположен в митрополита Сибирского и Тобольского. Высокою честию украсили смиренного Димитрия, но она была ему не по сердцу. Сибирь — страна суровая и холодная, а здоровье святого Димитрия было слабое, расстроенное непрестанными занятиями. Сибирь — страна далекая, а у святого Димитрия было близкое сердцу занятие, которое начал он в Киеве и мог продолжать только там, или близ тех мест, где сосредоточивалось тогда просвещение, а не в глухой и далекой Сибири. Все это так беспокоило его, что он слег в постель. Сам государь посетил больного и, узнав причину его болезни, успокоил его и дозволил остаться на время в Москве, в ожидании ближайшей епархии. Вакансия на такую епархию вскоре открылась: скончался Ростовский митрополит Иоасаф, и святой Димитрий 4 января 1702 года был назначен его преемником.

В Ростов святой Димитрий прибыл 1 марта, во вторую неделю Великого поста. Вступив в город, он прежде всего посетил Спасо-Яковлевскую обитель. Войдя в собор Зачатия Божией Матери, где почивают мощи святителя Иакова Ростовского, новый архипастырь совершил обычное моление и в то же самое время, узнав по особенному откровению свыше, что в Ростове суждено ему окончить свою многотрудную и многополезную жизнь, назначил для себя могилу в правом углу собора и сказал окружающим: «Се, покой мой: здесь вселюся во век века» (слав. Пс. 131,14)[1].

Совершив после этого в Успенском кафедральном соборе Божественную литургию, святитель произнес новой своей пастве красноречивое и трогательное слово, где изложил взаимные обязанности пастыря и паствы.

---

[1] *Спасо-Яковлевский Ростовский монастырь* основан в конце XIV века епископом Ростовским Иаковом († в 1392 году); в начале XVII века во время литовского нашествия был опустошаем. Соборный храм во имя Зачатия святой Анны, в котором покоятся мощи святого Димитрия, существует с 1691 года.

«Да не смущается, — говорил святитель, — сердце ваше о моем к вам пришествии: дверьми бо внидох, а не прелазяй инуде (см.: слав. Ин. 10, 1); не исках, но поискан есмь, и не ведах вас, ниже вы мене ведаете, судьбы же Господни бездна многа; тыя мя послаша к вам, аз же приидох, не да послужите ми, но да послужу вам, по словеси Господню: хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга» (см.: Мф. 20, 26–27).

Вступив в управление Ростовскою митрополиею, святитель Димитрий нашел в ней великие нестроения. С ревностию Илии он предался неусыпным заботам о благоустроении церковном и спасении душ человеческих. Как истинный пастырь, следуя словам Евангелия: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного* (Мф. 5, 16), святитель сам во всем являлся образцом благочестия. В то же время он старался искоренять в людях всякого звания злые нравы, зависть, неправду и другие пороки. Особенно огорчало святителя духовенство своим невежеством и пренебрежением к проповедованию слова Божиего.

«Оле окаянному времени нашему, — говорил святой Димитрий в одном из своих поучений, — яко отнюд пренебреженно то сеяние, — весьма оставися слово Божие и не вем, кого первее окаевати требе, сеятелей или землю, иереев ли или сердца человеческие, или обое то купно? Вкупе непотребни быша, несть творяй благостыню, несть до единаго (слав. Пс. 13, 3). Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи небрегут, а людие заблуждают; иереи не учат, а людие невежествуют; иереи слова Божия не проповедуют, а людие не слушают, ниже слушати хотят».

У многих из духовных лиц святитель не находил и доброго нравственного воспитания. Напротив, с горестью приходилось ему замечать, что отцы семейств были не внимательны к исполнению главных христианских обязанностей своими домашними.

«А еже удивительнее, — продолжает святой Димитрий, — яко иерейстии жены и дети мнози никогда же причащаются, еже уведахом отсюду: иерейстии сыны приходят ставитися на места отцев своих, которых егда спрашиваем, давно ли причащалися, многие поистине сказуют, яко не помнят, когда причащалися. О окаяннии иереи, нерадящии о своем доме! Како могут радети о святой Церк-

ви, домашних своих ко святому причащению не приводящии? Како могут приводити прихожан, не пекущиися о спасении душ, иже в дому?»

Священники плохо знали свои обязанности. Встречались между ними такие, которые на пирах с обличением и укором рассказывали грехи своих духовных детей, открытые на исповеди. Другие ленились ходить к больным для исповеди и приобщения святых Тайн, особенно же к бедным.

Еще более святитель исполнился благочестивой ревностью, еще сильнее стал он скорбеть, когда узнал, что некоторые священники, забыв страх Божий, не воздают должного почитания пречистым и животворящим Тайнам Христовым. В одном из своих посланий святитель повествует о таком событии.

«Случилось нам в январе 1702 года ехать в город Ярославль. На пути вошел я в одну сельскую церковь. Совершив обычное моление, я хотел воздать достойную честь и поклонение пречистым Христовым Тайнам и спросил тамошнего священника:

— Где животворящие Христовы Тайны?

Священник, как будто не понимая моих слов, стоял в недоумении и молчал. Тогда я снова спросил его:

— Где Тело Христово?

Священник не понял и этого вопроса. Один же из опытных иереев, меня сопровождавший, спросил его:

— Где запас?

Тогда священник вынул из-за угла «сосуд зело гнусный» и показал хранимую в нем с таким небрежением великую святыню, на которую и Ангелы взирают со страхом.

И возболезновах о том сердцем попремногу, — говорит святитель, — ово яко в таковом непочитании хранится Тело Христово, ово же яко ни нарицания честного, пречистым Тайнам подобающаго, ведят. Удивися о этом небо, и земли ужаснитеся концы!»

Святитель стал заботиться о немедленном искоренении таких вопиющих недостатков. Желая, чтобы иереи оставили свое нерадение и проходили бы со всяким тщанием и страхом Божиим свое служение, святой Димитрий написал два окружных послания для пастырей. Эти послания во многих списках были разосланы священникам

с тем, чтобы они списывали для себя, чаще прочитывали их и согласно с ними исправляли свои обязанности.

В первом послании святитель отечески увещевал пастырей оставить свое злонравие, запрещал им рассказывать о согрешениях своих духовных чад и тщеславиться своим званием и положением духовного отца. Именем Господа он умолял их не презирать нищих и убогих, но одинаково и непрестанно заботиться о душах всех пасомых.

Во втором послании святой Димитрий своей архипастырскою властью повелевал, чтобы священники, под страхом грозного суда Божия, не только сами воздавали должное поклонение святым и животворящим Тайнам, но и других тому поучали; увещевал хранить Их в подобающих святыне местах и сосудах и не называть их «запасом», убеждал иереев достойно приготовляться к своему священному служению и умолял, чтобы они как можно чаще поучали народ и сами тщательно исполняли свои обязанности.

Стремясь совершенно искоренить недостатки в среде духовенства, святой Димитрий сознавал, что наиболее действительным средством для этого служит доброе учение и воспитание. Поэтому он открыл при своем архиерейском доме училище[1]. Собрав в этом училище более двухсот человек, детей священнослужительских, он разделил их на три класса и для каждого класса поставил отдельного учителя. Училище было предметом особенного попечения святителя. Он часто посещал классы, сам выслушивал учеников и испытывал их познания. В случае отсутствия учителя он сам принимал на себя его должность. В свободное от обычных своих занятий время святитель собирал способных учеников и толковал им некоторые книги из Ветхого Завета; в летнее время, проживая в архиерейском селе Демьянах, он объяснял ученикам Новый Завет. Не меньше заботился святитель и о нравственном воспитании учеников. В воскресные и праздничные дни они должны были приходить в соборную церковь к всенощному бдению и литургии. По окончании первой кафизмы, во время чтения какого-либо слова или жития, ученики должны были подходить к святителю под благословение, давая таким образом знать о своем присутствии. Архи-

---

[1] Занятия в училище начались с 1 сентября 1702 года. Однако школа, открытая святым Димитрием, существовала недолго: в 1705 году она прекратила существование.

пастырь повелевал ученикам строго соблюдать не только Четыредесятницу, но и другие посты; сам исповедовал их и приобщал святых Тайн. Кончившим учение святитель давал места при церквах, смотря по достоинству. Дьячков и пономарей, для внушения им уважения к своей должности, посвящал в стихарь, чего прежде в Ростове не было.

Как, однако, ни был обременен святитель многочисленными заботами и делами, он и в новом своем служении не оставлял своего труда над житиями святых. Прошло почти три года, как прибыл святой Димитрий в Ростов, и в летопись Ростовских архиереев, находящуюся при соборе Ростовском, внесена была следующая запись об окончании этого великого труда святителем Димитрием: «В лето от воплощения Бога Слова 1705-е, месяца февруариа, в 9-й день, на память святаго мученика Никифора, сказуемаго победоносца, в отдание праздника Сретения Господня, изрекшу святому Симеону Богоприимцу свое моление: „ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко“, в день страданий Господних пятничный, воньже на кресте рече Христос: „совершишася“, — пред субботою поминовения усопших и пред неделей страшнаго суда, помощию Божиею и Пречистыя Богоматере, и всех святых молитвами, месяц август написася. Аминь».

В сентябре того же года эта последняя книга, заключающая в себе месяцы июнь, июль и август, была отпечатана в Киево-Печерской лавре. Так закончено было великое дело составления Миней-Четьих, потребовавшее от святителя более чем двадцатилетних напряженных трудов.

Но святому Димитрию предлежал в ростовской пастве другой важный подвиг. Там было в то время множество раскольников, главные учители которых, укрываясь в Брынских лесах[1], через потаенных своих проповедников всюду рассеивали свое зловредное учение. Неправыми толкованиями и тайными увещаниями завлекали они в свои гибельные сети овец Христовых. Многие, поверив их ложному учению, колебались в истинной вере.

«Оле окаянных, последних времен наших! — восклицает святитель. — Яко ныне святая Церковь зело утеснена, умалена, ово от

[1] Дремучие *Брынские леса* тянулись по реке Брыни, впадающей в Жиздру, приток Оки, в Калужской губернии. В этих лесах скрывались раскольники. Отсюда происходит название раскола — «Брынская вера».

внешних гонителей, ово от внутренних раскольников, иже, по апостолу, *вышли от нас, но не были наши* (1 Ин. 2, 19). И уже толь от раскола умалися самая истинная соборная Церковь Апостольская, яко едва где истиннаго сына Церкве найти: едва бо не во всяком граде иная некая особая изобретается вера, и уже о вере и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго не знающии, догматизуют и учат, якоже о сложении триех перстов глаголюще, не правый и новый крест быти и в своем упорстве окаяннии стоят, презревше и отвергше истинных учителей церковных».

Крайне прискорбны были такие явления для просвещенного защитника веры Христовой. Святитель решил по нескольку раз объезжать свою епархию и проживал подолгу в Ярославле для того, чтобы словом своим обличать закоснелое невежество отступников Церкви Православной. В один из приездов в Ярославль святой Димитрий, совершив в воскресный день Литургию в соборе, возвращался к своему дому. В это время к нему подошли двое неизвестных ему людей и обратились к нему с вопросом:

— Владыка святой, как ты повелишь? Велят нам бороды брить[1], а мы готовы головы наши положить за бороды.

Святитель удивился такому неожиданному вопросу и в свою очередь спросил:

— Как вы думаете, отрастет ли голова, если у вас снимут ее?

— Нет, — отвечали те.

— А борода — отрастет? — спросил святитель.

— Борода отрастет, — отвечали они.

— Так пусть же вам отрежут бороду, дождетесь другой.

Когда святитель и провожавшие его именитые граждане вошли в его келию, то они долго беседовали о бородобритии. Святой Димитрий узнал, что в его пастве есть немало людей, которые сомневаются в своем спасении из-за того, что им по указу царя обрили бороды. Они думали, что вместе с бородой они лишились образа и подобия Божиего. Долго увещевал святитель оставить эти сомнения, доказывая, что не в бороде и не в лице образ Божий и подобие, а в душе человека. Святитель написал после этого сочинение: «Об образе Божием и подобии в человеке» и разослал его по своей

[1] В то время Петр Великий издал указы, которыми повелевалось брить бороды.

епархии. По повелению государя, сочинение это было напечатано три раза.

Вскоре святой Димитрий написал обширное сочинение «Розыск о Брынской вере»[1], раскрывшее сам дух раскола.

Святитель ясно и убедительно доказал в этом сочинении, что вера раскольников — неправая, учение их — душевредное, дела их — не богоугодные.

Неустанно подвизаясь на пользу Церкви и государства, святой Димитрий предпринимал и другие труды. Так, он намеревался составить «Летопись, сказующую деяния от начала миробытия до Рождества Христова». Книгу эту святитель хотел составить как для собственного келейного чтения, так и по другим особенным обстоятельствам. Он хорошо знал, что не только в Малой, но и в Великой России редко у кого есть славянская Библия. Ее могли приобрести только люди богатые, бедняки же были совершенно лишены той духовной пользы, какую доставляет чтение этой богодухновенной книги. Многие лица даже в среде духовенства не знали порядка библейского повествования. Поэтому святитель и желал составить краткую библейскую историю, чтобы каждый мог приобрести ее за недорогую цену и познакомиться с содержанием Библии[2]. Немедленно приступил святой Димитрий к делу и начал выбирать сведения из Священного Писания и различных хронографов[3].

---

[1] *Розыск о раскольнической Брынской вере* напечатан в первый раз в Москве в 1745 году. Сочинение это разделяется на три части. В первой святитель решает два вопроса: «Есть ли вера раскольников правая?» и «Есть ли вера их старая?». Отвечая на первый вопрос, святой Димитрий доказывает, что у раскольников нет истинной веры, ибо вера их ограничивается старыми книгами и иконами, восьмиконечным крестом, своим перстосложением в крестном знамении и семеричным числом просфор на литургии, — что не составляет веры. Решая второй вопрос, святитель говорит, что вера раскольников новая или обновившая старые ереси и заблуждения. Во второй части *Розыска* автор говорит, что учение раскольников, происходящее от учителей самозванцев, 1) ложно, 2) еретично и 3) богохульно. В третьей части — о делах раскольников — доказывается, что добрые, повидимому, дела их испорчены самонадеянностью, тщеславием и лицемерием, а затем перечисляют злые, явно беззаконные дела раскольников.

[2] Об этом намерении святителя известно из его «Епистоляра», то есть собрания писем.

[3] Слово «хронограф» греческое (χρόνος — время, γράφω — пишу), значит — погодная летопись. Так назывались в Византии различные сборники исторического

«Пишу, — говорил святитель, — с Божиею помощью нравоучения, местами же и толкование Священного Писания, сколько могу я по своим слабым силам, а библейские истории я привожу только вкратце вместо вступления, и от них, как из источников, произвожу струи нравоучения»[1].

Как ни сильно желал святитель окончить «Летопись», однако не мог исполнить своего намерения. В этом большим препятствием было для него совершенно расстроенное его здоровье. Он успел описать события только за 4600 лет. А между тем вслед за этим трудом святитель думал приступить с Божиею помощию к составлению краткого толкования на Псалтирь[2].

Святитель Димитрий был знаменитым проповедником своего времени и часто обращался к своей пастве с красноречивым словом

содержания, в которых излагалась также и библейская история. Из Византии перешли они и к нам.

[1] Письмо при Диарии 1708 года.

[2] Из многочисленных творений святого Димитрия одни имеют содержание догматическое, другие — духовно-нравственное, третьи — историческое. — I. К догматическим относятся: 1) «Вопросы и ответы краткие о вере»; 2) «Зерцало православного исповедания» (оба сочинения представляют собой катехизическое изложение вероучения и нравоучения Православной Церкви); 3) «Двенадцать статей о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа»; 4) «Розыск о Брынской вере». — II. К духовно-нравственным относятся: 1) «Врачевство духовное на смущение помыслов» (извлечено из Лествицы, Патерика, Житий святых и т. п.); 2) «Апология во утоление печали человека, сущего в беде» (разговор между скорбящим и утешающим); 3) «Внутренний человек в клети сердца своего уединен поучающся и молящся втайне» (цель этого сочинения — приучить христианина к молитве); 4) «Поклонение Святой Троице»; 5) «Поклонение Пресвятой Богородице»; 6) «Молитва исповедания к Богу повседневного»; 7) «Исповедание грехов генеральное»; 8) «О причащении святых Тайн» (размышление о том, как достойно приступать к святым Тайнам и молитвы перед причащением и по причащении); 9) Молитвенные размышления о страданиях Господних (с разными заглавиями); 10) Два пастырских послания (о достодолжном совершении святых таинств покаяния и причащения); 11) «Алфавит духовный» (краткие духовно-нравственные правила, расположенные по славянскому алфавиту, по примеру Лествицы Иоанна Лествичника); 12) «Духовные псалмы или песнопения» и прочее. — III. К историческим принадлежат: 1) «Диарий» (дневные записки с 1681-го по 1703 год и письма, относящиеся к ученым трудам святителя); 2) «Руно орошенное» (сказание о 24 чудотворениях от иконы Божией Матери в Ильинском Черниговском монастыре); 3) «Летопись, сказующая деяния от начала миробытия до Рождества Христова»; 4) «Каталог Киевских митрополитов» и 5) «Минеи-Четьи».

назидания. Никакие труды и обязанности никогда не отвлекали его от проповедования слова Божия. Проповедуемые им истины христианства, изливаясь прямо из души проповедника, являлись всегда живыми и действенными и увлекали слушателей простотою беседы отца с детьми, учителя с учениками. Если бы возможно было отыскать и собрать воедино все поучения этого российского Златоуста, их должно бы оказаться великое множество. Но, к сожалению, весьма многие поучения святого Димитрия утрачены[1].

Мудро управлял своею паствою святитель Димитрий и никогда не прибегал к суровым мерам. Отличаясь кротостью, он ко всем — и знатным, и простым — относился с одинаковою любовию и без всякого лицеприятия. Все верные сыны Церкви любили его и почитали, как отца. Сам государь и вся царская семья глубоко уважали Ростовского митрополита за его истинно добродетельную жизнь. Христианские добродетели святого Димитрия одинаково сияли и в иноческой келии, и на святительской кафедре. Особенно же ярко светили в жизни его молитва, пост, смирение, нестяжательность и любовь к бедным и сиротам.

Несмотря на множество дел по управлению епархией, святой Димитрий ежедневно приходил в церковь для молитвы; во все воскресные и праздничные дни совершал Литургию и произносил проповедь; всегда сам принимал участие в крестных ходах, как бы продолжительны и далеки они ни были. Если же он чувствовал себя нездоровым, а это случалось нередко, то посылал в семинарию, чтобы ученики в воспоминание пяти язв Христовых[2] прочитали ему пять раз молитву Господню («Отче наш»). Посещая семинарию, он увещевал учеников постоянно призывать на помощь Наставника мудрости и Подателя разумения, Всемогущего Господа. Слуг своих и всех живших с ним святитель поучал осенять себя крестным знамением и тихо прочитывать молитву «Богородице Дево, радуйся», всякий раз, когда бьют часы. Обращался он со своими слугами очень человечно. Когда кто-нибудь из них бывал именинник, того он благословлял образом или жаловал деньгами. Учил

---

[1] Из проповеднической деятельности святителя в Малороссии известно пять поучений. Всего же поучений святого Димитрия напечатано около ста.

[2] Здесь разумеются крестные язвы Христа на Его пречистых руках, ногах и ребре.

их усердно поститься, избегать объедения и пьянства. Сам святой Димитрий подавал пример к тому в своей собственной жизни. Принимая пищу только для того, чтобы поддерживать свои телесные силы, святитель на первой неделе Великого поста вкушал только один раз, — один только раз вкушал он и на Страстной неделе, в Великий четверток.

Памятуя непрестанно слова Спасителя: *Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 14), святой Димитрий во всю свою жизнь отличался великим смирением.

«Несмь таков, — говорил о себе святой, — якова же любовь твоя непщует мя быти. Несмь благонравен, но злонравен, обычаев худых исполнен, и в разуме далече отстою от разумных; буй есмь и невежа; а светение мое есть едина тьма и прах... Молю же братскую твою любовь помолитися о мне Господу, Свету моему, да просветит мою тьму, и изведет честно́е от недостойнаго»[1].

Достигнув высшего сана святительского, святой Димитрий сохранял то же смирение, к высшим был почтителен, к равным благосклонен, к подчиненным милостив, к несчастным сострадателен.

Само собою уже разумеется, что при таких высоких нравственных качествах святитель должен был отличаться и полным бескорыстием. Действительно, в его сердце не было места скупости, любостяжанию и сребролюбию. Все подаяния и доходы он во всю свою жизнь употреблял или на церковные нужды, или на благотворение неимущим. О сиротах, вдовах, нищих и бедных святитель заботился как отец о своих детях. Все, что получал, он раздавал им, призывая к себе в крестовую палату слепых, глухих, хромых и убогих, предлагая им трапезу, давая одежды и оказывая другие милости. О своем бескорыстии и нестяжательности святитель сам засвидетельствовал в духовном завещании, составленном им за два с половиной года до кончины.

«Судих, — говорит он, — этой духовной грамотой моей вестно сотворити всякому, иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейнаго, во еже бы не трудитися ему вотще, ни истязовати служивших мне Бога ради, да весть мое сокровище и бо-

[1] Так писал святой Димитрий к другу своему монаху Феологу, справщику Печатного Двора в Москве.

гатство, еже от юности моея не собирах (сие не тщеславяся реку, но да искателям моего по мне имения вестно сотворю). Отнележе бо приях святой иноческий образ и постригохся в Киевском Кирилловском монастыре в осмьнадесятое лето возраста моего, и обещах Богови нищету извольную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу, не стяжевах имения и мшелоимства[1], кроме книг святых[2], не собирах злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужд, но нестяжание и нищету иноческую духом и самым делом по возможному соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на промысл Божий, иже никогдаже мя оставя. Входящая же в руце мои от благодетелей моих подаяния и яже на начальствах келейный приход, тыи истощевах на мои и на монастырския нужды, идеже бех во игуменех и архимандритех, такожде и во архиерействе сый: не собирах келейных, яже не многи бяху, приходов, но ово на мои потребы та иждивáх, ово же на нужды нуждных, идеже Бог повелé. Никтоже убо да трудится по смерти моей, испытуя или взыскуя какого-либо келейнаго моего собрания: ибо ниже на погребение что оставляю, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится Богу. Верую бо, яко приятнее Ему будет, аще и едина цата[3] по мне не останет, неже егда бы многое собрание было раздаваемо».

Завещание это, в котором святитель снова повторил свое желание быть погребенным в Спасо-Яковлевском монастыре, он объявил своему другу, митрополиту Стефану Яворскому[4]. Тогда же они положили между собою завет: если преосвященный Стефан скончается прежде, то на погребении его быть митрополиту Димитрию;

---

[1] *Мшелоимство* — значит корысть.

[2] Оставшаяся большая библиотека ученого архипастыря Ростовского, состоявшая из греческих, латинских, польских и славянских книг, рукописных и печатных, поступила в Московскую Патриаршую (ныне — Синодальная) Библиотеку. Несколько книг, принадлежавших святому Димитрию, находятся в Библиотеке Московской Синодальной Типографии.

[3] Мелкая монета.

[4] *Стефан Яворский* (1658–1722 гг.) — митрополит Рязанский, Местоблюститель Патриаршего престола, был один из самых видных деятелей Петровского времени; известен как проповедник. Со святым Димитрием он познакомился в 1684 году.

если же Димитрий прежде отойдет ко Господу, то погребать его должен Стефан.

Святитель Димитрий скончался пятидесяти восьми лет от роду, на 28 октября 1709 года, через день после своего тезоименитства. За несколько дней до кончины, донесли ему о скором прибытии в Ростов царицы Параскевы Феодоровны[1] для поклонения чудотворной иконе Богородицы Толгской, которую положено было на этот раз, по причине осенней непогоды, затруднившей путешествие царицы в Ярославль[2], перенести отсюда в Ростов. Святитель, услышав это, призвал своего казначея иеромонаха Филарета и пророчески объявил ему о близости своей кончины: «Се грядут в Ростов две царицы: Царица небесная и царица земная; токмо я уже видеть их не сподоблюся, а надлежит к принятию оных готовым быть тебе, казначею».

За три дня до преставления святого Димитрия болезнь, давно уже таившаяся в его груди, обнаружилась с особенною силою в кашле. Несмотря на это, святитель старался казаться бодрым. В день своего тезоименитства, 26 октября, он сам совершил литургию в соборе, но поучения своего говорить уже не мог, и одному из своих певчих велел прочитать его по тетрадке. За обеденным столом он сидел с гостями, хотя с крайней нуждой. На другой день пришел навестить святителя Варлаам, архимандрит Данилова монастыря в Переславле. Во время их беседы к святителю прислала, проживавшая тогда в Ростове, инокиня Варсонофия, бывшая кормилица царевича Алексея Петровича, постриженная в монашество самим святым Димитрием. Она с глубоким благоговением относилась к архипастырю Ростовскому и часто просила от него душеполезных наставлений. Так и на этот раз Варсонофия усердно молила святителя посетить ее в тот же день. Святой Димитрий отправился к ней вместе с архимандритом Варлаамом. На обратном пути он уже едва мог дойти до своей келии, опираясь на служителей.

---

[1] Вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича, скончавшегося в 1696 году.

[2] Празднование в честь Толгской иконы Божией Матери совершается 8 августа. Толгский монастырь находится в девяти верстах от Ярославля на Волге; основан в 1314 году Ростовским епископом Прохором (в схиме Трифоном) на месте явления ему иконы.

Тотчас он приказал позвать к себе певчих для пения им самим сочиненных духовных песней, как то: «Иисусе мой прелюбезный», «Надежду мою в Бозе полагаю», «Ты мой Бог, Иисусе, Ты моя радосте». Пение это услаждало его душу словами, вылившимися из нее самой, и он слушал певчих, греясь подле печи.

По окончании пения, отпустив певчих, святитель удержал одного из них, Савву Яковлева, любимого им, усердного переписчика его сочинений. Святой Димитрий начал рассказывать ему о своей жизни, как он проводил ее в юности и в совершеннолетнем возрасте, как молился Богу и Пречистой Его Матери и всем угодникам, и сказал: «И вы, дети, молитесь так же».

Потом благословил певчего и, провожая его из келии, поклонился ему едва не до земли и благодарил его за усердие в переписке.

Видя, что архипастырь так смиренно и необычно провожает его и так ему низко кланяется, певчий содрогнулся и с благоговением сказал:

— Мне ли, владыка святой, последнейшему рабу твоему, ты так кланяешься?

На это святитель с тою же кротостию отвечал:

— Благодарю тебя, чадо!

Певчий горько заплакал и удалился. После этого святой Димитрий приказал служителям разойтись по своим местам, а сам заключился в особенную комнату, как бы желая отдохнуть, и наедине предался усердной молитве к Богу. Утром служители вошли в эту комнату и нашли святителя скончавшимся на коленях, в положении молящегося. Так молитва, услаждавшая жизнь святителя, сопровождала его и к смерти.

Честнóе тело почившего святителя было облечено в архиерейские одежды, им самим приготовленные[1], и в тот же день перенесено в домовую церковь. Во гробе под голову и под все тело были постланы, по завещанию святого Димитрия, его черновые бумаги.

---

[1] Святого Димитрия часто посещали царица Параскева Феодоровна и дочери царя Алексея Михайловича и дарили ему рясы. Из этих подношений святитель приготовил себе архиерейское облачение и завещал похоронить себя в этих одеждах.

Немедленно весть о преставлении святителя разнеслась по всему Ростову. К гробу его стеклось множество народа, искренно плакавшего о неоценимой потере своего возлюбленного пастыря и учителя. В тот же день прибыла в Ростов царица Параскева Феодоровна с дочерьми своими — царевнами Екатериною, Параскевою и Анною (будущею царицею) Иоанновнами. Не застав в живых святителя, какой сам то предсказывал, она много плакала, что не удостоилась принять от него благословение, и повелела отслужить соборно панихиду.

30 октября, по повелению царицы, тело святителя перенесено было в собор с подобающею честию. Царица вторично отслушала панихиду, в последний раз простилась с угодником Божиим и отправилась в Москву.

Вскоре прибыл для погребения святителя митрополит Стефан. Войдя прямо в собор, он поклонился телу почившего друга и много плакал над ним. После этого он приказал казначею Филарету приготовить все нужное к погребению в Яковлевском монастыре. Тогда настоятели монастырей Ростовских, соборные священники и многие из граждан приступили к Стефану с прошением о погребении Димитрия в соборе, где обыкновенно погребались прежние архиереи. Но Стефан не согласился, говоря: «Преосвященный Димитрий, вступив на Ростовскую кафедру, прежде всего посетил Яковлевский монастырь и сам избрал себе здесь место для погребения. Как же могу я нарушить его волю?»

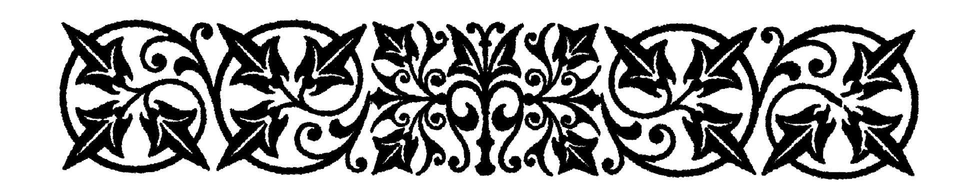
В назначенный для погребения день, 25 ноября, митрополит Стефан, верный завету дружбы, совершил литургию и погребение, при котором произнес слово, часто восклицая: «Свят Димитрий, свят!» Вслед за этим, в сопровождении плачущего народа, тело святого Димитрия перенесено в Яковлевский монастырь, и здесь в Зачатьевском соборе предано земле. Преосвященный Стефан написал надгробные стихи, в которых, между прочим, говорил:

Вси вы, Ростова града людие, рыдайте,
Пастыря умершаго слезно поминайте,
Димитрия владыку и преосвященна,
Митрополита тиха и смиренна.

Около сорока трех лет тело святого Димитрия почивало под спудом. В сентябре 1752 года, когда разбирали ветхий пол Зачатьевского собора, нашли деревянный сгнивший сруб, сверх которого вместо крыши положены были вдоль толстые бревна, провалившиеся потом внутрь сруба. Разобрали сгнивший сруб, вынули насыпавшуюся землю и увидели гроб святителя. Он был поврежден: крыша разломана обвалившимися бревнами, и сквозь скважины виднелись не поврежденные тлением покров, митра и вся святительская одежда. Когда были освидетельствованы святые мощи, то оказалось, что руки святителя, крестообразно сложенные на груди, совершенно нетленны; только у правой руки четыре перста переломились от обвалившейся вовнутрь гроба доски, и левая рука отделилась от локтя; все прочие части тела целы.

Услышав об обретении святых мощей, народ толпами спешил к новоявленному угоднику Божиему, и при гробе его открылся обильный источник исцелений[1], которые подаются верующим и до сих пор во славу дивного во святых Своих Триединого Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

[1] 22 апреля 1757 года святитель Димитрий причислен к лику святых. По поручению Святейшего Синода, Арсений, митрополит Ростовский, тогда же написал жизнеописание святого, а служба ему составлена Амвросием, епископом Переяславским, впоследствии архиепископом Московским.



День двадцать второй

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ФОКИ**, епископа Синопского

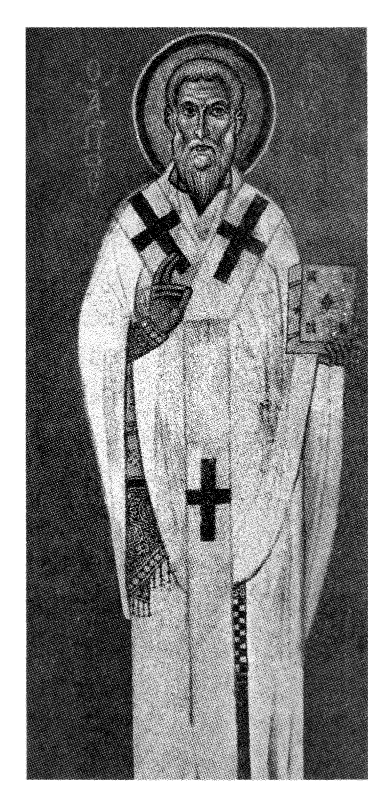
В городе Синопе[1] жил некий муж, по имени Памфил, с женою своею Мариею; они были родителями блаженного Фоки. С юного возраста святой сподобился получить такую благодать Святого Духа, что изгонял из людей бесов и исцелял недуги. Когда Фока возмужал, то за свою добродетельную жизнь был избран епископом в родном городе и ревностно стал пасти своих словесных овец; поучая их словом, он назидал их своим примером; проводя и прежде добродетельную жизнь, он, приняв сан епископа, еще более стал подвизаться, так что все, видя его добрые дела, прославляли Отца небесного. Многих людей он удержал от заблуждений, многих язычников отклонил от идолопоклонства и привел к почитанию Единого Бога. Господь благоизволил сподобить мученического венца Своего верного раба и возвестил об этом ему в видении, следующим образом: с высоты прилетел голубь, державший в клюве венок из цветов; этот венок он возложил на голову блаженного и проговорил человеческим голосом:

— Чаша твоя уже наполнилась, тебе подобает ее выпить.

Из этого видения святой Фока уразумел, что ему предстоит пострадать за Христа. Мы же узнаем из этого то, что он был великим угодником пред Богом, ибо, еще будучи в теле, он сподобился быть

---

[1] *Город Синоп* — на южном берегу Черного моря.



увенчанным с неба. Так преблагой Бог возносит Своих угодников, удостаивает их славы и чести и возлагает на главы их венцы. Святой Фока по своей душевной и телесной чистоте был истинным женихом небесным: небо восхотело сочетаться с ним и возложить на него венец; но этот венец был предзнаменованием венца лучшего — в чертоге Спасителя, коим он должен венчаться вечно и в нем явиться на брак небесный. После этого славного знамения Фока, в царствование Траяна, был предан на мучение правителем Африканом; этот властитель долго принуждал его принести жертву идолам, но святой предпочел самого себя принести в жертву Богу. Он не исполнил приказания князя — не хотел воздать произведению рук человеческих чести, подобающей Единому Богу, сидящему на херувимах; тогда князь приказал привязать святого к дереву и мучить его. Все тело его было покрыто ранами; подобно тому, как нападают на труп голодные хищные птицы и, пожирая, рвут его на части, — так мучители терзали чистое тело страдальца Христова. Но все это святой Фока претерпел мужественно; с высоты он слышал голос, укрепляющий его; призывая Иисуса Христа, он переносил муки, презирая все страдания. Он не щадил своей плоти ради Того, Кто не пощадил Себя и пострадал за нас на кресте; это страдание было для святого Фоки как бы райской прохладой: так мужественно переносил он муки, исповедуя имя пострадавшего за нас Господа. Ничего не было невыносимого для верного раба, страдавшего за своего Владыку. Если бы даже со всего мира собрались на него мучители, если были бы изобретены все муки, то и тогда он готов был бы все претерпеть за возлюбленного своего Господа, взывая вместе с пророком Давидом: *Готово сердце мое, Боже* (Пс. 107, 2). Мучители положили его на сильно раскаленный лист железа, но железо тотчас остыло, ибо сердце святителя горело любовью к Богу, и этот духовный огонь

победил силу огня чувственного. И во всех мучениях, сколько их ни могли придумать для него, святой Фока оказался победителем: ибо вокруг него являлись воинство ангельское и неизреченный свет Божественный. В темницах просвещал его свет Божественный. В темницах просвещал его свет небесный, в узах он веселился надеждой небесной свободы, в скорбях утешался Ангелами, в ранах был укрепляем Иисусом Христом. После многих и различных мучений его бросили в разожженную баню, где он, молясь, предал дух свой в руки Божии[1] и сподобился получить венец победителя в церкви торжествующих. Его святое тело было с почестями погребено верующими, и при его гробе совершались многие чудеса[2].

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ФОКИ**, именуемого вертоградарем[3]

В том же городе Синопе, но в другое время, жил иной Фока; он устроил себе сад близ моря и, посадив в нем различную зелень, продавал ее, доставая таким образом пропитание и самому себе, и нищим. Часть зелени из своего сада он клал при дороге, чтобы ее могли брать все прохожие; ибо он отличался великой любовью к ближним и страннолюбием, и более благоустроял вертоград в душе своей, чем — вещественный: процветая благочестием и питая в своем сердце чистые мысли, он приносил плоды добродетелей, так что его святая душа могла называться вертоградом Святого Духа, как говорится в Писании: *вертогра́д заключе́н — сестра моя, вертогра́д, яко многоплоден* (слав. Песн. 4, 12); и еще: *плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 23).

Блаженный Фока был так огражден добродетелями, что древний тать — диавол, похитивший блаженство в райском вертограде у праматери нашей, не мог похитить добродетели у святого Фоки. Святой

---

[1] Кончина священномученика Фоки последовала в 117 году.

[2] 22 июля празднуется перенесение его честных мощей из Понта в Царьград.

[3] *Вертоградарь* — содержатель сада или огорода, садовник.

ревностно стремился к своему спасению, со страхом внимая словам апостола: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Так подвизался святой, и слух о благочестивой его жизни прошел между людьми. Добродетель, как горящая свеча, не может утаиться, но и в темноте ночной сияет издалека; так и святой Фока как бы среди тьмы сиял своим благочестием среди людей неверующих и развращенных, приводя многих к познанию света. Слух о святом дошел и до нечестивого князя этой страны. Князю рассказали, что Фока не только сам верует в Распятого, но и других обращает к Нему вслед за собою. Тогда князь послал своих слуг, чтобы они убили раба Христова; те немедленно отправились и стали искать Фоку, чтобы предать его смерти.

Их встретил сам Фока и спросил:

— Кого вы ищете?

Они отвечали:

— Мы отыскиваем Фоку.

Тогда Фока сказал:

— Ступайте ко мне, господа мои, я вам расскажу о нем.

С этими словами он привел их к себе в дом и угостил их, ибо так подобает поступать с врагами своими, согласно словам Писания: *Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою* (Притч. 25, 21).

Когда же слуги вкусили вина, Фока спросил их:

— Для чего вы ищете этого человека?

Тогда они рассказали ему тайну:

— Мы ищем его, чтобы предать на мучение, ибо князь послал нас убить его за то, что он не поклоняется богам нашим, а почитает Распятого.

Фока стал просить их:

— Прошу вас, господа мои, подождите до утра в моем доме, угощайтесь и пейте, а завтра я предам его вам: ибо никто не знает его

лучше меня. Он живет недалеко отсюда; теперь он куда-то ушел, но скоро придет; тогда я вам отдам его в ваши руки.

Посланные согласились и стали пировать в доме святого Фоки. Он же в это время устроил в своем саду гроб, приготовил все необходимое для погребения, раздал нищим свое имение и всю ночь пребывал в молитве, приготовляясь к смерти. Когда наступило утро, посланные князем слуги встали и спросили его:

— Здесь ли Фока, коего ты хотел предать в наши руки?

Святой же с радостию отвечал им:

— Здесь, господа мои, — делайте с ним, что хотите.

Тогда слуги спросили:

— Где же он?

Блаженный отвечал:

— Я — Фока, которого вы ищете, я — раб Иисуса Христа... Я отрекаюсь от ваших мерзких богов, умертвите меня.

Услыхав это, посланные удивились; они почувствовали стыд и не хотели обагрить рук своих кровью этого человека, ибо он так радушно принял их и угостил; они хотели уйти и сказали ему:

— Мы скажем князю, что всюду искали Фоку, но нигде не нашли.

Но он стал просить их, схватил их за ноги и умолял, чтобы они исполнили то, что им повелено, говоря:

— Ничем вы меня так не вознаградите за мое гостеприимство, как тем, о чем я прошу вас; ибо чрез это вы избавите меня от уз плоти, и я могу соединиться с желанным Христом.

Так святой Фока стремился освободиться от уз тела и жить со Христом. Так сильно желал он пролить свою кровь за Христа; столь великую он имел любовь к Богу, что говорил:

— *Милость Твоя лучше, нежели жизнь* (Пс. 62, 4).

И так он умолил слуг и принял венец мученический; будучи усечен в главу мечом, он перешел от земли к небу[1]. Его святые мощи были погребены в приготовленном им самим гробе. Впоследствии, когда еще более просияло в тех странах благочестие, над гробницей мученика была выстроена церковь во имя его. И многие верующие почерпали благодать от святых мощей Христова страдальца, одни получали исцеление от болезней, другие — утешение в печалях,

[1] Это было около 320 года.

иные же получили помощь в бедах молитвами святого мученика Фоки. Не только в городе Синопе, но и по всей вселенной, на земле и на море, всем с верою призывающим его имя и вручающим себя его молитвам, святой являлся великим благодетелем в нуждах и скорым помощником. У мореплавателей было обыкновение призывать на помощь святого Фоку; ибо много раз он являлся им: то ночью, когда поднималось волнение, он будил спящего рулевого; то видели, что он сам поднимал паруса; иногда его замечали на носу корабля; иногда он являлся ходящим по морю. Имя святого Фоки прославляли на многих кораблях, плававших по Черному и Адриатическому морям и по океану; вместо обычных своих песен моряки стали воспевать похвальные песнопения в честь святого Фоки, так что всякий час его имя было на устах мореплавателей. Не только в бедствиях, но и среди удовольствий они вспоминали святого Фоку. У них был такой обычай: когда они сидели за трапезой или за каким-либо угощением, то отделяли часть пищи или пития в честь святого Фоки. Кто-нибудь из присутствовавших за трапезой покупал эту часть, и вырученные от продажи деньги собирались в особую кружку. Так каждый день уделяли часть своей трапезы святому, и один после другого покупал эту часть: сегодня — один, завтра — другой, потом — третий, — начиная с первого и до последнего, все по очереди покупали ту часть и собирали за нее деньги. Когда же они выходили на берег, то деньги, собранные от продажи этих частей, раздавали убогим, недужным, сиротам и странникам.

Этот обычай хранился много лет до того времени, пока враги святого Креста, попущением Божиим за наши грехи, не взяли все эти страны[1]; они весьма сильно стали притеснять святую веру и уменьшили число христиан. Однако же и теперь святой Фока, общий заступник всех, не перестает помогать плавающим в море мира сего; он приводит нас к небесному пристанищу, усердно молясь за нас Господу. Да избавимся же мы молитвами этого мученика Христова от всякого потопления, волнения и бури, ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь разумеются магометане — турки. В 1214 году Синоп подпал власти сельджукских турок, а спустя 2,5 столетия он снова был завоеван (в 1461 г.) магометанами (османскими турками), именно Магометом II, завоевавшим Константинополь и основавшим на развалинах Византийской империи Турецкую (магометанскую).

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРОРОКА ИОНЫ

Святой пророк Иона был сын Амафиин и происходил из города Гефаховера (см.: Иона 1, 1; 4 Цар. 14, 25)[1]. Матерью его была, по преданию, та самая вдова Сарептская (см.: 3 Цар. 17, 14–23)[2], которая во время голода давала пищу пророку Илии и сама кормилась чрез него, ибо мука в кадке ее не истощалась и масло в кувшине не убывало до того дня, пока Господь послал дождь на землю. Между тем Иона, тогда еще малый отрок, разболелся и умер; тогда вдовица сказала Илии:

— Что я сделала тебе, человек Божий? Ты пришел ко мне вспомянуть грехи мои и наказать меня смертью сына.

Он же сказал ей:

— Дай мне сына твоего.

Взяв у нее отрока, Илия отнес в горницу, в которой жил, и положил его на свою постель; потом воззвал он ко Господу и сказал:

— Господи Боже мой! Неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

И, дунув трижды на отрока, он стал молиться:

— Господи Боже мой! Да возвратится душа отрока этого в тело.

Господь услышал молитву святого пророка Своего и сотворил по его молению: душа отрока возвратилась в тело, и он воскрес.

Достигнув совершеннолетнего возраста, Иона проводил добродетельную жизнь и неуклонно исполнял все заповеди Господни. Он настолько благоугодил Богу, что, по преданию, сподобился вскоре пророческого дара и предрек, среди других предсказаний, о страданиях Господних, о запустении Иерусалима и о кончине мира.

— Когда, — говорил он, — услышите камень, вопиющий тонким и жалобным голосом, когда от древа будет возноситься вещание к Богу, тогда приблизится спасение и все народы пойдут в Иеруса-

---

[1] *Гефаховер*, по свидетельству книги Иисуса Навина, при разделении земли Обетованной между сынами Израилевыми по жребию достался колену Завулонову и лежал в северной части Галилеи (северная часть Палестины), по пути к Тивериаде, выше Назарета.

[2] *Сарепта Сидонская* — город финикийский, отстоявший недалеко от Сидона.

лим на поклонение Господу; Иерусалим же, наполненный зверями, будет в мерзости запустения: тогда наступит кончина всему живущему.

Получив от Бога свыше дар пророчества, Иона выступил на общественное пророческое служение вслед за пророком Елисеем, являясь продолжателем его дела, как сам Елисей был продолжателем дела Илии, — одного духа с ним. Древнее иудейское предание называет святого пророка Иону учеником Елисея[1], принадлежавшим к той школе сынов пророческих, во главе которой стоял сначала пророк Илия и потом Елисей; Иона был одним из сынов пророческих, посланных Елисеем для помазания Ииуя на царство Израильское (см.: 4 Цар. 9, 9–22)[2]. По смерти Елисея Иона заступил его место. Чтобы вдохнуть мужество царю Израильскому Иеровоаму в предстоявшей ему войне с сильным Сирийским царством, пророк Иона, получив о том повеление от Бога, предсказал ему великие успехи в этой войне, и Иеровоам, по его глаголу, восстановил пределы Израильского царства — от Емафа до Мертвого моря, возвратив, таким

[1] *Елисей* — знаменитый пророк израильский, ученик и преемник пророка Илии в пророческом служении (память его — 14 июня).

[2] *Сынами пророческими* назывались у израильтян ученики пророков, которые составляли из себя общества, воспитывавшиеся под непосредственным их воздействием. Хотя это и не были в собственном смысле училища, но в них, тем не менее, юноши, к тому призванные, подготовлялись к пророческому служению, и из этих средоточий распространялось религиозное образование и в народе.

образом, древние области своего царства, отторгнутые сирийцами (см.: 4 Цар. 14, 25)[1].

В царствование того же Иеровоама Иона был призван к новому служению. Он получил от Бога повеление идти для проповеди покаяния к нечестивым и враждебным по отношению к израильтянам иноплеменникам.

— Встань, — повелел ему Господь, — иди в Ниневию — город великий[2] и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня.

Но пророк не исполнил повеления Божия. Он думал, что Бог, как благой и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый, умилосердится над ниневитянами, если они покаются в своих грехах. Поэтому он боялся, что пророчество его о погибели Ниневии не сбудется и его сочтут за обманщика и самое имя Бога Израилева подвергнется нареканию и укоризнам. Не хотел он в душе своей и пощады этому нечестивому городу, жители коего были столь враждебны и опасны для израильтян. В то же время чувствуя и всю тяжесть непослушания Богу, Иона, в страхе и скорби, бежал от Лица Божия. Но никто не может укрыться от Бога, ибо *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 2): кто может бежать от Того, «иже везде сый и вся исполняяй»?

Во время бегства Иона прибыл в Иоппию и нашел здесь корабль, отправлявшийся в отдаленный Фарсис[3]; отдав плату за провоз, он вошел на корабль и отправился в далекий путь. Но Господь, желая вразумить раба Своего, воздвиг сильный ветер, и на море поднялась великая буря. Сильные волны бросали корабль из сто-

---

[1] Отсюда определяется и время пророческого служения Ионы, относящееся к царствованию Иеровоама и предшественника его Иоаса. Следовательно, Иона был одним из древнейших пророков Израиля и жил в IX веке до Рождества Христова.

[2] *Город Ниневия* был главным городом ассирийцев, с которыми евреи тогда находились во враждебных отношениях. Город лежал на восточном берегу Тигра в Месопотамии. Это был многолюднейший и богатейший город в древнем мире и имел около восьмидесяти четырех верст в окружности, что вполне соответствует библейскому определению ее в книге пророка Ионы мерою трехдневного пути (3, 3), ибо путь одного дня для восточных народов соответствует нашим двадцати пяти – тридцати верстам.

[3] *Фарсис*, или *Тартес*, — древняя финикийская колония в юго-западном углу древней Иберии (Испании) на реке Бэтис (Гвадалквивир).

роны в сторону, так что он готов уже был разбиться. Ужас объял корабельщиков, и они стали взывать каждый к своему богу, кто какого чтил и считал своим хранителем. В то же время, желая облегчить корабль от излишней тяжести и тем уменьшить угрожавшую опасность, они начали выбрасывать кладь в море. Один Иона оставался праздным; он спустился во внутренность корабля, лег там и крепко заснул.

Между тем пришел к Ионе кормчий и, найдя его спящим среди такой опасности, разбудил его и с ужасом говорил ему:

— Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему: может быть, Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем.

Но буря не утихала и опасность от нее не уменьшалась. Тогда корабельщики сказали друг другу:

— Пойдем, бросим жребий, чтобы узнать, за кого постигло нас это бедствие.

Они бросили жребий, и пал жребий на Иону. Тогда спросили его:

— Скажи нам, за что постигло нас это бедствие? Какое твое занятие, откуда идешь ты, где твоя страна и из какого ты народа?

Иона сказал:

— Я — евреянин, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу.

Затем он поведал им о своем преслушании воли Божией и о том, как, согрешив пред Богом, он убоялся и ныне бегает от лица Божия. Услышав это, корабельщики сильно устрашились и ужаснулись его преступлению Божественной воли, восклицая:

— Зачем ты это сделал?

Несмотря на выпавший на Иону жребий, обрекший его на смерть и на грозящую им гибель, они не захотели исполнить над ним приговора, как по своему человеколюбию, так и по страху пред всемогущим Богом Израилевым, воздвигшим на них бурю за преслушание Ионы. Видя в последнем посланника этого Бога, они стали спрашивать его:

— Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?

Буря же не прекращалась, и волнение становилось все сильнее. Тогда Иона сказал им:

— Возьмите меня и бросьте в море, и оно утихнет для вас, ибо я знаю, что за меня постигла вас эта великая буря.

Но корабельщики все еще колебались, видя в Ионе необыкновенного человека и страшась оскорбить в его лице Всемогущего Бога Израилева. Они, напротив, начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, между тем как море все продолжало бушевать против них. Тогда они решились, наконец, исполнить над Ионою приговор. Но прежде, чем сделать это, они воззвали ко Господу:

— Молим Тебя, Господи, да не погибнем за душу человека этого, и да не вменишь нам кровь невинную; ибо Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе.

И взяли Иону, и бросили его в море, и тотчас прекратилось морское волнение. Тогда все, бывшие на корабле, еще сильнее убедились, что буря была послана Богом в наказание за непослушание Ионы, и устрашились они всемогущества Его, и, исполненные благоговения к Нему, принесли благодарственные жертвы, и дали обеты чтить Его.

Между тем пророка Иону, по повелению Божию, проглотил кит, и пробыл Иона во чреве этого кита три дня и три ночи[1]. Поверженн-

---

[1] Трехдневное пребывание пророка Ионы во чреве китовом прообразовало собой трехдневное пребывание Христа Спасителя в земле. Сам Иисус Христос так свидетельствует о прообразовательном значении пророка Ионы: *как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12, 39–40). Спаситель сравнивает Себя с Ионою: *Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы* (12, 41). Так, Иона в своем служении и жизни прообразовал смерть, воскресение и проповедь Иисуса Христа. Отцы Церкви говорят об этом так: «Бегущий пророк взошел на корабль, Христос взошел на древо; на море восстала сильная буря, это волнение моря есть неверие иудеев. Выпал жребий пророку быть ввергнутым в море: этот жребий обозначает волю Отца, по которой Христос нисходит в пучину скорбей и смерти. Иона добровольно соглашается быть ввергнутым в море; Иисус Христос добровольно восходит на крест. Иона сходит в море с корабля; Христос нисходит со креста в гроб и в преисподнюю земли. Иона жертвует собой, чтобы спасти претерпевавших бурю; Христос умирает для спасения рода человеческого, обуреваемого волнами греховными. Пророк, взятый зверем, но не съеденный им, молится во чреве его; Иисус Христос, пораженный смертью, но не обладаемый ею, молится за всех людей. Иона невредим пребывает в чреве кита; тело Иисуса Христа невреждённо пребыло во гробе. Иона пребыл во чреве кита три дня и три ночи, — три дня и три ночи был Иисус в сердце земли. Иона в третий день извергается невредженным из чрева китова; Иисус Христос силою Божества своего нетленным восстает из гроба в третий день. После чудесного избавления от смерти Иона идет проповедовать по-

ный в море и поглощенный китом, Иона не мог не чувствовать смертельной скорби; но он не потерял присутствия духа, особенно когда увидал себя невредимым: в нем явилась надежда, что Господь даст ему снова увидать свет Божий и спасет его из глубины морской. Исполненный этой надеждой, он стал молиться Господу Богу, каясь пред Господом во грехе своем. Изливая свои скорбные и покаянные и вместе с тем благодарные к Богу чувства, Иона так взывал из чрева китова:

— Ко Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня; все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. И я сказал: отринут я от очей Твоих, и потоки окружили меня; все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного Благодетеля своего. А я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение[1].

Молитва Ионы была услышана: милосердный Господь наказал раба Своего за преслушание Божественной воли, но, не желая его

каяние ниневитянам; после воскресения Христа учение Его проповедуется язычникам. До времени бедственного плавания Ионы Ниневия не слышала проповеди покаяния и навлекла на себя гнев Божий, но после того пророк избавил своей проповедью ниневитян от гнева Господня; так единственно смертью и воскресением Христовым род человеческий, погруженный в бездну греховную, избавлен от греха, проклятия и смерти и примирен с Богом.

[1] Молитва Ионы во чреве китовом положена в основание 6-й песни канонов. Святая Церковь в плавании Ионы видит не одно прообразование страданий и пребывания во гробе Спасителя, но и подобие нашей жизни. Кораблю Ионы, застигнутому бурей и погруженному волнами, она уподобляет нашу душу, обуреваемую волнами житейского моря, потопляемую грехами, уловляемую духовным зверем — диаволом. Спасительному берегу, на который выброшен был Иона, она уподобляет тихое пристанище, которое душа наша обретает в Боге. С этой мыслью она каждодневно на утрени в 6-й песни канона напоминает нам его покаянную песнь и, влагая ее в уста, возбуждает нас так же пламенно молиться, как молился Иона во чреве китовом, чтобы Бог возвел от духовного тления жизнь нашего духа.

смерти, повелел, чтобы кит изверг Иону на сушу. Увидав дневной свет, небо, землю и море, Иона горячо возблагодарил Бога, избавившего его от смерти.

После этого вторично было слово Господне ко Ионе.

— Встань, иди в великий город Ниневию и проповедуй в ней то, что Я уже повелел тебе.

Тогда Иона встал и пошел в Ниневию. Ниневия же была городом великим, на три дня пути в окружности. И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал:

— Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена.

Кратки и грозны были слова пророка Ионы, по-видимому решительно предсказывавшего скорую гибель Ниневии. Но жители города уразумели, что Бог, определяя их погибель, не без причины отлагает на некоторое время исполнение этого определения, что сорок дней даются им, без всякого сомнения, для покаяния, — и поверили слову, возвещенному им от Бога чрез пророка Иону. Они объявили пост и оделись во вретище, все — от большего из них до малого. Проповедь Ионы дошла и до самого царя могущественной Ниневии; он встал с престола своего, снял свое царское облачение, оделся во вретище и сел на пепле[1]. Потом он повелел провозгласить по всей Ниневии от имени его, царя, и вельмож, чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили и чтобы покрыты были вретищем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих.

— Кто знает, — говорили ниневитяне, — может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев свой, и мы не погибнем.

Надежда не обманула раскаявшихся ниневитян: Бог, видя их сокрушение и подвиг покаяния, отменил Свое определение, помиловал их и не навел на них бедствия, о котором предвозвещал устами пророка Своего.

Но если Богу приятно было видеть покаяние ниневитян и помиловать их, то Иона, еще оставшийся с прежними мыслями о непреложности пророчества и, по немощи человеческой, не постигавший

---

[1] Это были обыкновенные у восточных народов выражения печали и сокрушения.

беспредельного милосердия Божия, сильно огорчился скорым объявлением помилования покаявшимся грешникам. По прошествии сорокадневной проповеди он вышел из города и, поднявшись на гору, с восточной стороны города, сделал себе там кущу и сел под нею в тени, чтобы посмотреть, что будет с городом. Но увидев, что с городом ничего не случилось, он в сильной печали, в молитве своей воззвал к Богу:

— О Господи! Не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис; ибо знал я, что Ты — Бог благой и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня; ибо лучше мне умереть, нежели жить.

И произрастил Господь Бог ночью вьющееся растение[1] над головой Ионы, чтобы избавить его от солнечного зноя и вместе с тем от огорчения, ибо пророк находил в этом успокоение и своему огорченному духу. Иона мог видеть в этом указание воли Божией на то, чтобы он оставался на этом месте и ждал, что последует с городом; это могло еще питать в нем надежду, что Бог каким-нибудь чудесным образом оправдает Свой приговор о Ниневии. Вместе с тем в явно чудесном появлении тенистого растения Иона уразумел особое о нем попечение Божие. Сердце его возрадовалось, и печаль, происходившая от мысли, что Бог оставил его, — превратилась в радование, и Иона пребывал под произросшим растением весь тот день, укрываясь от солнечного зноя.

Но радость Ионы о тенистом растении была непродолжительна. На следующий день, при появлении зари, червь, по повелению Божию, подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти.

— Лучше мне умереть, — говорил он, — нежели жить.

И сказал Бог Ионе:

— Неужели ты так сильно опечален тем, что растение засохло?

Иона отвечал:

---

[1] В еврейском тексте здесь стоит слово «кикайон», что обозначает собой особое тенистое дерево, вроде плюща, или, как некоторые переводят, клещевину, которая в несколько дней вырастает до высоты тенистого дерева; но также быстро может и засохнуть, так как нередко подтачивается в самом корне своем червями. В церковнославянском тексте стоит слово «тыква».

— Очень огорчился, даже до смерти.

Тогда, отечески вразумляя пророка, Бог сказал:

— Ты сожалеешь о растении, над которым не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором было более ста тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой[1], и множество скота?

После этого, когда по прошествии сорока дней погибель Ниневии не совершилась, а, напротив, воссияло солнце, ниневитяне усмотрели в этом знак милости Божией и прощения, вышли из города к пророку Ионе и дали ему дары для храма Иерусалимского, в благодарность за спасение. Сопровождаемый благодарностию ниневитян, которых он вовремя вразумил возвещением гнева Божия, Иона удалился с миром из Ниневии в свою отечественную землю. Пожив здесь богоугодно довольно времени, святой пророк Иона мирно скончался и был погребен в отечественном своем городе[2]; ныне же, предстоя на небесах Христу Богу, насыщается зрением лица Его и славит Его с пророками и апостолами и со всеми святыми вовеки[3]. Аминь.

---

[1] Под этим именем вероятнее разуметь детей первого возраста, и в таком случае число жителей Ниневии обыкновенно полагают в шестьсот сорок пять тысяч человек.

[2] Скончался около 800 года до Рождества Христова. — О последующей за проповедью жизни пророка Ионы известно лишь из преданий, из которых древнейшие повествуют, что он скончался в отечественном своем городе, где доселе указывают его гробницу и где мусульмане построили в честь его великолепную мечеть. По другому преданию, пророк остался в Ниневии, среди развалин которой, около Моссула, также указывают его гробницу, составляющую предмет всеобщего благоговения христиан, евреев и магометан. Первое мнение подтверждается свидетельством 3-й книги Маккавейской, где говорится, что Бог *Иону, когда он безнадежно томился во чреве кита, обитающего во глубине моря, невредимым показал всем его присным* (3 Макк. 6, 6).

[3] Именем пророка Ионы надписывается пятая из книг малых пророков, предметом которой служит посольство Ионы в Ниневию с проповедью покаяния. Поводом к посольству Ионы послужило не только спасение Ниневии, но и назидание самим евреям, у которых развилась тогда нетерпимость к иноплеменникам. Господь вразумляет пророка, что спасение есть достояние и язычников, и предостерегает евреев, чтобы они исправились, ибо и они могут погибнуть, если не раскаются, а место их займут язычники. Отсюда — новое прообразовательное значение проповеди Иониной, предызображавшей собой новозаветную апостольскую проповедь, призывающую в Церковь Христову все народы. На такое значе-

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИОНЫ ПРЕСВИТЕРА

Преподобный Иона пресвитер жил в Палестине и был отцом преподобных Феодора и Феофана «Начерта́нных», много пострадавших за почитание святых икон от императоров-иконоборцев[1]. Иона отличался богобоязненностью и добродетельною жизнию и особенно усердствовал в страннолюбии и других подвигах христианского милосердия. С любовию заботился он о воспитании своих сыновей; еще дома сам он обучил их книжной премудрости, более наставляя в правилах благочестия. В зрелом возрасте, приближаясь к старости, Иона, по изволению Божию, лишился своей супруги и остаток дней своих решил посвятить на всецелое и совершенное служение Богу. Он удалился в прославленную подвигами преподобных иноков, уединенную лавру святого Саввы Освященного[2], где ранее подвизались и его святые сыновья. Здесь он принял иноческий постриг и, подражая святой, подвижнической жизни иноков той обители, стяжал еще большую богобоязненность и со страхом содельвал свое спасение.

ние книги пророка Ионы и его самого можно находить указание в словах Самого Спасителя, Который, упрекая иудеев и особенно фарисеев в нераскаянности, неверии и невнимательности к проповеди Иоанна Крестителя о покаянии, говорит: *Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы* (Мф. 12, 41). — Книга пророка Ионы читается вся сполна за богослужением на вечерне в Великую субботу наравне с другими пророчествами Ветхого Завета о воскресении Спасителя.

[1] Память преподобного Феодора Начертанного празднуется Церковью 27 декабря, преподобного Феофана — 11 октября. «Начертанными» они названы потому, что, среди истязаний, которым они подверглись от Византийских императоров-иконоборцев за иконопочитание, на них были начертаны позорные стихи об их безумии, мучительным начертанием которых посредством раскаленных игл им были выжжены лица до самых век. Преподобный Феофан известен еще как писатель и творец канонов.

[2] *Лавра Саввы Освященного*, великого подвижника V–VI веков, основана им в 484 году в пустыне близ Иордана и впоследствии приобрела великую славу, благодаря замечательному подвижничеству своих иноков, став в этом отношении образцом для других восточных монастырей. И доселе лавра Саввы Освященного славится на Востоке и пользуется всеобщим почитанием православного мира.

Иона непрестанно пребывал в строгом посте и усердных богомысленных молитвах. Молясь о себе, он не забывал и мира, который оставил, и, болея о нем душою и пламенея любовию к ближним, усердно молился Богу о христианском благоустроении, о мире святой Церкви и благочестии царей, ибо цари Византийские уклонились тогда в иконоборческую ересь и возмущали мир Церкви Божией[1]. В таком добродетельном житии Иона достиг преклонной старости и за свою богоугодную жизнь стяжал себе от Бога благодатный дар врачевания. Мирно достигнув конца дней своих, он радостно предал святую свою и блаженную душу Господу[2], к Коему всегда пламенел чистою и горячею любовию.

ЖИТИЕ СВЯТОГО
ПЕТРА,
прежде бывшего мытарем[3]

В Африке жил один жестокосердный и немилостивый мытарь, по имени Петр; никогда он не пожалел неимущих, не имел в уме своем помышления о смерти, не ходил в Божии церкви, сердце его всегда было глухо к просящим милостыню. Но благой и человеколюбивый Бог не хочет смерти грешников, а заботится о спасении всех и неисповедимым Своим промыслом спасает каждого. Он и Петру явил Свою милость и спас его следующим образом.

Однажды нищие и убогие, сидевшие на улице, стали хвалить лиц, относившихся к ним с милосердием, молились за них Богу, а немилостивых укоряли; беседуя так, они заговорили и о Петре, рассказывали о том, как он жестоко поступает с ними, стали спрашивать

---

[1] Таковы императоры Византийские из современных преподобному Ионе: Лев V Армянин (813–820 г.), Михаил II Балба (820–829 г.) и Феофил (829–842 гг.). Иконоборческая ересь возникла в Византии в первой половине VIII века и продолжалась до половины IX (842 года).

[2] Преподобный Иона пресвитер скончался в первой половине IX века.

[3] *Мытарь* — сборщик податей.

один другого, получил ли кто когда-нибудь какую-либо милостыню из дома Петра; когда же не нашлось такого человека, один из убогих встал и сказал:

— Что вы дадите мне, если я сейчас пойду и испрошу у него милостыню?

Уговорившись, они собрали залог, а тот нищий, отправившись, стал у ворот Петра. Вскоре Петр вышел из дома. Он вел осла, навьюченного хлебами для княжеского обеда. Нищий поклонился ему и стал громко кричать и просить милостыни. Не найдя камня, Петр схватил хлеб, бросил его в лицо нищему и ушел. Подхватив хлеб, нищий пришел к своим собратьям и сказал:

— Из рук самого Петра я получил этот хлеб.

При этом он стал прославлять Господа, и благодарил Его за то, что Петр так милостив. Спустя два дня мытарь расхворался так сильно, что даже был близок к смерти, и вот ему представилось в видении, будто он стоит на суде и на весы кладут его дела. На одной стороне у весов стояли смрадные и злые духи, по другую же сторону весов находились светлые и благообразные мужи. Злые духи принесли все злые дела, какие совершил Петр мытарь в течение всей своей жизни с самых юных лет, и положили их на весы; светлые же мужи не находили ни одного доброго дела Петра, которое можно было бы положить на другую сторону весов; поэтому они были печальны и с недоумением говорили друг другу:

— Нечего нам положить на весы.

Тогда один из них сказал:

— Действительно, нам нечего положить, разве только один хлеб, который он подал ради Христа два дня тому назад, да и то лишь поневоле.

Они положили тот хлеб на другую сторону весов, и он перетянул весы на свою сторону. Тогда светлые мужи сказали мытарю:

— Ступай, убогий Петр, и прибавь еще к этому хлебу, чтобы не взяли тебя бесы и не повели бы на вечную муку.

Придя в себя, Петр стал размышлять об этом и понял, что виденное им было не привидение, но истина; при этом он вспомнил все свои грехи, даже те, о коих он уже забыл, — ясно представились ему все его согрешения — их-то именно злые демоны, собрав, клали на весы. Тогда Петр, удивляясь, подумал:

— Если один хлеб, брошенный мною в лицо убогого, так помог мне, что бесы не могли меня взять, то насколько более щедрая милостыня, творимая с верою и усердием, помогает тем, кто, не скупясь, раздает свое богатство убогим.

И с тех пор он сделался в высшей степени милостив, так что даже не пощадил и самого себя. Однажды он шел в свою мытницу[1]. На пути встретился ему один владелец корабля: он был наг, ибо вследствие гибели своего корабля он обеднел совершенно. И вот, человек этот, припав к ногам Петра, просил его дать ему одежду, чтобы он мог прикрыть наготу свою. Петр снял с себя прекрасную и дорогую верхнюю одежду и дал ему; но тот, стыдясь ходить в такой одежде, отдал ее для продажи одному купцу. Петр, возвращаясь из своей мытницы, случайно увидел, что одежда та вывешена на торжище для продажи; это так сильно опечалило его, что, придя домой, он не хотел даже вкусить пищи, но затворился, стал плакать и рыдать, говоря:

— Бог не принял моей милостыни; я недостоин того, чтобы убогий имел память обо мне.

Плача и скорбя таким образом, он немного уснул, и вот ему представился некий благообразный муж, сиявший светлее солнца; на голове у него был крест, одет он был в ту самую одежду, которую Петр отдал разорившемуся владельцу корабля; этот муж сказал Петру:

— О чем ты, брат Петр, скорбишь и плачешь?

Мытарь же отвечал:

— Как мне не плакать, Господин мой, если я даю убогим из того, что Ты дал мне, а они данное им снова продают на торжищах.

Тогда Явившийся сказал ему:

— Узнаешь ли эту одежду, которую я ношу?

Петр же отвечал:

— Да, Владыко, узнаю; она — моя; ею я одел нагого.

Явившийся сказал:

— Перестань же скорбеть, ибо одежду, данную тобою нищему, принял Я и ношу ее, как ты видишь; хвалю тебя за доброе твое дело, ибо ты одел Меня, погибающего от холода.

---

[1] *Мытница* — место, где собирались пошлины или подать.

Проснувшись, мытарь удивился и возревновал о жизни неимущих, говоря:

— Если убогие то же, что Христос, то, Господь свидетель, я не умру, пока не сделаюсь одним из них.

Тотчас он раздал нищим все свое имение и освободил рабов, оставив лишь одного из них; этому же рабу он сказал:

— Я хочу сообщить тебе тайну; храни ее и повинуйся мне; если же не сохранишь тайны и не будешь мне повиноваться, то знай, что я продам тебя язычникам.

На это раб отвечал ему:

— Все, что повелишь ты мне, господин, я должен сделать.

Тогда Петр сказал ему:

— Пойдем во святой град, поклонимся животворящему гробу Господню, и там ты продай меня кому-либо из христиан, а вырученные от продажи деньги дай убогим; тогда и сам будешь свободным человеком.

Удивился раб такому странному намерению своего господина; он не хотел повиноваться ему и сказал:

— Идти с тобою в святой град я должен, так как я твой раб; но продать тебя, господина моего, я не могу, и этого никогда не сделаю.

Тогда Петр сказал ему:

— Если ты не продашь меня, то я продам тебя язычникам, как уже говорил тебе.

И они отправились в Иерусалим. Поклонившись святым местам, Петр снова сказал рабу:

— Продай меня, если же ты не продашь меня, то я продам тебя варварам в тяжкое рабство.

Видя такое непреклонное намерение своего господина, раб должен был повиноваться ему даже против своей воли. Встретив одного известного ему богобоязненного мужа, сребряника ремеслом, по имени Зоила, раб сказал ему:

— Послушай меня, Зоил. Купи у меня хорошего раба.

Сребряник же отвечал:

— Брат, поверь мне: я обнищал, так что нечем заплатить за него.

Тогда раб предложил ему:

— Займи у кого-нибудь и купи его, ибо он очень хорош, да и Бог благословит тебя за него.

Поверив его словам, Зоил взял у одного своего друга тридцать золотых и на эти деньги купил Петра у его раба, не зная, что Петр — сам господин раба того. Последний, взяв деньги за своего господина, удалился в Константинополь и, никому не сказав, что он сделал, деньги те раздал убогим. С этого времени Петр стал служить у Зоила; ему пришлось делать то, к чему он ранее не привык: то он работал на поварне, то возил навоз из дома Зоила, то копал землю в винограднике; этими и другими тяжелыми работами он в своем безмерном смирении изнурял свою плоть. Зоил же видел, что Петр низводит благословение на его дом, как некогда дом Пентефрия получил благословение из-за Иосифа; видел он, что богатство его умножилось; поэтому и возлюбил Петра, и в то же время, видя его необыкновенное смирение, чувствовал уважение к нему. Однажды он сказал ему:

— Петр, я хочу освободить тебя, будь моим братом.

Петр же не хотел свободы, но предпочитал служить в образе раба; часто можно было видеть, как другие рабы ругали его, иногда даже били и всячески оскорбляли его, он же терпеливо переносил все это, не произнося ни слова. Однажды Петр увидел во сне лучезарного Мужа, некогда явившегося ему в Африке в его одежде; он, имея теперь в руке тридцать золотых, сказал ему:

— Не скорби, брат Петр, ибо Я Сам получил деньги за тебя; потерпи до времени, пока тебя не узнают.

Спустя некоторое время из Африки пришли поклониться святым местам некоторые сребропродавцы; Зоил, господин Петра, пригласил их к себе в дом на обед. Во время обеда гости стали узнавать Петра и говорили один другому:

— Как этот человек похож на Петра мытаря.

Услышав их разговор, Петр стал скрывать от них свое лицо, чтобы они окончательно не признали его. Однако они узнали его и начали говорить хозяину того дома:

— Мы хотим сказать тебе, Зоил, нечто важное: знаешь ли ты, что в дому у тебя служит великий муж — Петр? В Африке он был весьма видным человеком, но он неожиданно освободил всех своих рабов;

князь сильно опечален и жалеет, что Петр оставил нас; поэтому мы возьмем его с собою.

Находясь за дверями, Петр слышал все слова; поставив на землю блюдо, которое он нес, он поспешил к воротам, чтобы убежать; привратник был нем и глух с самого рождения своего, так что лишь по известным знакам отворял и запирал ворота.

Святой Петр, торопясь выйти, сказал немому:

— Тебе говорю именем Господа нашего Иисуса Христа: открой мне немедленно двери.

Тогда отверзлись уста немому, и он сказал:

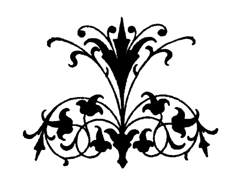
— Хорошо, господин, сейчас открою.

С этими словами он сейчас же отворил ворота, и Петр поспешно ушел. Тогда бывший немой пришел к своему господину и в присутствии всех стал говорить; все бывшие в доме удивились, когда услышали, что он говорит; тотчас все стали искать Петра, но не нашли его. Немой же сказал:

— Смотрите, не убежал ли он, знайте, что это — великий служитель Божий; когда он подошел к воротам, то сказал мне: «Во имя Господа Иисуса Христа, тебе говорю, открой ворота». И я тотчас же заметил исходящий из уст его пламень, который коснулся меня, и я стал говорить.

Все немедленно отправились по следам Петра, но не настигли его; всюду старательно искали его, но не нашли. Тогда все в доме Зоила возрыдали и говорили: «Как это мы не знали, что он такой великий служитель Божий?» И прославляли Бога, имеющего многих сокровенных рабов Своих. Петр же, убегая от человеческой славы, скрывался по тайным местам до самого своего преставления[1].

Слава Господу вовеки. Аминь.



[1] Святой скончался в VI веке в Царьграде.

День двадцать третий

СЛОВО
НА ЗАЧАТИЕ
ЧЕСТНОГО И СЛАВНОГО ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ
ИОАННА

В то время как приближалось зачатие нашего Спасителя, совершилось славным и чудесным образом зачатие святого Иоанна Предтечи. Многие матери зачинают детей, но мало таких, коих зачатие прославлялось бы и праздновалось святою Церковию. Известны только три матери, во чреве которых совершившиеся зачатия стали предметом удивления для всего мира. Это — праведная Анна, святая Елисавета и Пречистая Дева Мария. Анна праведная зачала Богородицу, Елисавета — Предтечу, а Дева Мария — Христа Спаса нашего. Все эти зачатия были возвещены Ангелом и совершились по благодати Божией, но притом не иначе, как чрез беседу между благовестником и зачинающими, ибо Сам Бог требовал и соизволения зачинающих. Поэтому благовестник, святой Архангел Гавриил, войдя в алтарь к священнику Захарии, служившему тогда пред Богом, сказал:

— Не бойся, Захария: молитва твоя услышана, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и дашь ты имя ему — Иоанн. И многие возрадуются о рождении его.

Захария отвечал:

— То, что возвещаешь ты мне, вестник радостный, — и неожиданно, и странно, ибо родить детей в старости неестественно; я же

стар, и жена моя в летах преклонных: как мы можем зачать и родить сына?

Ангел же ответствовал:

— С первых же твоих слов, Захария, я вижу, что ты маловерен; ты не веришь, что слова мои сбудутся. Правда, то, о чем я возвещаю, не свойственно твоей природе, но на это есть воля Божия, для которой нет ничего невозможного: *Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму* (Мф. 3, 9). Разве не известно тебе, что Бог мог сотворить Адама из земли, создать Еву из кости Адамовой и престарелой Сарре даровать сына Исаака? Поэтому и твоей жене Всемогущий Бог дарует в старости рождение сына; ибо услышана молитва твоя.

— Я, — сказал Захария, — ныне приношу Богу свои молитвы о пришествии вожделенного Мессии, Коего Он обещал устами святых Своих пророков; молюсь, чтобы Бог скорее послал Его на землю спасти семя Авраамово от рабства иноплеменников; молюсь Ему еще и о том, чтобы Он простил согрешения мои и грехи всего народа; а о том, чтобы иметь сына, я ныне не молюсь, ибо уже и сам достиг преклонного возраста, и жена моя состарилась.

Ангел же сказал ему:

— Я — Гавриил, предстоящий пред Богом; по откровению Божию я знаю, что ныне ты молишься не о даровании сына, а о том, о чем ты сказал мне; однако прежде, когда и ты, и супруга твоя не были еще стары, ты усердно молил Господа, чтобы Он послал вам сына. Всемилостивый Господь, от Него не может укрыться даже и малейшее движение сердца человеческого, внимает молящимся Ему и исполняет желания боящихся Его. Услышав твои прежние молитвы, Он дарует тебе сына, равноименного благодати[1]; ибо Господь ведает

[1] «Иоанн» — значит благодать.

по Своему благоволению, — когда исполнить прошения святых Своих: и вот у тебя родится сын, который велик будет пред Господом.

На это Захария отвечал:

— Вижу я теперь, благовестник, что ты — Ангел Божий, ибо и беседа твоя свидетельствует об этом, и твой вид ясно показывает это, и сила слов твоих подтверждает то. Сначала же, когда ты внезапно предстал предо мною и стал вещать, я ужаснулся, подобно тому как некогда убоялся Даниил пророк, увидев Ангела: *смотрел,* — говорил он, — *на это великое видение, но во мне не осталось крепости* (Дан. 10, 8); также и мать Самсона говорила: *Человек Божий приходил ко мне, которого вид, как вид Ангела Божия, весьма почтенный* [страшный] (Суд. 13, 6). Поэтому я и убоялся и не дерзаю возражать против твоих ангельских слов; однако спрошу, почему имеющий родиться у меня сын будет велик? Разве он будет выше и святее пророка Иеремии, к которому было слово Господне: *Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя* (Иер. 1, 5)?

Ангел же сказал:

— Велик будет пред Господом сын твой, и своим духовным величием не только будет равен пророку Иеремии, но и превзойдет его; если тот получил освящение до рождения своего, то этот еще более исполнится Духа Святого еще во чреве матери своей; Иеремия предназначался только к пророчеству о Мессии, а этот удостоится и руку возложить на Него и крестить Его. И не только Иеремию, но и прочих великих святых он превзойдет величеством благодати Божией, ибо и в наших ангельских чиноначалиях, которые всегда видят лицо Господа Саваофа, Бог не всем равно открывает тайны Своей благой воли, но чрез вышних чинов являет их низшим. Много звезд является перед восходом солнца, но одна лишь денница предшествует самому солнцу. Многие пророки проповедовали о пришествии Мессии, но отрок, рожденный тобою, не только будет проповедовать словом, но и перстом своим укажет людям Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Вот почему сын твой будет велик и больше среди всех рожденных женами. Насколько исполнение радостной вести приятнее, чем самая весть, настолько будет иметь более чести срав-

нительно с другими пророками тот пророк, который от тебя родится. До него пророчествовали все пророки и самый закон, этот же будет завершением всех пророков, концом Ветхого Завета, предтечей новой благодати.

Захария на это сказал:

— Хороша и радостна весть твоя, Ангел Господень! Если и всякий премудрый сын веселит отца, то насколько более возвеселил бы меня, старца, сын мудрейший, нежели все пророки! Но как мне радоваться, когда я сомневаюсь в словах твоих? Не бывает радости и веселия в вещах сомнительных, но только в достоверных. И так умоляю тебя, Ангел Божий, скажи мне, как могу я увериться в том, что ты мне возвещаешь?

Тогда Гавриил отвечал:

— Ты еще продолжаешь сомневаться и не веришь моим словам, Захария; неужели буду говорить ложно я, посланник Бога, Который *верен во всех словах Своих и свят во всех делах Своих* (Пс. 144, 13), так что *у Бога не останется бессильным никакое слово* (Лк. 1, 37). Ты — иерей и учитель Израилев, ужели не знаешь, что наступило время, которое я высчитал седминами, когда был послан в Вавилон к пророку Даниилу[1]? Разве вы не читали его пророчества? Рассмотри и познай, что уже приблизился Спасающий Израиля и пред лицом Его будет предшествовать Ангел во плоти — сын твой, который уготовит путь Мессии, шествуя пред Ним в духе и силе Илии. Но за то, что не поверил словам моим, ты будешь нем и не скажешь ни слова до того дня, когда это исполнится.

И тотчас немота сковала уста Захарии, а узы неплодия Елисаветы разрешились. Ангел же отошел к престолу Вседержителя, Которому слава вовеки. Аминь.

---

[1] В семидесяти седьминах, упоминаемых пророком Даниилом, насчитывается четыреста девяносто лет.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АНДРЕЯ, ИОАННА, ПЕТРА и АНТОНИНА

Эти святые мученики пострадали в то время, как Африкою владел жестокий князь Ибрагим. При взятии и разрушении сицилийского города Сиракуз[1], Ибрагим вывел оттуда в Африку Иоанна и двух его детей, Петра и Антонина. Этих двух малолетних отроков он велел обучать агарянскому языку и наукам. Когда они стали подрастать, князь Ибрагим так полюбил их за мудрость и за добродетельную жизнь, что назвал Антонина своим сродником, а Петру дал звание сакеллария[2]. Они втайне исповедовали христианскую веру, но не могли скрыть этого от князя. Узнав, что они веруют во Христа, он сильно разгневался, велел заковать их в железные колоды и бить их суковатыми палками. Долго мучители наносили удары святому Антонину; затем посадили его на осла и, привязав крепкими ремнями, возили его по городу, подвергая его ударам и осыпая всякого рода поруганиями. Святой Антонин все это терпел, благодаря Бога. Святого же Петра обнажили и долго били палками по костям и по чреву. После этого мучеников заключили в темницу. По прошествии некоторого времени, князь приказал вывести их оттуда и наложить на них тяжелые деревянные доски, так что руки их отделились от тела, а бедра и колена совершенно сокрушились; тела святых мучеников были обагрены их собственною кровью, и все кости их распались. Потом привели их отца Иоанна; князь схватил его левою рукою за шею, а правою вонзил нож в гортань его; так святой мученик испустил дух над телами детей своих. Тогда Ибрагим приказал развести большой костер и на нем сжечь тела святых страдальцев. А со святым Андреем, бывшим уже в преклонных летах, жестокий мучитель поступил так. Сначала он довольно долгое время протомил его голодом, жаждою, лишал его одежды, а затем, сев на коня и взяв копье, налетел на святого мученика и поразил его копьем в грудь. Святой Андрей громко стал воссылать хвалу Богу. Жестокий князь во второй раз налетел на святого и пронзил его между плеч. Истекая кровью, блаженный упал на землю, после чего ему отсекли мечом главу.

---

[1] Взятие Сиракуз было в 868 году.

[2] Главного дворецкого.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ИРАИДЫ

Святая дева Ираида жила в Александрии. Однажды, выйдя к источнику, чтобы почерпнуть воды, она увидела корабль, приставший к берегу; на этом корабле находилось множество девиц, мужей, иереев, диаконов и иноков; все они были заключены в оковы, ибо их за исповедание имени Иисуса Христа везли на мучение. Внезапно Ираида возгорелась великой любовью ко Господу; отбросив водонос, она добровольно присоединилась к узникам Христовым и была вместе с ними заключена в оковы. По прибытии корабля в египетский город Антинополь, святая Ираида прежде всех других претерпела жестокие истязания и была обезглавлена мечом[1], а после нее и все прочие своею кровью запечатлели свое исповедание веры в Иисуса Христа.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
ПОЛИКСЕНИИ

Святая Поликсения родом была из Испании. Она жила в I веке по Рождестве Христовом, во времена святых апостолов, и была ученицею их. От рождения и в юности Поликсения была язычницею. Вместе со старшею сестрою своею, Ксантиппою[2], бывшею супругою Прова, правителя той страны, дева Поликсения услышала о Божественном учении Христа Спасителя от святого апостола Павла, когда он проповедовал в Испании. Ксантиппа и Пров тогда же приняли христианство, а Поликсения осталась еще язычницею.

После этого Поликсению постигли несчастия. Она была необыкновенно красива; прельстясь ее красотою, один бесчестный человек насильственно похитил Поликсению и увез ее в Грецию. Но мило-

---

[1] Святая Ираида скончалась около 308 года. Вторично память ее с именем Раисы празднуется еще 5 сентября.

[2] Память преподобной Ксантиппы празднуется в тот же день.

сердный и всесильный Заступник беззащитных и невинных — Господь сохранил юную девицу невредимою и не попустил исполниться преступным замыслам нечестивого похитителя. Злой умысел нечестивца Господь обратил даже на пользу Поликсении. Плывя в Грецию, на одном из кораблей Поликсения слышала проповедь еще другого великого ученика Христова, святого апостола Петра. Благорасположенная к высокому Божественному учению Христа Спасителя, с живым доверием обратилась она, по прибытии в Грецию, к покровительству и защите христиан. Проповедовавший там в то время святой апостол Христов Филипп поручил одному благочестивому семейству скрыть Поликсению от ее преступного похитителя. С большими затруднениями и препятствиями удалось этим добродетельным христианам скрыть Поликсению в греческий город Патры, или Патрас, Ахайской области, где большинство жителей в то время было уже обращено в христианство проповедью святого апостола Андрея, первозванного ученика Христа Спасителя.

В Патрах Поликсения, уже подготовленная благовестием святых апостолов Христовых Павла, Петра и Филиппа и на самой себе испытавшая теперь деятельную благотворительность христиан, — с живою верою в Божественность учения Христа Спасителя приняла христианство и крещена была самим святым апостолом Андреем Первозванным. Тут же Поликсения была свидетельницею славных чудес, совершенных святым апостолом Андреем. Она видела, как кротко переносил этот тогда уже глубокий старец тяжкие истязания и мучения, как он претерпел крестную смерть за свое нежелание отречься от Господа Иисуса Христа и смелое заступничество за христиан.

— Уверуй сам во Христа, — говорил гневному язычнику правителю города и области святой апостол, когда тот с угрозою смерти требовал, чтобы святой Андрей отрекся от Христа, поклонился язы-

ческим богам и совершил в честь их жертвоприношение. — Я более скорблю о твоей гибели, нежели о страданиях, предстоящих мне, — продолжал святой апостол, — мои страдания продолжатся день, два, а твои мучения будут длиться вечно.

Но, не обращая внимания на кроткое увещание святого Андрея, злобный правитель присудил его сначала к жестоким истязаниям, а потом обрек его на крестную смерть и, чтобы продлить мучения возможно долее, велел не пригвоздить, но привязать его ко кресту.

Когда апостола Божия вели на место распятия, народ, среди которого была и юная Поликсения, толпился во множестве вокруг него, громогласно восклицая:

— Чем согрешил этот праведник, этот друг Божий, что его ведут на самую позорную у нас казнь, на которую осуждаются лишь злейшие преступники?

Но святой Андрей успокаивал и уговаривал народ и шел с радостию на место мучения за исповедание Христа.

Не покидали святого Андрея преданные его ученики, в числе коих была также Поликсения, и тогда, когда его распяли и повесили на кресте. Множество народа толпилось близ невинно распятого святого Андрея, негодуя на решение правителя и восклицая с возрастающим недовольством:

— Напрасно страдает этот святой муж!

Апостол же старался успокоить волнующихся и продолжал учить слову Божию.

— Люди, здесь стоящие, — говорил он, — жены и дети, старцы и молодые, рабы и свободные! Послушайте слова моего и не думайте более о суете временной жизни, но смотрите на меня, висящего на кресте ради Христа и уже готового оставить это тело. Не до́лжно страшиться смерти тем, кои подвергаются ей за истину в этом мире: они достигают блаженного успокоения. Очистите себя, не забывайте моего учения; от всего сердца уверуйте в Отца, и Сына, и Святого Духа. Храните заповеди Господа нашего Иисуса Христа и тем явите себя достойными вечного блаженства, которое уготовал Господь любящим Его!

Дни и ночи проходили таким образом. Святой старец, несмотря на тяжкие мучения, не переставал поучать народ. И эта кроткая, полная жизни и истинной любви проповедь со креста особенно

сильно подействовала на юную Поликсению. За несколько суток она пережила целую жизнь, и христианство непоколебимо утвердилось в ней.

Между тем продолжительное страдание святого Андрея до того усилило ропот и негодование народа, что толпа с криком окружила жилище правителя Егеата, требуя освобождения святого Андрея, уже третий день висевшего на кресте без пищи.

— Напрасно страдает этот кроткий, святой и мирный человек, — говорил народ. — Вот уже более двух суток, как он висит на кресте и не перестает учить нас добру и правде; его до́лжно снять!

Егеат, устрашась волнения, согласился на желание народа и сам пошел на место казни, чтобы при себе велеть снять святого Андрея со креста. Первозванный апостол, увидя его, сказал:

— Для чего пришел ты, Егеат? Если для того, чтобы исповедать веру в Господа Иисуса Христа, то несомненно получишь прощение, если же ты явился для того, чтобы отвязать меня от этого древа, то напрасно ты теперь старался бы об этом, — я уже наслаждаюсь зрением Царя небесного, уже поклоняюсь Ему, уже стою пред Ним! Но пока еще есть время, позаботься о душе своей и не готовь себе вечных мук.

По повелению правителя, воины хотели было отвязать святого Андрея от креста, но апостол, подняв очи к небу, воскликнул:

— Не допусти, Господи, чтобы меня сняли со креста, даруй мне пострадать за Тебя таким же образом, каким благоизволил пострадать Ты. Не дай поколебаться тем, кои познали и возлюбили Тебя чрез мое благовестие; сохрани их и утверди во святой Твоей вере, чтобы и они прославляли Тебя, истинного Бога; приими и меня с миром!

И действительно, тщетно исполнители казни старались приблизиться к распятому, чтобы отвязать его от креста, — невидимая сила останавливала их. Блестящий свет, более яркий, чем солнечный, совершенно окружил святого Андрея и в продолжение почти получаса скрывал его от предстоящих. Когда же этот свет исчез, оказалось, что святой апостол Андрей уже предал дух свой Богу, и только лицо его сияло небесным светом.

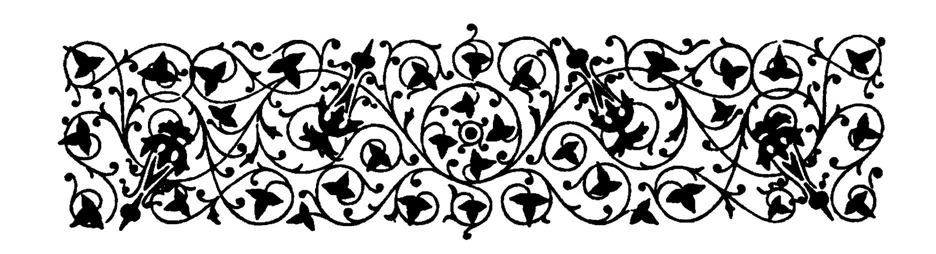
Как Воскресение Иисуса Христа сильно подвигло святых апостолов на проповедь Его Божественного учения, так и кончина святого

апостола Андрея плодотворно подействовала на святую Поликсению. Принявшая христианство от такого столпа Христовой Церкви, каким был святой апостол Андрей, упражнявшаяся и укреплявшаяся в Божественном вероучении Спасителя под его же руководством, — святая Поликсения сама восхотела проповедовать Божественное учение Христа Спасителя. И когда она узнала, что посетивший город Патры вскоре после смерти апостола Андрея святой Онисим отправляется на проповедь в Испанию, — святая Поликсения с радостию сопутствовала ему на свою родину для благовестнических трудов. Она хотела обратить ко Христу своих соплеменников, еще непросвещенных светом Евангелия.

Возвратясь в Испанию со святым Онисимом и с подругою своею Ревеккою, вместе с нею крещенною, святая Поликсения ревностно предалась деятельному распространению христианства среди своих единоплеменников. Сестра ее Ксантиппа также присоединилась к ее благовестническим трудам. Сохранилось сказание, что особенно часто они проповедовали в многолюдном городе Толедо.

И так всю остальную жизнь свою, почти сорок лет, святая Поликсения посвятила этому великому подвигу, подавая уверовавшим во Христа пример благочестивой жизни. Плодом этого благочестивого апостольского служения ее было то, что весьма многие язычники в Испании были обращены и утверждены ею в христианстве.

Около 109 года по Рождестве Христовом святая Поликсения мирно скончалась, до конца земной жизни сохранив девство.



День двадцать четвертый

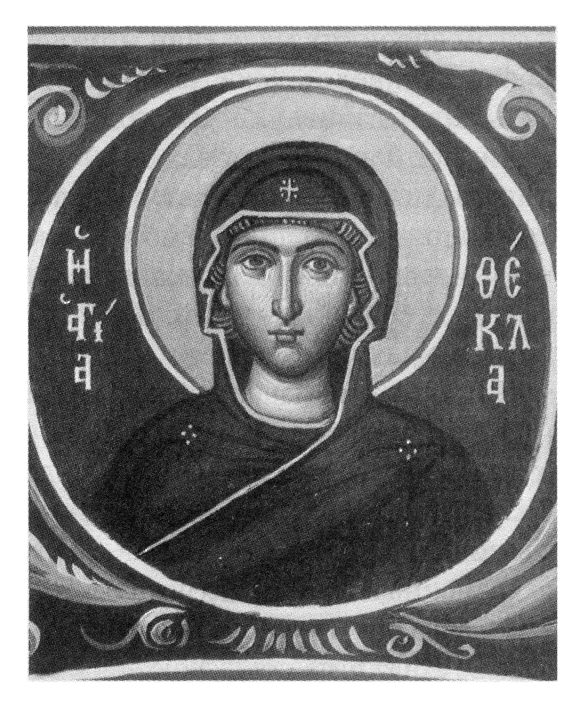
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ПЕРВОМУЧЕНИЦЫ, РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ **ФЕКЛЫ**

Святые апостолы Павел и Варнава, благовествуя миру Евангелие, пришли в Иконию[1] и поселились у Онисифора, о коем упоминает святой Павел в Послании к Тимофею, говоря: *Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих* (2 Тим. 1, 16). Проживая в доме Онисифора, они часто посещали синагогу, небоязненно проповедовали слово Божие, приводили людей ко спасительному пути и обращали к вере в Иисуса Христа. Тогда многие, внимая их учению и видя знамения и чудеса, творимые ими, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. Об этом повествуется в книге Деяний апостольских: *В Иконии они* (то есть Павел и Варнава) *вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов. А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников. Впрочем они пробыли [здесь] довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса* (Деян. 14, 1–3).

В то время в Иконии жила восемнадцатилетняя девица, прекрасная собой, по имени Фекла, дочь Феоклии, из рода знатного и слав-

---

[1] Это происходило в 45–46 году по Рождестве Христовом во время первого путешествия святого апостола Павла. Город Икония находился в Ликаонии, области Малоазийской к юго-западу от Каппадокии. О первом путешествии святого апостола Павла повествуется в книге Деяний апостольских с 13-й по 14 главу. В Иконию святой апостол прибыл из Антиохии Писидийской.



ного. Она обручена была некоему Фамиру, одному из самых знатных юношей в городе, отличавшемуся своим богатством и красотою. Видя чудеса, совершаемые апостолами, Фекла вместе с другими слушала у окна беседы их в доме Онисифора, усердно внимая всему, что они проповедовали. На добрую почву пало семя слова Божия, действием Святого Духа оно глубоко укоренилось в сердце Феклы и произросло: она уверовала в Сына Божия, возлюбила Его и прилепилась к Нему всею душою. Павел же, по внушению свыше, стал беседовать о девстве и целомудрии; он сказал между прочим, что отроковица, хранящая ради любви ко Христу свое девство, подобна Ангелам, она — невеста Христу, а Христос есть ее Жених, вводящий ее в чертог Свой небесный. Много говорил об этом святой Павел и побудил Феклу к сохранению девства, так что святая дева тогда же твердо решилась оставить жениха, презреть и все сладости мира этого и служить Христу в чистоте до самой кончины своей. Итак, мудрая дева стала невестой Жениха небесного и с пламенной любовью последовала Ему; стремясь к нетленному Жениху своему, она таяла как воск, так что на ней сбылось реченное Давидом: *Сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей* (Пс. 21, 15). Фекла была так восхищена беседой Павловой, что три дня и три ночи совсем забыла о пище и питии и о покое телесном. Как некогда Мария, *которая села у ног Иисуса* (Лк. 10, 39), помышляла об одном лишь Боге, так и Фекла питалась только словом Его, ибо в Священном Писании сказано: *Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Когда же Феоклия узнала, что ее дочь уверовала во Христа и прилежно слушает слово Божие, то пришла и с

гневом силой отвлекла ее от этого душеполезного занятия, а святых проповедников — апостолов укорила и, оскорбляя их, отторгнула дочь свою, агницу уже Христову, от стада Христова. Потом, призвав жениха ее Фамира, сказала ему:

— Или тебе нужды нет до невесты своей, что она находится в каком-то исступлении? Смотри: она прельстилась этими пришельцами — обманщиками, которые своими высокопарными речами увлекают безумных людей; вот уже три дня, как она не отходит от них, забыв о доме своем.

Тогда Фамир начал ласково и нежно говорить с Феклой; но она ни о чем не хотела говорить с ним; даже и смотреть на него она не желала, ибо в своем сердце носила иного Жениха, «краснейшаго добротой паче сынов человеческих». Взирая на Него духовными своими очами, она беседовала с Ним в уме своем, этот же тленный и временный жених внушал ей только отвращение. Фамир, видя, что Фекла его отвергает и не любит, стал очень скорбеть, а Феоклия в гневе стала бить дочь свою, таскала ее за волосы и топтала ногами; потом заперла ее одну и морила голодом. Впрочем, сама же она, побеждаемая естественною материнскою любовью, плакала о своей дочери; обняв, она стала целовать ее, со слезами умоляла, чтобы Фекла не отвергала своего жениха, красивого, богатого, благородного, всеми почитаемого, посадила ее за столом рядом с Фамиром. Фекла же, отвернувшись от него, сидела молча, смотрела вниз, ничего не вкушала, только постоянно вспоминала в глубине сердца о своем Женихе небесном. Когда же Фамир, лаская ее, хотел насильно обнять и поцеловать ее, она плюнула ему в глаза и вырвалась из его рук, как птица из сети. Тогда мать опять пришла в ярость, и снова стала бить ее, а Фамир, сильно опечаленный, пошел к князю с жалобой на апостола Павла.

— В нашем городе, — говорил Фамир, — появился один пришлец; своим волшебством он прельщает народ и, отклоняя его от почитания богов, обращает ко Христу Иисусу, распятому на кресте иудеями. Он прельстил и девицу Феклу, мою невесту; сначала она сильно любила меня, а ныне не только не хочет смотреть на меня, но даже гнушается мною как прокаженным и бегает от меня как от какого-нибудь зверя; так загасил тот волшебник в ней любовь ко мне; и не могу я понять, что он сделал с ней.

Князь призвал Павла и спросил его: откуда он и что такое сделал у них в городе? Тогда Павел отверз апостольские уста свои и по обыкновению стал поучать его слову Божию, проповедуя об Иисусе Христе. Однако князь не стал сейчас же разбирать дело, а отложил суд над Павлом до другого времени; он повелел связать Павла, посадить в темницу и держать его там до тех пор, пока явится возможность допросить его подробнее. Фекла же, услышав, что Павла из-за нее посадили в темницу, встала ночью, тайно удалилась из дому и пришла к темнице. Отыскав сторожа, охранявшего двери темницы, она сняла с себя ожерелье и другие золотые вещи и отдала их сторожу, прося его, чтобы он отворил ей двери и пропустил к Павлу.

Об этом упоминает святой Златоуст, говоря:

— Послушай о святой Фекле; та, чтобы видеть Павла, дала свое золото темничному сторожу; ты же не хочешь дать ни одной цаты[1], чтобы узреть Христа[2].

Темничный сторож исполнил ее просьбу — он обрадовался драгоценному ожерелью и золотым вещам — и ввел ее к святому Павлу. Фекла с радостными слезами пала пред ним и облобызала оковы узника Христова. Сначала Павел, увидев ее, пришел в ужас, но потом, когда узнал все, что она потерпела от матери и от жениха за свое целомудрие, он возрадовался великою радостию о мужестве юной девицы и облобызал ее в голову, благословляя ее и восхваляя ее веру и девическое целомудрие, называл ее невестою Христовою и первою своею дщерью, которую он возродил благовествованием. И Фекла сидела в темнице с Павлом как дочь с отцом своим, слушая его отеческое учение и слагая в сердце своем слова его, как многоценное сокровище; он же много поучал ее вере в Господа Иисуса Христа, наставлял в любви к Богу, убеждал хранить целомудренное девство и совершенно утвердил ее в учении Христовом, как о том пишет святой Григорий Нисский[3], говоря:

— Такое некогда миро (то есть учение), с белым крином[4] целомудрия, Павел излил в уши святой девицы; этими каплями, исходя-

---

[1] *Цата* — монета, равная десяти копейкам.

[2] Это свидетельство о Фекле находится в 25-й беседе святого Иоанна Златоустого на Деяния апостольские.

[3] В 4-й беседе на Песнь песней.

[4] *Крин* — лилия.

щими от сердечного крина, Фекла умертвила внешнего человека — все помышления суетные, и угасила вожделения.

Также и святой Епифаний[1] пишет:

— Фекла, имевшая жениха красивого, первого в городе, весьма богатого, очень чтимого и знатного, обрела Павла, который отвратил ее от обручения с этим женихом; так святая дева отказалась от всех земных благ, чтобы удостоиться небесных.

Между тем в доме Феоклии стали искать Феклу, но не находили ее. Тогда поднялся крик, плач и вопли; мать рыдала о своей дочери, Фамир — о невесте, рабы — о госпоже своей; слуги разбежались в разные стороны, разыскивали, спрашивали и на улицах, и в домах — но нигде не находили ее. Лишь спустя довольно долгое время узнали, что она находится в темнице; за ней тотчас же бросились; прибежав туда, посланные увидели, что она сидит около Павла и, как бы прикованная, с величайшим вниманием слушает его наставления; тогда ее схватили и вывели из темницы, а о всем случившемся донесли князю. Тот, воссев на судейское место, велел привести к себе Павла. Лишь только народ увидал, что его привели, закричал князю:

— Князь, человек этот — волхв, казни его!

Особенно Фамир настаивал, чтобы Павла казнили; в своей жалобе он указывал на то, что Павел отвратил от него невесту. Когда призвали Феклу, князь спросил ее:

— Почему ты гнушаешься своим женихом, столь прекрасным и благородным? Отчего ты не выходишь за него?

Она же смотрела на Павла и ничего не отвечала. Тогда Феоклия, забыв естественную любовь к дочери, изменила своему материнскому чувству и, как свирепая львица или разъяренная медведица, стала неистово кричать князю:

— Сожги эту злую рабу, достойна она такой смерти, это не дочь моя, ибо не слушает меня, матери своей; сожги ее в пример другим: пусть все городские девицы, видя это, убоятся, пусть не осмеливаются они ослушаться матерей своих и противиться им, как эта всезлобная и непокорная. Нет, это не чадо мое, не порождение утробы моей, но проклятый отродок и сухая ветвь — сожги ее!

---

[1] *Святой Епифаний* — современник святого Иоанна Златоуста; был епископом на острове Кипре в течение тридцати шести лет.

Так настойчиво требовала мать, чтобы сожжена была дочь ее, а Фамир — чтобы был казнен Павел. Князь долго допрашивал святого апостола, но не нашел в нем никакой вины, кроме проповеди Христовой, и потому не осудил его на смерть, но повелел бить его и изгнать вон из города, дабы он не мог и других девиц склонять к хранению девства. Вместе с Павлом были подвергнуты изгнанию Варнава и Онисифор с его сыновьями. Впрочем, Павел и сам стремился уйти из города, не потому только, что его преследовали князь, Фамир и Феоклия, но также и потому, что народ нападал на него и хотел его убить за проповедание слова Божия и за свидетельство об Иисусе Христе. Об этом упоминает святой Лука в Деяниях апостольских, говоря: *А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников. ...Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне апостолов. Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями, они, узнав [о сем], удалились в Ликаонские города Листру и Дервию*[1] (Деян. 14, 2, 4–6) и оттуда в Антиохию. Сначала они пробыли несколько дней недалеко от города Иконии, в одной пещере на пути в Дафну[2], желая узнать, что будет с Феклою; там они пребывали в посте и усердно молились о ней, чтобы Господь укрепил ее и проявил милость Свою на ней, как это действительно и исполнилось.

Долго князь старался заставить Феклу с прежней любовью обходиться с своим женихом, но старания его не увенчались успехом; тогда он по прошению Феоклии осудил святую деву на сожжение. Для этого принесли множество сухих дров, сена и хвороста и сложили большой костер; потом слуги взяли святую, чтобы возвести ее туда; она же не позволила вести себя, но сама поспешно шла к приготовленному костру и, сотворив крестное знамение, взошла и встала на верху костра, готовая сгореть: не страшен был ей огонь вещественный, ибо сама она горела невещественным огнем любви Божественной. Находясь на костре, она смотрела вперед и узрела в образе Павла Господа, стоящего и повелевающего ей быть твердой.

[1] *Города Листра* и *Дервия* находились в Ликаонской области в Малой Азии, недалеко от Иконии.

[2] Предместье Антиохии.

Поэтому святой Киприан так выражается в молитве: «Предстани нам якоже во узах Павлу, и во огне Фекле»[1].

Между тем подложили огонь и подожгли костер со всех сторон; но, к удивлению всех, пламя, высоко поднявшись, окружило Феклу; еще более были все поражены, когда внезапно пролил большой дождь с градом, погасивший огонь; князь и весь народ в страхе бежали в дома свои от проливного дождя и от сильного града. Фекла же сошла невредимою: огонь нимало не коснулся чистой девы. После этого она не пошла в дом своей матери и не стала медлить в Иконии, а отправилась из города искать своего отца духовного — Павла. На дороге она встретила одного ученика Павла из дома Онисифора, шедшего в город, чтобы купить хлеба; святая дева узнала его и спросила:

— Где находится Павел, апостол Иисуса Христа?

Тогда он повел Феклу в пещеру, где находился Павел вместе с другими, и, постясь, усердно молился о ней Богу. Увидев Феклу живой и здоровой, все возрадовались радостию великою и, возведя очи и простерши руки свои к небу, возблагодарили Бога, сохранившего рабу свою невредимою; затем предложили ей хлеба и сами также подкрепились пищею. Отсюда Павел с Варнавою прошли чрез Листру и Дервию, благовествуя Евангелие и исцеляя недужных; за ними последовала и Фекла до Антиохии. Когда они входили в этот город, случайно встретил их некто Александр, старейшина того города. Он был молод, проводил жизнь в сладострастии и предавался нечестивым делам, как обычно жили язычники. Увидев святую деву Феклу и поразившись ее красотою, он воспылал к ней нечистым вожделением. Думая, что Фекла — жена Павла, Александр сначала стал предлагать Павлу много золота и склонял его, чтобы он не препятствовал его злым намерениям; потом, когда узнал, что Фекла не жена Павла, а незамужняя девица, то еще большею страстью возгорелся к ней и пожелал взять ее себе в жены. Он начал уговаривать святую Феклу, чтобы она полюбила его, но та бегала от него как от льва, рыкающего и ищущего поглотить душевную ее красоту. Александр же всячески старался уловить ее. Так однажды, встретив Феклу на дороге среди большой толпы, он не мог сдержать любодейственного огня, пылавшего в его сердце: забыв всякий стыд, он на-

[1] Эти слова находятся в беседе святого Киприана о мучениках.

сильно схватил ее и бросился ей на шею; святая же дева со слезами стала умолять Александра оставить ее.

— Не принуждай меня, странницу, не принуждай меня, рабу Божию, я отказалась от жениха; могу ли согласиться на твое желание?

Говоря так, Фекла вырвалась из его рук, разорвала на нем одежду при всех и нанесла ему тем большое посрамление. Александр сильно разгневался и, узнав, что она к тому же христианка, привел ее на суд к князю. На вопрос: почему она гнушается брака — Фекла отвечала:

— Жених мой — Христос Сын Божий, с Ним я сочеталась духовным браком.

Князь стал принуждать ее, чтобы она отреклась от Христа и вышла замуж. Когда же она решительно отказалась, то князь осудил ее на съедение зверям — за две вины: за благочестие и за целомудрие — за то, что во Христа верует, и за то, что отказалась от брака, будучи молода и красива. Эта казнь была отложена до утра, а пока для охранения в ту ночь взяла ее к себе в дом одна женщина, по имени Трифена. Трифена происходила из царского рода, пользовалась большим почетом; впоследствии и она уверовала во Христа; о ней-то упоминает святой Павел в послании к Римлянам: *Приветствуйте*, — говорит он, — *Трифену и Трифосу*[1] (Рим. 16, 12).

Трифена, взяв к себе Феклу, провела всю ночь с ней в духовной беседе. Наутро собралось множество народа посмотреть на это зрелище: пришел и князь, и все начальники городские; святая Фекла была выведена как агнец на заклание и стала на месте, где должны были пожрать ее звери. Когда выпустили на нее зверей, все они стали ходить вокруг нее, но ни один не коснулся ее, ибо Бог заградил уста зверям, как некогда во рве Данииловом. Все зрители изумлялись дивному этому явлению: кровожадные звери оставили свою лютость и стали кротки, как овцы; и одни в народе прославляли Бога, исповедуемого Феклою, другие же хулили и говорили:

— Она имеет чары в своей одежде, и оттого не прикасаются к ней звери.

---

[1] Об обеих этих женах упоминается в Римских месяцесловах 10 ноября, а именно: «Память святых жен Трифены и Трифосы, живших в Иконии Ликаонской; наставляемые проповедью святого Павла и назидаемые примером святой Феклы, они много успели в христианском учении».

Также и сам князь с городскими начальниками говорил, что она волшебница и заколдовала зверей, чтобы они не могли причинить ей вреда. Поэтому они решили предать на следующий день Феклу зверям, более многочисленным и самым голодным, а пока отослали ее опять к Трифене; та очень обрадовалась, увидев, что святая дева вернулась с места казни невредимой. В то время, как Фекла до утра пребывала в доме Трифены, князь не велел давать есть зверям, дабы они, будучи голодными, скорее бросились на свою жертву. И вот, на следующее утро святая опять была отведена на место казни; вслед за ней шла и Трифена, плача о том, что такую святую деву без всякой вины предают на смерть. Феклу поставили на видном месте, и бесстыдный князь велел обнажить святую.

— В одежде ее, — говорил он, — имеются чары, вот почему и не трогают ее звери; обнажите эту волшебницу и посмотрим, будет ли она цела.

Тогда святую деву обнажили и поставили так, что народ мог ее видеть; только один стыд был ее покровом, и она повторяла слова пророка Давида: *студ лица моего покры́ мя* (слав. Пс. 43, 16). На нее были выпущены голодные разъяренные звери, львы и медведи; выйдя из своих затворов и увидев девицу, стоящую без одежды, они преклонили головы свои до земли, опустили глаза вниз и, как бы стыдясь девической наготы, отступили от нее. Дивное зрелище! Звери чувствовали стыд: они отвращали свои глаза от девической наготы, а люди бесстыдно смотрели на нее! И так бессловесные животные являлись обличителями и судьями людям на этом зрелище: будучи кровожадными по природе, звери приняли на себя нрав целомудренного человека, люди же, будучи разумными, уподобились диким зверям. Но чего они тем достигли? Обнажив на глазах всех целомудренную деву, они хотели обесчестить ее, но только увеличили тем ее честь. Хорошо говорит святой Златоуст, воспоминая об обнажении двух жен — Пентефриевой жены в спальне и Феклы в присутствии всего народа: «Какую получила пользу сладострастная жена Египетская, что обнажилась в спальне? Какой получила вред первомученица Фекла, что ее обнажили на глазах множества народа? Фекла, будучи обнажена, не согрешила так, как согрешила египтянка, и не исполнилась бесчестия, но была возвеличена как святая;

нагота ее в присутствии многих увенчана, а нагота той и в затворенной спальне посрамлена»[1].

Когда святая Фекла стояла обнаженной на том месте, одна из львиц, подойдя, легла перед нею и лизала ноги ее, как бы воздавая честь ее девственному целомудрию. Об этом упоминает святой Амвросий[2], говоря: «Можно было видеть зверя, который распростерся на земле и лизал ноги святой; тем он безмолвно свидетельствовал, что не может причинить вреда девственному телу; поклонился зверь той, которую дали ему на растерзание, и, забыв естественные свои свойства, воспринял нрав, который люди утратили».

Между тем народ, видя, что звери не осмеливаются коснуться святой девы, стал восклицать громким голосом:

— Велик Бог, исповедуемый Феклой.

Мучитель же, не познав силы Божией, захотел иным способом погубить Феклу: он приказал вырыть глубокую яму, наполнить ее различными гадами, змеями и ехиднами и бросить туда святую. Но Тот, Кто некогда заградил пасть львов, и теперь притупил жала змей, укротил их ярости и уничтожил их яд: святая вышла из ямы невредимою, так что все изумлялись такому чуду. Долго злой мучитель не знал, что бы еще предпринять; наконец он велел привести двух сильных быков, привязать Феклу между ними за ноги и разожженными палками колоть быков, дабы они, разбежавшись в разные стороны, растерзали ее. Но и после этого святая осталась цела, ибо когда ее крепкими веревками привязали к быкам и начали колоть быков раскаленным железом, то веревки как паутина разорвались, быки убежали, а святая осталась на том же месте, не испытав никакого вреда. Тогда уже и сам князь, удивляясь случившемуся, признал в девице силу Божию и, позвав Феклу, спросил ее:

— Кто ты? И какую силу ты имеешь: ничто не может вредить тебе?

Она же отвечала:

— Я раба Бога Живого!

---

[1] Эти слова Златоуста заключаются в беседе о слепорожденном.

[2] *Святой епископ Медиоланский Амвросий* известен победоносной борьбой с арианами и заботами о благе своей паствы. Он скончался в 397 году. Память его — 7 декабря. — О святой Фекле упоминается в его 2-й книге о девстве.

И больше ничего не говорила. Князь, убоявшись Бога, хранящего Феклу от всякого вреда, повелел с честию облечь ее в одежду и отпустил ее, постановив такой приговор: «Феклу, рабу Божию, отпускаю на свободу».

Святая пошла в дом Трифены, и велика была радость во всем доме Трифены об освобождении Феклы. Пребывая здесь некоторое время, Фекла проповедовала слово Божие и многих научила вере во Христа. Она сильно желала видеть Павла, своего отца и учителя, и, отыскав его, хотела последовать за ним, но он не позволил ей, сказав:

— Никто не идет на борьбу с невестой.

Тогда она, приняв благословение от апостола, пошла в Селевкию[1] и поселилась в пустыне на одной горе близ Селевкии; подвизаясь там в посте, молитве и богомыслии, она творила много чудес и исцеляла всякие болезни. Жители окрестных мест, узнав об этом, приходили к ней и приносили своих больных, коих святая Фекла научала вере в Господа нашего Иисуса Христа и исцеляла. Однажды мимо того места, где жила святая, из Селевкии ехал верхом языческий жрец. Увидев Феклу, собиравшую в то время травы на пищу себе, он прельстился ее красотою и возгорелся нечистым желанием: ударив коня, он устремился к ней, чтобы исполнить свое злое намерение. Святая же, укрепляемая силою Божиею, схватила его, повергла вниз и так сильно ударила его о землю, что он три дня лежал нем и недвижим. Проходившие мимо, видя, что жрец лежит как мертвый, недоумевали, что с ним сделалось. На третий день стало известно об этом и в городе; тогда множество народа пришло оттуда посмотреть на случившееся с ним и взять его домой. Жрец, как только пришел в себя, тотчас встал на ноги и сказал:

— Я видел некую богиню и от нее потерпел это.

Лишь с большим трудом, сильно страдая от боли, мог он дойти до своего дома. Призвав живописца, он велел ему изобразить на доске восемнадцатилетнюю девицу. Когда тот начал писать, то, по устроению Божию, ему удалось очень хорошо изобразить подобие святой Феклы: изображение было чрезвычайно живо; окончив свою работу, тот человек принес икону к жрецу; последний, видя столь верное изображение, сказал:

---

[1] *Селевкия* — приморский город в Сирии, на берегу Средиземного моря.

— Такую именно я видел девицу!

Приняв икону, он облобызал ее и тотчас совершенно выздоровел, а это изображение святой Феклы и после хранил честно в своем доме; потом он по проповеди святой девы уверовал во Христа со всем своим семейством. Равноапостольная Фекла долгое время жила в той местности, многих наставила на путь спасения, многим помогала в несчастиях и много недугов уврачевала. Врачи и волшебники в Селевкии видели, что всякий заболевший каким-либо недугом идет не к ним, а прямо к Фекле, так что хитрым уловкам их пришел конец. Лишившись своих выгод, они обеднели; поэтому они очень опечалились и стали негодовать на добрую целительницу Феклу, которая безмездно исцеляла всех приходивших к ней. Движимые завистию и гневом, они замыслили научить неких порочных юношей, чтобы они насильно ее обесчестили; ненавистники так говорили между собою:

— Чиста девица Фекла, и поэтому угодна великой богине Артемиде; богиня слушает прошения ее и подает ей силу к врачеванию недужных. А если она будет осквернена, то отступится от нее Артемида; отнимется у нее целебная сила, и тогда опять врачебное искусство наше возвысится.

Раздумывая так, они постарались отыскать бесстыдных юношей для такого гнусного дела и, напоив вином, упросили их идти и обесчестить Феклу. При этом дали им много денег и обещали дать еще более, если они исполнят их просьбу. Безумные и неверующие, они не знали, что Фекла не Артемидиною силою, но благодатию Христовою исцеляет всякий недуг и всякую болезнь!

Развратные юноши, упившись вином, послушались врачей и чародеев; они поспешно направились к Фекле, разжигаемые похотью и полные скверных мыслей и злого намерения.

Увидя их, Фекла спросила:

— Чада! Что вам нужно?

Они стали говорить ей в ответ срамные слова. Услышав это и уразумев их злое намерение, святая Фекла убежала от них; та, которая некогда не устрашилась диких зверей, обратилась в бегство от бесстыдных людей. Они погнались за Феклою и преследовали ее, как волки овцу; когда они уже настигали ее, она помолилась Богу, чтобы Он избавил ее от рук беззаконников. Тотчас бывшая на том

месте каменная гора Божиим повелением расступилась, приняла святую в свои недра и защитила девство ее. Эта гора сделалась гробом честного тела ее: там она предала душу свою в руки Божии. Всех лет жизни ее было девяносто. Ныне она в нескончаемой жизни прославляет Жизнодавца Христа Бога, со Отцом и Святым духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
КОПРИЯ

Святой Коприй родился на гноище[1] близ стен обители преподобного Феодосия Великого, начальника общежития. Мать его бежала от преследования агарян со многими другими, чтобы искать себе защиты у стен обители преподобного. Когда агаряне удалились, монахи вышли из монастыря и нашли на гноище новорожденного младенца. По приказанию своего игумена, великого Феодосия, они взяли младенца и нарекли ему имя Коприй. Ребенок питался козьим молоком. Для этого иноки нарочно выбрали из стада особую козу. Всякий раз, как младенец просил пищи, коза эта сама отделялась от стада овец, среди коих она паслась, сходила с горы и, накормив младенца, опять возвращалась в стадо. Так делала она до тех пор, пока младенец не стал принимать твердой пищи. Когда юный Коприй достиг совершеннолетия, его особенно полюбил преподобный Феодосий Великий. За свою благочестивую жизнь он вскоре соделался жилищем Святого Духа; даже дикие звери слушались его. Так однажды он увидел в монастырском саду медведя, пожиравшего огородные овощи; святой взял зверя за ухо и вывел вон из сада, запретив ему более входить туда. В другой раз он поднимался на гору вместе с ослом, чтобы привезти в обитель дров. В то время, как он начал собирать дрова, на осла напал медведь и поранил ему бедро. Тогда святой Коприй возложил на медведя дрова и сказал ему:

— Ты теперь должен работать до тех пор, пока осел выздоровеет.

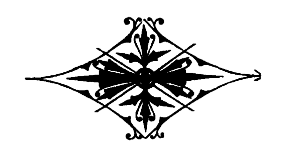
[1] Имя *Коприй* — греческое от κοπρῶν — гноище, навозная куча.

Медведь послушался его и носил дрова и воду, пока осел выздоровел; тогда только преподобный простил зверя.

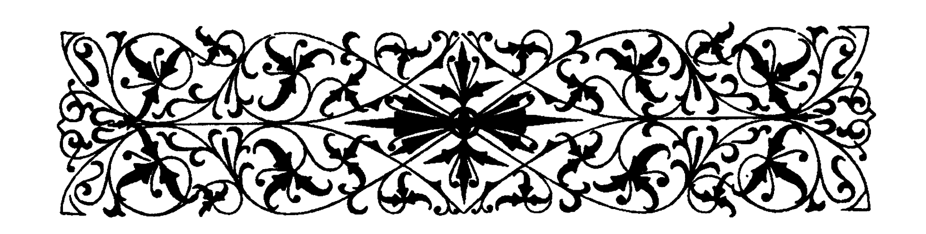
Некоторое время святой Коприй служил в монастырской поварне: однажды кушанье в котле стало кипеть и выходить через край. Не найдя вблизи ложки, преподобный начал снимать пену обнаженною рукою, затем рукою же помешал кушанье в котле и тем прекратил кипение, а сам остался совершенно невредим. Преподобный достиг девяностолетнего возраста и сиял среди иноков как солнце. Он удостоился получить священный сан и был украшен всякими добродетелями; часто, удаляясь в уединенное место, он усердно молился Богу. Преподобный Феодосий Великий, уже в то время скончавшийся, являлся иногда ему и, став рядом, пел молитвы вместе с ним. Явившись ему в последний раз, он сказал ему:

— Вот, Коприй, настала пора оставить тебе временную жизнь; приди к нам в уготованное для тебя место упокоения.

Вскоре после этого видения дивный угодник, поболев малое время и простившись с подвижниками, преставился ко Господу[1].



[1] Святой Коприй скончался около 530 года.



Житие
преподобного отца нашего
Никандра Псковского

Во дни великого князя Московского Василия Иоанновича[1] в селе Виделебье, Псковской области, жил человек по имени Филипп. Он вел богоугодную жизнь; благочестива была и супруга его Анастасия; старший сын их Арсений, постоянно видя пред собой добрый пример своих родителей, оставил мирскую суету и принял монашеское пострижение. В сей благочестивой семье и родился преподобный Никандр Пустынножитель, в мире Никон.

Никон родился в 1507 году, и с самого раннего возраста благодать Божия почивала на нем; еще в молодых годах он просил родителей своих отдать его в научение Божественному Писанию. Часто посещая церковь во имя великого угодника Божия Николая, архиепископа Мирликийского, слыша о чудесах этого славного подвижника, отрок Никон с юных лет возгорелся желанием последовать Христу; сильно также нравилась ему тихая иноческая жизнь его брата Арсения, посвященная труду и молитве; пример недавно преставившихся и просиявших своими подвигами и чудесами преподобных псковских Саввы и Евфросина[2] укреплял юношу в его намерении; Никон

---

[1] *Князь Василий Иоаннович* (1505–1533 гг.).

[2] *Преподобный Савва*, основатель Крыпецкого Иоанно-Богословского монастыря в двадцати верстах от Пскова, преставился в 1495 году; память его — 28 августа; преподобный Евфросин Псковский преставился в 1481 году; мощи его почивают в основанном им Спасо-Великопустынском Елеазаровом монастыре в Псковской губернии на реке Толбе в тридцати верстах от Пскова; память преподобного Евфросина — 15 мая.

хотел поклониться нетленным мощам этих угодников Божиих и побывать в тех местах около Пскова, где они подвизались. Святой отрок часто и горячо молился Создателю, чтобы Он избавил его от пагубной мирской суеты и сделал достойным Своего вечного царствия; не любил Никон ни игр, свойственных его юному возрасту, ни красивых одежд, не принимал участия в праздных беседах, носил всегда простую одежду, любил нищету духовную и чистоту сердечную, постоянно вел он брань с врагом рода человеческого, предуготовляя себя таким образом к будущим, еще большим духовным подвигам. Между тем волею Божиею отец его скончался. Семнадцатилетний юноша, горя сильным желанием послужить Господу, со слезами и смирением убедил мать свою частью раздать имение неимущим, частью пожертвовать в церкви Божии и оставить этот суетный мир. Придя в один женский монастырь, Анастасия приняла там пострижение и вскоре отошла в вечную жизнь, где добродетельным и благочестивым от века предопределено получить венец неувядаемый. Тогда Никон отправился в город Псков, посетил все церкви и монастыри, там бывшие, обошел также окрестные обители и наконец достиг тех мест, кои были ознаменованы подвигами святых Евфросина и Саввы; весьма радовался благочестивый юноша тому, что Господь привел его поклониться мощам этих угодников Своих, — чего он уже давно желал, и еще более укрепился духом на предстоящий ему подвиг. Лишь о том сильно скорбел Никон, что не вполне хорошо был научен Божественному

Писанию; поэтому юный подвижник горячо молил Господа и Учителя всех, чтобы Он просветил мысленные его очи. И вот, наставляемый Духом Святым, он опять отправился в Псков; здесь встретил Никона один благочестивый муж, по имени Филипп, и принял его в свой дом для работы. Видя великое желание Никона разуметь Священное Писание, Филипп отдал его в учение к некоему диакону, славившемуся своими знаниями и мудростью. Часто и усердно молился святой, говоря:

— Настави меня, Господи, правдою Твоею и вразуми меня научаться словам Твоим.

И Человеколюбец Бог услыхал горячее моление смиренного раба Своего: Он открыл Никону ведение Божественного Писания, излил на него благодать Свою, даровал ему дух разума, так что все дивились тому, как скоро и как хорошо Никон изучил Писание.

Как огонь очищает золото, так и несчастия очищают и еще более возвышают человека. Древний завистник рода человеческого диавол, не терпя благочестивой жизни преподобного, воздвиг на него некоторых злых людей, но святой Никон, по заповеди Христовой, переносил все нападки с молитвой и благодарением и своим смирением победил восставших на него.

Однажды, молясь в церкви, преподобный услышал евангельские слова: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 28–30). Эти слова поразили Никона, и он решил скорее привести в исполнение свое заветное желание. Давно слышал он об одном каком-то пустынном, удаленном от сел и деревень месте, между Псковом и Порховом[1], среди диких лесов и непроходимых болот; но не знал Никон человека, который бы мог точно указать ему то место; желая постоянно исполнить на деле слова, сказанные Духом Святым чрез праведного пророка и царя Давида: *Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури* (Пс. 54, 8–9), смиренный подвижник усердно молил Господа, говоря:

— Господи и Владыко живота моего, Иисусе Христе, Сыне Божий, услыши молитву мою, удостой меня видеть пустыню, пошли

[1] Ныне уездный город Псковской губернии.

мне мужа, который бы наставил меня на путь спасения и указал бы мне то уединенное место.

Молитва святого была услышана, и, по внушению Духа Святого, из Пскова он отправился в свое родное село Виделебье. Здесь Никон узнал, что одному человеку, по имени Феодору, известно то место. Придя к Феодору, преподобный стал просить его:

— С юного возраста слышал я о пустынном месте, но не было человека, кто бы указал мне его. Тебе известно место это; ради великого имени Божия, укажи мне его; за это и сам ты получишь награду от Господа и моей грешной душе будешь наставником.

Видя такое сильное желание Никона, благочестивый муж Феодор тайно от других отвел его в пустыню. Построив небольшую хижину, оба они поселились здесь и стали подвизаться в трудах и молитвах. Спустя некоторое время преподобный возвратился в Псков, чтобы, по обычаю своему, выслушать Божественную литургию в церкви святого и славного Богоявления; в этом храме был глас к Никону из алтаря:

— Никон, Никон, раб Мой, иди в пустыню, указанную тебе благочестивым мужем Феодором, и там обретешь себе покой; процветет чрез тебя пустыня та, и многие спасутся там; приходящие туда получат благодать и будут прославлять имя Мое.

Преподобный тотчас же в духовной радости вышел из храма и отправился в место, указанное ему Самим Господом. На пути Никону встретился блаженный Николай Псковский[1]; он предрек, что в пустыне ожидают подвижника разные искушения от бесов и нападки со стороны злых людей; но ничто не могло удержать Никона; с ликованием, подобно воину, идущему на бой, преподобный возвратился в свою пустыню и подвизался здесь пятнадцать лет в трудах, молитве, пощении, чтении Божественного Писания, постоянном бдении, много терпел от бесов и злых людей.

Между тем слух о его подвигах стал распространяться, и окрестные жители стали стекаться к нему. Смиренному подвижнику было это тяжело: не от людей, но от Бога ожидал он себе награды, слава земная была ему в тягость. Итак, со слезами и с великой скорбью, не желая покидать этого места, но в то же время убегая от людского прославления, святой отправился снова в Псков. Здесь его принял к

---

[1] *Блаженный Николай Псковский* преставился 28 февраля 1576 года.

себе в дом тот Филипп, у коего преподобный жил во время своего учения; узнав, что Никон твердо решился посвятить себя Богу, он отвел блаженного в монастырь святого Иоанна Богослова, где почивали мощи основателя этой обители преподобного Саввы Крыпецкого. Узрев образ этого подвижника Божия и припав к раке его мощей, Никон так стал молиться:

— Преподобный угодник Божий, Савва, помолись Владыке Христу, да сподобит Он меня, грешного и недостойного раба Своего, идти тем путем, по коему шествовал ты, да поможет Он мне на этом поприще и да будет Он моим заступником.

После этого Никон со смирением и слезами стал умолять игумена этой обители, чтобы он принял его в число братии. Игумен же удерживал его, говоря:

— Монастырь наш беден, да и сам ты здоровьем не крепок, не возлагай же на себя такого тяжелого бремени. Ты можешь жить с нами, но не торопись принимать пострижения иноческого.

Но Никон молил только об одном — исполнить его просьбу. Тогда игумен, видя такое рвение святого, такое неудержимое желание принять иночество, должен был, наконец, уступить великим просьбам святого: он приказал одному из священноиноков постричь Никона, причем ему наречено было имя Никандр.

Тогда преподобный с новой силой устремился на подвиги, все более и более преуспевал он в добродетелях, сторицей принося плод Господу. Горя любовью ко Христу, он совсем отказался от своей воли, всего себя предал Богу и стал благоприятным храмом Всесвятого Духа; постоянно укреплял он себя такими благочестивыми размышлениями: «Пшеничному полю подобно иноческое житие, оно требует частого дождя слезного великого трудолюбия. Если хочешь принести обильный плод, а не терние, то трезвись умом и трудись. Старайся быть доброй землей, а не каменистой почвой, чтобы всеянное свыше в сердце твое могло принести плоды, чтобы не иссыхало оно от зноя уныния и небрежения». Питая такими спасительными размышлениями свою душу и доставляя ей духовное услаждение молитвами, преподобный Никандр старался изнурить свою плоть; памятуя всегда слова Давида: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (слав. Пс. 24, 18), преподобный никогда не

оставлял работы телесной. Братия и игумен удивлялись житию и подвигам святого и прославляли Бога, посылающего таких подвижников. Оба вышеупомянутые мужа Филипп и Феодор последовали примеру святого и приняли пострижение в той же обители; первый наречен был Филаретом, а второй — Феодосием; спустя некоторое время оба они с миром отошли в жизнь вечную.

Между тем преподобный Никандр, заметив, что его подвижническая жизнь вызывает в братии удивление, стал тяготиться жизнью среди иноков: тяжела была ему слава человеческая. Убегая от похвал братии и тоскуя о прежней своей отшельнической жизни, он отправился в свою пустыню и прожил там еще целых пятнадцать лет; часто питался он одним только былием, именуемым «уж»[1], непрестанно молился и трудился и всячески заботился о спасении души своей. Самая жизнь его нередко подвергалась опасности. Так, однажды злые люди, по внушению диавола, напали на убогую хижину святого, похитили скудные пожитки отшельника, отняли у него и последнее его утешение — святые иконы и книги, а самого его сильно ранили в ребра копьем и оставили еле живым. С Божией помощью, святой поднялся и стал так молиться:

— Господи Боже мой Иисусе Христе, сила и крепость уповающих на Тебя! Ты, Безгрешный, принял вольное страдание от иудеев ради нашего спасения; я же, недостойный раб Твой, потерпел все это вполне справедливо за бесчисленные грехи мои. Благодарю Тебя за все и со слезами и умиленным сердцем молюсь Тебе о людях этих: прости им, не ведают они, что творят, не они виновны, но враг, сеятель всякого зла, побудил их на такое дело; не попусти, Господи, погибнуть им из-за меня грешного: в неведении они сделали это.

Скорый на помощь Господь даровал чудесным образом смиренному рабу Своему исцеление, но и разбойники были наказаны. На расстоянии полутора верст от келии святого находилось озеро Демьяново, куда впадает река Демьянка; Божием попущением, на берегах этого озера разбойники сбились с пути; три дня они блуждали, тщетно стараясь найти дорогу и сильно страдая от голода. Двое из них раскаялись в своем прегрешении и стали говорить своим товарищам:

---

[1] *Уж*, или *ужевник*, — дикая горчица, другое название этого растения — брылена.

— Потому мы и не можем отыскать дороги, что сотворили зло: похитили вещи святого и нанесли ему тяжелые раны.

Двое же остальных впали в совершенное отчаяние и стали говорить:

— И себя-то самого он не мог защитить.

Но Всевидящий Бог услышал эти слова и наказал поносивших святого мужа; переходя реку Демьянку, они сорвались с помоста и утонули. Видя то, оставшиеся двое были устрашены и стали молиться Господу, чтобы Он простил их согрешение. Молитва их была услышана, и они скоро отыскали дорогу к хижине Никандра. Возвратив преподобному все взятое, они с горьким плачем и рыданием, бросившись ниц пред святым, просили его простить их и помолиться о них Господу. С отеческою любовью принял раскаявшихся преподобный Никандр, простил, накормил и молил их оставить свой злой помысл, указывая, что враг человеческий внушает им идти по этому гибельному пути, и с миром отпустил их. Благополучно вернувшись к себе, они всем рассказывали о бывшем с ними, при этом прославляли милосердного Бога и Его угодника преподобного Никандра. С того времени слава о святом еще более возросла; многие стали приходить к преподобному, принося ему пищу и прося у него благословения.

Много лет провел Никандр в пустыне, много трудов перенес он там, но по-прежнему тяжела и невыносима была ему земная слава, страшившая его более всего. Не столько боялся он разбойников, сколько хвалы людской. Поэтому преподобный снова оставил пустыню и отправился в Крыпецкий монастырь, где принял монашество. Прибыв в обитель, святой продолжал свою подвижническую жизнь; питался он только сухим хлебом, утолял жажду простою водою, не вкушал ни вина, ни рыбы, лишь только в субботу и воскресенье позволял себе немного вареной пищи, но и той часто не было; смиренный подвижник превосходил всех в обители своей добродетельной подвижнической жизнью, он всегда готов был всем служить, носил воду и рубил в лесу дрова, ночи проводил в постоянном бдении, часто в ночное время выходил в лес и, обнажив свое тело, давал жалить его комарам и оводам, так что оно покрывалось струями крови; при этом сам он неподвижно сидел, прядя шерсть и воспевая псалмы Давида. При наступлении же утра преподобный

возвращался в монастырь, первым спешил в церковь, где выстаивал всю службу, не сходя со своего места, и последним выходил из храма. Братия, дивясь его подвигам, поставила его в пономари. На святого было возложено трудное и тяжелое послушание печь просфоры, но преподобный Никандр с радостью стал исполнять эту работу, говоря:

— Если Господь наш Иисус Христос назвал Своим Телом хлеб, приготовленный для Тайной вечери, то мне следует радоваться, что Бог сподобил меня приготовлять такие хлебы, на коих совершается великая и страшная тайна: дивным и непостижимым образом они прелагаются в святое Тело Христово.

И подвижник Божий продолжал неустанно трудиться; братия, видя его возрастающее рвение и полюбив его за смирение и кротость, просила игумена сделать Никандра келарем[1]. Игумен исполнил просьбу иноков и поставил преподобного на келарство; святой муж при этом возвышении не изменил своей прежней жизни, но исполнял новую обязанность со смиренномудрием и усердием, как бы дело, порученное ему Самим Господом; не превозносился он данной ему властью, но всегда помнил слова Писания: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою* (Мф. 20, 26). Но недолго святой Никандр был келарем: он боялся причинить кому-нибудь обиду в новой своей должности; к тому же он стремился к прежней отшельнической жизни, поэтому и решился снова покинуть обитель. Выйдя из монастыря, он поселился на одном острове, находящемся в четырех верстах от обители; здесь святой опять предался обычным своим трудам и в них провел три с половиною года. Слава о подвижнической жизни отшельника стала привлекать к нему многих людей, чем опять стал тяготиться Никандр. Между тем враг и завистник людей диавол, отец лжи и неправды, внушил игумену Крыпецкого монастыря мысль, что, привлекая к себе народ, Никандр уменьшает доходы монастыря. Поэтому он просил преподобного переселиться в какое-либо другое место. С величайшим смирением исполнил святой желание игумена, несправедливо обвинившего его: он снова отправился в пустыню, указанную ему прежде Духом Святым.

---

[1] *Келарь* (от греческого κελλάριος) обязан был хранить монастырские припасы.

Во время своего путешествия преподобный Никандр прибыл в одно село — Локоты; день уже клонился к вечеру, и святой зашел переночевать к одному поселянину, а у последнего в то время происходил пир. Это как раз случилось в понедельник сырной недели, когда святой, по своему обычаю, соблюдал пост. Крестьянин стал предлагать Никандру пищу, но блаженный отказался принять ее. Враг же спасения человеческого задумал поругаться святому: незадолго до пришествия святого в селение он внушил некоторым злым людям мысль разграбить дом одного из крестьян того селения; так они и сделали: напали на его дом, разграбили и сожгли его. Поэтому и крестьянин, принявший святого, обидевшись отказом преподобного, стал говорить:

— Вероятно, и ты один из тех людей, что сожгли дом моего соседа; и мне — полагаю я — задумал ты сделать что-нибудь подобное, так как не хочешь прикоснуться к моей пище.

Об этом он рассказал своим соседям; те, собравшись, стали немилосердно бить дрекольем святого по всему телу и по голове. Христос же Спаситель наш не попустил долго мучиться святому и погибнуть от навета бесовского, но скоро по молитвам Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии избавил его от муки: стенания святого Никандра и крики бивших его были услышаны проходящими мимо людьми; придя, они стали говорить:

— Этот старец не причинил вам никакого зла; что делаете, безумцы, неповинного человека хотите предать смерти?

Те люди устыдились и стали молить святого, чтобы он простил их; также предложили ему пищу, какую ему было угодно; но святой отказался вкусить и стал так молиться за мучивших его:

— Господи Иисусе Христе Сыне Божий, не вмени им этого во грех: не ведают они, что творят.

Лишь утром на следующий день Никандр вкусил немного хлеба и со смирением, простив от всего сердца поселян, причинивших ему в неведении побои, отправился в путь. Однажды во время своего дальнейшего путешествия святой, утомившись, прилег и стал забываться в дремоте; вдруг видит он, что на него готовы броситься два огромных и сильных волка. Встав, святой осенил себя крестным знамением и, ударив своим посохом по земле, сказал:

— *Удалитесь от меня все, делающие беззаконие* (Пс. 6, 9).

И звери тотчас же исчезли. Прибыв в свою пустыню, святой снова предался подвигам, целых пятнадцать лет прожил он там, много напастей испытал от бесов и злых людей, но одолел и победил коварство их непрестанными молитвами и слезными рыданиями о грехах своих, как светлым бисером украшая подвигами душу свою, и всегда назидал себя душеполезными размышлениями.

Велики благодеяния Творца всех Бога нашего! Он не только прославил своего угодника на небесах после его преставления, но еще и при жизни ниспослал ему дар прозорливости, как это видно из следующего. Некий человек, по имени Петр, по прозванию Есюков, живший в двенадцати верстах от хижины святого, сильно скорбел, что нет у него детей. И вот однажды подбежал лось к самому двору Петра. Это произошло не случайно, но Божиим изволением, ибо в Евангелии сказано: *Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 14). Так и преподобного Никандра милосердный Господь указал посредством лося. Сев на коня, Петр вместе с своими людьми погнался за зверем; спутники его мало-помалу стали отставать от него, так что наконец он остался один; долго Петр преследовал зверя, старавшегося укрыться в лесу; заехав в глухую, непроходимую дебрь, Петр потерял из вида лося; в это самое время он заметил небольшую хижину; думая, что здесь кто-нибудь живет, Петр постучался в дверь со словами:

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Но ответа не было; лишь только после третьего раза (таков был обычай у святого) дверь отворилась, и Никандр встретил Петра, ранее никогда не видевшего преподобного, со словами:

— Сын мой, Петр, ступай к дубу, где устроено помещение для приходящих, я сейчас приду туда.

Придя в указанное место, Петр вскоре увидел, что к нему приближается благообразный старец, он поклонился ему и просил у него благословения.

— Благословение Господне да будет над тобою и над супругой твоей, — отвечал старец.

Петр же подумал:

— Поистине благодать Божия обитает в этом человеке, поистине исполнен он Духа Святого, ибо, ни разу не видя меня, он знает и мое имя, и то, что я женат.

Поклонившись земно старцу, Петр спросил, как зовут его и сколько времени живет он в пустыне.

— Грешный Никандр — мое имя, а о летах моего пребывания здесь — ты не спрашивай: об этом знает один только Бог, — смиренно ответствовал старец.

Тогда Петр, упав пред святым на колена, стал горько жаловаться на свое несчастье:

— Вот уже я стар, а нет сына у меня.

На это преподобный Никандр отвечал:

— Встань, чадо, и возвратись в дом свой: по молитвам Пресвятой Богородицы родится у вас сын.

И действительно, предсказание святого исполнилось. С тех пор Петр стал часто приходить к преподобному и насыщался его душеполезными наставлениями.

Однажды угодник Божий сказал ему:

— По отшествии моем в жизнь вечную это пустынное место будет вознесено и прославлено; над гробом, где будет положено грешное тело мое, воздвигнута будет церковь в честь славного Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

В другой раз к Никандру пришел некий муж, по имени Симеон, желая получить от святого благословение и наставление. Преподобный же, прозрев, что Симеону скоро предстоит кончина, сказал:

— Чадо Симеон, время жизни твоей сокращается, — и, подав ему ножницы, продолжал: — ступай в монастырь, какой укажет тебе Господь, и восприми иноческий образ, ибо приближается конец жизни твоей.

Услышав то, Симеон отправился в один из монастырей, принял там пострижение и вскоре, причастившись Христовых Тайн, с миром отошел в жизнь вечную.

Между тем люди, услышав о подвижнической жизни преподобного Никандра, стали все чаще и чаще приходить к нему; когда они

тихо подходили к его келии, то слышали, как молится святой, как часто кладет он земные поклоны. Лишь только святой замечал их приход, он делал вид, что спит. Когда приходящий стучался к нему в двери со словами: «Благослови, отче», — Никандр молчал; не отвечал он и на второй раз; лишь только после третьего раза, как будто встав от сна, святой ответствовал:

— Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо.

В таких подвигах проводил святой все дни и ночи; никогда не ложился блаженный спать, но если его одолевал сон, то он сидя забывался дремотой, и то лишь на короткое время, а потом опять начинал молиться; свое пренебрежение к плоти Никандр простер до того, что умывал водой только руки и лицо; питался он, по большей части, растениями; когда же благочестивые люди приносили ему хлеб, то преподобный принимал приношение с благодарением; затем давал хлебу высохнуть и в таком виде вкушал его на заходе солнца; жажду он утолял водой; хотя он и вел столь суровую жизнь, однако никогда нельзя было видеть лицо его хмурым, но всегда оно светилось радостью и спокойствием; в течение всей великой Четыредесятницы святой вкушал только раз в неделю, а в Великий пяток он шел в Демьянский монастырь; приобщившись там страшных и животворящих Тайн Христовых, он снова уходил к себе в пустыню, считая себя недостойным быть в числе братии этой обители. Одному лишь Богу ведомы труды и подвиги, какие святой Никандр перенес в пустыне. Часто злые духи являлись смущать преподобного и даже наносили ему раны, как то было и со святым Антонием Египетским[1]. Подкрепляя подвижника Своего, Господь послал ему в видении преподобного Александра Свирского[2]; этот угодник Божий ободрил Никандра на брань с невидимыми врагами. В Евангелии сказано, что род этот ничем не изгоняется, как только молитвой и постом, — этим оружием и преподобный Никандр одержал победу над князем тьмы. Но долго пришлось ему бороться с ду́хами злобы: всякий раз как Никандр хотел отдохнуть от своих трудов, вокруг его келии поднимался такой шум, что казалось, будто проезжает множество ко-

---

[1] Память преподобного Антония Великого, который доблестно вел брань с духами злобы, празднуется 17 января.

[2] Его память — 30 августа.

лесниц, или же слышалась игра на тимпанах и свирелях[1]. Тогда преподобный начинал читать псалмы Давидовы, и шум прекращался; так злые духи долгое время днем и ночью не позволяли отдохнуть святому до тех пор, пока Божией благодатию он не одолел их вконец. Однажды большой медведь пришел к келии святого и стал чесаться о нее с такою силой, что келия стала дрожать и была готова рухнуть. Перекрестив оконце своей келии и осенив себя самого крестным знамением, святой взглянул — и видит большого зверя, стоящего у келии. Тогда преподобный, еще раз ознаменовав себя крестом, вышел из келии и перекрестил зверя. Будто пораженный какой-то невидимой силой, медведь упал перед святым, стал кротко лизать его честны́е ноги, а потом удалился в лес. И снова в другой раз ему явился в сенях келии преподобный Александр Свирский; укрепляя его на подвиги, он сказал:

— Не бойся, брат мой Никандр: с этого времени избавит тебя Господь от всех сетей вражиих.

С того времени святой приобрел такую власть над бесами, что они даже не осмеливались приступить близко к его келии.

Один человек, по имени Назарий, живший недалеко от келии преподобного, впал в тяжкий недуг: все тело его покрыли черви, особенно же большая язва у него открылась на груди, так что можно было видеть внутренности; при этом больной не мог пошевельнуться без страшной боли; столь тяжким недугом Назарий страдал год и шесть месяцев. Домашние его, видя, что Назарий впал в такую неисцелимую болезнь, плакали, не зная, чем облегчить мучения болящего. Назарий же, слышав о чудесах и подвижнической жизни святого Никандра, повелел своим домашним отнести себя к преподобному; они исполнили просьбу Назария и, принеся, положили болящего пред келией отшельника. Когда Никандр вышел из своего жилища, Назарий, собрав все свои силы, стал обнимать и орошать слезами ноги святого, начал просить блаженного, чтобы он помолился о нем Господу. Преподобный же отвечал:

— Назарий, не прикасайся к ногам моим; напрасно ты целуешь их, напрасно ты просишь у меня исцеления, потому что исцеление

[1] *Тимпан* — инструмент, обтянутый кожей, с прикрепленными по бокам погремушками. *Свирель* — духовой инструмент.

твое невозможно для человека, но возможно для Бога; Его и должно с верой просить об исцелении.

Слыша это, больной удивился тому, что преподобный знал его имя, хотя прежде никогда не видал его; поэтому еще усерднее стал просить его.

— Если же ты, отче, — прибавил Назарий, — оставишь меня, то я не уйду с этого места и умру перед твоей келией.

Тогда преподобный, видя горячую веру Назария, приказал отнести его в помещение для приходящих путников и сказал ему, чтобы он там постарался заснуть. Но больной отвечал:

— Отче святой, во время всей болезни моей я ни разу не мог сомкнуть глаз моих, как же ты теперь советуешь мне заснуть?

На это Никандр сказал:

— Еще до прихода твоего я истопил то помещение, ибо мне известно было, что ты прибудешь ко мне; теперь же, пока я отправлюсь помолиться, старайся заснуть, а потом покажешь мне твои раны.

Назарий хотел было сейчас же открыть свою язву, но не мог, ибо рубашка пристала к его телу так крепко, что ее нельзя было оторвать. Увидев то, святой перекрестил рану и отпустил Назария в указанное место, где тот вскоре и заснул крепким сном. А сам преподобный, заключившись у себя в келии, всю ночь усердно молил Господа, да подаст Он, Единый Целитель всех страждущих, здравие болящему и вместе с тем просветит душевные его очи и укрепит в вере. Скорый на помощь всем, с верою призывающим святое имя Его, Господь услышал молитву раба своего: наутро Назарий, проснувшись, почувствовал себя совершенно здоровым; тотчас встал он на ноги: струп вместе с рубашкой отстал как кора; тогда он горячо начал благодарить Бога, даровавшего ему исцеление, и прославлять Его угодника святого Никандра; преподобный же, не желая себе славы от людей, запретил ему рассказывать о бывшем, — «чтобы не было с тобой еще хуже», — добавил он.

В другой раз один крестьянин, Симеон Васильев, человек князя Кострова, пришел к Никандру и горько жаловался преподобному, что у него украли лошадь; святой, услышав об этом, глубоко вздохнул; Симеон же продолжал жаловаться и сказал, что с того времени

уже прошло пять дней. Тогда Никандр с великим смирением и кротостью стал говорить:

— Не о том, сын мой, должно жалеть, что у тебя украли лошадь; нет, не об украденном должно скорбеть, а об украдшем, ибо человек сделал это по внушению диавола.

Симеон же с удивлением заметил ему:

— Так ты, отче, скорбишь о человеке, сделавшем похищение?

Тогда Никандр ответил:

— Чадо Симеон, отправляйся в дом свой, украденное у тебя возвратится.

Эти слова святого сбылись: в ту же ночь лошадь сама прибежала домой. Симеон вторично пришел к преподобному, благодарил его и рассказывал о том, что случилось.

— А человек, похитивший мою лошадь, — добавил он, — потонул в реке.

Услышав об этом, Никандр опечалился и стал так поучать Симеона:

— Сын мой, должно скорбеть о христианах, коих постигла смерть прежде, чем они успели покаяться в грехах своих; и об этом человеке нужно молиться, ибо Господь сказал: *если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 3).

Долго говорил преподобный и своими назиданиями, исполненными любви, просветил душевные очи Симеона; последний еще усерднее стал славословить Господа, пославшего такого угодника Своего на землю.

Между тем преподобный Никандр, видя, что приближается конец земной его жизни, начал готовиться к тому, чтобы украшенным всеми добродетелями войти в Царство небесное. Денно и нощно молился он и просил, чтобы Всемилосердный Господь отпустил ему его прегрешения; не довольствуясь обычной строгостью своей жизни, он решился уподобиться Ангелам и возложить на себя великую схиму. Для этого преподобный отправился в Демьянский монастырь и здесь принял от руки игумена великое пострижение; это было за восемь лет до его кончины, после чего святой опять поселился в своем уединении.

В то время к преподобному стал часто приходить один диакон из города Порхова, по имени Петр. Много беседовал с ним святой

о Божественном Писании, о вере Христовой, о добродетелях христианских. Однажды Никандр поведал Петру о некоем чуде, бывшем с ним.

— Часто и сильно страдал я прежде ногами, теперь же, по милости Божией, я освободился от болезни.

Взглянув на ноги святого, Петр увидел, что кости голеней его были обнажены от своего телесного покрова, — и сильно был поражен тем. В другой раз Никандр сказал Петру:

— Скоро Господь призовет к Себе мою грешную душу; когда ты узнаешь о моей кончине, то приди и погреби мое бренное тело.

— Скоро ли произойдет то, о чем ты мне говоришь, — спросил Петр, — и как дашь ты мне знать о случившемся?

— Не знаю, как извещу тебя, ибо в то время будет брань: тогда придут сюда польские и литовские войска и будут держать Псков и Порхов в осаде; ты же, когда услышишь о моем отшествии к Богу, небоязненно погреби тело мое на том месте, где найдешь его; и над моим гробом будет воздвигнута церковь в честь великого и славного Благовещения.

Так Никандр мирно готовился оставить этот временный мир. По прошествии сорока семи лет и двух месяцев с тех пор, как преподобный в последний раз поселился в своем уединении, он впал в телесный недуг; вскоре святой почувствовал приближение смерти и со слезами стал просить Господа даровать ему отпущение всех прегрешений, призывал в молитвах всех святых и вручал пустынное свое местопребывание попечению Пресвятой Владычицы Богородицы. Затем преподобный Никандр возлег на одр свой, крестообразно сложил руки свои и со словами: «Благословен Бог, так изволивый, слава Тебе», — предал Господу дух свой.

Так с миром опочил в Господе этот досточудный отец наш преподобный Никандр 24 сентября 1581 года.

Божиим попущением Польский король Стефан Баторий[1] навел свои полки на землю Русскую; враги осадили города Псков и Порхов, по всей той области во множестве находились польские и литовские люди, так что нельзя было горожанам выходить за городские стены. В пустыню, где жил преподобный, пришел в то время, чтобы получить благословение от святого, некий крестьянин села

[1] *Стефан Баторий* был королем Польским с 1576-го по 1586 год.

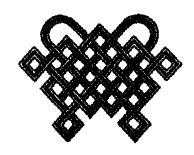
Боровичей, по имени Иоанн, по прозвищу Долгий. Постучав раз, другой, третий в двери келии Никандра, Иоанн не получил ответного возгласа подвижника; тогда, войдя в келию, он увидел, что святой Никандр отошел к Господу, а вся хижина была наполнена необычайным благоуханием. Тогда Иоанн, благоговейно взяв честное тело святого, с сердечным умилением покрыл его землею; затем не замеченный, по молитвам святого, польскими войсками, он пришел в город Порхов и рассказал всем жителям о кончине преподобного. При этом известии граждане Порхова стали рыдать и скорбеть, что лишились такого славного заступника и молитвенника пред Богом; сильно желали они отправиться на погребение святого, но боялись врагов. Тогда диакон Петр, видя колебание своих сограждан, обратился к ним с такою речью:

— Мужи братия, послушайте, что скажу вам о новопреставленном отце Никандре, ибо сам я собственными глазами видел многотрудную и подвижническую жизнь этого старца; человеческими устами поведать языком невозможно о всех добродетелях этого отца. Сам преподобный предрек мне о своем преставлении к Богу; он предсказал, что его кончина последует во время нашествия литовских людей; вы же не страшитесь и не бойтесь, но смело идите и предайте погребению честное тело этого подвижника, ибо сам преподобный сказал мне, что Господь Бог не предаст вас в руки врагов, и зло не коснется вас.

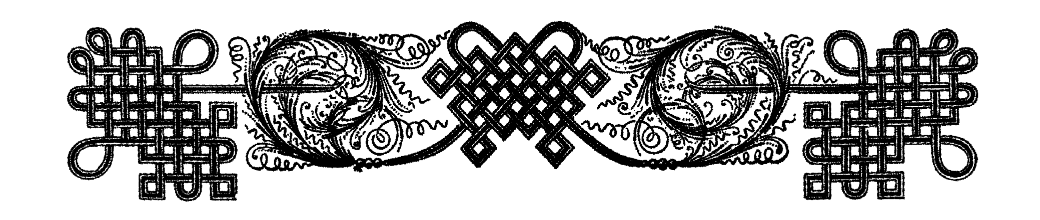
Своею речью Петр убедил сограждан безбоязненно идти в пустыню, где так ревностно подвизался угодник Божий в течение своей земной жизни. Никем не задерживаемые, все граждане, миряне и священнослужители, мужи и жены, старцы и юные, пришли в пустыню на то место, где было прикрыто землей тело преподобного, и с честью погребли его.

Преподобный Никандр прожил семьдесят пять лет и восемь месяцев. Во все дни своей жизни он верно и нелицемерно служил Господу, оставив нам пример доброй и богоугодной жизни; последуем и мы его стопам и будем постоянно подражать этому угоднику в терпении и смирении, да ниспошлет и подаст он помощь и покровительство всем, с верой взывающим: «Преподобне отче Никандре, моли Бога о нас».

В 1585 году некий инок Исаия, желая последовать примеру преподобного Никандра, пришел в то место, где жил и подвизался этот угодник Божий. Долгое время Исаия страдал болезнию ног и наконец, по молитвам преподобного, получил исцеление от своего недуга. Этот Исаия на месте подвигов преподобного Никандра устроил монастырь[1] и собрал в нем большую братию. По настоятельному прошению братии Исаия принял игуменство и был возведен в священный сан епископом Новгородским Александром. Епископ стал тщательно заботиться о новом монастыре, снабдил его денежными средствами и повелел выстроить над гробом преподобного Никандра церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.



[1] *Благовещенская Никандрова пустынь*, с 1764 года заштатная, в двадцати верстах от Порхова.



День двадцать пятый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
ЕВФРОСИНИИ

В городе Александрии жил некогда муж, по имени Пафнутий. Он был богат, славен, пользовался почестью, боялся Бога, хранил заповеди Господни и вел богоугодную жизнь. Супруга его также была женщина добрая, благочестивая и богобоязненная. Одно лишь их тяготило: у них не было детей; сильно скорбели они об этом, ибо некому было оставить им свое имение, кто бы и по смерти их мог хорошо управлять им. Печалясь о бесчадии своем, они непрестанно молили Господа, чтобы Он даровал им детище, подавали щедрую милостыню убогим, раздавали много в церкви и монастыри, кроме того, пребывали в посте и молитвах, обходили храмы Божии и просили Бога об исполнении их желания. Однажды Пафнутий отправился в некий монастырь, игумен которого, как он слышал, отличался своей святой жизнью; и в этот монастырь он также пожертвовал большой вклад. Беседуя с игуменом, Пафнутий получил от него утешение. Уразумев, что этот инок угоден Богу, он поведал игумену о своей печали, именно о том, что нет у него детей. С земным поклоном он просил у игумена, чтобы тот вместе с своей братией помолился о нем Богу, дабы Господь даровал ему детище. Преблагой Бог, милостиво приемлющий молитвы всех усердно молящихся Ему и призывающих Его, внял молитвам игумена и благословил Пафнутия. После этого разрешилось неплодие жены его, и Бог даровал им дочь, весьма прекрасную собою. Родители, исполненные величайшей радости, воссылали Богу от всего сердца

благодарение. При крещении младенцу нарекли имя Евфросиния[1]. С того времени Пафнутий стал часто посещать тот монастырь, раздавал всем инокам милостыню и к игумену тому питал великую любовь за его полезную беседу, а также и за то, что, по молитвам его, он получил желаемое от Бога. Спустя двенадцать лет после рождения Евфросинии мать ее преставилась в вечную жизнь; Пафнутий же, как и прежде, продолжал поучать дочь свою Божественному Писанию. Навыкнув в нем, отроковица предалась усердному чтению священных книг. Между тем слух о ее благоразумии и красоте распространился по всей Александрии. Поэтому многие из благородных и знатных граждан желали иметь ее супругой своих сыновей и наперерыв спешили заявить о своем желании ее отцу. Пафнутий же говорил:

— Да будет так, как угодно Господу!

Среди искателей руки Евфросинии был один муж, отличавшийся перед всеми своим благородством, саном, богатством и славой. Он упросил Пафнутия, чтобы тот выдал дочь свою за его сына, на что Пафнутий и согласился. Сговорившись, они назначили время бракосочетания.

Еще до брака Пафнутий пошел с дочерью в монастырь, где жил вышеупомянутый игумен, коего он почитал как отца, и сказал ему:

— Я привел к тебе, святой отец, дочь мою, ту самую, которую Бог даровал мне по твоим молитвам; прошу тебя, помолись за нее, ибо я хочу отдать ее в замужество.

Игумен благословил Евфросинию и затем начал беседовать с Пафнутием о спасении души, а дочь его поучал целомудрию, смирению, страху Божию и любви к Творцу, а также увещевал ее творить милостыню. Все эти слова глубоко западали в сердце мудрой и благоразумной девицы, имевшей тогда восемнадцать лет от роду. Три дня прожил Пафнутий с дочерью своею в монастырской гостинице. В течение этого времени Евфросиния ежедневно внимала церков-

[1] Преподобная Евфросиния подвизалась в половине V века.

ному чтению и пению; удивлялась она, взирая на подвиги иноков, и говорила сама в себе:

— Блаженны эти люди, ибо они и здесь, на земле, живут, как Ангелы, и в будущей жизни будут обитать вместе с Ангелами.

И сильно возревновала она о том, чтобы подражать их святой жизни. По прошествии трех дней Пафнутий сказал игумену:

— Мы хотим идти в город; отпусти нас с миром, честный отче.

Евфросиния же, припав к ногам игумена, сказала:

— Прошу тебя, отче, помолись о мне, чтобы Господь спас мою душу.

Игумен благословил ее и так молился о ней Господу:

— Боже, ведающий судьбу каждого человека еще до рождения его, сподоби рабу Твою равной награды и воздаяния со всеми от века благоугодившими Тебе.

После этого, поклонившись игумену, Пафнутий с дочерью ушли в город. Этот праведный муж так глубоко почитал иноческий чин, что когда он встречал где-либо на пути или в городе инока, то приглашал его к себе в дом, гостеприимно угощал его и просил, чтобы тот молился Богу о нем и о дочери его.

Вскоре в обители той наступил день поминовения основателя ее, и игумен послал одного из братии пригласить к этому дню благодетеля обители Пафнутия. Случилось так, что посланный инок не застал Пафнутия дома; Евфросиния, узнав о приходе к ним в дом черноризца, позвала его к себе и начала расспрашивать о том, сколько в их обители братии. Он отвечал ей:

— Триста пятьдесят два человека.

Тогда она спросила его:

— Если кто-нибудь придет в вашу обитель и захочет жить с вами, примет ли его ваш игумен?

На это инок отвечал:

— Конечно, с радостию примет, памятуя слова Господни: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37).

Девица еще предложила ему вопрос:

— Все ли вы вместе поете и одинаково ли поститесь?

— Да, мы поем все вместе, — отвечал инок, — а постится каждый из нас столько, сколько хочет и может.

Расспросив у черноризца все о монастырской жизни, девица сказала ему:

— Хотелось бы и мне начать такую жизнь, но я боюсь ослушаться отца своего, ибо он желает выдать меня замуж, увлекаясь богатством суетного этого мира.

Черноризец сказал ей:

— Не желай временного и скоропреходящего союза со смертным, но посвяти себя Христу: Он вместо всех скоропреходящих и суетных благ дарует тебе Царство небесное и пребывание с Ангелами. Выйди тайно из дома и иди в монастырь, оставив одежды мирские, облекись в иноческое одеяние, чтобы тебя не могли узнать.

Обрадовалась святая Евфросиния, услышав эти слова инока, и спросила его:

— Кто же пострижет меня?

Он же отвечал ей:

— Отец твой пойдет в нашу обитель и останется там три или четыре дня, а ты в то время призови к себе какого-нибудь инока: он с радостию исполнит твое желание и пострижет тебя.

В то время, когда они беседовали так друг с другом, пришел Пафнутий и, увидев черноризца, спросил его:

— Что побудило тебя прийти к нам, отче?

Инок ответил:

— Наступает память основателя нашего монастыря, и игумен просит тебя прийти к нам и принять участие в нашем празднике; за это получишь благословение от Бога.

С радостию согласился Пафнутий идти вместе с иноком в обитель и взял с собою много даров для монастырской церкви и братии. В его отсутствие дочь его, святая Евфросиния, позвала к себе одного из верных слуг своих и сказала ему:

— Иди в монастырь преподобного Феодосия, войди там в церковь и призови ко мне первого инока, которого встретишь.

Слуга тот, по особому Божию смотрению, встретился с одним иноком, несшим из обители свое рукоделие для продажи; он попросил инока идти вместе с ним в дом его господина, и тот согласился. Евфросиния, увидев почтенного инока, пошла навстречу и

поклонилась ему, прося его помолиться за нее. Инок помолился, благословил ее, и они сели. Святая дева начала говорить ему так:

— Господин! Отец мой — христианин и верный слуга Божий, матери моей нет уже в живых. Родитель мой, имеющий большое богатство, желает выдать меня замуж, чтобы не пропали все его сокровища, я же не хотела бы осквернять себя мирскою суетою, но боюсь ослушаться отца моего и потому не знаю, что мне делать. Всю предыдущую ночь я провела без сна, умоляя Бога, чтобы Он ниспослал мне милость Свою. А при наступлении утра захотелось мне позвать к себе одного из отцов-подвижников, дабы услышать от него слово назидания и указания, как мне следует поступать. Умоляю тебя, отче, научи меня пути Господню, ибо я знаю, что ты мне послан от Бога.

Тогда старец начал поучать ее так:

— Господь говорит во святом Евангелии: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26). Не знаю я, что тебе сказать больше этого. Если ты можешь вынести борьбу с плотию, то оставь все и беги от мира этого, как Израиль от рабства фараона. А наследников богатства отца твоего весьма много: церкви, монастыри, больницы, странноприимные дома, сироты, вдовы, странники, заключенные в темницы и взятые в плен. Отец твой может раздать имение, кому захочет, сама же ты позаботься о душе своей.

На это девица сказала ему:

— Я надеюсь на Бога и на твои молитвы, отче, ибо думаю, при помощи свыше, посвятить себя Богу.

— Не медли с этим намерением, — ответил ей старец, — ибо кто отлагает совершение богоугодного подвига, тот, обыкновенно, потом раскаивается в таком замедлении; время теперь покаяться.

Святая Евфросиния сказала старцу:

— Для того я и попросила тебя, отче, прийти ко мне; я хотела, чтобы ты исполнил желание сердца моего и, помолившись о мне, благословил и постриг меня.

Тогда старец встал, помолился и постриг, по Божиему соизволению, Евфросинию в иночество, возложив на нее схиму. При этом он сказал ей:

— Бог, даровавший спасение всем святым Своим, да хранит тебя от всякого зла.

После того он отправился в свою обитель, радуясь и славя Бога. Между тем Евфросиния стала размышлять в сердце своем:

— Если я пойду в девический монастырь, то отец мой найдет меня там, принудит выйти из обители и вступить в брак; поэтому мне лучше отправиться в монастырь мужской, где никто меня не узнает.

Решившись исполнить свое намерение, она поздно вечером оделась в мужскую одежду и тайно от всех вышла из дома, взяв с собой только пятьдесят золотых монет, и скрылась на ту ночь в некоем месте. Поутру же отец ее пришел в город и, по особому устроению Божию, тотчас пошел в церковь. А Евфросиния удалилась в тот монастырь, где знали ее отца. Подойдя к воротам обители, она постучалась и сказала привратнику:

— Пойди доложи игумену, что пришел из царского дворца евнух[1] и стоит у ворот, желая побеседовать с его святыней.

Когда игумен вышел, Евфросиния пала на землю и поклонилась ему. Он поднял ее и помолился по обычаю, после чего они оба сели. Затем он начал спрашивать ее:

— Почему, чадо, ты пришел к нам?

Евфросиния отвечала ему:

— Отче, я служил евнухом в царском дворце и очень полюбил житие иноческое, но не нашел в городе того, чего искала душа моя. Узнав о подвижнической жизни иноков твоего монастыря, я пришел в эту святую обитель, желая подвизаться с вами.

На это игумен отвечал:

— Хорошо ты сделал, чадо, что пришел к нам. Если тебе хочется пожить в нашей обители, то оставайся здесь.

Затем он спросил, — как ее зовут. Евфросиния отвечала, что имя ее — Измарагд.

— Чадо Измарагд, — сказал ей настоятель, — ты молод и потому не можешь один жить в келии; тебе нужно иметь духовного настав-

---

[1] *Евнухами* назывались в древности лица, которые служили при царских дворах в качестве хранителей сокровищ, царской казны и в особенности (как это бывало при дворе) в качестве стражи при опочивальнях цариц и царевен. По большей части, евнухи были скопцами. При византийском дворе должность евнухов была весьма почетная.

ника, чтобы он руководил тобою в иноческой жизни, научил бы тебя монастырскому уставу и всем обычаям.

На это отроковица ответила:

— Устрой меня, отче, так, как тебе угодно.

В то же время она вынула пятьдесят золотых монет, дала игумену и сказала:

— Возьми это, отче! Впоследствии и все остальное мое имущество, оставшееся в городе, я пожертвую в монастырь.

Игумен призвал одного из иноков, по имени Агапит, мужа святой жизни, и поручил ему Измарагда со следующими словами:

— Пусть этот юноша отныне будет твоим духовным сыном и учеником; наставляй же его в добродетелях, чтобы он превзошел и учителя.

После усердной молитвы с коленопреклонением старец Агапит взял Измарагда к себе в келию и наставлял его в иноческой жизни. У нового инока было очень красивое лицо; когда он приходил в церковь к богослужению, диавол смущал многих из братии нечистыми помыслами, уязвляя их сердца красотою нового инока; поэтому братия сетовала на игумена, говоря:

— Для чего ты ввел в обитель такого красивого брата на соблазн немощнейшим инокам?

Услышав это, игумен призвал к себе Измарагда и сказал ему:

— Взирая на красоту твою, немощнейшие из братии соблазняются; поэтому лучше тебе одному пребывать в келии, подвизаясь в безмолвии и молитве, и не приходить в церковь. Твой духовный наставник будет и пищу приносить в твою келию, так чтобы тебе не нужно было никуда выходить из нее.

Евфросиния отвечала:

— Как ты повелеваешь, отче, так я и сделаю.

Игумен приказал Агапиту приготовить уединенную келию для Измарагда; Агапит исполнил волю настоятеля и ввел в ту келию Измарагда, который и стал проводить там время в молитве, посте и бдении, день и ночь служа Богу в чистоте своего сердца. Блаженный Агапит дивился его подвигам и трудам и повествовал о них всей братии в ее назидание; братия же поучались этими подвигами и прославляли Бога, даровавшего такую силу юному подвижнику.

Между тем Пафнутий, отец Евфросинии, по возвращении домой, поспешно вошел в комнату своей дочери и, не найдя ее там, начал сильно тужить и скорбеть; с гневом он спрашивал своих рабов и рабынь, что случилось с Евфросинией, куда она ушла. Слуги отвечали ему:

— Вчера вечером мы еще видели ее, но сегодня она уже нам не показывалась, почему мы и думали, не пригласил ли ее к себе отец ее жениха.

Пафнутий послал рабов в дом жениха своей дочери, но и там ее не нашли. И жених и отец его, услыхав об исчезновении Евфросинии, очень опечалились и, придя к Пафнутию, нашли его в глубокой скорби, лежащим на земле и рыдающим.

— Не прельстил ли кто-нибудь ее, не бежал ли с нею? — заметили они ему.

Немедленно разослали по всей Александрии всадников искать Евфросинию; искали ее и по домам соседей, и по дорогам, и на берегу моря, и на кораблях; обошли они много женских монастырей, поля, пустыни, горы и пещеры, — везде искали дочь опечаленного отца. Нигде не найдя ее, посланные вернулись со скорбию. И плакали все о ней, как об умершей. Жених рыдал о невесте своей, свекор скорбел о невестке своей, а отец проливал горькие слезы о дочери своей, как некогда Иаков об Иосифе, и говорил такие скорбные речи:

— Увы мне, чадо мое сладкое! Увы мне, свет очей моих! Увы мне, утеха души моей! Кто украл сокровище мое? Кто иссушил ветвь мою? Кто угасил светильник мой? Кто отнял у меня надежду мою? Кто обесчестил дочь мою? Какой волк растерзал агницу мою? Какое место скрыло от меня ее светлое лицо? Она послужила бы восстановлением рода моего, была бы жезлом старости моей, утешением в печалях моих. Пусть не скроет в себе земля тела моего, пока я не узнаю, что случилось с дочерью моею Евфросиниею!

Все собравшиеся у Пафнутия друзья и соседи также сетовали и громко рыдали вместе с ним о неожиданной гибели его дочери. Не находя нигде облегчения в своей печали, Пафнутий пришел в монастырь, где дочь его подвизалась в затворе, и, упав к ногам игумена, сказал:

— Отче, не переставай молить Бога о том, чтобы Он услышал мои молитвы, ибо я не знаю, что приключилось с дочерью моею, — похитил ли ее кто-нибудь, или же она погибла каким-нибудь иным образом.

Услышав эти слова, честный старец весьма опечалился и, собрав к себе всю братию, сказал:

— Братие, покажите любовь, помолитесь Господу, чтобы Он благоволил открыть нам о судьбе дочери друга и благодетеля нашего Пафнутия.

В продолжение целой седмицы иноки постились и молились, но никакого откровения им не последовало, как то бывало при других их прошениях; ибо днем и ночью Евфросиния молилась Богу, чтобы Он не открывал о ней никому в этой земной жизни, и ее молитвы были сильнее молитв всей братии.

Не получая никакого откровения о Евфросинии, игумен начал утешать Пафнутия такими словами:

— Чадо, *не пренебрегай наказания Господня... Ибо Господь, кого любит, того наказывает* (Евр. 12, 5, 6). Если без воли Господней ни одна птица не падет на землю, тем более ничего не могло произойти и с твоей дочерью. Я думаю, что она избрала благую часть; и поэтому нам не было о ней откровения от Бога. Если бы она впала в грех (да не будет сего!), то Бог не презрел бы столь великий молитвенный труд всей братии нашей обители и открыл бы нам о ней; я же имею надежду, что еще в этой земной жизни Господь откроет тебе о ней.

Пафнутий несколько утешился такими словами и вернулся в свой дом, благодаря Бога. Каждый день он прилежно молился Господу и подавал обильную милостыню бедным. По прошествии нескольких дней он опять посетил монастырь и просил у братии молитв. Однажды, встретившись с игуменом, он поклонился ему и сказал:

— Помолись за меня, отче, потому что моя скорбь о дочери все не проходит; душа моя нимало не утешилась, рана сердца моего все увеличивается, и с каждым днем скорбь моя все усиливается.

Игумен, видя его великую печаль, всячески утешал его; в одной из своих бесед с ним он вспомнил об Измарагде и сказал:

— Есть у нас инок, проводящий очень строгую жизнь; он пришел к нам из дворца императора Феодосия[1], и все мы удивляемся его святой жизни. Не хочешь ли побеседовать с ним? Быть может, ты получишь из этой беседы хотя некоторую отраду, ибо он исполнен Святого Духа.

— Да, хочу, — отвечал Пафнутий.

Тогда игумен, не зная, что Измарагд — дочь Пафнутия, призвал Агапита и сказал ему:

— Отведи Пафнутия к Измарагду, чтобы он с ним побеседовал.

Агапит и Пафнутий вошли в келию Измарагда; когда Евфросиния увидела отца своего, то узнала его и залилась слезами; а Пафнутий подумал, что она плачет от молитвенного умиления, узнать же ее он не мог, ибо от сильного воздержания и всенощных молитв цвет лица ее увял, да и сама Евфросиния намеренно покрыла клобуком лицо свое, чтобы ее не могли узнать. Помолившись, оба они сели, и Измарагд начал свою беседу с Пафнутием, говорил ему о Царствии небесном, о вечной славе, коей человек может достигнуть через смирение, чистоту, святость, милостыню и любовь; говорил он ему и об оставлении мира и о том, что не следует любить детей больше Бога, Творца всего; указывал на слова апостола, что *от скорби происходит терпение, от терпения опытность* (Рим. 5, 3–4). Видя великую скорбь своего отца, Измарагд соболезновал ему и утешал его, говоря:

— Поверь мне: Бог не оставит тебя. Ибо если бы дочь твоя находилась на пагубном пути, то Господь открыл бы тебе о ней, по молитвам святых отцов, которые о том столь усердно молились; нет, я твердо уверен, что дочь твоя послушалась благого Учителя, говорящего в Евангелии: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Мф. 10, 37; Лк. 14, 33). Бог может и в этой еще жизни показать тебе ее. Поэтому перестань скорбеть. Для чего ты убиваешься печалью? Напротив, за все благодари Бога и не теряй надежды, ибо и я, когда учитель мой Агапит возвестил мне о твоем пришествии в обитель и о скорби твоей, прилежно молился Богу, чтобы Он дал тебе терпение и мужество, все устроил бы на пользу

[1] Здесь разумеется Феодосий II (408–450 гг.).

тебе и дочери твоей и утешил бы тебя. Я уповаю на то, что Бог всякого утешения не оставит тебя до конца пребывать в скорби: если и не скоро, то все-таки Он откроет тебе о судьбе твоей дочери, о которой ты так печалишься.

Затем Евфросиния, опасаясь, как бы отец не узнал ее, так как она вела с ним слишком продолжительную беседу, сказала Пафнутию:

— Господин мой, иди теперь домой с миром.

Внимая этим речам, Пафнутий и плакал, и радовался, ибо сердце его пламенело естественною любовию к Измарагду и много пользы получил он от бесед с ним; затем он пошел к игумену и сказал ему:

— Один Бог знает, отче, какую пользу получил я от этого инока, и по благодати Божией, его слова наполнили мое сердце такой радостью, как будто бы я нашел любимое чадо.

После этого Пафнутий, попросив всех иноков молиться за себя, возвратился домой. А Измарагд прожил в той обители тридцать восемь лет, проводя богоугодную жизнь; по прошествии этого времени он впал в тяжкую болезнь, после которой и предал Господу свою душу. Еще до преставления его Пафнутий опять пришел в монастырь на поклонение и для посещения братии. После обычной беседы с игуменом он сказал ему:

— Отче, если возможно, позволь мне повидаться с братом Измарагдом, ибо я очень люблю его.

Игумен, призвав Агапита, поручил ему отвести Пафнутия к Измарагду. Когда Пафнутий вошел в келию его и увидел Измарагда лежащим на постели в сильной болезни, то припал к его ложу и стал говорить с горькими слезами:

— Увы мне! Где сладкие слова твои, где обещания твои о том, что я увижу погибшую дочь мою? Вот, я не только не вижу ее, но лишаюсь и тебя, моего утешителя. Увы мне! Кто теперь утешит старость мою? К кому я пойду, и кто будет отрадою в печали моей? Я плачу и душевно скорблю о разлуке с тобою; вот уже тридцать восемь лет, как я не вижу дочери своей и не получаю ниоткуда вестей о ней, да и дорогой мой Измарагд покидает меня, — Измарагд, о котором я так сильно радовался, как будто бы я нашел свою погибшую дочь. И чего мне теперь ожидать? Где найти себе утешение? Остается мне одно: сойти в гроб с своею печалию!

Видя, как неутешно рыдал Пафнутий, Измарагд сказал ему:

— Зачем ты смущаешься и убиваешься от сильной печали? Разве не крепка рука Господня? Или разве есть что-либо невозможное для Бога? Итак, перестань печалиться. Вспомни, что Господь некогда явил Иакову живым Иосифа, о котором он рыдал, как о мертвом; тот же Бог утешит и тебя. Теперь же прошу тебя об одном: останься здесь три дня и не покидай меня.

Пафнутий остался в обители и при этом размышлял в себе так:

— Не откроет ли Господь чего Измарагду о дочери моей?

Наконец, настал третий день, и Евфросиния, получившая откровение о времени своего отшествия к Господу, призвала к себе отца своего Пафнутия и сказала ему:

— Всемогущий Бог устроил мою судьбу по Своей воле и исполнил мое желание; ныне я достигла конца своих подвигов, пройдя иноческий путь не своею силою, но помощью Того, Кто сохранил меня среди сетей вражеских; я не хочу, чтобы ты дольше скорбел о дочери своей. Я — Евфросиния, дочь твоя, ты же — отец мой. Я — та, которую ты ищешь. Я ради любви к Богу оставила тебя, отца моего, все наследство и временного жениха и пришла сюда, утаив, что я — женщина. Теперь прошу тебя: не допускай, чтобы кто-нибудь другой, кроме тебя, омыл тело мое; еще умоляю тебя, исполни мое обещание, данное мною настоятелю этой обители: когда я просила его принять меня сюда, то сказала, что у меня большое имущество, которое я намерена пожертвовать в эту обитель; поэтому исполни мое обещание, внеси оставшееся имущество в этот монастырь и помолись о мне.

После этих слов Евфросиния предала дух свой Господу. Услышав все это и увидев, что дочь его умерла, Пафнутий от страха и великой скорби впал в расслабление и лежал на земле как мертвый. Когда пришел Агапит и увидел, что Измарагд преставился, а Пафнутий чуть жив, то облил водою лицо Пафнутия, поднял его с земли и спросил его:

— Что с тобою, Пафнутий?

Он же отвечал ему на это:

— Оставь меня умереть здесь, ибо я ныне увидел дивное чудо.

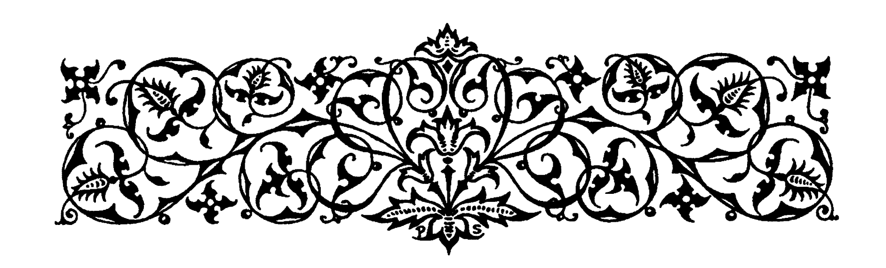
Затем Пафнутий встал с земли и припал к лицу усопшей, плача горько и говоря:

— Увы мне, милое чадо мое, почему ты не открылась мне раньше этого часа; о, как бы желал я умереть с тобою! Горе мне, что ты утаилась от меня, дорогая дочь моя! Как хорошо избежала ты сетей вражеских, укрылась от суеты мира этого и вошла в жизнь вечную!

Внимая словам Пафнутия, Агапит понял эту дивную тайну; он ужаснулся и пошел тотчас же возвестить о том игумену; последний немедленно поспешил прийти туда, припал к святому телу Евфросинии и с рыданиями начал говорить:

— Евфросиния, невеста Христова и святая дева, не забудь сподвижников своих и обители этой, но молись о нас Господу Иисусу Христу, чтобы Он сподобил и нас, после добрых подвигов, достигнуть спасения и водвориться со святыми Его.

Затем игумен велел собраться всей братии, чтобы с подобающею честию предать погребению ее святое тело. Когда все иноки собрались и узрели это дивное чудо, то прославили Бога, явившего Свою крепкую силу в немощной плоти. Некто из братии был слеп на один глаз. Он пришел к мощам преподобной и со слезами стал лобызать ее честное тело — и тотчас отверзлось око его, и он прозрел. Видя это исцеление, вся братия величала милость Божию, прославляла Его святую угодницу Евфросинию и назидалась ее святою жизнью. После этого погребли ее на месте упокоения святых отцов-подвижников и с духовным веселием совершили по ней поминовение. А отец ее Пафнутий возвратился в свой дом, раздал имение свое по церквам и монастырям, нищим и странникам, а оставшуюся значительную часть его принес в тот монастырь на нужды его и сам постригся в нем. Он испросил для себя келию дочери своей и прожил в ней богоугодно десять лет; по прошествии этого времени он преставился на той же самой рогоже, на которой скончалась и его дочь преподобная Евфросиния. Его с честию погребли около дочери, и было установлено ежегодно совершать их память во славу Пресвятой Троицы Отца, и Сына, и Святого Духа, дивного во святых Своих Бога, Которому слава вовеки. Аминь.



ЖИТИЕ И ЧУДЕСА
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО
СЕРГИЯ
Радонежского, чудотворца[1]

Преподобный и богоносный отец наш Сергий родился в Ростовской области от благочестивых и знатных родителей — бояр Кирилла и Марии[2]. Еще от чрева матери Бог избрал его на служение Себе. Незадолго до его рождения в воскресный день Мария, по своему обычаю, пришла в церковь к литургии. Перед началом чтения святого Евангелия младенец во чреве ее так громко воскликнул, что голос его слышали все стоявшие в храме; во время Херувимской песни он воскликнул во второй раз; а когда священник произнес «Святая святым», — в третий раз послышался из утробы матери голос младенца. Из этого все уразумели, что произойдет на свет великий светильник миру и служитель Пресвятой Троицы. Подобно тому, как перед Божьей Матерью радостно взыграл во чреве святого Иоанн Предтеча (см.: Лк. 1, 41 и сл.), так и этот младенец взыграл перед Господом во святом Его храме. При этом чуде мать преподобного была объята страхом и ужасом; сильно были удивлены и все слышавшие голос. Бог даровал Марии сына, имя которому нарекли Варфоломей. С первых же дней своей жизни младенец показал себя строгим постником. Родители и окружающие стали замечать, что он не питался молоком матери по средам и пятницам; не прикасался к

---

[1] Составлено на основании жития преподобного Сергия, написанного учеником преподобного Епифанием в XV веке, и других пособий.

[2] Год рождения преподобного Сергия в точности неизвестен; вероятно, оно было в 1314 году.

сосцам матери и в другие дни, когда ей случалось употреблять в пищу мясо; заметив это, Мария вовсе отказалась от мясной пищи.

Достигнув семилетнего возраста, Варфоломей был отдан родителями учиться грамоте; вместе с ним учились и два его брата, старший Стефан и младший Петр. Они учились хорошо и делали большие успехи, а Варфоломей далеко отставал от них: трудно давалось ему ученье, и хотя учитель занимался с ним весьма усердно, тем не менее он мало успевал. Родители его бранили, учитель наказывал, товарищи смеялись.

И это было по смотрению Божьему, дабы дитя получило разум книжный не от людей, но от Бога. Сильно печалился о том Варфоломей, горячо и со слезами молился, чтобы Бог даровал ему разумение грамоты, и Господь внял молитве, исходившей из глубины сердца благочестивого отрока. Однажды отец послал Варфоломея за лошадьми; привыкший беспрекословно повиноваться воле своих родителей, отрок тотчас же отправился в поле. По дороге он встретил инока — старца, или скорее посланного Богом Ангела в иноческом образе; старец стоял под дубом посреди поля и творил молитву. Варфоломей приблизился к нему и, поклонившись, стал ожидать, пока тот окончит свою молитву. По окончании ее, старец благословил отрока, облобызал его и спросил, что ему нужно.

Варфоломей отвечал:

— Всей душой моей я желаю научиться грамоте. Отдали меня учиться, но ученье не дается мне; и вот я сокрушаюсь теперь о том. Отче святой! Помолись за меня Богу, чтобы Он помог мне уразуметь грамоту.

Инок исполнил просьбу Варфоломея. Окончив молитву, он благословил отрока и сказал:

— Отныне Бог даст тебе, дитя мое, уразуметь грамоту, так что ты превзойдешь братьев своих и сверстников.

При этом старец достал сосуд и дал Варфоломею как бы некоторую частицу от просфоры; он велел ему вкусить, говоря:

— Возьми, чадо, и съешь; это дается тебе в знамение благодати Божией и для разумения Святого Писания. Не смотри на то, что эта частица так мала, велика будет сладость, когда вкусишь от нее.

После того старец хотел было удалиться, но обрадованный отрок усердно просил его посетить дом родителей. Уважавшие иноков родители Варфоломея с честью встретили гостя. Они стали предлагать ему пищу, но старец отвечал, что следует прежде вкусить пищи духовной — и когда все начали молиться, он велел Варфоломею читать псалмы.

— Я не умею, отче, — отвечал отрок.

Но инок пророчески произнес:

— Отныне Господь дарует тебе знание грамоты.

И действительно, Варфоломей тотчас же начал стройно читать псалмы. Родители его сильно дивились такой быстрой перемене, совершившейся с их сыном.

При прощании старец сказал родителям святого:

— Велик будет сын ваш пред Богом и людьми, он станет некогда избранною обителью Святого Духа и служителем Пресвятой Троицы.

С того времени святой отрок без всякого затруднения читал книги и понимал все написанное в них; легко давалась ему грамота, ибо Бог отверз ему ум к уразумению Писаний (см.: Лк. 24, 45). Варфоломей возрастал годами, а с тем вместе разумом и добродетелью. Рано почувствовал он любовь к молитве, с самых юных лет познал сладость в беседе с Богом; поэтому так ревностно стал посещать храм Божий, что не пропускал ни одной службы. Не любил он детских игр и старательно избегал их; не по сердцу ему приходились веселье и смех сверстников, ибо он знал, что *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33). Твердо он помнил, что *начало мудрости — страх Господень* (Пс. 110, 10), и потому всегда старался научиться этой мудрости. С особенным старанием и ревностью он предавался чтению Божественных и священных книг. Благочестивый

отрок наложил на себя строгий пост: по средам и пятницам он ничего не вкушал, а в прочие дни питался только хлебом и водою. Не будучи еще в монастыре, он вел иноческую жизнь, так что все изумлялись, видя такое воздержание и благочестие отрока. Сначала мать, беспокоясь за здоровье своего сына, уговаривала его, чтобы он оставил столь суровый образ жизни. Но Варфоломей смиренно ответствовал своей матери: «Не препятствуй мне; позволь проводить такую жизнь; не заставляй преслушаться тебя».

И мать не желала более препятствовать доброму намерению сына. Так, смиряя воздержанием свою плоть, Варфоломей не выходил из воли родителей.

Между тем Кирилл и Мария переселились из древнего и славного города Ростова в скромный городок Радонеж, известный и даже прославленный впоследствии именем преподобного Сергия[1]. Родители преподобного сильно обеднели от тягостей и опустошений татар, которые в то время владели Русской землей, а также от поборов и притеснений со стороны наместников Московского князя Иоанна Даниловича Калиты, управлявших Ростовом. Вместе с другими ростовцами Кирилл и Мария переселились в Радонеж, в удельный город младшего сына Калиты Андрея, привлекаемые тем, что князь Андрей обещал переселенцам разные льготы и свободу от притеснений[2].

Варфоломей, которому было тогда около пятнадцати лет от роду, также последовал за своими родителями в Радонеж. Братья его к тому времени уже женились. Когда юноше исполнилось двадцать лет, он стал просить своих родителей, чтобы они благословили его постричься в иноки: уже давно стремился он посвятить себя Господу. Хотя родители его и ставили выше всего иноческую жизнь, однако просили сына подождать некоторое время.

— Чадо, подожди немного! — говорили они сыну. — Ты видишь: мы теперь в старости, в скудости и в болезни, и некому послужить нам. Братья твои женились: у них свои заботы, а ты послужи нам,

---

[1] На месте древнего Радонежа находится ныне село Городище, или Городок; оно расположено между Москвой и Троице-Сергиевой лаврой, в 12 верстах от последней.

[2] *Иоанн Калита* был великим князем с 1328-го по 1340 год. Сын его *Андрей Иоаннович* родился в 1327 году, † в 1353 году.

своим родителям. Проводишь нас до могилы, предашь погребению, тогда и осуществишь свою мысль, исполнишь свое желание.

Варфоломей, как покорный и любящий сын, повиновался воле своих родителей и усердно старался успокоить их старость, чтобы заслужить их молитвы и благословение. Незадолго до кончины Кирилл и Мария приняли монашество в Покровском-Хотьковом монастыре, находящемся в четырех верстах от Радонежа[1]. Сюда также пришел овдовевший около того времени старший брат Варфоломея — Стефан и вступил в число иноков. Немного спустя родители святого юноши, один вскоре после другого, с миром преставились и были погребены в Хотьковом монастыре. Братья после смерти родителей провели здесь сорок дней, вознося усердные молитвы Господу о упокоении новопреставленных рабов Божиих. Дом и скудное свое имущество Кирилл и Мария оставили Варфоломею. Но он часть наследства истратил на помин души — на милостыню и кормление нищих, а остальное отдал младшему брату Петру. Ничего не взял он себе, ничего не удержал даже для пропитания, ибо уповал на Бога, *дающего хлеб алчущим* (Пс. 145, 7).

Стремясь к отшельничеству, Варфоломей умолял старшего брата Стефана оставить Хотьков монастырь и идти для подвигов в пустыню. Стефан согласился, и братья отправились отыскивать пустынное место, удобное для отшельнической жизни. Долго они ходили по окрестным лесам, пока не пришли туда, где ныне возвышается монастырь Пресвятой Троицы, прославленный именем преподобного Сергия. Место это, прозывавшееся тогда Маковец, было покрыто густым, дремучим лесом, которого не касалась рука человека. И далеко во все стороны простирались лес и пустыня; мимо того места не пролегала дорога и никто не заходил сюда; вблизи не было ни сел, ни дворов и никаких людских поселений; одни звери обитали здесь. С горячей молитвою обратились к Богу братья, призывая Божие благословение на место будущего обитания и предавая Его святой воле свою судьбу. Устроив хижину, они стали ревностно подвизаться и молиться Богу. Потом воздвигли небольшую церковь и с общего согласия решили освятить ее во имя Пресвятой Троицы, служителем Которой преподобный Сергий был от

[1] Монастырь этот имел в то время два отделения: одно — для иноков, другое — для инокинь.

чрева матери; для этого они пошли в Москву и просили у митрополита Феогноста[1] благословения на освящение церкви. Святитель ласково их встретил и послал с ними священнослужителей освятить церковь. Так скромно было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

С усердием и неусыпным рвением предался теперь Варфоломей духовным подвигам: великой радостью был объят юный подвижник, когда увидел, что заветное его желание исполняется.

Но старший брат его Стефан, тяготясь жизнью в таком пустынном месте и оказав Варфоломею только небольшую помощь в трудах, оставил юношу одного в пустынном лесу, переселился в Московский Богоявленский монастырь и здесь сблизился с Алексием, бывшим потом митрополитом Московским[2].

Оставшись в совершенном одиночестве, Варфоломей еще усерднее стал приготовляться к иноческой жизни; лишь только тогда, как укрепился он в трудах и подвигах и приучил себя к строгому исполнению правил монашеских, он решил принять пострижение.

Для этого отшельник призвал к себе одного игумена по имени Митрофан, который и постриг его в иноческий чин на двадцать третьем году его жизни, в день памяти святых мучеников Сергия и Вакха[3], от чего Варфоломею и дано было имя Сергий[4]. После пострижения Митрофан совершил Божественную литургию в церкви Пресвятой Троицы и сподобил нового инока причащения Святых Христовых Тайн; в это самое время церковь исполнилась необычайного благоухания, которое распространялось даже за стенами храма. Семь дней новопостриженный инок неисходно пребывал в церкви. Каждый день игумен совершал литургию и приобщал его святого Тела и Крови Господних. За все это время пищей Сергия была просфора, даваемая ему ежедневно Митрофаном. День и ночь Сергий проводил в молитве и Богомыслии, постоянно славословил великое имя Господне, воспевал псалмы Давидовы и песни духовные: он весь был объят радостью, и душа его горела Божественным огнем и бла-

---

[1] *Феогност* был митрополитом с 1328-го по 1353 год.

[2] *Святой Алексий* занимал митрополичью кафедру в Москве с 1354-го по 1378 год.

[3] Их память совершается 7 октября.

[4] Имя *Сергий* — древнеримское, обозначает «высокий, почтенный».

гочестивою ревностью. Пробыв несколько дней с Сергием, Митрофан сказал ему:

— Чадо, я оставляю это место и предаю тебя в руки Божии; Господь да будет твоим заступником и хранителем.

Сотворив молитву и преподав новопостриженному несколько наставлений об иноческой жизни, Митрофан удалился. Святой Сергий, оставшись на том месте один, ревностно подвизался, умерщвлял свою плоть постом; проводил время в непрестанной, денноночной молитве и в прилежном чтении Слова Божия. Тяжела была его пустынная жизнь: труды, скудость, недостаток во всем необходимом. Особенно много скорбей и искушений испытал он от бесов в начале своего одиночества в пустыне. С ожесточением ополчились на инока невидимые враги; не терпя его подвигов, они хотели устрашить святого, удалить его из пустынного уединения. Сергий же отгонял их молитвой: призывая имя Господне, он разрушал бесовские наваждения, как тонкую паутину. Однажды ночью, когда подвижник молился в церкви, бесы, как бы целым воинством, грозно приблизились к нему и со страшною яростью кричали:

— Уйди с этого места, уйди, иначе ты погибнешь лютой смертью!

Они грозили разорить до основания церковь и келию подвижника, а его самого убить. Преподобный же, вооружившись молитвою и честным Крестом, отогнал силу вражью и, славословя Бога, пребывал без всякого опасения.

Другой раз, когда отшельник читал ночью правило, вдруг из леса поднялся шум; бесы во множестве окружили келию преподобного Сергия и с угрозами кричали ему:

— Уйди же отсюда, зачем ты пришел в лесную глушь? Чего ты ищешь? Не надейся более жить здесь, сам видишь — это место пусто и непроходимо! Разве ты не боишься умереть с голоду или погибнуть от рук разбойников?

Такими словами враги устрашали преподобного, но тщетны были все усилия их: святой помолился Господу, и тотчас же исчезло бесовское полчище.

После этих видений не так страшен был для подвижника вид диких зверей; мимо его одинокой келии пробегали стаи голодных волков и скрывались в чаще леса, или же подходили к преподобному и

как бы обнюхивали его; заходили сюда и медведи. Но сила молитвы спасала пустынника. Однажды преподобный Сергий заметил перед своей келией медведя; видя, что он очень голоден, подвижник сжалился над зверем, вынес ему кусок хлеба и положил на пень. С тех пор медведь стал часто приходить к келии Сергия, ожидал обычного подаяния и не отходил до тех пор, пока не получал его; преподобный радостно делился с ним хлебом, часто даже отдавал ему последний кусок. И дикий зверь в продолжение целого года каждодневно навещал пустынника.

Господь не оставлял Своего угодника в пустыне: с ним Он был во всех скорбях и искушениях, помогал ему, ободрял и укреплял усердного и верного раба Своего.

Между тем стала распространяться молва о необыкновенном пустынножителе — подвижнике. Раньше других узнали о нем богобоязненные иноки, начали приходить в Радонежскую пустынь по одному, по двое или по трое и просили преподобного Сергия принять их к себе в сожители и сподвижники. Преподобный отговаривал их, указывая на трудности пустынного жития:

— Вы не в силах жить на этом месте и не можете терпеть пустынного подвига: голод, жажду, скорби, затруднения, скудость и недостаток.

Когда же пришельцы настойчиво просили подвижника не отсылать их от себя, видя твердость их намерения и решимость подвизаться в пустыни, преподобный приглашает их приготовиться к терпению:

— Теперь приготовьте сердца свои не на пищу, не на питие, не на покой и беспечалие, но на терпение, чтобы переносить всякое искушение и всякий труд; приготовьтесь на пост, на подвиги духовные и на многие скорби.

С этого времени преподобный Сергий начал подвизаться уже не одиноким отшельником, а в сожитии с братией, которая старалась подражать ему в подвигах.

Вскоре в Радонежской пустыни собралось двенадцать человек, и долго не изменялось это число. Если кого-либо из братии постигала кончина, то на его место приходил другой, так что многие усматривали в этом совпадение: число учеников преподобного было такое же, каково было число учеников Господа нашего Иисуса Христа;

иные же сравнивали его с числом двенадцати колен Израилевых. Пришедшие построили двенадцать келий. Сергий вместе с братией обнес храм и келии деревянным тыном с одними воротами, у которых поставили вратаря. Так возник монастырь, существующий, по благодати Божией, до сих пор.

Скромен и убог был тогда вид Троицкой лавры. В глухом бору над речкой расчищена поляна и обнесена тыном. На поляне стоит небольшая церковь и несколько таких же малых келий, разбросанных в беспорядке как пришлось. В монастыре между келиями еще стоят и шумят деревья; около самой церкви лежат срубленные колоды деревьев и торчат пни; кое-где взрыты гряды и засажены овощами. Таков был монастырь преподобного Сергия в первые годы после своего возникновения.

Тихо и мирно проходила подвижническая жизнь пустынников; ежедневно они собирались в свою небольшую церковь и здесь возносили Господу усердные молитвы: они служили полуночницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, а для совершения Божественной литургии приглашали к себе из ближайших сел священника.

После того, как пришли к Сергию братия, поселился в заново основанной обители и священноинок Митрофан, совершивший обряд пострижения над преподобным Сергием; с радостью он был встречен братией и единодушно всеми избран игуменом. Иноки радовались, что теперь стало возможно совершать литургию гораздо чаще, чем прежде. Но Митрофан, прожив в обители около года, скончался. Тогда братия стали просить преподобного, чтобы он сам принял сан священства и был у них игуменом. Сергий отказался: он хотел подражать Господу и быть всем слугою. Своими руками он построил три или четыре келии, на своих плечах носил воду в два водоноса из источника под горой и ставил ее у келии каждого брата, рубил дрова, пек хлеба, шил одежду, готовил пищу и смиренно исполнял другие работы. Свои труды великий подвижник соединял с молитвой, постом и бдением: питался одним только хлебом и водой и то в небольшом количестве, каждую ночь он проводил в молитве и бдении, лишь на краткое время забывался сном. К величайшему удивлению всех, столь суровая жизнь нисколько не ослабляла здоровья подвижника; подавляя греховные движения плоти, она даже как будто укрепляла его тело и придавала ему силы для новых, еще

больших подвигов. Своим воздержанием, смирением и благочестивой жизнью преподобный Сергий подавал пример всей братии, жившей с ним. Всеми силами иноки старались подражать ему; так же, как и он, пребывали они в посте, молитве и постоянных трудах: то шили одежды, то переписывали книги, то возделывали небольшие свои огороды и исполняли другие подобные работы. Совершенное равенство было в монастыре, но выше всех стоял преподобный: он был первым подвижником в своей обители, лучше сказать, первым и последним, ибо многие и в его время и после подвизались здесь, но никто не мог сравниться с ним.

Однако с каждым днем в монастыре все сильнее чувствовалась нужда в игумене и иерее. Приглашать к себе священников было не всегда возможно, да и нужен был для братии руководитель, облеченный властью игуменскою. Не было другого лица, более достойного занять такое место, кроме основателя обители, но преподобный Сергий страшился игуменства: не начальником, а последним иноком желал он быть в монастыре, основанном его трудами. Наконец, подвижники Радонежской пустыни, уговорившись между собою и решив избрать игуменом преподобного Сергия, собрались вместе, пришли к нему и сказали:

— Отче, не можем мы жить без игумена, желаем, чтобы ты был нашим наставником и руководителем, мы хотим приходить к тебе с покаянием и, открывая пред тобою все помышления, всякий день получать от тебя разрешение наших грехов. Совершай у нас святую литургию, дабы мы из честны́х рук твоих приобщались Божественных Тайн.

Сергий решительно отказался:

— Братия мои, — говорил он, — у меня и помысла никогда не было об игуменстве, одного желает душа моя — окончить дни свои простым иноком. Не принуждайте же вы меня. Лучше предоставим все это Богу; пусть Он Сам откроет нам Свою волю, и тогда увидим, что нам делать.

Но иноки продолжали неотступно просить преподобного и говорили:

— Если ты не хочешь заботиться о душах наших и быть нашим пастырем, то испроси нам игумена у святителя. В противном случае все мы принуждены будем оставить это место и нарушить обет, дан-

ный нами; тогда нам придется блуждать, подобно овцам, без пастыря.

Не один раз и после того братия приходили к преподобному. Снова они умоляли его принять игуменство, еще настойчивее грозили оставить монастырь — уйти в мир из пустыни, возлагая всю ответственность за то пред Богом на преподобного. Такими угрозами они принудили Сергия принять игуменскую должность в своей обители. Святой отправился с двумя старцами в Переяславль-Залесский[1] к Афанасию, епископу Волынскому, ибо последний, по случаю отъезда святого Алексия митрополита в Царьград, управлял тогда делами митрополии. Святитель ласково принял подвижника, о котором уже давно дошли до него слухи, и долго беседовал с ним о спасении души. По окончании беседы преподобный Сергий смиренно поклонился Афанасию и стал просить у него игумена в свою обитель. На его просьбу святитель ответствовал:

— Отныне будь отцом и игуменом для братии, тобой собранной в новой обители Живоначальной Троицы!

Так он посвятил преподобного Сергия сначала в иеродиакона, затем рукоположил в иеромонаха; с величайшим благоговением, весь исполненный страха и умиления, совершал Сергий первую литургию, после которой и был поставлен в игумена. Афанасий долго поучал новопоставленного игумена и сказал ему:

— Чадо, теперь ты воспринял великий сан священства, знай же, что тебе подобает, по заповеди великого апостола, ***немощи бессильных сносить*** (Рим. 15, 1); помни слово: ***носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов*** (Гал. 6, 2).

Облобызав и благословив преподобного, святитель отпустил его с миром в обитель Пресвятой Троицы. С ликованием встретили игумена пустынножители, они вышли навстречу своему наставнику и отцу и с сыновнею любовью поклонились ему. Радовался и игумен, видя своих духовных чад. Придя в церковь, он обратился к Господу с усердною молитвою и просил, чтобы Бог благословил его, послал ему всесильную помощь в новом, трудном служении. Помолившись, преподобный обратился к братии со словом поучения, побуждал иноков не ослабевать в подвигах, просил у них содействия себе и снисхождения, и в первый раз преподал им свое игуменское благо-

---

[1] *Переяславль-Залесский* — ныне уездный город Владимирской губернии.

словение. Просто и немногословно было его наставление, но своею ясностью и убедительностью оно навсегда укоренилось в сердцах братии. Впрочем, преподобный не столько действовал словом, сколько самою своею жизнью, своим добрым примером. Став игуменом, он не только не изменил своих прежних подвигов, но еще с большею ревностью исполнял все правила монашеские; постоянно носил он в сердце своем слова Спасителя: *и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом* (Мк. 10, 44). Ежедневно он совершал Божественную литургию и всегда сам приготовлял для нее просфоры: толок и молол своими руками пшеницу, сеял муку, месил и квасил тесто, — сам пек их. Печение просфор было особенно любимым трудом преподобного: никого другого он не допускал до этого дела, хотя многие из братии и желали бы взять на себя этот нелегкий труд. Кроме того, он сам варил кутью и катал свечи для богослужения. Первым подвижник приходил в церковь, где стоял прямо, никогда не позволяя себе ни прислониться к стене, ни сесть; последним уходил из храма Божьего; неусыпно и с любовью поучал он братию.

В своих подвигах преподобный Сергий подражал древним устроителям монашества, жития которых читал с великим усердием. Назидаясь повествованиями о святых подвижниках, преподобный удивлялся как равноангельному житию их и победе над злыми духами, так и служению бедным мирским людям. Он молился Пресвятой Троице, чтобы и ему сподобиться идти по стопам святых мужей, которые кормили нищих, помогали вдовам, сиротам и всем нуждающимся, которые получили от Господа дар исцелять больных, воскрешать мертвых, помогать путникам на суше и на море.

По прошествии некоторого времени бесы, не терпя добродетельной жизни святого, снова стали восставать на него. Обращаясь в змей или в зверей, они являлись к нему в келию или окружали в лесу, когда преподобный рубил дрова, и пытались отвлечь мысль его от молитвы и богомыслия. Тогда блаженный обращался с молитвой к Господу, просил избавить его от диавольского наваждения, и бесы тотчас исчезали как дым. С того времени Бог даровал своему угоднику такую власть над нечистыми духами, что они не осмеливались даже приблизиться к нему.

Долгое время братий в монастыре было двенадцать человек. Но вот приходит из Смоленска архимандрит, по имени Симон. Отка-

завшись от видного положения, с чувством глубокого смирения Симон просил преподобного принять его, как простого инока. Сильно был тронут такой просьбой Сергий и с любовью принял прибывшего. Архимандрит Симон принес с собой деньги и передал их преподобному на устройство монастыря.

На пожертвование Симона преподобный выстроил более обширную деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы, расширил сам монастырь и привел в порядок его строения: келии братии были поставлены теперь четырехугольником вокруг церкви, так что она стояла посредине и была видима отовсюду.

Тогда возвратился в пустынную обитель преподобного Сергия из Московского Богоявленского монастыря старший брат его Стефан. Он привел с собою младшего сына своего Иоанна, имевшего двенадцать лет от роду, и передал его преподобному для пострижения в иночество. Преподобный Сергий был удивлен этой верой брата, не пощадившего сына своего для Господа, но исполнил его желание — постриг отрока и нарек в монашестве Феодором. Воспитанный отцом из млада в благочестии, постничестве и чистоте Феодор под руководством своего дяди укреплялся в иноческих подвигах. С того времени многие с разных сторон, иногда издалека стали собираться к преподобному Сергию, чтобы под руководством славного подвижника спасать свои души; с любовью принимал святой игумен всех приходивших, юных и старых, богатых и бедных, но, зная на опыте трудность монашеской жизни, не скоро постригал их. Обыкновенно он приказывал облечь пришедшего в длинную одежду из черного сукна и повелевал ему исполнять вместе с прочими иноками какое-либо послушание. Так поступал он для того, чтобы вновь прибывший мог узнать весь устав монастырский; лишь после долгого испытания преподобный Сергий постригал его в иночество, облекал в мантию и давал клобук, а более совершенных сподвижников своих удостаивал великого образа — схимы.

Принимая иноков после столь тщательного испытания, святой и потом следил за их жизнью. Так он строго запрещал братии после повечерия выходить из своих келий или вступать в беседу друг с другом; каждый должен был в это время пребывать в своей келии, занимаясь рукоделием или молясь. Поздно вечером, особенно в темные и долгие ночи, неутомимый и ревностный игумен, после келей-

ной молитвы, совершал обход келий и через оконце смотрел, чем кто занят. Если он заставал инока творящим молитву, или занимающимся рукоделием, или читающим душеспасительные книги, то с радостью воссылал о нем Богу молитвы и просил, чтобы Господь подкрепил его. Если же он слышал недозволенную беседу или заставал кого-либо за суетным занятием, то, постучав в двери или окно, отходил далее. На следующий же день он призывал к себе такого брата и вступал с ним в беседу, издалека тихо и кротко наводя его на признание своей вины. Послушный инок сознавался, просил прощения, и Сергий с отеческой любовью прощал его, на непокоряющегося же, не сознающего своей виновности он налагал эпитимию. Так преподобный Сергий заботился о вверенном ему стаде, так умел он соединять кротость со строгостью. Истинным пастырем, а не наемником был он для братии своей обители.

Обитель преподобного Сергия в первое время своего существования была бедна самыми необходимыми предметами; часто подвижники испытывали крайний недостаток в самом нужном. Удаленная от жилищ, отрезанная от всего света глухим, едва проходимым лесом, обитель преподобного Сергия редко получала помощь от мирских людей. Часто у братии не было вина для совершения Божественной литургии, и они были принуждаемы лишать себя этого духовного утешения; часто не хватало пшеницы для просфор или фимиама для каждения, воска для свеч, елея для лампад, — тогда иноки зажигали лучину и при таком освещении совершали службы в церкви. В бедно и скудно освещенном храме они сами горели и пламенели любовью к Богу яснее самых ярких свеч. Проста и несложна была внешняя жизнь иноков, также просто было и все, что их окружало и чем они пользовались, но величественна была простота эта: сосуды, какие употреблялись для Таинства причащения, были сделаны из дерева, церковное облачение из простой крашенины, богослужебные книги писались на бересте. Иногда иноки обители, в которой тогда еще не было общежития и каждый содержался на свои средства, терпели в пище недостаток. Сам игумен нередко испытывал нужду. Так однажды у преподобного не оставалось ни одного куска хлеба, да и во всем монастыре была скудость в пище; выходить же из обители для того, чтобы просить пропитания у мирян, препо-

добный строго запрещал инокам: он требовал, чтобы они возлагали надежду на Бога, питающего всякое дыхание, и у Него с верой просили бы всего благопотребного; а что он повелевал братии, то и сам выполнял без всякого опущения. Поэтому три дня терпел святой. Но на рассвете четвертого дня, томимый голодом, взяв топор, он пришел к одному старцу, жившему в его монастыре, по имени Даниил, и сказал ему:

— Я слышал, старче, что ты хочешь пристроить сени к своей келии; я желаю, чтобы руки мои не оставались праздными, поэтому и пришел к тебе; позволь мне построить сени.

Даниил отвечал:

— Да, я уже давно желаю сделать сени, даже заготовил все необходимое; жду только плотника из деревни; порядить же тебя я не решаюсь, ибо ты возьмешь с меня большую плату.

Но Сергий сказал, что ему нужно только несколько кусков старого, гнилого хлеба. Тогда старец вынес своему игумену решето с кусками хлеба, но преподобный сказал:

— Не сделав работы, я не беру платы.

После того он усердно принялся за работу; целый день занимался этим делом и, с Божьей помощью, кончил его. Лишь вечером на заходе солнца святой принял хлеб; помолившись, он стал вкушать его, причем некоторые иноки заметили, что из уст преподобного исходит как бы дым. Видя это, пустынножители дивились его смирению и терпению.

Как-то в другой раз случилось оскудение в пище; два дня переносили это лишение иноки. Наконец, один из них, сильно страдая от голода, стал роптать на святого, говоря:

— Доколе ты будешь запрещать нам выходить из монастыря и просить у мирян хлеба? Еще одну ночь мы перетерпим, а утром уйдем отсюда и не воротимся, чтобы нам не умереть с голода.

Преподобный утешал братию словами Священного Писания, повелевающими возлагать упование на Бога, привел он им слова Христова: *взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их* (Мф. 6, 26).

— Если же Он питает птиц, — говорил святой, — то неужели не может подать пищу нам? Вот теперь время терпения, мы же роп-

щем. Если мы перенесем кратковременное испытание с благодарностью, то это самое искушение послужит нам на большую пользу; ведь и золото не очищается без огня.

Не успел подвижник кончить своих слов, как в ворота монастыря начали стучать. Оказалось, что в обитель привезли неизвестно откуда много свежих, только что испеченных хлебов. Привезшие говорили:

— Вот это один христолюбец прислал авве[1] Сергию и братии, живущей с ним.

Тогда иноки стали просить посланных вкусить с ними пищи, но те отказались, сказав, что им приказано немедленно вернуться обратно, — и поспешно удалились из обители. Пустынники, увидев обилие привезенных яств, поняли, что Господь посетил их Своею милостью, и, возблагодарив горячо Бога, устроили трапезу; при этом иноки сильно были поражены необычайною мягкостью и необыкновенным вкусом хлеба. На другой и на третий день в монастырь еще привезли много еды и пития, так что их хватило надолго для пропитания братии. Преподобный игумен, воспользовавшись этим случаем для наставления иноков, сказал, поучая их:

— Смотрите, братия, как Промыслитель Господь не оставляет места этого и рабов Своих соиночествующих, живущих здесь, работающих день и ночь и всетерпящих с верой и благодарением.

И, вспоминая слова святого апостола Павла: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8), он уговаривал братию не заботиться о скоропреходящем, но уповать на Промыслителя — Бога.

Приблизительно через пятнадцать лет после возникновения Радонежской обители вблизи ее стали селиться крестьяне. Они беспрепятственно вырубали лес, настроили дворов и сел, распахали поля и стали сеять хлеб. Жизнеописатель преподобного жалуется, что крестьяне исказили пустынь, не пощадили ее, превратили в чистые поля. Новые соседи монастыря прекратили и его пустынную скудость. Часто посещали они монастырь, усердно приносили в изобилии разные припасы, и нищета в обители преподобного Сергия кончилась навсегда.

Одно время в монастыре стал чувствоваться недостаток в воде, происшедший, вероятно, оттого, что источник, протекавший около

[1] *Авва* — отец, учитель.

обители, давал менее воды, чем сколько нужно было для всех насельников быстро умножавшегося монастыря. Братии приходилось теперь носить воду издалека и с большими затруднениями. Поэтому некоторые стали роптать на святого и говорили:

— Зачем ты, не разбирая, поселился на этом месте? Зачем, когда здесь нет поблизости воды, ты устроил обитель?

Преподобный смиренно отвечал:

— Братия, я желал один безмолвствовать на этом месте, Богу же было угодно, чтобы здесь возникла обитель. Он может даровать нам и воду, только не изнемогайте духом и молитесь с верою: ведь, если Он в пустыне извел воду из камня непокорному народу еврейскому, то тем более не оставить вас, усердно служащих Ему.

После того он взял с собой одного из братии и тайно сошел с ним в чащу, находившуюся под монастырем, где никогда не было проточной воды. Найдя во рве немного дождевой воды, святой преклонил колена и стал молиться:

— Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, услышь нас в час этот и яви славу Твою: как в пустыне через Моисея чудодействовала крепкая десница Твоя, источив из камня воду, так и здесь яви силу Твою, — Творец неба и земли, даруй нам воду на месте этом, и да разумеют все, что Ты внемлешь молящимся Тебе и воссылающим славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и во веки веков. Аминь.

Тогда впезапно забил обильный источник. Сильно поражена была братия; ропот недовольных сменился чувством благоговения перед святым игуменом; иноки даже стали называть этот источник Сергиевым. Но смиренному подвижнику было тяжело прославление людское и он сказал:

— Не я, братия, дал вам воду, но Сам Господь послал ее нам, недостойным. Поэтому не называйте его моим именем.

Тогда братия перестали называть источник Сергиевым.

С того времени иноки уже не испытывали более недостатка в воде, но брали ее из источника для всех монастырских потребностей; за водой из этого источника присылали нередко и миряне, иногда издалека, и пьющие эту воду с верой получали исцеление.

Много и других чудес совершил преподобный еще при жизни: так однажды он воскресил мертвого. Это произошло следующим образом: в окрестностях обители жил поселянин, питавший к Сергию

великую веру; единственный сын его был одержим неизлечимою болезнью; твердо надеясь, что святой исцелит отрока, поселянин принес его к преподобному. Но в то время, как он пришел в келию святого и стал просить его помочь болящему, отрок умер. Потеряв всякую надежду, отец стал горько плакать:

— Увы мне, — говорил он святому, — я пришел к тебе, человек Божий, с твердой уверенностью, что ты поможешь мне. Увы мне! Что теперь мне делать?

Так скорбя и рыдая, он вышел, чтобы принести все нужное для погребения сына.

Увидев рыдания огорченного отца, преподобный сжалился над ним и, сотворив молитву, воскресил отрока. Вскоре возвратился поселянин с гробом.

Святой же сказал ему:

— Напрасно ты неосмотрительно предаешься печали: отрок не умер, но жив.

Так как этот человек видел, как умер его сын, то не хотел верить словам святого; но подойдя, он с удивлением увидел, что отрок действительно жив; тогда обрадованный отец стал благодарить преподобного за воскрешение сына.

— Ты обманываешься и не знаешь сам, что говоришь, — отвечал ему чудотворец. — Когда ты нес отрока сюда, он от сильной стужи изнемог, — ты же подумал, что он умер; теперь в теплой келии он согрелся — а тебе кажется, что он воскрес.

Но поселянин продолжал утверждать, что сын его воскрес по молитвам святого. Тогда Сергий запретил ему говорить о этом, прибавив:

— Если ты станешь рассказывать о том, то будешь наказан и вовсе лишишься своего сына.

В великой радости вернулся поселянин домой, прославляя Бога и его угодника Сергия. Об этом чуде узнал один из учеников преподобного, который и поведал о нем.

Слава о чудесах преподобного Сергия стала быстро распространяться, и начали привозить больных к нему не только из окрестных селений, но даже из отдаленных местностей. Так однажды привезли с берегов Волги знатного человека, одержимого нечистым духом. Сильно страдал он: то кусался, то бился, то убегал от всех; десять

человек едва могли удержать его. Родные бесноватого, услышав о Сергии, решили привести его к преподобному. Немало усилий потребовалось для того. Когда болящего привезли в окрестности монастыря, он с необычайной силой разорвал железные оковы и стал кричать так громко, что его голос быль слышен в обители. Преподобный Сергий совершил молебное пение о болящем; в это время страждущий стал несколько успокаиваться; его даже ввели в сам монастырь; по окончании молитвенного пения, когда преподобный подошел с крестом к бесноватому и стал осенять его, бесноватый бросился с диким воплем в воду, скопившуюся неподалеку после дождя. Когда же преподобный осенил его святым крестом, он почувствовал себя совершенно здоровым и рассудок возвратился к нему. На вопрос, почему он бросился в воду, исцеленный отвечал:

— Когда меня привели к преподобному, и он стал осенять меня честным Крестом, я увидел великий пламень, исходящий от креста, и, думая, что тот огонь сожжет меня, устремился в воду.

После того несколько дней он пробыл в монастыре, прославляя милосердие Божие и благодаря святого угодника за свое исцеление.

Много и других чудес происходило по молитвам подвижника. *Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются* (Мф. 11, 5), словом, все, с верой приходящие к святому, какими бы ни страдали недугами, получали телесное здоровье и нравственное назидание, так что обретали сугубую пользу.

Слух о таких чудесах преподобного Сергия распространялся все далее и далее, молва о его святой, подвижнической жизни росла шире и шире; более и более возрастало число посещавших его обитель. Все прославляли преподобного Сергия, все благоговейно почитали его; многие шли сюда из различных городов и мест, желая видеть святого подвижника; другие стремились получить от него наставление и насладиться его душеполезной беседой; многие иноки, оставив свои монастыри, приходили под кров основанной преподобным обители, желая подвизаться под его руководством и жить вместе с ним; простые и знатные жаждали получить от него благословение, приходили к блаженному отцу. Все его уважали и считали за пророка или как бы за одного из древних святых отцов.

Уважаемый и прославляемый всеми, преподобный Сергий оставался все тем же смиренным иноком: людская слава не прельщала

его; все так же продолжал он трудиться и служить всем примером величайшего смирения. Не любил он мягких и красивых одежд, но постоянно носил одеяние из грубой ткани, сшитое своими руками. Однажды в монастыре не было хорошего сукна, оставался всего один кусок, и тот был такого низкого достоинства и притом так плохо окрашен, что монахи отказывались брать его. Тогда Сергий взял его себе, сшил из него одежду и носил ее до тех пор, пока не развалилась.

Вообще же святой всегда носил ветхую и грубую одежду, так что многие не узнавали его и принимали за монастырского служку. Один крестьянин из дальнего селения, слыша много о святом Сергии, пожелал видеть его. Он пришел в обитель преподобного и стал спрашивать встречающихся братий, где находится святой. Случилось, что преподобный тогда в огороде копал землю. Братия сказала о том прибывшему поселянину; он пошел к огороду и в щель забора увидел святого, копающего землю, в худой, разодранной одежде, испещренной заплатами. Он подумал, что указавшие ему на этого старца посмеялись над ним, ибо он ожидал видеть святого в большой славе и чести.

Поэтому он снова стал спрашивать с обидой:

— Где же святой Сергий? Покажите мне его, так как я пришел издалека поклониться ему; к тому же имею к нему дело.

Иноки же отвечали:

— Старец, виденный тобой, и есть преподобный отец наш.

Когда святой вышел из огорода, крестьянин отвернулся от него и не хотел смотреть на блаженного; негодуя, он так говорил братии:

— Сколько труда понапрасну понес я! Пришел взглянуть на великого пророка и надеялся увидеть его в большой почести и славе, а вы смеетесь надо мной, показываете какого-то слугу.

Братия с негодованием рассказали игумену о недоверчивом и непочтительном посетителе. Но насколько тщеславный превозносится о похвале и почести своей, настолько же смиренномудрый радуется о бесчестии и уничижении. Позвав поселянина к себе, преподобный поставил перед ним трапезу и стал радушно угощать его; между прочим, святой сказал ему:

— Не печалься, друг: по милости Божией, отсюда никто не уходит печальным и твое желание исполнится.

Лишь только блаженный произнес эти слова, уведомили о прибытии в монастырь князя. Сергий встал и вышел навстречу знатному гостю, приехавшему в монастырь в сопровождении множества слуг. Увидев игумена, князь еще издали поклонился преподобному до земли, испрашивая смиренно у него благословения. Святой же, благословив князя, с подобающею честью ввел его в обитель; они сели рядом и стали беседовать, а прочие все предстояли. Поселянин, оттесненный далеко княжескими слугами, не мог, несмотря на все свои старания, приблизиться к тому старцу, которым он ранее гнушался. Тогда он тихо спросил у одного из предстоящих:

— Господин, что это за старец сидит с князем?

Тот же отвечал ему:

— Разве ты пришлец здесь, что не знаешь этого старца? Это — преподобный Сергий.

Поселянин стал ужасаться и укорять себя за свое неверие. Когда же князь вышел из обители, он быстро подошел к преподобному и, стыдясь прямо глядеть на него, поклонился старцу в ноги, прося прощения за то, что согрешил по неразумию. Святой же ободрил его, благословил, побеседовал с ним, утешил его и отпустил домой.

Таким великим смирением отличался преподобный Сергий: земледельца, который пренебрег им, он возлюбил не менее, чем князя, оказавшего ему почесть. И тот ушел с великой верой к святому; прожив какое-то время в миру, поселянин скоро опять пришел в обитель и принял здесь пострижение: так сильно тронуло его смирение великого подвижника.

Один раз поздно вечером блаженный, по своему обычаю, совершал правило и усердно молился Богу о своих учениках; вдруг он услышал голос, звавший его:

— Сергий!

Преподобный сильно изумился такому необычайному в ночное время явлению; отворив окно, он хотел посмотреть, кто зовет его. И вот, видит он большое сияние с неба, которое настолько разгоняло ночной мрак, что сделалось светлее дня. Голос послышался во второй раз:

— Сергий! Ты молишься о своих чадах, и моление твое услышано: посмотри — видишь число иноков, собирающихся под твое руководство во имя Пресвятой Троицы.

Оглянувшись, святой увидел многое множество прекрасных птиц, прилетевших и в сам монастырь, и за его ограду. И опять был слышен голос:

— Так умножится число твоих учеников, подобно этим птицам; и после тебя оно не оскудеет и не умалится, если они станут следовать твоим стопам.

Святой был изумлен таким дивным видением. Желая, чтобы и другой кто-либо порадовался вместе с ним, он громким голосом позвал Симона, жившего ближе прочих. Удивляясь необычайному призыву игумена, Симон поспешно пришел к нему, но видеть всего видения уже не сподобился, а узрел только некоторую часть небесного света. Преподобный подробно рассказал ему все, что он видел и слышал, и оба провели без сна всю ночь, радуясь и прославляя Бога.

Вскоре после этого к преподобному Сергию пришли послы от святейшего патриарха Константинопольского Филофея[1] и передали святому вместе с благословением дары от патриарха: параманд[2] и схиму.

Они принесли из Константинополя следующее послание: «Милостью Божьей архиепископ Константина града, вселенский патриарх, господин Филофей сыну и сослужебнику нашего смирения о Святом Духе Сергию благодать и мир и наше благословение! Мы слышали о твоей добродетельной жизни по заповедям Божиим, восхвалили Бога и прославили имя Его. Но вам еще недостает одного, и притом самого главного: нет у вас общежития. Ты знаешь, что и сам Богоотец пророк Давид, все обнимавший своим разумом, изрек: *как хорошо и как приятно жить братьям вместе* (Пс. 132, 1). Поэтому и мы преподаем вам добрый совет — устроить общежитие, и да будет с вами милость Божия и наше благословение».

Получив патриаршее послание, преподобный отправился к блаженному митрополиту Алексию и, показав ему грамоту, спросил его:

— Владыка святой, как ты прикажешь?

---

[1] *Филофей* был патриархом с 1354-го по 1355 год и во второй раз — с 1362-го по 1376 год.

[2] *Параманд*, или *аналав*, — монашеская одежда — перевязь хитона на плечах и под мышками. В древности эта одежда состояла из двух ремней и надевалась крестообразно и в ознаменование подъятия на рамена крестного ига Христова.

Святой Алексий одобрил намерение преподобного и посоветовал ввести строгое общежитие[1].

С того времени преподобный Сергий установил в своей обители общежитие и строго приказал братии соблюдать общежительный устав: никому из иноков ничего не приобретать для себя, не называть ничего своим, но по заповедям святых отцов все иметь общее, монастырское: и пищу, и одежду, и жилище.

Из числа братии преподобный Сергий избрал разных чинов для монастыря: служебных — для заведования трапезой, хозяйством, казной, уходом за больными братьями, а также церковных — для надзора за монастырским храмом и его чистотой.

Запретив инокам частную собственность, преподобный не был склонен собирать богатство и в общую пользу монастыря. Все излишки, какие в нем скапливались, подвижник употреблял на дела благотворения: на милостыню нищим или на помощь бедным мирянам, которые приходили в обитель. И по мере того, как монастырь богател от приношений христолюбцев — мирян, милостивый игумен более и более развивал его благотворительность: страннолюбие, нищелюбие и уход за больными. Сам подвижник помогал бедным, странным и больным, и служебным чинам обители дал непререкаемую заповедь не оставлять дел милосердия и благотворения, и обещал при этом, что обитель его будет стоять и процветать до тех пор, пока они станут сохранять эту заповедь его. И с того времени никто из нуждающихся не уходил без подаяния от ворот Радонежской обители; больные надолго оставались при монастыре и пользовались уходом. Путники, заехавшие зимнею порою в непогоду и морозы, жили в обители и получали содержание, пока нельзя было пуститься в дальнейший путь. Князья и воеводы заходили сюда с отрядами войска, и все получали пищу и питье от гостеприимного подвижника. Когда большая дорога от Москвы к Ростову, шедшая раньше вдали от обители преподобного Сергия, проложена была близ нее, в монастырь стало заезжать еще более гостей.

---

[1] Предполагают, что преподобный Сергий лично сам или через святого митрополита Алексия обращался к Константинопольскому патриарху, которому подчинена была тогда Русская Церковь, с просьбою одобрить и благословить свое решение ввести в монастыре строгое общежитие, так что мысль об устроении общежития принадлежит самому преподобному Сергию.

Скоро, однако, в Радонежской обители произошел беспорядок — восстание против святого игумена. Братия, с такой настойчивостью принудившая преподобного принять власть, теперь стала недовольна, вероятно, строгостью общежития. Родной брат его Стефан, не чуждый духа властолюбия, был во главе восставших и оскорбил святого в церкви за вечерним богослужением. Кроткий подвижник ничего не сказал обидчику. Прямо из церкви и не заходя в келию, несмотря на позднее время, он скрылся из монастыря и ушел на реку Киржач[1], где основал новый монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Троицкие иноки скоро хватились своего игумена, пошли в разные стороны искать его и, когда открыли новое место его подвигов, начали переходить в монастырь на Киржаче. Лишившись святого наставника, Радонежское братство начало быстро уменьшаться; порядок монастырской жизни расстроился. Тогда оставшиеся просили святого митрополита Алексия, чтобы он повелел преподобному Сергию возвратиться в обитель Пресвятой Троицы. Тогда святой Алексий послал к преподобному двух архимандритов с просьбой, чтобы он внял молению братии и возвратился к ней. Он увещевал Сергия сделать это для того, чтобы иноки основанной им обители не разошлись, не имея пастыря, и святое место не запустело. Беспрекословно исполнил преподобный Сергий это прошение блаженного святителя: он возвратился в лавру, на место первого своего пребывания, поставив игуменом Киржачского монастыря ученика своего Романа[2], и с величайшей радостью был встречен братиею.

Святой Стефан, епископ Пермский[3], питавший великую любовь к преподобному, однажды ехал из своей епархии в Москву; дорога, по которой проезжал святитель, отстояла от Сергиева монастыря верстах в восьми. Так как Стефан очень спешил в город, то проехал мимо обители, предполагая посетить ее на обратном пути. Но когда он был против монастыря, то остановился, прочитал: «Достойно

---

[1] *Киржач* — в настоящее время заштатный город Владимирской губернии, Покровского уезда. Получил имя от реки Киржач. Благовещенский монастырь, подчиненный прежде Троице-Сергиевой лавре, упразднен в 1764 году и обращен в приходскую церковь. В 1876 году открыт собор.

[2] Преподобный Роман скончался в 1392 году.

[3] Память святого Стефана, просветителя Перми († в 1396 году), празднуется 27 апреля; его мощи почивают в Московском соборе Спаса на Бору.

есть» и, сотворив обычную молитву, поклонился преподобному Сергию со словами:

— Мир тебе, духовный брат.

Случилось, что тогда блаженный Сергий вместе с братией вкушал за трапезою. Уразумев духом поклонение епископа, он тотчас же поднялся; немного постояв, он сотворил молитву, в свою очередь также поклонился епископу и сказал:

— Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и благословение Господне да будет с тобой.

Братия была удивлена таким необычайным поступком святого; некоторые же поняли, что преподобный удостоился видения. По окончании трапезы иноки стали расспрашивать его о происшедшем, и он сказал им:

— В тот час против нашего монастыря остановился епископ Стефан на пути в Москву, поклонился Пресвятой Троице и благословил нас, грешных.

Некоторые из учеников преподобного тотчас же поспешили к указанному месту, потом нагнали святого епископа и убедились, что все произошло именно так, как сказал преподобный[1].

Многие благочестивые мужи просияли славою в обители преподобного; многие из них были поставлены на игуменство в другие монастыри, а иные возведены на святительские кафедры. И все они преуспевали в добродетелях, наставляемые и руководимые своим великим учителем Сергием.

Среди учеников преподобного был один, по имени Исаакий; он желал посвятить себя подвигу безмолвия и поэтому часто просил у святого благословения на этот великий подвиг. Однажды премудрый пастырь в ответ на его прошение сказал:

— Если ты, чадо, желаешь безмолвствовать, то на следующий день я дам тебе на это благословение.

На другой день, по окончании Божественной литургии, преподобный Сергий осенил его честным крестом и сказал:

---

[1] В память этого происшествия и до сих пор сохраняется в Троице-Сергиевой лавре такой обычай: перед последним блюдом, по звуку колокольчика, все монашествующие встают, очередной иеромонах произносит: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас», — после чего все опять садятся оканчивать трапезу.

— Господь да исполнит твое желание.

В это мгновение Исаакий видит, что необыкновенный пламень исходит от руки преподобного и окружает его, Исаакия; с того времени он пребывал в молчании, и лишь только однажды чудесное явление разрешило ему уста.

Преподобный Сергий еще при жизни, будучи во плоти, сподобился иметь общение с бесплотными. Однажды святой игумен совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором. В церкви тогда среди прочих находился также Исаакий молчальник. Со страхом и благоговением, как и всегда, совершал святой великое таинство. Вдруг Исаакий видит в алтаре четвертого мужа, в чудно блистающих ризах и сияющего необычайным светом; при малом входе с Евангелием небесный сослужитель следовал за преподобным, лицо его сияло, как снег, так что невозможно было взирать на него. Чудное явление поразило Исаакия, он отверз уста свои и спросил рядом стоящего с ним отца Макария:

— Что за дивное явление, отче? Кто этот необыкновенный муж?

Макарий также был сподоблен видения; изумленный и пораженный им, он отвечал:

— Не знаю, брате; я и сам ужасаюсь, взирая на такое дивное явление; не пришел ли разве какой священнослужитель с князем Владимиром?

Князь Владимир Андреевич[1] в то время был в церкви. Старцы спросили у одного из его свиты, не приходил ли с князем иерей; спрошенный ответил, что священника с ними не было. Тогда иноки поняли, что с преподобным Сергием сослужит Ангел Божий. По окончании литургии приступили к святому и спросили его об этом. Сначала подвижник не хотел открывать им тайны:

— Какое необычайное явление видели вы, чада? Служили литургию Стефан, Феодор и я, грешный; более никого не было.

Ученики же продолжали просить его; тогда преподобный сказал:

— Чада, если Сам Господь Бог открыл вам, то могу ли я утаить это? Тот, кого вы видели, был Ангел Господень; не только ныне, но

---

[1] *Князь Владимир Андреевич Серпуховский* († в 1410 году), в пределах которого находилась Троицкая лавра, сподвижник Димитрия Иоанновича Донского в Куликовской битве.

и всегда, когда мне, недостойному, приходится совершать Литургию, он, Божиим изволением, служит вместе со мной. Вы же никому не говорите, что видели, пока я жив.

Среди учеников преподобного Сергия был один, по имени Андроник, происходивший из того же города Ростова, откуда был родом и сам преподобный. Еще в юных летах он пришел в монастырь Живоначальной Троицы и был принят им в число иноков. Здесь он подвизался много лет, украсил себя добродетелями и подъял много трудов; поэтому и святой сильно любил своего ревностного ученика. У Андроника было желание построить свою обитель и ввести в ней общежитие. И желание это исполнилось. В то время митрополитом Московским был святой Алексий; тесная дружба и узы братской любви соединяли святителя с блаженным Сергием; они часто вели душеполезные беседы, нередко святой митрополит спрашивал совета у преподобного игумена. Однажды, посетив монастырь, Алексий сказал Сергию:

— Возлюбленный, хочу просить у тебя одного благодеяния и думаю, что по любви ко мне ты исполнишь мою просьбу.

Старец же отвечал архиерею:

— Владыка святой, мы все в твоей власти, ни в чем тебе нет запрещения.

Тогда митрополит сказал:

— Я хочу, если Бог поможет, построить монастырь. Когда мы плыли из Константинополя, поднялась сильная буря, так что мы едва не погибли. Все начали молиться Богу; также и я стал просить Его, чтобы Он избавил нас от предстоящей смерти. Тогда я дал обет построить храм во имя того святого, память которого празднуется в тот день, когда Господь дарует нам высадиться на берег. С того часа буря прекратилась, наступила тишина, и мы достигли берега 16 августа[1]; теперь желаю исполнить свой обет — построить церковь в честь Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа; при ней хочу устроить общежительный монастырь. Поэтому прошу тебя, дай мне возлюбленного ученика твоего Андроника.

Преподобный с готовностью исполнил просьбу митрополита. Святой Алексий отправился в Москву и здесь на берегах Яузы осно-

[1] 16 августа празднуется перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа, бывшее в 944 году.

вал монастырь[1], а игуменство в нем поручил Андронику. Спустя какое-то время сам преподобный Сергий прибыл в новую обитель; благословил ученика своего и сказал: «Господи, призри с небеси на место это и посети его Своею милостию».

Тот же святитель Алексий, благодаря Господа за исцеление по его смиренным молитвам татарской царицы Тайдулы, основал другой монастырь в Москве — в память чуда Архистратига Михаила[2] и для этой Чудовской обители митрополит испросил у Сергия нескольких старцев.

Имя преподобного связано с основанием еще одного монастыря в Москве, именно Симоновского. Феодор, племянник Сергия, долгое время пребывал в обители великого подвижника, живя с ним в одной келии и процветая добродетелями. Все удивлялись тому, что Феодор никогда ничего не скрывал от своего наставника игумена, но исповедовал ему всякий помысл. Когда он был уже священноиноком, то пожелал основать где-либо монастырь, и рассказал о том преподобному Сергию. Но преподобный сначала не отпускал от себя племянника, желая передать ему после себя игуменство в Радонежском монастыре. Когда же за Феодора начал просить великий князь Димитрий Иоаннович, подвижник согласился отпустить его, а вместе с ним и тех из братии, которые хотели за ним следовать. Вероятно, с согласия великого князя, Феодор избрал и место для основания новой обители вблизи Москвы, называемое Симоново. Преподобный Сергий пришел осмотреть избранное место, нашел его удобным и дал свое благословение на постройку новой обители. Феодор построил церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, в честь ее славного Рождества; открыл при церкви монастырь и ввел в нем общежитие[3]. Слава о добродетельной жизни Феодора стала широко распространяться, число иноков его обители все возрастало. Сам преподобный Сергий неоднократно посещал эту обитель и принимал, по преданию, участие в трудах братии. Спустя некоторое время, святой Феодор был возведен в сан архиепископа Ростовского и своими до-

---

[1] *Спасо-Андроников монастырь* был основан в 1360 году.

[2] *Чудо Архистратига Михаила* воспоминается 6 сентября; Чудов монастырь в Кремле был основан в 1365 году.

[3] Начало Симонова монастыря — около 1370 года. Некоторое время спустя, около 1379 года, он перенесен на новое место, где находится в настоящее время.

бродетелями светло сиял там подобно яркому светильнику до самой своей кончины, последовавшей 28 ноября 1394 года.

Не в одной Москве, но и во многих других местах возникали обители, основанные учениками преподобного Сергия или же устроенные самим великим подвижником. Так великий князь Димитрий Иоаннович, желая построить монастырь в Коломне на месте, называемом Голутвино, усердно просил святого Сергия благословить то место и воздвигнуть церковь. Тронутый такою верою великого князя и движимый любовью к нему, преподобный отправился в Коломну пешим — он всегда имел такой обычай, — благословил то место и воздвиг церковь во имя Богоявления Господня. По просьбе великого князя он дал для новой обители одного из своих учеников священноинока Григория, мужа благоговейного и благочестивого; вскоре и эта обитель, где также было установлено общежитие, Божией благодатью, процвела во славу Единого, в Троице славимого Бога[1].

По просьбе другого князя, Владимира Андреевича, преподобный благословил место в Серпухове для монастыря в честь Зачатия Пресвятой Богородицы. В этот монастырь, называемый Высоцким, святой послал строителем по настойчивой просьбе князя одного из своих самых любимых учеников — Афанасия, сильного в Божественном Писании, отличавшегося необыкновенным послушанием и другими добродетелями и чрезвычайно искусного в переписывании книг[2]. Так преподобный Сергий благословлял многие обители и посылал туда своих учеников. И духовные сыны его и сыны сынов его, как звезды, светили и сияли во все стороны чудным житием своим всем на пользу[3].

Равноангельная жизнь преподобного, необычайное его смирение и труды на пользу церкви внушили святому митрополиту Алексию желание иметь блаженного Сергия своим преемником и заместите-

[1] Сначала Коломенский Голутвин монастырь, основанный около 1385 года, находился в четырех верстах от города Коломны при впадении реки Москвы в Оку; но в XVIII веке этот монастырь перенесли в самый город, почему он и стал называться «Новоголутвиным».

[2] *Высоцкий монастырь*, прозванный так потому, что расположен на высоком берегу реки Нары, был основан в 1374 году.

[3] Многочисленные ученики и собеседники преподобного Сергия основали до тридцати монастырей на севере Руси, в древнем Заволжье — в лесах Новгородского, Вологодского и Костромского края.

лем. Достойный пастырь стада Христова, замечая, что уже приближается кончина его, призвал к себе преподобного Сергия и, взяв свой митрополичий параманд с золотым крестом, украшенным драгоценными камнями[1], подал его преподобному. Но великий подвижник, смиренно поклонившись, сказал:

— Прости мне, владыка святой, от юности не был я златоносцем, а в старости тем более желаю пребывать в нищете.

Святой же Алексий сказал ему:

— Возлюбленный, я знаю, что таково было всегда твое житие; теперь же покажи послушание и приими подаваемое тебе от нас благословение.

При этом он сам возложил на святого параманд, а потом начал говорить:

— Ведаешь ли, преподобный, зачем я тебя призвал, и что желаю предложить тебе? Вот, я держал Богом врученную мне Российскую митрополию, сколько Господу было то угодно; но теперь уже близок мой конец, не знаю только дня моей кончины. Я желаю при жизни моей найти мужа, который бы после меня мог пасти Христово стадо, и никого, кроме тебя, не нахожу. Мне хорошо известно, что, начиная с князя и до последнего человека, все желают тебя. Итак, восприми теперь сан епископский, а после моей кончины займешь мой престол.

Услышав эти речи, преподобный, почитавший себя недостойным такого сана, сильно смутился духом.

— Прости меня, владыка, — ответил он святителю, — это выше моих сил. Никогда не найдешь во мне, чего ищешь: я — грешный и самый последний из всех людей.

Долго убеждал преподобного блаженный святитель Алексий. Но возлюбивший смирение Сергий остался непреклонным.

— Владыка святой, — сказал он, — если ты не желаешь изгнать меня из этих пределов, так что и не услышишь обо мне, то не говори более об этом и не позволяй никому другому обращаться ко мне с такими речами: никто во мне не найдет на то согласия.

---

[1] В древнее время у русских святителей, кроме параманда монашеского (о котором говорилось выше), употреблялся еще параманд служебный, который надевался на стихарь или подризник при богослужении. Служебный параманд и предлагал святой Алексий преподобному Сергию.

Видя, что святой остается непреклонным, архипастырь перестал говорить ему об этом: он боялся, как бы преподобный не ушел в более отдаленные места и пустыни, и Москва не лишилась бы такового светильника. Утешив его духовною беседою, святитель с миром отпустил его в обитель.

По прошествии некоторого времени святой митрополит Алексий скончался (12 февраля 1378 года); тогда все усиленно просили Сергия воспринять Российскую митрополию. Но преподобный пребывал непреклонным. После двенадцатилетних смут, последовавших за кончиной святого Алексия, престол Московской митрополии занял святой Киприан[1].

Около полутораста лет прошло с тех пор, как Русскую землю завоевали татары. Тягостно и унизительно было иго этих грозных завоевателей; частые набеги на целые области, разорение жилищ, избиение жителей, разрушение церквей Божиих, большая дань — все это невыносимым гнетом ложилось на Русскую землю; князья часто должны были ездить на поклон в Орду и там подвергались разным унижениям. Нередко и среди князей происходили разногласия и ссоры, что мешало им объединиться и свергнуть иго иноплеменников.

В это время Божиим попущением за грехи людские один из ханов татарских, нечестивый Мамай, поднялся на Русь со всеми своими несметными полчищами. Великий князь Димитрий Иоаннович также стал готовиться к войне, но прежде чем выступить в путь, он отправился в монастырь Животворящей Троицы, чтобы поклониться Господу и испросить благословения на предстоящий поход у святого игумена обители. Имея великую веру к преподобному, признавая его пророком, князь Димитрий спрашивает святого, идти ли ему против безбожных.

Радонежский подвижник ободрил князя и сказал ему:

— Подобает тебе заботиться о стаде, порученном Богом, и выступить против безбожных.

После этого святой старец пригласил князя выслушать Божественную литургию; по окончании ее Сергий просил Димитрия Иоанновича, чтобы он вкусил пищи в его обители; хотя великий князь и спешил отправиться к своему войску, однако он повиновался святому игумену. Тогда старец сказал ему:

---

[1] Он правил Русской митрополией два раза: в первый раз с 1381-го по 1382 год, во второй — с 1390-го по 1406 год.

— Обед этот, великий князь, будет тебе на пользу. Господь Бог тебе помощник; еще не приспело время тебе самому носить венец победы, но многим — весьма многим сподвижникам твоим готовы венцы страдальцев.

После трапезы, окропив святою водою великого князя и бывших с ним, преподобный сказал князю:

— Врага ожидает конечная гибель, а тебя милость, помощь от Бога и слава. Уповай же на Господа и на Пречистую Богородицу.

Затем, осенив князя честным Крестом, преподобный пророчески изрек:

— Иди, господин, безбоязненно. Господь поможет тебе против безбожных: победишь врагов своих.

Последние слова он сказал одному только князю; обрадовался тогда защитник русской земли, и пророчество святого заставило его прослезиться от умиления. В то самое время в обители Сергиевой подвизались два инока — Александр Пересвет и Андрей Ослябя: в миру они были боярами — воинами, опытными в ратных делах. Этих иноков-воинов и просил великий князь у преподобного Сергия; старец тотчас же исполнил просьбу Димитрия Иоанновича; он приказал возложить на иноков схиму с изображением Креста Христова и, напутствуя их, говорил:

— Вот, чада, оружие непобедимое: да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!

Великий князь в умилении воскликнул:

— Если Господь мне поможет, и я одержу победу над безбожными, то поставлю монастырь во имя Пречистой Богоматери.

Преподобный еще раз благословил князя и окружавших его; по преданию, он дал ему икону Господа Вседержителя и проводил его до самых врат обители. Так святой игумен старался ободрить князя в тяжелое время, когда нечестивые враги грозили смести с лица земли имя русское и уничтожить веру православную.

Между тем Русские князья соединились, и собравшееся войско выступило в поход; 7 сентября 1380 года ополчение достигло Дона, переправилось через него и расположилось на знаменитом поле Куликовом[1], готовое встретить грозного врага. Утром 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, войско стало гото-

[1] *Куликово поле* находится в Епифановском уезде Тульской губернии.

виться к бою; перед самой битвой пришли иноки Троицкой обители, посланные от преподобного Сергия. Святой игумен хотел укрепить мужество князя: он передает ему благословение Пресвятой Троицы, присылает Богородичную просфору и грамоту, в которой утешает его надеждою на помощь Божию, и предрекает, что Господь дарует ему победу. Весть о посланниках Сергиевых быстро разнеслась по полкам и вдохновила воинов мужеством; надеясь на молитвы преподобного Сергия, они безбоязненно шли на битву, готовые умереть за православную веру и за свою родную землю.

Несметное полчище татарское надвигалось, как туча; уже из среды его выступил богатырь громадного роста, необычайной силы. Надменно, подобно древнему Голиафу, он вызывал кого-либо из русских на единоборство. Страшен был грозный вид богатыря. Но против него выступил смиренный инок Пересвет. Простившись мысленно со своим отцом духовным, со своим собратом Ослябою, с великим князем, доблестный воин Христов с копьем в руках быстро устремился на своего противника; со страшною силою они сшиблись, и оба пали мертвыми. Тогда началась ужасная битва; такой сечи еще не бывало на Руси; сотни тысяч воинов бились и погибли на Куликовом поле; тесня один другого, многие умирали под копытами лошадей; от множества трупов трудно было двигаться коням; кровь лилась потоками на пространстве целых десяти верст. Тысячи доблестных воинов русских пали в тот день, но вдвое больше было побито татар и битва окончилась совершенным поражением неприятелей: безбожные и высокомерные враги бежали, оставив за собою поле битвы, усеянное трупами павших; сам Мамай едва успел убежать с малой дружиной.

Во все время, пока происходила Куликовская битва, преподобный Сергий, собрав братию, стоял с нею на молитве и усердно просил Господа, чтобы Он даровал победу православному воинству. Имея дар прозорливости, святой ясно видел как бы перед своими глазами все то, что было удалено от него на большое расстояние; он поведал братии о победе русских, называл павших по именам, сам приносил о них моление.

С величайшей радостью возвратился в Москву великий князь, получивший за славную победу над татарами прозвище Донского, и немедленно отправился к преподобному Сергию. Прибыв в обитель, он от всего сердца воздал благодарение Господу, «Сильному во бра-

нех», благодарил святого игумена и братию за молитвы, рассказал преподобному подробно о битве, повелел служить заупокойные литургии и панихиды за всех воинов, убиенных на Куликовом поле[1], и сделал щедрый вклад в монастырь. Памятуя об обещании, данном перед битвой — построить монастырь, — великий князь при помощи преподобного Сергия, выбравшего место и освятившего храм новой обители, воздвиг общежительный монастырь в честь Успения Пресвятой Богоматери на реке Дубенке[2].

Вскоре после того татары под предводительством нового хана Тохтамыша коварным образом напали на Русскую землю[3]; Тохтамыш обманом захватил Москву, разорил и несколько других городов. Преподобный Сергий удалился в Тверь; страшные враги уже были недалеко от обители, но могущественная десница Божия сохранила монастырь от дерзновенной руки грозных завоевателей: Тохтамыш быстро ушел, когда узнал, что приближается великий князь со своим воинством.

Страшные сами по себе татары были еще страшнее и опаснее для Русской земли в то время, когда между князьями происходили различные споры и ссоры за великокняжеский престол и за другие владения. Некоторые из удельных князей, для противодействия Московскому великому князю вступали даже в союз с врагами Русской земли — татарами и литовцами; такими усобицами часто пользовались наши враги, и случалось, что Русской земле грозила неминуемая гибель; а между тем для спасения ее и отражения грозных неприятелей необходимо было всем тесно сплотиться и крепко оборонять свою родину от иноверных, забыв о всяких взаимных распрях. Для этого было нужно, чтобы власть верховная была в руках одного великого князя, так чтобы другие князья подчинились ему и выполняли его волю. Преподобный Сергий стремился содействовать умиротворению княжеских раздоров и укреплению власти великого князя Московского, и тем принес великую пользу родной земле. Еще ранее Куликовской битвы, в 1365 году он посетил Нижний Нов-

---

[1] Тогда была установлена Димитриевская суббота (в октябре) — день для поминовения павших в этой битве воинов и вообще всех усопших.

[2] *Дубенский монастырь*, построенный в сорока верстах от лавры на реке Дубенке, впадающей в Дубну, ныне не существует.

[3] Нашествие Тохтамыша было в 1382 году.

город и склонял князя Бориса Константиновича, захватившего этот город у брата своего Димитрия, повиноваться великому князю Димитрию Иоанновичу, который требовал возвращения Нижнего Новгорода князю Димитрию.

Преподобный Сергий примирил с великим князем Московским Рязанского князя Олега. Последний не раз нарушал договоры, вступая в союз с врагами земли Русской. Московскому князю надо было заключить мир со своим врагом. Многих послов посылал князь Димитрий к Олегу, но суровый и гневный князь никого не хотел слушать. Тогда он обратился к преподобному Сергию с просьбой склонить Олега к примирению. В 1385 году смиренный игумен послом от Московского князя отправился в Рязань вместе со старейшими боярами его. Чудный старец долго беседовал с князем о спасении души, о мире и о любви, и своими тихими, кроткими и благоуветливыми речами привел его в умиление, уговорил Олега заключить вечный мир с великим князем Димитрием.

Искреннюю любовь и уважение питал к преподобному сам Димитрий Иоаннович: часто он обращался за советами к святому игумену, нередко приезжал к нему за благословением. Он пригласил Сергия быть восприемником своих детей; даже духовная князя скреплена подписью преподобного; в этой духовной навсегда установлен был порядок владения престолом великокняжеским: власть великокняжескую должен был наследовать старший сын.

Князь Владимир Андреевич Серпуховской также проявлял к блаженному сыновнюю любовь и великую веру: часто приходил к нему, иногда присылал в монастырь пищу и питие. Однажды он, по своему обычаю, отправил слугу с различными яствами в обитель преподобного. На дороге слуга, по наваждению диавола, соблазнился и съел немного из посланных яств. Придя в монастырь, он сказал святому, что эти яства присланы князем. Прозорливый же старец не желал принять их и говорил:

— Зачем, чадо, ты послушался врага, зачем прельстился ты, вкусив от яств, которых без благословения не надлежало и касаться тебе?

Обличенный слуга пал в ноги святому старцу и со слезами просил у него прощения, раскаиваясь в своем согрешении. Только тогда преподобный принял посланное; он простил княжеского слугу, наставляя его никогда не брать тайком чужого и отпуская с миром, ве-

лел передать благочестивому князю благодарность и благословение от обители Пресвятой Троицы.

Многие обращались к преподобному, прося у него помощи и заступления, и Сергий всегда помогал находящимся в бедах и защищал угнетенных и убогих. Около обители жил один скупой и жестокосердый человек; он обидел своего соседа — сироту: отнял у него свинью, не заплатив за нее денег, и велел ее заколоть. Обиженный стал жаловаться преподобному и просил у него помощи; тогда подвижник призвал к себе того человека и сказал ему: «Чадо, веришь ли ты, что есть Бог? Он Судия праведным и грешным, Отец сирым и вдовицам; Он готов на отмщение, и страшно впасть в Его руки. Как же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло? Ужели мы еще не довольны тем, что Он дает нам по Своей благости, и прельщаемся чужим добром? Как можем мы презирать Его долготерпение? Разве мы не видим, что творящие неправду становятся неимущими, дома их пустеют и память о них исчезает навсегда; и в будущем веке их ждет мучение бесконечное».

И долго еще поучал святой этого человека и велел ему отдать сироте должную цену, прибавив: «Никогда не притесняй сирот».

Тот человек раскаялся, обещал исправиться и отдать деньги своему соседу; но, спустя какое-то время, он изменил свое намерение и не уплатил денег. И вот, войдя в клеть, где лежало мясо зарезанной свиньи, вдруг видит он, что все оно изъедено червями, хотя время было зимнее. Объятый страхом, он тотчас же заплатил сироте, что следовало, а мясо выбросил собакам.

Однажды прибыл в Москву из Царьграда некий епископ; он много слышал о святом угоднике Божьем, но не верил этому.

«Может ли, — думал он, — появиться в этих странах такой великий светильник?»

Рассуждая так, он задумал отправиться в обитель и своими глазами посмотреть на старца. Когда он приближался к монастырю, им овладел страх; а лишь только вошел в обитель и взглянул на святого, тотчас же ослеп. Тогда преподобный взял его за руку и ввел в свою келию. Епископ со слезами начал умолять Сергия, поведал ему о своем неверии, просил о прозрении, каялся в своем согрешении. Смиренный игумен прикоснулся к его глазам, и епископ тотчас же прозрел. Тогда преподобный кротко и мягко стал беседовать с ним

и говорил, что не следует возноситься; епископ же, прежде сомневавшийся, стал теперь всех уверять, что Сергий воистину человек Божий и что Господь сподобил его узреть земного ангела и небесного человека. С подобающей честью проводил епископа преподобный из своего монастыря, и он возвратился к себе, прославляя Бога и Его угодника Сергия.

Однажды ночью блаженный Сергий стоял перед иконою Пречистой Богородицы, совершая свое обычное правило, и, взирая на святой лик ее, молился: «Пречистая Матерь Господа нашего, Иисуса Христа, заступница и крепкая помощница человеческому роду, будь ходатаицей за нас, недостойных, молись всегда Твоему Сыну и Богу нашему, да призрит на святое это место. Тебя, Матерь сладчайшего Христа, призываем на помощь рабы Твои, ибо Ты для всех пристанище и надежда».

Так преподобный молился и воспевал благодарственный канон Пречистой. Окончив молитву, он присел на короткое время для отдохновения. Вдруг он изрек своему ученику Михею:

— Чадо, бодрствуй и трезвись! В этот час к нам будет неожиданное и чудесное посещение.

Лишь только произнес он эти слова, внезапно послышался голос, говорящий:

— Се, грядет Пречистая.

Услыхав этот голос, святой поспешно вышел из келии в сени; здесь осиял его великий свет ярче солнечного сияния, и он сподобился узреть Пречистую, сопровождаемую двумя апостолами Петром и Иоанном: необычайный блеск окружал Богоматерь. Не вынося необычайного сияния, святой пал ниц. Пречистая же прикоснулась к святому Своими руками и сказала:

— Не ужасайся, избранник Мой! Я пришла посетить тебя, ибо услышаны твои молитвы об учениках. Не скорби больше об обители своей: отныне она будет иметь изобилие во всем не только при твоей жизни, но и по отшествии твоем к Богу. Я же никогда не оставлю этого места.

Изрекши это, Пречистая Богоматерь стала невидима. Святой был поражен великим страхом и трепетом. Придя в себя через некоторое время он увидел, что ученик его лежит как мертвый. Святой поднял его; тогда Михей стал кланяться в ноги старцу, говоря:

— Отче, Господа ради, расскажи мне, что это за чудное явление; едва душа моя не разлучилась с телом, столь блистательно было это видение.

Святой же был объят великою радостью; даже лицо его сияло от несказанного ликования; он не мог промолвить ничего другого, как только:

— Чадо, помедли немного, ибо и во мне от чудного видения трепещет душа!

И некоторое время преподобный стоял молча; потом сказал своему ученику:

— Позови ко мне Исаака и Симона!

Когда они пришли, то святой рассказал им все по порядку, как он видел Пречистую Богородицу с апостолами, и что Она изрекла ему. Услышав это, они исполнились великой радости, и все вместе совершили молебен Богородице; святой же провел без сна всю ту ночь, размышляя о милостивом посещении Пречистой Владычицы.

Однажды преподобный совершал Божественную литургию. Вышеупомянутый ученик его Симон, муж испытанной добродетели, тогда был экклесиархом[1]. Вдруг он видит, что по святому престолу носится огонь, озаряя алтарь и окружая служащего Сергия, так что святой был объят пламенем с головы до ног. А когда преподобный приступил к принятию Христовых Тайн, огонь поднялся и, свившись, как бы некая дивная пелена, погрузился в святую чашу, из которой и причастился святой Сергий. Видя это, Симон пришел в ужас и стоял в безмолвии. Причастившись, преподобный отошел от святого престола и, поняв, что Симон сподобился видения, призвал его и спросил:

— Чадо, чего так устрашилась душа твоя?

— Отче, я узрел чудное видение: я видел благодать Духа Святого, действующую с тобою.

Тогда преподобный запретил ему рассказывать об этом комулибо:

---

[1] *Экклесиарх* (слово греческое, значит: начальник храма) — обязан был наблюдать за церковным зданием и чистотой в нем, за всеми принадлежностями храма, а также за порядком Богослужения в монастыре, по указаниям церковного Устава.

— Не говори никому, что ты видел, до тех пор, пока Господь не призовет меня к Себе.

И оба они стали горячо благодарить Творца, явившего им такую милость.

Прожив много лет в большом воздержании среди неусыпных трудов, совершив много славных чудес, преподобный достиг глубокой старости. Ему исполнилось уже семьдесят восемь лет. За шесть месяцев до кончины, провидев свое отшествие к Богу, он призвал к себе братию и поручил старейшинство в монастыре своему ученику Никону[1], который хотя и молод был летами, но умудрен опытностью духовною. Во все время жизни ученик подражал своему учителю и наставнику преподобному Сергию. Его-то святой и назначил игуменом, а сам предался совершенному безмолвию и стал готовиться к отшествию из этой временной жизни. В сентябре месяце он впал в тяжелый недуг и, почувствовав приближение кончины, призвал к себе братию и в последний раз обратился к ней с поучением и наставлением; он увещевал иноков пребывать в вере и единомыслии, умолял их сохранять чистоту душевную и телесную, завещал питать ко всем нелицемерную любовь, советовал им удаляться от злых похотей и страстей, наблюдать умеренность в пище и питье, убеждал не забывать страннолюбие и быть смиренными, бежать от земной славы. Наконец он сказал им:

— Я отхожу к Богу, меня призывающему, и поручаю вас Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери; да будет Она вам прибежищем и стеной от сетей и козней вражиих.

В самые последние минуты преподобный пожелал сподобиться святых Таин Христовых. Уже он не мог сам подняться со своего ложа: ученики благоговейно поддерживали под руки своего учителя, когда он в последний раз вкушал Тела и Крови Христовых; затем, воздев свои руки, он с молитвой предал Господу чистую свою душу[2]. Лишь только святой преставился, несказанное благоухание разлилось по его келии. Лицо праведника сияло небесным блаженством, — казалось, он опочил глубоким сном.

Лишившись своего учителя и наставника, братия почувствовали себя осиротелыми, сильно скорбели и проливали горькие слезы; с

[1] Память преподобного Никона Радонежского († 1428) совершается 17 ноября.

[2] Кончина преподобного Сергия последовала 25 сентября 1392 года.

надгробными песнями и псалмопениями они погребли честное тело святого, положив его в церкви Живоначальной Троицы, на правой стороне ее.

Прошло уже тридцать лет после преставления преподобного Сергия, когда Господь восхотел еще более прославить Своего угодника. В это время близ монастыря жил один благочестивый человек; имея великую веру к святому, он часто приходил ко гробу Сергия и усердно молился угоднику Божьему. Однажды ночью после горячей молитвы он впал в легкий сон; тогда ему явился святой Сергий и сказал: «Возвести игумену обители: зачем оставляют меня так долго под покровом земли в гробе, где вода окружает мое тело?»

Пробудившись, тот муж исполнился страха, но вместе с тем почувствовал в сердце своем необычайную радость; немедленно рассказал он о видении ученику преподобного Сергия — Никону, бывшему тогда игуменом. Никон поведал братии — и велико было ликование всех иноков. Слух о скором открытии мощей угодника Божия распространился далеко, и много людей стеклось в обитель; прибыл и почитавший преподобного, как отца, крестный сын его князь Юрий Димитриевич[1], много заботившийся о святой обители. Лишь только собравшиеся открыли гроб преподобного, тотчас же великое благоухание распространилось кругом. Тогда увидели дивное чудо: не только честное тело преподобного Сергия сохранилось целым и невредимым, но тление не коснулось даже и одеяния его; по обе стороны гроба стояла вода, но она не касалась ни мощей преподобного, ни его одежды. Видя это, все возрадовались и восхвалили Бога, прославившего Своего угодника. С ликованием были положены святые мощи преподобного в новую раку. Обретение мощей преподобного Сергия последовало 5 июля 1422 года, в память чего и было установлено празднование.

Господь дивно прославил великого угодника Своего: многочисленные и многоразличные чудеса подаются всем, с верой призывающим его святое имя и припадающим к раке многоцелебных и чудотворных мощей его. Смиренный подвижник бегал славы мирской, но могущественная десница Божия высоко возвеличила его, и чем более он смирял себя, тем более Бог прославил его. Еще находясь на

[1] *Юрий Димитриевич*, князь Звенигородский († 1434), сын Димитрия Донского, брат тогдашнего великого князя Василия Димитриевича.

земле, преподобный Сергий сотворил много чудес и сподобился дивных видений; но, проникнутый духом смирения и кротости, он запрещал своим ученикам рассказывать о них; по кончине же воспринял такую силу от Господа, что различные чудеса, совершаемые по его молитвам, подобны многоводной реке, не умаляющей струй своих. Истинно и не ложно слово Писания: *дивен Бог во святых Своих* (слав. Пс. 67, 36). Дивны чудотворения, подаваемые всем через великого угодника Божия: слепые получают прозрение, хромые — исцеление, немые — дар слова, бесноватые — освобождение от лукавых духов, болящие — здравие, находящиеся в бедах — помощь и заступление, теснимые врагами — защиту, скорбящие — облегчение и успокоение, всем, обращающимся с верою к преподобному, подается помощь. Светло светит солнце и согревает своими лучами землю, но еще светлее сияет великий чудотворец, просвещая своими чудесами и молитвами души человеческие. И не исчезнет никогда слава преподобного, — она будет сиять вечно, ибо в Священном Писании говорится: *праведники живут во веки* (Прем. 5, 15).

Невозможно умолчать о чудесах угодника Божия, но нелегко и описать их: так велико число их, так различны они; упомянем лишь о самых важных чудотворениях, которыми Бог благоволил прославить великого подвижника[1].

Оставив братию видимым образом, преподобный Сергий не оставлял с ней общения невидимого; великий подвижник заботился о своей обители и после кончины, неоднократно являясь кому-либо из братии. Так, однажды инок Троицкого монастыря по имени Игнатий удостоился такого видения: святой Сергий стоял за всенощным бдением на своем месте и с прочими братьями участвовал в церковном пении. Удивленный Игнатий тотчас же поведал об этом братии, и все радостно возблагодарили Господа, даровавшего им такого великого молитвенника и споспешника.

---

[1] Описание посмертных чудес преподобного Сергия составлено по Четьим-Минеям митрополита Всероссийского Макария, по житиям Сергия, составленным митрополитами Платоном и Филаретом, на основании сказания о посмертных чудесах Симона Азарьина; описание чудес при осаде лавры поляками взято из «Сказания об осаде Троицкого монастыря» — келаря Аврамия Палицына; приняты во внимание также старопечатные жития преподобного Сергия и другие исторические источники.

Осенью 1408 года, когда игуменом был ученик преподобного Никон, к пределам Московским стали приближаться татары под предводительством свирепого Эдигея. Преподобный Никон долго молил Господа, чтобы Он сохранил обитель Своего угодника и защитил ее от нашествия грозных врагов; при этом он призывал имя великого основателя обители — преподобного Сергия. Раз ночью после молитвы он присел, чтобы отдохнуть, и забылся дремотой. Вдруг он видит святителей Петра и Алексия и с ними преподобного Сергия, который изрек: «Господу было угодно, чтобы иноплеменники коснулись и этого места; ты же, чадо, не скорби и не смущайся: обитель не запустеет, а процветет еще более».

Затем, преподав благословение, святые стали невидимы. Придя в себя, преподобный Никон поспешил к дверям, но они были заперты; отворив их, он увидел святых, идущих от его келии. Тогда понял он, что это был не сон, а истинное видение. Предсказание преподобного Сергия скоро исполнилось: татары разорили обитель и сожгли ее. Но, предупрежденные таким чудесным образом, иноки временно удалились из монастыря, а когда враги отступили от московских пределов, Никон, с Божьей помощью и по молитвам преподобного Сергия, снова отстроил обитель и воздвиг деревянный храм в честь Пресвятой Троицы[1].

В игуменство того же преподобного Никона один инок рубил лес на построение келий и сильно поранил себе топором лицо. От великой боли он не мог продолжать своей работы и возвратился к себе в келию; уже наступал вечер; игумена же тогда в монастыре не было. Вдруг инок слышит, что кто-то постучался в дверь келии и назвал себя игуменом; изнемогая от боли и потери крови, он не мог встать, чтобы отворить дверь; тогда она сама отворилась, дивный свет озарил вдруг всю келию, и среди сияния инок увидел двух мужей, — одного — в архиерейском одеянии. Страждущий стал мысленно просить у пришедших благословения. Светоносный старец показывал святителю основания келии, последний же благословлял их. Тогда болящий, к величайшему своему изумлению, почувствовал себя совершенно здоровым. Из этого он понял, что удостоился видеть свя-

---

[1] Освящение этого храма было 25 сентября 1412 года. После обретения мощей преподобного Сергия преподобный Никон воздвиг каменный храм, доныне существующий Троицкий собор, в котором почивают мощи великого угодника.

тителя Алексия и преподобного Сергия. Так эти святые мужи, соединенные тесными узами братской любви при жизни, являлись вместе и по смерти.

Один из жителей Москвы, купец, по имени Симеон, родившийся по предсказанию святого, заболел так сильно, что не мог ни двинуться, ни уснуть, ни принять пищи, но лежал расслабленный на своем одре. Страдая таким образом, он однажды ночью стал призывать к себе на помощь святого Сергия:

— Помоги мне, преподобный Сергий, избавь меня от болезни. Вспомни: еще при жизни своей ты был так милостив к моим родителям и предрек им мое рождение; не забудь меня, страждущего столь тяжко.

Вдруг перед ним предстали два старца; один из них был Никон; болящий тотчас узнал его, потому что лично знал этого святого еще во время его жизни; тогда он понял, что второй из явившихся был сам преподобный Сергий. Дивный старец ознаменовал болящего крестом, а потом велел Никону взять икону, стоявшую у одра — она была некогда подарена Симеону самим Никоном. Больному показалось, что вся кожа его отстала от тела; после этого святые стали невидимы. В ту же минуту Симеон почувствовал, что он совершенно выздоровел: он поднялся на своем одре, и уже никто более его не поддерживал; тогда стало ему ясно, что не кожа сошла у него, а болезнь оставила его. Велика была его радость; встав, он начал горячо молиться святым чудотворцам за свое чудесное исцеление.

Однажды в обитель преподобного собралось по обыкновению множество народа, ибо наступал великий праздник в честь Пресвятой Троицы. Среди пришедших был один бедный странник, семь лет тому назад потерявший зрение; он стоял вне церкви, где в то время шло торжественное богослужение; проводник же его отошел на некоторое время от него; слушая пение церковное, слепец скорбел, что не может войти и поклониться мощам преподобного. Оставленный проводником, он стал горько рыдать; вдруг явился ему скорый в помощи святой Сергий; взяв слепца за руку, преподобный ввел его в церковь и подвел к раке, — слепец коснулся ее и тотчас прозрел. Множество людей были свидетелями такого славного чуда; все возблагодарили Бога и прославили Его угодника; а человек, по-

лучивший исцеление, в благодарность навсегда остался в обители преподобного и помогал братии в работах.

В 1551 году царь Иоанн Васильевич Грозный[1] для защиты от татар основал город Свияжск[2]; в этом городе был построен монастырь в честь Пресвятой Троицы, где находился образ преподобного Сергия; много чудес подавалось от святой иконы не только верующим, но и среди неверующих язычников. Однажды в Свияжск явились с покорностью старейшины горных черемисов[3] и рассказывали следующее: «Лет за пять до основания города, когда место это было пусто, мы часто слышали здесь русский церковный звон; мы посылали сюда молодых людей посмотреть, что такое здесь происходит; они слышали голоса прекрасно поющих, как бы в церкви, но никого не видали, один только инок ходил с крестом, благословлял на все стороны и как бы размерял место, где теперь город, и все то место наполнялось благоуханием. Когда пускали в него стрелы, они не ранили его, а взлетали вверх и ломались, падая на землю. Мы сказали о том нашим князьям, а они — царице Казанской и вельможам».

Но особенно много чудес было совершено преподобным Сергием в тягостное время осады Троицкого монастыря поляками. Своими явлениями святой хотел ободрить мужество защитников славной обители и укрепить всех православных людей. Враги под начальством Лисовского и Сапеги начали осаждать монастырь 23 сентября 1608 года; число их простиралось до пятнадцати тысяч, защитников же было около двух с половиной тысяч; поэтому все собравшиеся в обитель (между ними были старцы, женщины и дети), сильно упали духом; среди всеобщего плача и рыдания было совершено всенощное бдение под 25 сентября, когда празднуется память святого Сергия. Но преподобный поспешил ободрить находившихся в печали и скорби: в ту же ночь иноку Пимену было видение. Он молился Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице; вдруг в келии его стало светло, как днем; думая, что враги подожгли обитель, Пимен вышел из своей келии, и ему представилось дивное явление: он видел над главою храма Живоначальной Троицы огнен-

---

[1] *Иоанн Васильевич Грозный* царствовал с 1533-го по 1584 год.

[2] *Свияжск* — ныне уездный город Казанской губернии.

[3] *Черемисы* — финское племя, рассеянное главным образом в Вятской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Костромской и Нижегородской губерниях.

ный столп, возносившийся до небес; в изумлении Пимен призвал других иноков и некоторых из мирян — и все удивлялись необычайному видению: спустя несколько времени столп начал опускаться и, свившись огненным облаком, вошел в храм Троицы через окно над входом.

Между тем осаждавшие осыпали монастырь ядрами; но всесильная десница Божия защищала обитель Пресвятой Троицы: ядра падали на пустые места или в пруды и мало причиняли вреда осажденным. Множество народа собралось под защиту монастырских стен, так что внутри обители была теснота необыкновенная; многие не имели крова, несмотря на позднее время года. Между тем враги стали вести подкоп под монастырь и изнуряли силы осажденных частыми приступами. Чтобы ободрить находившихся в обители, преподобный в один воскресный день явился пономарю Иринарху и предрек нападение врагов. Потом тот же старец видел, как святой Сергий ходил по ограде и кропил ее святой водой. В следующую ночь враги действительно произвели сильное нападение на монастырь, но, предупрежденные чудесным образом, защитники отбили врагов и нанесли им немалое поражение.

Осажденным было известно, что враги ведут подкоп под стены монастыря, но они не знали направления подкопа: каждую минуту грозила им лютая гибель, всякий ежечасно видел смерть перед своими очами. В это горестное время все с усердием стекались в храм Живоначальной Троицы и с сердечным умилением взывали к Богу о помощи, все каялись в грехах своих; не было человека, кто бы не обращался с верой к мощам великих заступников Сергия и Никона: все, приобщившись святых Тайн, готовились к смерти. В эти тяжкие дни преподобный Сергий явился архимандриту Иоасафу[1]. Однажды Иоасаф после усердной молитвы перед иконой Пресвятой Троицы впал в легкую дремоту; вдруг он видит, что святой с воздетыми руками слезно молится Пресвятой Троице; окончив свою молитву, он обратился к архимандриту и сказал ему: «Восстань, брат, теперь подобает молиться, *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41); всесильный и всемилостивый Господь помиловал вас, чтобы вы и прочее время жизни провели в покаянии».

---

[1] *Иоасаф* был архимандритом с 1605-го по 1610 год.

Архимандрит поведал об этом явлении братии и тем много утешил людей, объятых страхом и печалью.

Вскоре архимандрит Иоасаф сподобился другого видения: совершая у себя в келии правило, он задремал; вдруг к нему входит преподобный Сергий и говорит: «Восстань и не скорби, но в радости вознеси молитвы, ибо о всех вас молится Богу Пречистая Богородица, Приснодева Мария с ликами Ангелов и со всеми святыми».

Преподобный Сергий являлся не только бывшим в святой обители, но также и казакам, осаждавшим лавру. Один казак из неприятельского войска пришел в монастырь и рассказал о явлениях преподобного: многие военачальники видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных старца, похожие на чудотворцев Сергия и Никона; один из них кадил монастырь, а другой кропил его святой водой. Затем они обратились к казацким полкам, укоряя их за то, что вместе с иноверцами они хотят разорить дом Пресвятой Троицы. Некоторые из поляков стали стрелять в старцев, но стрелы и пули отскакивали в самих стрелявших и многих из них ранили. В ту же ночь преподобный явился во сне многим полякам и предрек им гибель[1]. Некоторые из казаков, устрашенные этим явлением, оставили лагерь врагов и ушли домой, дав обещание никогда более не поднимать оружия на православных. По милости Божией, осажденным удалось узнать направление подкопа. Они уничтожили его, причем несколько защитников лавры пожертвовали своей жизнью, исполняя заповедь Христову: ***нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*** (Ин. 15, 13). Между тем наступившая зима заставила врагов прекратить свои частые нападения, но осажденные стали сильно терпеть от опасного врага внутреннего: от тесноты, дурной пищи и от загрязненной воды в монастыре развилась ужасная болезнь — цинга[2]. Небольшие силы защитников уменьшались с каждым днем; иеромонахи не успевали напутствовать умирающих; могущих носить оружие осталось менее тысячи. С унынием ожидали осажденные возобновления военных действий. Но Бог див-

---

[1] Действительно, главные предводители поляков — Сапега и Лисовский — вскоре погибли; Сапега умер в 1611 году в Москве, а Лисовский — в 1616 году, 25 сентября — в день памяти преподобного Сергия, внезапно был поражен смертью, упав с лошади.

[2] *Цинга* — болезнь, при которой опухают десны и появляются язвы на ногах.

ным образом хранил обитель, основанную Его святым угодником. С незначительными силами защитники ее долго отражали приступы неприятелей; но чем более проходило времени, тем более осажденные падали духом; слабые и нерешительные даже советовали покориться врагам добровольно; они говорили, что уже нельзя послать кого-либо в Москву с просьбой о помощи — так враги стеснили монастырь. Среди роптания и уныния преподобный Сергий хотел поддержать мужество и ободрить слабых духом. Он снова явился пономарю Иринарху и сказал:

— Скажи братии и всем ратным людям: зачем скорбеть о том, что невозможно послать весть в Москву? Сегодня в третьем часу ночи я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и ко всем Московским чудотворцам трех моих учеников: Михея, Варфоломея и Наума, чтобы они совершили там молебствие. Враги видели посланных; спросите, почему они не схватили их?

Иринарх рассказал об этом явлении; все стали расспрашивать стражу и врагов, не видел ли кто посланных из монастыря. Тогда открылось, что неприятели действительно видели трех старцев; они стали их преследовать и надеялись быстро настигнуть их, так как кони под старцами были очень плохи. Но преследовавшие обманулись: кони под старцами неслись, как будто крылатые; враги не могли никак нагнать их.

В то время в обители был один больной старец. Услыхав о чуде, он стал размышлять, на каких именно конях были посланные Сергием старцы и действительно ли все это было. Тогда внезапно явился ему преподобный, сказав, что он послал старцев на тех слепых лошадях, которые вследствие недостатка корма были выпущены за монастырскую ограду, он исцелил этого старца от болезни и вместе с тем от неверия.

В этот самый день в Москве увидели едущего старца, за которым следовало двенадцать возов, наполненных печеным хлебом. Москва тогда также была осаждена врагами. Старец с возами и со спутниками направлялся к Богоявленскому монастырю, где тогда было лаврское подворье. Видевшие это дивились и недоумевали, как могли они пройти незамеченными среди полков неприятельских.

— Кто этот старец и его спутники и как они прошли сквозь такое множество войска? — спрашивали жители Москвы старца.

Старец же приветливо отвечал:

— Все мы из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы.

Когда же его спросили, что происходит в обители преподобного Сергия, старец сказал:

— Не предаст Господь имени Своего в поношение неверующим; только сами вы, братия, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию.

Между тем по Москве стал распространяться слух о прибывших из обители преподобного Сергия; сам царь Василий[1] спрашивал, почему к нему не привели их; к Богоявленскому монастырю стало стекаться много народа, но там никто не видел прибывших. Когда же в этом монастыре оказалось вдруг большое изобилие хлеба, тогда поняли, что то было явление преподобного Сергия.

Бедствия осады переносила и Москва; корыстолюбивые торговцы, пользуясь бедой, скупали хлеб в Москве и в других местах и продавали его по высокой цене. Народ стал голодать и роптать. Тогда царь Василий и патриарх Гермоген[2] убедили келаря Троицкого монастыря Аврамия Палицына[3] продать по низкой цене часть хлеба из запасов в Богоявленском монастыре. Аврамий исполнил приказание и цены на хлеб пали; но спустя некоторое время цена хлеба опять сделалась весьма высокой. Царь и патриарх снова просил отпустить хлеб из лаврского подворья. Аврамий же опасался, что хлебные запасы истощатся очень скоро, но, уповая на милость Божию и призывая имя великого угодника Его преподобного Сергия, он исполнил просьбу царя, и снова бедняки могли покупать хлеба. В житнице Богоявленского монастыря служил в то время некто Спиридон; нагребая хлеб, он заметил, что из щели, бывшей в стене, сыплется рожь; он стал ее отгребать — она потекла еще сильнее. Видя такое чудо, он рассказал об этом другим служителям и самому келарю; достойно удивления, что во все время осады хлебные запасы в монастыре не умалялись, так что его хлебом питались как все живущие здесь, так и многие приходящие.

---

[1] *Василий Иоаннович Шуйский* царствовал с 1606-го по 1610 год.

[2] *Гермоген*, известный своей мученической кончиной, был патриархом с 1606-го по 1612 год.

[3] *Келарь*, от греческого κελλάριος, обязан был хранить монастырские припасы. Аврамий Палицын, оставивший сказание об осаде Троицкой лавры поляками, был келарем монастыря с 1608-го по 1620 год.

Молитвы преподобного Сергия спасли его обитель от разорения: разбитые несколько раз, после шестнадцатимесячной осады, враги в страхе отступили от стен Троицкой обители 12 января 1610 года[1].

Тяжелое время переживала тогда вся Русская земля: враги рассеялись по ней; одни из городов были осаждены, жители других не знали, что им делать, за кем идти и кого слушать; много крови пролили враги; русская земля погибала. В это тягостное время великую пользу отечеству принесла лавра преподобного Сергия. Архимандрит ее Дионисий[2] и келарь Аврамий Палицын, собрав вокруг себя скорых и доброумных писцов, составляли увещательные грамоты и посылали их по городам. В этих грамотах архимандрит и келарь призывали всех русских людей соединиться вместе и крепко стать против врагов земли русской и веры православной. Одна из таких грамот пришла в Нижний Новгород. В это время в Нижнем жил один благочестивый человек, мясной торговец Козьма Минин; он любил часто уединяться в особой храмине и молиться. После такой молитвы, в сонном видении явился ему преподобный Сергий; великий чудотворец повелел Козьме собирать казну для ратных людей и идти с ними очищать государство Московское от врагов. Пробудившись, Козьма в страхе стал размышлять о видении, но полагая, что собирание войска — не его дело, он не знал, на что решиться. Спустя немного времени преподобный вторично явился ему, — но и после того Козьма пребывал в нерешительности. Тогда святой Сергий в третий раз явился ему и сказал:

— Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей? Милосердому Господу угодно было помиловать православных христиан, избавить их от волнения и даровать им мир и тишину. Поэтому я и сказал тебе, чтобы ты шел на освобождение земли Русской от врагов. Не бойся того, что старшие не пойдут за тобой: младшие охотно исполнят это, и благое дело будет иметь добрый конец.

Последнее видение повергло Козьму в трепет, он даже захворал. Полагая, что болезнь послана ему в наказание за сомнение, он стал горячо умолять преподобного Сергия о прощении, и потом рев-

---

[1] В память этого совершается в ближайший к двенадцатому числу воскресный день крестный ход в лавре.

[2] Дионисий был архимандритом в Троицком монастыре с 1610 года и скончался в 1633 году.

ностно принялся за дело. Он начал убеждать своих сограждан, чтобы они собрали воинство и выступили бы против врагов; особенно молодые помогали ему. Вскоре Козьма был избран заведовать сбором казны и ополчения, причем граждане положили во всем слушать его. Тогда этот благочестивый муж пожертвовал все свое имущество на ратных людей, и примеру его последовали все нижегородцы. Так он собрал воинство, пошел с ним на безбожных врагов и вместе с предводителем ополчения князем Пожарским много содействовал освобождению родной земли от поляков и литвы. Еще несколько лет, по Божьему попущению, терзали они русскую землю, проливали кровь православных; но всемогущий Господь, не хотевший смерти грешника, призрел Своим милосердным оком на Русское государство, спас и сохранил его, по молитвам славного Своего угодника преподобного Сергия.

Много и других чудес совершил великий угодник Божий, и до этого времени гроб его является неоскудеваемым источником чудотворений; все с верой приходящие получают различные и богатые милости. Припадем и мы к раке многоцелебных мощей святого Сергия и в сердечном умилении воззовем: «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас».

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ СУЗДАЛЬСКОЙ

Преподобная Евфросиния была дочерью исповедника Христовой веры, князя Михаила Черниговского[1]. Долгое время супруга этого князя была бездетною; с теплою верою князь Михаил и княгиня обращались к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам — Антонию и Феодосию и со слезами молились благословить их плодом чрева. В одну ночь явилась им Пресвятая Богородица и сказала:

— Дерзайте, молитесь; ваше прошение исполнится, и в знак этого вы получите благоухание.

[1] Его память — 20 сентября.

Это видение привело их в ужас. Пробудившись от сна, они нашли у изголовья своего узел с ароматами, вложили их в кадильницу, и весь дом наполнился чудным благоуханием. И вельможи, и домочадцы князя дивились этому неизреченному благоуханию. Князь Михаил и супруга его еще усерднее стали молиться Богу. После этого им снова явилась Пречистая Богородица и дала им в руки голубку, причем дом наполнился благоуханием. И в третий раз явилась им Пресвятая Богородица с преподобными Антонием и Феодосием и сказала:

— Молитвы ваши услышаны: у вас родится дочь, которую вы назовете Феодулиею; она будет служительницею Влахернской церкви.

Наконец настало время рождения этой дочери[1] и родители нарекли ее, по слову Богоматери, Феодулиею. Если кормилица ее питалась мясом, то святая, еще находясь в пеленках, во весь тот день не вкушала молока от сосцов кормилицы. Видя это, мать размышляла, что будет с ее дочерью. И вот, однажды ей было такое видение: сама она на крыльях взлетает к небу и отдает Богу свою отроковицу. Пробудившись от сна, она возблагодарила Пресвятую Богородицу за все Ее чудные знамения. Новорожденную отроковицу просветили святым крещением в Печерском монастыре, в храме Пречистой Богородицы. Когда она стала подрастать, благоверный князь Михаил сам поучал ее Божественному Писанию. В остальном же наставником юной княжны был боярин Феодор, отличавшийся своею мудро-

[1] Святая родилась в 1212 году.

стью и сведениями в науках. Благочестивая отроковица превосходила всех своих сверстниц успехами в учении и красотою лица своего. Многие, слыша о ее премудрости и красоте, усиленно искали руки ее, но получали отказ. В то время жил в Суздале весьма благочестивый князь Мина. Он просил родителей святой отроковицы отдать Феодулию в замужество ему. Они согласились, но сама отроковица сильно была тем опечалена и усердно молила Пресвятую Богородицу сохранить ее в девстве. Пресвятая Владычица явилась ей, повелевая послушаться своих родителей, и сказала:

— Скверна не коснется тела твоего.

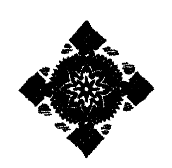
Святая дева повиновалась воле своих родителей и отправилась в Суздаль; в то время, как она еще была на пути туда, жених ее умер. Прибыв в тот город, она постриглась в тамошней обители в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне и при пострижении получила имя Евфросинии. Великое послушание оказывала она инокиням этого монастыря; сильно изнуряла она плоть свою, неустанно заботилась о душе своей и ярко сияла всеми добродетелями. За свою святую жизнь Евфросиния получила от Бога дар пророчества; часто она поучала всех Евангельским словом и исцеляла многих больных. Во время нашествия нечестивого Батыя святая сохранила обитель от разорения своими молитвами. Преставилась она в вечную жизнь 25 сентября, — в тот самый день, в который приняла пострижение[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
ПАФНУТИЯ

Святой преподобномученик Пафнутий жил при императоре Диоклетиане и был родом египтянин. Правитель Египта Арриан, преследовавший христиан, прибыв в город Гентирию (Тентиру), приказал двумстам воинам найти и привести к нему подвижника Пафнутия. Но, предуведомленный Ангелом, он явился сам и, после

[1] Святая Евфросиния преставилась в 1250 году; ее честные мощи почивают в Суздальском Ризоположенском монастыре.

исповедания Христа, заключен в темницу. Затем снова был представлен правителю, причем оковы с рук и ног его спали сами собою. Тогда его подвергли столь тяжелым мучениям, что внутренности его выпали, но Ангел исцелил его. Два воина, Дионисий и Каллимах, мучившие святого, увидев это, уверовали и тут же были обезглавлены. Пафнутий, заключенный в темницу, обратил сорок чиновников, брошенных туда правителем. Все они за исповедание Христа были преданы огню. После этого святой, чудесно освобожденный из-под стражи и принятый с радостью в доме одного богатого человека, по имени Нестория, возбудил к подвигу мученичества его самого, жену и дочь его Стефану, которые обезглавлены были Аррианом; потом святой Пафнутий обратил шестнадцать учеников отроков, детей знатных родителей; эти были пронзены дротиками, и один из них испустил дух на костре; восемьдесят рыболовов, воодушевленные им на мученичество, были лишены жизни секирою. Сам Пафнутий обратил еще четыреста воинов с начальником их Евсевием, которые были сожжены в ямах. После этого святого бросили в реку с камнем, но он приплыл на этом камне к берегу; наконец, отправленный к самому Диоклетиану, святой Пафнутий был пригвожден им к пальмовому дереву и предал дух свой Богу.



День двадцать шестой

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
ИОАННА БОГОСЛОВА

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов был сын Зеведея и Саломии, дочери Иосифа Обручника[1]. Он призван был на проповедь Евангелия от рыбарских сетей. Когда Господь наш, Иисус Христос, ходя при море Галилейском, избирал Себе из рыбарей апостолов и уже призвал двух братьев, Петра и Андрея, то увидал тогда и других братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, починивающих сети свои в лодке с отцом их Зеведеем, и призвал их[2]. Тотчас, оставив лодку и отца своего, они пошли за Иисусом Христом.

При самом призвании своем, Иоанн назван был от Господа «Сыном громовым», потому что богословие его как гром должно было

---

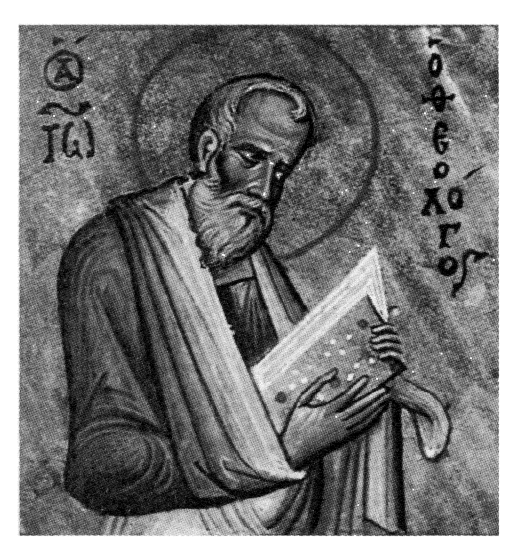
[1] Родиной святого Иоанна Богослова была Вифсаида. Родители его были люди благочестивые, жившие ожиданием Мессии. Еще в отрочестве они обучили Иоанна закону Моисееву. С детства же святой Иоанн был помощником отцу своему и в его трудах по рыболовству и торговле. Товарищами и единомышленниками Иоанна были жители той же Вифсаиды, братья Петр и Андрей, впоследствии также святые апостолы. Когда вышел на проповедь святой Иоанн Креститель, все эти благочестивые рыбаки охотно сделались его учениками, хотя не оставляли еще ни своего дома, ни своих занятий. Все это они оставили лишь тогда, когда Господь сделал их Своими учениками.

[2] По сказанию блаженного Иеронима, Иоанн был совсем еще юношей, когда Господь призвал его в число Своих учеников. Благочестивые родители не препятствовали Иоанну, как и брату его Иакову, сделаться учениками Божественного Учителя.

слышаться во всем мире и наполнить всю землю[1]. И ходил Иоанн за благим Учителем своим, поучаясь исходящей от уст Его премудрости; и был он весьма любим Господом своим Христом за совершенное незлобие свое и девственную чистоту. Господь почтил его как изряднейшего и из числа двенадцати апостолов: он был одним из тех трех ближайших учеников Христовых, которым много раз Господь открывал Свои Божественные Тайны. Так, когда Он восхотел воскресить дочь Иаирову, то не позволил идти за Собой никому, кроме Петра, Иакова и Иоанна. Когда на Фаворе восхотел показать славу Своего Божества, взял Петра, Иакова, а также и Иоанна. Когда молился в вертограде, и там был не без Иоанна, ибо сказал ученикам: *посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых* (Мф. 26, 36–37), то есть Иакова и Иоанна. Всюду Иоанн, как возлюбленный ученик, неотлучен был от Христа. А как любил его Христос, это видно из того, что Иоанн возлежал на персях Его. Ибо, когда на Тайной вечери Господь предсказал о Своем предателе и ученики начали переглядываться между собою в недоумении, о ком Он говорит, тогда Иоанн возлежал на персях любимого Учителя; как сам он повествует об этом в своем Евангелии: *Один из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припал к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! Кто это?* (Ин. 13, 23–25). Так любим был Иоанн Господом, что один только он мог беспрепятственно возлежать на персях Господних и дерзновенно спросить Его об этой тайне. Но и Иоанн проявил к любившему его Учителю взаимную любовь свою, большую иных апостолов: ибо во время вольных страданий Христа все они, оставив Пастыря своего, бежали, а он один неотлучно смотрел на все мучения Христовы, сердечно Ему сострадая, плача и рыдая с Пречистою Девою Марией, Материю Господа, и даже не отошел с Ней от постра-

---

[1] Название «Воанергес» (сын громов), кроме этого, указывало и на некоторые особенности характера святого апостола. Будучи чистым, добрым, незлобивым и доверчивым, он в то же время был полон сильной ревности о славе Божией. Он полюбил Господа со всею силою своего чистого сердца. Оттого и Господь более всех других учеников Своих любил Иоанна. Уже через год после своего призвания Иоанн избран был Господом из множества учеников Его в число двенадцати апостолов.



давшего за нас Сына Божия до самого креста и смерти Спасителя. За это и был он усыновлен от Господа при кресте Пречистой Деве Марии: вися на кресте, Господь, *увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жéно! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе* (Ин. 19, 26–27). И относился он к Ней, как к матери своей, со всяким уважением и служил Ей до честнóго и славного успения ее. В день же ее успения, когда честное и святое тело Божией Матери несли на погребение, святой Иоанн шел перед одром ее с блистающим, как свет, царским скипетром, который принес Пречистой Деве Архангел Гавриил, возвещая Ей о пренесении ее от земли на небо.

После успения Пресвятой Богородицы святой Иоанн отправился вместе с учеником своим Прохором в Малую Азию, где выпал ему жребий проповедовать слово Божие[1]. Идя туда, святой Иоанн скорбел, так как предвидел напасти на море, о которых он и предсказал ученику своему Прохору. Случилось, что, когда они сели в Иоппии на корабль и начали плавание, в одиннадцатый час дня настала великая буря, а ночью корабль разбился, и все бывшие на нем плавали в волнах морских, держась, кто за что ухватился. В шестой же час дня море выбросило всех их с Прохором на берег в пяти поприщах от Селевкии[2]: один только Иоанн остался в море. Много и долго плакал Прохор и пошел в Азию один. На четырнадцатый день пути

[1] В 50 году по Рождестве Христовом, то есть через два года после Успения Богородицы, святой Иоанн все еще пребывал в Иерусалиме, так как известно, что он присутствовал на происходившем в этом году Соборе апостольском в Иерусалиме. Только после 58 года по Рождестве Христовом святой Иоанн избрал себе местом для благовестия страны Малоазийские, где до него проповедовал святой апостол Павел.

[2] Приморский город в Сирии.

пришел он к одному селению, при море лежащему, и остановился здесь для отдыха. И вот в то время, как однажды он глядел на море и тосковал об Иоанне, вспенившаяся волна морская с великим шумом хлынула на берег и выбросила Иоанна живым. Прохор подошел посмотреть, кого выбросило море, и, найдя Иоанна, поднял его с земли, и, обнявшись, они плакали и за все благодарили Бога. Так святой Иоанн четырнадцать дней и ночей пробыл в море и благодатию Божиею остался живым. Войдя в селение, попросили они воды и хлеба и, подкрепившись, отправились в Ефес[1].

Когда же они вошли вместе в город, их встретила жена по имени Романа (Ромека), прославившаяся даже до Рима злобою дел своих, которая держала в том городе общие бани. И вот она, наняв Иоанна и Прохора, приставила их работать в бане и мучила. Хитростью своею она привлекла их обоих в услужение себе: Иоанна приставила поддерживать огонь, а Прохора наливать воду, того и другого на всю их жизнь, и немало оставались они в великой беде. Был же в бане той демон, который ежегодно умерщвлял одного из моющихся в ней — юношу или отроковицу. Когда строилась эта баня и полагалось основание, то, по бесовскому наваждению, вкопали тут живыми юношу и отроковицу; с тех пор и стало совершаться такое убийство. Случилось же в то время войти в баню некоему отроку, по имени Домн, сыну городского старшины Диоскорида. Когда Домн мылся в бане, напал на него бес и удавил его, и был о нем великий плач. Стало это известно по всему городу Ефесу; узнав об этом, и сам Диоскорид был так опечален, что от скорби умер и он. Романа же много молилась Артемиде о том, чтобы она воскресила Домна, и, молясь, терзала тело свое, но ничто не помогало. В то время как Иоанн спрашивал Прохора о случившемся, Романа, увидев их беседующими, схватила Иоанна и начала наносить ему побои, уко-

---

[1] *Ефес*, при Эгейском море, был важный торговый город в Малой Азии. Первые начала веры христианской положены были в нем учениками Иоанна Крестителя; уже апостол Петр нашел здесь христиан, но главным образом Евангелие проповедано здесь апостолом Павлом; потом ученик его Тимофей был здесь епископом; наконец Ефес был местопребыванием апостола и евангелиста Иоанна, который тут и скончался. Плодом неусыпных попечений апостола Иоанна было то, что в Ефесе сохранялось чистое Евангельское учение, так что Церковь Ефесская, по словам святого Иринея, была истинной свидетельницей апостольского предания.

ряя и возлагая вину смерти Домна на Иоанна. Наконец, она сказала: «Если ты не воскресишь Домна, я убью тебя».

Помолившись, Иоанн воскресил отрока. Романа пришла в ужас. Она называла Иоанна Богом или Сыном Божиим, но Иоанн проповедовал силу Христову и учил веровать во Христа. Затем воскресил он и Диоскорида, и уверовали во Христа Диоскорид и Домн, и все они крестились. И напал на всех людей страх, и дивились они случившемуся. Одни говорили про Иоанна и Прохора, что они волхвы, другие же справедливо возражали, что волхвы мертвых не воскрешают. Иоанн изгнал беса из бани, и пребывали они с Прохором в доме Диоскоридовом, утверждая новопросвещенных в вере и уча их добродетельной жизни.

В одно время случился в Ефесе праздник Артемиде, и весь народ в белых одеждах праздновал, торжествуя и ликуя при храме Артемидином; против же храма стоял идол той богини. И вот Иоанн, войдя на высокое место, стал близ идола и громогласно обличал слепоту язычников, что они не знают, кому поклоняются, и вместо Бога почитают беса. Народ же исполнился за это ярости и бросал в Иоанна камнями, но ни один из камней не попал в него: камни, наоборот, побивали самих же бросающих их. Иоанн, воздев руки к небу, начал молиться — и тотчас настала на земле жара и зной великий, и попадало из множества людей до двухсот человек, и все они умерли, а прочие едва пришли в себя от страха и умоляли Иоанна о милости, ибо ужас и трепет напали на них. Когда же Иоанн помолился Богу, все умершие воскресли, и припали все к Иоанну и, уверовав во Христа, крестились. Там же, на некотором месте, называемом Тихи, Иоанн исцелил расслабленного, лежавшего двенадцать лет. Исцеленный прославил Бога.

После того как Иоанном совершены были и многие другие знамения, и слух о чудесах его распространился повсюду, бес, пребывающий в капище Артемидином, боясь, что и он будет низложен Иоанном, принял на себя образ воина и сел на видном месте и горько плакал. Проходящие мимо спрашивали его, откуда он и отчего так сильно плачет.

Он же говорил: «Я из Кесарии Палестинской, начальник над темницами, велено мне было стеречь двух волхвов, из Иерусалима пришедших, Иоанна и Прохора, коих, по причине множества их злодеяний, осудили на смерть. Утром они должны были погибнуть

лютою смертию, но волхвованием своим ночью убежали из темничного заключения, а я из-за них впал в беду, так как князь хочет погубить меня вместо них. Я умолил князя, чтобы он пустил меня преследовать их, и вот я слышу, что те волхвы находятся здесь, но не имею никого, кто бы помог мне поймать их».

Говоря это, бес показал и грамоту, о том свидетельствующую, показал и большой узел с золотом, обещая дать его тем, кто погубит этих волхвов.

Слышав это, некоторые воины сжалились над ним, возбудили народ против Иоанна и Прохора и, подойдя к дому Диоскоридову, сказали: «Или выдай нам волхвов, или дом твой зажжем». Диоскорид скорее соглашался на то, чтобы дом его сгорел, чем выдать им апостола с учеником его Прохором. Но Иоанн, провидя духом, что мятеж народный приведет к добру, отдал себя и Прохора сборищу народному. Ведомые народом, дошли они до храма Артемиды. Иоанн помолился Богу — и внезапно храм идольский пал, не повредив ни одного человека. И сказал апостол сидящему там бесу:

— Тебе говорю, нечестивый бес, скажи, сколько лет ты живешь здесь, и ты ли возбудил против нас народ этот?

Бес же отвечал:

— Сто девять лет я пребываю здесь, и я возбудил народ этот на вас.

Иоанн же сказал ему:

— Во имя Иисуса Назарянина повелеваю тебе оставить место это.

И тотчас бес вышел.

Ужас объял всех людей, и они уверовали во Христа. Были сотворены от Иоанна и еще большие знамения, и многое множество народа обратилось к Господу.

В то время Домициан, император римский, воздвиг на христиан большое гонение, и Иоанн был оклеветан перед ним. Епарх Асийский, схватив святого, отослал связанным в Рим к кесарю, где за исповедание Христово Иоанн прежде всего претерпел удары, а затем должен был выпить чашу, наполненную смертоносным ядом. Когда же, по слову Христову: *если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 18), он не получил от нее вреда, тогда был ввергнут в котел с кипящим маслом, но и оттуда вышел невредимым. И вопиял

народ: «Велик Бог христианский!» Кесарь же, не дерзая более мучить Иоанна, счел его бессмертным и осудил на изгнание на остров Патмос, как и сказал Господь во сне Иоанну: «Много подобает тебе пострадать, и будешь изгнан на некоторый остров, который весьма в тебе нуждается».

Взяв Иоанна с Прохором, воины отвели их на корабль и отплыли. В один из дней их плавания сели вельможи царские обедать и, имея множество яств и питий, развеселились. Один из них, юноша, играя, упал с корабля в море и утонул. Тогда их веселье и радость обратились в плач и сетование, ибо не могли они помочь упавшему в глубину морскую. Особенно же сильно рыдал отец того отрока, находившийся здесь же на корабле: он хотел броситься в море, но был удержан другими. Зная силу Иоанна творить чудеса, все они начали усердно просить его о помощи. Он же спросил каждого из них, какого кто чтит бога; и один сказал: Аполлона[1], другой — Зевса[2], третий — Геркулеса[3], иные — Эскулапа[4], другие — Артемиду[5] Ефесскую.

И сказал им Иоанн:

— Столько богов имеете вы, и не могут они спасти одного утонувшего человека!

И оставил он их в печали до утра. Наутро же пожалел Иоанн погибшего юношу и усердно помолился Богу со слезами. Тотчас сделалось на море волнение, и одна волна, поднявшись до корабля, выбросила юношу живым к ногам Иоанновым. Видя это, все удиви-

---

[1] *Аполлон* — бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом — прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка.

[2] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. По сказаниям языческих писателей, Зевс для обольщения какой-либо женщины прибегал к подобным превращениям: так, к Данаи он сошел в виде золотого дождя, Леду прельстил, приняв вид лебедя, Европу похитил, обернувшись белым быком.

[3] *Геркулес* (*Геракл* или *Ираклий*) был сын царицы Алкмены и бога Зевса. Он служил высшим идеалом греческой богатырской силы; был национальным героем греков.

[4] *Эскулап* — сын Аполлона, сказочный врач, после смерти ставший, по мнению язычников, богом врачевства, изображался с посохом, обвитым змеею.

[5] *Артемида* — иначе *Диана* — богиня, олицетворявшая собою луну и считавшаяся покровительницею лесов и охоты.

лись и возрадовались о спасенном от потопления юноше. Иоанна же они начали весьма почитать и сняли с него железные оковы.

Однажды ночью, в пять часов, случилась на море великая буря, и все начали кричать, отчаявшись в жизни своей, так как уже и корабль стал разрушаться. Тогда возопили все к Иоанну, прося, чтобы он помог им и умолил своего Бога о спасении их от погибели. Повелев им молчать, святой начал молиться, — и буря тотчас прекратилась, и настала великая тишина.

Один воин был одержим желудочной болезнью и уже умирал; его апостол сделал здоровым.

Оскудела вода на корабле, и многие, изнемогши от жажды, были близки к смерти. Иоанн сказал Прохору:

— Наполни сосуды водою морскою.

И когда сосуды были наполнены, он сказал:

— Во имя Иисуса Христа почерпайте и пейте!

Почерпнув, нашли воду сладкой и, напившись, получили облегчение. Видя такие чудеса, спутники Иоанна приняли крещение и хотели отпустить Иоанна на свободу. Но он сам уговорил их отвести его на указанное ему место. Прибыв на остров Патмос, они отдали игемону послание. Мирон же, тесть игемонов, взял Иоанна и Прохора в свой дом. У Мирона был старший сын, по имени Аполлонид, имевший в себе прорицающего беса, который предсказывал будущее; и все считали Аполлонида за пророка. В то время, как Иоанн входил в дом Миронов, Аполлонид тотчас пропал без вести; он убежал в другой город, боясь, чтобы прорицающий бес не был изгнан из него Иоанном. Когда в дому Мироновом поднялся вопль об Аполлониде, пришло от него уведомление, извещающее, что его изгнал из дому своим чародейством Иоанн и что он не может возвратиться до тех пор, пока Иоанн не будет погублен.

Прочитав письмо, Мирон пошел к зятю своему игемону возвестить о случившемся; игемон же, схватив Иоанна, хотел отдать его на съедение зверям. Но Иоанн умолял игемона, чтобы он потерпел немного и позволил ему послать ученика своего к Аполлониду, обещаясь возвратить его в дом. Игемон не препятствовал послать ученика, но самого Иоанна, связав двумя веригами, посадил в темницу. И пошел Прохор к Аполлониду с Иоанновым посланием, в котором написано было так: «Я, Иоанн, апостол Иисуса Христа, Сына Божия,

прорицающему духу, живущему в Аполлониде, повелеваю именем Отца, и Сына, и Святого Духа: выйди из создания Божиего и никогда не входи в него, но будь один вне этого острова в местах безводных, а не среди людей».

Когда Прохор пришел к Аполлониду с таким посланием, бес тотчас вышел из него. Аполлониду вернулся разум, и, как бы воспрянув от сна, пошел он с Прохором обратно в свой город. Но не тотчас вошел он в дом, а сперва устремился в темницу к Иоанну и, припадая к ногам его, воздал ему благодарение за то, что он освободил его от нечистого духа. Узнав о возвращении Аполлонида, родители, братья и сестры его, все собрались и радовались, а Иоанн был освобожден от уз. Аполлонид поведал о себе следующее: «Уже много лет прошло с тех пор, как я спал на одре своем глубоким сном. Некоторый человек, став по левую сторону одра, потряс меня и разбудил, — и я увидал, что он чернее обожженного и гнилого пня; глаза у него горели, как свечи, и вострепетал я от страха. Он же сказал мне: „Открой уста свои“; я открыл, и вошел он в уста мои и наполнил мое чрево; с этого часа сделалось мне известным доброе и злое, а также и все, случающееся в доме. Когда же апостол Христов вошел в наш дом, тогда сказал мне сидящий во мне: „Беги отсюда, Аполлонид, чтобы тебе не умереть в страданиях, ибо человек этот — чародей и хочет тебя умертвить“. И я тотчас бежал в другой город. Когда же я хотел возвратиться, он не позволял мне, говоря: „Если Иоанн не умрет, ты не можешь жить в своем доме“. А когда Прохор пришел в тот город, в котором был я, и я увидал его, — нечистый дух тотчас вышел из меня тем же способом, которым он сперва вошел в мое чрево, и почувствовал я облегчение от великой тягости, ум мой пришел в здоровое состояние, и стало мне хорошо».

Услышав это, все припали к ногам Иоанна. Он же, отверзши уста, поучал их вере в Господа нашего Иисуса Христа. И уверовал Мирон с женой и детьми своими, все они крестились, и была в доме Мироновом радость великая. А после и жена игемонова, Хризиппида, дочь Миронова, приняла со своим сыном и всеми рабами своими святое крещение; за ней крестился и муж ее, Лаврентий, игемон того острова, сложив при этом с себя власть свою, чтобы свободнее служить Богу. И оставался Иоанн с Прохором в дому

Мироновом три года, проповедуя слово Божие. Здесь сотворил он силою Иисуса Христа много знамений и чудес: исцелил больных и бесов прогнал, храм Аполлонов со всеми его идолами разрушил одним словом своим, и многих, обратив к вере во Христа, крестил.

Был в стране той один волхв, по имени Кинопс, живший в пустыне и много лет знавшийся с нечистыми духами. По причине производимых им привидений все жители острова считали его за бога. Жрецы же Аполлоновы, вознегодовавшие на Иоанна за разорение капища Аполлона и за то, что он всех людей сделал последователями Иисуса Христа, пришли к Кинопсу и жаловались ему на апостола Христова, умоляя отмстить за бесчестие их богов. Кинопс, однако, не захотел идти в город сам, так как много лет жил в том месте безвыходно. Но граждане еще чаще стали ходить к нему с той же просьбой. Тогда он обещал послать в дом Миронов духа лукавого, взять душу Иоаннову и предать ее вечному суду. Утром он послал к Иоанну одного из князей над злыми духами, повелевая принести к себе душу его. Придя в дом Миронов, бес стал на том месте, где был Иоанн. Иоанн же, увидев беса, сказал ему:

— Именем Христовым повелеваю тебе не сходить с этого места до тех пор, пока ты не скажешь мне, для какой цели ты пришел сюда ко мне.

Будучи связан словом Иоанновым, бес стал неподвижно и сказал Иоанну:

— Жрецы Аполлона пришли к Кинопсу и умоляли его, чтобы он шел в город и навел на тебя смерть, но он не захотел, говоря: «Много лет я живу на этом месте, не выходя; стану ли утруждать себя теперь из-за человека худого и ничтожного? Идите путем своим, утром же я пошлю своего духа, и возьмет он душу его и принесет ко мне, а я предам ее вечному суду».

И сказал Иоанн бесу:

— Посылал ли он тебя когда-либо взять душу человеческую и принести ему?

Бес отвечал:

— Вся сила сатанинская в нем, и он имеет соглашение с нашими князьями, а мы с ним — и Кинопс слушает нас, и мы его.

Тогда Иоанн сказал:

— Я, апостол Иисуса Христа, повелеваю тебе, злой дух, не входить в жилища человеческие и не возвращаться к Кинопсу, но уйти с этого острова и мучиться.

И тотчас бес удалился с острова. Кинопс же, видя, что дух не возвратился, послал другого; но и тот также пострадал. И еще двоих из князей темных послал он: одному велел войти к Иоанну, а другому стоять снаружи, чтобы принести ему ответ. Вошедший к Иоанну бес пострадал так же, как и приходивший ранее; другой же бес, стоявший снаружи, видев беду своего друга, убежал к Кинопсу и рассказал о случившемся. И исполнился Кинопс ярости и, взяв все множество бесовское, пришел в город. Весь город обрадовался, видя Кинопса, и все, приходя, кланялись ему. Найдя Иоанна учащим народ, Кинопс исполнился сильной ярости и сказал народу:

— Мужи слепые, заблуждавшиеся от истинного пути, послушайте меня! Если Иоанн праведен и все сказанное им истинно, пусть он побеседует со мною и сотворит такие же чудеса, какие творю я, и вы увидите, кто из нас больше, Иоанн или я. Если он окажется сильнее меня, то буду веровать словам и делам его и я.

И сказал Кинопс одному юноше:

— Юноша! Жив ли отец твой?

Он же отвечал:

— Умер.

И сказал Кинопс:

— Какою смертию?

Тот же отвечал:

— Он был мореплавателем и, когда корабль разбился, утонул в море.

И сказал Кинопс Иоанну:

— Теперь покажи, Иоанн, силу твою, чтобы мы поверили словам твоим: представь сыну отца его живым.

Иоанн отвечал:

— Не послал меня Христос мертвых извлекать из моря, но людей обольщенных поучать.

И сказал Кинопс всему народу:

— Хотя теперь поверьте мне, что Иоанн — льстец и обманывает вас; возьмите его и держите, пока я не приведу отроку отца его живым.

Они взяли Иоанна, а Кинопс распростер руки и ударил ими по воде. Когда послышался на море плеск, все испугались, а Кинопс стал невидим. И все закричали:

— Велик ты, Кинопс!

И внезапно вышел Кинопс из моря, держа, как сказал, отца отрока. Все удивились. И сказал Кинопс:

— Это ли отец твой?

— Да, господин, — отвечал отрок.

Тогда народ припал к ногам Кинопса и хотел убить Иоанна. Но Кинопс запретил им, говоря:

— Когда увидите больше этого, тогда пусть будет мучен он.

Затем, призвав другого человека, он сказал:

— Имел ли ты сына?

И ответил тот:

— Да, господин, имел, но некто по зависти убил его.

И тотчас воззвал Кинопс голосом, призывая по именам убийцу и убиенного, — и оба они предстали.

И сказал Кинопс Иоанну:

— Удивляешься ли ты, Иоанн?

Святой Иоанн ответил:

— Нет, я этому не удивляюсь.

Кинопс сказал:

— Больше увидишь, и тогда будешь дивиться, и не умрешь, пока я не устрашу тебя знамениями.

И ответил Иоанн Кинопсу:

— Знамения твои скоро разрушатся.

Услышав такие слова, народ бросился на Иоанна и бил его до тех пор, пока не счел его мертвым.

И сказал Кинопс народу:

— Оставьте его без погребения, пусть птицы растерзают его.

И они отошли от того места, радуясь с Кинопсом. Вскоре, однако, услыхали, что Иоанн учит на месте, где побивали камнями преступников. Кинопс призвал беса, при помощи которого чародействовал, и, придя на то место, сказал Иоанну:

— Я замышляю сделать тебе еще большее посрамление и стыд, для чего и оставил тебя в живых; приди на морской песчаный берег — там ты увидишь славу мою и устыдишься.

Сопровождали же его три беса, которых народ считал за людей, воскрешенных Кинопсом из мертвых. Сильно всплеснув руками своими, погрузился Кинопс в море и стал для всех невидим.

— Велик ты, Кинопс! — возопил народ.

Иоанн же повелел бесам, которые стояли в образе человеческом, не отходить от него. И помолился он Господу, чтобы не был Кинопс живым и стало так; ибо море внезапно возмутилось и закипело волнами, и Кинопс уже не вышел из моря, но остался в глубине морской, как древний окаянный фараон. А бесам тем, которых народ считал за людей, воскресших из мертвых, Иоанн сказал:

— Во имя Иисуса Христа Распятого и в третий день воскресшего, уйдите с этого острова.

И они тотчас исчезли.

Народ же сидел на песке, дожидаясь Кинопса три дня и три ночи; от голода, жажды и жара солнечного многие из них изнемогли и лежали безгласными, а трое из их детей умерло. Смилостившись над народом, Иоанн помолился о спасении его и, много побеседовав с ним о вере, воскресил их детей, исцелил больных, — и все они единодушно обратились к Господу, крестились и разошлись по домам своим, славя Христа. А Иоанн вернулся в дом Миронов и, часто приходя к народу, поучал его вере в Иисуса Христа.

Однажды он нашел лежащим при дороге больного человека, сильно страдавшего горячкой, и исцелил его крестным знамением. Один иудей, по имени Филон, который препирался с апостолом от Писания, увидев это, попросил Иоанна в свой дом. Была же у него жена в проказе; та припала к апостолу и тотчас исцелилась от проказы и уверовала во Христа. Тогда уверовал и сам Филон, и воспринял со всем домом своим святое крещение. Вышел затем святой Иоанн на торжище, и собрался к нему народ послушать от уст его спасительного учения. Пришли и жрецы идольские, из которых один, искушая святого, сказал:

— Учитель! Имею я сына, хромого на обе ноги, умоляю тебя — исцели его; если ты исцелишь его, то и я уверую в того Бога, Которого ты проповедуешь.

Святой же сказал ему:

— Зачем ты так искушаешь Бога, Который явно покажет лукавство твоего сердца?

Сказав это, Иоанн послал к сыну его с такими словами:

— Во имя Христа Бога моего, встань и приди ко мне.

И тот, тотчас встав, пришел к святому здоровым; а отец в тот же час за это искушение охромел на обе ноги и от сильной боли с криком упал на землю, умоляя святого:

— Помилуй меня, святитель Божий, и исцели меня именем Христа, Бога твоего, ибо я верую, что нет иного Бога, кроме Него.

Тронутый мольбами, святой исцелил жреца и, научив вере, крестил его во имя Иисуса Христа.

Утром пришел Иоанн на место, где лежал человек, страдавший водянкой и не встававший с постели семнадцать лет. Апостол исцелил его словом и просветил святым крещением. В тот же день прислал за Иоанном человек, ставший игемоном после зятя Миронова, Лаврентия, усердно умоляя святого прийти в его дом; ибо жене игемоновой, бывшей непраздной, настал час родить, и она весьма страдала, будучи не в силах разрешиться от бремени. Апостол скоро пришел и едва только ступил на порог дома, как жена тотчас родила, и болезнь облегчилась. Увидев это, игемон уверовал во Христа со всем домом своим.

Прожив там три года, Иоанн отошел в другой город, жители которого помрачены были тьмою идолопоклонства. Когда он вошел туда, то увидал народ, празднующий бесам, и несколько связанных юношей. И спросил Иоанн одного из стоящих там:

— Для чего связаны юноши эти?

Человек тот ответил:

— Мы почитаем великого бога — волка, которому совершаем ныне праздник; ему-то эти юноши и будут заколоты в жертву.

Иоанн попросил показать ему их бога, на что человек тот сказал:

— Если хочешь видеть его, подожди до четвертого часа дня; тогда ты увидишь жрецов, идущих с народом на то место, где является бог; пойди с ними, и ты увидишь нашего бога.

Иоанн же сказал:

— Вижу, что ты человек добрый, я же пришелец; умоляю тебя, сведи меня сейчас же на то место сам: ибо весьма я желаю видеть вашего бога; и если ты покажешь мне его, я дам тебе драгоценную жемчужину.

Тот повел Иоанна и, показав ему болото, наполненное водою, сказал:

— Отсюда бог наш выходит и является народу.

И ждал Иоанн выхода того бога; и вот около четвертого часа дня явился бес, выйдя из воды в виде огромного волка. Остановив его именем Христовым, святой Иоанн спросил:

— Сколько лет ты живешь здесь?

— Семьдесят лет, — отвечал диавол.

Апостол же Христов сказал:

— Именем Отца, и Сына, и Святого Духа повелеваю тебе: уйди с этого острова и никогда не приходи сюда.

И диавол тотчас исчез. А человек тот, видя случившееся, ужаснулся и припал к ногам апостола. Иоанн научил его вере святой и сказал ему:

— Вот, ты имеешь от меня тот бисер (жемчуг), который я обещал дать тебе.

Тем временем дошли до того места со связанными отроками жрецы, имея в руках своих ножи, а с ними и много народу. Долго ждали они выхода волка, чтобы заколоть на съедение ему отроков.

Наконец, подошел к ним Иоанн и стал просить, чтобы освободили они неповинных отроков.

— Нет уже, — сказал он, — бога вашего — волка; это был бес, и сила Христова победила его и прогнала.

Услышав, что волк погиб, они испугались, и, не найдя его, несмотря на долгие поиски, освободили отроков и отпустили невредимыми. Святой Иоанн начал проповедовать им о Христе и обличать их прельщение, и многие из них, уверовав, крестились.

Была в том городе баня. Однажды мылся в ней сын жреца Зевсова, и умерщвлен был диаволом, обитавшим в бане. Услыхав об этом, отец его с великим плачем пришел к Иоанну, прося воскресить сына и обещая уверовать во Христа. Святой пошел с ним и именем Христовым воскресил умершего. И спросил он юношу, какая была причина его смерти. Тот отвечал:

— Когда я мылся в бане, кто-то черный вышел из воды, схватил меня и удавил.

Уразумев, что в той бане живет бес, святой заклял его и спросил:

— Кто ты и зачем ты живешь здесь?

Бес ответил:

— Я тот, которого ты выгнал из бани в Ефесе, и живу здесь уже шестой год, вредя людям.

Святой Иоанн изгнал его и из этого места. Увидев это, жрец уверовал во Христа и крестился с сыном и со всем домом своим.

После этого вышел Иоанн на торговую площадь, где собрался к нему почти весь город, чтобы слышать слово Божие. И вот одна женщина пала к ногам его, с плачем умоляя, чтобы он исцелил бесноватого сына ее, для исцеления которого она отдала врачам почти все имущество. Апостол велел привести его к себе, и, как только посланные сказали бесноватому: «Тебя зовет Иоанн», бес тотчас вышел из него. Придя к апостолу, исцеленный исповедал веру во Христа и крестился вместе с матерью своей.

В том же городе был особенно чтимый храм идола Бахуса, называемого у идолопоклонников «отцом свободы». Собираясь здесь в праздник его с пищей и питием, мужчины и женщины веселились и, упившись, творили в честь мерзкого бога своего великое беззаконие. Придя сюда во время праздника, Иоанн обличал их за скверное их празднование; жрецы же, которых было здесь множество, схватив его, били и бросили связанным, а сами опять возвратились к своему мерзкому делу. Святой Иоанн помолился Богу, да не потерпит Он такого беззакония; и тотчас идольское капище разрушилось до основания и побило всех жрецов; прочие же люди, испугавшись, освободили апостола от уз и умоляли его, чтобы и их не погубил он.

В том же городе был знаменитый волхв, по имени Нукиан; узнав о падении капища и гибели жрецов, он весьма вознегодовал и, придя к святому Иоанну, сказал:

— Нехорошо ты сделал, что разрушил храм Бахуса и погубил его жрецов; умоляю тебя снова воскресить их, как воскресил ты сына жреца в бане, и тогда я стану веровать в Бога твоего.

Святой Иоанн отвечал:

— Причиной их гибели было их беззаконие; поэтому недостойны они жить здесь, но пусть мучатся в геенне.

— Если ты не можешь воскресить их, — сказал Нукиан, — то я именем богов моих воскрешу жрецов и восстановлю капище, ты же смерти не избежишь.

Сказав это, они разошлись. Иоанн пошел учить народ, а Нукиан отправился на место павшего капища и, обойдя его с волхвованием, сделал то, что явилось двенадцать бесов в образе побитых жрецов, которым он повелел идти за ним и убить Иоанна.

Бесы же сказали:

— Невозможно нам не только убить его, но даже явиться на том месте, где он; если ты хочешь, чтобы Иоанн умер, иди и приведи сюда народ, чтобы, увидев нас, он взъярился на Иоанна и погубил его.

Нукиан, отойдя, встретил множество народа, слушающего учение святого Иоанна, и закричал им Нукиан сильным голосом:

— О несмысленные! Зачем вы позволяете прельщать себя этому страннику, который, погубив ваше капище со жрецами, погубит и вас, если вы будете слушать его? Идите за мною, и вы увидите жрецов ваших, которых я воскресил; еще же и разрушенное капище я восставлю на глазах ваших, чего Иоанн сделать не может.

И все как безумные пошли за ним, оставив Иоанна. Но апостол, идя с Прохором другою дорогою, раньше их пришел на то место, где были бесы в образе воскресших жрецов. Увидев Иоанна, бесы тотчас исчезли. И вот пришел с народом Нукиан; не найдя бесов, он впал в великую скорбь и снова начал ходить кругом разрушенного капища, волхвуя и призывая их, но успеха не было. Когда же настал вечер, народ в негодовании хотел убить Нукиана за то, что он обманул их. Некоторые сказали:

— Схватим его и поведем к Иоанну, и что тот повелит нам, то и сделаем.

Услыхав это, святой Иоанн тем же путем предупредил их и встал на прежнем месте. Народ, приведя к святому Нукиана, сказал:

— Этот обманщик и враг твой задумал погубить тебя; но мы сделаем с ним то, что укажешь ты.

Святой же сказал:

— Пустите его! Пусть он покается.

Наутро Иоанн опять учил народ вере во Христа, и многие из них, уверовав, просили Иоанна крестить их. Когда же Иоанн привел их к реке, Нукиан чародейством своим воду превратил в кровь. Апостол молитвой ослепил Нукиана и, сделав воду снова чистой, крестил в ней всех уверовавших. Побежденный этим, Нукиан пришел в чув-

ство и, искренно каясь, просил апостола быть к нему милостивым. Святой, увидев его покаяние и довольно поучив, крестил его — и тот тотчас прозрел и ввел Иоанна в свой дом. Когда Иоанн вошел в него, внезапно пали все идолы, которые были в доме Нукиана, и разбились в прах. Видев это чудо, устрашились домашние его, и, уверовав, крестились.

Была в том городе одна богатая и красивая вдова, по имени Проклиания. Имея сына Сосипатра, красивого лицом, она, по бесовскому наваждению, воспламенилась к нему любовию и всячески старалась привлечь его к своему беззаконию. Но сын возненавидел мать за такую безумную страсть. Убежав от нее, он пришел на место, где тогда учил святой Иоанн, и с наслаждением слушал поучения апостольские. Иоанн, которому было открыто Духом Святым все случившееся с Сосипатром, встретив его наедине, поучал почитать мать, но не слушаться ее в беззаконном деле, и никому о том не говорить, сокрыв грех своей матери. Сосипатр не хотел возвращаться в дом к матери своей; но Проклиания, встретив его, схватила за одежду и с криком влекла в дом. На этот крик явился игемон, недавно прибывший в тот город, и спросил, по какой причине женщина так тащит юношу. Мать же, скрыв свое беззаконное намерение, наклеветала на сына, будто бы он хотел сделать над нею насилие, и рвала волосы свои с плачем и криком. Услышав это, игемон поверил лжи и присудил неповинного Сосипатра зашить со смертоносными гадами в кожаный мех и бросить в море. Узнав об этом, Иоанн явился к игемону, обличая его за несправедливый суд, зато, что не расследовав, как до́лжно, обвинение, он осудил на смерть неповинного юношу. А Проклиания клеветала и на Иоанна, что этот обманщик научил ее сына на такое зло. Услышав это, игемон повелел утопить и святого апостола, зашив в один мех с Сосипатром и с различными гадами. И помолился святой — и вдруг земля потряслась, а у игемона отсохла та рука, которой он подписал приговор относительно святого; у Проклиании же отсохли обе руки и глаза перекосились. Видев это, судья ужаснулся, и все бывшие там пали ниц от страха. И умолял судья Иоанна, чтобы он помиловал его и исцелил иссохшую руку; святой же, поучив его довольно суду справедливому и вере во Христа, исцелил его и крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа. Так и неповинный Сосипатр избавлен был от напасти и

смерти, и судия познал Бога истинного. А Проклиания убежала от отрока в свой дом, неся на себе Божие наказание. Апостол, взяв Сосипатра, пошел в ее дом. И не хотел Сосипатр идти к матери, но Иоанн учил его незлобию, уверяя, что теперь он не услышит уже от матери своей ничего беззаконного, ибо она уцеломудрилась. Так действительно и было. Ибо, когда Иоанн с Сосипатром вошел в ее дом, Проклиания тотчас упала к ногам апостола, с плачем сознаваясь и каясь в грехах своих. Исцелив ее от болезни и научив вере и целомудрию, апостол крестил ее со всем домом ее. Итак, став целомудренною, Проклиания проводила дни свои в великом покаянии.

В это время убит был царь Домициан. После него занял Римский престол Нерва, человек весьма добрый; он освободил всех, бывших в заточении. Освобожденный с другими из заточения, Иоанн задумал возвратиться в Ефес: ибо едва не всех живущих на Патмосе он уже обратил ко Христу. Христиане же, узнав о таком его намерении, умоляли не оставлять их до конца. А так как апостол не захотел остаться с ними, но желал возвратиться в Ефес, они просили его оставить на память о своем учении хотя Евангелие, которое он там написал. Ибо, заповедав однажды всем пост, он взял с собой ученика своего Прохора, отойдя от города на далекое расстояние, взошел на высокую гору, где пробыл на молитве три дня. После третьего же дня загремел великий гром, засверкала молния, и гора поколебалась; Прохор от страха упал на землю. Обратившись к нему, Иоанн поднял его, посадил по правую руку себя и сказал:

— Пиши то, что услышишь из уст моих.

И, возведя очи к небу, снова молился, а после молитвы стал говорить:

— «В начале было Слово» и прочее.

Ученик же внимательно записал все то, что слышал из уст его; так и было написано святое Евангелие, которое апостол, сойдя с горы, велел Прохору снова переписать. И согласился он оставить переписанное в Патмосе для христиан, согласно их просьбе, а писанное первоначально удержал у себя. На том же острове написал святой Иоанн и Апокалипсис[1].

---

[1] Предание рассказывает, что однажды Иоанн, вместе с учеником своим Прохором, уединился из города в пустынную пещеру, где и провел десять дней вместе с Прохором, а другие десять дней — один. В эти последние десять дней он ниче-

Прежде же удаления своего с того острова, обошел он окрестные города и селения, утверждая братство в вере; и случилось ему быть в одном селении, в котором жил жрец Зевса, по имени Евхарис, имевший слепого сына. Жрец тот давно желал видеть Иоанна. Услышав же, что Иоанн прибыл в их селение, он пришел к святому, умоляя его прийти в дом его и исцелить сына. Иоанн же, видя, что он приобретет здесь Христу души человеческие, пошел в дом жреца и сказал слепому его сыну: «Во имя Господа моего, Иисуса Христа, прозри», — и слепой тотчас прозрел.

Увидев это, Евхарис уверовал во Христа и крестился с сыном своим. И во всех городах того острова святой Иоанн благоустроил церкви святые и поставил им епископов и пресвитеров; довольно научив жителей, он всех приветствовал и стал возвращаться в Ефес. И провожали его верующие с плачем и рыданием великим, не желая лишиться такого солнца, своим учением просветившего их страну; но святой, сев на корабль и преподав всем мир, отплыл в свой путь. Когда же он достиг Ефеса, верующие встретили его с радостию неизреченною, вопия и глаголя: «Благословен грядый во имя Господне?»

И принят он был с честию. Пребывая здесь, он не переставал трудиться, всегда уча народ и наставляя его на путь спасения.

Нельзя умолчать о том, что рассказывает о святом Иоанне Климент Александрийский[1]. Когда в Азии апостол обходил города, то в одном из них увидел юношу, расположенного душой к доброму делу; святой апостол научил и крестил его. Намереваясь же уйти оттуда на проповедь Евангелия, он при всех поручил этого юношу епископу того города с тем, чтобы пастырь научил его всякому доброму делу. Епископ же, взяв юношу, научил его Писанию, но не настолько за-

---

го не ел, а только молился Богу, прося Его открыть, что ему надо делать. И был голос к Иоанну свыше: «Иоанн, Иоанн!» Иоанн отвечал: «Что повелеваешь, Господи?» И говорил голос свыше: «Потерпи еще десять дней, и будет тебе откровение многого великого». Иоанн провел там еще десять дней без пищи. И совершилось тогда дивное: Ангелы от Бога сошли к нему и возвестили ему много неизреченного. И когда Прохор возвратился к нему, он послал его за чернилами и хартиею и потом два дня говорил Прохору о бывших ему откровениях, а тот записывал их.

[1] *Климент Александрийский* — один из знаменитейших христианских ученых первых веков христианства, скончался около 217 года.

ботился о нем, как до́лжно было, и не давал ему такого воспитания, какое подобает юношам, а, напротив, предоставил его своей воле. Вскоре отрок начал вести дурную жизнь, стал упиваться вином и красть. Наконец, он свел дружбу с разбойниками, которые, соблазнив его, увели в пустыни и горы, поставили его начальником своим и учиняли разбой по дорогам. Вернувшись через некоторое время, Иоанн пришел в тот город и, услыхав про того отрока, что он развратился и стал разбойником, сказал епископу:

— Возврати мне то сокровище, которое я передал тебе на сохранение, как в верные руки; возврати мне того юношу, которого я вручил тебе при всех для того, чтобы ты научил его страху Божиему.

А епископ с плачем ответил:

— Погиб тот юноша, душой — умер, а телом — разбойничает по дорогам.

Иоанн же сказал епископу:

— Так ли подобало тебе хранить душу брата твоего? Дай мне коня и проводника, чтобы пойти и поискать мне, кого ты погубил.

Когда Иоанн пришел к разбойникам, то просил их отвести его к начальнику своему, что они и исполнили. Юноша же, увидев святого Иоанна, устыдился и, встав, побежал в пустыню. Забыв свою старость, Иоанн погнался за ним, вопя:

— Сын мой! Обратись к отцу своему и не отчаивайся в падении своем; грехи твои я приму на себя; остановись же и подожди меня, так как Господь послал меня к тебе.

Юноша, остановившись, припал к ногам святого с трепетом и стыдом великим, не смея взглянуть ему в лицо. Иоанн же, с отеческою любовью обнимая, лобызал его и привел в город, радуясь, что обрел погибшую овцу. И много учил он его, наставляя покаянию, в котором, усердно подвизаясь, юноша угодил Богу, получил прощение грехов и с миром преставился.

Был в то время один христианин, впавший в такую нищету, что не имел, чем бы заплатить долги своим заимодавцам; от жестокой скорби задумал он сам себя убить и просил одного волхва — иудеянина дать ему смертоносного яду. А этот враг христиан и друг бесов исполнил просьбу и дал ему смертоносного питья. Христианин же, взяв смертельную отраву, пошел в свой дом, но дорогой задумался и испугался, не зная, что ему сделать. Наконец, осенив чашу крестны́м

знамением, выпил ее и не почувствовал от нее ни малейшего вреда, так как крестное знамение отняло у чаши весь яд. И много дивился он в себе, что остался здоровым и не чувствовал никакого вреда. Но, снова не вынеся преследований заимодавцев, он пошел к иудеянину, чтобы тот дал ему сильнейшего яду. Удивившись, что человек тот все еще жив, волхв дал ему сильнейшей отравы. Получив яд, человек пошел в свой дом. И долго раздумывая перед тем как выпить, он подобно прежнему сотворил крестное знамение и на этой чаше и выпил, но опять ничуть не пострадал. Снова отправился он к иудеянину и явился к нему здоровым. И насмехался он над волхвом, что тот неискусен в своем чародействе. Иудеянин же, испугавшись, спросил его, что он делал, когда пил? Он же сказал: «Ничего иного, как только осенял чашу крестным знамением». И узнал иудеянин, что прогоняла смерть сила святого креста; и, желая узнать истину, дал того яда псу — и пес тотчас же перед ним издох. Увидев это, иудеянин отправился с тем христианином к апостолу и поведал ему о случившемся с ними. Святой Иоанн научил иудеянина вере во Христа и крестил его, бедному же тому христианину велел принести охапку сена, которую крестным знамением и молитвой претворил в золото, чтобы он мог отдать долги свои, остатком же содержать свой дом. Затем апостол снова вернулся в Ефес, где, пребывая в доме Домна, обратил ко Христу многое множество людей и сотворил неисчислимые чудеса[1].

---

[1] Последние годы своей жизни Иоанн проводил суровую жизнь аскета: питался лишь хлебом и водой, не стриг своих волос и одевался в простые полотняные одежды. От старости он не имел уже сил проповедовать слово Божие даже и в окрестностях Ефеса. Теперь он только поучал епископов Церкви и воодушевлял их неустанно учить народ слову Евангельскому, а особенно помнить и проповедовать первую и главную Евангельскую заповедь — заповедь любви. Когда, рассказывает блаженный Иероним, святой апостол дошел до такой немощи, что ученики его с трудом лишь приносили его в церковь, и он не мог уже произносить продолжительных поучений, то он ограничивал свои беседы непрестанным повторением такого наставления: «Дети, любите друг друга!» А когда однажды ученики спросили его, зачем он непрестанно повторяет им это, Иоанн ответил следующими достойными его словами: «Сия есть заповедь Господня, и если ее соблюдете, то и довольно». На закате дней своих святой апостол пользовался особенною любовью всего христианского мира. Он был в то время единственным апостолом — самовидцем Господа, так как все другие апостолы уже скончались. Весь мир христианский знал о том, что святой Иоанн был любимейшим учеником Господа. Поэтому многие искали случая видеть апостола и считали за честь и счастье коснуться его риз.

Когда апостолу исполнилось более ста лет, вышел он из дома Домна с семью своими учениками и, дойдя до некоторого места, велел им там сесть. Время было уже к утру, и он, отойдя на такое расстояние, на какое можно бросить камень, начал молиться. Потом, когда ученики его, согласно его воле, выкопали ему крестообразную могилу, он заповедал Прохору идти в Иерусалим и оставаться там до

Кроме великих трудов по распространению христианской веры среди язычников, святой апостол Иоанн послужил Церкви Христовой еще и трудами письменными. Он написал святое Евангелие, три послания и Апокалипсис, или книгу Откровений.

Евангелие написано Иоанном уже в глубокой старости, в самом конце I века по Рождестве Христовом. Епископы Ефеса и всей вообще Малой Азии, опасаясь умножившихся в то время лжеучений о Лице Господа нашего, Иисуса Христа, и предвидя скорую кончину святого апостола, просили его дать им свое Евангелие (новое, сравнительно с тремя уже имевшимися). Это Евангелие они желали иметь у себя руководством в борьбе с еретиками, отвергавшими Божество Христа. Иоанн удовлетворил просьбу епископов и дал им написанное им по внушению Духа Святого Евангелие, отличное от Евангелий Матфея, Марка и Луки. В своем Евангелии святой Иоанн говорит главным образом о том, о чем нет речи у тех евангелистов. Он дополняет их, опуская то, что передано у них, и рассказывая о том, что у них опущено. Все события земной жизни Спасителя, о которых упоминает Иоанн, переданы у него с самой обстоятельной точностью. За свое Евангелие святой Иоанн получил название Богослова, то есть такого повествователя, который в своем Евангелии излагает главным образом не события земной жизни Господа, а возвышенные и глубокомысленные речи о Боге, Боге Слове, то есть Сыне Божием, и беседы Спасителя о духовном возрождении в Духе Святом (глава 3), о живительной влаге *(вода живая)*, удовлетворяющей духовную жажду людей (глава 4), о жизненном хлебе питающем душу человека (глава 6), о таинственной дороге, ведущей к истине, о двери, чрез которую мы входим и выходим (глава 10), о свете и теплоте и тому подобном. Под всеми этими именами святой Иоанн всегда разумеет Самого Господа Иисуса Христа, так как только Он один действительно есть вода живая, хлеб духовный, свет, дверь нашего спасения, истина, правда, Бог. Он — наш Спаситель, от века сущий с Богом, в Боге, и Сам будучи Бог. А Бог — это есть Высочайшая Любовь, так возлюбившая мир, что Она и Сына Своего не пощадила, но послала в мир на страдания для искупления людей и спасения их от греха, проклятия и смерти. За такое возвышенное содержание Евангелия Иоанна оно названо Евангелием «духовным», а святой Иоанн Богослов изображается на иконах с орлом: подобно тому как орел высоко парит в небесах, так Иоанн в своем Евангелии поднимается до самых высоких религиозных истин. «Реки богословия из честных твоих уст истекаша, апостоле», — воспевает святая Церковь в своих песнопениях святому Иоанну; там же она называет его богодвижимой цевницей небесных пений, тайнописцем, богосказанными устами, самовидцем неизреченных тайн, таинником неизреченно-

кончины своей. Преподав еще наставление ученикам своим и поцеловав их, апостол сказал: «Возьмите землю, мать мою, и покройте меня ей». И поцеловали его ученики и покрыли его до колен, а когда он снова поцеловал их, то покрыли его даже до шеи, положили на лицо его покрывало и, поцеловав еще, с великим плачем покрыли его совсем. Услышав об этом, братия пришли из города и раскопали могилу, но ничего не нашли там и весьма много плакали; затем, помолившись, они возвратились в город. И каждый год, 8 мая, появлялось из гроба его благовонное миро и по молитвам святого апостола подавало исцеления болящим[1], в честь Бога, в Троице славимого во веки веков. Аминь.

го, на высоту богословия взошедшим, и тому подобное. Такие же мысли раскрывает святой Иоанн и в *трех* своих *посланиях*. Все эти послания написаны им в городе Ефесе. В них он также опровергает лжеучения еретиков, защищает достоинство Иисуса Христа, как Спасителя мира, действительность Его воплощения и истинность Его учения, а также убеждает верующих быть христианами не по имени только, но и на самом деле. Так как в то время появились еретики, которые отвергали явление Христа во плоти, то апостол Иоанн предостерегает верующих от такого лжеучения и говорит, что только *всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога* (1 Ин. 4, 2). Затем и в посланиях своих он повторяет, что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16), а потому и люди должны любить Бога. Только *пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Но что такое любовь к Богу? — *Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его* (2 Ин. 1, 6). А заповеди Господа сводятся к заповеди любви (см.: 1 Ин. 4, 7–8). Любить же нужно не *словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18). *Кто говорит: «я познал Его»* (то есть Бога), *но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины* (1 Ин. 2, 4), как нет истины и в том, кто *говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит* (1 Ин. 4, 20). *Мы имеем заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4, 21).

Апокалипсис, или книга Откровений, изображает будущую судьбу Церкви Христовой, борьбу Христа с антихристом в поражении антихриста. Будущие судьбы Церкви Христовой изображены здесь более полно, чем где бы то ни было в другой книге Священного Писания.

[1] В память этого чудесного события установлено ежегодное празднование святому апостолу Иоанну 8 мая.

День двадцать седьмой

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА КАЛЛИСТРАТА

Видя, что избранное стадо Христово умножается день ото дня, завистливый враг — диавол восстал против него с великою яростию, намереваясь расхитить и погубить всех словесных овец[1]. Орудиями для этого избрал он Диоклетиана и Максимиана, нечестивых царей Римских, которые по жестокости своей уподобились бесчеловечным зверям. Он навел их как хищных волков на стадо Христово и чрез них люто и без милосердия растерзал его: ибо он вложил им в сердце столь сильную ярость против христиан, что эти цари, отложив все прочие заботы о своем царстве, употребили силы свои только на то, чтобы погубить всех христиан до конца. Это злое свое намерение и дело они вменяли себе в большую и высшую заслугу, чем все другие великие царские дела, славные победы и торжество над врагами своими. По этой причине они послали во все концы земли игемонов и мучителей, равных и даже превосходивших их своею злобою, чтобы повсюду принуждать христиан к жертвоприношениям идолам, не послушных же — мучить, убивать и губить разными смертными казнями. Когда это повеление стало исполняться, многие из верных и преданных Христу от всего сердца, украсившись венцом мученическим, перешли из Церкви воинствующей в Церковь торжествующую[2], воспевая победную песнь над врагами. Между многими другими та-

[1] То есть разумных существ — людей, которых Христос охраняет, как пастырь охраняет овец.

[2] *Церковь воинствующая* — это Церковь, заключающая в себе христиан, живущих на земле, а торжествующая — это общество прославленных верующих, обитающих на небе.

ковым явился и доблестный воин Христов, Каллистрат; не только сам, но и вместе с многочисленной дружиной прошел он славным путем мученичества и, поправ врага, предстал победителю мира Христу, нося на себе полученные за Него раны и приемля почесть за свой подвиг.

Отечеством этого страдальца Христова был Карфаген[1]; отсюда он был взят на воинское служение и причислен к полку воеводы Персентина; в этом полку только один Каллистрат сиял, как звезда в темную ночь, своим благочестием, ибо все его товарищи по оружию были помрачены тьмою идолопоклонства. Он один только был просвещен светом святой веры, которой научился у отца своего, бывшего христианином; отец же его был научен вере его дедом, по имени Неокором, который во время вольного страдания Господа нашего Иисуса Христа был в Иерусалиме при Понтии Пилате, в числе воинов. Увидев все бывшие при смерти и воскресении Господа чудеса, он уверовал в Него и, приняв крещение от апостолов, возвратился домой; сюда принес он драгоценный бисер — веру во Христа, которым обогатил сына своего, отца Каллистрата, и всех домашних своих, передавая им о Христе Иисусе все, что видел своими очами и что слышал от апостолов. Получив в наследство от деда и отца духовное богатство веры, коего нельзя похитить, святой Каллистрат обогащал им кого мог, тайно научая познанию истины и обращая к Богу души человеческие. По этой причине он находился в подозрении у товарищей своих, и те внимательно наблюдали за ним, чтобы убедиться: христианин он или нет.

Когда он с воеводой своим находился в Риме[2], его христианское благочестие было узнано таким образом. Блаженный имел обычай

[1] *Карфаген* — город в Северной Африке.

[2] Здесь следует разуметь Византию, которая, сделавшись восточной столицей Римского царства, стала именоваться Новым Римом. В Старом Риме почитание святого Каллистрата не имело места. Кроме того, упоминаемый здесь Рим, как видно из последующего, стоял на самом берегу моря, тогда как от Старого Рима море находилось в далеком расстоянии (около четырех верст).

каждую ночь вставать на молитву и долго молиться тайно. Однажды, когда он, встав по обычаю, молился, это заметили, проснувшись, некоторые спавшие около него воины: услышав, что он часто призывает имя Иисуса Христа, они убедились в том, что он — настоящий христианин. Выбрав удобное время, они сообщили воеводе Персентину о том, что слышали. Воевода же, тотчас призвав Каллистрата, спросил его:

— Правда ли, Каллистрат, то, что говорят о тебе твои товарищи?

Святой ответил:

— Не знаю, что им о мне можно было сказать, ибо я за собою не ведаю никакого дурного поступка.

Когда Персентин повелел воинам говорить, не скрываясь, то воины сказали воеводе:

— Владыка, повели ему только принести жертву богам, и ты тотчас узнаешь его мысли и веру.

Воевода повелел Каллистрату принести жертву богам и поклониться им; святой же Каллистрат ответил:

— Я не научился приносить жертвы многим богам, а только Единому истинному и живому Богу, все вызвавшему из небытия к бытию и создавшему из земли человека; богов же, почитаемых вами, которых сотворили руки человеческие, я называю не богами, а бесами, как узнал я это из Святого Писания, говорящего: *вси бóзи, язык — бесове* (слав. Пс. 95, 5) и: *их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих* (Пс. 113, 12). Из Писания же я научился знать живущего на небесах Бога, приносить жертву хваления и воздавать обеты Вышнему. Итак, в том ли обвиняют меня эти люди, что я почитаю Единого истинного Бога, а не многих ложных богов? Им бы следовало донести на меня лишь в том случае, когда бы узнали они, что я дурно исправляю свои воинские обязанности, что я труслив и бегал от лица врагов; вот о таких поступках они могли бы говорить пред тобою против меня, и такие донесения тебе, воевода, было бы прилично слушать. Зная, что я ни в чем подобном не виновен, зачем ты слушаешь клеветников и приводишь меня на суд из-за того только, что учение веры, коему я следую, не согласно с вашим?

В ответ на эти слова воевода сказал с гневом:

— Теперь не время ораторского многоглаголания, а время тяжких мук и лютых казней, которые ты вскоре и примешь, если не по-

коришься мне и не принесешь жертвы богам, которым и сам царь поклоняется. Разве ты не знаешь, как я жесток, ибо имею силу еще раньше мучений устрашить всякого одним взглядом и голосом?

Святой же Каллистрат отвечал:

— Ярость твоя и скрежет зубов твоих если и наводят страх, то только временный; а есть страх и скрежет зубов — вечный, впасть в который я боюсь больше всего; и одно воспоминание о нем ужасает меня.

Не будучи в состоянии сдержать свою ярость, воевода повелел бросить святого на землю и бить; тот же во все время долгого истязания не выказал никакого нетерпения, но обращался к Богу, говоря: *Кля́хся, и поста́вих сохранити, судьбы́ правды Твоея́.* И еще: *смири́хся до зела; Господи, живи́ мя по словеси́ Твоему* (слав. Пс. 118, 106–107) и не допусти поругания этого нечестивого человека надо мною; укрепи меня, Господи, понести эти мучения, подавая силы моему смиренному и немощному телу и возбуждая во мне дух мужества.

Видя кровь, струившуюся потоком из ран мученика, воевода повелел освободить его от мук и сказал ему:

— Это только начало наказаний за твое непослушание, Каллистрат; поэтому даю тебе добрый совет — исполнить мое повеление, чтобы избавиться от больших мук. Если же ты не покоришься, то клянусь богами, руки мучителей раздробят твое тело на части, и псы будут лизать кровь твою, а мясо твое съедят львы: так погибнешь ты страшною смертию.

Но мужественный Каллистрат отвечал:

— Надеюсь на Бога крепкого, Бога живого, что Он избавит меня от уст льва и отнимет *от псов одинокую мою* душу (Пс. 21, 21), которая одна только среди всех этих воинов знает истинного Бога, от Коего я ожидаю, что Он не только мою одну душу, но и многие другие души возьмет к Себе, удостоив их познать пресвятое Его имя[1]!

Еще более разгневанный этими словами, воевода повелел обнажить Каллистрата и влачить его по острым черепкам, разбросанным по земле, причиняя этим еще сильнейшую боль его израненному

[1] *Познать имя Божие* — значит познать Божественные свойства и совершенства, открывающиеся в управлении миром и жизнью человека.

телу. Когда же святой претерпел и эти муки, то мучитель повелел лить ему в уста чрез воронку воду, как бы в кожаный мех. Во время этого мучения воевода сказал святому:

— Каллистрат, если ты не принесешь жертвы богам, то я тотчас ввергну тебя в море: ибо опасаюсь, как бы ты не прельстил и других воинов, если я вскоре не предам тебя смерти.

— О беззаконник великий, — отвечал мученик, — ты заботишься, чтобы не умалилось стадо, находящееся под властью отца твоего, диавола, а я уповаю на Бога, что приобрету это стадо Христу моему, утвержу его в истинной вере и созижду ему посреди этого града церковь[1].

Распалившись yаростию, воевода сказал:

— Нечестивый и окаянный человек, смерть уже над головою твоею, а ты думаешь созидать церковь и многих обращать к твоему Богу!

Сказав это, воевода тотчас повелел принести кожаный мех, заключить в него мученика и бросить в глубину морскую, а сам стал на берегу, желая видеть гибель святого. Но мех, в коем находился святой Каллистрат, молящийся как Иона во чреве китовом, по воле Божией прибит был водным течением к острому морскому камню и разорвался, святого же Каллистрата приняли на хребты два дельфина[2] и тихо вынесли его на берег. Мученик с веселием воспевал: «*Приидох во глубины морския* (слав. Пс. 68, 3), но не потопила меня водная буря и не утомился я от молитвенных призываний к Тебе, Господи; Ты скоро услышал молитву мою и чудесно избавил меня от неразрешимых уз и глубины морской, когда уже не было на это никакой надежды: *снял с меня вретище и препоясал меня веселием* (Пс. 29, 12)». Когда святой воспевал это радостным голосом, множество воинов дивилось и некоторые из них припали к ногам святого, прося, чтобы он избавил их от обольщения бесовского и привел ко Христу, Богу своему. Таковых было сорок девять, и говорили они:

— Мы познали, что Бог твой велик и истинен, ибо Он избавил тебя чудесно из глубины моря.

Блаженный же мученик сказал:

---

[1] То есть храм, в котором мученики-воины будут почитаемы верующими.

[2] *Дельфины* — морские млекопитающие.

— Господь мой Иисус Христос не отгонит приходящих к Нему, ибо говорит: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28).

Произнеся эти слова, он простер к небу руки свои и, возведя очи, молился:

— Господи, в вышних живущий, на смиренные призирающий! Призри на это малое Твое стадо, сохрани его от всякого зла и соблюди невредженным от зверя видимого — мучителя Персентина, и от невидимого — диавола, ибо ты Един славимый вовеки.

Увидев происходившее, воевода удивился и сказал:

— Клянусь пресветлым солнцем[1], — этот человек владеет великою волшебною силою, ибо из моря он вышел невредимым и, согласно своему обещанию, обольстил волшебством моих воинов.

В то же время он сказал святому:

— Я скоро разрушу твое волшебство, Каллистрат, и ты узнаешь, кто такой Персентин, великих богов служитель, и кто Распятый, Коего ты чтишь и на Коего ты напрасно уповаешь.

Затем он сел на судейское место и повелел всех уверовавших во Христа воинов сильно бить, сокрушая суставы их. Подвергаясь истязанию, эти воины говорили как бы едиными устами:

— Господи Иисусе Христе, будь помощником рабам Твоим и дай нам силы терпеть до конца, ибо ради Тебя мы пошли на такое страдание. Сохрани нашего учителя и пастыря Каллистрата, чтобы от него мы еще более научились исповедовать Тебя — Единого Бога, ибо ныне мы пред Тобою, Господи, как погибшие овцы.

Когда же ярость Персентина несколько утихла, он повелел прекратить истязания и увести мучеников в темницу, доколе не придумает, что делать с ними; ибо его немало опечалило то, что полк его убавился на пятьдесят воинов.

Когда они были брошены со святым Каллистратом в темницу, то стали учиться у него познанию Бога со всею обстоятельностию; ибо святой, отверзши уста свои, разъяснил им все, начиная от сотворения мира и преступления, совершенного первыми людьми в раю, — до Христова воплощения, вольного страдания и воскресения. Он возвестил им о суде, и о душе, и о будущей жизни, о воздаянии пра-

[1] Солнце язычники почитали за бога, именуя его Аполлоном.

ведным и о наказании грешников во аде, и, разъяснив им все святые тайны веры, он укрепил их к мученическому подвигу.

На другой день воевода, окруженный множеством воинов, сел на судейском месте, велел привести из темницы святого Каллистрата с дружиною и обратился к нему с такими словами:

— Скажи мне, Каллистрат! Принесете ли вы жертву богам, чтобы освободиться от тяжких мук, или пребудете в прежнем своем упорстве?

Святой же Каллистрат сказал:

— За себя я отвечаю, что не отступлю от Господа моего до смерти; эти же пусть сами скажут о себе; спрашивай их и услышишь, что они тебе скажут.

Тогда воевода сказал им:

— Вы, обольщенные, что скажете?

Те отвечали:

— Мы — христиане, исповедуем Единого Бога, создавшего небо и землю, и веруем в Него, в Единородного Его Сына, Господа Иисуса Христа, и во Святого Духа, как научил нас добрый наш учитель, Каллистрат.

Когда святые единогласно сказали это, воевода повелел жестоко бить их, одного за другим. Потом он велел, связав им руки и ноги, бросить их в пруд, находившийся недалеко оттуда.

Прежде, чем повеление это было исполнено, святой Каллистрат молился Богу, говоря:

— Господи, в вышних живущий и на смиренных призирающий, обрати милостивые очи Твои на это Твое малое стадо и благоволи омыть его в этих водах, как в купели возрождения и усыновления[1] нашествием Святого Твоего Духа, дабы они, омыв все скверны ветхого человека[2], стали причастниками наследия (см.: Кол. 1, 12) тех, кои издревле Тебе угодили.

Когда же мученики были связаны и брошены в воду, то их узы тотчас распались, и они стояли в воде с лицом светлым, радуясь сво-

---

[1] Указывается на крещение, которое совершалось с древности в особых купелях или купальнях. — В крещении человек возрождается в новую, святую жизнь и делается чадом Божиим.

[2] *Ветхий человек* — человек, не получивший христианского крещения и состоящий еще под грехом Адамовым (см.: Кол. 1, 12).

ему крещению. И виден был в то время прекрасный венец, спускавшийся на них с неба, и слышен был голос, говоривший:

— Будь мужествен, Каллистрат, со стадом своим, и иди почить с ними в вечных обителях.

И тотчас за этими словами произошло сильное землетрясение, от которого упал и рассыпался в прах стоявший недалеко оттуда истукан некоего скверного языческого бога. Видя это, сто тридцать пять других воинов, слышавшие и бывший к Каллистрату с неба голос, уверовали в Господа нашего. Боясь молвы и смущения в полку, воевода ничего не сказал им, первых же сорок девять воинов вместе с Каллистратом повелел он опять бросить в темницу. Там святой Каллистрат сказал своей дружине:

— Вот, братия, по благодати Христовой вы сподобились святого крещения, за которое подобает вам достойно возблагодарить Бога; итак, восстанем и помолимся Ему!

Когда все встали и подняли руки и очи к небу, Каллистрат молился такими словами:

— Господи Боже, *Который хочет, чтобы все люди спаслись* (1 Тим. 2, 4), исторгший это стадо из уст льва и призвавший в вечное спасение! Сподоби нас скончаться во святой вере в Тебя, Бога нашего, и дай нам непорочными и чистыми явиться пред святым лицом Твоим и поклониться Тебе, благословенному вовеки.

Молились прилежно со святым Каллистратом и все святые мученики. Когда наступила ночь, в темницу вошел, по повелению мучителя, воины с обнаженными мечами, и всех рассекли на части[1]. Так доблестно подвизался с дружиною своею святой Каллистрат, стоя даже до крови (ср.: Евр. 12, 4) за Господа своего. Святые их мощи были собраны и с почетом погребены теми ста тридцатью пятью воинами, которые уверовали во Христа; теми же воинами после создана была и церковь над святыми их мощами. Так сбылось слово, которое сказал святой Каллистрат Персентину: «Посреди этого града созижду церковь», хотя она создалась не при жизни его, а после мученической его смерти; и прославлялось в ней имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же и от нас да будет слава во веки веков. Аминь.

[1] Святой Каллистрат и дружина его пострадали около 304 года по Рождестве Христовом.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
САВВАТИЯ,
Соловецкого чудотворца

Не сохранилось известий, из какого города или села происходил преподобный Савватий, кто были его родители и скольких лет от рождения он принял иноческий образ. Известно только, что в дни всероссийского митрополита Фотия[1] достохвальный старец Савватий подвизался в Белозерском монастыре преподобного Кирилла, находящемся в Новгородской области[2]. Благочестивый подвижник умерщвлял свое тело молитвой, неослабным бдением, алчбой и жаждой и всякого рода другими неисчислимыми трудами строгого иноческого жития, без лени проходя все монастырские службы, в постоянном послушании игумену и монастырской братии. За неуклонное исполнение монашеских обетов преподобный Савватий был любим и почитаем всеми, являясь образцом добродетельной и трудолюбивой жизни для прочих иноков монастыря, так что имя его постоянно прославлялось братией и игуменом. Но твердо памятуя, что не от людей, а от Бога следует искать похвалы в здешней земной жизни, преподобный тяготился воздаваемою ему славою и потому

---

[1] *Митрополит Фотий*, родом грек из Мореи, занимал кафедру с 1408-го по 1431 год.

[2] *Кирилло-Белозерский монастырь* в городе Кириллове Новгородской губернии, к югу от Белого озера, основан в 1397 году преподобным Кириллом († 9 июня 1427 г.).

непрестанно помышлял об удалении из Кириллова монастыря, в котором подвизался он много лет, и об отыскании нового места для своих монашеских подвигов, где можно было бы проживать в безвестности и уединении от людей.

Услышав о том, что в Новгородской же области есть озеро Нево[1], а на нем остров, называемый Валаам[2], где находится монастырь во имя Преображения Господня, иноки которого пребывают в строгих подвигах, принося беспрестанные молитвы Богу и питаясь трудами рук своих, — преподобный Савватий стал просить игумена и братию Кириллова Белозерского монастыря о том, чтобы его с благословением отпустили в монастырь Валаамский на жительство. С благословением отпущенный ими, преподобный пришел на остров Валаам, где и был радостно принят братиею монастыря. Здесь подвижник провел также немалое время. Подражая многотрудным подвигам тамошних иноков и постоянно умножая свои труды, преподобный Савватий и здесь, как в монастыре Кирилловом, превзошел всех в подвижничестве, так что его добродетельная жизнь стала всем известною и на Валааме, ибо он до крайних пределов истощал свою плоть и уже при жизни явился жилищем Святого Духа.

В новом месте своего пребывания, в монастыре Валаамском, так же как и в монастыре Кирилловом, преподобный Савватий был почитаем и хвалим; поэтому преподобный стал опять сильно скорбеть, тяготясь почитанием и похвалами братии, и вновь помышлял об отыскании безмолвного и уединенного места для своих подви-

---

[1] Первоначальное название *Ладожского озера*, из которого вытекает река Нева, носящая название по древнему имени Ладожского озера.

[2] В северной части Ладожского озера. Спасо-Преображенский монастырь на Валааме основан преподобными Сергием и Германом в начале XIV века. Когда последовала блаженная кончина обоих подвижников, точно неизвестно.

гов. Ранее же преподобный слышал о ненаселенном Соловецком острове[1], лежащем среди холодных вод Белого моря, на расстоянии двухдневного плавания от материка. Слушая рассказы о безлюдном острове, преподобный радовался духом и объят был горячим желанием поселиться на нем для подвигов безмолвия. Он стал усердно просить настоятеля Валаамского монастыря отпустить его. Настоятель же с братиею, любя преподобного и почитая в нем Божия посланника, не желали лишиться столь достохвального сожителя, являвшегося для всех образцом добродетели[2], и умоляли преподобного старца не оставлять их. Снисходя на просьбы Валаамских иноков, преподобный прожил в их монастыре еще малое время, а потом, помолившись Богу и положившись на святую Его помощь, тайно ночью ушел из монастыря, никем не замеченный.

Наставляемый и хранимый Богом, он направился к Соловецкому острову. Придя к морю, преподобный встретил жителей, населявших морской берег против Соловецкого острова, и стал их расспрашивать об острове. Они сообщили преподобному, что Соловецкий остров далеко отстоит от берега, путь к нему затруднителен и опасен, моряки же едва достигают до острова через двое суток плавания, и то лишь при тихой погоде. Расспросив подробно об острове, преподобный Савватий пришел к мысли, что это — удобнейшее место для подвигов безмолвия и иноческого уединения. Он узнал, что в окружности остров имеет более ста верст; вблизи его производятся ловы рыбы и морских зверей; на нем есть годная для питья пресная вода, рыбные озера, горы, верхи которых покрыты строевым лесом, долины, заросшие более мелким лесом; много разных ягод; узнал преподобный, что Соловецкий остров вполне удобен для человеческого жития; не заселен же он потому, что крайне неудобно сообщение его с берегом. Многие, неоднократно желавшие там поселиться,

[1] *Соловецкие острова* на Белом море, Архангельской губернии, числом шесть, находятся в ста пятидесяти верстах от берега Кемского уезда и в четырехстах верстах от города Архангельска. Главный из них — Соловки, длиной от севера к югу двадцать три версты, а шириной пятнадцать верст; окружность острова по береговой линии сто семьдесят пять верст.

[2] Как опытный в подвижнической жизни, преподобный Савватий, пребывая в Валаамском монастыре, состоял старцем новоначальных иноков, которых руководил в подвигах. Среди его учеников был Геннадий, впоследствии архиепископ Новгородский, управлявший кафедрой с 1484-го по 1504 год.

не могли этого сделать из-за страха пред морскими невзгодами. Иногда лишь, в хорошую погоду, к острову подъезжают на лодках с берега рыболовы, но, по окончании ловли, немедленно возвращаются на материк. Выслушав все это от прибрежных жителей, преподобный Савватий возгорелся пламенным желанием поселиться на Соловецком острове. Узнав о таком намерении блаженного, поморяне отклоняли его от этой мысли, говоря:

— О старче! Чем ты станешь питаться или во что одеваться на острове, будучи в столь преклонном возрасте и ничего не имея? И как ты будешь один жить в холодной стране, в дальнем расстоянии от людей, когда ты уже не в силах ничего сам для себя сделать?

Преподобный им отвечал:

— Я, чада, имею такого Владыку, Который природу старика делает юной, равно как и младенца взращает до лет преклонной старости. Он обогащает бедных, дает потребное нищим, одевает нагих, и малою пищею досыта насыщает алчущих, подобно тому, как некогда в пустыне насытил Он пять тысяч человек пятью хлебами (см.: Ин. 6, 5–13).

Услышав от старца речи от священных книг, одни из поморян удивлялись его разуму, а другие, по своему неразумению, насмехались. Между тем преподобный, *возложив на Господа заботы свои* (Пс. 54, 23), удалился на реку Выг[1], где встретил инока Германа[2], жившего там при часовне. Преподобный Савватий некоторое время прожил у Германа. От него он узнал о Соловецком острове то же самое, что и от поморян. Посоветовавшись между собою и положившись на Бога, оба подвижника решились идти и вместе поселиться на Соловецком острове. Устроив лодку и захватив с собой немного пищи и одежды, а также и орудия для необходимых работ, они усердно помолились Богу и, возложив на Него все свое упование, сели в лодку и при тихой погоде начали плавание.

С Божией помощью они на третий день достигли острова и, радуясь и веселясь душой, возблагодарили Бога, указавшего им это пу-

---

[1] *Река Выг* протекает Олонецкой и Архангельской губерниями и вливает свои воды в Онежскую губу Белого моря. Место, где остановился преподобный Савватий, находится на устье реки Выга (теперь волость Сороки, на Карельском берегу).

[2] *Преподобный Герман Соловецкий* скончался в 1479 году, память его — 30 июля.

стынное место[1]. На том месте берега, к которому пристала лодка подвижников, они поставили крест. Удалившись на некоторое расстояние[2] в глубь острова, преподобные иноки увидели на берегу озера весьма красивую горную местность, где и решили остановиться для постоянного жительства. Здесь они, построив келию, начали жить для Господа и пребывали в трудах, добывая себе постническую пищу в поте лица, копая землю мотыгами[3]. Преподобные руками работали, а устами славословили Господа, приближаясь к Нему духом, путем непрестанной молитвы и пения псалмов Давидовых.

По прошествии некоторого времени поморяне, жившие в ближайшем расстоянии к острову, стали завидовать поселившимся на острове преподобным старцам, задумали их изгнать отсюда и говорили между собой: «Мы — ближайшие соседи острова, как бы владельцы его, будучи природными жителями земли Карельской, и поэтому нам, а после нас детям нашим из рода в род надлежит иметь участие во владении островом».

Спустя некоторое время один рыбак, по совету своих друзей, пришел с женой и со всем своим семейством на тот остров и поселился недалеко от келий богоугодных старцев. Живя здесь, он начал со своими домашними ловить в озерах рыбу. Блаженные же отцы, заботясь о своем спасении, пребывали в безмолвии и не знали о поселившемся семействе рыбака.

В один из воскресных дней ранним утром после совершения обычного правила преподобный Савватий, взяв кадильницу, вышел покадить святой крест, который он водрузил близ своей келии. В это время он услышал удары и вопли, как бы от наносимых кому-то побоев. Преподобный ужаснулся того вопля и, предположив, что это лишь мечтание, оградил себя крестным знамением, возвратился и о слышанных ударах и воплях рассказал жившему с ним блаженному Герману. Выйдя из келии и услышав то же самое, преподобный Герман пошел на крик, увидел плачущую женщину и спросил ее, что с ней и отчего она плачет. Со слезами женщина рассказала о случившемся с ней.

---

[1] Преподобные Савватий и Герман прибыли на Соловецкий остров в 1429 году.

[2] В двенадцати верстах от нынешней обители, близ горы Секирной; на этом месте впоследствии сооружена пустынь с часовней преподобного Савватия.

[3] *Мотыка* — особый вид заступа.

— Когда я шла на озеро к моему мужу, — говорила она, — меня встретили два светозарных юноши и, схватив, сильно били меня прутьями, говоря: «Уйдите от этого места, вы недостойны здесь жить, потому что Бог назначил его для пребывания иноков; скорее же уйдите отсюда, чтобы не погибнуть вам злою смертию». После того светозарные юноши стали невидимы.

Блаженный Герман, возвратившись к преподобному старцу Савватию, рассказал последнему слышанное от жены рыбака, и оба они прославили Бога, а рыбак, захватив с собой жену и пожитки, без замедления отплыл в селение, где жили прежде. И с тех пор никто уже из мирян не дерзал селиться на Соловецком острове и только рыбаки время от времени приезжали на остров для рыбного промысла.

По прошествии нескольких лет блаженный Герман удалился на реку Онегу[1], а преподобный Савватий с глубокой верой в Бога один остался на острове. Один только Всеведущий, свыше на Своего угодника призиравший, Господь и святые Его Ангелы, посещавшие Савватия, раба Божиего, во плоти подражавшего бесплотным, знали, каково было его пребывание на острове, каков пост, каковы духовные подвиги! Нам же можно судить о трудах и лишениях подвижнической жизни преподобного по самому свойству того места, на котором он поселился. У преподобного старца, одиноко пребывавшего на отдаленном, никем не посещаемом морском острове, не могло быть другого дела, кроме упражнений в постоянных подвигах богомыслия. И действительно, углубляясь умом в постоянную молитвенную беседу с Богом и к Нему обращая полные слез очи, преподобный воздыхал день и ночь, желая отрешиться от тела и соединиться с Господом.

Почувствовав в глубокой старости, после богоугодных трудов, приближение смерти, преподобный Савватий стал помышлять о том, как бы ему сподобиться причащения Божественных Тайн, которых лишен был после отшествия из Валаамского монастыря. Помолившись о том Богу, он сел в небольшой челнок и после того, как по его молитве море утихло, переплыл в течение двух суток на другой берег моря. Выйдя на берег, он пошел по суше, желая дойти до находившейся на реке Выге часовни. Случилось, что в то время на

[1] *Река Онега* в Олонецкой и Архангельской губерниях; впадает в Онежскую губу.

Выге замедлил прибывший сюда, с целью посещения проживавших там христиан, некий игумен Нафанаил.

Идя ранее намеченным путем, преподобный, по Божественному промышлению, встретил игумена Нафанаила, шедшего с Божественными Тайнами в одну отдаленную деревню причастить больного. После обычного иноческого приветствия, встретившиеся путники разговорились между собой и, узнав, кто они такие, были рады друг другу. Преподобный Савватий радовался, что нашел то, чего искал, а игумен Нафанаил был рад тому, что сподобился видеть честны́е седины и святолепное лицо преподобного Савватия, о добродетельной жизни которого он много слышал. И сказал блаженный Савватий Нафанаилу:

— Отче, умоляю твою святость: данною тебе от Бога властью разрешать отпусти мне грехи, которые я стану тебе исповедовать, и удостой меня причащения святых Тайн Пречистого Тела и Крови Христа, Владыки моего. Уже много лет я пламенею желанием напитать мою душу этой Божественной пищей. Итак, святой отец, напитай меня ныне, ибо Христос Бог мой показал мне твое боголюбие для того, чтобы ты очистил меня от грехов, которые я от юности до этого дня соделал словом, делом и помышлением.

— Бог да простит тебя, брат, — отвечал игумен Нафанаил и, помолчав, поднял руки к небу и со слезами произнес: — О, если бы мне, для очищения моего нерадения, иметь твои грехи, преподобный!

Святой Савватий сказал Нафанаилу:

— Умоляю твою святыню немедленно сподобить меня Божественного причащения, так как приближается конец жизни моей.

Игумен отвечал:

— Господин мой, отец Савватий, ступай теперь к часовне и там подожди меня: я иду к больному и скоро возвращусь к твоему преподобию; рано утром я приду к тебе.

На это святой Савватий сказал:

— Отче, не откладывай до утра: ведь мы не знаем того, будем ли дышать воздухом до завтра, а тем более, как мы можем знать о том, что случится потом.

Святой Савватий говорил это, предвозвещая свою скорую кончину.

Видя в Савватии угодника Божиего, игумен Нафанаил не осмеливался более противоречить ему, но, исполняя его желание, по со-

вершении исповеди, причастил его Божественных Христовых Тайн и, преподав братское лобзание, сказал:

— Раб Божий, умоляю тебя: подожди меня на Выге при часовне.

Святой согласился ожидать там игумена. Последний пошел к больному, а преподобный Савватий — к названному месту, где, воздав благодарение Богу за получение причащения и за все Его к нему благодеяния, вошел в бывшую при часовне келию и, затворившись в ней, приуготовлял свою блаженную душу, дабы предать ее в руки Божии.

В то время один купец из Великого Новгорода, по имени Иоанн, плывя по реке Выге с своими товарами, пристал к стоявшей на берегу часовне. Выйдя из своего судна на берег, он поклонился в часовне святым иконам и, войдя в келию к преподобному Савватию, получил от него благословение. Преподав благословение, святой Савватий поучал купца от Божественного Писания, наставляя его на добрые дела. Купец был очень богат, имел рабов и желал вознаградить святого всем необходимым из своих товаров. Святой же, не желая ничего брать от купца, говорил:

— Если ты желаешь творить милостыню, то у тебя есть нуждающиеся, а я не нуждаюсь ни в чем.

После этого преподобный поучал Иоанна о нищелюбии, милосердии к домочадцам и о прочих добродетелях. Купец был опечален тем, что старец ничего не взял у него. Желая утешить его, преподобный сказал:

— Чадо Иоанн! Ночуй здесь до утра — и ты узришь благодать Божию и благополучно уйдешь своей дорогой.

Но Иоанн желал отплыть оттуда. И вот внезапно нашла гроза с громом и молнией и началось волнение на реке и на море. Увидав внезапную перемену погоды и сильное волнение воды, Иоанн ужаснулся и остался ночевать там. С наступлением утра он пришел в келию, желая перед отходом в путь свой — так как волнение утихло — получить от преподобного Савватия благословение. Постучавшись с молитвой в двери келии преподобного, он не получил ответа. После того как он постучался второй и третий раз, дверь открылась, и, войдя внутрь келии, Иоанн увидал святого сидящим в мантии и кукуле и стоящую около него кадильницу. И сказал купец преподобному:

— Прости меня, раб Божий, за то, что я, питая любовь и веру к твоей святости, осмелился войти к тебе. Молю твое преподобие, напутствуй меня на дорогу твоим благословением, чтобы мне, охраняемому твоими святыми молитвами, благополучно путешествовать.

Когда Иоанн говорил это, — в ответ не было *ни гласа, ни послушания*, потому что святая душа преподобного отошла уже ко Господу и в то время по всей келии распространялось сильное благоухание. Увидев, что преподобный ничего ему не отвечает, и подумав, что он спит, Иоанн подошел к нему и коснулся его рукой; но, убедившись, что он скончался о Господе, — ужаснулся и вместе с тем умилился и испустил теплые слезы из очей.

В то время возвращался от больного игумен Нафанаил. Он вошел в келию и, увидев, что святой преставился, горько плакал и лобызал его честнóе тело. Игумен и купец рассказывали друг другу о преподобном, первый — как он сподобился вчера преподать угоднику Божиему Божественные Тайны, а второй — как удостоился насладиться полезной для души беседой с преподобным. После надгробных песнопений они похоронили святое тело преподобного, отдав землю земле.

Скончался преподобный Савватий 27 сентября[1]. В этот день и память его почитается во славу Бога, в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа, Ему же честь и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
МАРКА, АРИСТАРХА и ЗИНЫ

Святой апостол Марк, называвшийся Иоанном[2], о котором упоминает святой Лука в книге Деяний святых апостолов (см.: Деян. 15, 37), был поставлен апостолами епископом в Вавилоне и рев-

[1] В 1435 году. Мощи преподобного в 1465 году были перенесены с места его кончины при реке Выге на остров Соловецкий.

[2] Спутник апостолов Павла и Варнавы в первом их апостольском путешествии; во втором апостольском путешествии апостола Павла, апостол Варнава, отделившись от апостола языков, предпринял вместе с Иоанном Марком отдельное апостольское путешествие.

ностно подвизался в проповеди Евангелия. Он достиг такого дерзновения к Богу, что и самая тень его исцеляла больных.

Святой Аристарх, о котором упоминает апостол Павел в своих посланиях (см.: Кол. 4, 10; Флм. 1, 24), был епископом Апамеи Сирийской[1].

Святой Зина был законником[2] (до своего апостольства), а впоследствии епископом в Диосполе[3].

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕПИХАРИИ

Христова мученица Епихария жила в Риме в царствование Диоклетиана[4]. Епарх Кесарий приказал взять ее и привести к себе на суд. За твердое исповедание имени Христова ее повесили и строгали, после чего сорок воинов били ее оловянными молотками; но, по ее молитвам, Ангел поразил их. После всех мучений ей отсекли голову мечом. Из камня, на котором стояла святая мученица, истекло много воды.

---

[1] *Апамея Сирийская* находилась в юго-западной Сирии, при самой большой реке Сирии — Оронте, которая около этого города вытекает из-под земли, образуя собою большое озеро. Апамея в древности была главным городом области Сирии Апамены и получила свое наименование по Апамее, жене Селевка I Никатора, правителя Сирии, которому город этот и был обязан своим значением.

[2] Святой Зина был ученик и сотрудник апостола Павла. Около 64 года по Рождестве Христовом, когда апостол Павел писал свое послание к Титу, он трудился на Крите вместе с Титом. Законниками (иначе — книжниками) назывались ученые люди, составлявшие из себя среди грубой и простой черни класс особенно привилегированных людей, сведущих в законоведении и ведавших юридические дела в церковных судилищах.

[3] *Диосполь* — город по северной дороге от Иерусалима к Иоппии (Яффе).

[4] Это было в начале IV века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИГНАТИЯ

Этот преподобный жил в царствование императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия[1], в Каппадокии. С младенчества родители посвятили его Богу, как некогда Самуила (см.: 1 Цар. 1). Достигши зрелого возраста, он принял иноческий сан и вскоре посвящен был в пресвитера, а потом и в игумена. Он много сделал для своей обители[2]: расширил ее, украсил и обогатил, построил в ней две церкви во имя святого пророка Илии, и еще в одном городе создал церковь во имя святых апостолов. Кроме того, он построил вокруг обители своей крепкую и благолепную ограду. Отправившись однажды в Константинополь, где он принес в дар одной обители святой Крест и святое Евангелие, преподобный на обратном пути оттуда занемог желудочною болезнию и скончался в Аммории[3]. Его погребли при одном из храмов этого города. Когда миновала зима, отцы его обители захотели перенести тело его. Открыв раку, они обрели его тело целым и нетленным, источающим чудное благоухание. Они благоговейно перенесли его и положили в паперти церковной, славя Бога, дивного во святых Своих.

---

[1] *Никифор II Фока*, Византийский император, царствовал с 963 по 969 год; *Иоанн Цимисхий*, его преемник, — с 969 по 975 год.

[2] *Обитель Спаса Глубокой реки*; основана в начале IX века по Рождестве Христовом, находится в Малой Азии, на берегу Мраморного моря, близ Царьграда.

[3] *Аммория* находилась во Фригии, в Малой Азии, и была цветущим и многолюдным городом.

День двадцать восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ХАРИТОНА ИСПОВЕДНИКА

Преподобный Харитон жил в городе Иконии, Ликаонской епархии[1]. Он был благочестивый христианин, отличался добродетелями и в царствование нечестивого царя Аврелиана явил себя исповедником имени Христова[2]. Ибо, когда по всем странам разошлось безбожное повеление царя принуждать христиан к принесению жертвы идолам, неповинующихся же убивать, то, во исполнение этого предписания, в Иконии взят был под стражу игемоном той страны Харитон, как наиболее отличавшийся среди христиан благочестием и сиявший добродетелями. Он был связан и приведен на суд нечестивых, где игемон спросил его:

— Почему ты не поклоняешься великоименитым богам, пред коими царь и все народы склоняют свои головы?

Харитон отвечал:

— Все боги язычников — демоны, кои некогда восхотели сравняться с Вышним Богом, и за свою гордость свержены были с неба

---

[1] *Ликаонская провинция* и вместе Ликаонская епархия, в Малой Азии, заключала в себе 18 городов. Икония — главный город Ликаонской епархии. В нем был собор по вопросу о крещении еретиков (Евсевия Цер. Ист. кн. 7, гл. 6).

[2] *Исповедниками* в древней Церкви назывались христиане, которые не отрекались от веры Христовой, когда их призывали на суд язычников и предавали мучениям, не оканчивавшимся, впрочем, смертью. Кроме того, этот титул прилагался и к тем христианам, которые вели в высшей степени добродетельную жизнь, борясь с миром и его соблазнами и этим свидетельствуя о своей преданности Христу Спасителю.

в глубину преисподней; ныне же стремятся они к тому, чтобы быть почитаемыми от безумных и обольщенных людей, как боги. Впрочем, и они, и те, кто им кланяется, скоро погибнут и, как дым, быстро исчезнут: поэтому я им не поклоняюсь; верую же в истинного Бога, Ему служу и поклоняюсь, ибо Он есть Создатель всего, Спаситель мира, пребывающий вовеки.

— Уже этим первым грубым ответом, — сказал игемон, — ты сделал себя достойным смерти, потому что дерзнул похулить бессмертных богов, а нас, им поклоняющихся, осмелился называть безумными и обольщенными; за это только следовало бы усечь мечом твою злоречивую голову. Но так как наши боги долготерпеливы и не спешат отмщать за причиненное им бесчестие, то я сделаю тебе снисхождение и не тотчас погублю тебя; быть может, придя в себя, ты рассудишь здраво и принесешь с нами жертву тем, которых ты теперь хулишь, и испросишь у них прощение за совершенный тобою грех; они же, как незлобивые, готовы принять тебя и простить тебе их бесчестие.

Харитон отвечал:

— Если ваши идолы — боги, то ты дурно поступаешь, игемон, прощая мне оскорбления, какими я их бесчещу; ибо всякий должен стоять за честь своего бога и выказывать в отношении к нему свою ревность. Если же они — не боги, то напрасно ты повелеваешь им поклоняться. Знай, что никакая муке не отторгнет меня от Живого Бога и не склонит к почитанию скверных идолов; ибо я — ученик блаженной первомученицы Феклы[1], воссиявшей в нашей Иконии светлою зарею мученичества. Она же была наставлена к этому под-

[1] *Ученик* — в смысле последователя, ибо действительным учеником преподобной Феклы, современницы апостолов, преподобный Харитон быть не мог: он жил во второй половине III века и в первой половине IV века.

вигу великим учителем — святым Павлом, с коим ныне и я говорю: «Кто меня разлучит от любви Божией — скорбь ли, или теснота, или гонение, или беда, или меч, или другое что-то трудное?»[1].

Игемон же сказал:

— Если бы боги наши не были богами, как ты говоришь, то не послали бы нам благополучной жизни, богатства, славы и здоровья.

Харитон отвечал:

— Ошибаешься, игемон, полагая, что все это ты получил от ложных твоих богов, которые и сами — нищи и ничего не имеют, кроме своей погибели; ибо бесы даже и над свиньями не имеют власти без Божия попущения (см.: Мф. 8, 31–32); идолы же могут ли кому дать что-нибудь, сами ничего не имея? Они не прострут рук своих, не пойдут ногами, не скажут языком, не увидят глазами, не услышат ушами, так как в них нет души. Если ты хочешь узнать истину, испытай на деле, и ты увидишь их ничтожество: приложи зажженную свечу к устам идола и опали его — больно ли ему станет? Возьми секиру и рассеки ему ноги — закричит ли он? Принеси молот и сокруши ребра его — застонет ли он? Поистине ты ничего не услышишь, ибо он не имеет ни жизни, ни дыхания.

Услышав это, игемон разгневался и, как пьяный, закричал от ярости, не давая святому продолжать свою речь. Тотчас он повелел взять святого, обнажить и, растянув крестообразно, бить его нещадно жилами; святой же доблестно терпел, решившись лучше умереть за Христа Господа, чем жить в беззаконии, отрекшись от своего Создателя.

В то время как святого били, мучитель вопрошал его:

— Принесешь ли, Харитон, жертву бессмертным богам, или хочешь принять еще большие раны?

— Если бы мне, — отвечал мученик, — можно было тысячу раз умереть за Спасителя моего, то я согласился бы на это скорее, чем на то, чтобы жить и кланяться бесам.

Святого же так били по всему телу, что видны были и внутренности его; ибо мясо отпадало от костей, кровь лилась рекою, и все тело стало сплошною язвою. Заметив, наконец, что он едва жив, перестали бить его и, думая, что он скоро умрет, взяли на плечи, и

[1] Несколько измененный текст из Рим. 8, 35, где апостол Павел выражает свою преданность Христу Спасителю.

отнесли его в темницу. Он не только совершенно не мог сам идти, но не в силах был и произнести хоть одно слово, а только слабо дышал: так он сильно был изранен. Положив его в темнице, мучители ушли.

Видя терпение Своего страдальца, Бог подкрепил его Своею помощию, скоро исцелил от ран, и того, кого нечестивые надеялись видеть мертвым, сотворил живым и здоровым, так что он мог сказать с Давидом: *Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни* (Пс. 117, 17). Тогда он снова был приведен на суд, причем, показав еще более дерзновения, чем в первый раз, возбудил еще бо́льшую ярость в мучителе. Игемон повелел опалять тело святого свечами, так что все тело его испеклось, как мясо, приготовленное в пищу. Он же, терпя такие муки за Христа, Господа своего, радовался и снова был брошен в ту же темницу.

В то время император Аврелиан умер, будучи наказан гневом Божиим за пролитие христианской крови. Находясь в дороге между Византией и Ираклией, он был сначала устрашен с небес великим громом, который предуказал скорую его смерть, а потом во время того же путешествия он был убит своими домашними и таким жалким образом окончил свою земную жизнь. По смерти его гонение на христиан прекратилось, и из изгнания, оков и темницы были освобождаемы узники Христовы; ибо император Тацит, который по смерти Аврелиана принял царский скипетр, вразумившись казнию пред ним царствовавшего кесаря, послал по всем подвластным странам повеление, чтобы все христиане были свободны. Он боялся, что пострадает так же, как Аврелиан, если будет жесток к христианам. И наступила тогда великая радость для верующих: узники были выпускаемы, изгнанные возвращались из ссылки, из пустынь и пещер выходили епископы, священники и миряне, кои скрывались из страха пред мучителями и, приветствуя друг друга, радовались спокойствию Церкви. Тогда и преподобный Харитон исповедник был выпущен из темницы. Но он не радовался тому, что ему не пришлось пострадать до конца, ибо он желал лучше завершить свой мученический венец страданием, чем остаться в живых; ему приятнее было бы умереть за Христа, чем быть отпущенным на свободу. Впрочем, промысл Божественный продолжил жизнь его на пользу многим, дабы он предстал Богу в небесных обителях не один только, но с ли-

ком добровольных мучеников, как пастырь с овцами и отец с детьми.

С того времени святой Харитон, украшенный ранами Христов воин, отрекся от мира и от всего, что в мире; взяв крест свой, пошел он путем трудным и стал живым мертвецом — умершим для мира, но живым для Бога. Ибо, нося на себе язвы Господа Иисуса (см.: Гал. 6, 17), он всецело Ему предался и распялся с Ним; а чтобы всегда иметь пред очами своими Его Божественные страдания, он пошел в Иерусалим, где Господь наш испустил на кресте дух Свой. Когда он шел туда и был уже вблизи Иерусалима, то попался в руки разбойникам, кои, не найдя у него ничего ценного, схватили его и увели в свою пещеру, чтобы там предать его лютой смерти. Впрочем, они не убили его, так как поспешно отправились искать путников, чтобы ограбить их; святого же Харитона оставили лежащего связанным в пещере. Он же, как и ранее, когда находился в узах и муках, благодарил Бога, готовый принять всякую смерть, какая приключится ему по попущению Божию. В это время он с дерзновением говорил бесу:

— Знаю, диавол, что ты, сам боясь сойтись со мною, навел на меня разбойников и, желая положить препятствие моему намерению, поставил мне сеть на этом пути. Но знай, проклятый, что не ты надо мною, а я над тобою буду торжествовать, с помощию Бога моего; ибо если разбойники и убьют меня, то я уповаю на милость Божию, что получу в наследие святой покой Божий, а ты наследуешь геенну[1]. Я воскресну в жизнь вечную, ты же умер вечною смертию и конца не будет твоему мучению. Впрочем, Владыка мой может и здесь еще освободить меня живым от рук разбойников и избавить от смерти, как избавил Исаака от заклания (см.: Быт. 22), отроков из печи (см.: Дан. 2), Даниила от львов (см.: Дан. 14), святую Феклу от огня и зверей[2].

Когда святой говорил эти слова, в пещеру вполз змей и, найдя здесь сосуд с вином, стал пить из него; опившись, змей изблевал вино опять в сосуд вместе с своим ядом и потом уполз. Воротились домой разбойники и, будучи томимы жаждою, все один за другим напились из того сосуда и тотчас отравились тем ядом: ибо все упали

[1] *Геенна* — то же, что ад.

[2] Память святой Феклы первомученицы празднуется 24 сентября.

на землю и в страшных муках умерли. Так приняли они достойную казнь за грехи свои и ужасным образом закончили свою жизнь.

Избавившись от смерти, святой Харитон освободился с помощию Божиею от уз и нашел в той пещере великое множество золота, которое разбойники собрали в течение многих лет разбоями своими. Богатство это, недобрыми средствами приобретенное разбойниками, святой Харитон истратил на пользу, ибо часть его раздал нищим, церквам и монастырм, а на остальное построил на том месте обитель, по имени Фаре[1], и, обратив разбойничью пещеру в церковь, собрал здесь братию. Слава о нем прошла по всей той стране, и многие приходили к нему ради его добродетельной жизни; приняв от него пострижение[2], проводили они тихую жизнь в той обители, получая пользу от учителя и наставника своего, преподобного Харитона, на святое житие коего они взирали, как на яркий светильник, и назидались им. Ибо он был совершен в добродетелях и иноческих подвигах, любя пост и воздержание, как сладкую пищу, почитая труд — покоем и соблюдая нищету, как богатство; был он при этом милостив и странноприимен, милосерд, братолюбив, кроток, молчалив и всем доступен. Имел он в устах и слово, солью премудрости приправленное[3], коим наставлял всегда братию на путь спасения. В монастыре своем он установил вкушать пищу однажды в день — и то вечером, и не особо приготовленные кушанья или пития, но только хлеб и воду, и притом в меру, чтобы, отягчив чрево излишеством в пище и в питии, братия не были ленивы к восстанию от сна в полночь и к молитве. Установил он также, чтобы братия после молитвы занимались рукоделием, остерегаясь и один час провести в праздности, дабы диавол, обретши инока праздным, не уловил его легко греховною сетью, так как леность и праздность — начало грехопадений. Святой повелел еще братии находиться в своих келиях и безмолвствовать, не переходя с места на место и не собираясь

[1] *Обитель Фаре*, или *Фарус*, отстояла к югу от Иерусалима на шесть миллиариев, или на шестьдесят тысяч шагов.

[2] *Пострижение* — это особый богослужебный чин принятия в иноки, которому дано такое название потому, что в древности пострижение волос было первым внешним знаком посвящения в иноки. Только уже вслед за пострижением посвящаемый облачался в монашеское одеяние.

[3] То есть речь его была приправлена мудростью, как бы солью, без которой кушанья не вкусны (см.: Кол. 4, 6).

на праздные беседы, ибо много соблазна происходит от пустых разговоров, как свидетельствует Писание: *тлят обычаи бла́ги беседы злы*[1] (слав. 1 Кор. 15, 33). Учил также преподобный хранить чистоту совести как зеницу ока, любить нищету более золота и серебра и послушание иметь у себя как помощника, способствующего спасению; смирение же, любовь, терпение, незлобие и все другие иноческие добродетели он учил приобретать как многоценное сокровище и обогащаться ими.

Так научив братию и приведя обитель в подобающий порядок, преподобный повелел всем собраться и, избрав из братии того, кто известен был более всех своею добродетелью, поставил его вместо себя для них пастырем, сам же решил уйти в глубочайшую пустыню, любя безмолвие и устраняясь от людей; ибо он имел благодать исцелять недуги прогонять бесов, почему отовсюду стекались к нему люди, принося с собою своих недужных. Приходили также и важные вельможи для получения от него благословения, так что он не мог иметь полного иноческого безмолвия. Утрудившись от этого беспокойства, он решил удалиться в уединение, избегая славы мирской. Братия же усиленно просили его, чтобы он не оставлял их, и, когда эти просьбы остались без успеха, они плакали о нем, как сироты по отце. Впрочем, угодная Богу молитва доброго отца не оставляла чад его, ибо его молитвами все преуспевали в исполнении заповедей Господних и, как крины[2], насажденные в пустыне, процветали святостью. Итак, простившись с братией, благословив ее и вручив Богу, преподобный ушел в дальние пустыни и непроходимые дебри[3].

Пройдя путь одного дня[4], преподобный нашел другую пещеру невдалеке от Иерихонских пределов[5], и, вселившись в ней, жил для Бога, день и ночь славословя Его, как бы Ангел[6]. Пищею ему служила зелень, росшая около того места, а более всего он питался сло-

[1] То есть хорошие обычаи и нравы часто портятся от участия в дурных обществах и праздных разговорах.

[2] То есть полевые, дикие лилии.

[3] *Дебрь* — долина, низина, покрытая густым лесом, или же пространство, стесненное скалами.

[4] То есть сколько обыкновенно пешеход проходит в день.

[5] Вероятно, в пустыне Иудейской.

[6] Ангелы, по слову Святого Писания, славословят Бога непрестанно.

вом Божиим, беспрестанными молитвами и теплыми, исходившими от сердечной любви к Богу слезами, говоря словами псалма: *Слезы мои были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41, 4).

Когда он пробыл там некоторое время, Бог открыл его людям как некое сокровище, сокрытое в поле[1]. Так как многие скорбели о его отшествии и сетовали о лишении доброго отца, то некоторые из братий, согласившись между собою, пошли искать в пустыне своего пастыря: Сам Бог восхотел, чтобы искусный наставник и добрый правитель многих направлял и вел в Царство небесное не только себя, но и других. С этого времени узнано было место уединения его, и к нему стали приходить черноризцы и миряне, желая жить с ним, видеть ангелоподобное лицо его и насыщаться его полезною беседою. В скором времени собралось не малое стадо словесных овец и устроен был другой монастырь по такому же чину и уставу, как и первый. Так, слава Божия возрастала и распространялась более в местах пустынных и непроходимых, нежели посреди многолюдных городов, в коих живут беззаконие и пререкание. Но недолго отец пробыл вместе с своими чадами; ибо, устроив весь порядок монастырский как подобало, он снова ушел в самую глубокую пустыню, отстоящую от Фекуитской страны[2] на четырнадцать или более стадий и там, уподобляясь Илии и Предтече, *далеко удалился, и оставался в пустыне* (Пс. 54, 8). Он переходил с места на место, по дебрям, стремнинам, холмам, расселинам и пропастям земным, всего себя предав Богу. Кто расскажет о его трудах в пустыне? Один только Бог, ведающий сокровенное, знал его подвиги, видел его труды и за это уготовлял ему небесное воздаяние.

После того как преподобный уже долгое время скитался в пустыне, Бога восхотел, чтобы этот светильник, сиявший добродетелями, снова вышел из-под спуда пустынного[3] и светил образом жизни своей всем, хотящим шествовать узким путем, ведущим в жизнь вечную. Его снова нашли некоторые из проходивших по пустыне подвижников и, упав ему в ноги, молили, чтобы он повелел им остаться с ним и подражать благочестивым подвигам его. Когда и другие узнали об этом, то к преподобному стали собираться

---

[1] См. притчу о сокровище, сокрытом в поле (см.: Мф. 13, 44).

[2] *Фекуя* — древний иудейский город, находившийся недалеко от Вифлеема.

[3] *Спуд* — сосуд; *под спудом* — сокровенно, под сокрытием (см.: Мф. 5, 15).

многие, избегая суетного мира. Он же, собрав уже третье стадо овец Христовых и научив их иночеству, устроил третью обитель, которая после стала именоваться на сирском языке Сукийскою, по-гречески же именовалась Старою Лаврою. Потом он взошел на вершину находящейся там горы и поселился на возвышении, имевшем в себе небольшую пещеру, куда можно было взойти только по очень высокой лестнице. Там он стал как на столпе[1], удаляясь от земли и приближаясь к небесным селениям. Оттуда, как добрый пастырь, стоящий на страже, он молился за свои монастыри и помышлял о спасении собранных там братий; находясь как бы на корме корабля, направлял он отсюда плавание столь великого числа душ, ибо из всех устроенных им монастырей притекали к нему нуждающиеся в духовной пище. И прожил он на том месте до глубокой старости в посте и молитвах и таких подвигах, о которых и рассказать нет возможности; ибо, день ото дня увеличивая свои труды, он казался и во плоти бесплотным. Место то было безводно, отец же не хотел, чтобы кто из братий трудился для него, принося ему издалека воду, а сам он не мог приносить ее себе — и по причине неудобного входа на высокий холм, и по немощи своего состарившегося и ослабленного трудами тела. Поэтому он сотворил усердную к Богу молитву, чтобы Он извел из камня воду, как для Израиля в пустыне; это совершилось, ибо Господь исполняет желания боящихся Его и слышит их молитву — и внезапно из сухого и не разбиваемого камня силою Божиею потек источник воды. Так много силы имела у Бога молитва добродетельного отца.

Прожив в совершенном благочестии и достигнув, как зрелый грозд, крайнего предела возраста, преподобный приблизился к блаженной своей кончине. Узнав о ней от Бога, он призвал из трех своих монастырей игуменов и братию, кои его молитвами и предстательством пред Богом умножились в той пустыне, как звезды небесные, и поведал им о скорой своей кончине.

— Я, — сказал он, — ухожу от вас, как повелевает мне Господь; ибо наступило время, которого я давно уже с нетерпением ожидал, чтобы, отрешившись от союза с плотью, мне идти и явиться пред

---

[1] Здесь, очевидно, разумеются те деревянные башенки, какие палестинские пастухи устраивали для наблюдения за стадами своими, рассеянными по обширному пастбищу.

лицо Бога моего. Вы же, чада, заботьтесь о своем спасении, чтобы каждый из вас, избегнув вражеских сетей, сподобился по кончине своей войти ко Господу и получить милость от Него.

Услышав это, все заплакали и говорили:

— Оставляешь ты нас, чад своих, отец и учитель наш! Оставляешь нас, пастырь и наставник! Угасаешь, светильник наш и вождь на пути нашем!

Он же утешал их, говоря:

— Господь наш Иисус Христос обещал пребывать с нами неразлучно до скончания века, и Он не оставит вас; а если я буду удостоен Им, то стану молить Его Благого, чтобы Он не разлучал вас друг от друга, как овец от козлов на страшном суде Своем, но чтобы всех вас поставил одесную Себя[1] и собрал вас в одну ограду в Царствии Своем.

Братия спросили его:

— Какое распоряжение, отец, сделаешь ты о теле своем? Где погребем тебя?

Он сказал:

— Отдайте землю земле, где хотите: *Господня земля и что наполняет ее*[2] (Пс. 23, 1).

Они же говорили:

— Нет, отец; ты устроил три обители и собрал три стада; каждое из них хотело бы иметь у себя твои мощи[3]; поэтому, чтобы не было между нами распри, завещай ныне же, где нам положить твои мощи.

Исполняя желание их, он соизволил на то, чтобы его похоронили в первом его монастыре, где он был взят разбойниками и чудесно, благодатиею Божиею, от них избавлен. Иноки всех трех обителей, взяв его, привели в ту обитель. Здесь он, дав много наставлений братии о совершенном иноческом житии и преподав им мир, возлег на одре и предал в руки Господа святую свою душу, не испытав никакой телесной болезни[4].

---

[1] *Стоять одесную* — значит быть оправданным Богом (см.: Мф. 25, 33).

[2] То есть все принадлежит Богу, всякий кусок земли.

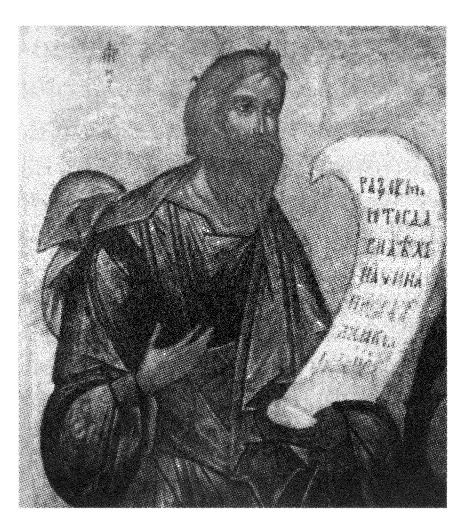
[3] *Мощи* — тело умершего христианина вообще, а затем, в особенности, святые останки прославленных угодников Божиих.

[4] Около 350 года по Рождестве Христовом.

Так скончался преподобный отец наш Харитон, Христов мученик, исповедник и добрый подвижник. Возрыдали о нем все пустынные отцы и вся пустыня наполнилась плачем по таком великом отце и учителе, озарявшем мир как солнце. Проплакав о нем довольно времени, иноки погребли с почетом его святые мощи, славя Отца и Сына и Святого Духа вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
ВАРУХА

Святой пророк Иеремия был свидетелем плена Вавилонского, когда ему было семьдесят лет, а святой Варух, ученик его, не оставлял своего учителя. Когда Иеремия оплакивал разрушение Иерусалима, тогда Варух, удалившись в вертеп, также горько плакал. По некотором времени он вышел из вертепа и со скорбию присутствовал при побиении камнями своего учителя Иеремии. Святой Варух особенно ясно пророчествовал о воплощении Сына Божия; это пророчество его начинается такими словами: *Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним* (Вар. 3, 36–38). Предрек он и судьбу Иерусалима. После кончины святого Иеремии, которого он предал погребению, он вскоре и сам преставился[1].



[1] Пророк Варух преставился в Египте, вероятно, в 12 году по разрушении Иерусалима Навуходоносором, следовательно, в 595 году до Рождества Христова. С именем этого пророка известна в Священном Писании особая книга. Цель написания этой книги, как можно видеть из ее содержания, заключалась в том, чтобы показать иудеям, что все бедствия, постигшие их, Господь послал на них за грехи предков их и их самих, и чрез то вызвать в них чувство сердечного сокрушения и раскаяния; вместе с тем дать им среди постигших бедствий утешение

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

АЛЕКСАНДРА, АЛФЕЯ, ЗОСИМЫ, МАРКА, НИКОНА, НЕОНА и ИЛИОДОРА

Все эти святые мученики пострадали при императоре Диоклитиане[1]. Святой Марк был пастухом; за исповедание христианской веры он по повелению игемона Магна взят был из окрестностей Антиохии Писидийской[2]. Арестовавшие его воины дорогой были обращены святым Марком ко Христу, и за это все были осуждены на усечение мечом. Марк же был подвергнут истязаниям, для чего были приведены из селения Каталита[3] три брата-кузнеца — Александр, Алфей и Зосима. Когда они стали ковать железо, чтобы мучить святого, то железо стало расплавляться, как вода, руки их оцепенели, и они услышали голос, убеждавший их пострадать вместе со святым Марком. Тогда они уверовали во Христа, были за то подвергнуты мучениям и, наконец, скончались от влитого им в уста олова. Святой же Марк был распят на кресте, а потом усечен мечом. Голову его Магн послал в капище богини своей Артемиды; лишь только внесли главу святого мученика в капище, все идолы, бывшие там, пали и сокрушились. Увидав это чудо, Никон, Неон и Илиодор также уверовали во Христа и были за это обезглавлены.

обетованием предстоящей свободы от плена и еще более наступлением благодатных времен мессианских. Книга пророка Варуха считается как бы дополнением или прибавлением к книге пророка Иеремии и отдельно от нее нигде не встречается. У святых отцов Церкви она нередко прямо соединяется с книгою пророка Иеремии под одним названием последней. Даже паремия, положенная из этой книги в навечерие Рождества Христова (см.: Вар. 3, 36–38; 4, 1–5), читается под именем пророчества Иеремии, а не Варуха.

[1] В начале IV века по Рождестве Христовом.

[2] *Писидия* — область на юге Малой Азии. Антиохия Писидийская — главный город этой области.

[3] *Каталита* — селение в окрестностях Антиохии Писидийской.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ВЯЧЕСЛАВА, князя Чешского

Святой Вячеслав происходил из княжеского рода, правившего в Чехии[1], и приходился внуком святой мученице Людмиле[2]; его родители — Вратислав[3], князь Чешский, и жена его Драгомира имели, кроме него, еще двух сыновей: Болеслава и Спытигнева и несколько дочерей; среди всех он выдавался своими дарованиями и добротой. Когда святой Вячеслав стал подрастать, отец его, по обычаю того времени, просил епископа и иереев со всем причтом церковным призвать на него благословение Божие. Епископ, отслужив литургию в церкви Пресвятой Богородицы и поставив затем отрока на ступени храма, благословил его такими словами:

— Господи Боже, Иисусе Христе, благослови это отроча, якоже благословил еси праведных Твоих — Авраама, Исаака и Иакова, и

[1] *Чехия* занимает среднеевропейское плоскогорье, окруженное со всех почти сторон горами и орошаемое рекой Лабой (Эльбой) с ее притоками. В отдаленной древности эта страна была занята кельтским народом — бойями, от которых она носит другое название — Богемии. Незадолго до Рождества Христова бойи были изгнаны германцами, маркоманами, ведшими долгие войны с римлянами и окончательно исчезнувшими в половине V века; вскоре после этого, вероятно, поселились в опустевшей стране славянские племена чехов, по которым и страна прозвалась Чехией. Когда святые братья, Кирилл и Мефодий, распространяли христианство в славянских странах — Моравии и Паннонии, тогда ими же были крещены и чехи, и у них введено было богослужение на славянском языке; христианство у чехов распространилось очень сильно, и скоро у них появились святые подвижники; в Православной Церкви известны: блаженная Людмила, святой Вячеслав и преподобный Прокопий, живший уже в XI веке (память его празднуется 16 сентября). Но еще до крещения чехов святыми первоучителями славян появились в Чехии и немецкие миссионеры, которые стали распространять богослужение на латинском языке, а так как они при этом пользовались покровительством могущественных немецких государств, соседних с чехами, то им с течением времени удалось совершенно вытеснить славянское богослужение, которое уже в XI веке приходилось защищать святому Прокопию, хотя местами оно продолжало сохраняться и позже.

[2] Память ее празднуется 16 сентября.

[3] Вступил на княжеский Чешский престол в последних годах IX века.

венчай его, якоже венчал еси правоверных царей, равноапостольных Константина и Елену.

С этого-то особенно времени Божией благодатию отрок стал расти и преуспевать. Бабка его, святая Людмила, поручила одному священнику, своему духовнику, учить его славянской грамоте, которою святой очень скоро овладел вполне. Видя его успехи, отец отправил его в город Будеч учиться латинскому языку и другим наукам; во всем этом он преуспевал к удивлению учителей.

Но волею Божиею случилось, что князь Вратислав скоро умер[1], и святой Вячеслав, юный еще возрастом, вступил на родительский престол. Здесь, в сане правителя, выказал он в особенности свои дарования: вместе с своею материю он старался об улучшении управления страны, заботился о своем семействе: выдал замуж сестер своих в соседние княжества, наблюдал за воспитанием младших братьев, не упуская случая и самому расширить свои познания, так что скоро он изучил вполне не только славянскую и латинскую, но и греческую грамоту, превосходя в этом отношении всякого священника или даже епископа. Бог благословлял его деятельность, одаряя его премудростью. Он же усердно старался угодить Богу, заботился об убогих, кормил их, принимал странных по слову Евангельскому: *ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня* (Мф. 25, 35), почитал духовенство, строил и украшал церкви, ко всем относился с любовью, как к богатым, так и к бедным, и во всю недолговременную жизнь свою помышлял только о благом.

Но диавол, исконный враг рода человеческого, и теперь всячески старался посеять смуты: некоторые зломысленные вельможи захо-

---

[1] Князь Вратислав умер в 920 году по Рождестве Христовом.

тели воспользоваться молодостью святого, так как по смерти отца своего он остался всего восемнадцати лет. И вот, сначала они стали восстанавливать князя Вячеслава против его матери, говоря, что она убила его бабку, святую Людмилу, и злоумышляет против него. Вячеслав сперва поверил этим словам и отправил свою мать в город Будеч, но скоро вспомнил слова апостола Павла: *Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием* (Еф. 6, 2); вернул мать обратно в свой дом и с горькими слезами каялся, говоря:

— Господи Боже мой, не вмени мне этого во грех, — и повторял слова псалмопевца: *Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай* (Пс. 24, 7).

С этих пор он всячески почитал свою мать, так что она радовалась его благочестию и доброте: он питал увечных, заботился о вдовах и сиротах, выкупал пленных, всем делал добро, и всюду прославлялось имя доброго и праведного князя Вячеслава.

Злонамеренные вельможи, увидав, что их замыслы не удались вследствие разума и благонравия святого, стали возмущать против него брата его — Болеслава, который, как младший, должен был подчиняться Вячеславу. Они внушили Болеславу, будто князь Вячеслав со своими советниками и с матерью умышляют извести его, и советовали ему для спасения своей жизни убить святого князя и самому занять княжеский престол. Эти злобные советы соблазнителей смутили ум Болеслава, и он стал помышлять о смерти своего брата, подобно тому, как почти сто лет спустя[1] Святополк Окаянный, желая быть единовластным в Русской земле, задумал избить братьев.

Желая исполнить свое преступное намерение, Болеслав пригласил брата к себе на освящение церкви, которое должно было произойти в воскресный день, с коим совпало тогда и празднование памяти святых Космы и Дамиана. Святой Вячеслав, приехав и отслушав святую литургию, хотел возвратиться обратно в Прагу[2], но Болеслав стал удерживать его, упрашивая не обидеть его отказом от угощения, которое он приготовил. Святой согласился остаться, хотя, когда он вышел на двор Болеславов, слуги предупреждали его о замыслах брата. Святой не поверил этому, возлагая всю свою надежду на Бога. Весь тот день они в радости провели вместе; а между тем

[1] В 1015 году.

[2] Столица Чехии, находится на реке Влтаве, приток Лабы.

ночью злодеи собрались во дворе одного из заговорщиков, по имени Гневысы, и вместе с Болеславом обдумывали, как бы им убить святого Вячеслава, и решили напасть на него, как только он встанет и пойдет к утрене, так как знали, что по благочестию своему святой не пропустит службы. И их предположения сбылись: лишь только раздался благовест к утрене, Вячеслав тотчас встал со словами:

— Слава Тебе, Господи Боже мой, яко дал еси свет и мне дожити до этого утра.

Затем он оделся и, умывшись, пошел в церковь; в воротах дома его догнал Болеслав. Святой, обернувшись, сказал:

— Здравствуй, брат; вчера хорошо...

Но не успел он докончить своей речи, как Болеслав, по наущению диавола, выхватил свой меч из ножен и ударил им брата по голове, со словами:

— Сегодня хочу тебя еще лучше угостить.

Вячеслав воскликнул:

— Брат, что ты задумал?

И схватив его и повалив на землю, спросил:

— Брат мой, какое зло я сделал тебе?

Но тут подбежал один из заговорщиков и поразил святого в руку. Тогда он, оставив Болеслава, побежал к церкви. Заговорщики бросились за ним, и двое из них — Честа и Тира — зарубили его в самых дверях церковных, а третий — Гневыса — пронзил его еще мечом в ребра. Блаженный испустил дух со словами:

— Господи, в руки Твои предаю дух мой.

По убиении князя злодеи стали избивать его дружину, грабить и изгонять всех тех, кого святой Вячеслав приютил в своем доме; заговорщик Тира стал советовать Болеславу напасть и на мать, чтобы сразу избавиться и от брата, и от матери, но тот ответил, что это еще успеется, так как ей некуда скрыться.

Тело же святого Вячеслава заговорщики изрубили и бросили без погребения, только какой-то священник прикрыл его покрывалом. В то время мать святого, услышав о его убиении, бросилась искать его и, увидев изрубленные его останки, залилась горькими слезами. Она собрала все части его тела и, не смея отнести их к себе, тут же, на дворе священника этой церкви, омыла, одела, и тогда его отнесли в церковь и положили там. Отдав этот последний долг своему муче-

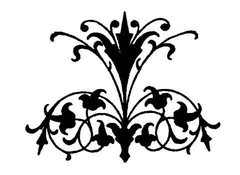
нически погибшему сыну, мать святого Вячеслава, спасаясь от смерти, укрылась в стране хорватов[1], так что, когда Болеслав вздумал и к ней послать убийц, то они ее уже не могли найти.

Останки блаженного князя некоторое время еще находились в церкви, ожидая погребения, пока, наконец, позволили позвать священника, чтобы совершить отпевание святого мученика и похоронить его. А кровь его, пролитую в дверях церковных, как ни старались, никак не могли отмыть. По истечении же трех дней она сама исчезла чудесным образом[2].

Вскоре братоубийца Болеслав сознал свой тяжкий грех и горько плакал, раскаиваясь и говоря:

— Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю, Боже, помоги мне грешному.

Он послал священников и своих приближенных перенести мощи святого Вячеслава в стольный град Прагу, и их с честию положили по правую сторону алтаря в церкви святого Вита, которую создал сам святой.



[1] Славянское племя, живущее по берегу Адриатического моря и по рекам Саве и Драве, притокам Дуная, к югу от Чехии.

[2] Мученическая кончина святого Вячеслава, князя Чешского, произошла в 935 году, 28 сентября.

День двадцать девятый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
КИРИАКА

Преподобный Кириак происходил из Коринфа[1] и был сыном пресвитера соборной церкви Иоанна; мать его звали Евдоксией. Родился он в последние годы царствования Феодосия Младшего[2]. Родственник преподобного, Петр, епископ Коринфский, сделал его еще в отроческие годы чтецом соборной церкви. Упражняясь в чтении Божественных книг с утра до вечера и с вечера до утра, изучал Кириак Священное Писание, удивляясь тому, как Бог с самого начала мира все премудро устроял для спасения человеческого, как во всяком поколении Он сподоблял великой чести угодивших Ему и даровал им великую славу. Ибо Он Авеля прославил за жертву (см.: Быт. 4, 4), Еноха же почтил перенесением в рай за то, что тот весьма угодил Ему[3]. Он сохранил от потопа за праведность Ноя, эту

---

[1] *Коринф* — древнейший, знаменитый и богатый город древней Греции, лежал на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес (Южную Грецию) с остальною Грециею, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями. Начало христианства в Коринфе положено было апостолом Павлом. — В настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около пяти тысяч жителей.

[2] Около 448 года по Рождестве Христовом.

[3] Быт. 5, 24: *И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его.* Выражение это обыкновенно понимается в смысле взятия Еноха на небо. «Дóлжно думать, — говорит митрополит Филарет, — что в Енохе, по достижении внутреннего человека его в предопределенную меру благодатного возраста, *смертное*

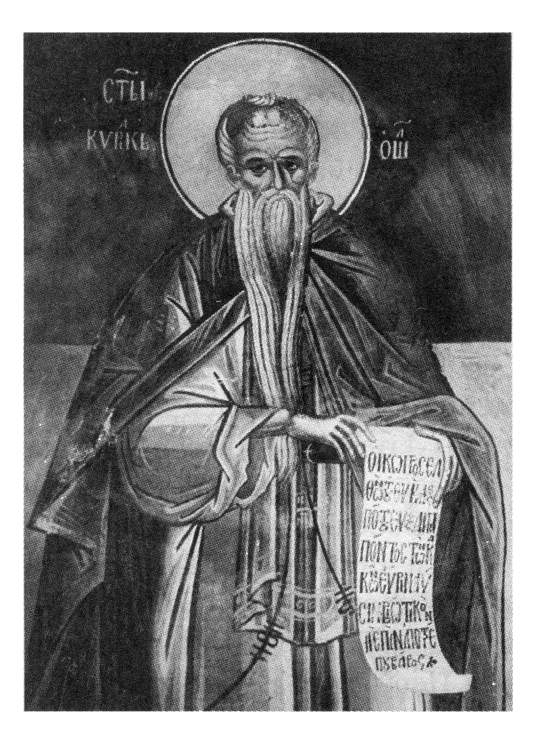
искру человеческого рода[1] (см.: Быт. 7–8), явил Авраама ради веры его отцом многих народов[2] (см.: Быт. 12, 4–5), показал, что Ему приятно доброе священствование Мелхиседека[3] (см.: Быт. 19, 18–20; Евр. 7), возвеличил Иосифа ради его целомудрия (см.: Быт. 41, 39–57), дал всему человечеству в лице Иова пример терпения (см.: Иов. 1; Иак. 5, 10–11), сделал Моисея законодателем, допустил Иисуса Навина остановить течение солнца и луны (см.: Нав. 10, 12–14), явил в Давиде пророка, царя и праотца Христа Спасителя и превратил для отроков пламень Вавилонской печи в росу (см.: Дан. 3, 50). Более же всего дивился Кириак, помышляя о бессеменном зачатии и неизъяснимом рождении Христа, — как Дева стала Матерью, соблюдя невреждённым Свое девство, и как Бог Слово, не изменяясь, соделался человеком, пленил крестом ад и, поправ обольстителя-змия, снова ввел Адама в рай. Размышляя об этом и читая жития святых, Кириак возгорелся духом, и в сердце его проник страх Божий; стал он стремиться к подражанию угодникам Божиим и помышлял о том, как бы ему уйти во святой град Иерусалим и там, отрекшись от мира, служить одному Богу. Занятый такими размышлениями, однажды в воскресный день услышал он в церкви слова положенного на тот день Евангелия: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 17, 24). Кириак, уразумев, что эти слова относятся к нему, тотчас вышел из церкви и, не сказав никому о своем намерении, пошел на берег, где была пристань; найдя здесь корабль, отправлявшийся в Палестину, с упованием на Бога вошел он на этот корабль и отплыл на

поглощено было жизнью (2 Кор. 5, 4), некоторым благороднейшим образом, нежели тот, который мы называем смертью телесной».

[1] Искрой человечества Ной может быть назван как потому, что, при всеобщем растлении рода человеческого пред потопом, в нем одном лишь, как в искре среди пепла, сохранялось истинное богопознание и праведность, так и потому, что после потопа от него произошло многочисленное потомство, подобно тому как от одной искры разгорается большое пламя.

[2] Самое имя «Авраам» означает: «отец множества». Это наименование Господь дал Аврааму, до того времени называвшемуся Аврамом, пред рождением от Сарры Исаака.

[3] *Мелхиседек*, царь Салимский, был в то же время священником Бога Всевышнего, соединяя в своем лице и царское и священническое достоинство, и прообразовал священство и царское служение Господа Иисуса Христа (см.: Евр. 7).



нем. Кириаку было восемнадцать лет от роду, когда он, как новый Иаков, вышел из дома отца своего (см.: Быт. 28, 7–10), оставив все ради Бога. Вскоре он прибыл в святой град Иерусалим, где епископом был Анастасий; то было в восьмой год его епископства и в девятый год царствования императора Льва[1].

Посетив святые места, Кириак пришел к некоему человеку Божию, по имени Евсторгию, устроившему монастырь близ святого Сиона[2], и, будучи им принят, провел там зиму. Взирая на подвиги иноков, Кириак и сам начал подвизаться в иноческой жизни и, как бы по лестнице — с одной ступени на другую, восходил на саму вершину добродетельной жизни. Проживая в обители Евсторгия, он слышал от многих о святом Евфимие[3], устроившем лавру[4] в пустыне, и о совершенной его жизни; поэтому он умолил блаженного Евсторгия отпустить его в Евфимиеву лавру, ибо он любил пустыню и хотел жить в ней. Преподав надлежащее наставление Кириаку, Евсторгий отпустил его с молитвою и благословением к преподобному Евфимию. Евфимий с любовию принял его, провидя в нем имеющие открыться дарования Божии; вскоре он

---

[1] *Святой Лев I*, Византийский император, царствовал с 457 по 474 год. *Святой Анастасий I* патриаршествовал в Иерусалиме с 458 по 478 год. Преподобный Кириак тайно от родителей отправился в Иерусалим около 465 года.

[2] *Сион* — юго-западная гора Иерусалима, на которой построен Иерусалим и на которой возвышается крепость Иерусалимская. В Священном Писании Сион называется горою святою, жилищем и домом Божиим и весьма часто принимается за самый Иерусалим, в каковом смысле это наименование употреблено и в настоящем случае.

[3] *Евфимий Великий* умер в 473 году (память его — 20 января); считается отцом всех пустынножителей Палестинских.

[4] Лавра преподобного Евфимия находилась недалеко от Иерусалима.

своими руками постриг Кириака в иноки и послал на Иордан к святому Герасиму[1], который заменил собою великого Феоктиста[2], отшедшего ко Господу. Видя, что Кириак еще слишком молод, святой Герасим повелел ему жить у себя в общежитии монастырском и трудиться в различных послушаниях[3].

Кириак показал себя готовым на всякие труды и пребывал на поварне, рубя дрова, нося воду и приготовляя кушанья; вообще всякое послушание исполнял он с благодарностию, не давая себе покоя, и тем самым утруждал свое тело. Ибо днем он работал со всем усердием для монастыря, а ночь стоял на молитве, лишь иногда на некоторое время забываясь сном; постился же он так строго, что только чрез два дня вкушал хлеб и воду. Когда же, по обычаю, соблюдавшемуся в праздники, ему случалось вкусить немного вина, то он сначала разбавлял его водою, а равно и в елей вливал сок укропа.

Видя такое воздержание в столь молодые годы, преподобный Герасим дивился этому и полюбил Кириака. У Герасима был обычай уходить на святую Четыредесятницу в глубокую пустыню, называемую Рува, куда иногда удалялся и преподобный Евфимий. Любя блаженного Кириака, Герасим брал его с собою в пустыню, чтобы и ему дать возможность упражняться в особом воздержании. Там Кириак каждую неделю причащался из рук Герасима святых Христовых Тайн; так пребывали они в пустынном безмолвии до недели Ваий и потом возвращались в обитель с великою пользою для души своей. Спустя некоторое время преставился преподобный Евфимий, о чем святой Герасим узнал, находясь в своей келии, ибо видел Ангелов Божиих, с радостию возносивших на небо душу преподобного. Тотчас он взял с собою Кириака и пошел в лавру Евфимия, где нашел преподобного скончавшимся о Господе; предав погребению его честное тело, Герасим возвратился с возлюбленным учеником своим в свою келию.

---

[1] Умер в 475 году. Память его совершается 4 марта.

[2] Умер в 467 году. Память его совершается 3 сентября.

[3] Евфимий Великий не принимал в свою лавру очень молодых монахов, как неподготовленных еще к суровой лаврской, пустынной жизни и недостойных посвящения в «великую схиму», обязательного для отшельников лаврских, для которых в то же время был обязателен строгий затвор в монастыре; в общежительных же монастырях жизнь была в некоторых отношениях менее сурова.

В девятый год по прибытии Кириака в Палестину великий угодник Божий Герасим перешел от земных обителей в вечные. Тогда Кириак, будучи двадцати семи лет от роду, снова возвратился в лавру преподобного Евфимия, где некогда принял из святых рук его ангельский образ[1]. Игуменом лавры в то время был Илия; испросив у него уединенную келию, Кириак стал жить в ней в безмолвии. В лавре обрел он себе друга, инока, по имени Фому, великого постника и совершенного в иноческом житии, и стал питать к нему великую любовь о Святом Духе: каждый из них получал пользу друг от друга, ибо они были оба исполнены благодати Божией. Но недолго они утешались своим дружеским совместным пребыванием, ибо воля Божия разлучила их. Так, блаженный Фома был послан диаконом Фидом в Александрию купить некоторые предметы, потребные для монастыря. При этом ему вручено было епископом Мартирием[2] послание к Тимофею, архиепископу Александрийскому[3]. Архиепископ Тимофей удержал пришедшего Фому у себя, прозрев пребывающую в нем благодать, и, рукоположив его, поставил епископом в Эфиопскую страну[4]. Прийдя туда, блаженный Фома просветил светом христианства все местности этой страны и, сотворив много знамений и чудес, был добрым пастырем порученного ему стада.

Лишившись друга своего, инока Фомы, святой Кириак наложил на себя обет глубокого молчания и жил, затворившись в келии, как бы погребенный во гробе, беседуя только с одним Богом. И остался он в той обители, где был хиротонисан во диакона, десять лет. В то время оба монастыря, Евфимиев и Феоктистов, имели одинаковое общежитие и одно управление, держась устава великого Евфимия. Но враг произвел в этих монастырях возмущение и поселил между ними разделение и раздор. Опечаленный этим разделением между

---

[1] *Ангельский образ* — посвящение в сан иноческий, в котором люди должны как бы уподобляться бесплотным Ангелам, посвящая все свое время богомыслию, молитве и различным высоким подвигам духовным, направленным к препобеждению плоти.

[2] Под епископом здесь до́лжно подразумевать Иерусалимского патриарха Мартирия, патриаршествовавшего с 478 по 486 год.

[3] *Тимофей II Салофакиил* — патриарх Александрийский с 460 по 482 год.

[4] *Эфиопия* — древнее наименование обширной страны, лежавшей к югу от Египта. Здесь следует подразумевать главным образом Абиссинию, где христианство распространилось еще в IV веке.

монастырями, святой Кириак удалился в монастырь Сукийский, который основал и устроил преподобный Харитон[1]. Будучи принят там, как новоначальный[2], он стал проходить иноческие послушания. Пробыв четыре года в различных службах, в пекарне и в больнице, и заслужив одобрение всех отцов, он был допущен совершать диаконское служение; по истечении же трех лет после этого, на сороковом году от рождения, Кириак был поставлен пресвитером, а потом сделан канонархом[3] и нес это послушание восемнадцать лет; всего же в Сукийском монастыре прожил он более тридцати лет. Сам он свидетельствовал, что в то время, как он был канонархом, солнце не видело его вкушающим пищу или на кого-нибудь гневающимся. Говорил он также, что всякий вечер, став в келии на молитву, он начинал чтение и пение Псалтири и завершал до удара в било[4] на полунощное пение.

Пожелав вести жизнь еще более строгую, Кириак на семидесятом году от рождения удалился в пустыню. Он взял с собою одного ученика и, путешествуя по пустыне много времени, дошел до той ее части, которая называлась Натуф, где и поселился. Не имея ничего для пропитания, ибо растительность той пустыни была чрезвычайно горька, он помолился Богу и, веруя в Его милосердие, сказал ученику:

— Иди, чадо, набери горького зелия (растения) и свари его: благословен всемогущий Бог, — Он и тем зелием нас пропитает!

Ученик исполнил то, что велел ему святой; Бог же, питающий всех возложивших на Него упование, изменил горечь того зелия в

---

[1] Умер около 350 года. Память его — 28 сентября.

[2] Монашествующие в обителях делились на три степени — новоначальных, малосхимников и великосхимников. Новоначальными назывались вновь принятые иноки, еще не удостоившиеся пострижения в мантию или в «малую схиму» и обязанные проходить монашеское послушание с самого начала.

[3] *Канонарх* — значит: начинатель установленного пения. В древности, по причине бедности монастырей, не дозволявшей иметь богослужебные книги в нужном количестве экземпляров, а также по причине малого числа грамотных между певцами, вошло в обычай пение священных песнопений под диктовку. Один из монахов, имея в руках книгу, произносил громогласно фразу за фразой, а прочие клиросные пели эти фразы, по мере произнесения каждой из них. «Канонаршество» существует в монастырях доселе.

[4] *Било* — металлическая или деревянная доска, которая в древности, а по местам и доселе заменяет колокола для призыва верующих к богослужению.

сладость, и оно служило им пищею в продолжение четырех лет. В конце четвертого года о Кириаке услышал от пастухов, пасших в пустыне овец, старейшина комитов[1] из Фекуи. Возложив на осла мешок с хлебами, он пришел к Кириаку, прося его благословения и молитв. Помолившись, Кириак беседовал с ним о душеполезных предметах и затем с благословением отпустил его; с тех пор они стали питаться хлебами, привезенными старейшиною. Но однажды ученик Кириака сварил, без повеления блаженного старца, зелие, и когда вкусил его, то почувствовал такую горечь, что не мог произнести ни одного слова. Поняв причину его немотствования, старец помолился над ним, причастил его Пречистых Тайн и тем исцелил его недуг. При этом он сказал ему в наставление:

— Не всегда Бог будет творить чудеса, но только во время наших бедствий и по крайней нужде нашей; когда мы не имели хлебов, Бог усладил для нас зелие, чтобы мы могли его есть; ныне же мы имеем хлебы, и есть ли необходимость в том чуде, чтобы горькое зелие превращалось в сладкое?

Но вот хлебы кончились, и опять оказался недостаток в пище; тогда старец снова сказал ученику:

— Благословен Бог, чадо, — набери и свари зелие.

Ученик исполнил повеление, но когда наступил час принятия пищи, то не хотел вкусить ее, боясь опять причинить себе тем страдание; старец же, осенив кушанье знамением креста, вкусил сначала сам, а потом, взирая на старца, осмелился вкусить и ученик, и оба они не потерпели никакого вреда, ибо нашли кушанье сладким, как и прежде, и с того времени стали питаться тем зелием.

На пятый год пребывания Кириака в пустыне, о блаженном услышал некий муж, родом из Фекуи, и, приведя к нему сына своего, коего в каждое новолуние мучил лютый бес, молил святого, чтобы он сжалился над его сыном и изгнал из него того злого мучителя. Сотворив молитву, Кириак помазал больного елеем, изображая на нем крестное знамение, и этим изгнал беса. И возвратился тот человек с выздоровевшим сыном в свой дом и всем рассказывал об этом чуде.

---

[1] *Комитами* назывались царские телохранители. Впоследствии этот титул стал прилагаться к официальным лицам, составлявшим свиту вообще высших должностных лиц — проконсулов, областеначальников, губернаторов; на обязанности комитов стал впоследствии лежать и сбор податей в государственную казну.

Слух о святом прошел по всей стране той, и стало к нему стекаться много людей: один — прося благословения, другой ради исцеления, а иной — желая побеседовать с ним и получить пользу для души своей. Избегая славы человеческой, святой Кириак ушел во внутреннюю пустыню, называемую Рува, и пробыл в ней пять лет, питаясь корнями растения, называемого мелагрия, и свежими побегами тростника[1]. Но и там нашли его некоторые, приносили к нему своих больных и страждущих от нечистых духов; святой же исцелял всех крестным знамением и молитвою.

Не находя и здесь себе покоя, святой ушел из Рувы и поселился в местности пустынной и сокровенной, где не было ни одного отшельника: это место именовалось Сусаким и отстояло от Сукийского монастыря на девяносто поприщ[2]. Здесь некогда стекались две глубокие реки, которые потом высохли, и осталось от них только глубокое и широкое русло. По словам некоторых, то были реки Ифамские, о которых Давид в псалмах говорил, обращаясь к Богу: *Ты изсушил еси реки Ифамския*[3] (слав. Пс. 73, 15). И пробыл там Кириак семь лет, проходя равноангельное житие.

По Божественному попущению, в тех странах наступил голод и мор. Убоявшись угрожающей напасти, отцы лавры Сукийской явились к святому Кириаку, умоляя его прийти в их монастырь; ибо они веровали, что если святой Кириак будет с ними, то от них отвратится гнев Божий. Так потом и случилось. Прибыв по просьбе братии в лавру, преподобный Кириак стал жить подле монастыря в отшельнической пещере, где прежде обитал преподобный Харитон.

В то время усиливалась ересь Оригенова[4], в искоренении которой святой Кириак много потрудился, поборая безбожное еретическое учение, обращая обольщенных молитвою и словом на истин-

---

[1] *Мелагрия* — малоизвестное пустынное растение Палестины горьковатого вкуса. Под тростником здесь следует разуметь так называемый тростник благовонный — растение, отличающееся ароматическим и приятным, но горьким на вкус корнем.

[2] Девяносто поприщ по нашему счету около ста двадцати четырех верст.

[3] *Ифамские* — в переводе с еврейского значит: непроходимые, глубокие и быстрые.

[4] *Ориген* — знаменитый христианский учитель Александрийской Церкви († 254 г.) — чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к бо-

ный путь, правоверных же укрепляя в вере. Об этом писатель этого жития, Кирилл, говорит так:

— В то время, выйдя из лавры Евфимия Великого, пришел я в лавру святого Саввы[1] к преподобному епископу Иоанну молчальнику[2]. Им я был послан с письмом к авве Кириаку, чтобы известить его о раздоре, произведенном еретиками во святом городе, и умолять его обратиться с неотступными молитвами к Богу о низвержении гордости вождей еретических, Нона и Леонтия, повторя-

гословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, на двух местных Александрийских соборах и, по кончине, на местном Константинопольском соборе 543 года, был осужден, как еретик. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправильно мыслил о многих истинах христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов с такою пламенной любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом, или стал его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества будто бы немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и крестную смерть Христову, представляя ее чем-то духовно повторяемым в духовном мире и имеющем там действия на освобождения Ангелов и приписывая в деле спасения слишком многое действие обыкновенных сил, которыми одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например, о том, что диавол может спастись, и в толковании Священного Писания слишком многое преувеличенно понимал в мистическом, таинственном смысле, уничтожая через то истинный исторический смысл Писания.

[1] *Преподобный Савва*, так называемый «Освященный», великий пустынник Палестинский († 532 г., память его — 5 декабря), ученик и сподвижник преподобных Евфимия Великого, Феоктиста и Герасима. Впоследствии подвизался уединенно в пустыне близ Иордана, где в 484 году основал в двенадцати верстах на востоке от Иерусалима монастырь, знаменитый после под именем лавры Саввы Освященного. Лавра существует доселе и пользуется широкой известностью на Востоке и славой строгой, подвижнической жизни своих иноков.

[2] *Преподобный Иоанн Молчальник*, епископ Колонийский (в Римской Армении), служил в лавре святого Саввы под видом простого монаха и затем большую часть жизни подвизался в безмолвии в уединенной пустыне († 558 г.). Память его — 8 декабря.

ющих Оригеновы хулы на Христа. Прийдя в Сукийскую обитель, я пошел в пещеру преподобного Харитона и, поклонившись блаженному Кириаку, отдал ему письмо, причем сказал и сам то, что было повелено мне чудным Иоанном молчальником. Святой же отвечал мне:

— Пусть не скорбит пославший тебя отец, ибо вскоре, по милости Божией, мы увидим падение ереси.

И предсказал он скорую смерть Нона и Леонтия, проповедников Оригенова учения. Продолжая свою поучительную беседу, Кириак выяснил мне безумие и обман оригенитов и сказал, как ему Божественным откровением показан был вред этой ереси и погибель прельщенных ею. Узнав из нашего разговора, что я — инок из лавры Великого Евфимия, блаженный сказал:

— Итак, брат, ты из одного монастыря со мною.

И начал он многое говорить мне о Евфимии на пользу души моей и, напитав душу мою полезными рассказами сладкою своею беседою, отпустил меня с миром. Вскоре сбылось пророчество блаженного Кириака, ибо ересеначальники внезапно умерли, еретическое общество распалось и кончилось гонение на православных. Тогда Кириак, освободившись от заботы, ушел из пещеры преподобного Харитона опять в Сусаким, на девяносто девятом году своей жизни, и провел там в безмолвии восемь лет.

Снова восхотев видеть святолепное лицо преподобного и насладиться сладкою беседою его, я отправился в обитель Сукийскую и, найдя там ученика его Иоанна, пошел с ним в Сусаким к блаженному Кириаку. Когда мы приблизились к тому месту, нас встретил огромный и страшный лев. Увидя, что зверь привел меня в ужас, ученик святого Иоанн сказал мне:

— Не бойся, брат Кирилл: этот лев — служитель отца нашего и не делает никакого вреда приходящим к нему братиям.

Действительно, лев, видя, что мы идем к старцу, отошел с дороги. Увидав меня, авва Кириак сказал:

— Вот и брат из моего монастыря, Кирилл, пришел ко мне.

Сотворив молитву, мы сели и стали беседовать. И сказал ему ученик его Иоанн:

— Отче! Брат Кирилл, увидев льва, очень испугался.

Старец же сказал мне:

— Не бойся, чадо Кирилл, того льва, ибо он живет со мною и стережет эти скудные овощи от диких коз.

Затем святой много рассказал мне о Великом Евфимии и о других пустынных отцах, проводивших добродетельную жизнь, а потом велел подать мне есть. Когда мы ели, пришел лев и стал пред нами; старец же, встав, дал ему кусок хлеба, говоря:

— Иди, стереги овощи.

А мне сказал:

— Видишь ли, чадо, этого льва? Он не только стережет овощи, но и отгоняет отсюда разбойников и варваров: злые люди много раз нападали на это убогое место, но лев прогонял их.

Услыхав это, я дивился и прославил Бога, покорившего диких зверей как овец Своему угоднику. Пробыл я у него один день, но многому научился; наутро же, сотворив молитву, он преподал мне благословение и отпустил с миром, повелев ученику своему проводить меня. Выйдя от святого, мы встретили на дороге льва, который лежал и пожирал дикого козла; не смея идти мимо него, мы остановились, он же, увидев, что мы стоим, оставил добычу свою и, сойдя с дороги, дал нам пройти.

Место, где жил преподобный, было сухо и безводно, и не было там колодца; блаженный же, выдолбив в камне углубление, собирал в него зимою воду, и этой воды было довольно ему самому и для поливки овощей в течение всего лета. Но в один год, в июле месяце, вода, собранная в камне, высохла от великого зноя. Скорбя о безводии, святой возвел очи на небо и помолился такими словами:

— Боже, напоивший в пустыне жаждавшего Израиля (см.: Исх. 17, 1–6; Чис. 20, 2–12)! Подай и мне в этой пустыне немного воды, нужной на потребу убогого моего тела.

И тотчас над Сусакимом явилось небольшое облако, вокруг жилища святого пошел дождь и наполнил ему все углубления, находившиеся между камнями. Так скоро Бог услышал раба Своего.

«Почитаю полезным, — говорит тот же писатель этого жития, Кирилл, — сказать здесь и о том, что поведал мне ученик блаженного Кириака, отец Иоанн. Когда мы ходили с ним по пустыне, он показал мне одно место, говоря:

— Вот жилище блаженной Марии.

Я молил его поведать мне о ней, и он начал рассказывать.

— Некоторое время тому назад, — сказал он, — когда я шел вместе с другом моим, братом Парамоном, к отцу Кириаку, то мы издали увидели стоявшего человека и подумали, что то был какой-нибудь пустынник; мы поспешно пошли к нему, желая поклониться ему, но когда мы приблизились к тому месту, он тотчас скрылся от нас. Полагая, что это — злой дух, мы впали в немалый страх и потому стали на молитву. По совершении молитвы, оглядевшись по сторонам, мы нашли в земле пещеру и поняли, что это был не злой дух, а какой-то раб Божий, который от нас скрылся. Подойдя к самой пещере, мы молили и заклинали его показаться нам и не лишить нас своих молитв и полезной беседы. И услышали мы из пещеры такой ответ:

— Какой пользы вы от меня хотите? Я — грешная и простая женщина.

И вопросила нас она:

— Куда вы идете?

Мы же отвечали:

— Идем к отцу Кириаку, отшельнику; но скажи нам, Бога ради: как тебя зовут, как живешь ты, откуда ты и зачем пришла сюда?

Она же отвечала:

— Идите, куда намеревались, а когда будете возвращаться, я все расскажу вам.

Мы же заверяли ее, говоря:

— Не уйдем, доколе не услышим, как тебя зовут и какова твоя жизнь.

Видя, что мы не хотим уйти, она начала говорить о себе, не показываясь нам из пещеры:

— Зовут меня Мария, была я псальтрией[1] при церкви Христова Воскресения, и диавол многих соблазнял мною; во мне родился страх, чтобы не стать мне повинною в чьих-либо скверных помыслах и падении, и, чтобы не увеличить мне чрез то своих грехов, я усердно молилась Богу о том, чтобы Он избавил меня от такого соблазна. Итак однажды, умилившись сердцем и проникшись страхом Божиим, я пошла в Силоам, почерпнула там в сосуд воды, взяла также с собою корзинку с мочеными бобами и, поручив себя Боже-

[1] На обязанности псальтрий лежало чтение псалмов при богослужебных собраниях христиан.

ственному заступлению, ушла ночью из святого города в пустыню. Бог же благоволил привести меня сюда, и вот уже восемнадцать лет я живу здесь, и, по милости Божией, до сих пор не оскудела у меня ни вода в сосуде, ни бобы в корзине не уменьшились. Теперь, прошу вас, идите к отцу Кириаку и окончите свое дело; когда же будете возвращаться, то посетите меня, убогую.

Услышав это, мы пошли к отцу Кириаку и рассказали ему все, что слышали от блаженной Марии. Кириак удивился и сказал:

— Слава Тебе, Боже наш! Сколько Ты имеешь сокровенных святых, не только мужей, но и жен, служащих Тебе втайне! Идите, чада мои, к угоднице Божией и то, что скажет она вам, сохраните в памяти.

Возвращаясь от преподобного Кириака, мы пришли к пещере блаженной Марии и позвали ее, говоря:

— Раба Божия Мария! Вот мы пришли по твоему повелению.

Но ответа не было. Войдя во вход пещерный, мы сотворили молитву, но Мария нам не отвечала; когда же вошли мы во внутренность пещеры, то нашли Марию скончавшеюся о Господе, от святого же тела ее исходило великое благоухание. Мы не имели с собой ничего, во что бы могли одеть ее и в чем похоронить, поэтому отправились в обитель и принесли оттуда все, что было нужно. Одев блаженную, мы погребли ее в пещере и загородили вход камнем.

Так рассказывал мне отец Иоанн, я же, удивляясь таковому житию той рабы Божией, решил в уме своем записать это в назидание слушающим и во славу Человеколюбца Бога, подающего терпение любящим Его».

К концу восьмого года пребывания своего в Сусакиме, преподобный Кириак достиг глубокой старости, ибо имел уже сто семь лет от роду. Отцы Сукийской обители, сойдясь вместе, советовались между собою.

— Нельзя допустить, чтобы таковой отец, — говорили они, — преставился вдали от нашей обители; иначе мы не будем знать о честнóм преставлении и лишимся его последнего благословения.

Отправившись к святому, они долго умоляли его, чтобы он перешел из Сусакима в пещеру преподобного Харитона, находившуюся близ монастыря, в которой жил он прежде, когда боролся с оригенитами. Согласившись, наконец, на их просьбы, Кириак по-

селился в Харитоновой пещере, за два года до своего отшествия к Богу.

— Я же убогий, — говорит писатель, — часто приходил туда, утешал его и получал большую пользу для души моей от святых его бесед и великих подвигов. Несмотря на свои преклонные годы, святой Кириак отличался крепостию тела, был трудолюбив и очень деятелен. Никогда не оставаясь праздным, он или молился, или работал. Был он человеком, доступным для всех, прозорливым, учительным и правоверующим и исполнен был Духа Святого и благодати Божией. Когда же Господь наш благоизволил после многих трудов святого переселить его в небесный покой, преподобный впал в телесную болезнь, но пробыл в ней немного времени. Призвав к себе игумена той обители и братию, он сказал поучение о спасении души и, облобызав всех, благословил. Потом, воззрев на небо и простерши руки, он помолился о всех братиях и предал честную и святую душу свою в руки Господа, 29 сентября[1]. Прожил он всего сто девять лет. Братия же, много плакав о нем, погребли святое тело его с подобающими псалмами и пением, славя Бога и поминая многолетние труды Его угодника.

Да будет же и от нас, грешных, Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веков! Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ДАДЫ, ГАВЕДДАЯ и КАЗДОИ

Во дни Сапора, царя Персидского, отца святого мученика Гаведдая, жил при царском дворе один христианин, именем Дада, первый из царских вельмож, очень любимый и уважаемый царем. Царь послал его править одною из областей Персидского царства, не зная, что он — христианин. Вскоре донесли царю, что Дада исповедует Христа. Тогда послан был от царя вельможа Андромелих, чтобы расследовать, правда ли это. Убедившись, что это правда, Андромелих написал о том Сапору. Царь, после этого, предоставил

[1] Преподобный Кириак умер в 556 году.

этому вельможе полную власть над христианами своего царства, а сам вместе с сыном своим Гаведдаем начал допрашивать Даду и из беседы с ним еще яснее убедился, что он всею душою верует в Господа Иисуса Христа и желает умереть за Него. Тогда зажгли большой костер и хотели бросить в него святого Даду. А костер был так велик, что все видевшие его ужасались. Когда святой Дада подошел к ярко горевшему пламени, он осенил себя крестным знамением. Вдруг все увидали, что огонь погас и вместо огня потекла вода, и удивились такому великому чуду. А царский сын Гаведдай спросил святого мученика:

— Кто научил тебя таким чарам?

Святой Дада отвечал ему:

— Если и ты захочешь последовать учению, которому я следую, то и ты удостоишься совершать такие же чудеса.

— Неужели, — спросил его Гаведдай, — если я верую в Христа твоего, я буду совершать такие же чудесные знамения?

Святой Дада сказал ему на это:

— Не только будешь их совершать, но и воцаришься со Христом.

Тогда Гаведдай приказал развести большой костер, призвал имя Христово, и огонь погас. Увидев такое чудо, царевич припал к ногам святого Дады и исповедал свою веру во Христа. Вельможа царский Андромелих донес о всем этом царю Сапору. Узнав, что сын его Гаведдай верует во Христа, царь приказал четырем слугам бить царевича суковатыми палками. Когда эти четверо изнемогли от долгого биения, царь приказал стать на место их другим. Во время биения святой Гаведдай призывал Бога на помощь. Ему явился Ангел и укрепил его, говоря ему:

— Дерзай, я с тобою.

После того святого мученика бросили в темницу, где он пробыл пять дней. Вскоре Сапор поручил власть судить всех христиан своего царства некоему Гаргалу, который велел бить святого Гаведдая ремнями из воловьей кожи. Претерпевая такое мучение, святой мученик поносил отцовскую веру. Тогда Гаргал приказал содрать с тела его, от ног до головы, два ремня кожи, говоря:

— Посмотрю, придет ли Христос твой, чтобы исцелить тебя.

Святые мученики Дада, Гаведдай, Каздоя и Гаргал

Святой же мученик вдруг сделался совершенно здоров. Гаргал заключил его в темницу; но, силою Божиею, и узы его разрешились. Обезумел судия от гнева и пошел доложить о всем этом царю, который сказал ему:

— Убей нечестивого, ибо он больше не сын мой, но зломыслящий человек, потому что уверовал во Христа.

Гаргал раскалил железный прут и пронзил им голову святого мученика насквозь чрез уши. Но в то время как мученик молился, явился Ангел, вынул прут и исцелил святого страдальца. Увидев это, Гаргал начал терзать тело его острыми железными спицами, приговаривая:

— Увидим, придет ли твой Христос и исцелит ли тебя.

Но святой Гаведдай опять помолился и получил исцеление. Будучи свидетелями всего этого, темничные сторожа пришли в страх и воскликнули:

— Велик Бог христианский!

Но судия еще больше разъярился и велел вонзить в плечи мученика железные спицы и повесить его, оставив его в этом положении от третьего до девятого часа. Святой висел и молился. Затем его сняли и опять отвели в темницу. Мать и сестра желали навестить его в темнице, но боялись царя. А сам Сапор, узнав, что мученик жив, подверг его новому мучению: он велел содрать кожу с головы его, покрыть лицо его и снова заключить в темницу. Святой претерпевал все это славя Бога. Узнав, что мученик все еще жив, царь приказал вырвать у него ногти на руках и ногах и выбить все его зубы. Заключив опять его в темницу, он запретил давать ему пить и пускать к нему кого-либо.

Сестра мученика украдкою прошла в темницу и дала ему пить воды, а темничному сторожу под страхом казни запретила говорить о том. Среди всех страданий святой мученик радовался и врачевал от недугов и болезней всех к нему приходивших, и все дивились этому.

В то время сидел в темнице иной Гаргал, волхв, наказанный за многие свои преступления; увидев терпение святого Гаведдая, а также чудеса, которые он совершал, этот волхв припал к его ногам и сказал:

— Молю тебя, раб Божий: помяни меня пред Христом твоим.

Святой ответил ему:

— Веруй в Него, и Он избавит тебя от всех зол твоих.

Гаргал воскликнул:

— Верую в Тебя, Господи Иисусе Христе!

Затем он присоединился к Гаведдаю. На другой день мучитель велел обоих их привести к себе на суд и, раздев Гаргала, бить его палками. Во время биения мученик взирал на небо и молился так:

— Господи Иисусе Христе, имени Твоего ради я страдаю: укрепи меня!

И сказав это, он предал дух свой Господу. А святого Гаведдая положили на вертящееся колесо и содрали кожу с его ног. Затем начали жечь ему ручные мышцы раскаленными железными молотками и опять ввергнули его в темницу.

Узники, находившиеся в ней, помазывались кровью, истекавшею из ран его, и получали исцеление от ран своих; и все болящие получали исцеление и славили Бога. Когда князь Гаргал услышал об этом, то не поверил. Но велик был его ужас, когда святой мученик, выведенный по прошествии пятнадцати дней из темницы, оказался цел и совершенно здоров. Тогда он велел бросить его в раскаленный котел, наполненный смолой и серой, но и после этого мученик остался невредимым.

Посоветовавшись с своими приближенными, мучитель приказал распять святого мученика на кресте, и затем в него долго стреляли из лука в присутствии многочисленной толпы. Тогда последовало новое преславное чудо: не только сам святой оставался невредим, но и самые стрелы, пускаемые в его тело, отскакивали и ранили стрелявших. Все это поражало народ ужасом. Донесли об этом царю. Он послал дочь свою Каздою, чтобы утешить святого Гаведдая. Каздоя же, придя к Гаведдаю и увидав все, бывшее с ним, сама, наученная им, уверовала во Христа. Сапор сильно разгневался и приказал растянуть дочь свою на земле и бить ее палками, после чего и ее бросили в темницу. Каздоя, лежа в темнице и страдая от ран, говорила святому Гаведдаю:

— Помолись за меня, чтобы я могла вынести эти мучения.

Святой мученик ответил ей:

— Твоя вера во Христа поможет тебе, не скорби: я уповаю на Господа, что, по Его воле, мучение не коснется тебя, и ты не будешь более мучена другою мукою.

Царь Сапор велел вывести святого мученика и связать ему руки и ноги, а затем бросить его среди конского ристалища, чтобы в течение ночи святой был растоптан конями. Но, благодатью Божией, святой мученик был сохранен невредимым от них и благословлял Бога за то. Увидев на другой день, что святой развязан и совершенно здоров, все дивились этому чуду. Тогда стали опалять его зажженными головнями, он же все молился и немолчно славил с радостью Господа. А Дадий и Авдий, которые были христианами и стояли там, боясь царского гнева, тайно записывали страдания святого мученика. Святой сказал им:

— Если возможно, принесите мне воды и масла, чтобы я мог креститься; если же это невозможно, то молитесь, чтобы Господь отпустил мне грехи мои.

И вот малое облако излило на главу мученика воду и масло. И из облака послышался голос:

— Раб Божий, ты уже принял святое крещение!

И лицо мученика просветилось как солнце, и в воздухе разнеслось благоухание. Услышав этот голос, святой Гаведдай благодарил и славил Бога. Тогда Гаргал приказал пронзить тело его острыми копьями. Несколько часов терпел святой мученик это мучение и, наконец, с молитвою на устах предал дух свой в руки Господни. Гаргал велел рассечь тело его на три части и разбросать их в разные стороны. Дадий и Авдий, бывшие священниками, и Армазат диакон взяли его святые мощи с великою честью, принесли к себе в дом и, помазав их ароматами, с благоговением погребли, славя Бога. А святого и славного Даду, царского сродника, которого и раньше много мучили, под конец рассекли на части, и так он скончался о Господе. Некоторые же боголюбцы взяли тело его и, с честью опрятав[1], его, положили его в нарочитом месте. Когда вышеназванные мужи (Дадий, Авдий и Армазат) в ту ночь вместе совершали песнопение, в полночный час святой Гаведдай стал среди них и сказал им:

— Возмогайте о Господе, братие.

Они сильно возрадовались от такого видения. Святой же снова сказал им:

— Да подаст вам Господь награду за то, что вы сделали!

И, преклонив главу свою к Дадию, он сказал ему:

— Возьми с головы моей рог с маслом и, взяв частицу Тела Христа моего, войди в царский дворец и помажь маслом сестру мою Каздою, а затем преподай ей святое Тело Христово.

Дадий сделал по слову святого мученика, крестил ее и причастил святых Тайн, говоря:

— Усни, сестра, до пришествия Господня!

И вот, Ангел Господень взял душу ее, и она переселилась на небо. Когда ее матерь пришла к ней, она нашла ее уже умершею. Тогда она вошла к царю и сказала ему:

— Вот, какой ты бесчеловечный и жестокий, — даже родных детей своих не пощадил! Радуйся, что сын твой, после многих муче-

---

[1] *Опря́тати* — покрыть, убрать, уложить прилично мертвое тело.

ний, убит, убита также и дочь твоя! Горе твоему жестокосердию! Но дети твои, так безвременно умершие, уже не боятся твоего гнева.

Слыша такие слова своей супруги, жестокий и бесчеловечный царь нимало не поскорбел, хотя она и говорила ему все это со слезами, но оставался таким же непреклонным и жестоким. При виде такого его бесчеловечия, царица взяла драгоценные ароматы, окадила святое тело своей дочери фимиамом и, одев его царскою багряницею, положила рядом с телом сына своего Гаведдая, тихо плача и жалобно восклицая:

— Любимые дети мои! Помяните меня, матерь вашу, в день вашей радости, когда вы будете радоваться со Христом, — чтобы и я, окаянная, обрела себе разрешение грехов в славе Христа Бога![1]

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФАНА

В городе Газе[2] жил богатый человек, по имени Феофан, очень милостивый, который принимал и покоил странников и совершал другие добрые дела. По прошествии некоторого времени все его имущество было роздано нищим и убогим, и сам он совершенно обнищал. Но не поскорбел он о том, и только воздыхал о грехах своих. После этого, попущением Божиим, впал он в лютый недуг, так что и руки, и ноги его отекли водою и начали разлагаться, отчего истекло много гноя. Но он все это смиренно терпел, благодаря Бога и восхваляя Его. Когда же настало ему время умереть, началась такая сильная буря, что нельзя было вынести тела его из дома на погребение.

Жена его с горькими слезами восклицала:

— Увы мне, господин мой, что мне делать? Как мне вынести тело твое на погребение?

Он же ответил ей:

— Не плачь, жена: до сих пор продолжалось испытание, но вот

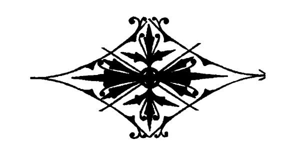
---

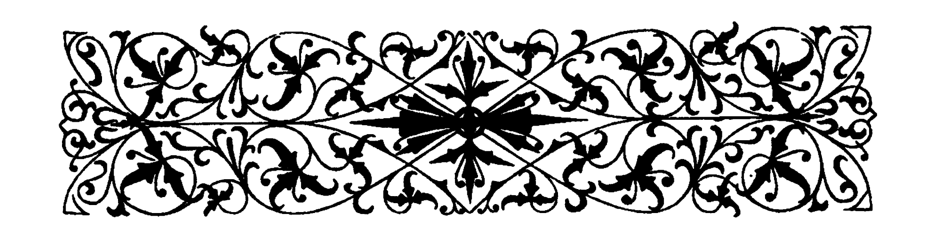
[1] Страдания и кончина святых мучеников Дады, Гаведдая и Каздои последовали около половины IV века.

[2] *Газа* — значительный приморский город Малой Азии, в южной Сирии, некогда принадлежавший филистимлянам, — один из древнейших городов мира.

наступает помилование от милосердого Бога. Ибо в час моей кончины прекратится, по воле Божией, буря.

Так и случилось: в тот самый час, как предал он душу свою в руки Божии, наступила полная тишина на земле и в воздухе. Пришли соседи его, начали омывать тело его и увидели, что на нем не было ни одной раны или язвы. Благоговейно погребли они его. По прошествии четырех дней он явился одному человеку во сне и велел ему отвалить надгробный камень на его могиле. Когда это было сделано, то великое благоухание распространилось от его тела и, вместо гноя, истекло миро, исцелившее всех больных, приходивших и приносимых к мощам святого Феофана.





День тридцатый

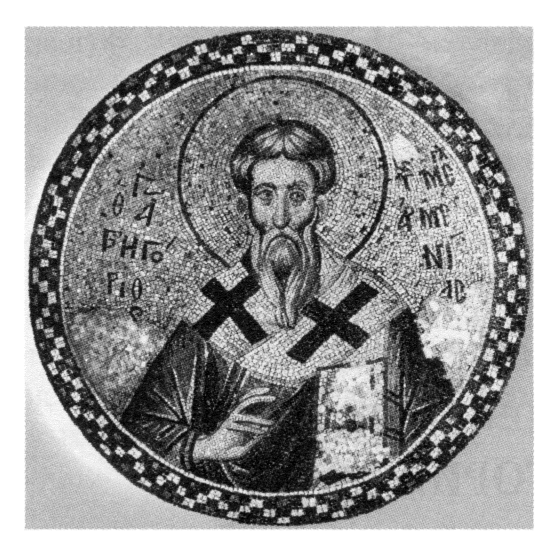
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ГРИГОРИЯ,
епископа великой Армении,
и с ним тридцати семи дев

Святой Григорий, просветитель Великой Армении[1], происходил от знатных и благородных, но пребывавших во тьме неверия,

---

[1] *Армения* — горная страна между рекой Курой и верховьями рек Тигра и Евфрата; была населена армянами, названными так по царю Араму, и управлялась царями из своего племени от II века до Рождества Христова до V века по Рождестве Христовом; она называлась Великой Арменией в противоположность Малой Армении — области между верховьями рек Евфрата и Галаса, которая входила в состав царства Митридата Понтийского, а с 70 года по Рождестве Христовом — в состав Римской империи. Страна эта была второй колыбелью человеческого рода, ибо ковчег Ноя остановился на горе Арарате (см.: Быт. 8, 4), лежащей в Великой Армении. Существующие доселе названия местностей подтверждают библейский рассказ об обстоятельствах жизни патриарха Ноя после потопа, например: Эривал «явление», — место, где Ной впервые увидал землю; Акорри — «насаждение виноградной лозы» (на горе Арарате), где Ной впервые насадил виноградную лозу; Аррнойтон — «при ногах Ноя», то есть место погребения Ноя, и других. Страна эта находилась большей частью в подчинении у других народов (ассирийцев, вавилонян, мидян, персов, македонян, византийцев, турок).

Начало христианства в Армении относится, по преданию, ко времени земной жизни Иисуса Христа и апостолов: Фаддея, Варфоломея, Симона Кананита и Иуды Леввея. Несомненные следы христианства здесь можно находить уже во II веке, а в IV веке страна сделалась вполне христианской и была первым христианским государством. Григорий Просветитель и был первым апостолом Армении (родился около 257 года, поставлен епископом в 302 году).



родителей. Отец его, по имени Анак, из племени парфян[1], был родственником Персидского царя Артабана и брата его — Армянского царя Курсара. В Армению Анак переселился при следующих обстоятельствах. Когда Персидское царство подпало под власть парфян и Персидским царем сделался парфянин Артабан, персы тяготились тем, что они находятся под иноземным владычеством. В это время у персов одним из знатнейших вельмож был Артасир, который, согласившись предварительно с своими друзьями и единомышленниками, возбудил восстание против царя Артабана, убил его, а сам воцарился на престоле персидских царей. Когда Армянский царь Курсар услыхал об убиении своего брата Артабана, то глубоко скорбел о нем и, собрав все армянское войско, пошел войною на персов, мстя за пролитие братней крови. В течение десяти лет Персия подвергалась нападению армян и испытывала от них великий вред. Находясь в большой печали и недоумении, Артасир советовался с своими вельможами о том, как отразить нападение врагов, и поклялся сделать соправителем себе того, кто убьет Курсара. На бывшем у царя совещании присутствовал и отец Григория — Анак, который дал обещание победить Курсара без войны и посредством некоего хитрого замысла убить его. На это Артасир сказал ему:

— Если ты приведешь в исполнение свое обещание, то я возложу на твою голову царский венец и ты будешь правителем вместе со мною, царство же Парфянское останется за тобой и твоим родом.

---

[1] *Парфяне* жили в Парфии — стране, занимавшей в древности приблизительно область нынешней персидской провинции Хорасана. Население первоначально подчинено было персам, но с 156 года до Рождества Христова по 299 год по Рождестве Христовом жило независимо, образовав самостоятельное царство, после чего вновь было покорено персами.

Так условившись и подтвердив между собою условия, они разошлись. Для исполнения задуманного дела Анак на помощь себе пригласил брата. Они отправились из Персии со всем имуществом, с женами и детьми, и под предлогом, будто они изгнанники, избежавшие Артасирова гнева, пришли в Армению к царю Армянскому, как к своему родственнику. Тот их радушно принял и, дав им разрешение поселиться на его земле, сделал их ближними своими советниками. Он доверил все свои планы и даже себя самого Анаку, которого и назначил первосоветником в своем царском совете. Анак же льстиво закрался в царское сердце, замышляя в собственном своем сердце, как бы убить царя, и изыскивал удобный к тому случай.

Как-то раз, когда царю случилось быть на горе Араратской, Анак и его брат выразили желание, чтобы царь поговорил с ними наедине.

— Мы имеем, — говорили братья, — высказать тебе тайно некий благопотребный и полезный совет.

И вот они вошли к царю, когда он был один, нанесли ему мечом смертельный удар, затем, выйдя, сели на заранее приготовленных лошадей и умчались, желая направиться в Персию. По прошествии непродолжительного времени в царские покои вошли постельники и нашли там на полу царя чуть живым и плавающим в крови. Постельники были поражены великим страхом и о всем происшедшем и виденном ими сообщили всем воеводам и вельможам. Те поспешили по следам убийц, настигли их при одной реке, убили и утопили в воде. Израненный же царь Курсар, умирая, приказал умертвить все семейство Анака и его брата, с их женами и детьми, что и было приведено в исполнение.

В то время, как истреблялся род Анака, один из родственников его успел похитить двух, находившихся еще в пеленках сыновей Анаковых — святого Григория и брата его, и, скрыв у себя, воспитывал их. Между тем в Армении случился большой мятеж; услыхав об этом, Персидский царь Артасир пришел со своим войском в Армению, покорил Армянское царство и подчинил его своей власти. После же царя Армянского Курсара остался малолетний ребенок, по имени Тиридат, которого Артасир пощадил и отослал в Римскую

страну, где он, придя в возраст и сделавшись весьма сильным, стал воином. А спасшиеся от убиения малолетние сыновья Анака были взяты: один — в Персию, а другой, названный Григорием, — о котором и предлежит речь, — был отправлен в Римскую империю. Придя в возраст, проживал он в Кесарии Каппадокийской, научился здесь вере в Господа нашего Иисуса Христа и пребывал добрым и верным рабом Господним. Он вступил там в супружество и родил двух сыновей, Орфана и Аростана, которых со дня рождения посвятил на служение Господу. По достижении зрелого возраста Орфан удостоился пресвитерского сана, а Аростан стал пустынножителем.

Вскоре после рождения двух названных сыновей умерла жена Григория, и с этого времени блаженный Григорий стал еще усерднее служить Богу, ходя непорочно во всех заповедях и наставлениях Господних. В то время Тиридат, находясь на службе в Римском войске, получил некоторую почетную должность, так как происходил из царского рода. Услыхав о Тиридате, святой Григорий пришел к нему, как бы совершенно не зная того, что отец его Анак убил Курсара — отца Тиридата. Храня тайну об убийстве Курсара, он стал верным слугой Тиридата, искупая и возмещая своей верной службой сыну Курсара грех своего отца. Видя усердную службу Григория, Тиридат возлюбил его; но потом, когда узнал о том, что Григорий — христианин, разгневался на него и поносил его. Григорий же, пренебрегая несправедливым гневом своего господина, продолжал сохранять непорочную веру во Христа Бога.

В те дни случилось нашествие готов[1] на принадлежавшие римлянам страны, и тогдашнему Римскому царю было необходимо отправиться на войну против готов. Когда римское и готское войска сошлись близко и стали одно против другого, готский князь стал вызывать Римского царя на единоборство. Последний, побоявшись выходить сам на вызов готского князя, стал искать вместо себя такого воина, который смог бы вступить в борьбу с готским князем;

[1] *Готы* — германское племя, которое первоначально жило к юго-востоку от Балтийского моря. В эпоху великого переселения народов (V век) племя это разделялось на восточных — остготов, царство которых находилось (в IV веке) в нынешней южной России и простиралось на восток до реки Дона, и западных — вестготов, живших по соседству с восточными.

такого воина царь нашел в лице храброго Тиридата, которого он облек в царское вооружение, и, выдав за царя, выставил против готского князя. Вступив с последним в единоборство, Тиридат без меча поборол его, захватил живым и привел к Римскому царю. Этим самым одержана была победа и над всем готским войском. За этот подвиг Римский царь возвел Тиридата на престол отца его, сделал его царем Армении и заключил для него мир между армянами и персами. С ним вместе, как верный его слуга, удалился в Армению и блаженный Григорий.

Когда царь Тиридат приносил жертвы идолам, и больше других — богине Артемиде, к которой имел наибольшее усердие, он много и часто просил Григория, чтобы последний вместе с ним принес жертву идолам. Григорий отказывался и исповедовал, что ни на небе, ни на земле нет Бога, кроме Христа. Услыхав эти слова, Тиридат приказал тяжко мучить Григория. Прежде всего ему вложили между зубами кусок дерева, насильственно широко раскрывая уста, так чтобы они не могли сомкнуться для произнесения слова. Затем, привязав к его шее большой кусок каменной соли (в Армении такие камни выкапываются из земли), повесили его вниз головой. Святой терпеливо висел в таком положении в течение семи дней; на восьмой день повешенного стали беспощадно бить сверху палками, а затем в течение других семи дней морили его, висящего вниз головою, дымом от навоза, зажженного под ним. Он же, вися, прославлял имя Иисуса Христа и, после того как из уст его было вынуто дерево, поучал стоявший и смотревший на его мучения народ веровать в Единого истинного Бога. Видя, что святой пребывал непоколебимо в вере и мужественно переносил страдания, ему стиснули досками ноги, стянули их крепко веревками и в пятки и подошвы набили железных гвоздей, приказывая при этом ходить. Так он ходил, воспевая псалом: *за словеса устéн Твоих аз сохраних пути жéстоки* (слав. Пс. 16, 4). И еще: *ходя́щии хождáху и плáкахуся, метающе сéмена своя; грядýще же прии́дут радостию, взéмлюще рукоя́ти*[1] *своя* (слав. Пс. 125, 6)[2]. Мучи-

[1] *Рукояти* — по-церковнославянски снопы.

[2] По толкованию святого Иоанна Златоуста, это место псалма относится к иудеям, уведенным в Вавилонский плен. «Как сеющие после трудов пользуются плодами; так и вы, — говорит пророк, — когда отошли в плен, были подобны

тель же приказывал особыми орудиями сгибать голову святого, потом, насыпав в ноздри соли с серою и налив уксуса, завязать голову в мешок, наполненный сажей и пеплом. В таком положении святой пробыл шесть дней. Потом его вновь повесили вниз головой и насильно вливали ему в уста множество воды, насмехаясь при этом над святым: ибо в тех, которые были исполнены всякой бесстыдной нечистоты, не было никакого стыда. После таких мучений царь опять стал соблазнять страдальца лукавыми словами к идолопоклонству; когда же святой не склонился на обещания, мучители снова повесили его и строгали его ребра железными ногтями. Так изъязвив все тело святого, волочили его обнаженным по земле, покрытой острыми железными гвоздями. Мученик претерпел все эти страдания и наконец был брошен в темницу, но там, силою Христовой, остался невредим.

На другой день святой Григорий был выведен из темницы и с веселым лицом предстал пред царем, не имея ни одной раны на теле. Видя все это, царь удивился, но еще питая надежду, что Григорий исполнит его волю, стал мирно разговаривать с ним, чтобы тем обратить его к злочестию своему. Когда же святой Григорий не повиновался льстивым речам, царь приказал обуть его в железные сапоги и, забив в колодки, стеречь его до трех дней. По истечении же трех дней он позвал святого к себе и сказал ему:

— Ты напрасно уповаешь на твоего Бога, потому что не имеешь от Него никакой помощи.

Григорий отвечал:

— Безумный царь, ты сам готовишь себе мучения, я же, уповая на моего Бога, не изнемогу. Я не буду щадить ради Него и моей плоти, потому что поскольку истлевает человек внешний, постольку же обновляется внутренний человек.

После этого мучитель приказал растопить в котле олово и облить им святого по всему телу, но тот, претерпевая все это, непрестанно исповедовал Христа.

сеющим, испытывали различные лишения и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, — говорит, — за эти труды получили воздаяние». В применении к святому Григорию это место псалма надо понимать так: святой, тяжко страдая от мук, утешал себя надеждой на будущее мздовоздаяние от Господа.

В то время как Тиридат измышлял, как бы победить непреклонное сердце Григория, кто-то из толпы сказал ему:

— Не умерщвляй, царь, этого человека — это сын Анака, который убил твоего отца и предал Армянское царство в плен персам.

Услыхав эти слова, царь воспылал большею ненавистию за кровь отца своего и приказал связать Григория по рукам и ногам и бросить его в городе Артаксате в глубокий ров. Этот ров был страшен всякому даже при одной мысли о нем. Выкопанный для осужденных на казнь лютою смертию, он был наполнен болотною тиною, змеями, скорпионами и различного рода ядовитыми гадами. Брошенный в этот ров, святой Григорий пробыл там четырнадцать лет, оставаясь невредимым от гадов. По Божественному промышлению о нем одна вдова бросала ему каждый день ломоть хлеба, которым он и поддерживал свою жизнь. Думая, что Григорий давно уже погиб, Тиридат перестал даже вспоминать о нем. После этого царь воевал с персами, покорил их страны до самой Сирии и возвратился домой с блестящей победой и славой.

В те времена император Римский Диоклетиан разослал по своему государству гонцов искать себе в жены самую красивую изо всех девицу. Такая и была найдена в лице христианки Рипсимии, которая, обручив свое девство Христу, проживала в посте и молитвах в девичьем монастыре, под наблюдением игумении Гаиании. Послы приказали написать изображение Рипсимии, которое и отослали царю. Изображение Рипсимии чрезвычайно понравилось по своей красоте царю; воспламененный ею, он послал ей предложение сделаться его женою. Получив предложение, Рипсимия воззвала в сердце своем ко Христу:

— Жених мой, Христос! Я не отступлю от Тебя и не нанесу хулы на мое святое девство.

Она посоветовалась с сестрами монастыря и со своей игуменьей Гаианией, и вот собравшись, она и все сестры убежали тайно из монастыря. После несказанных лишений во время пути, претерпевая голод и бесчисленные трудности, они пришли в Армению и поселились близ города Арарата[1]. Здесь стали они жить в виноградниках,

---

[1] Вероятно, здесь дóлжно разуметь современный Аккори — место, славившееся своими виноградниками и разрушенное землетрясением в 1840 году.

причем наиболее сильные из них ходили на работу в город, где и добывали себе и прочим сестрам средства для необходимого пропитания. Всех дев, согласившихся так страдать и претерпевать в странствиях лишения и скорби из-за сохранения чистоты девства, было тридцать семь.

Получив уведомление, что Рипсимия с прочими сестрами монастыря убежала в Армению, Диоклетиан послал к Армянскому царю Тиридату, с которым состоял в большой дружбе, такое извещение:

— Некоторые из христиан обольстили Рипсимию, которую я желал сделать своей женой, и вот она предпочитает скитаться со стыдом по чужим странам, нежели быть мне женою. Найди же ее и отошли к нам, или, если пожелаешь, возьми ее в жены себе.

Тогда Тиридат отдал приказ повсюду искать Рипсимию и, узнав, где она находится, велел, чтобы предупредить ее бегство, поставить вокруг ее местопребывания стражу. Получив известие от лиц, видевших Рипсимию, что последняя — удивительной красоты, он разгорелся пламенным желанием овладеть ею и послал к ней все приличествующие царскому сану украшения, чтобы, наряженная в них, она была приведена к нему. По совету игумении Гаиании, под руководством которой она воспитывалась от юности, Рипсимия отвергла все присланные Тиридатом украшения и не пожелала идти к нему. Сама же игумения Гаиания говорила посланным от царя:

— Все эти девицы уже обручены небесному Царю и невозможно, чтобы какая-нибудь из них вступила в брак земной.

После этих слов внезапно ударил оглушительный гром, и был слышан небесный голос, говоривший девам:

— Дерзайте и не бойтесь, потому что Я с вами.

Посланные воины так устрашились ударов этого грома, что пали ниц на землю, а некоторые, попадав с лошадей, умерли, истоптанные ногами их. Посланные ни с чем возвратились к царю в страшном ужасе и пересказали ему все бывшее.

Исполнившись яростного гнева, царь послал тогда одного из князей с большим воинским отрядом, чтобы изрубить мечами всех дев, а Рипсимию привести насильственно. Когда воины с обнаженными мечами напали на дев, Рипсимия сказала князю:

— Не губите этих дев, меня же ведите к вашему царю.

И взяли ее воины и повели, не причинив никакого зла прочим девственницам, которые по удалении воинов скрылись.

Во время пути Рипсимия призывала на помощь своего Жениха Христа и вопияла к нему: *Избави от оружия душу мою и из руки песии единородную мою*[1] (слав. Пс. 21, 21). Когда Рипсимия была введена в царскую опочивальню, она возвела горе́ свои телесные и душевные очи и усердно со слезами молилась Богу, чтобы Он всесильною Своей рукой сохранил невредженным ее девство. При этом она вспоминала чудесную и милостивую Его помощь, которую Он древле являл находившимся в бедствиях людям: как Он спас Израильтян от руки фараоновой и от потопления (см.: Исх. 14 и 15), сохранил невредимым Иону во чреве китовом (см.: Иона 1), трех отроков соблюл в печи от огня (см.: Дан. 3) и избавил от прелюбодейных старцев блаженную Сусанну (см.: Дан. 13), — и молила она Бога, чтобы и самой ей быть спасенной таким же образом от Тиридатова насилия.

В это время вошел к Рипсимии царь и, увидев необыкновенную ее красоту, сильно воспламенился ею. Движимый лукавым духом и телесною похотию, он подступил к ней и, обнимая ее, пытался сделать над нею насилие; она же, укрепляемая силою Христовою, твердо сопротивлялась ему. Царь долго боролся с нею, но не мог причинить ей никакого вреда. Ибо святая дева, с помощью Бога, оказалась более сильною, чем славный и сильный воин Тиридат. И вот тот, который некогда победил без меча Готского князя и поразил персов, теперь был не в силах одолеть Христову деву, потому что ей, как некогда первомученице Фекле, телесная сила подавалась свыше.

Ничего не достигнув, царь вышел из опочивальни и повелел послать за Гаианией, зная, что она была наставницею Рипсимии. Ее скоро нашли и привели к царю, который стал просить Гаианию убедить Рипсимию исполнить его волю. Гаиания же, придя к ней, стала говорить ей на латинском языке, чтобы ее слов не могли по-

[1] По толкованию святого Афанасия, *оружием* и *рукой псов* изображает Господь злобу и безумие иудеев. *Единородную* — то есть одинокую, оставленную всеми, душу. Молясь такими словами, святая Рипсимия просила Господа об избавлении ее от поругания со стороны царя Тиридата.

нять находившиеся там армяне. Она говорила Рипсимии совсем не то, что было угодно царю, но то, что было полезно для ее девической чистоты. Она прилежно учила Рипсимию и наставляла, чтобы та до конца соблюдала обрученное Христу свое девство, чтобы помнила о любви Жениха своего и о уготованном ее девству венце; чтобы боялась страшного суда и геенны, которая пожрет не хранящего своего обета.

— Лучше для тебя, Христова дева, — говорила Гаиания, — здесь умереть временно, нежели там вечно. Разве ты не знаешь того, что говорит в Евангелии прекраснейший твой Жених — Иисус Христос: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28)? Никогда не соглашайся сотворить греха, даже если нечестивый царь решится убить тебя. Это будет пред чистым и нетленным твоим Обручником самой лучшей похвалой твоему девству.

Некоторые из присутствовавших там, знавшие латинский язык, поняли, что говорила Гаиания Рипсимии, и рассказали о том другим царским слугам. Услыхав это, последние стали бить Гаианию камнем по устам так, что выбили ей зубы, настаивая, чтобы она говорила то, что повелевает царь. Когда же Гаиания не прекращала поучать Рипсимию страху Господню, ее увели оттуда. Много потрудившись в борьбе с Рипсимией и увидев, что от нее ничего нельзя добиться, царь начал, как бесноватый, трястись и кататься по земле. Между тем Рипсимия, с наступлением ночи, убежала никем не замеченная за город. Встретив подвизавшихся вместе с нею сестер, она рассказала им о своей победе над врагом и о том, что она осталась не оскверненною. Услышав это, все восхвалили и возблагодарили Бога, не предавшего на позор Своей невесты; и всю ту ночь воспевали они, молясь своему Жениху — Христу.

Наутро нечестивые схватили Рипсимию и предали ее мучительной смерти. Прежде всего ей вырезали язык, потом, обнажив ее, привязали за руки и за ноги к четырем столбам и опаляли ее свечами. После этого острым камнем распороли ее чрево, так что выпали все внутренности. Наконец, выкололи ей глаза и рассекли все тело на части. Так, горькой смертью отошла святая дева к своему сладкому Жениху — Христу[1].

[1] Описываемое здесь событие относится к началу IV века.

После этого схватили и остальных девиц, сестер и спостниц святой Рипсимии, числом тридцать три, и умертвили их мечами, а тела их бросили на съедение зверям. Игумения же Гаиания с двумя другими, находившимися при ней, девами была умерщвлена самою жестокою смертью. Прежде всего, просверлив им ноги, повесили их вниз головою и с живых содрали кожу; потом, прорезав им сзади шеи, вытащили и вырезали языки их; затем, рассекли острым камнем чрево их, вытащили оттуда внутренности и отрубили мученицам головы. Так они отошли к своему Обручнику — Христу.

Тиридат же, будучи как безумный, лишь на шестой день после смерти этих дев пришел в себя и отправился на охоту. По чудесному и дивному Божественному смотрению, во время этого пути его поразила столь жестокая казнь, что в состоянии беснования потерял он не только ум, но даже самое подобие человеческое, сделавшись по своему виду как бы диким вепрем, как некогда Навуходоносор, царь Вавилонский (см.: Дан. 4, 30). И не только сам царь, но и все военачальники, солдаты и вообще те, которые одобряли мучения святых дев, стали бесноватыми и бегали по полям и дубравам, растерзывая на себе одежды и пожирая свое собственное тело. Так, Божественный гнев не замедлил наказать их за неповинную кровь, и ни от кого им не было помощи: ибо кто может устоять пред гневом Божиим?

Но милосердный Бог, Который *не до конца гневается, и не вовек негодует* (Пс. 102, 9), часто карает людей для собственной их пользы, чтобы исправить человеческое сердце к лучшему. И Господь по милосердию Своему помиловал их следующим образом: сестре царской, Кусародукте явился во сне в великой славе некий страшный муж и сказал ей:

— Тиридат не исцелеет, если Григорий не будет выведен изо рва.

Проснувшись, Кусародукта рассказала своим приближенным видение, и всем этот сон представился странным, ибо кто мог ожидать, чтобы Григорий, брошенный в болото, полное всяких гадов, остался живым после четырнадцати тяжких лет, проведенных там! Однако же подошли ко рву и громко воззвали, говоря:

— Григорий, жив ли ты?

И Григорий ответил:

— Благодатию Бога моего, я жив.

И он, бледный и обросший волосами и ногтями, исхудавший и почерневший от болотной тины и крайних лишений, — был выведен изо рва. Святого омыли, одели в новые одежды, и, подкрепив пищей, повели к царю, имевшему вид вепря. Все вышли к святому Григорию с великим почтением, кланялись, припадали к его ногам и молили его, чтобы он упросил своего Бога об исцелении царя, военачальников и всего его войска. Блаженный Григорий прежде всего расспросил их о телах убиенных святых дев, так как они лежали не погребенными в течение десяти дней.

Затем он собрал разбросанные тела святых дев и, оплакивая бесчеловечную лютость нечестивых мучителей, достойным образом похоронил их. После этого он начал поучать мучителей, чтобы они отвратились от идолов и уверовали во Единого Бога и Сына Его Иисуса Христа, надеясь на Его милость и благодать. Святой Григорий возвестил им, что Господь Бог сохранил его живым во рве, где часто посещал его Ангел Божий, чтобы он имел возможность привести их от тьмы идолопоклонства к свету благочестия; так святой наставлял их вере во Христа, возлагая на них покаяние.

Увидев их смирение, святой повелел им устроить большую церковь, что они и исполнили в непродолжительное время. В эту церковь Григорий внес с большим почетом тела блаженных мучениц, поставил в ней святой Крест и повелел народу собираться там и молиться. Затем, он привел царя Тиридата к телам святых дев, которых тот погубил, чтобы он просил их молитв пред Господом Иисусом Христом. И лишь только царь исполнил это, как ему был возвращен человеческий образ, а от бесновавшихся воевод и воинов были отогнаны лукавые духи. Вскоре вся Армения обратилась ко Христу, народ разрушал идольские капища и, вместо них, сооружал церкви Богу. Царь же пред всеми открыто исповедовал свои грехи и свою жестокость, возвещая казнь Божию и благодать, на нем явленные. После этого он сделался руководителем и начинателем всякого доброго дела. Он отослал святого Григория в Кесарию Каппадокийскую к архиепископу Леонтию для того, чтобы тот рукоположил его во епископа. Возвращаясь из Кесарии после рукоположения, святой Григорий захватил с собою оттуда многих пре-

свитеров, которых почел наиболее достойными. Он крестил царя, воевод, все войско и весь остальной народ, начиная с царедворцев и кончая самым последним поселянином. Таким образом, святой Григорий привел к исповеданию истинного Бога бесчисленное множество народа, созидая храмы Божии и принося в оных бескровную жертву.

Переходя из города в город, он рукополагал священников, устроял школы и ставил в них учителей, — словом, делал все, что относилось к пользе и потребностям церковным и было необходимо для служения Богу; царь же раздавал церквам богатые имения. Святой Григорий обратил ко Христу не только армян, но и жителей других стран, как то: персов, ассирийцев и мидян. Он устроил множество монастырей, в которых с успехом процветало дело евангельской проповеди.

Так все благоустроив, святой Григорий удалился в пустыню, где, угождая Богу, и окончил свою земную жизнь[1]. Царь же Тиридат жил в таких подвигах добродетели и воздержания, что равен был в этом с иноками. Вместо святого Григория в Армению был взят сын его, Аростан, муж, отличавшийся высокою добродетелью; с юности проводил он иноческую жизнь и в Каппадокии был рукоположен во священника для устроения в Армении церквей Божиих. Царь посылал его на Вселенский собор, в Никее, собранный для обличения арианской ереси, где он присутствовал в числе трехсот восемнадцати святых отцов.

Так уверовала Армения во Христа и служила Богу, в течение долгого времени, процветая всеми добродетелями и смиренно о Христе Иисусе, Господе нашем, восхваляя Бога, Которому слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Кончина святого Григория относится к 335 году.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
МИХАИЛА,
митрополита Киевского и всея России чудотворца

Святой Михаил был первым митрополитом Киевским и Всероссийским и управлял нашей Церковью во дни святого равноапостольного князя Владимира.

Завоевав греческий город Корсунь[1], князь Владимир принял там святое крещение и вступил в брак с царевной Анной, родной сестрой Византийских императоров[2]. Но имея твердое решение просветить светом Христовой веры всю великую державу свою, равноапостольный князь вслед за тем из Корсуни же послал в Царьград посольство к императорам и патриарху с просьбой прислать пастырей церкви для крещения Русской земли, омраченной тьмой идолослужения, и для управления Русской Церковью. Патриарх Константинопольский святой Николай Хрисоверг[3] вместе с собором епископов избрал и поставил митрополитом на Русь Михаила, премудрого разумом, учительного и святого житием. Не сохранилось известий об обстоятельствах жизни святого Михаила до поставления его митрополитом; даже о происхождении святителя летописи повествуют разное: одни называют его сирийцем, другие — болгарином. Получив от патриарха напутственное наставление, святой Михаил отправился к князю Владимиру в сопровождении духовенства, предназначенного помогать ему в управлении, — шести епископов и многочисленных пресвитеров и клириков. С великою радостию и торжеством князь встретил святителя и вскоре после того вместе с ним и с супругой —

---

[1] *Корсунь* — иначе *Херсонес Таврический* — древний греческий город на юго-западном берегу Таврического полуострова, или Крыма, вблизи нынешнего Севастополя. После него остались развалины.

[2] Все это произошло в 988 году. Византийскими императорами в то время были Василий II Болгаробойца и брат его Константин VIII, сыновья императора Романа II. Почти все время они царствовали совместно: Василий — с 975 по 1025 год, Константин — с 979 по 1028 год, но настоящим правителем был Василий — наиболее способный и деятельный.

[3] *Святой Николай II Хрисоверг* управлял Константинопольской Церковью с 983 по 996 год.

царевной поспешил к стольному Киеву. Шествие заново крещенного князя и новопоставленного митрополита к матери градов русских было как бы священным походом для искоренения языческого многобожия и идолослужения в отчине Владимира. Они везли с собой святые мощи, кресты, иконы и священные церковные сосуды. Их сопровождало крестоносное воинство — пастыри Церкви, пришедшие из Греции и взятые из завоеванной Корсуни.

Все краткое время управления святого Михаила Русскою Церковию протекло в апостольских трудах: в проповеди Евангелия язычникам, в крещении их и утверждении в вере новопросвещенных. По словам церковного песнопения[1], святой Михаил «нищетою неверия одержимой земле Российской принес от Царствующего града Евангелие Христово и сие даровал ей».

Первым делом святителя на месте его архипастырского служения было крещение семейства князя — его сыновей; за ним последовало крещение дружинников князя, бояр.

Наша Церковь ублажает святителя Михаила, как крестителя стольного Киева, и воспевает: «Красуется град Киев до днесь ризою крящения одеян от тебе, святителю». С великим трудом, но и с великим успехом совершено было это важное дело. Святой митрополит, епископы и многочисленные пресвитеры наставляли темный народ вере Христовой, приготовляя его к восприятию святого крещения, разрушая его языческие суеверия, «се́чивом евангельского учения посекая идольское изваяние». В это время князь Владимир содействовал успехам их проповеди своей властью: он повелел слугам своим сокрушить идолов и надругаться над ними, а народу, от мала до велика — мужам и женам, знатным и простым, рабам и сво-

[1] В данном месте и в нижеследующих приводятся слова из службы святителю Михаилу.

бодным — идти в назначенный день на реку креститься. И собрались жители Киева на берег Днепра для крещения, которое совершил святой Михаил с многочисленным духовенством в присутствии князя, его семейства и бояр.

Крещением Киева положено было прочное начало к просвещению Руси светом евангельской истины: вера Христова, которую исповедовали князь и бояре, стала верой и русской столицы. Но теперь надлежало сделать ее верой всей земли Русской, от конца до конца, всей земли, которую обнимала власть Владимира и для церковного управления которой поставлен был святой Михаил. Самому святителю надлежало собрать стадо словесных овец, чтобы быть их пастырем и учителем. И потому ревностный архипастырь, при содействии равноапостольного князя, стремится насаждать по градам Русской земли веру Христову. Церковь чтит святого Михаила, как свидетеля истины и проповедника Евангелия Христова, истребившего «терние многобожия и всеявшего семя доброплодовитое в земле Российской». Главнейшими городами Руси после Киева в то время были: Новгород Великий — столица северных владений князя Владимира и Ростов Великий — главный город Залесской земли[1]. В эти два города святой Михаил совершил путешествия для обращения язычников в Христову веру. В 990 году, в сопровождении епископов, княжеского воеводы Добрыни и Анастаса Корсунянина[2], святитель посетил Новгород; здесь сокрушил идолов, многих крестил, построил несколько церквей и поставил к ним пресвитеров. На следующий год такое же путешествие с проповедью Евангелия святой Михаил предпринял в Ростов. Успех его проповеди на этот раз был значительнее: он крестил без числа людей, воздвиг много церквей, поставил к ним пресвитеров и диаконов, установил чин церковного богослужения и управления.

В 992 году святой митрополит Михаил скончался. Святой Владимир неутешно скорбел и плакал, так как в почившем святителе ли-

---

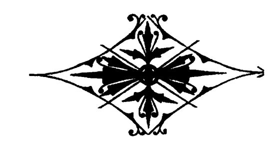
[1] *Новгород* стоит на реке Волхове при выходе его из озера Ильмень; ныне губернский город. *Ростов* при озере Неро; в настоящее время уездный город Ярославской губернии.

[2] *Добрыня* — родной дядя Владимира по матери. *Анастас Корсунянин* — грек, предавший Корсунь Владимиру. Впоследствии он был старейшим священником при Десятинной церкви.

шился не только доброго и ревностного пастыря, но и мудрого советника своего в делах государственного управления.

Еще вслед за крещением Киева святой Михаил благословил князя Владимира создать Десятинный храм в честь Пресвятой Богородицы. Святитель не дожил до окончания его постройки, но этот храм принял его останки, послужив местом его погребения[1].

Обретенные нетленными в XII веке, мощи святого Михаила тогда же перенесены были в Киево-Печерскую лавру, в Антониеву пещеру, а отсюда в 1730 году перенесены в Великую Успенскую церковь лавры, где нетленно почивают и до сих пор[2].



---

[1] Десятинная церковь получила свое название от десятины (10-й части имения), определенной на ее содержание князем Владимиром; построена мастерами, вызванными из Греции, в продолжение семи лет (с 989 по 996 год). До ее освящения мощи святого Михаила, вероятно, помещались временно где-нибудь в другом месте; впрочем, возможно, что были погребены и в недостроенном храме.

[2] Память святого Михаила первоначально праздновалась 15 июня, по преданию, в день его кончины. С 1730 года она перенесена на 30 сентября.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

Подписано в печать 21.04.10. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 42 п. л. Усл. печ. л. 54,18.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1657.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru